

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

90

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2025 Issue 90

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
Perm State National
Research University

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2025 Выпуск 90

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 90

М.: Аквилон, 2025. — 416 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 90

Moscow: Aquilo-Press, 2025. — 416 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2025
© Институт всеобщей истории, 2025
© Издательство «Аквилон», 2025
© Журнал «Диалог со временем», 2025

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

А.Б. СОКОЛОВ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ (1950-Е ГГ. – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

В статье рассмотрена динамика представлений о роли и характере влияния теории истории на историческое познание. Послевоенный период примерно до 1970 г. отмечен господством «аналитической философии истории», в которой отмечалось преобладание онтологических подходов в дискуссиях «объективистов» и «субъективистов», начавшихся задолго до Второй мировой войны. Период 1970-1980-х гг. характеризовался возникновением «нарративной философии истории», когда большинство теоретиков утратило веру в возможность создания «объективной» истории и концентрировалась на модусах репрезентации прошлого. Прослежено влияние постмодернизма на историческую эпистемологию. В философии истории после 1990 г. к ключевым проблемам предыдущих периодов, объяснению и репрезентации, под влиянием постмодернизма и мультикультурализма добавились новые вопросы. Во-первых, прежняя коллективность (нация, класс, раса, племя) уступила место «друговости» и антитезе «свой/чужой». Во-вторых, исследования в области памяти породили интерес к концепции травмы, историческим ранам. В-третьих, под влиянием социального конструктивизма и теории дискурса подчеркивалась роль дисциплинарных технологий как механизма включения и исключения, выделения «правильного» и «неприемлемого». В начале XXI века неотъемлемой частью философского осмысления истории стала историческая политика и исторические законы, «теория справедливости» и этические аспекты осмысления прошлого.

Ключевые слова: методология, философия истории, закономерности в истории, эпистемология, нарратив, постмодернизм, дискурс, память-травма.

Для практикующих историков вопрос о значении теории является предметом для споров. Большинство историков имеет сложные чувства по отношению к теории истории и представляют себя, главным образом, эмпириками. Недоверие к теории появилось во времена зарождения профессиональной историографии в XIX в. и коренится во взглядах ее «патриарха» Леопольда фон Ранке, который разделял методы истории и методы философии, представляя теорию как «напрошенного гостя, который всегда задает неверные вопросы в неверное время и в неверном месте, и, что еще хуже, слишком часто дает неверные ответы»¹. В какой-то мере на готовность принимать или отторгать теорию влияют национальные традиции. Британский историк Питер Бёрк утверждал: если немец или француз на вопрос о методологии своих исследований начнут охотно объяснять ее, то англичанин, скорее всего, изумленно поднимет брови². Если существует представление о том, что английские историки – эмпирики, то в этом есть рациональное зерно. Да-

¹ The Oxford History of Historical Writing 2011: 16.

² History and Historians 2002: 249.

же для тех из них, кто оставил значимые теоретические труды, обращение к методологии имело вторичное значение по сравнению с собственными исследованиями (Э. Карр, Дж. Плам, Дж. Элтон). Робин Коллингвуд был «уникальной комбинацией практикующего историка (и археолога), специализировавшегося по Римской Британии, и философа-идеалиста, особенно интересовавшегося Б. Кроче и Дж. Вико»³.

В то же время лишь немногие философы, такие как И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Фуко, Ю. Хабермас, ставили вопрос о самой природе истории. Например, Рейнхард Козеллек вспоминал, что разрабатывал категорию «время» под влиянием Хайдеггера, которого назвал «одним из самых глубоких философов XX века»⁴. Однако гораздо чаще под методологией понимают применимость к истории теорий, выработанных в социальных науках. В работе, написанной в начале 1990-х гг. и переизданной в 2008 г., Бёрк, вслед за Броделем, назвал общение историков и социологов «диалогом глухих», воспринимающих друг друга «на основе грубых стереотипов. И сегодня историки смотрят на социологов как на людей, которые говорят об очевидном на варварском и абстрактном жаргоне, у которых нет чувства места и времени, которые безжалостно сжимают индивидов в жесткие группы, называя это, ко всему прочему, «наукой». В свою очередь, социологи видят в историках любителей, близоруких собирателей фактов, не имеющих ни системы, ни теории. Неточности «фактических данных» сравнимы только неумением анализировать их»⁵.

С учетом многозначности понятия «история» разделяют два типа теорий: 1) онтологические, в которых история является объектом (теория Маркса, что история – это процесс классовой борьбы; Гердера об истории как процессе формирования наций; Тойнби о возникновении, развитии и гибели цивилизаций); 2) эпистемологические, направленные на способы исторического познания (например, теория Р. Коллингвуда).

В отличие от Коллингвуда концепция Тойнби «сначала, в 1930-х гг., была воспринята с уважением и даже энтузиазмом, но затем подвергалась возраставшей критике... В проекте Тойнби было что-то героическое, но имелись многие недостатки. Подобно позднеримской религии, его концепция была эклектичной и синкретической, а концептуальный аппарат был заимствован у таких разных мыслителей, как Шпенглер, Бергсон, Бердяев, Юнг»⁶. Х. Тревор-Ропер иронично назвал труд Тойнби попыткой создания «нового Ветхого и Нового Завета».

В истории историографии обнаруживаются периоды большой неопределенности, характеризующиеся острыми методологическими спо-

³ History and Historians 2002: 235.

⁴ Козеллек 2005: 333.

⁵ Burke P. History and Social Theory 2008: 2-3.

⁶ History and Historians 2002: 240-241.

рами. Таковым был рубеж XIX–XX вв., отмеченный, в противовес позитивизму, усилением методологии субъективизма, в частности, в трудах Г. Риккорта, В. Дильтея или Б. Кроче. Были периоды относительной теоретической определенности, концентрации на доминирующей методологии. Примером может служить советская историография, ведь даже в перестроечный период обсуждение теоретических вопросов редко выходило за рамки марксизма. Любопытно, что по меньшей мере, до второй половины 2000-х в отечественной литературе доминировало не противопоставление марксизма и цивилизационного подхода, а стремление обосновать тезис об их совместимости. Как бы то ни было, в дебатах по поводу теории центральное место всегда занимал, прямо или косвенно, вопрос об объективности исторического знания. Мне кажется, что известная косность в восприятии методологии (я не имею в виду тех, кто специально занимается теорией истории) объясняется тем, что транслируется в плоскость «академического признания и репутации».

Теоретизирование по поводу «природы истории» реализует три взаимосвязанные практические функции. Во-первых, оно служит легитимации исторической практики, то есть способа «делать историю», к которому прибегает историк, как лучшего для решения эпистемологических задач. Во-вторых, использование теоретических понятий призвано убедить, что данный вариант исследования является «более научным». Третья функция – разделение. Теоретическое обоснование обычно отделяет данный способ делать историю от других способов, то есть устанавливает границу между теми, кто включен в сообщество («настоящие историки») и исключен из него. Хорошо известный пример: Фернан Бродель не считал изучение событийной истории частью научной историографии, принимая за критерий таковой сцепку с социальными науками и следование структурному подходу.

Методологические дискуссии, проходившие в течение десятилетий после Второй мировой войны, позволяют с точностью сделать только одно заключение: нет согласия между историками ни по поводу предмета и метода их исследований, ни в определении того, какова специфика истории как науки по отношению к другим социальным дисциплинам. Так, английский историк Джеффри Элтон, признавая, что история и социальные науки имеют один объект, а именно «то, что люди говорили, думали, делали или страдали», акцентировал различия: «История обращается к событиям, изменениям, имея дело с конкретным». Напротив, Бродель, хотя и писал: «Всякая социальная наука – империалист, даже если отрицает это, поскольку старается внедрить собственные идеи в глобальное видение человечества», тем не менее, видел перспективу в прекращении «пограничных споров» и попыток вторгнуться в соседнее пространство, в реинтеграции всех социальных наук при помощи ключевых концепций «структура» и «модель». Поль Вэн служит иллю-

страцией тезиса Броделя об «академическом империализме». Он утверждал, что предметом истории является все, что случилось в прошлом. Единственное, чем историк ограничен – не искать закономерностей, это дело обществоведов. Если эти последние обращаются к конкретному, то вторгаются на территорию истории. В этом случае территорией истории провозглашалось почти все пространство социальных наук⁷.

В новейшей зарубежной литературе предложена трехчленная периодизация развития теории истории после Второй мировой войны, включая первое десятилетие нынешнего века. Выделяется период между примерно 1945 и 1970 гг.; второй период определен как время, опять же приблизительно, между 1970 и 1990 г.; третий – последнее десятилетие XX и начало XXI в. Рассмотрим основные черты каждого из этих периодов. Послевоенные десятилетия определяются как время господства аналитической философии, фокусирувавшейся на проблеме достоверности исторического знания и метода научного объяснения. В американской философии истории в центр был поставлен вопрос о критериях истины. Можно ли обосновать правомерность объяснений историка иначе, чем ссылкой на общие законы или другие такого рода аргументы? Если да, то какова логика этих доказательств? Если не признается «единый научный метод», в каком смысле можно говорить об «объективности» истории? В конце 1950-х гг. остро обсуждалась дилемма «объяснение vs понимание». Внимание американских историков в методологических дискуссиях фокусировалось тогда не на общих законах, а на соотношении истории и социальных наук.

В Европе контекст методологических дискуссий отличался от Северной Америки. Здесь сохраняла влияние неокантианская традиция, выразившаяся в почитании Макса Вебера, уже упоминавшегося Риккерта или Вильгельма Дильтея. В этом смысле сохранялось противопоставление «индивидуализированных» и «обобщающих» методов. История рассматривалась как дисциплина, обращенная к индивидуальному, единжды произошедшему. Продолжателем этой линии был Реймон Арон, подчеркивавший различие между естественными науками и историей: физика имеет в виду закон, историческая наука – единичное; «физик интересуется не этим конкретным камнем, который, падая, убил этого конкретного прохожего, а тем, как падают тела, описания носят не пространственно-временной (на этом месте, в этот час), а абстрактный и, так сказать, теоретический характер... Но нельзя себе представить подобную редукцию в области исторической науки. Как же тогда производится отбор, без которого исследование продолжалось бы до бесконечности, не исчерпывая и малейшего фрагмента действительности, и малейшего момента времени? Кантианская критика ответила на вопрос, используя термин «ценность». Историческое познание занимается те-

⁷ The Oxford History of Historical Writing 2011: 19.

ми событиями, которые относятся к ценностям, подтвержденным действующими лицами или свидетелями истории»⁸. Так этот французский философ разрешал проблему онтологии исторического познания.

Вспомним известное высказывание Карла Поппера из работы «Нищета историцизма»: «Под историцизмом я имею в виду такой подход к социальным наукам, согласно которому принципиальной целью этих наук является историческое предсказание, а возможно оно благодаря открытию «ритмов», «моделей», «законов» или «тенденций», лежащих в основе развития истории». Автор резюмировал этот пассаж словами: «Невозможна никакая научная теория исторического развития, которая послужила бы основой для исторического предсказания. Историцизм терпит крах»⁹. Арон, в основном, поддерживал учение Поппера, но с замечаниями: «Нет целостной истории, мы всегда имеем дело с тем или иным аспектом реальности, существуют только локальные истории в той мере, в какой поставленные нами вопросы перед прошлым показывают, что мы интересуемся некоторыми аспектами истории и игнорируем другие»¹⁰. В историческом познании историк стремится не к исследованию законов, а *первоначальных условий*. Заслуга Поппера в разработке понятия «логика ситуации», подразумевающего «поведение, логически требуемое ситуацией, как ее представлял себе сам участник события». Когда речь идет об изучении происхождения Первой мировой войны, нет необходимости вспоминать общее положение о том, что человек является агрессивным животным, и между независимыми и вооруженными государствами никогда не было постоянного мира, зато историк интересуется особыми обстоятельствами, в которых война разразилась в 1914 г. Однако, по Арону, Поппер ошибался, по меньшей мере, в двух рассуждениях: 1) «Он забывает или пренебрегает чрезвычайно простой мыслью: достаточно установить закон общественного механизма, чтобы осознание этого механизма породило стремление к его изменению». 2) «Общественные науки неизбежно изменяются не только в силу накоплений знаний о мире, законы которого незыблемы, но и новых открытий того мира, который изменяется (законы капиталистического строя не могли быть открыты до возникновения капитализма)»¹¹. Заметно, что Поппер более последовательно, чем Арон, придерживался принципов «скептицизма».

Чертой «методологической неопределенности» 1960-70-х гг. было появление значительного числа новых теоретических дефиниций. Вспомним хотя бы «горизонт ожидания» или «время седловины» Рейхарда Козеллека, «время мира» у Броделя. Последний использовал этот

⁸ Арон 2004: 11.

⁹ Поппер 1992: 50.

¹⁰ Арон 2004: 352.

¹¹ Арон 2004: 351-352.

заимствованный им термин для заголовка третьего тома «Материальной цивилизации», назвав это понятие «красивым и обещающим». Он утверждал: «История может одновременно представлять и как объяснение, притом одно из самых убедительных, и как подтверждение, поистине единственное, лежащее вне пределов наших абстрактных умозаключений, нашей априористской логики, и даже за пределами тех сетей, которые постоянно расставляет нам здравый смысл»¹². Кажется, Козеллек слегка иронизировал над концепцией Броделя: «Я помню, как сказал госпоже Бродель, что школа «Анналов», французская историография доводит историю «длительного времени» до Французской революции, а значит, исключается поражение в войне с Германией, а революция рассматривается, так сказать, как конец долгой и славной французской истории. Это своего рода эскапизм. Это уводит от проблем современности. Госпожа Бродель сказала: «Да, да, но только не говорите этого ему. Я этого никогда не забуду»¹³. Как видим, подход Броделя в корне разнился с позицией Поппера.

Второй период характеризуется преобладанием нарративной философии истории вследствие так называемого лингвистического поворота. В Европе данную тенденцию в теории истории (от онтологии к эпистемологии) выражал Поль Рикёр. Его важная заслуга состоит в изучении онтологии понимания. Он признался, что выбрал «окольный и более трудный путь», чтобы «не увязнуть ни в лингвистической философии, ни в рефлексивной философии неокантианского толка»¹⁴. Рикёр внес существенный вклад в изучение толкования текстов, показав, как герменевтика изменилась под влиянием структурного и лингвистического поворотов, а также фрейдизма. Его труды А. Мегилл назвал «своего рода введением в герменевтическую историческую эпистемологию»¹⁵. Другой «переходной фигурой» считают американца Артура Данто, который доказывал, что «нарративное объяснение» – вполне легитимный способ постижения истории без апелляции к законам, рассматривая нарратив как последовательность отдельных аргументов, что по-прежнему привязывало его к позитивизму. Важная фигура в эпистемологии истории – американский философ Луис Минк, предложивший теорию «конфигуративного понимания» что подразумевает способность историка «одним усилием охватить хронологический поток, сюжет, действие исторических агентов и пр. Действие и событие понимаются как единое целое, связанное сеткой описания»¹⁶.

Ключевой фигурой в разрыве с позитивизмом стал Хейден Уайт, выпустивший в 1973 г. знаменитую «Метаисторию». Его концепция,

¹² Бродель 2007: XVI.

¹³ Козеллек 2005: 333.

¹⁴ Рикер 2005 б: 8-9.

¹⁵ Мегилл 2007: 46.

¹⁶ Мегилл 2007: 41.

без преувеличения, представляла собой новую теорию истории. Достаточно напомнить, что Уайт утверждал: историк, как и романист, свободен в конструировании нарратива, располагая факты в зависимости от избранного варианта построения сюжета, предпочтительного типа аргументирования, идеологической позиции и доминирующих тропов. Он отмечал: «В прошлом художественные техники историописания использовали Ж. Мишле, Я. Буркхардт или Й. Хейзинга. Но в наше время применение художественных, риторических или поэтических техник рассматривается как нарушение предназначения истории быть или стать «научной».¹⁷ Таким образом, «объективная» реконструкция смешалась к модусам репрезентации прошлого. В принципе, Франклин Анкерсмит разделял методологическую позицию Уайта: «История больше не реконструкция того, что произошло с нами в разные моменты жизни, но непрерывная игра с памятью об этом. Само воспоминание имеет приоритет над тем, что запомнилось. Нечто подобное верно и для историописания. Дикое, жадное и безудержное копание в прошлом, вдохновленное желанием обнаружить реальность прошлого и восстановить ее с позиций науки, не является более задачей историка. Пришло время скорее *подумать* о прошлом, чем *исследовать* его».¹⁸ Сам Анкерсмит видел перспективу в культурной истории: «В истории менталитетов мы наблюдаем исчезновение различных барьеров, которые держат прошлое и настоящее в отдельных частях истории. Так и должно быть ввиду превосходства, отданного применению над предсказанием и значением. Это можно объяснить следующим образом. В прошлых столетиях историки создали ряд более или менее сложных интеллектуальных конструкций, в форме таких понятий, как народ, государство, нация, социальный класс, социальная структура, интеллектуальное движение; их число можно прибавлять, чтобы укрепить существующее расстояние между прошлым и настоящим. С точки зрения этих и других понятий прошлое постоянно анализировалось в его качестве быть отличным от настоящего... Тем не менее история ментальностей и гендерная история вызвали появление особой формы истории, безразличной и, возможно, даже враждебной к понятиям этого типа... В истории ментальностей, и особенно в гендерной истории граница между настоящим и прошлым затемнена»¹⁹.

Постмодернистский подход к пониманию истории вызывает у многих категорическое отторжение. Критики постмодернизма считают, что он подрывает основы истории как научной дисциплины, лишает ее предмета исследования и ведет к утрате ею социальных и политических функций в обществе. Как заметил английский историк М. Бентли, во-

¹⁷ Уайт 2005: 342.

¹⁸ Анкерсмит 2003: 341.

¹⁹ Анкерсмит 2003: 307-308.

прос «не постмодернист ли ты», приобрел такую же силу, как вопрос «не протестант ли ты» во времена Реформации. «И этот первый вопрос, обращенный к историкам, – пишет он, плох, так как на него нельзя дать точный и недвусмысленный ответ».²⁰ Как бы то ни было, по выражению одного историка, «после двух мишелей (Фуко и де Серто – А.С.) история никогда не будет прежней».

Видный немецкий историк Й. Рюзен выделял четыре проявления исторических дискурсов, связанных с постмодернизмом.²¹ Первое состоит в отказе от исчерпывающих структурных подходов в свете концепций модернизации и движении в сторону микроистории. Эта тенденция предполагает отказ от теоретических обобщений и таких исторических концепций, которые основываются на долговременности и пространственной масштабности, а также от исторических интерпретаций, подобных марксистской теории классов и классовой борьбы или различных вариантов западной теории модернизации. Структурно-концептуальные конструкции заменяются описанием. Поэтому исторические исследования концентрируются на субъективности исторического опыта, на том, как люди понимали себя и реальности своего мира. Вторая черта постмодернизма усматривалась им в переходе от строгих аналитических к гибким герменевтическим методам. Если традиционная герменевтика объясняет действия людей в прошлом их осознанными намерениями, то сегодня герменевтика провозглашает, что регулирование поведения людей происходит на более глубоком (дискурсивном) уровне, а не в рациональном обсуждении, основанном на знании. Третья черта состоит в отходе от доказательного, «научного» стиля в историографии к более живой, яркой и убедительной форме презентации. В противовес научной историографии сторонники «другой истории» провозгласили, что историография должна быть усилена элементами рассказа, яркой презентацией материала, направлена не только к разуму, но и к чувствам читателя. Четвертая черта, по Рюзену – в отказе от понимания деятельности историка как научной процедуры и в восприятии ее как лингвистического конструирования, даже как поэзии. «Написание» замещает «исследование» и его основополагающие методы.

Третий период, охвативший 1990-е гг. и начало XXI в., долго не находил названия, только на рубеже столетий более-менее установилось понятие «презентизм», отражавшее черты главных тенденций этого времени. В его основе новое понимание связей между прошлым и настоящим. Со времени Ранке считалось: необходимым условием для написания «объективной» истории является дистанция во времени. Поэтому новейшая (современная) история довольно поздно, в 1960-х гг., приобрела на Западе академическое признание. Толчком к этому была

²⁰ Bentley 1999: X-XI.

²¹ Rösen 1993: 209-213.

острая потребность осмыслить Вторую мировую войну и Холокост. «Презентистский поворот» указывает на непосредственную связь между прошлым и настоящим. Как писала Э. Кларк, «дебаты о «презентизме» сфокусированы на восприятии дистанции между историком и объектом, который он изучает. Традиционные историки видят в этом трудность, которую надо преодолеть. Постструктуралистские историки, наоборот, считают, что расположение историка в настоящем надо не только зафиксировать, но и приветствовать. Отсюда и вытекает история»²².

Выделяют три ключевых вопроса теории истории 1990-х годов: 1) «друговость»; 2) травма; 3) язык как способ действия.

1. Под влиянием мультикультурализма, беспрецедентно обострившего проблему идентичности, и постмодернизма новый смысл приобрело понятие «Самость». Исключительное распространение получила в историографии антитеза «Свой/Чужой». Для большинства историков в XIX, да и XX веке естественной была идентификация со «своим» государством и нацией (народом, расой, племенем и т.д.), потому что они связывали исторический процесс как таковой с возникновением и развитием наций и государств. Когда речь шла о всеобщей истории, то она представлялась, в целом, как сумма национальных историй, следовательно, как некий взгляд в будущее. В конце XX века внимание оказалось привлеченным к отдельным группам, часто маргинальным, меньшинствам, тем, кто пережил травму. Среди историографических источников этого явления можно назвать «историю снизу» и «новую социальную историю» 1960-80-х гг.

2. Под влиянием *memory studies* фокус был перенесен на травматический опыт прошлого. По следам Холокоста изучение исторической памяти в основном связано с травмой и жертвами. Это тема представляет особый вызов теории истории, поскольку, как никакая другая, ставит вопрос о разделении прошлого и настоящего. Прошлое как бы отказывается становиться историей и остается в настоящем. Следовательно, разрывается привычное представление о линейности, в котором всё, в конце концов, становится прошлым. Исследования Холокоста стимулировали историко-философское осмысление времени. Так, в некоторых работах отмечалось, что концепция *необратимости* времени является в каком-то смысле аморальной, потому что игнорирует опыт страданий в прошлом. Различие между прошлым и настоящим трактуется не как данность, а как «перформативное различие». Л.П. Репина отмечала: «Концептуальная схема «память-идентичность-травма» – востребованный инструмент социально-гуманитарного анализа, который фиксирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти о прошлом в его «минуты роковые». Именно в таком ракурсе используется концепт травмы для

²² Clark 2004: 19.

анализа нарративов национальной историографии»²³. Концепт «травма» широко используется в постколониальных исследованиях.

3. Третья тенденция вытекает из концепции дискурсивного анализа, разработанного М. Фуко. «Перформативный поворот» основан на утверждении, что язык не просто средство коммуникации, а форма социального действия. У Фуко критическая история современного общества как господства дисциплинарных технологий базируется на «привилегии языка», устанавливающего границы между «нормальностью» и «ненормальностью». Эдвард Саид в знаменитой работе «Ориентализм» фактически следовал в русле Фуко, утверждая, что правила говорения о Востоке, его загадочности, сексуальности, иррациональности одновременно продукт и программа западного империализма. Саид прямо отмечал это влияние: «Без исследования ориентализма в качестве дискурса невозможно понять исключительно систематическую дисциплину, при помощи которой европейская культура могла управлять Востоком – даже производить его – политически, социологически, идеологически, военным и научным образом и даже имажинативно в период после эпохи Просвещения»²⁴.

Кембриджская школа истории политической мысли (Кв. Скиннер и Д. Покок) обосновала тезис, что для понимания высказывания необходимо поместить его в соответствующий языковой и идейный контекст, ухватить его явный и скрытый смысл. Явный смысл выражается словами автора, скрытый смысл проистекает из контекста, из условий, в которых текст создавался. Весьма любопытно наблюдение П. Бёрка об огромном влиянии на интеллектуальную историю Р. Коллингвуда: «Он был и остается героем для таких доминирующих фигур, как Покок и Скиннер. В истории политической мысли они часто рассматривали тексты (например, Э. Бёрка или Т. Гоббса) в стиле Коллингвуда как ситуативные ответы. Они озаботились тем, что назвали «языком» или «конвенциями» политической мысли»²⁵.

На фоне усилившейся в нулевых годах критики постмодернизма в теории истории вновь проявился интерес к онтологическим проблемам, сформулированным еще в 50-60-х гг. В русле эпистемологии общепризнан последовательно возрастающий интерес к разнообразным визуальным источникам, т.н. «визуальный поворот». Речь не только о приемах работы с ними, но о складывании особой области исторической эпистемологии. Предметом теоретической рефлексии стало использование дигитальной информации и ресурсов Интернета.

В «Оксфордской истории историописания», в эпилоге, написанном А. Мегиллом, содержался предположительный прогноз на десять лет.

²³ Прошлое 2020: 6.

²⁴ Саид 2006: 10.

²⁵ History and Historians 2002: 237

Во-первых, он полагал, что развитие историографии будет проходить в пространстве между приверженностью к традиционным стандартам доказательности, позволяющим называть историю наукой, и линией на понимание прошлых реальностей в понятиях прошлого времени, через пути мышления, преобладавшие в контексте обсуждаемой эпохи. Во-вторых, «параллельные тенденции» в современной историографии проявляются через «официальную историю», преимущественно представляющую собой историю национального строительства, и через растущий интерес к таким видам истории, как компаративная, транснациональная, региональная или глобальная. Мегилл писал: «Национальные государства остаются в фокусе исторической науки. Это не удивительно, если помнить, что она сама началась с их апологетики»²⁶. В-третьих, спрогнозирована тенденция к усилению «морального измерения» в истории. Мегилл, в частности, ссылаясь на возросшую популярность у историков книги политолога Джона Роулса (Rawls) «Теория справедливости» (1971). Осмыслить этот труд в контексте аристотелевского понятия «добродетель» пытался еще П. Рикёр. В его толковании концепция Роулса небесспорна: как можно не считаться с существующим различием между рыночными и нерыночными благами? «Само понятие социальных благ порождает этот вопрос. Благодаря чему эти блага являются благами? И чем вызвано их различие? Это вопрос, распространяющийся на всю сферу социальных взаимодействий, придает проблеме политической власти особую значимость, в какой Государство предстает в роли регулирующей силы... Эта проблема приобретает особую актуальность в обществах либеральной демократии, где трудно провести четкое разграничение между рыночными и нерыночными благами»²⁷. В-четвертых, происходит изменение характера воспроизводства истории в публичном пространстве. В XX веке государства поддерживали монументальные формы публичной истории, с недавнего времени проявления исторической памяти стали более многообразными, и в каком-то смысле анархичными, позволяющими судить, как люди воспринимали свой опыт проживания. Наконец, в-пятых, в исторической политике наблюдалось усиление цензуры и рост числа ограничительных законов. Это общая тенденция, хотя проявляется по-разному в разных странах. В результате усиливается и внутренняя цензура. Можно, пожалуй, признать, что эти наблюдения в главных чертах подтверждаются.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-традиция, 2003. 496 с. [Ankersmit F. Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafori. M.: Progress-tradiziya, 2003. 296 s.]
- Арон Р. Избранное: Измерения исторического сознания. М.: РОССПЭН, 2004. 528 с. [Aron R. Izbrannoe: Izmereniya istoricheskogo soznaniya. M.: ROSPEN, 2004. 528 s.]

²⁶ Oxford History 2011: 686.

²⁷ Рикёр 2005 а: 52.

- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Том 3: Время мира. М.: Весь мир, 2007. XX+732 с. [Brodell F. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika, kapitalizm. T.3: Vremya mira*. М.: Ves mir, 2007. XX+732 s.]
- Интервью с Рейнхардом Козеллеком // Диалог со временем. 2005. № 15. С. 326-340. [Interview with Reinhard Kozellek // *Dialog so vremenem*. 2005. N 15. 326-340 s.]
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+», 2007. 480 с. [Megill A. *Istoricheskiy aspekt epistemologii*. М.: "Kanon+", 2007. 480 s.]
- Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С.49-80. [Popper K. *Nisheta istoritsizma* // *Voprosi filosofii*. 1992. N 8. 49-80 s.]
- Прошлое для настоящего. История-память и нарративы национальной идентичности / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с. [Proshloe dlya nastoyashego. Istoriya-pamyat i narrative nazionalnoy identichnosti / Pod red. L.P. Repinoy. М.: Akvilon, 2020. 464 s.]
- Рикёр П. а) Герменевтика. Этика. Политика. М.: АО «КАМ», 1995. 160 с. [Rikyor P. *Germenevтика. Etika. Politika*. М.: АО "KAM", 1995. 160 s.]
- Рикёр П. б) Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: «Медиум», 1995. 416 с. [Rikyor P. *Konflikt interpretatsiy*. М.: "Medium", 1995. 416 s.]
- Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: «Русский мир», 2006. 638 с. [Said E. *Orientalizm. Zapadniye konceptzii Vostoka*. SPb.: "Russkiy Mir", 2006. 638 s.]
- [Уайт Х.] Интервью с Хейденом Уайтом // Диалог со временем. 2005. № 14. С. 335-346. [Uayt H. *Intervyu s Heydenom Uaytom* // *Dialog so vremenem*. 2005 N 14. 335-346 s.]
- Bentley M. *Modern Historiography. An Introduction*. L.: Routledge, 1999. XII+182 p.
- Burke P. *History and Social Theory*. Cambridge: Polity Press, 2008 (1st ed. 1991). XII+224 p.
- Clark E.A. *History, Theory, Text. Historians and the Linguistic Turn*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2004. X+325 p.
- History and Historians in the Twentieth Century* / Ed. by P. Burke. Oxford: University Press, 2002. X+253 p.
- The Oxford History of Historical Writing. Vol. 5: Historical Writing since 1945* / Ed. by A. Schneider and D. Woolf. Oxford: University Press, 2011. 744 p.
- Rusen J. *Studies in Metahistory*. Pretoria: Human Sciences Research Council, 1993. IX+240 p.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; sokolov_1457@mail.ru

Methodological Vector of the Study of History (1950s – Beginning of the XXI Century)

In this article the dynamics of the views on role and character of influence of the theory of history on the study of history is regarded. The postwar period, appr. to 1970 is characterized by dominance of "analytical philosophy" in which ontological approaches prevailed in debates between "objectivists" and "relativists" that started long before WW2. The period of 1970-80's is marked by emergence of "narrative philosophy of history", when the majority of thinkers lost a belief in "objective history" and concentrated on modes of representation of the past. The influence of postmodernism on study of history is traced. In 1990s postmodernism and multiculturalism added new questions to the old key problems of explanation and representation. First, the former collectivity (nation, class, race, tribe) gave up the place to the conception of Otherness and antithesis "Own/Alien". Second, studies of historical memory developed interest in conception of trauma, historical wounds. Third, under the influence of social constructivism and theory of discourse the role of disciplinary technologies was stressed as an instrument of inclusion and exclusion, or distinguishing "right" from "wrong". At the beginning of the XXI century historical policy and historical laws, the "theory of justice" and ethical aspects became integral part of philosophical comprehension of history.

Keywords: *methodology, philosophy of history, laws in history, epistemology, narrative, postmodernism, discourse, "Otherness", memory-trauma.*

Andrei B. Sokolov, PhD (History), Professor, Head of the Chair of Methods of Teaching History and Civil Study Disciplines; sokolov_1457@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРОПЫ И ПОВТОРЯЕМОСТЬ В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ

Грамматические структуры и тропичность языка истории исследуются в социально-эпистемологическом ракурсе выявления социальных условий исторического знания. Развитие исторического знания, имевшего в эпоху Средневековья особые отношения с грамматикой, как одной из дисциплин тривиума, рассматривается в связи с возникновением грамматик национальных языков, литературностью национальных историй, а также в контексте роли грамматики в компенсации характерного для современных трансформаций кризиса универсализма. Грамматической строй языка, отражающий особенности той или иной культуры, представляет собой значимый фактор историописания, который затрагивает не только план выражения, но и план содержания. Грамматические тропы проявляются в использовании одних грамматических форм и признаков в функции других. Они способствуют смысловому переносу, позволяющему разрешать противоречия между уникальностью исторических феноменов и универсальностью концептуального аппарата их описания в грамматических аспектах различения и повторяемости. Связанные с грамматическими тропами смысловые переносы анализируются в связи с парадигмальными основаниями исторического знания, которые задают субъектность истории, историческую темпоральность, включая длительность и направленность исторических процессов, а также пространственные структуры, определяющие открытость или закрытость исторических сюжетов в отношении к иным эпохам, культурам или представлениям.

Ключевые слова: *социальные условия исторического знания, социальная эпистемология истории, темпоральность, грамматические тропы, язык истории.*

Обращение к исследованию грамматических структур и тропичности языка истории исходит из многообразных предпосылок. Среди них следует выделить те, которые основаны на анализе исторических описаний, их нарративности и литературности. Становление исторического мышления в культуре модерна основано на сближении истории и литературы: типичные исторические и литературные герои захвачены противостоянием отживших и новых форм жизни¹. Ловушки исторического мышления, которое придает форму завершенных нарративов принципиально открытому и данному в своих фрагментах прошлому, А. Данто объяснял необходимостью рассказывания историй с их внутренней драматургией². Тропичность истории в этом контексте связывается с ее нарративностью, как у Хейдена Уайта, рассматривавшего тропы в контексте следования логике трагического, комического, сатирического или панегирического³, что требует использования метафоры, метонимии, синекдохи и содержит опасность отдаления нарратива от факта⁴.

Несколько иначе тропичность истории определяется в рамках подходов, связанных с герменевтикой и утверждением интерпретатив-

---

¹ Лукач 2014.

² Danto 1965.

³ Уайт 2023.

⁴ Zillmann 1988: 51-64; Bandura 1986; Berkowitz 1989: 59-73.

ного характера исторического знания. Рассматривая роль грамматической интерпретации в герменевтике, В. Дильтей полагал, что тропы у Ф. Шлейермахера выводятся из противоположности между внутренней связностью артикуляции и внешней рядоположенностью. Но более фундаментальное понимание тропа В. Дильтей видел у Дж. Вико, который объяснял тропичность не остроумием писателей, а необходимостью давать имена неизвестным ранее вещам, наделяя их смыслом и страстью⁵. Историк, как писал Р. Коллингвуд, проникает в прошлое, прежде всего, через ментальности исторических деятелей, которые «переигрываются» в сознании исследователя⁶. Поэтому прошлое, которое не дано нам непосредственно, предполагает вариативность интерпретаций, как на это указывал М. де Серто⁷. Более того, по словам Р. Арона, «не существует такой исторической реальности, которая была бы создана до науки и которую следовало бы просто воспроизвести»⁸. Развитие герменевтических подходов сопровождалось решением новых задач поиска смысла и интерпретации прошлого, но, как замечает Ф. Анкерсмит, вело к тому, что вопросы значения в большей мере касались отношений между словами, чем отношений между словами и вещами⁹. Тропичность исторического знания, как полагал Анкерсмит, вызвана тем, что объекты прошлого «не имеют в самом прошлом независимого от нарратива статуса: они происходят из нарратива и удостоверяются исключительно нарративом»¹⁰. Однако тропичность, по его мнению, отражает не столько литературность истории, сколько её научность, которая имеет дело с метафорическим характером понятийного аппарата и когнитивного освоения исторического мира¹¹.

Тропичность истории, понимаемая в плане сближения ее с литературой, нивелирует эпистемологическую проблематику с позиций номиналистского историзма и характерного для него релятивизма, но потенциал исследования тропичности истории этим не ограничивается, тем более что историческое исследование не сводится ни к описанию, ни к интерпретации прошлого. Ф. Анкерсмит настаивает на необходимости рассмотрения истории не как нарратива и не как интерпретации, а как репрезентации, имея в виду, что проблема достоверности должна определяться взаимодействием между репрезентацией и репрезентируемым. Феномен репрезентативности хорошо проработан в философской и научной мысли, что позволяет несколько шире взглянуть на проблему тропичности в социально-эпистемологическом ракурсе репрезентации прошлого в грамматических аспектах различения и повторяемости.

---

⁵ Дильтей 2001: 210-211.

⁶ Коллингвуд 1980: 236.

⁷ Serreau 2002: 190-191.

⁸ Арон 2000: 316.

⁹ Анкерсмит 2009: 171-172.

¹⁰ Анкерсмит 2003: 121.

¹¹ Анкерсмит 2009: 30-33.

Ссылаясь на Р. Якобсона, Ю.М. Лотман писал, что, с одной стороны, в грамматике, подобно внеязыковой реальности, причины и условия предшествуют следствиям и результатам. С другой стороны, грамматическая структура текста предопределяет распределение ролей во внетекстовой сфере: «В первом случае реальность навязывает свою структуру языку, во втором – язык подчиняет реальность своей организации»¹². Это отражает не только проблему соотношения знания и языка, но и роль языка в социальной репрезентации реальности, в которой история, очевидно, играет ряд существенных функций¹³.

Тропичность языка истории наиболее очевидно и многообразно проявляется в лексике и отражает семантику употребляемых лексических тропов. Но она проявляется также и в грамматике, охватывая структурные элементы языка и использование грамматических форм и признаков. Вопрос отражения особенностей той или иной культуры в грамматическом строе языка достаточно хорошо исследован в лингвистике. Однако социально-эпистемологическая проблематика грамматических аспектов тропичности языка истории требует дальнейшего рассмотрения, поскольку она затрагивает фундаментальный уровень исторического знания, включая конструирование исторической субъектности, временных и пространственных отношений. Развитие этой проблематики позволяет конкретизировать социальные условия производства и функционирования исторического знания, абстрагируясь от исторических событий, сюжетов, героев и сконцентрировавшись на тех принципах, которые придают их восприятию более или менее устойчивый характер, связанный с социальными условиями, в которых конструируется конкретный исторический мир.

Грамматика и история: от тривиума к историчности модерна

Событие становится историческим, если оно наделяется значением не только актуальным, но способным соотноситься со смыслом, который вытекал бы из предшествующих текстов или порождал бы новые. Текст в репрезентации истории играет функцию посредничества между предшествующими и последующими ему событиями, поскольку он представляет собой самодостаточное знаковое образование и, как пишет И. Смирнов, содержит в себе (квази)логическую структуру, создающую наполненную смыслом темпоральность, обеспечивая медиацию между тем что было и тем, что наступает¹⁴. История возникает как текст, будь то сочинения античных авторов, средневековые хроники или исторические нарративы нового и новейшего времени, когда история особенно близко сближается с литературой, наряду с которой становится одной из важнейших форм национального воображения.

---

¹² Лотман 2000: 340.

¹³ Савельева, Полетаев 2008: 19-33.

¹⁴ Смирнов 2001.

Начиная с античности, история долгое время понималась как часть грамматики, разъясняющая тексты древних авторов. Античность оставила в наследство веру в способность мышления на основании знания грамматики, диалектики и риторики создавать культуру, логически мыслить и убеждать других. В составе грамматики история входила в семь свободных искусств, задававших структуру образования в древнем Риме и средневековой Европе. Интеграция истории с семью свободными искусствами позволяла ей заимствовать у грамматики идею выбора событий, достойных памяти, у риторики – требование истинности сообщаемого, у диалектики – правила формальной организации мысли и аргументации¹⁵. Связанная с грамматикой диалектика должна была учить говорить доказательно, основываясь на одном из трех видов обоснования – от разума, авторитета и опыта. Исторические истины доказывались ссылками на авторитетные источники – тексты. История не только взаимодействовала с дисциплинами тривиума – первой ступени семи свободных искусств, но и интегрировала нормы дисциплин квадривиума – второй ступени, включавшей науки о счислении (музыку, арифметику, геометрию и астрологию), что способствовало развитию инструментов расчета времени и определения правил его движения.

Формирование национальных культур связано с утверждением грамматик национальных языков и созданием национальных исторических нарративов. Появление национальных грамматик завершает эпоху двуязычия – сосуществования профетических языков, на которых излагалась священная история и которые использовались для распространения и поддержания религиозной традиции, и народных языков, на которые священное писание не переводилось. Двуязычие привело к формированию общности больших социальных миров, но с другой стороны, исключало народы из процесса создания собственной истории. До XV в. Европа знала только грамматики латинского и греческого языков. Начало эпохи модерна сопровождалось появлением сначала грамматики итальянского языка Леона Батисты Альбери – в 1465 г., позже – каталонской грамматики Антонио де Нибрихи – в 1492 г., английской грамматики Джона Колета и Вильяма Лили – в 1509 г., французской грамматики Жака Дюбуа (Сильвиуса) – в 1531 г. и др.

Почти повсеместное распространение национальных грамматик было связано с необходимостью самопознания возникающих культур, в том числе – с потребностью в историческом самопознании. В этом процессе существенно трансформировались представления о порядке и, соответственно, менялось соотношение истории и грамматики. Именно связью истории с грамматикой и риторикой, а затем и с литературностью, можно объяснить ее способность fasciniрующего воздействия, которая наиболее очевидно проявляется в период возникновения национальных культур нового времени. Национальные истории должны были

¹⁵ Репина, Зверева, Парамонова 2006: 89.

завораживать, убеждать, внушать, поддерживая национальное воображение больших сообществ.

В этой связи интерес представляет тезис М. Фуко о связи между грамматикой и историей в становлении не только классической, но и современной эпистем. Если в ренессансной эпистеме, по М. Фуко, язык сопричастен миру, а слова и вещи обладают тождественностью друг другу, то в классической эпистеме (связанной с рационализмом XVII–XVIII вв.) слова и вещи соотносятся посредством тождеств и различий, а представления о порядке определяются соотношением трех оснований: естественной истории, теории денег и всеобщей грамматики¹⁶. История, представшая в классической эпистеме как, прежде всего, история природы, поддерживала соотношение слов и вещей, которое выражалось посредством всеобщей грамматики, фиксирующей одновременность мыслительных представлений в отношении линейной последовательности знаков. Риторика в классической эпистеме воспроизводила представления о тропах и фигурах в пространстве словесных знаков, а грамматика сосредотачивалась на сочленении и порядке этих знаков в последовательной серии, т.е. во времени. Упорядочение мира происходило посредством систематизации простых элементов и их возрастающего усложнения, что создавало основания для возникавших в XIX в. классификаций, каталогов, инвентариев, представлявших собой примеры новой восприимчивости к историческому времени с его пространственно-локализованным становлением и той же объективистской манерой, которая была присуща естественной истории¹⁷. В классической эпистеме упорядоченность происходит в форме типологий, а в XIX в. вновь возвращаются уже существовавшие в XVI в. исторические ряды¹⁸. В современной эпистеме, которая доминирует с рубежа XVIII–XIX вв., язык утрачивает свой уникальный статус и сам превращается в объект познания, наделенный собственной историчностью. Это открывает новое понимание взаимосвязи истории и грамматики в создании универсальных представлений о мире эпохи модерна.

Внимание к присущей историческому знанию тропичности способствовало, в известном смысле, постмодернистскому скептицизму и релятивизму. Однако К. Гинзбург указывает на амбивалентность взаимосвязи языка и доказательства в современной исторической науке. Постмодернистский релятивизм, по его мнению, восходит к ницшеанскому противопоставлению риторических приемов доказательству в то время, как в исторической науке есть и другая тенденция, восходящая к Аристотелю и обосновывающая связь языка и достоверности¹⁹.

Историзация проблемы языка также находит свое выражение в аналитической эпистемологии истории, которая основывается на ана-

¹⁶ Фуко 1994: 107-108.

¹⁷ Фуко 1994: 155-161.

¹⁸ Фуко 1994: 123.

¹⁹ Гинзбург 2024.

литической философии, исследовавшей как логическую структуру языка, так и способы фиксации знания в языке. Ссылаясь на предупреждение Л. Витгенштейна об опасности принятия поверхностных грамматических форм за подлинные модели сущего, Р. Харре доказывал, что утверждение социальных сущностей связывается с использованием слов, значение которых различается в разных социальных контекстах, в том числе, в научных или квазинаучных нарративах. Поэтому поддержание стабильности интерпретаций «нуждается в грамматиках, обладающих исторической и культурной спецификой», а когда «определенные грамматики переходят из поколения в поколение», возникает уверенность в том, что сохраняемое обладает такой же реальностью²⁰.

Грамматические тропы в социальной эпистемологии истории

Обращение к грамматике истории связано с попытками увидеть за многообразием возможных вариантов исторических текстов набор правил – не только грамматических, но в более широком смысле – ментальных, культурных, политических. Под влиянием лингвистического поворота анализ грамматических структур выходит за пределы анализа речи, обращаясь к грамматике текста как продукта и к грамматике дискурса как процесса, а затем – к социальной грамматике. Например, порождающие грамматики Н. Хомского, представляющие собой грамматические структуры, конструирующие пусковые штампы восприятия ситуации, содержат не только лингвистические, но и экстралингвистические аспекты. В этой связи следует упомянуть предположение одного из основателей этологии И. Эйбл-Эйбесфельдта о возможности обоснования всеобщей социальной грамматики, организующей социальные взаимодействия²¹. Идея социальной грамматики Эйбл-Эйбесфельдта представляет интерес для исследования функционирования исторического знания в современном обществе. Воспроизведение типичных ситуаций, таких как применение насилия, ответ на агрессию, убеждение оппонентов, ориентация на цель, является отражением стратегий, которые многократно повторяются в истории и отражают, как можно предполагать, общие грамматические модели, запускающие определенные социальные стратегии. Важнейшие семантические функции грамматических тропов в историческом знании определяются не только лингвистически, но институционально, затрагивая политические режимы, нормы и стереотипы взаимодействий, которые связаны с общими и не всегда осознаваемыми особенностями социального функционирования истории.

В отличие от лексических тропов, отражающих семантический сдвиг в использовании слов, грамматические тропы отражают сдвиг в смыслообразовании за счет использования одних грамматических форм и признаков в функции других. Такие грамматические смещения связаны с фундаментальным уровнем исторического знания, на котором задаются историческая темпоральность, время и длительность истории.

²⁰ Харре 2006: 132.

²¹ Эйбл-Эйбесфельдт 1995.

ческих процессов, пространственные структуры, определяющие открытость или закрытость исторических сюжетов в отношении к иным эпохам, культурам или представлениям, субъектность истории, ее направленность. Временные отношения в истории воспроизводятся не только лексически, но прежде всего грамматически. Любопытна в этом плане критика исторического словаря основных понятий, характерных для «переломного времени» между 1750 и 1850 гг., составленного Р. Козеллеком. Словарь подвергся критике, в частности, за то, что в нем оказались понятия, не свойственные эпохе, такие, как «фашизм» или «антисемитизм», но не нашлось места фундаментальным для исторического мышления категориям «времени» и «пространства»²². Однако эта критика представляется не вполне обоснованной, поскольку временные и пространственные отношения хотя и проявляются лексически, на уровне понятийного аппарата, задаются докатегориально, если следовать кантовской философии, в которой время и пространство предстают как априорные формы. Историческая темпоральность схватывается Козеллеком, когда он отмечает, что в «переломное время» основные исторические понятия порывают с актуальным опытом и ориентируются на «горизонт ожидания» (понятия, оканчивающиеся на «-изм», как, например, «республиканизм»), отражают напряжение между наличными реалиями и идеальным проектом будущего)²³. Или другой пример: понятие «революция» во Франции, как утверждал Козеллек, структурно занимает то же положение, что понятие «история» в Германии. Это позволяет говорить о различиях не только в конструировании национальной идентичности (немцы ее выводили из истории, а французы – из объединившего нацию духа революции)²⁴, но и в исторической темпоральности.

Грамматические тропы времени включают семантические сдвиги в правилах употребления слов в разных формах, временных модальностях и лицах. В частности, достаточно распространенный перенос грамматических форм настоящего или даже будущего времени на описание исторического прошлого часто является художественным средством выражения актуальности прошлого, драматичности его переживания. Однако он может затрагивать не только план выражения, но и план содержания, связанный с утверждением определенного режима исторической темпоральности, в котором прошлое не обязательно проходит, а наделяется чертами реальности или воспроизводится в повторяющихся формах.

Грамматические тропы играют существенную роль в репрезентации субъектности истории. Например, использование страдательных залогов глагола в описании исторических событий способствует вытеснению связи между событием и действием исторических персонажей, что отражает смещение акцентов от действия к состоянию, от причин к результату, от контролируемости процесса к его неконтролируемости.

²² Дубина 2010: 304.

²³ Козеллек 2010: 26-27.

²⁴ Гюнтер, Козеллек, Майер, Энгельс 2014: 45-240.

Л. Харрисон обращает внимание на распространенность в латиноамериканской культуре пассивных конструкций с возвратными глаголами: вместо «я прекратил (нарушил, забыл) то-то и то-то» используются утверждения типа «то-то и то-то прекратилось (было нарушено, было забыто)»²⁵. К аналогичным следствиям ведет замещение глагольных форм выражения субъектности истории существительными (например, вместо «восставшие были расстреляны» употребляется «среди восставших было много расстрелянных»).

Субъектность исторического процесса задается также грамматическими тропами, способствующими гипостазированию, приданию качеств исторической субъектности абстрактным понятиям, как например, «законы диалектики» или «дух народа». В этом случае, проявляется противоречие между значением выбранной языковой формы и историческими реалиями при использовании форм личных местоимений в отношении безличных сил. Например, как писал Г. Флоровский, «в русском переживании истории всегда преувеличивается значение безличных, даже бессознательных, каких-то стихийных сил, “органических процессов”, “власть земли”, точно история совершается, скорее, в страдательном залоге, более случается, чем творится»²⁶. Эта черта дополняется значительным количеством безличных конструкций в русском языке, что отражает действительный мир как «противопоставленный человеческим желаниям и волевым устремлениям»²⁷.

В последние несколько десятилетий тропичность языка истории находит свое проявление в описании изменившейся действительности и ее отдельных феноменов не новыми понятиями, а понятиями, сформировавшимися ранее, но снабженными различными префиксами (например, современные состояния модерна описываются как постмодерн и пост-постмодерн, в названиях различных версий которого используются префиксы гипер-, мета-, транс-). Очевидный дефицит новых понятий вызван распадом характерной для эпохи Просвещения универсальной картины мира, когда, как показал Р. Козеллек, появились основные исторические понятия. Использование префиксов позволяет осовременивать прежние понятия, обладающие чертами универсализма, тем самым утверждая видимость воспроизводства универсальной реальности в новых условиях, когда универсальность утрачивается, а новые универсалистские понятия не возникают.

Различение и повторяемость в истории

Исследование грамматических структур и тропичности языка исторических исследований позволяет конкретизировать фундаментальное противоречие между уникальностью исторического события и относительно устойчивыми формами его включения в исторический дискурс – научный или квазинаучный. В социально-эпистемологическом и социо-

²⁵ Харрисон 2016: 218-219.

²⁶ Флоровский 2006: 492.

²⁷ Вежбицкая 1997: 70-71.

логическом смысле противоречие между личным переживанием и воспоминанием, с одной стороны, и характерными для исторических нарративов повторяющимися формами репрезентации истории, с другой, проявляется в противопоставлении индивида или группы, участвующих или непосредственно переживающих историческое событие, и их социальными статусами, которые включают их в общественную структуру.

Грамматические структуры и, в частности, грамматические тропы позволяют удерживать историческое знание в сфере напряженности между универсализмом понимания исторического процесса и множественностью его проявления. Если классический историзм эпохи Просвещения в большей степени ориентировался на универсалистские представления, то современное историческое знание продвигается к идее множественности истории, а использование общих категорий и нарицательных имен частично замещается именами собственными. По мнению Х. Уайта, «модернизм открывает многослойность опыта времени и темпоральности и стремится представить этот опыт таким образом, чтобы пошатнуть нашу уверенность в упорядоченной нарративом темпоральности сказки, басни или “истории”»²⁸.

Однако, если с одной стороны, динамика современного мира уже неуловима с помощью универсального смысла (в том числе, смысла истории), то с другой, его разнообразие не описывается устойчивыми до недавнего времени классификациями. Противопоставление единого и множественного представляет все более существенную проблему и может быть снято в повторяемости, которая, как замечал Ж. Делез, «не более постоянство единого, чем подобие множественного»²⁹.

Повторяемость является устойчивой чертой исторических нарративов. Например, использование повторяющихся библейских реминисценций были универсальной чертой исторического мышления в средневековой историографии. В современной культуре повторяемость истории в многообразных формах, включая возвращение к прошлому, его реконструкцию, подражание, описание актуального в стереотипах прошлого, обретает новое содержание. Утверждение представлений о множественности истории и самодостаточности локальных исторических эпистемологий, основанных на собственных тропах, некоторые из которых связаны с межкультурным трансферингом, способствует утрате универсализма. Повторяемость истории в этих условиях стабилизирует картину мира, когда такая стабилизация не может быть достигнута ни на основе идеи единства универсальной истории, ни путем поиска возможностей интеграции разрозненных исторических эпистемологий.

Повторяемость истории восходит к истокам человеческой культуры, когда логос мифа способствовал укрощению иррационального потока жизни путем вычленения в нем повторяющихся форм, способствовавших разрешению противоречий между интуитивностью и дис-

²⁸ Уайт 2024: 146.

²⁹ Делез 1998: 159.

курсивностью, созерцанием и рационализацией. В историческом мышлении тропы играют функцию переноса в лакановском его понимании, связанном с прерыванием бессознательного, как только оно начинает проявляться. Как говорил на своих семинарах Ж. Лакан, если бессознательное начинает проявляться, происходит перенос, закрывающий собой его прорывы³⁰. Перенос способствует рационализации прошлого в привычных и повторяющихся формах, наделению его историческим смыслом, включающим представления о направленности исторического процесса. Но повторяется не вытесненное прошлое, а та форма его рационализации, которая способствовала его вытеснению. Таким способом в историческое мышление вводится желание, требующее рационализации (А. Кожев определял историю как «историю желаемых Желаний», ради которых люди готовы рисковать жизнью³¹). В этом отношении интересны выводы М. де Серто, понимавшего литературность истории не в логике ее подчиненности языку и законам жанра, а как результат того, что отсутствующее прошлое, которое принципиально недоступно и не может воплотиться, олицетворяет собой желание³².

Тавтология повторяемости, как предупреждал Ж. Бодрийяр, представляет собой проявление идеологии, рационализирующей систему власти путем санкционирования тавтологического принципа воспроизводства существующего порядка³³. Утверждение со второй половины XVIII в. представлений об универсальности и прогрессивности истории способствовало тому, что желаемые состояния общества, рационализировавшиеся в социальных и политических идеалах, соотносились с историческими перспективами. В этом отношении интерес вызывает феномен, названный М.М. Бахтиным «исторической инверсией»³⁴, который характерен для обществ модерна и состоит в перемещении идеальных представлений, выражавшихся в мифах о «золотом веке», из мифологического и художественного воображения в историю. В результате такого перемещения некие идеальные состояния мыслятся так, будто бы они были в истории или возможны в будущем.

Разумеется, историческая наука создает свои методы, позволяющие проникать в прошлое, обеспечивая достоверность знания о нем. Но если в науке литературность исторических нарративов подчинена научным критериям достоверности, то в публичном функционировании истории ее достоверность подчиняется логике самоописаний социальных миров, которая представляет собой рационализацию иррационального.

Речь идет о концептуализации применительно к историческому знанию фундаментального для познания противоречия между значением и желанием, смыслом и действием, языком и жизнью. Это противо-

³⁰ Лакан 2004: 140.

³¹ Кожев 2003: 15.

³² Certeau 1975: 120.

³³ Бодрийяр 2003: 64.

³⁴ Бахтин 2000: 75-76.

речие находит отражение в разных философских и эпистемологических системах: от противопоставления эйдоса и логоса в античной философии, через соотношение желания и представления у Г. Лейбница, языка и жизни – в психоанализе, автора и героя – у М.М. Бахтина. У Ж. Деррида («О грамματοлогии») история раздваивается на фантомно присутствующую и истинную, обнаруживаемую деконструкцией истории как текста (письма). Эта истинная история нелинейна и не циклична, поскольку в ней нельзя отыскать начало, точку отсчета для всего последующего ее развития. Поэтому в ней не может быть и завершенности. Таким образом, можно говорить о двух сторонах репрезентации истории: первая определяется дискурсивной рациональностью, которая воспроизводит логику повторяемости форм рационализации истории, вторая – переживанием уникальности исторического события.

В исторической науке постоянно обновляются разнообразные стратегии разрешения этой двойственности. Некоторые из них связаны с критикой событийной и нарративной истории, отстаиванием микроистории против макроисторизма, ориентацией на локальное знание против «a general theory» в духе К. Гирца, различными тенденциями, вызванные постколониальным поворотом.

***

Лингвистический поворот привел не только к активному вторжению категорий анализа языка в другие науки, но придал (или вернул) этим категориям более широкий смысл. Это относится и к грамматике, с которой история когда-то имела особые отношения. В эпоху Средневековья значение грамматики далеко выходило за рамки, отведенные ей в сегодняшней классификации наук. Грамматика означала не просто грамотность или ученость вообще, а приобретала магический смысл. Поскольку широкие представления о научности были довольно туманны и связывались одновременно с уважением и подозрением, грамматика ассоциировалась с магией (в форме *grammar*). В свою очередь, *grammar*, как искусство магии, в результате обычной фонетической трансформации превратилось, как писал К. Льюис, в *glamour*³⁵. Под влиянием индустрии моды гламур утратил сегодня ассоциации с грамматикой и магией, но история в современной культуре не только сохранила связь с литературностью (хотя, как писал Д. Лукач, эпоха исторического романа закончилась), но и воспроизводит себя в многообразных публичных формах – от основанных на «магическом» повторении ритуалов памятных дат до выхолощенных гламурных симулякров.

Репрезентация исторического процесса сопровождается явным или неявным замещением действительности специфически текстовым действием. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский рассматривали проблематику превращения исторического события в текст как «пересказ события в системе того или иного языка, то есть подчинение его определенной

³⁵ Льюис 2016: 803-804.

заранее данной структурной организации»³⁶. Если само событие может непосредственно предстать как находящееся вне поля осмысления или как хаотичное скопление несвязанных друг с другом структур, то в результате пересказа средствами языка оно получает структурное единство, которое хотя и принадлежит лишь плану выражения, переносится в план содержания.

Обращение к грамматической тропичности языка истории позволяет не останавливаться на выявлении метафорических переносов в историописании, но продвинуться на следующий уровень анализа, отражающий воспроизводство парадигмальных оснований, затрагивающих характерные черты внешних для научного знания социальных условий, в которых оно производится. К таким чертам могут быть отнесены особенности временных и пространственных отношений, выражение темпоральности, субъектности истории, отношения универсальности и уникальности, которые характерны для тех или иных обществ. Именно тропичность языка обеспечивает характерный смысловой перенос, позволяющий описывать исторические события и феномены в повторяющихся образах, клише, моделях. Исследование роли грамматических тропов, таким образом, способствует переосмыслению социальной эпистемологии истории в ее грамматических аспектах и в тех противоречиях, которые возникают между уникальностью исторического события и повторяемостью форм его включения в исторический дискурс.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. 400 с. [Ankersmit F. Istorija i tropologija: vzlet i padenie metafory (History and tropology: the rise and fall of metaphor). Moscow: Kanon+, Reabilitacija, 2009. 400 p.].
- Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с. [Ankersmit F. Narrativnaya logika. Semanticheskij analiz yazyka istorikov (Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians). Moscow: Ideya-Press, 2003. 360 p.].
- Арон Р Избранное: Введение в философию истории. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 543 с. [Aron R Izbrannoe: Vvedenie v filosofiju istorii (Select: Introduction to the Philosophy of History). Moscow: PER SE; Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000. 543 p.].
- Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с. [Bahtin M.M. Epos i roman (Epic and novel). Saint-Petersburg: Azbuka, 2000. 304 p.].
- Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга, 2003. 272 с. [Bodrijiyar Zh. K kritike politicheskoy ekonomii znaka (Towards a critique of the political economy of the sign). Moscow: Biblion – Russkaya kniga, 2003. 272 p.].
- Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с. [Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie (Language. Culture. Cognition). Moscow: Russkie sloviri, 1997. 416 p.].
- Гинзбург К. Соотношение сил: История, риторика, доказательство. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 184 с. [Ginzburg K. Sootnoshenie sil: Istorija, ritorika, dokazatel'stvo (Correlation of forces: History, rhetoric, evidence). Moscow: Novee literaturnoe obozrenie, 2024. 184 p.].
- Гюнтер Х., Козеллек Р., Майер К., Энгельс О. История (Geschichte, Historie) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. М.: Новое литера-

³⁶ Лотман 2000: 339.

- турное обозрение, 2014. С. 45-240. [Gyunter H., Kozellek R., Majer K., Engel's O. Istoriya (Geschichte, Historie) (History) // Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: Izbrannye stat'i v 2-h t. T. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. Pp. 45-240].
- Делез Ж. Различие и повторение. СПб: Петрополис, 1998. 384 с. [Delez Zh. Razlichie i povtorenie (Difference and repetition). Saint-Petersburg: Petropolis, 1998. 384 p.].
- Дильтей В. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики // Дильтей В. Собр. соч. в 6 тт. Т. IV. Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 15-234. [Dil'tej V. Germenevticheskaya sistema Shleiermahera v ee otlichii ot predshestvuyushchej protestantskoj germenevtiki (Schleiermacher's hermeneutic system in its difference from the previous Protestant hermeneutics) // Dil'tej V. Sobr. soch. v 6 tt. T. IV. Germenevtika i teoriya literatury. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 2001. Pp. 15-234].
- Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения. «История понятий» в России. Послесловие // История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 298-319. [Dubina V. Iz Bilefeld'a v Kembrihdzh i obratno: puti utverzhdeniya. «Istoriya ponyatij» v Rossii. Posleslovie (From Bielefeld to Cambridge and back: ways of approval. "History of Concepts" in Russia. Afterword) // Istoriya ponyatij, istoriya diskursa, istoriya metafor. Sb. statej. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. Pp. 298-319].
- Кожев А. Введение в чтение Гегеля (Лекции о Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе). СПб.: Наука, 2003. 791 с. [Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelya (Lekcii o Fenomenologii duha, chitavshiesya s 1933 po 1939 g. v Vysshej prakticheskoi shkole) (Introduction to reading Hegel (Lectures on the Phenomenology of Spirit, read from 1933 to 1939 at the Higher Practical School)). Saint-Petersburg: Nauka, 2003. 791 p.].
- Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21-33. [Kozellek R. K voprosu o temporal'nykh strukturah v istoricheskom razvii ponyatij (On the issue of temporal structures in the historical development of concepts) // Istoriya ponyatij, istoriya diskursa, istoriya metafor. Sb. statej. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. Pp. 21-33].
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с. [Kollingvud R. Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya (The Idea of History. Autobiography). Moscow: Nauka, 1980. 486 p.].
- Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964)). М.: Гнозис, Логос, 2004. 304 с. [Lakan Zh. Chetyre osnovnye ponyatiya psihoanaliza (Seminary: Kniga XI (1964)). Moscow: Gnozis, Logos, 2004. 304 p.].
- Лотман Ю.М. Семiosфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с. [Lotman Yu.M. Semiosfera (Semiosphere). Saint-Petersburg: Iskustvo-SPb, 2000. 704 p.].
- Лукач Г. Исторический роман. М.: Common place, 2014. 178 с. [Lukach G. Istoricheskij roman (Historical novel). Moscow: Common place, 2014. 178 p.].
- Льюис К. С. Избранные работы по истории культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 928 с. [L'yuis K. S. Izbrannye raboty po istorii kultury (Selected works on the history of culture). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 928 p.].
- Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2006. 288 с. [Repina L.P., Zvereva V.V., Paramonova M.Yu. Istoriya istoricheskogo znaniya (History of historical knowledge). Moscow: Drofa, 2006. 288 p.].
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы свою историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 456 с. [Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Social'nye predstavleniya o proshlom, ili Znayut li amerikancy svoju istoriyu (Social ideas about the past, or Do Americans know their history). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 456 p.].
- Смирнов И. П. Новый историзм как момент истории (По поводу статьи А.М. Эткинды «Новый историзм, русская версия» // Новое литературное обозрение. 2001. № 1(47). С. 41–71. [Smirnov I. P. Novyj istorizm kak moment istorii (Po povodu stat'i A.M. Etkinda «Novyj istorizm, russkaya versiya») (New historicism as a moment in history (Regarding the article by A.M. Etkind "New historicism, Russian version")) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. № 1(47). Pp. 41–71].

- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2023. 528 с. [Uajt H. Metaistoriya. Istoricheskoe vobrazhenie v Evrope XIX v. (Metahistory. Historical imagination in nineteenth-century Europe). Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2023. 528 p.]
- Уайт Х. Практическое прошлое. М.: НЛЮ, 2024. 192 с. [Uajt H. Prakticheskoe proshloe (Practical past). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 192 p.]
- Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2006. 492 с. [Florovskij G. Puti russkogo bogosloviya (Ways of Russian theology). Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo Ekzarhata, 2006. 492 p.]
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд., 1994. 408 с. [Fuko M. Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnyh nauk (Words and things. Archeology of the Humanities). Saint-Petersburg: A-cad., 1994. 408 p.]
- Харре Р. Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей. Сборник статей. М.: Территория будущего, 2006. С. 118-133. [Harre R. Material'nye ob'ekty v social'nyh mirah (Material objects in social worlds) // Sociologiya veshchej. Sbornik statej. Moscow: Territoriya budushchego, 2006. Pp. 118-133.]
- Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2016. 286 с. [Harrison L. Evrei, konfuciancy i protestanty. Kul'turnyj kapital i konec mul'tikul'turalizma (Jews, Confucians and Protestants. Cultural capital and the end of multiculturalism). Moscow: Mysl', 2016. 286 p.]
- Эйбль-Эйбесфельдт И. Биологические основы эстетики // Красота и мозг. Биологические основы эстетики. Под ред. И. Ренчлера, Б. Херцбергера и Д. Эпстайна. М.: Весь мир, 1995. С. 29-73. [Ejbl'-Ejbesfeldt I. Biologicheskie osnovy estetiki (Biological foundations of aesthetics) // Krasota i mozg. Biologicheskie osnovy estetiki. Pod red. I. Renchlera, B. Hercbegera i D. Epstajna. Moscow: Ves' mir, 1995. Pp. 29-73.]
- Certeau de M. Histoire et psychanalyse. Entre science et fiction. Paris: Gallimard, 2002, 416 p.
- Certeau de M. L'écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975, 358 p.
- Danto A. C. Analytical Philosophy of History, Cambridge, Cambridge University Press, 1965. ix, 318 p.

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, dm.gorin@mail.ru

Grammatical Tropes and the Repetition in History Socio-Epistemological Perspectives

Grammatical structures and the tropicality of the language of history are examined from a socio-epistemological perspective to identify the social conditions of historical knowledge. The development of historical knowledge, which in the Middle Ages had a special relationship with grammar, as one of the disciplines of the trivium, is considered in connection with the emergence of grammars of national languages, the literariness of national histories, as well as in the context of the role of grammar in compensating for the crisis of universalism characteristic of modern transformations. The grammatical structure of a language, reflecting the characteristics of a particular culture, is a significant factor in historical writing, which affects not only the plane of expression, but also the plane of content. Grammatical tropes are manifested in the use of some grammatical forms and features in the function of others. They contribute to semantic transfer, which allows resolving the contradictions between the uniqueness of historical phenomena and the universality of the conceptual apparatus of their description in the grammatical aspects of distinction and repetition. Semantic transfers associated with grammatical tropes are analyzed in connection with the paradigmatic foundations of historical knowledge, which determine the subjectivity of history, historical temporality, including the duration and direction of historical processes, as well as spatial structures that determine the openness or closedness of historical plots in relation to other eras, cultures or ideas.

Keywords: social conditions of historical knowledge, social epistemology of history, temporality, grammatical tropes, language of history.

Dmitry Gennadyevich Gorin, Dr. Sc. (Philosophy), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, dm.gorin@mail.ru

Г.С. РАГОЗИН

АВСТРИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕ 1945 г.

Статья обращается к эволюции подходов и концепций в немецкоязычной историографии после 1945 г., получивших распространение при изучении австрийского консерватизма конца XVIII – первой трети XIX в. Восстановление австрийского государства, самоопределение австрийской политической нации и изменения в исторической науке после Второй Мировой войны привели к пересмотру ряда господствовавших до 1945 г. взглядов. Немецкоязычная историография обращается к австрийскому консерватизму с позиций истории идей, интеллектуальной истории, истории понятий, политической и культурной истории. На начальном этапе перед австрийскими историками стояла задача переосмысления исторического опыта страны, а также роли австрийского консерватизма в оформлении государства и политической нации. Более того, как для австрийских, так и для немецких историков одной из главных задач при изучении тематики в первые послевоенные годы была реабилитация политиков правого спектра в своих странах. В дальнейшем проходила активная дискуссия о предпосылках формирования консервативной идеологии в державе Габсбургов и ее интеграции в политическое поле. При этом историки отказались от односторонней демонизации канцлера Меттерниха и его политики. Были подвергнуты переосмыслению взгляды канцлера и их формирование в рамках консервативной парадигмы. Австрийские и германские историки также изучают культурную политику Габсбургов и формирование ею представлений о лояльности династии и империи. В настоящее время остается нераскрытым формирование и закрепление концепта «австрийского» в консервативном политическом лагере державы Габсбургов в 1790–1835 гг.

Ключевые слова: *австрийский консерватизм, историография, понятие «австрийского», история Австрии, история империи Габсбургов, эпоха Меттерниха.*

История общественной и политической мысли, а также идеологий сохраняет актуальность в исторической науке. Влияние консерватизма на политическую культуру стран Центральной и Центрально-Восточной Европы трудно переоценить: он обозначил параметры политики, ментальности, национальной идентичности, электоральных предпочтений и парламентаризма. Помимо этого, консерватизм задал рамку исторической памяти и восприятия «другого». Все это справедливо по отношению к Австрии. Сформированная имперской ситуацией и «сопротивлением революции»¹ консервативная идеология определяла «систему Меттерниха». Консерватизм предложил и версию самоидентификации подданных Габсбургов. Она основывалась на подданническом начале, подкрепленном концептом «семь народов», а затем – «австрийского» как «суммы достижений» общностей империи². Все это подкреплялось формированием общего исторического сознания, в т.ч. посредством музейного дела и школы. Такое прочтение консерватизма

---

¹ Чудинов 2016: 5-35.

² Рагозин 2022: 123-131.

и общности подданных Габсбургов было в силе до смерти Франца I в 1835 г. С ростом национальных движений оно утрачивало влияние, а после революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи формировалась иная версия консерватизма. Некоторые элементы предыдущей оставались актуальными и просуществовали до распада империи в 1918 г.

Появление консервативной идеологии, а также дискуссия о понятии «австрийского» в первом консервативном прочтении были переосмыслены историками второй половины XX – XXI вв. Этому открыли дорогу восстановление независимости Австрии в 1945 г., осуждение Аншлюса и отстранение от работы историков – членов и сторонников НСДАП (Фриц Вальявец, Генрих фон Србик и Вильгельм Бауэр)³. Переосмысление национальной истории обратилось к австрийской политической нации как отдельной от Германии⁴. Более того, австрийские и немецкие историки стремились реабилитировать правый политикум в своих странах. Немецкоязычная историография австрийского консерватизма обращается к нему с позиций истории идей, интеллектуальной истории, истории понятий, политической и культурной истории.

Не меньше вопросов вызывает и сама трактовка понятия «консерватизм». У Карла Маннгейма он был «специфическим феноменом эпохи модерна, а именно – присущей человечеству установкой концентрироваться на «старом» при неприятии «нового»⁵. Это определение переосмыслялось, в т.ч., в работах, подвергнутых анализу. В современных англоязычных исследованиях преобладает определение, данное Кори Робинотом. Консерватизм по Робину формировался как «правое учение, которое отвергало «самостоятельность низших классов в обществе» с «обеспечением свободы для высших», а также «верило в эволюционное развитие общества и политику «добродетели»⁶.

В современной российской историографии исследователи опираются на типологию консерватизма Павла Юхимовича Рахшмира. Консерватизм разделялся на три типа: традиционалистский, реформистский и радикальный (экстремистский). Первый считался апологетикой «старого порядка», в т.ч. привилегий аристократии и считался характерным для Предмартовского периода. Второй предстает реакцией на повестку либеральных и социал-демократических партий, и предполагает рост роли государства в социальных отношениях. Третий считался приверженным автократизму и этнонационализму, а также силовой борьбе с оппонентами, и питал праворадикальные идеологии XX в.⁷

На начальном этапе австрийские историки, вернувшиеся к работе после 1945 г., переосмыслили роль консерватизма в становлении австрийских государственности и нации. Далее развернулась дискуссия о

³ Pesditschek 2013: 303-322.

⁴ Данн 2003: 58-59; Fellner 1988: 135–155.

⁵ Mannheim 1964: 412-413

⁶ Робин 2013: С. 37-52.

⁷ Рахшмир 1995: 4-17

формировании консервативной идеологии и ее интеграции в политическое поле державы Габсбургов. Австрийские и германские историки также изучают культурную политику Габсбургов и формирование ею представлений о лояльности династии и империи. Остается вне поля зрения формирование и закрепление концепта «австрийского» в консервативном политическом лагере державы Габсбургов в 1790–1835 гг.

В настоящей статье предпринята попытка проследить ключевые достижения немецкоязычной историографии после 1945 г. в изучении основных проблем австрийского консерватизма 1790–1835 гг. Причины выбора хронологических границ в истории консерватизма в Австрии как предмета историографического анализа продиктованы наличием ряда наиболее дискуссионных проблем в среде исследователей.

Первая группа дискуссионных вопросов касается взаимоотношения итогов реформ Иосифа II, контр-Просвещения и реакции властей и общества в империи Габсбургов на революцию во Франции. Вторая связана с идейными истоками и становлением консервативной доктрины. Третья – с изменениями в историческом сознании элит и в консолидации общностей империи на основе «общего прошлого». Четвертая связана с влиянием консервативной идеологии на систему Меттерниха в период ее появления и наибольшей активности в 1809–1835 гг., т.е. до смерти императора Франца I, бывшего символом для идеологов консерватизма. Пятая область дискуссии связана с отношением австрийского консерватизма к этнополитической ситуации в империи. Последняя группа вопросов находится связана с влиянием консерватизма на культурное развитие империи и отношения в ней церкви и государства.

История идей австрийского консерватизма конца XVIII – первой трети XIX вв. может изучаться в сравнительном ключе с идеями Эдмунда Берка, Франсуа Рене де Шатобриана, Жозефа де Местра и Николая Михайловича Карамзина. Так перевод «Размышлений о революции во Франции» Берка на немецкий язык, выполненный Фридрихом фон Генцем, повлиял на отношение к французским событиям в германских землях. Воззрения де Местра сопоставимы с апологетикой Генцем и его сподвижником Адамом Мюллером политического и социального патернализма Габсбургов и взглядами Сергея Сергеевича Уварова в России. Исторические воззрения австрийского историографа Йозефа фон Хормайра до 1828 г. сопоставимы со взглядами и концепциями Карамзина: оба выступали апологетами сильной монархии, и на историческом материале доказывали ее состоятельность.

Религиозный компонент консерватизма отразился в сочинениях Ф. Р. де Шатобриана, А. Мюллера и Ф. фон Генца. При этом австрийский консерватизм нередко оказывается в тени Берка, Шатобриана, де Местра и Карамзина. Однако опыт становления локального консерватизма, его встраивание в политику и последующее влияние на ситуацию в полиэтничной империи заслуживает исследования как цельное явление и вариация консервативных взглядов.

Исследование возможно с позиции истории идей консерватизма и истории ее изучения австрийскими историками. Методологической базой выступает «история идей» Квентина Скиннера и Джона Покока. В первом случае автор обратился к контекстуальному методу изучения политических текстов, т.е. анализу того, как и в каком контексте немецкоязычные историки после 1945 г. интерпретировали идеи австрийских консерваторов конца XVIII – первой трети XIX в.⁸ Исследовательская программа Покока по изучению развития и взаимодействия идиом в политической культуре Запада в Раннее новое время также нашла отражение в работе. Она содействовала изучению того, как формировался политический лексикон австрийских мыслителей консервативной ориентации. Вследования немецкоязычных историков после 1945 г. по австрийскому консерватизму анализировались, в т.ч. с позиции прочтения политических понятий в языке своего времени и отражения в нем политической и исследовательской ситуации⁹.

В современной англо-американской историографии учитывают наработки немецкоязычных историков по изучению австрийского консерватизма. Англоязычные работы вносят вклад в осмысление той роли, которую сыграл консерватизм в развитии империи Габсбургов и консервативного учения в целом. Так Роберт Адольф Канн, исследуя национальный вопрос в империи Габсбургов, отмечал, что формирование политического интереса по этнонациональному признаку в первой половине XIX в. активно взаимодействовало с консерватизмом¹⁰.

В работах, посвященных имперской истории, например, у Питера Джадсона, отмечается, что консерватизм конца XVIII – первой трети XIX вв. окончательно утратил позиции во время событий 1848 г. Тогда, как отметил историк, даже консервативно настроенные буржуа признали несостоятельность этой идеологии, выступив против правительства¹¹. Джадсон развивал идею, что империя Габсбургов неоднократно предлагала новые идеи об общности различных этносов в своих пределах и обеспечила их культурное развитие. В этом, среди прочего, сыграла роль и консервативная идеология¹².

После Второй Мировой войны было переосмыслено и наследие австрийских консерваторов, и понятие консерватизма. Голо Манн¹³ в монографии о Фридрихе фон Генце обратился к его взглядам на переустройство Европы и на их отражение в австрийском консерватизме¹⁴. Все это отвечало потребности Германии и Австрии в реабилитации своих государственности и правых политиков. Отношение нацистов к

---

⁸ Скиннер 2018: 132-139

⁹ Покок 2018: 191-217

¹⁰ Kann 1964

¹¹ Judson 1998: 9 P.

¹² Judson 2016

¹³ Сын писателя Томаса Манна. Настоящее имя – Ангелус Готтфрид Томас Манн.

¹⁴ Mann 1947: 20-30.

консерватизму Манн назвал «нигилизмом». Развил это в 1950-е гг. Фриц Вальявец: в качестве предпосылки к появлению консерватизма в Австрии он обозначил неприятие йозефинизма и реакцию на идеи Просвещения¹⁵. На них затем наложились изменения времен Французской революции и Наполеоновских войн, которые и задали контуры политики в империи¹⁶. Завершил оформление новых взглядов на австрийский консерватизм ученик Хуго Ханча Иоганн Кристоф Альмайер-Бек. Он определил консерватизм как идеологию, которую породил запрос аристократии на сильное правительство, способное удержать контроль над обществом в условиях нестабильности¹⁷. Данное определение задало вектор исследованиям австрийских и немецких историков.

Повторная реконцептуализация понятия «консерватизм» в политической истории произойдет в 1990-е гг. Примером этого является коллективный труд австрийских и немецких историков «Консерватизм в Австрии: течения, идеи, персоналии и организации от истоков до современности» под редакцией Роберта Рилла и Ульриха Целленберга. Участники проекта связали появление консерватизма с реакцией на идеи Просвещения, революцию во Франции и ее сдерживанием. Эволюция этих факторов в доктрину воплотилась в условиях Романтизма и конфликта традиционных институтов и воззрений с модернизацией¹⁸.

Гюнтер Кроненбиттер обратился к взаимодействию Фридриха фон Генца и главного консервативного политика Австрии 1809–1848 гг. – Клеменса фон Меттерниха. Кроненбиттер на материале переписки Генца и Меттерниха отметил смягчение позиции идеолога к национальному и либеральному лагерю, что привело к конфликту канцлера и его секретаря к 1830-м гг.¹⁹. Также Кроненбиттер исследовал становление идей Генца и их влияние на австрийский и немецкий консерватизм²⁰. В поле зрения исследователя также попало формирование понятий «свободы» и «порядка» в работах Генца²¹, их влияние на политический язык эпохи²², а также влияние консервативных идей на Венскую систему международных отношений²³.

Ханс-Кристоф Краус, изучая контекст появления консерватизма в Австрии 1790–1830 гг., сконцентрировался на романтизме. Краус отметил, что в 1790-е гг. началось разрушение старых парадигм в державе Габсбургов вкупе с неудачей в сдерживании революционной Франции²⁴. Историк сконцентрировался на взглядах Фридриха Шлегеля, а также

¹⁵ Valjavec 1955: 166-175.

¹⁶ Valjavec 1951: 542 S.

¹⁷ Allmayer-Beck 1959: 10-15.

¹⁸ Rill, Zellenberg 1999.

¹⁹ Kronenbitter 1999: 71-88.

²⁰ Kronenbitter 1994.

²¹ Kronenbitter 2000: 89-104.

²² Kronenbitter 1995: 383-403.

²³ Kronenbitter 2017: 91-97.

²⁴ Kraus 2006.

Адама Мюллера как продолжателя его идей. Тем не менее, труд оставил за скобками Й. фон Хормайра, одного из консервативных историографов этой эпохи. То же самое справедливо и по отношению к оформлению понятия «австрийского» в консерватизме 1790–1835 гг. Консерватизм глазами Крауса закрепился в обществе в силу критики романтиками модернизации и связанных с ней изменений²⁵.

Влияние Французской революции на становление консерватизма в державе Габсбургов попало в поле зрения исследователей в 1960-е гг. Эрнст Вангерманн, изучая противодействие «якобинским»²⁶ движениям, назвал его «изначальной» фазой консерватизма. Эту точку зрения поддержал Клаус Эпштейн, чья типология консерватизма разделила его на три ветви – «критику современного порядка», «реформизм» и «реакцию»²⁷. Развил эту мысль Гельмут Райнальтер: он полагал реформы и идеи Иосифа II как почву для оформления консерватизма, дополненную «народным консерватизмом» и контр-Просвещением в Австрии²⁸.

Крупной проблемой, порожденной революцией во Франции и затронувшей германские земли и державу Габсбургов, стал вопрос о французских эмигрантах. Первой его подняла Мария Павлик²⁹. Она отметила, что проблема отразилась на политическом контексте формирования консерватизма. Интеграцию эмигрантов, а также политику Вены по этому вопросу изучали Фридеман Пестель, Матиас Винклер³⁰ и Бёррис Кузмань. Все они изучали вопрос с позиции опыта беженства, аккультурации переселенцев, а также их конфликтов с принимающей средой³¹. Они сошлись во мнении, что эмигрантский вопрос и франкофобия глубоко повлияли на самоидентификацию населения державы Габсбургов и на оформление консерватизма первой трети XIX в.

Даниэль Шенпflug и Юрген Фосс изучили трансфер идей времен Французской революции и Наполеоновских войн, и его влияние на культурную ситуацию в Центральной Европе³². Вопрос беженцев и их адаптации в принимающем обществе, как отметили авторы, был внезапным для обеих сторон. Это связано с количеством мигрантов и ростом франкофобии в державе Габсбургов. Последняя культивировалась консервативно ориентированными публицистами, например Леопольдом Алоисом Хофманом, что попало в поле зрения Г. Райнальтера³³.

Крах пангерманизма в политике и историческом сознании в Австрии и Германии сказался на изучении творчества австрийского исто-

²⁵ Kraus 1999: 35-70; Kraus 1995: 205-230; Kraus 1997: 111-146.

²⁶ Wangermann 1966: 56-62. Речь идет в т.ч. о «венгерских якобинцах», которые восприняли идеи Французской революции.

²⁷ Epstein 1973: 460.

²⁸ Reinalter 1980; Reinalter 1988: 189-201

²⁹ Pawlik 1969: 78–127

³⁰ Pestel, Winkler 2016: 137-160.

³¹ Kuzmany 2018: 116-141

³² Schönpflug, Voss 2002.

³³ Reinalter 2008: 328–331; Reinalter 1997: 221–244.

риографа первой трети XIX в. Йозефа фон Хормайра. Так у Альфреда Майрхофер-Шмидта он предстал историографом-романтиком и основоположником австрийской историографии своего времени³⁴. Консервативное историческое сознание и его влияние на политику вернулись в поле зрения исследователей в начале 2000-х гг. в работах Барбары Гант³⁵. Тогда же Вальтер Ланди предложил отказаться от оценок историографа как «консервативного» в силу постепенной перемены им взглядов в 1813–1828 гг. Вторым доводом в пользу этого называлось влияние Хормайра на «национальные» историографии в силу связей с их представителями, например, с Франтишекком Палацким в Чехии³⁶.

Современные исследователи исторической памяти обращаются к мифам, сформированным консервативной историографией первой трети XIX в. На материале мифа о «борьбе за свободу» во время тирольского восстания 1809 г. Бригитте Мацоль, Бертольд Мертельзедер и Михаэль Форхер исследовали эволюцию регионального мифа в имперском пространстве памяти³⁷. Подчеркивается, что движение под руководством Хофера и Хормайра было символом региональной и имперской борьбы под традиционалистскими лозунгами. Оно уточнило региональную идентичности через укоренение понятия «австрийского».

Эту тематику в общегерманском контексте изучает Карен Хагеманн³⁸, которая исследовала формирование понятия «мужества» в романтических нарративах Наполеоновских войн. Оно взаимодействовало с проявлениями «подданнического», «гражданского», «национального» и «наднационального» в формировании коммемораций о периоде. Хагеманн подчеркивает влияние этих факторов на формирование немецкой и австрийской идентичностей и противоречий между ними.

В рамках политической истории интерес австрийских и немецких исследователей концентрируется вокруг интеграции консерватизма в политический курс государства, династии и их легитимацию. Сюда же относятся и вопросы, связанные с переустройством державы Габсбургов по этнополитическому признаку и ее «германская» политика. Например, Манфред Раухенштайнер изучил взаимоотношения старой самопрезентации Габсбургов и новой идеологической парадигмы в военной среде. Его исследование было посвящено отношению императора Франца II (I)³⁹ и эрцгерцога Карла к военному делу и вопросам мобилизации. Здесь преломлялись «германская сопричастность» и идея «войны немецкой чести», но с мобилизацией всех общностей империи в условиях дискуссии о реформах в Австрии⁴⁰.

³⁴ Mayrhofer-Schmid 1949: 187.

³⁵ Gant 2003.

³⁶ Landi 2008: 385

³⁷ Mazohl, Mertelseder 2009; Forcher 2013: 9-11.

³⁸ Hagemann 2019; Hagemann 2006: 41-62.

³⁹ В 1792 г. он короновался как император Священной Римской империи германской нации Франц II, в 1804 г. – как «Наследный император австрийский».

⁴⁰ Rauchensteiner 1972.

Отношения бюрократии, консервативной идеологии и понятия лояльности государству и династии стали предметом исследования Вальтрауд Хайндль. В работе «Покорные бунтовщики: бюрократия и государственная служба в Австрии» она осветила изменения в сфере политики и управления. Период с 1780 по 1848 гг. исследователь определила как рост и расширение бюрократии, который начался при Иосифе II. Чиновничество в державе Габсбургов периода Французской революции, Наполеоновских войн, а затем «Предмартовской эпохи» у Хайндль было идеологизировано в силу образования, а также лояльности короне с позиций «общего блага». Консервативная идеология здесь была одним из главных связующих элементов⁴¹.

Также Хайндль вместе с Эдит Зауэр и Ханнелоре Бургер исследовала политику державы Габсбургов по формированию института подданства и его трансформации в «гражданство». Этот вопрос был острым в силу миграционных потоков и территориальных изменений XVII–XVIII вв., а также пестрой этноконфессиональной ситуации. Вопрос, как считают авторы, повлиял на консолидацию жителей империи и на выработку связанных с ними правовых механизмов и статусов⁴².

Особой категорией в рамках политической истории австрийского консерватизма остался курс Клеменса фон Меттерниха. После 1945 г. в немецкой и австрийской историографии отказались от полярных оценок и стереотипов в отношении канцлера. Эгон Цезар Конте Корти, анализируя его политику, концентрировался на эволюции его политических взглядов, а также социальных связей⁴³ на материалах личных архивов канцлера. Меттерниха перестали рассматривать как фактор противодействия германскому единству и национальному движению.

Эта тенденция возобладала к 1960-м гг. Так, австро-американский историк Роберт Адольф Канн обратил внимание на то, что «национальные чувства», т.е. самоидентификация и требования суверенитета стали демонстрацией проблем национального устройства империи, но не были признаком ее дезинтеграции⁴⁴. Напротив, подчеркивалась дискуссия о пределах полномочий власти в Вене и на месте, а также решения вопроса с учетом мнения этнических общностей. Канн осуществил трансфер данной идеи в западную историографию, чем поспособствовал переосмыслению феномена державы Габсбургов в мире.

Дальнейшее переосмысление роли Меттерниха в устройстве Австрии, Германии и Европы было подхвачено немецким историком Францем Херре. Изначально Херре исследовал правление Меттерниха после Наполеоновских войн и поиски им возможностей для реформ. Общественная ситуация, когда течение романтизма набрало популярность и увлекло заинтересованные слои населения, затруднила реали-

⁴¹ Heindl 2016. Bd. 1.

⁴² Heindl, Sauer 2000.

⁴³ Conte Corti 1948-1949.

⁴⁴ Kann 1964.

зацию реформаторских проектов. Т.е. если до этого вина в консервации социальных и политических порядков возлагалась на канцлера, то теперь от этих взглядов отказались окончательно⁴⁵.

В цельную картину 1790–1848 гг. эру Меттерниха встроил профессор Венского университета Петер Чендеш⁴⁶. Курс Меттерниха перестал изображаться как цезура между Просвещением и революциями 1848–1849 гг. Стала обсуждаться роль канцлера в укреплении политической централизации в империи Габсбургов и Германии. Данную линию продолжил Карл Отмар барон фон Аретин, который отметил содействие канцлера политическим и финансовым реформам в империи. Провал первой связывается, в первую очередь, с позицией негерманских элит во время дискуссии о проекте 1817 г.⁴⁷.

Работы последних тридцати лет в Германии и Австрии отличаются изучением интерференции консервативной парадигмы и реформаторских идей у Меттерниха. Так в общих работах по истории Австрии под редакцией Гельмута Румплера и Карла Воцелки эпоха канцлера изображается временем конфликта старых порядков с модернизацией, в т.ч. оформлением наций. Сохранение империи предстало не только итогом репрессивной политики и господства консервативного прочтения австрийской идентичности и лояльности императору. И Воцелка, и Румплер понимали это как следствие трудностей национального строительства и диалога официальной позиции и национальных движений⁴⁸.

Одна из последних работ Вольфрама Зиманна, посвященная канцлеру, также выполнена в биографическом ключе. Зиманн старался проследить эволюцию взглядов Меттерниха, а также восприятие им политической и социальной ситуации в державе Габсбургов, Германии и Европе. Консервативная идеология для Меттерниха предстала средством обеспечения стабильности, в т.ч. с перспективой на модернизацию Австрии. Также был дан анализ проектов Меттерниха по реорганизации державы Габсбургов. Провал этих инициатив и крен в сторону охранительного курса связывается именно с местными элитами, которые боялись утраты статуса и традиционных сфер влияния.

С политикой Меттерниха Зиманн связал зарождение общеевропейского политического регулирования, а также экономической интеграции разнородных по этническому составу земель. Естественно, что такое прочтение несет на себе отпечаток осмысления евроинтеграции, в которой участвуют как Австрия и Германия, так и большая часть стран, бывших в составе державы Габсбургов. Однако критический анализ причин провала канцлера как австрийского, германского и европейского политика показал, что четкой стратегии по развитию империи на определенных этапах у него так и не сформировалось. Главной причи-

⁴⁵ Herre 1983.

⁴⁶ Csendes 1987.

⁴⁷ Freiherr von Aretin K.O. 1994: 236-243.

⁴⁸ Vocelka 2001; Rumpler 1997.

ной этого называлось слабое понимание новых культурных веяний и политических запросов в элитах и низах⁴⁹.

Восстановление суверенитета Австрии повлекло изменения в подходах к тематике австрийского консерватизма, в т.ч. к его этнополитической составляющей. Хуго Ханч после освобождения из концлагеря Бухенвальд обратился к этой проблематике в труде «Национальный вопрос в старой Австрии». Подход Ханча строился на изучении имперского строительства и механизмов власти, а также на роли в них отдельных идеологий, в т.ч. консерватизма⁵⁰. Генрих фон Србик после денацификации встраивал австрийский консерватизм в контекст имперской истории и имперской миссии Австрии, отказавшись от пангерманизма⁵¹.

Подготовку нового понятия идентичности и лояльности в Австрийской империи начала XIX в. изучали Вернер Телеско, Александр Рауш и Андреа Линдмайр-Брандль. Так последняя изучала трансформацию патриотической песни «*Gott erhalte Franz den Kaiser*»⁵² в имперский гимн. Он был написан под прямым влиянием оформляющихся консервативных идей, и подкреплял лояльность правящей династии в ее владениях. Ее появление трактуется историками и искусствоведами в Австрии как начало государственного гимна, т.е. одного из маркеров идентичности и лояльности для подданных⁵³.

Понятие «австрийского» в плане взаимодействия различных культурных традиций в одном пространстве исследовал Арнольд Зуппан. На примере соседства австрийских немцев и чехов он отметил, что обе общности силами консервативных политиков и императора Франца I были изолированы от дискуссии о понятиях «немецкого» и «австрийского», и более того, австрийские интеллектуалы, в т.ч. консерваторы, в силу курса Меттерниха были вынуждены адаптироваться к нему или эмигрировать, как это сделал Йозеф фон Хормайр. Именно это, по мнению Зуппана, и нанесло ущерб участию мыслителей из числа австрийских немцев в дискуссии о судьбе Германии и роли в ней Австрии⁵⁴.

С позиций культурной истории изучается взаимодействие австрийской культуры, в т.ч. художественной, с консервативным политическим дискурсом. Австрийский консерватизм и его идентитарный компонент здесь неразрывно связываются с конфессиональной природой. Примером изучения взаимосвязи церкви и государства в рамках консерватизма являлось изучение идеологемы «Австрийского благочестия»⁵⁵. Его как культурный, политический и интеллектуальный феномен в XIX–XX вв. исследовала Анна Корет. Историк изучила ее влияние на развитие ав-

⁴⁹ Siemann 2016.

⁵⁰ Hantsch 1953: 10-15.

⁵¹ Srbik 1949: 25-30.

⁵² «Боже, храни императора Франца»

⁵³ Lindmayr-Brandl 2017: 95-114.

⁵⁴ Зуппан 2019.

⁵⁵ Система взглядов, направленная на легитимацию Габсбургов конфессиональными средствами. Окончательно оформилась при Леопольде I (1658-1705 гг.).

стрийского консерватизма и его идентитарной природы. С позиции Корет, она оставалась под впечатлением церковной доктрины и ее прочтения монархами и политиками⁵⁶. Вернер Телеско и Александр Рауш изучали механизмы репрезентации власти Габсбургов конца XVIII – первой трети XIX вв. под влиянием консерватизма. Средства материальной культуры, которые были нацелены на формирование образа императорской власти, с точки зрения Телеско и Рауша, стали актуальны в консервативном контексте. Связано это было с Французской революцией как цезурой, которая поставила под вопрос самоидентификацию подданных Габсбургов, и понятия лояльности и подданства⁵⁷.

Также Телеско является исследователем понятия «австрийского» как культурного явления в Европе XIX в. В него вкладывались историческая память, использование образов прошлого в искусстве и их общественно-политическое значение для культурного ландшафта. Телеско полагал, что репрезентация истории посредством искусства была средством выражения австрийской идентичности. Понятие «австрийского» в представлении Телеско включало в себя самоидентификацию немецкоязычного и негерманского населения, его лояльность династии, а также имперский патриотизм. Оно также дополнялась персонификацией «Австрии» в культурном ландшафте посредством тиражирования образа суверена. Франц I предстал в разных ипостасях: продолжатель легитимной династии; «помазанник Божий»; глава «немецкой нации» до 1806 г., а затем и «любимец подданных»; индивидуальность и отец семейства; «первый слуга Отечества». Все это воздействовало на подданных как визуальный символ лояльности и маркер идентичности⁵⁸.

Изменения в отношениях между Римско-католической церковью и государством Габсбургов освещал лютеранский церковный историк Фридрих Хайер. Динамику диалога Ватикана и Вены Хайер представлял отражением дел в германских землях и Австрии. Отмечалось, что государственный католицизм и позиция Папы Римского нередко противостояли друг другу, что было не последним фактором политической нестабильности в державе Габсбургов⁵⁹. Иную точку зрения представил австрийский историк церкви и архивист Флоридус Рёриг. Он обратился к проблематике диалога Католической церкви и государства Габсбургов второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Становление политического католицизма в Австрии связывалось им с Йозефинскими преобразованиями и с изменениями 1790–1835 гг. в диалоге клира, двора и государства. Неойозефинский курс, по мнению Рёрига, был необходимостью в условиях удержания влияния на общественное мнение и средством продвижения консервативной идеологии⁶⁰.

⁵⁶ Coreth 1954: 90–119; Coreth 1982.

⁵⁷ Telesko, Rausch 2017: 13–20.

⁵⁸ Telesko 2008; 2006.

⁵⁹ Heyer 1963.

⁶⁰ Röhrig:1999: 199–212.

Взгляды эрцгерцога Карла на конфессиональную политику в Австрии исследовал немецкий историк Винфрид Ромберг⁶¹. Он проследил восприятие членом императорского дома Французской революции, изменений в этноконфессиональной ситуации и в отношениях церкви и государства. Согласно Ромбергу, один из ближайших родственников императора Франца II (I) не всегда был согласен с неойозефинским курсом и полагал гармонизацию отношений между клиром и двором необходимой для государства. Такие суждения стали возможны в силу романтизма, а также предполагаемых реформ государственных и социальных институтов, сторонником которых считался Карл.

***

За период с 1945 г. немецкоязычная историография австрийского консерватизма прошла через масштабные изменения. Она связана не только с изменениями в исторической науке и развитием ее новых направлений, но и с политической ситуацией и идентитарной политикой Австрийской Республики и ФРГ. Осуждение нацизма и Аншлюса, самоопределение австрийской политической нации и реабилитация политиков правого спектра отразились на изучении австрийского консерватизма и его идентитарной программы. На первых порах оно проходило в русле истории идей и политики.

Остались в силе представления о реакции на Йозефинизм, Просвещение, а также романтизм как факторы формирования консервативной доктрины и политической практике. Начало революции во Франции, а затем Революционных и Наполеоновских войн, как считают немецкие и австрийские историки, разрушило старую идеологическую, политическую и культурную парадигму в империи Габсбургов. Австрийские и немецкие историки также согласны с фактором «народного консерватизма», который позволил данной консервативной доктрине укорениться в обществе и определять его умонастроения и историческое сознание. То же самое относится и к конфессиональному фактору и отношениям государства с Римско-католической церковью.

Новшеством последних десятилетий стал отказ от демонизации канцлера Меттерниха и обозначения его политического курса как «реакции». Подчеркивается, что канцлер находился в конфликте с рядом «старых», в т.ч. негерманских элит империи, что сказывалось на возможностях реализации им своих инициатив. Также развернулась дискуссия о роли консерватизма в консолидации подданных Габсбургов, а также о взаимовлиянии «консервативного» и «национального». Еще одним новым явлением стало изучение формирования понятия «австрийского» средствами художественной культуры и встраивания образа правящего монарха в историческое сознание подданных Габсбургов.

Ряд вопросов, связанных с понятием «австрийского» в консервативном ключе, остается нераскрытым. Таковым остается формирование

⁶¹ Romberg 2006.

концепта «австрийского» в консервативном политическом лагере державы Габсбургов в 1790–1835 гг. Нередко он оказывается в тени «национальных возрождений» XIX в., а также под влиянием критики с их стороны, что затрудняет определение степени участия консерватизма в оформлении национальных или наднациональных идентичностей. Остается в целом плохо изученным взаимовлияние внутривнутриполитических мероприятий, идентитарной политики и прочтений консервативной парадигмы основными участниками процесса. Эти составляющие и определяли продвижения понятия «австрийского» средствами консервативной идеологии в империи, и поддержание его как действующего.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Mazohl B., Mertelseder B. (Hg.). Abschied vom Freiheitskampf? Tirol und “1809” zwischen politischer Realität und Verklärung. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 2009. 524 S.;
- Allmayer-Beck J. Chr. Der Konservatismus in Österreich. München: Isar Verlag, 1959. 76 S.
- Conte Corti E.C. Metternich und die Frauen. Nach meist bisher unveröffentlichten Dokumenten. München: Europa-Verlag, 1948-1949. In 2 Bde.
- Coreth A. Pietas Austriaca. Wesen und Bedeutung habsburgischer Frömmigkeit in der Barockzeit // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 1954. Nr. 7. S. 90-119.
- Coreth A. Pietas Austriaca. Österreichische Frömmigkeit im Barock. Wien: Oldenbourg, 1982. 83 S.
- Epstein K. Die Ursprünge des Konservatismus in Deutschland. Berlin: Propyläen, 1973. 846 S.
- Fellner G. Die österreichische Geschichtswissenschaft vom „Anschluß“ zum Wiederaufbau // Stadler F. (Hg.). Kontinuität und Bruch. 1938–1945–1955. Beiträge zur österreichischen Kultur- und Wissenschaftsgeschichte. Wien – München: Jugend und Volk, 1988. S. 135–155.
- Forcher M. Anno Neun. Der Tiroler Freiheitskampf von 1809 unter Andreas Hofer. Ereignisse, Hintergründe, Nachwirkungen. Innsbruck-Wien: Haymon, 2013. 136 S.
- Freiherr von Aretin K.O. Clemens Graf von Metternich-Winneburg // Neue Deutsche Biographie (NDB). Berlin: Dunkler und Humblot, 1994. Bd. 17. S. 236-243.
- Gant B. Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie. (Dissertation zur Doktorwürde (Phil.)). Innsbruck: Universität Innsbruck, 2003. 313 S.
- Heidl W., Sauer E. (Hg.). Grenze und Staat: Paßwesen, Staatsbürgerschaft, Heimatrecht und Fremden gesetzgebung in der österreichischen Monarchie 1750 - 1867. Wien: Böhlau, 2000. 972 S.
- Hagemann K. “Be proud and firm, the Citizens of Austria!” Patriotism and Masculinity in Texts of the “Political Romantics” written during Austria’s Anti-Napoleonic wars // German Studies Review, Vol. 29, No. 1 (Feb., 2006). P. 41-62.
- Hagemann K. Umkämpftes Gedächtnis. Die Antinapoleonischen Kriege in der deutschen Erinnerung. Paderborn: Schöningh, 2019. 427 S.
- Hantsch H. Die nationalitätenfrage im alten Österreich. Das Problem der konstruktiven Reichsgestaltung. Wien: Herold, 1953. 124 S.
- Heindl W. Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich. Wien: Böhlau, 2016. Bd. 1: 1780 bis 1848. 414 S.
- Herre F. Metternich: Staatsmann des Friedens. Köln: Kiepenheuer & W, 1983. 431 S.
- Heyer F. Die Katholische Kirche vom Westfälischen Friede bis zum Ersten Vatikanischen Konzil. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963. 196 S.
- Judson. P. M. The Habsburg empire: a new history. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2016. 567 p.
- Judson. P. M. Wien brennt! Die Revolution von 1848 und ihr liberales Erbe. Wien: Böhlau, 1998. 169 S.
- Kann R.A. Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918. Wien: Böhlau, 1964. In 2 Bde.
- Rill R., Zellenberg U.E. (Hg.). Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz-Stuttgart: Stockler, 1999. 367 S.
- Kraus H.-Chr. Das Ende des alten Deutschland. Krise und Auflösung des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation 1806. Berlin: Dunkler und Humblot, 2006. 124 S.

- Kraus H.-Chr. Die Jenaer Frühromantik und ihre Kritik der Moderne // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 1995. T. 47. S. 205-230
- Kraus H.-Chr. Politisches Denken der deutschen Spätromantik // Literaturwissenschaftliches Jahrbuch. 1997. T. 38. S. 111-146.
- Kraus H.-Chr. Die politische Romantik in Wien. Friedrich Schlegel und Adam Müller // Rill R., Zellenberg U.E. (Hg.). Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz-Stuttgart: Stockler, 1999. S. 35-70.
- Kronenbitter G. "Freiheit" und "Ordnung" bei Friedrich von Gentz // Rumpler H. (Hg.). Bernard Bolzano und die Politik. Staat, Nation und Religion als Herausforderung für die Philosophie im Kontext von Spätaufklärung, Frühnationalismus und Restauration. Wien-Köln-Graz: Böhlau, 2000. S. 89-104.
- Kronenbitter G. Friedrich von Gentz (1764–1832) // Böttcher W. (Hg.). Die „Neuordner“ Europas beim Wiener Kongress 1814/1815. Baden-Baden: Nomos, 2017. S. 91-97.
- Kronenbitter G. Friedrich von Gentz und Metternich // Rill R., Zellenberg U.E. (Hg.). Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz-Stuttgart: Stockler, 1999. S. 71-88.
- Kronenbitter G. Wort und Macht. Friedrich Gentz als politischer Schriftsteller. Berlin: Dunkler und Humblot, 1994. 414 S.
- Kronenbitter G. "Trüffeln oder Erdäpfeln". Friedrich Gentz und die politische Sprache // Archiv für Kulturgeschichte. 1995. T. 77. S. 383-403.
- Kuzmany B. Changes and Continuities in Austria's Coping with Refugee Crises over three Centuries // Journal of Austrian-American History. 2018, Vol. 2, No. 2. P. 116-141
- Landi W. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781-1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen // Pfeiffer G. (Red.). Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen. Innsbruck: StudienVerlag, 2008. S. 385–406.
- Lindmayr-Brandl A. Vom patriotischen Volkslied zur nationalen Kaiserhymne Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz, den Kaiser! // Telesko W. (Hg.) Die Repräsentation der Habsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur. Wien: Böhlau, 2017. S. 95-114.
- Mann G. Secretary of Europe: The Life of Friedrich Gentz, Enemy of Napoleon. Yale: Yale University Press, 1947. 323 p.
- Mannheim K. Das konservative Denken. Soziologische Beiträge zum Werden des politisch-historischen Denkens in Deutschland (1927) // Wissenssoziologie. Auswahl aus dem Werk / Eingel. u. Hrsg. von Kurt H. Wolff. Berlin: Luchterhand, 1964. S. 412–413
- Mayrhofer-Schmid A. Hormayr und die Romantik. Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Wien: Universität Wien, 1949. 187 S.
- Csendes P. (Hg.). Österreich 1790 - 1848: Kriege gegen Frankreich, Wiener Kongreß, Ära Metternich, Zeit des Biedermeier, Revolution von 1848. Wien: Brandstätter, 1987. 318 S.
- Rumpler H. (Hg.). Österreichische Geschichte 1804-1914: eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien: Ueberreuter, 1997. 672 S.
- Pawlik M. Emigranten der französischen Revolution in Österreich (1792– 1814) // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1969. Bd. 77. S. 78–127
- Pesditschek M. Heinrich (Ritter von) Srbik (1878–1951) // Hruza K. (Hg.). Österreichische Historiker. Lebensläufe und Karriere 1900-1945. Wien: Böhlau, 2013. Bd. 2. S. 303-322.
- Pestel F., Winkler M. Provisorische Integration und Kulturtransfer. Französische Revolutions-emigranten im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation // Francia. Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte. 2016. Bd. 43. S. 137-160.
- Rauchensteiner M. Kaiser Franz und Erzherzog Carl. Dynastie und Heerwesen in Österreich, 1796–1809. Wien: Oldenbourg, 1972. 131 S.
- Reinalter H. Aufgeklärter Absolutismus und Revolution. Zur Geschichte des Jakobinertums und der frühdemokratischen Bestrebungen in der Habsburger-Monarchie. Wien: Böhlau, 1980. 560 S.
- Reinalter H. Gegen die „Tollwuth der Aufklärungsbarbarei“. Leopold Alois Hoffmann und der frühe Konservatismus in Österreich // Weiß Chr. (Hg.). Von „Obscuranten“ und „Eudämonisten“. St. Ingbert: Röhrig, 1997. S. 221–244.
- Reinalter H. Nachwirkung des Josephismus // Josephinismus als Aufgeklärter Absolutismus / H. Reinalter (Hg.). Wien: Böhlau, 2008. S. 328–331;

- Reinalter H. Soziale Unruhen in Österreich im Einflußfeld der Französischen Revolution // Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft. 1988. Bd. 12. P.189-201.
- Röhrig F. Die Katholische Kirche vom Josephinismus zum Politischen Katholizismus // Rill R., Zellenberg U.E. (Hg.). Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz-Stuttgart: Stockler, 1999. S.199-212.
- Romberg W. Erzherzog Carl von Österreich. Geistigkeit und Religiosität zwischen Aufklärung und Revolution. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006. 462 S.
- Schönpflug D., Voss J. (Hg.). Révolutionnaires et émigrés. Transfer und Migration zwischen Frankreich und Deutschland 1789–1806. Stuttgart: Thorbecke, 2002. – 250 S.
- Siemann W. Metternich. Strategie und Visionär. Eine Biographie. München: C.H. Beck, 2016. 983 S.
- Srbik H. von. Aus Österreichs Vergangenheit. Von Prinz Eugen zu Franz Joseph. Salzburg: Müller, 1949. 297 S.
- Telesko W. Geschichtsraum Österreich. Die Habsburger und ihre Geschichte in der bildenden Künste des 19. Jahrhunderts. Wien: Böhlau, 2006. 576 S.
- Telesko W. Kulturraum Österreich. Die Identität der Regionen in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts. Wien: Böhlau, 2008. 632 S.
- Telesko W., Rausch A. Themen und Medien der Repräsentation // Telesko W. (Hg.) Die Repräsentation der Habsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur. Wien: Böhlau, 2017. S. 13-20.
- Valjavec F. Die Entstehung der politischen Strömungen in Deutschland 1770–1815. München: Verlag für Geschichte und Politik, 1951. – 542 S.
- Valjavec F. Die josephinische Wurzeln des österreichischen Konservatismus // Südost-Forschungen. – 1955. Bd. 14. S. 166-175.
- Vocelka K. (Hg.). Österreichische Geschichte 1699-1815. Glanz und Untergang der Habsburgischen Welt. Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien: Ueberreuter, 2001. – 542 S.
- Wangermann E. Von Joseph II. zu den Jakobinerprozessen. Wien – Frankfurt-am-Main-Zürich: Europa Verlag, 1966. S. 56-62.
- Weiß D.J. Die Reaktion auf Aufklärung und Französische Revolution // Rill R., Zellenberg U.E. (Hg.). Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz-Stuttgart: Stockler, 1999. S. 11-34.
- Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990 / Пер. И.Б. Стребловой. СПб.: Наука, 2003. 469 с. [Dann O. Natsii i natsionalizm v Germanii, 1770-1990 (Nation and Nationalism in Germany, 1770-1990) / Per. I.B. Streblovoi. Saint-Petersburg.: Nauka, 2003. 469 p.]
- Зуппан А. Тысяча лет соседства австрийцев и чехов: взгляд из Австрии. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. – 419 с. [Zuppan A. Tysyacha let soседstva avstriitsev i chekhov: vzglyad iz Avstrii (A thousand years of neighborhood between Austrians and Czechs: the Austrian view). Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 419 p.]
- Покок Дж. Г. А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: НЛО, 2018. С. 191-217 [Pokok Dzh. G. A. Kventin Skinner: istoriia politiki i politika istorii [Quentin Skinner: The History of Politics and the Politics of History] // Kembridzhskaja shkola: teoriya i praktika intellektualnoi istorii (Cambridge School of Intellectual History). Moscow: NLO, 2018. P. 123-141].
- Рагозин Г.С. Консервативное прочтение австрийской идентичности в сочинениях Фридриха фон Генца и Адама Мюллера фон Ниттердорфа (1816-1832 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 480. – С. 123-131 [Ragozin G.S. Konservativnoe prochtenie avstriiskoi identichnosti v sochineniyakh Fridrikha fon Gentsa i Adama Myullera fon Nitterdorfa (1816-1832 gg.) (Conservative approach towards the Austrian identity in works by Friedrich von Gentz and Adam Müller von Nitterdorf (1816-1832) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – No. 480. – P. 123-131].
- Рахшмир П.Ю. Три консервативные традиции: общее и особенное // Исследования по консерватизму. Вып. 2. Консерватизм в политическом и духовном измерениях. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. С. 4–17 [Rakhshmir P.Yu. Tri konservativnyye traditsii: obshchee i osobennoe (Three conservative traditions: common and specific features) // Issledovaniya po konservatizmu. Vyp. 2. Konservatizm v politicheskom i duhovnom izmereniyah. (Conservative studies, Issue 2. Conservatism in political and spiritual dimensions) Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 1995. P. 4–17.].

- Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. — 312 с. [Robin K. Reaktsionnyi Dukh: Konservativizm ot Edmunda Biorka do Sary Peylin (The Reactionary Mind: Conservatism from Edmund Burke to Sarah Palin). Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaidara, 2013. – 312 p.]
- Скиннер К. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: НЛЮ, 2018. С. 123-141 [Skinner K. Motiv, namereniya i interpretatsiya tekstov (Motives, Intentions and the Interpretation of Texts) // Kembridzhskaja shkola: teoriya i praktika intellektualnoi istorii (Cambridge School of Intellectual History). Moscow: NLO, 2018. P. 123-141].
- Чудинов А.В. Народы против Французской революции // Французский ежегодник. 2016. С. 5-35. [Tchoudinov A.V. Narody protiv Frantsuzskoi revolyutsii (Peoples against the French Revolution) // Frantsuzskii ezhegodnik. 2016. P. 5-35.].

Рагозин Герман Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова; ragozin92@gmail.com

Austrian Conservatism Between the late XVIII and the First Third of the XIX c. in German-Speaking Historiography after 1945

The paper deals with evolution of approaches and concepts applied towards studying the Austrian conservatism in late XVIII and first three decades of the XIX c. in German-speaking historiography after 1945. Restoration of the Austrian statehood, self-determination of the Austrian political nation and changes in historical research after the World War II led to revision of the leading concepts. The German-speaking historiography of the Austrian conservatism deals with this movement in public and political thought from positions of the history of ideas, intellectual history, history of concepts, political and cultural history. At the first stage, the Austrian historians tapped new approaches towards the Austrian conservatism into revisiting the historical consciousness of the country. Also, they started to position the Austrian conservatism as a factor shaping the Austrian statehood and political nation. Moreover, research results presented by Austrian and German historians aided right-wing politicians in rehabilitation after the National-Socialist dictatorship. Afterwards historians launched an active discussion on roots of conservative ideology and its integration into Habsburg politics. Scholars abandoned demonization of the course held by Metternich in Austria, Germany and Europe. Views of the chancellor were revisited, and so their formation in conservative paradigm. In addition, contemporary Austrian and German historians study the Habsburg cultural policy as a means of forming the loyalty towards the Empire and dynasty. At the present day, forming and settling the “Austrian” concept in conservative political movement of the Empire in 1790-1835 remains generally underexplored.

Keywords: *Austrian conservatism, historiography of conservatism, the concept of “Austrian”, Austrian history, History of the Habsburg empire, the Metternich era.*

German Ragozin, Ph.D., Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: ragozin92@gmail.com

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ XIX– НАЧАЛА XX ВЕКА В ОЦЕНКЕ Н.И. КАРЕЕВА. ЧАСТЬ 2

Польская проблема занимает важное место в творчестве известного русского либерального историка Н.И. Кареева. В статье рассматриваются взгляды Кареева на польскую проблему в России XIX – начала XX в.: исходные позиции историка по данной проблеме, ее составляющие, эволюция взглядов. Кареев рассматривал польскую проблему в России в связи с демократизацией жизни в стране, считая, что они связаны между собой. В международном плане Кареев считал невозможным предоставление независимости Польше, но рассматривал это как будущую возможность, полагая, что Польша войдет в свободную федерацию славянских народов.

Ключевые слова: польский вопрос, Н.И. Кареев, историческая полонистика в России

Оценочные позиции Н.И. Кареева в отношении истории Польши и польскому вопросу выразились в его научном творчестве как в общей историческо-социологической концепции всемирной истории, так и в оценке отдельных проблем российско-польских отношений уже в период российского господства в Польше (Царство Польское, польские восстания, проблема восточных православных земель бывшей Речи Посполитой, польский вопрос в начале XX в. в трех частях разделенной Польши).

Н.И. Кареев был одним из зачинателей либеральной традиции исторической полонистики в трактовке ключевых проблем: цивилизационного выбора Польши, реформации как западноевропейского явления на польской почве, шляхетской общественно-политической модели развития и др. Внимание ученого к истории Польши объяснялось интересом к переломным историческим событиям Запада, в которых Польша играла важную роль, а также остротой польского вопроса.

Либерально-демократические взгляды Н.И. Кареева выразились в его историческо-социологической концепции, которая наиболее полно соответствовала его идеям западной цивилизационной ориентации. Ученый, разработавший наиболее прозападную концепцию всемирной истории в российской науке в которой значение и роль России, рассматривалось как страны, которая должна стать частью западной цивилизации, отмечая, что она с самого начала своего исторического пути выбрала не западноевропейский, а путь восточноевропейского греко-славянского мира¹. «Весь ход всемирной истории и внутреннее развитие самой России, – утверждал ученый, – приводит к тому, что Россия не должна стать ни Византией, ни Азией, а должна стать Европой»². В таком контексте истории России Кареев представил место и роль Польши. Ученый, рассматривая Польшу в контексте западноевропейской истории, относил ее к своеобразной части западной цивилизации, стоящей на стыке За-

---

¹ Кареев 1903; Кареев 1903а.

² Кареев 1903а: 379.

пада и Востока Европы, выводя из этого положения особенности исторического пути Польши и ее связь с историей России³.

Осторожные оценки наблюдаются у Кареева при анализе его общей теоретической модели истории Западной Европы, при выделении в ней места и роли России (Московии) и Польши. История Польши рассматривалась им преимущественно в историософском плане. Ученый представил не типичный для современной ему российской науки образ Польши как страны передовой западноевропейской культуры, религиозной терпимости (до победы контрреформации), объединяющей к началу XVII века не только католическую Польшу, но и ряд православных земель Западной России в противовес почти варварской с азиатскими основаниями Московии, отмечая в ее укладе доминирование государства и слабое развитие личности. В такой интерпретации ученого, Польша и Россия к началу нового времени находились в различных цивилизационных центрах: Речь Посполитая как своеобразная часть западной цивилизации, а Московия имела черты восточной деспотии⁴.

Историографический анализ исторической полонистики Н.И. Кареева, как и В.О. Ключевского, подтверждает мнение, что они, сознательно отказываясь от возможности отдельного исследования и оценок наиболее политизированных проблем российско-польских отношений и польского вопроса в западнорусских землях. В результате этого в основных синтезах российской историографии (в т.ч. Кареева и Ключевского), несмотря на их историософские и идейно-политические различия, показ места и роли Польши в истории России и всемирно-историческом процессе сводился к весьма близким фундаментальным идеям славянофильского и антизападного толка российской консервативной исторической полонистики⁵. Н.И. Кареев проявление польского вопроса в России видел уже в начале XIX века в образовании Царства Польского как модели решения польского вопроса⁶. В истории Западной Европы он приводил характеристики Царства Польского Х. Лисицкого, используя тезис польского историка «о нереализованных поляках для их общественно-политического и культурного развития возможностей конституционного строя Царства Польского»⁷.

Причины образования Царства Польского рассматривались российской наукой весьма неоднозначно: как результат либеральной политики Александра I; как результат стечения дипломатических обстоятельств – в первую очередь, борьбы с Наполеоном и Венский конгресс; как попытка решения польского вопроса в пользу России. Даже выдвигалась версия о предательстве национальных интересов Александром⁸.

³ Кручковский 2016: 80.

⁴ Кручковский 2017: 228.

⁵ Кручковский 2015; 2023а; 2023; 2017: 229.

⁶ Кручковский 2006: 25–30.

⁷ Кареев 1892–1917: Т.5. 22.

⁸ Кручковский 2006: 25–30.

Кареев был среди тех либеральных историков (С.М. Соловьев, А.Л. Погодин) которые видели причины либеральной политики начала XIX века в отношении поляков в необходимости противопоставления польской политике Наполеона. По мнению А.Л. Погодина: «Наполеон, образуя герцогство Варшавское, хотел просто использовать поляков, но не понял, что Россию пугать Польшей нужно не только с Варшавой и Познанью, но также с Краковым и Вильно»⁹. Кареев считал, что польский вопрос был весьма важным на Венском конгрессе, и этот фактор привел к созданию Царства Польского как ограниченного польского государства. В этой связи им подчеркивалась так же активная и заметная роль самих поляков во времена наполеоновских войн¹⁰.

Показывая демократичность конституции Царства Польского и отмечая ее возможности в развитии польской нации, Н.И. Кареев соотносил с эпохой ее принятия: «...была она весьма либеральной, если принять во внимание характер эпохи». «Конституция, – писал он, – давала свободу слова, печати, закрепляла права польского языка, устанавливала обязанности и права короля, сейма и т.д.»¹¹. Кареев поддержал положение о том, что «негативное наследие анархии времен Речи Посполитой не позволило полякам воспользоваться благоприятной ситуацией под властью российского императора. Во времена Речи Посполитой поляки настолько сжились с традициями «золотой вольницы», – утверждал он, – которая была на деле анархией, что не хотели и уже не умели понимать свободу под иными формами. К тому же не были забыты традиции конфедерации времен Речи Посполитой»¹².

Оценка Царства Польского как формы решения польского вопроса была весьма различна в российской историографии. В среде консервативно-националистических историков доминировала точка зрения о нем как искусственном государственном образовании Александра I, несовместимым с национальными интересами России¹³. Н.И. Кареев, характеризуя Царство Польское как модель решения польского вопроса в России, считал, что оно «рассматривалось поляками как временное, переходное состояние, так как перипетии их судьбы конца XVIII – начала XIX в. приучили их видеть в каждом периоде новое решение польского вопроса, его временное состояние. В связи с этим у поляков оставалась надежда на полное возрождение Польши»¹⁴.

Исходя из различных оценок Царства Польского как модели решения польского вопроса в России, российские исследователи пытались ответить на вопрос о причинах польского национального восстания 1830 г. Консервативная историография в основном сводила его

⁹ Погодин 1915: 49.

¹⁰ Кареев 1892–1917: Т.5. 20.

¹¹ Ibid: 20.

¹² Ibid, 20, 22.

¹³ Кручковский 2006: 26.

¹⁴ Кареев 1892–1917: Т.5.19.

причины к проблемам польского национального характера, недовольству поляков Царством Польским из-за отсутствия в его границах православных русских земель Речи Посполитой, а отсюда – невозможности возрождения былого величия Речи Посполитой, а в либеральной историография спектр причин восстания значительно шире.

Н.И. Кареев утверждал, что польское восстание 1830 г. было результатом решений Венского конгресса, так как «великие державы не брали в расчет интересы народов, в том числе, и польского»¹⁵. Отмечалось, что осложнение ситуации вызывали и личные черты Константина, а также изменения во взглядах Александра I. Историк замечал, что «характер Константина, его воспитание мало соответствовали выполнению его миссии, хотя он сжился с Польшей и был женат на польке»¹⁶.

После поражения восстания 1830 г., отмечал ученый, положение резко изменилось: была отменена конституция 1815 г., введен русский язык, закрыт Варшавский университет, введена строжайшая цензура. «После же 1864 года, – писал далее Кареев, – параллельно с расползанием Западного края с середины 60-х гг. была предпринята и попытка русификации Царства Польского, которое даже утратило своё настоящее имя, чтобы уступить место другому – «Привислинский край»»¹⁷. По его мнению, после 1831 г. русское и польское общества, находясь в одном государстве, продолжали жить отдельно: «поляки отгородились от России как бы внутренней стеной, да и само русское общество отгородилось от Запада китайской стеной»; в этих условиях наблюдался интеллектуальный застой польского общества: «бездействовала критическая мысль, звучала одна и та же нота восстановления прежнего государства». Общая его оценка русско-польских отношений этого периода такова: «нас игнорировали и относились недоверчиво». Эта ситуация привела к тому, что «новое поколение поляков в 60-х годах пошло по старой дороге – восстаний и в результате после 1863 года польское общество снова отмежевалось, и это же сделала Россия»¹⁸. В целом Кареев негативно относился к польским восстаниям¹⁹. Он считал, что «революционная пропаганда польской эмиграции и устроенные ими выступления на деле только ухудшили положение польской нации во всех трёх частях Польши», подтверждая это тем, что в начале 60-х гг. режим в отношении поляков смягчился и начались реформы, но «вспыхнуло новое польское восстание, затронувшее польский элемент на литовско-русских землях – и снова возобновилась политика русификации»²⁰.

Кареев осуждал политику русификации, ее поддержку со стороны консервативной среды как панацеи в решении польского вопроса, пола-

¹⁵ Ibid: 57-59.

¹⁶ Ibid: 26.

¹⁷ Кареев 1915: 70.

¹⁸ Кареев 1905: 80-81.

¹⁹ Kruczkowski 1997; 1999; Кручковский 2006.

²⁰ Кареев 1915: 70.

гавшей, что «пока все поляки не окажутся под русской властью или до тех пор, пока ни одного поляка не останется в северо-западном крае, – не могут решить этот вопрос, и думать так – значит вовсе не желать решения польского вопроса»²¹. Он отмечал примеры такой политики: запрет использования польского языка, польская история стала предметом поругания. В качестве курьёзной интерпретации польской истории в России историк сослался на довод, что якобы Вену от турок спасли не войска Яна Собеского, а казаки. «Выдворение польского языка из учебных заведений, – писал он, – принесло русскому делу в крае огромный вред»²². Ученый утверждал, что политика русификации в отношении Польши начиналась с 1830 г., но усилилась после 1864 г.²³ Попытку русификации Царства Польского правительственной ошибкой считал и Б.Н. Чичерин, отмечая, что «вопрос сохранения польского языка – это не уступка полякам, а интерес самой России»²⁴.

Н.И. Кареев не поддержал мнения историографии славянофильского толка, как и части либералов, о поляках как отщепенцах славянства. Он ставил вопрос о нелогичности российской политики поддержки славян: «политика преследования в отношении поляков – это также политика в отношении славян, о чём в России часто забывают»²⁵. «Поэтому нельзя полякам ставить в вину, – продолжал он, – нежелание присоединиться к славянскому союзу: сама русская политика сделала невозможным участие поляков в Великом славянском союзе»²⁶. Только после 1863 года, писал Кареев, в польском обществе был поставлен вопрос об «органической работе», т.е. о внутреннем развитии. Проблему польского позитивизма он сводил к следующим моментам: 1) внутренняя органическая работа, а не рискованные политические предприятия; 2) единение с другими славянскими народами; 3) признание значения крестьянской реформы 1864 года; 4) освобождение знания от клерикализма и светскость науки; 5) критическое отношение к своему прошлому и протест против национального самонимия; 6) сближение литературы и жизни (приводя пример Г. Сенкевича и Э. Ожешко)²⁷.

Причины консерватизма польского общества Н.И. Кареев видел в том, что интеллигенция остаётся самостоятельной единицей польского общества. В ней особая роль принадлежала консерватизму мышления, связанного с разделами Речи Посполитой, что «постоянно ставило вопрос восстановления независимости, оставляя на втором плане вопросы внутреннего устройства»²⁸. Это привело к тому, считал ученый, что

---

²¹ Кареев 1915: 42.

²² Кареев 1905а: 720.

²³ Кареев 1905: 34.

²⁴ Чичерин 1901: 24.

²⁵ Кареев 1905: 42.

²⁶ Кареев 1915: 82.

²⁷ Кареев 1905: 106.

²⁸ Кареев 1905: 90.

«консервативная форма католичества стала формой выживания, и отказ от него квалифицировался как измена». Поэтому, утверждал далее историк, – «потеря некоторых черт рассматривается не как прогресс, а как денацификация. Поляки замкнулись в себе, отсюда и национальное самолюбие до шепетильности»²⁹.

Ещё в 1881 г. Н.И. Кареев в первом своём письме из цикла «Польских писем» весьма нетрадиционно для того времени сформулировал свои взгляды на возможность и пути решения польского вопроса в России демократическим путём, а не посредством ассимиляции и русификации поляков³⁰. Ещё раньше Б.Н. Чичерин поставил вопрос о необходимости демократического пути решения польского вопроса вплоть до получения Польшей независимости³¹. В демократической прессе подобным образом вопрос предлагал решить ещё в 50–60-е гг. А.И. Герцен³². Даже в среде консервативных историков временами высказывалась мысль о необходимости «отпустить» Польшу (М.П. Погодин)³³. Такие мнения были весьма немногочисленны, и даже у А.И. Герцена подобное предложение обуславливалось рядом существенных оговорок³⁴. По мнению же Кареева – путь к решению польского вопроса в России конца XIX в. лежал через стремление понять современные мотивы поляков, так как русская консервативная пропаганда, утверждавшая о стремлении поляков вернуться к границам 1772 г., уже не отражала точки зрения польского общества. Историк в условиях конца XIX в. ставил под сомнение убеждение о господстве в польском обществе стремления к возрождению Речи Посполитой в прежних границах: «Конечно, я не взял бы на себя смелость утверждать, что нет стремлений вернуть политическую самостоятельность, но главным образом все сходится к необходимости добиться свободы культурного развития»³⁵. «В настоящее время, – писал он, – польский вопрос на почве международной политики видимо, решён надолго. Другое дело, продолжал он, – внутренняя политика, изменить которую легче, чем восстановить государство»³⁶. В этой ситуации, утверждал Кареев, – «необходимо мирное сожительство в одном государстве, и поляки уже начинают к этому склоняться. Давние споры о землях Литвы и Руси уже отошли»³⁷. Иным по этому вопросу было мнение консервативной историографии³⁸.

Одна из важнейших проблем польского вопроса, считал Н.И. Кареев, – это выяснение отношения поляков к трём государствам, разде-

²⁹ Ibid: 93.

³⁰ Кареев 1881. № 5:51–58.

³¹ Чичерин 1901.

³² Walicki 1991.

³³ Павленко 2003.

³⁴ Walicki 1991.

³⁵ Кареев 1905b:1070.

³⁶ Кареев 1905:259.

³⁷ Кареев 1905:260.

³⁸ Кручковский 2011; Кручковский 2016; Кручковский 2022.

лившим Речь Посполитую. По его мнению, положение поляков в этих частях было не одинаково и изменялось на протяжении XIX века³⁹. В данном случае, как отмечается в польской историографии, Н.И. Кареев использовал статью А. Свентоховского «Władne koło»⁴⁰. А. Свентоховски был сторонником русско-польского примирения на демократической основе и считал, что поляки имеют перспективы развития только в Царстве Польском, так как в Пруссии и Австрии они обречены на застой в развитии или потерю своей национальности. Этому же вопросу посвящена большая часть «Польских писем» Н.И. Кареева.

Как и ряд русских историков (независимо от их идейно-политической направленности – М.П. Погодин, М.О. Коялович, Д.И. Иловайский и др.), Н.И. Кареев отмечал непоследовательность политики России в отношении поляков. Он даже утверждал, что правительство своими мерами продолжило полонизировать бывшие области Речи Посполитой, «пока польские восстания не поставили перед правительством задачу «располичивания» и «обрусения» края»⁴¹. В качестве доказательства он отмечал, что Россия сохранила после разделов Речи Посполитой на белорусских землях польский язык в школе, польское землевладение, после войны 1812 года Александр I сохранил Польше самоуправление, дал конституцию. «Однако, несмотря на всё это, – продолжал историк, – польские восстания были направлены против России, так как поляки считали её главным виновником бед Польши»⁴². Виновата в этом положении, считал он, – также и католическая церковь, причем Н.И. Кареев утверждал, что «польские католики – это не римские католики, так как папа запрещал бунты, а польские католики поднимали их. В результате пострадало и католичество в России, так как из-за польских заговоров правительство и русское общество потеряли к нему доверие»⁴³.

По мнению Н.И. Кареева, неверно убеждение поляков в том, что Россия является главным виновником бед польской нации: «вина за разделы, за всё дурное, что потеряла с этих пор польская нация». Одновременно он отмечал: «Ведь именно ей досталась львиная доля наследства Речи Посполитой. Против России были направлены восстания 1830, 1863 гг., в сравнении с которыми вспышки в Галиции и в Познани в конце 40-х гг. кажутся чем-то очень неважным»⁴⁴.

Кареев считал, что Россия не сможет русифицировать свою часть Польши: «здесь сплошной массив польского населения, развитое самосознание народа, это и самый экономически развитый регион»⁴⁵. Добавляя новые аргументы, историк утверждал, что русская колонизация, в отличие от немецкой, не имела шансов русификации поляков: «Цар-

³⁹ Кареев 1905b: 1070.

⁴⁰ Bardach 1980: 115.

⁴¹ Кареев 1915: 67.

⁴² Кареев 1905: 119.

⁴³ Ibid: 110.

⁴⁴ Кареев 1915: 82.

⁴⁵ Кареев 1905: 26.

ство Польское было заселено 6 миллионами человек сплошного польского населения, к тому же более образованного, чем русское. Россия, в отличие от Германии, не имеет капиталов, чтобы скупить земли у поляков»⁴⁶. Б.Н. Чичерин также писал об отличиях в русской и немецкой политике ассимиляции поляков: «немецкая проводилась экономическими и культурными методами, а русская – полицейскими»⁴⁷.

Вместе с тем, «как бы тягостно ни было положение, создавшееся в Царстве Польском в эпоху обрусительства, всё-таки оно не было столь опасным для самого существования польской нации»⁴⁸. Каоеев писал: «В Царстве Польском невозможен союз поляков с русскими консерваторами: в России нет консервативных сил, которые бы пошли на такое соглашение с поляками»⁴⁹. Польские сторонники «утоды» не пошли на соглашение с российским правительством, так как не видели в России класса или партию, которые могли бы их поддержать: «Национально-классовые русские силы, близкие к ним, сторонники русификации, и в результате такое соглашение как в Австрии невозможно»⁵⁰. В русской Польше, считал Кареев, возможности прогресса для поляков выше, чем в немецкой части Польши, где они, «пытаясь сохранить свою самобытность, замыкаются в консервативной идеологии, становясь больше католиками, чем поляками»; российские реформы не только создали прочные узы братства наций, но и обновили польскую нацию: «В русской Польше нет альтернативы развитию прогресса для поляков, так как союз с демократической Россией не потребует денационализации поляков»⁵¹. «В России идея о том, что поддержать поляков может только демократическая Россия, – продолжал он, – получила поддержку в период освободительного движения 1905 года»⁵².

В сумме всех этих факторов Кареев, сравнивая перспективы развития польской национальности в трех частях Польши, видел для поляков, для их будущего наиболее перспективным Царство Польское. Это было возможно, по его мнению, при условии союза с демократической Россией. «К тому же в русской Польше, – добавлял ученый, – наиболее развита промышленность, и ей открыт огромный русский рынок». «Преимуществом Царства Польского был и сплошной массив польского населения, – писал он далее, – в то время как в Германии и Австрии оно располагалось вперемешку с другими нациями»⁵³. «Галиция в 60-е годы XIX века, – отмечал Кареев, – получила от Франца-Иосифа нечто подобное тому, что было дано Александром I Царству Польскому, во всяком случае, возможность беспрепятственного для польской нацио-

⁴⁶ Ibid: 50.

⁴⁷ Чичерин 1901: 24.

⁴⁸ Кареев 1915: 71.

⁴⁹ Кареев 1884. № 72: 2.

⁵⁰ Кареев 1905b:1072.

⁵¹ Кареев 1905: 22–24.

⁵² Кареев 1915: 81.

⁵³ Кареев 1905: 26.

нальности развития польского языка в учреждениях, школах, судах»⁵⁴. Историком признавались политические свободы и возможность развития национальной культуры и образования поляков в австрийской Галиции. В руках Австрии в отношении поляков, считал Кареев, – имелся сильный козырь: общая католическая вера. «Поляки, – утверждал он, – весьма консервативны: они слишком привязаны к своим традициям, изменить их чем-нибудь им кажется изменой национальному делу»⁵⁵.

Возникшие в 1860-е гг. в Австрии политические движения, проповедовавшие отказ от политической борьбы и получившие в польском обществе название «станчиков», Кареев характеризовал как «польских консерваторов на новом этапе развития, потерявших веру в победу восстания»⁵⁶. В результате стечения этих обстоятельств «поляки в борьбе с немецкими элементами Австрии должны были стать союзниками консервативных сил, и тем самым наступила задержка их собственного прогресса, несмотря на наличие двух польских университетов в этой части Польши – в Кракове и Львове»⁵⁷. Всё это, по его мнению, – создавало для поляков «своеобразный заколдованный круг». Здесь Кареев снова ссылался на статьи А. Свентоховского, где проводилась мысль о том, что поляки в Познаньщине чувствуют себя более католиками, чем поляками. «И в Пруссии, и в Австрии, – заключал историк, – у поляков две дороги: полная денационализация или культурное банкротство»⁵⁸.

Таким же было, по его мнению, положение поляков в Пруссии: «перед ними были две дороги, и обе фатальные: первая – идти с немцами по дороге прогресса, и тем самым потерять свою народность, вторая – отстаивать свою народность клерикальными методами и отстать от прогресса», но это означало, что «первая дорога ведёт к национальной смерти, а вторая – к культурному банкротству»⁵⁹. Историк отмечал, что в Пруссии местное католическое население, которое являлось временным союзником поляков, после примирения Бисмарка с папством стало поддерживать его политику германизации польских территорий⁶⁰. «И политика германизации поляков, – писал он, – нашла поддержку в большинстве немецкого общества, в том числе и у интеллигенции»⁶¹.

Русско-польские отношения, утверждал Кареев, сложились совсем иначе. «Во времена разделов польская нация только потеряла свои колонии в литовско-русских землях, но сама этнографическая Польша отнюдь не сделалась местом русской колонизации... С этой стороны полякам и сейчас не грозит денационализация, да и восстановить единство польской нации для России гораздо легче, чем для Пруссии, для которой

⁵⁴ Кареев 1915: 79.

⁵⁵ Кареев 1915: 84; Кареев 1884. № 72: 2.

⁵⁶ Кареев 1905: 128–129.

⁵⁷ Кареев 1905: 22.

⁵⁸ Кареев 1915: 84.

⁵⁹ Кареев 1905: 22.

⁶⁰ Кареев 1915: 79.

⁶¹ Ibid: 76.

это прямо опасно»⁶². «Проводя политику русификации в отношении поляков, – писал далее историк, – расшатывая их национальность: мы не понимаем, что она станет добычей Германии, а не нашей, так как немцы умеют ассимилировать польские территории, а мы нет»; он сетовал на то, что «русская пресса, не понимая собственных интересов, со злорадством отмечает успехи германизации, считая, что поляков наказывает судьба за их отношение к русским»⁶³.

Кареев в решении польского вопроса в России считал возможными меры, предлагаемые польской общественной мыслью позитивистского направления: полное юридическое и фактическое равенство народов в империи. Русско-польское сближение, по Карееву, могло произойти между новыми людьми и идеями в обоих обществах: «только люди, которые не будут укорять нас в схизме, а мы их – в латинстве»⁶⁴. Позитивистские тенденции в польском обществе вместе с русскими демократическими кругами, считал он, дают возможность будущего сближения⁶⁵: «Пока же обе стороны будут держаться за обветшалые знамёна, примирения не будет»⁶⁶. Такое решение польского вопроса, возможно только с введением представительного управления в самой России⁶⁷. «В России, – писал Кареев, – бояться распада государства с введением представительной власти и представлением её народам национальных прав, но скорее наоборот угнетение народов будет вызывать сепаратизм среди поляков»⁶⁸. Он считал, что развитие представительных форм власти в Западной России привело бы к ослаблению польского влияния, которого так опасалось правительство, среди белорусов и украинцев. При этом введение представительного управления в Западной России опаснее для поляков: «пока в процессе неудачной русификации участвовал русский бюрократический аппарат, а что будет, – задавал он вопрос, – если этим займутся и живые силы русского общества»⁶⁹. Это положение было общим для ряда российских историков, в том числе и консервативного направления (например, М.О. Коялович)⁷⁰.

Н.И. Кареев прямо связывал развитие русского общества с решением польского вопроса: «пора нам понять, что наш прогресс возможен с решением польского вопроса, что пора стряхнуть с себя кошмар 1863 года, пора перестать травлю поляков»⁷¹. Историк считал, что русские

⁶² Ibid: 77.

⁶³ Кареев 1905: 17-18.

⁶⁴ Ibid: 78.

⁶⁵ Кареев 1915: 11.

⁶⁶ Кареев 1915: 14-15.

⁶⁷ Кареев 1915: 37.

⁶⁸ Кареев 1915: 257.

⁶⁹ Кареев 1905а: 719. В то время как в русской консервативной мысли (М.Н. Катков, А.С. Аксаков, Д.И. Иловайский и др.) популярным было мнение о необходимости земельной насильственной ассимиляции поляков или их выселения из православных земель бывшей Речи Посполитой. – Кручковский 2016.

⁷⁰ Коялович 1864; Кручковский 2023б.

⁷¹ Кареев 1915: 41.

националисты почувствовали опасность возможного русско-польского сближения: «правая пресса («Новое время», «Русские ведомости») подняла антипольскую кампанию, обвинив поляков в причастности к событиям 1 марта 1881 г.»⁷². «В настоящее время, – писал он, – этот вопрос становится ещё шире: газета «Русь», отколовшись от шовинистического «Нового времени», завела даже целый польский отдел»⁷³.

Подводя итоги сравнения положения поляков в трёх частях разделённой Польши, Н.И. Кареев утверждал: «конечно, предпочтение поляков было на стороне австрийского режима, но раз приходилось выбирать между режимом прусским и русским, нельзя было не отдать предпочтение второму. Россия была менее опасна для поляков в смысле денационализации»⁷⁴. Задачу России он видел в том, чтобы сохранить и уберечь от денационализации польский славянский народ, его культуру и язык. Формулируя свою позицию по польскому вопросу накануне революции 1905 г., Кареев писал: «Польша должна остаться в границах России, но при этом в границах этнографической Польши должна пользоваться полной неприкосновенностью её национальности и свободы её духовного и бытового творчества и развития. Такой необходимо сохранить её до тех пор, когда воскреснет славянский мир, когда наступит пора независимости Польши. Мы передадим польский народ в семью славянских народов как здорового, примирившегося со всеми братьями»⁷⁵. Подобный вариант решения польского вопроса представлял В.О. Ключевский: «Предстояло ввести Польшу в ее этнографические границы, сделать ее настоящей польской Польшей, не делая ее Польшей немецкой»⁷⁶. Такой вариант решения польского вопроса предлагался и в консервативной историографии⁷⁷. Известный полонофоб А.С. Будилович предлагал следующее: «В интересах не только славянства, но и человечества нужно желать сохранения польским народом своей исторической личности»⁷⁸. Взамен независимости Польше А.С. Будилович предлагал ей будущее участие в панславистской федерации во главе с Россией. А.С. Будилович замечал: «Когда внутренняя общественная сила Польши обносится <...> когда мечта о политическом панславизме в той или другой форме совершится, тогда, и Польша найдет себе почетное место и независимое положение в конфедерованном славянстве»⁷⁹.

Н.И. Кареев рассматривал в качестве причин остроты польского вопроса в России обстоятельства исторического и общественно-политического характера. К историческим причинам он относил взаимосвязанное историческое прошлое России и Польши: острое польско-

⁷² Кареев 1905b: 1073.

⁷³ Ibid: 1074.

⁷⁴ Кареев 1915: 79.

⁷⁵ Кареев 1905: 20–21.

⁷⁶ Ключевский 1989. Т. 5: 56.

⁷⁷ Кручковский, 2022: 10–34.

⁷⁸ Будилович 1871: 162.

⁷⁹ Ibid: 164.

русское не только военно-политическое, но и цивилизационное соперничество во времена Речи Посполитой⁸⁰, в том числе и за православные земли ВКЛ. Эти территории историк, как это было принято в российской исторической науке того времени, именовал русскими⁸¹. Он рассматривал русско-польское соперничество до реформ Петра I как цивилизационное столкновение Запада и Востока⁸².

К общественно-политическим факторам остроты польского вопроса в России Кареев относил польские национально-освободительные восстания, направленные, в первую очередь против России, с одной стороны, и попытки российского правительства ассимиляции поляков, с другой⁸³. По определению Кареева, «польская история XIX века – странное явление: польские патриоты были в конечном результате вынуждены умирать за чужие интересы – в первую очередь, Франции»⁸⁴. Вместе с тем он считал, что к концу XIX в. решающее влияние стали оказывать общественно-политические факторы, а не историческое прошлое.

Славянофильская традиция интерпретации вражды России и Польши как цивилизационной борьбы присутствовала как в российской историографической традиции (С.М. Соловьёв, Д.И. Иловайский и др.), так и в философии истории (Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьёв, Н.И. Бердяев и др.). В.С. Соловьёв считал русско-польское противостояние и в XIX в. противоборством Запада и Востока. По его мнению, этой борьбой объясняются радикализм и непримиримость польского движения в России: «являясь передовыми борцами западного начала, поляки видят в России враждебный их духовному существу Восток, силу, чуждую и тёмную, и притом имеющую притязания на будущность <...> Вражда Польши к России является <...> выражением векового спора Запада и Востока, и польский вопрос есть лишь фазис великого восточного вопроса»⁸⁵. Отмечая старую ссору в славянской семье – русских и поляков, Н.И. Бердяев утверждал, что «она не может быть объяснена только внешними силами истории и внешними политическими причинами. Эта вражда, прежде всего, вражда двух славянских душ, родственных по крови и языку, по общеславянским расовым свойствам и столь же различных, почти противоположных. Поэтому, мол, русские и поляки боролись не только за землю, но и за разное чувство жизни»⁸⁶.

Особую потребность в решении польского вопроса в начале XX в., как для поляков, так и для России Н.И. Кареев, как и многие русские историки (В.О. Ключевский, А.Л. Погодин и др.), видел также в нарастающей германской угрозе. Ситуация, по его мнению, требует от Рос-

⁸⁰ Кручковский, 2016: 80.

⁸¹ Кручковский 1994: 278.

⁸² Кручковский 2015; Кручковский 2017.

⁸³ Кареев 1915: 69–71.

⁸⁴ Кареев 1905: 127.

⁸⁵ Соловьёв 1989: 71.

⁸⁶ Бердяев 1990: 139.

сии русско-польского примирения по причине необходимости сохранения целостности государства⁸⁷.

«Для России, – утверждал Н.И. Кареев, – лучше иметь на западной границе дружественную нацию, а не враждебную, в виду возможного столкновения с Германией, не говоря уже о невыгодном превращении поляков в немцев и усилении немецкого влияния в Царстве Польском». «Политикой не примирения с поляками, – продолжал он, – можно только помочь Германии»⁸⁸. «Угроза германизации требовала также и от поляков, – утверждал историк, – потребность в союзнике. Полякам в настоящее время, – считал он, – нужны союзники вне их национальности, но не платонические (как Франция) и не задерживающие их развитие (как немецкие клерикалы), и таким союзником могут быть только демократические силы России»⁸⁹. Историк утверждал, что «начало XX века в России подтвердило, что союзниками поляков выступили демократические элементы, а элементы родственные польским консерваторам в Германии и Австрии, покровительствующие полякам до сих пор, – врагами»⁹⁰. В результате, утверждал Н.И. Кареев: «В начале XX века сложилась база для русско-польского сближения: национальная угроза колонизации для поляков немцами, экономическое уничтожение ими польской промышленности и сельского хозяйства»⁹¹.

В данном случае Кареев находил аргументы и по польской стороне: это была – с одной стороны краковская консервативная школа польской историографии (М. Бобжиньски, В. Калинка и др.), а с другой – польские национальные демократы. Историческая аргументация краковской консервативной школы в отношении истории Польши, польско-российских отношений неоднократно использовалась российским либеральным ученым, как и большинством российской историографии независимо от ее направлений⁹². Диалог Кареева и Бобжиньского исследовался в российской историографии Л.М. Аржаковой⁹³.

В отношении польского вопроса начала XX века показательное обращение Н. Кареева к Р. Дмовскому, не только лидеру эндеков, но и стороннику пророссийской ориентации, руководителю польского кола в Думе. Как известно Р. Дмовски, как и Н.И. Кареев, главную опасность для существования польского народа рассматривал в германизации. В связи с этим Кареев помог в издании на русском языке основного на тот момент историко-политологического труда Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос»⁹⁴. Показательно, что предисловие под названием «К русским читателям» к этому труду польского политика написал

⁸⁷ Кареев 1905b: 1073.

⁸⁸ Кареев 1905: 16; Кареев 1905b: 1074.

⁸⁹ Кареев 1905: 71.

⁹⁰ Ibid: 85.

⁹¹ Кареев 1905b: 1074.

⁹² Кручковский 1994; Кручковский 2016 и др.

⁹³ Аржакова 2009.

⁹⁴ Дмовский 1909.

Н.И. Кареев⁹⁵. Данный тезис, развивал историк и в 1915 году, отмечая, что он поставил впервые его еще в 80-е гг. XIX в.⁹⁶ Прошедшее время, считал он, только укрепило это положение: «страх перед германским Drang nach Osten сыграл свою роль в истории Польши»⁹⁷. Подобную точку зрения занял и известный либеральный историк В.О. Ключевский.

Таким образом, в научном творчестве известного либерального историка Н.И. Кареева проблема польского вопроса в России XIX – начала XX вв. занимала значительное место. Ученый рассматривал в качестве причин остроты польского вопроса в России как взаимосвязанное историческое прошлое (польско-русское военно-политическое и цивилизационное соперничество во времена Речи Посполитой), так и современные ему общественно-политические факторы: польские национально-освободительные восстания, попытки российского правительства ассимиляции поляков. Историк считал, что к концу XIX – началу XX вв. решающее влияние на польский вопрос стали оказывать общественно-политические факторы, а не историческое прошлое.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аржакова Л.М. Опыт польско-русского диалога: Николай Кареев и Михал Бобжинский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2009. № 3. С. 9–17. [Arzhakova L.M. Opyt pol'sko-rossijskogo dialoga: Nikolaj Kareev i Mihal Bobzhinskij (Experience of Polish-Russian dialogue: Nikolai Kareev and Michal Bobzhinsky) // Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni. 2009. № 3. P. 9–17].
- Бердяев Н.И. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. 207 с. [Berdyayev N.I. Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii vojny i nacional'nosti (The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality). M., 1990. 207 p.].
- Будилович А.С. Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства // Беседа. 1871. № 6. 54 с. [Budilovich A.S. Neskol'ko zamechanij o pol'skom voprose s točki zreniya vseslavyanstva (A few comments about the Polish question from the point of view of pan-Slavism) // Beseda. 1871. № 6. 54 p.]
- Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909. 292 с. [Dmovskij R. Germaniya, Rossiya i pol'skij vopros (Germany, Russia and the Polish question). SPb., 1909. 292 p.].
- Кареев Н.И. Польские письма // Русская мысль. 1881. № 5. С. 51–58. [Kareev N.I. Pol'skie pis'ma (Polish letters) // Russkaya mysl'. 1881. № 5. P. 51–58.]
- Кареев Н.И. Варшавские письма // Русские ведомости. 1884. № 72. С. 1–2. [Kareev N.I. Varshavskie pis'ma (Warsaw letters) // Russkie vedomosti. 1884. № 72. P. 1–2.]
- Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. СПб., 1903. 348 с. [Kareev N.I. Glavnye obobshcheniya vseмирnoj istorii (The main generalizations of world history). SPb., 1903. 348 p.]
- Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. С.-Петербург, 1903а. 382 с. [Kareev N.I. Obshchij hod vseмирnoj istorii. Ocherki glavnejshih istoricheskikh epoch (The general course of world history.). S.-Peterburg, 1903a. 382 s.]
- Кареев Н.И. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905 гг.). СПб., 1905. 264 с. [Kareev N.I. Polonica. Sbornik statej po pol'skim delam (1881–1905 gg.) (Polonica. Collection of articles on Polish affairs (1881–1905)). SPb., 1905. 264 p.]
- Кареев Н.И. К вопросу о русско-польских отношениях // Право. СПб., 1905а. С.718–723. [Kareev N.I. K voprosu o russko-pol'skikh otnosheniyah (On the issue of Russian-Polish relations) // Pravo. SPb., 1905a. P.718–723].

⁹⁵ Дмовский 1909: III–XIII.

⁹⁶ Кареев 1915: 72.

⁹⁷ Ibid: 71.

- Кареев Н.И. Польская национальность в русской государственности // Право. 1905b. № 14. С.1072-1074. [Kareev N.I. Pol'skaya nacional'nost' v russkoj gosudarstvennosti (Polish nationality in Russian statehood) // Pravo. 1905b. № 14. S. 1072–1074].
- Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время : в 7 т. СПб.-Пг., 1892–1917. [Kareev N.I. Istorija Zapadnoj Evropy v novoe vremja : v 7 t. (History of Western Europe in modern times: in 7 volumes) SPb.-Pg., 1892–1917].
- Кареев Н.И. Польский вопрос в историческом освещении // Проблемы мировой войны. Пг., 1915. С. 59–71. [Kareev N.I. Pol'skij vopros v istoricheskom osvvyashchenii (Polish question in historical consecration) // Problemy mirovoj vojny. Pg., 1915. P. 59–71].
- Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Курс русской истории. М., 1987–1991. [Klyuchevskij V.O. Sochineniya: v 9 t. (Works: in 9 volumes. Course of Russian history) М., 1987–1991].
- Коялович М.О. Лекции по истории Западной России. М., 1864. 394 с. [Koyalovich M.O. Lekcii po istorii Zapadnoj Rossii (Lectures on the history of Western Russia). М., 1864. 394 p.].
- Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Наш радовод. Гродна, 1994. Кн. 6. Ч. II. С. 218–417. [Kruchkovskij T.T. Pol'skaya problematika v russkoj istoriografii vtoroj poloviny XIX v. (Polish Problems in Russian Historiography of the Second Half of the 19th Century) / Nash radavod. Grodna, 1994. Kn. 6. Ch. II. P. 218–417].
- Кручковский Т.Т. Парламентское устройство Царства Польского в оценке русской историографии XIX – нач. XX в. // Веснік ГрДУ. Серыя 1. Гісторыя. 2006. № 4. С. 25–30. [Kruczkowski T.T. Parlamentskoe ustrojstvo Carstva Pol'skogo v ocenke russkoj istoriografii XIX – nach. XX v. (The parliamentary structure of the Kingdom of Poland in the assessment of Russian historiography of the 19th – early years. XX century) // Vesnik GrDU. Serya 1. Gistorya. 2006. № 4. P. 25–30.]
- Кручковский Т.Т. Уманец Ф.М. как историк Речи Посполитой // Веснік ГрДУ, 2007. № 2. С.47-53. [Kruczkowski T.T. Umanec F.M. kak istorik Rechi Pospolitoj (Umanets F.M. as a historian of the Polish-Lithuanian Commonwealth) // Vesnik GrDU, 2007. № 2. S.47-53].
- Кручковский Т.Т. Некоторые дискуссионные историографические проблемы исторического прошлого и современности польского национального меньшинства в Беларуси / История Польши в историографической традиции XIX – начала XXI вв. Гродно, 2011. С. 249–278. [Kruczkowski T.T. Nekotorye diskussionnye istoriograficheskie problemy istoricheskogo proshlogo i sovremennosti pol'skogo nacional'nogo men'shinstva v Belarusi (Some controversial historiographical problems of the historical past and present of the Polish national minority in Belarus) / Istorija Pol'shi v istoriograficheskoj tradicii XIX – nachala XX vv. Grodna, 2011. P. 249–278].
- Кручковский Т.Т. История Польши в историческофской концепции Н. И. Кареева // Вестник БарГУ. Серия 2. 2015. Вып. 3. С. 30–44. [Kruchkovskij T.T. Istorija Pol'shi v istoriosofskoj koncepcii N. I. Kareeva (The history of Poland in the historical concept of N.I. Kareeva) // Vestnik BarGU. Serya 2. 2015. Vyp. 3. P. 30–44].
- Кручковский Т.Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века : моногр. Grodna, 2016. 383 с. [Istorija Pol'shi v osnovnyh koncepciyah russkoj istoriografii XIX – nachala XX veka : monogr. (Kruczkowski, T.T. History of Poland in the basic concepts of Russian historiography of the 19th – early 20th centuries: monograph). Grodna, 2016. 383 p.].
- Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX – начала XX века. Минск, 2017. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. 338 с. [Kruchkovskij T.T. Istorija Pol'shi v koncepciyah rossijskoj istoriografii XIX – nachala XX veka (The history of Poland in the concepts of Russian historiography of the 19th – early 20th centuries). Minsk, 2017. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk po special'nosti 07.00.09 – istoriografiya, istochnikovedenie i metody istoricheskogo issledovaniya. 338 p.].
- Кручковский Т.Т. История Польши и польский вопрос в России в оценке А.С. Будилевича // Zeszyty naukowe Ostrołęckiego towarzystwa naukowego. Ostrołęka, 2022. Т. XXXVI. S. 10–34. [Kruczkowski T.T. Istorija Pol'shi i pol'skij vopros v Rossii v ocenke A.S. Budilovicha (The history of Poland and the Polish question in Russia in the assessment of A.S. Budilovich) // Zeszyty naukowe Ostrołęckiego towarzystwa naukowego. Ostrołęka, 2022. T. XXXVI. S. 10–34].

- Кручковский Т.Т. Проблема западного цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке М.О. Кояловича // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023b. Т.14. URL: <https://history.jes.su/s207987840024402-1-1/>. [Kruczkowski T.T. Problema zapadnogo civilizacionnogo vybora Pol'shi i ego posledstviya v ocenke M. O. Koyalovicha (The problem of Poland's Western civilizational choice and its consequences in the assessment of M. O. Koyalovich) // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2023b. T. 14. URL: <https://history.jes.su/s207987840024402-1-1/>.]
- Кручковский Т.Т. Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве В.О. Ключевского // Диалог со временем. М., 2023. Выпуск 82. Ч.1. С. 78–93. [Kruczkowski T.T. Fundamental'nye idei rossijskoj istoricheskoj polonistiki i ih prelomlenie v tvorcestve V.O. Klyuchevskogo (Fundamental ideas of russian historical polonistics and their refraction in the work of V.O. Kluchevsky) // Dialog so vremenem. M., 2023. Vypusk 82. CH.1. P. 78–93].
- Кручковский Т.Т. Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве В.О. Ключевского // Диалог со временем. М., 2023a. Выпуск 83. Ч.2. С. 82–99. [Kruczkowski T.T. Fundamental'nye idei rossijskoj istoricheskoj polonistiki i ih prelomlenie v tvorcestve V.O. Klyuchevskogo (ideas of russian historical polonistics and their refraction in the work of V.O. Kluchevsky) // Dialog so vremenem. M., 2023. Vypusk 83. CH.2. P. 82–99].
- Погодин А.Л. История польского народа в XIX в. М., 1915. 297 с. [Pogodin A.L. Istoriya pol'skogo naroda v XIX v. (History of the Polish people in the 19th century) M., 1915. 297 p.].
- Соловьёв В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1989. [Solov'yov V.S. Sochineniya. V 2 t. T. 1. (Works. In 2 volumes). M., 1989].
- Чичерин Б. Польский и еврейский вопрос. Ответ на открытые письма Н.К. Ренненкампфа. Берлин, 1901. 74 с. [Chicherin B. Pol'skij i evrejskij vopros. Otvet na otkrytye pis'ma N.K. Rennenkampfa (Polish and Jewish Question. Response to open letters from N.K. Rennenkampf). Berlin, 1901. 74 p.]
- Kruczkowski, T. Powstanie krakowskie w historiografii rosyjskiej drugiej połowy XIX i początku XX wieku // Rok 1846 w Galicji. Ludzie, wydarzenia, tradycje: zbiór studiów / red. M. Sliwy. Kraków, 1997. S. 155–160.
- Kruczkowski, T. Rewolucje 1848 roku na ziemiach polskich w ocenie historiografii rosyjskiej XIX i początku XX wieku // Mazowieckie studia humanistyczne. Łowicz, 1999, rocznik V. № 2. S. 13–27.
- Walicki A. Aleksander Hereen. Kwestia polska i geneza pewnych stereotypów. Warszawa, 1991. 68 s.
- Кручковский Тадеуш Тадеушевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и славянской истории, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы; tkruczkowski@yahoo.com

The Polish Question in Russia in the XIX–Early XX Centuries in the Assessment of N. I. Kareev

The Polish problem occupies an important place in the works of the famous Russian liberal historian N.I. Kareeva. The article discusses the views of N.I. Kareev on the Polish problem in Russia in the 19th – early 20th centuries: the historian's initial positions on this problem, its components, the evolution of views. N.I. Kareev considered the Polish problem in Russia in connection with the democratization of life in the country, believing that they are interconnected. Internationally, N.I. Kareev considered it impossible to grant independence to Poland, but saw it as a future possibility, believing that Poland would join a loose federation of Slavic peoples.

Key words: Polish question, N.I. Kareev, Russian historical Polish studies.

Tadeusz Kruczkowski, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of General and Slavic History, Yanka Kupala State University of Grodno; tkruczkowski@yahoo.com

А.А. ТУРЫГИН

ПАНГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ И ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ПРОФЕССОРОВ В 1914–1915 ГГ. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Д. ШЕФЕРА)

В статье затрагивается один из эпизодов времён Первой мировой войны, участниками которого стали представители научно-академического сообщества. С помощью манифестов о военных целях Германии немецкая профессура приняла активное участие в информационной войне, затронувшей почти всю европейскую интеллектуальную элиту. Автор анализирует процесс внутреннего раскола научного сообщества Германии в связи с деятельностью Пангерманского союза. Профессор Берлинского университета Д. Шефер в своих воспоминаниях охарактеризовал особенности информационной войны и дал оценку возникшему в связи с ней размежеванию в среде научной интеллигенции. Будучи членом Пангерманского союза, Шефер совместно с его руководством инициировал т.н. движение за военные цели Германии, в основе которого лежали аннексионистские планы. В отличие от пангерманцев, у немецких профессоров не было чёткой программы действий в условиях войны, и это обусловило переход значительной части научного сообщества на сторону Пангерманского союза. Среди тех, кто поддержал военные цели союза, было много историков.

Ключевые слова: Первая мировая война, информационная война, немецкие профессора, Пангерманский союз, манифесты интеллектуалов, «Великая Германия».

За год до начала Первой мировой войны вся Германия отмечала памятную дату, посвящённую столетию изгнания Наполеона с немецких земель. Для Пруссии, объявившей в 1813 г. войну Франции, этот юбилей был особенным вдвойне в связи с беспрецедентным в её истории прямым обращением прусского монарха к подданным. Оно вошло в историю как манифест Фридриха Вильгельма III «К моему народу» (20 марта 1813 г.). Как раз по этой причине роль первой скрипки в серии памятных мероприятий сыграл основанный по прямому указанию монарха Берлинский университет. Несмотря на то, что университет носил его имя, всю организационную работу по открытию проделал В. фон Гумбольдт. Днём начала празднования была выбрана дата 9 февраля 1913 г., когда столетием ранее король своим указом отменил все ограничения и обязал каждого защищать своё отечество.

Профессор берлинского университета Дитрих Шефер (1845–1929) в своих воспоминаниях по этому случаю оставил такую запись: «По просьбе ректора мне было поручено произнести торжественную речь. Когда приглашения уже были разосланы, рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег попросил меня приехать к нему. Он сказал, что в скором времени внесёт на рассмотрение депутатов законопроект об армии такого масштаба, равного которому они никогда прежде не рассматривали <...>. В этой связи он хотел, чтобы в своей торжественной речи я указал на необходимость в сильном вооружении. Я отверг это, сославшись на своё понимание положения Германии»¹. Упоминание Д. Шефером пер-

---

¹ Schäfer 1926: 162–163.

вых лиц государства в связи с важностью юбилейной даты наводит на размышление не только о значимости университетской кафедры для публичных заявлений о политике, но и наличии личных контактов и определённой свободы мнений у профессуры. В связи с юбилеем по всей стране учёными ведущих университетов были прочитаны лекции по немецкой истории с явно выраженным националистическим окрасом, что напоминало хорошо спланированный «заговор профессуры»².

Метафора Г. Дельбрюка о «заговоре профессуры», приведённая К. Швабе, вызывает интерес не только выразительностью своей литературной формы. Её автора ещё при жизни называли «пророком» за предвидение военной катастрофы из-за чрезмерного увлечения немцев национализмом и их милитаристского мышления³. Однако новый смысл метафора Дельбрюка приобрела тогда, когда два года спустя после празднования столетнего юбилея большая часть немецких профессоров поддержала аннексионистские цели войны.

Несмотря на общность тематики прочитанных в юбилейный год лекций, до начала войны немецких профессоров вряд ли можно было бы объединить чем-то кроме университетской кафедры. Даже при сходстве методологических позиций в духе ранкеанства, закрепивших за историей статус академической дисциплины⁴, каждый представитель учёного мира, по мнению Шефера, рьяно отстаивал право на собственное мнение в связи с политическими убеждениями: историк Г. Дельбрюк транслировал идеи консерваторов, философ и педагог Ф.В. Фёрстнер был убеждённым пацифистом, а теолог А. фон Гарнак придерживался либеральных взглядов. Эти и другие «представители академического мира независимо от политических взглядов демонстрировали оптимизм и энтузиазм»⁵.

Любопытным кажется то, что за короткое время этот «оптимизм» немецких учёных, многие из которых были историками⁶, соединился с аннексионистской и шовинистской риторикой Пангерманского союза. Его членами в разное время были Карл Лампрехт (1856–1915), Ганс фон Либиг (1874–1931), Эрнст Геккель (1834–1919), Отто Хётч (1876–1946), Эдуард Мейер (1855–1930), Макс Вебер (1864–1920), Георг фон Белов (1858–1927), Фридрих Лециус (1859–1939) и др.⁷

Пангерманский союз возник в 1891 г., объединив в первую очередь представителей образованного среднего класса, промышленную, консервативную и в некоторых случаях аристократическую элиту, резко критиковавшую смену парадигмы внешней и внутренней политики преемниками Бисмарка. Основанный как неправительственная и внепартийная организация, Пангерманский союз претендовал на авторитет

² Schwabe 1966: 105.

³ Lüdtkе 2016: 315.

⁴ Черноперов 2021: 250–257.

⁵ Рингер 2008: 218.

⁶ Klein 1965.

⁷ Hering 2003: 117, 179.

в выражении коллективного мнения всего немецкого народа, особенно в том, что касалось защиты национальных интересов. С самого начала его члены требовали реализации далекоидущих экспансионистских планов по превращению Германии в ведущую мировую державу. Одновременно с этим раздавался призыв к подавлению иностранного и этнически чуждого влияния («Германия для немцев»). Очень скоро это привело к тому, что Пангерманский союз начал формировать «новый для Германии политический ландшафт, пронизанный расистскими идеями»⁸. Процент его членов с учёными степенями в руководящих органах постоянно увеличивался, особенно в годы войны: от 20% почти до 50%⁹. Общее количество членов Пангерманского союза также росло: от 18000 человек в 1914 г. до 36377 человек в 1918 г.¹⁰

К причинам, которые сделали Пангерманский союз привлекательным для академического сообщества, можно отнести:

Во-первых, аннексионистские планы пангерманцев соотносились с многочисленными концепциями «Великой Германии», которые с конца XIX в. разрабатывались в научной среде. В них была обоснована прямая зависимость будущего величия рейха от активного колониализма¹¹. Причём среди активных сторонников экспансии Германии, особенно на Востоке, были представители т.н. «прибалтийских немцев»¹² (Т. Шиман, Р. Зееберг, И. Галлер, Ф. Лециус). После провала политики германизации восточных областей¹³, начавшейся со второй половины 1880-х гг., за немногими исключениями они видели в Германии единственное спасение от русификации трёх остзейских провинций (Эстляндия, Лифляндия, Курляндия), полагая, что у проживавших там немцев была альтернатива «быть аннексированными Германией или быть уничтоженными Россией»¹⁴. Планы аннексии профессора Кёнигсбергского университета и специалиста по церковной истории Ф. Лециуса, изложенные в военных письмах, превосходили по радикализму все остальные высказывания. Он мечтал о продвижении немецких границ на восток до Днепра¹⁵. О преобладании таких экспансионистских взглядов на Россию в немецком общественном мнении с сожалением писал О. Хётч, указавший на то, что практически вся научная литература о России в XIX веке была написана балтийскими немцами и лишена критического анализа¹⁶.

Во-вторых, продолжавшиеся дискуссии об историзме и методе научного познания, которые побуждали профессуру, в т.ч. и к общественно-политической активности. «Мы исследуем прошлое не для то-

⁸ Jones 2016: 108.

⁹ Jungcurt 2016: 98–99.

¹⁰ Hering 2003: 173.

¹¹ Цимбаев 2015.

¹² Андреева 2015: 100–112.

¹³ Kossert 2003: 123; Grabowski 1998: 46.

¹⁴ Zahn-Harnack 1951. S. 362–363; Lewerenz 1958: 169.

¹⁵ См: Schwabe 1966: 113.

¹⁶ Hoetzsch 1917: 151.

го, чтобы определить, кто был прав, – писал в 1908 г. И. Галлер, – а для того, чтобы понять, почему что-то произошло именно так, и почему так должно было произойти»¹⁷. По причине отсутствия аналитики и обобщений, служивших инструментом познания, традиция описывать историю «такой, какой она собственно была» (Ранке), где отведённая историку роль в обнаружении и отборе фактов сводилась к последующему построению нарратива с помощью «ножниц и клея» (Коллингвуд), подверглась острой критике, как изнутри, так и со стороны набравших силу социальных наук. Подход, ориентированный на обнаружение исторической уникальности через отбор специфических для конкретных эпох фактов, критиковался за отсутствие теории, объяснявшей ход исторического развития и современность. Часть традиционно настроенных историков считала, что объединяющим началом, претендующим на роль такой теории, является общая история государства, а задача учёных состояла в описании исторических этапов его развития «в своём отношении к Богу» (Ранке): Г. Белов, Д. Шефер, О. Гирке, Э. Бааш. Другие (Э. Трёльч, Ф. Мейнеке, М. Вебер) растворяли государство, как и мораль, право или религию, в общеисторическом потоке. Осознавая современность как эпоху эмансипации от любых авторитетов и традиций, эти историки подвергли критике идею государства, восприятие которой не должно было возводиться в абсолют, как в историописании XIX в., а пониматься в соответствии с «духом времени», например, как средство защиты национальных интересов или форма организованного сообщества, удовлетворяющая потребности народа в коллективном взаимодействии. Укрепить веру в сильное государство («Государство есть сила»¹⁸) как основу мышления немцев и цель истории должна была амбициозная внешняя политика и территориальная экспансия. Обратной стороной такого понимания задач «науки на службе национальных интересов» стало ограничение ожидавшейся от неё научной объективности¹⁹.

Показательным примером расхождения взглядов сторонников обеих точек зрения стал большой методологический спор рубежа веков о «культурной истории», отождествляемой с именем К. Лампрехта²⁰. Профессор Лейпцигского университета, К. Лампрехт, стремился создать не что иное, как «тотальную историю», в которой «искусство, культура, политика и материальные условия влияли друг на друга, проходя через общие исторические стадии развития»²¹. Попытка историка отойти от традиционного «примата политического» с предложением рассматривать изменение форм политического господства как одну из основ национальной истории, наряду с нравами, обычаями, правом, духовным и общественным сознанием, находящимися во взаимосвязи

¹⁷ Haller 1908: 151.

¹⁸ Schäfer 1922: S. 5.

¹⁹ См: Schäfer 1926: 163.

²⁰ Ростиславлева 2005: 177-189.

²¹ Chickering 2021: 112.

друг с другом, привела к его критике со стороны, прежде всего пангерманских историков (К. Лампрехт был членом Пангерманского союза)²².

В-третьих, интерес профессуры к публично дистанцировавшемуся от политики Пангерманскому союзу был связан с традицией восприятия политической деятельности как «ненаучной». Д. Шефер и вовсе считал любые формы политического влияния «отвратительной задачей», открыто демонстрируя неприятие политических партий²³. Учёные воспринимались вне партийности, скорее, как эксперты или «учителя нации», что соответствовало их пониманию беспристрастности научного познания. Пангерманский союз давал им такую возможность, провозгласив «надпартийность» в числе приоритетных организационных принципов. Однако немецкие профессора, предпочитавшие заниматься древней историей, плохо ориентировались в современной внешней политике, не считая своей задачей представить немецкому народу чёткую военную программу²⁴. Их попытки комментировать происходящее напоминали непрофессиональную журналистику, отягощённую сложным научным стилем. В то же время богатый опыт преподавательской деятельности позволял им воодушевлять общество идеями будущего величия Германии со ссылкой на её героическое прошлое.

Д. Шефер²⁵ был членом руководящего комитета Пангерманского союза с момента его создания. Одновременно с участием в деятельности организации развивалась его научная и политическая карьера: 1894 – член-корреспондент Гёттингенской академии наук, 1903 – профессор Берлинского университета, председатель Ганзейского исторического общества и член Прусской академии наук, 1908 – член-корреспондент Баварской академии наук, Флотского союза, Общества Восточной марки и Колониального общества. Из-за разногласий с руководством в 1914 г., он на время вышел из Пангерманского союза, вернувшись туда в 1915 г. После войны Д. Шефер стал членом Немецкой национальной народной партии, но отошёл от активной политической деятельности.

Назвав Шефера «замечательным человеком» и «выдающимся единомышленником», председатель Пангерманского союза Г. Класс в воспоминаниях описал встречу с ним в Берлине. Она была связана с обсуждением проекта меморандума о военных целях, проект которого подготовил Класс. Он отметил, что двухчасовой разговор с профессором был достаточно резким, так как Классу пришлось услышать в свой адрес довольно резкие выпады, такие как «вопреки истории», «злоупотребление всеми глубоко укоренившимися принципами абсолютного права»²⁶ и тому подобные вещи. Немного «обострив ситуацию, Шефер заявил, что, если бы о таких предложениях стало известно за рубежом, немцы

²² Krause 1992: 8.

²³ Schäfer 1919: 3.

²⁴ См: Schwabe 1966: 113.

²⁵ Киктева 2018: 81-95.

²⁶ Claß 1932: 248, 361-362.

почувствовали бы отвращение со стороны сразу всех народов. Профессор высказался так пристрастно, что опытный оратор Г. Класс замешкался с поиском аргументов. Более того, Д. Шефер закончил заявлением о том, что он как человек с репутацией учёного, не сможет поставить свою подпись под меморандумом»²⁷. Хотя тот эмоциональный разговор в целом закончился весьма благоприятно, Г. Класс с сожалением отметил последовавший за отказом подписывать его меморандум выход Шефера из Пангерманского союза²⁸. Однако уже очень скоро профессор вернулся к активной общественно-политической деятельности в рядах пангерманцев. Так, в связи с требованиями начала крупномасштабной подводной войны, Д. Шефер проявил необыкновенный энтузиазм, которого «у этого спокойного фриза» Класс прежде не замечал²⁹.

Г. Класс умолчал о том, за что именно подверг критике в его меморандуме Д. Шефер. Представляется, что расхождение взглядов Шефера и Класса состояли в разной оценке аннексии. Если «авторитет учёного» не позволял Шеферу соглашаться с захватническими целями на Западе, которые «противоречили всем принципам гуманности»³⁰, то «пангерманские убеждения» не мешали ему требовать активного экспансионизма на Востоке. Об этих его предпочтениях становится известно из статьи по материалам, прочитанной в феврале 1915 г. лекции. В ней он пожаловался на стратегически неблагоприятную восточную границу Германии, призвав к её укреплению за счёт аннексий новых территорий, которые позволили бы создать «безопасную экономическую зону и обеспечить немцев необходимым продовольствием»³¹.

По вопросу об аннексии на Востоке Шефер подвергся резкой критике со стороны другого пангерманца, специалиста по восточно-европейской истории, профессора О. Хётча. Реалистичная оценка потенциала России, которую Германия никогда сможет одолеть, была представлена в ранних трудах О. Хётча³². Настоящим врагом Германии, по мнению Хётча, была Англия, в то время как принципиальным заблуждением немцев в отношении России было ошибочное восприятие её как варварского азиатского государства. По его мнению, признание России союзником вело к отказу от планов на Прибалтику и Польшу. Возможное расширение на Восток могло произойти только за счёт включения пограничной полосы польских территорий, заселённых преимущественно немецким населением³³. Предостережение от захвата территорий на Востоке, что вовсе не входило в планы подавляющего большинства пангерманцев, а также критика прусской поселенческой

---

²⁷ Ibid: 362.

²⁸ Ibid: 365.

²⁹ Claß 2022: 126.

³⁰ См: Schwabe 1966: 123.

³¹ Schäfer 1915: 42.

³² Hoetzsch 1912: 541–592; Hoetzsch 1913; Хётч 2021.

³³ Liszkowski 1988: 225.

политики и предпочтение мира с Россией вскоре сделало из Хётча аутсайдера: «Все смеялись над ним как над политически совершенно бесполезным, не понимая, почему Шефер позволил высказываться этому ужасному нытику»³⁴. В ответ на насмешки Хётч подверг критике тезисы своего коллеги И. Галлера, придя к выводу о том, что его «Русская опасность в немецком доме», получившая высокую оценку Шефера, обнаружила непреодолимость стереотипов немецкой русистики, преобладание моральных оценок над научностью³⁵.

После вторжения немецких войск в Бельгию 4 августа 1914 г. и начавшихся убийств мирных граждан, которые англо-американской историографией были названы «изнасилованием Бельгии» (*Rape of Belgium*)³⁶, передовая немецкая профессура 4 октября опубликовала «Манифест девяносто трём»³⁷, известный под заголовком «К культурному миру»³⁸. Манифест, подписанный ведущими учёными, оправдывал вторжение в Бельгию: «Неправда, что Германия несёт ответственность за эту войну. Она не была нужна ни народу, ни правительству, ни императору. Немецкая сторона сделала все возможное, чтобы это предотвратить»³⁹.

Клеймо сторонников милитаризма, закрепившееся за немецкой профессурой после публикации манифеста⁴⁰, полвека спустя попытался переосмыслить В.Ю. Моммзен. Он отметил, что вести «подрывную деятельность пером» начали англичане, учредившие в августе 1914 г. Бюро военной пропаганды. Ответом на декларацию английских учёных «Почему мы находимся в состоянии войны?», обвинявшую Германию в её подготовке и разжигании, стал октябрьский «Манифест» немецких коллег. Французские академики присоединились, провозгласив, что интеллектуальное будущее Европы не зависит от немецкой науки. В. Моммзен указал на общеевропейский характер «манифестов»⁴¹, а его мнение о «войне манифестов»⁴² поддержали его британские и французские коллеги⁴³. Российские учёные также сочли нужным ответить на вызов своих коллег из Германии, так как в некоторых пассажах немецкого манифеста России было отказано в статусе культурной нации. Хотя коллективный ответ на «Манифест» «подданных вражеских государств»⁴⁴ был ожидаем и подписан именитыми учёными (А.А. Шахматов, И.М. Гревс, А.И. Воейков, И.И. Лапшин и др.⁴⁵), российское академическое сообще-

---

³⁴ Ibid: 229.

³⁵ Hoetzsch 1917: 147.

³⁶ Gullace 2002: 17-33; Grayzel 2002; Zuckerman 2004.

³⁷ Баранов 2024: 49-59.

³⁸ Фишер 2017: 165-166; Абдрашитов 2015: 5-9.

³⁹ Kellermann 1915: 64-65.

⁴⁰ Нотович 1947; Виноградов 1962; Ерусалимский 1964.

⁴¹ Mommsen 2000: 4.

⁴² Михайловский 2014: 130.

⁴³ Jeismann 1997; Verhey 2000; Pennell 2012.

⁴⁴ Маурер 2019: 280.

⁴⁵ Михайловский 2014: 133.

ство не продемонстрировало такой же решимости. По мнению А.В. Михайловского это было связано, во-первых, с отказом от выполнения «социального заказа любой ценой» из-за зависимости от поставок оборудования для научных лабораторий и незавершённости текущих проектов, и, во-вторых, с партийной принадлежностью российских учёных, их оппозиционностью и намерением соотнести свои мнения с партийными курсами (многие столичные учёные были членами партии кадетов). По этой причине российские профессора оказались плохо подготовлены «к духовной мобилизации»⁴⁶. Общее удивление тем, как быстро она произошла в Германии, описал филолог и специалист по Рихарду Вагнеру С.Н. Дурылин: «Происходит какое-то общегерманское объединение в зле всех – профессора Гарнака и императора Вильгельма <...> не отличишь, где кончается профессор и начинается вахмистр»⁴⁷. Оставляя за рамками статьи громкие заявления о войне у европейской профессуры⁴⁸, отметим не подписавшего немецкий «Манифест» Д. Шефера, хотя и сделавшего всё возможное, чтобы «под ним поставили подписи ещё около 400 представителей профессуры со всей Германии»⁴⁹.

В воспоминаниях, опубликованных после войны, Шефер крайне осторожно оценил свою роль в формировании коллективной позиции немецких учёных. Он ограничился общими фразами о патриотическом подъёме и долге интеллектуалов перед своим народом, который состоял в разъяснении целей войны. Осторожность и предусмотрительность, с которой Шефер оценил своё участие, могла быть связана с усилением риторики левых, обвинивших Пангерманский союз в разжигании крайнего национализма. «Мне нет нужды говорить, – писал он, – с какими идеями я встретил войну. Мне было ясно, что для нашего народа это был вопрос: "быть или не быть?". Я был убеждён, что Англия и Франция будут сражаться до конца <...>. Разумеется, я чувствовал обязанность заняться патриотической деятельностью». Оценив шансы Германии противостоять сразу нескольким противникам, Шефер напомнил немцам о словах Бисмарка, что в случае конфликта восстанет вся Германия «от Мемеля до Боденского озера». Подводя эту цитату под задачи учёных, Шефер заключил, что в таком случае немцам будет «полезно знать об истинных целях, ради которых они жертвуют жизнями»⁵⁰.

Шефер отнёсся к словам Бисмарка, как к пророчеству. Нападение на Бельгию рассматривалось им скорее, как упреждающий удар, который был необходим, ввиду полной уверенности, что другого выхода уже не было. «Только военные соображения мотивировали вторжение в Бельгию, <...> так как нашей обязанностью стало обеспечение безопасности западной границы и наиболее важных центров немецкой

---

⁴⁶ Там же: 134.

⁴⁷ Дурылин 1916: 19.

⁴⁸ Милюков 1914: 3; Маурер 2007: 57-78.

⁴⁹ См: Фишер 2017: 165.

⁵⁰ См: Schäfer 1926: 166-167.

промышленности <...> речь шла не просто об аннексии, <...> но и о вмешательстве и в гражданскую жизнь тоже. Большинство жителей Бельгии говорит по-фламандски, т.е. по-немецки, и только 17% по-французски <...>, а значение Бельгии для развития западной культуры связано с её фламандским, а не валлонским населением»⁵¹.

Вслед за октябрьским «Манифестом» начались дискуссии, быстро приведшие к поляризации академического сообщества. На фоне международного резонанса некоторые из подписантов сразу захотели отозвать свои подписи, признав опрометчивость совершенного поступка и выразив по этому поводу глубокое сожаление (М. Планк, Э. Фишер, Ф. Габбер и др.). Развевать подобные сомнения должен был следующий манифест, который ввёл не индивидуальную, а коллективную ответственность учёных, так как был скреплён подписями ректоров ведущих немецких университетов. «Обращение преподавателей высших школ германского рейха» от 16 октября 1914 г., известное ещё как «Манифест германских университетов»⁵², фактически подтверждало тезисы предыдущего манифеста о том, что Германия воюет за «свободу» и за спасение «всей европейской культуры»⁵³. В то же время новый манифест стал реакцией на попытку английских и американских учёных усилить сомнения немецкой профессуры, дав понять, что не отождествляет часть академического сообщества Германии с прусским милитаризмом. В манифесте чётко было прописано возмущение тем, что «враги Германии, в первую очередь Англия, хотят якобы создать в нашу пользу контраст между духом немецкой науки и тем, что они называют прусским милитаризмом»⁵⁴. Его подписание почти всеми ведущими учёными Германии, по мнению Ф. Гробе, произвело двойственный эффект: оно способствовало интеграции технической и гуманитарной интеллигенции, но при этом привело к падению авторитета немецкой науки в мире⁵⁵.

С точки зрения пангерманского меморандума о военной цели Германии, составленного Г. Классом⁵⁶, «Манифест немецких университетов» казался крайне расплывчатым и даже абстрактным. Он больше напоминал декларацию в стилистике греческого панегирика, написанную филологом-антиковедом и коллегой Д. Шефера по берлинскому университету профессором У. фон Виламовиц-Мёллендорфом. По этой причине пангермански настроенные профессора, возглавляемые Д. Шефером, решили конкретизировать требования профессуры в соответствии с планами Пангерманского союза. Поддержка академического сообщества была нужна для того, чтобы с помощью авторитета ведущей научной интеллигенции страны донести пангерманское видение

⁵¹ Ibid: 213.

⁵² Ростовцев 2012: 310.

⁵³ Böhme 1975: 49-50.

⁵⁴ Ibid: 50.

⁵⁵ Grobe 2012: 160.

⁵⁶ Турыгин 2024: 78–92.

военной цели до правительства и общественности Германии, особенно после цензурного запрета на публикацию и тиражирование «меморандума Г. Класса» в октябре 1914 г.⁵⁷. Важность пангерманского манифеста определялась необходимостью реакции на критические выпады в сторону союза Г. Дельбрюка, который искал сторонников и, в конечном счёте, опубликовал свой манифест о том, что Германия вполне могла довольствоваться достижениями 1915 г., отказаться от дальнейших завоеваний и заключить мир на выгодных для себя условиях⁵⁸.

Работа над составлением нового манифеста была доверена не состоявшему в Пангерманском союзе, но близкому ему по духу профессору теологии Р. Зеебергу (1859-1935), участие которого могло быть преподнесено как частная инициатива с целью отвлечения внимания от пангерманцев, уже известных сторонников войны и территориальной аннексии. Такую же позицию занял в 1915 г. М. Вебер, который к тому времени уже давно вышел из Пангерманского союза и находился в поиске достойного варианта завершения мировой войны⁵⁹. На фоне относительно благоприятного для Германии положения на западном фронте из-за неудавшегося весеннего наступления войск Антанты, а также отступления русской армии из Галиции, Польши и Литвы, 20 июня 1915 г. был опубликован «Манифест Зееберга», известный ещё как «Манифест интеллектуалов». Подписанный 352 профессорами университетов, манифест, фактически воспроизводивший запрещённый пангерманский «меморандум Класса» о военной цели, предусматривал обширную европейскую экспансию на востоке и западе, а также создание африканской колониальной империи, которая должна была быть связана с империей сухопутным мостом через Балканы и Ближний Восток: 1. Франция <...> Мы должны безжалостно ослабить эту страну политически и экономически ради собственного существования, улучшив своё военно-стратегическое положение по отношению к ней <...>; 2. Бельгия <...> мы должны <...> твёрдо держать её в своих руках в политическом, военном и экономическом отношении <...>; 3. Россия <...> Пограничная стена и основа для поддержания роста нашего населения на землях, которые Россия должна уступить <...>; 4. Англия, Ближний Восток, колонии и заморские территории <...>. Мировая торговля по немецким, а не по английским правилам <...>; 5. Военная компенсация <...>; 6. Никакой культурной политики без политики силы <...>. Забота о немецком духе не связана ни с целями войны, ни с условиями мира.»⁶⁰.

Сыгравший главную роль в подготовке «Манифеста» и организации подписания его коллегами по академическому сообществу Шефер, вполне осознанно предпочёл роль второго плана. Для убеждения своих берлинских коллег он выступил с речью о политике Германии на Восто-

⁵⁷ См: Claß 2022: 113.

⁵⁸ Scheibe 1994: 375.

⁵⁹ Ростиславлева 2014: 136-145.

⁶⁰ См: Böhme 1975: 125-135.

ке «Германия и война», лично разослав приглашения. На лекцию, которая должна была объяснить необходимость нового манифеста, по его собственным словам, съехалась вся Германия: «от Восточной Пруссии до Боденского озера – лучшие люди от бизнеса, управления и образования»⁶¹. Уже 8 июля Р. Зееберг смог передать рейхсканцлеру текст, собравший 1347 подписей (382 профессоров, 158 священнослужителей, 145 высших чиновников и членов городских советов, 148 судей и адвокатов, 40 членов государственного парламента, 18 адмиралов и генералов, 182 незанятых мужчин). Однако, как далее отметил Шефер, выражение мнения «столь большого круга» было воспринято как возможность инициировать контрдвижение господ Дельбрюка, Дернбурга, Гарнака, Хатцфельдта и Каля, которые выступили с заявлением о том, что высшим призом победы является гордо достигнутый мир, где не нужно будет бояться мира врагов», по сути, «пустыми выражениями»⁶².

Поскольку официальной реакции на «Манифест» не последовало, Шефер предпринял попытку ещё раз завести речь о необходимости аннексии накануне февральского наступления на западном фронте. 1 января 1916 года он опубликовал брошюру «О положении», в которой кроме призывов к удержанию Бельгии, созданию из немецких земель Центрально-европейской конфедерации и присоединения Бельгийского Конго, он высказался о неограниченной подводной войне, к началу которой стал открыто призывать Пангерманский союз и часть немецких профессоров, его поддержавших (Э. Мейер, О. фон Гирке, А. Вагнер, Р. Зееберг). Поскольку Шефер затронул секретные планы военно-морского командования о неограниченной подводной войне против Англии, о которых ему было известно из устных разговоров, его тексты было решено конфисковать под предлогом обвинения в государственной измене⁶³. 6 марта 1916 года брошюру Шефера должны были изъять и уничтожить в ходе обыска его берлинский квартиры, но рукопись оказалась с ним в Бремене, куда он уехал читать лекции. После его возвращения в Берлин уже отпечатанные 2500 экземпляров брошюры были конфискованы с условием не публиковать новых⁶⁴. Поданный Шефером судебный иск на то, что во время обыска из его квартиры было изъято 28 личных писем, обернулись встречным иском о несанкционированном собрании и штрафом в размере 30 марок вместо альтернативного шестидневного тюремного заключения⁶⁵.

Последней попыткой мобилизовать общественность в годы войны было создание «Независимого комитета за немецкий мир». Потребность в такой мобилизации оправдывалась общим ощущением экзистенциальной угрозы всем правым монархическим силам после пас-

⁶¹ См: Schäfer 1926: 170.

⁶² Ibid: 171.

⁶³ См: Mommsen 2000: 8.

⁶⁴ См: Schäfer 1926: 180-181.

⁶⁵ См: Schäfer 1926: 193, 215.

хального послания Вильгельма II 7 апреля 1917 г., в котором он обещал провести конституционную и избирательную реформу. Подобного рода мобилизация, которая бы напомнила немцам о целях войны в связи с «земельным голодом» и укрепить их волю к победе казалась необходимой ввиду того, что даже в академической среде правые стали терять свои прежние позиции. Среди авторитетных представителей научного сообщества был и бывший член Пангерманского союза М. Вебер, который к этому времени пересмотрел свои политические взгляды и выступал за немедленное прекращение войны и заключение достойного мира. Осознав мотивы пангерманцев с помощью «Комитета» снова увлечь немцев идеей победоносного завершения войны, М. Вебер заявил о своей поддержке рейхсканцлера Бетман-Гольвега и необходимости реформ, указав, что продолжение войны приведёт Германию к краху и победе уже получивших индустриальное превосходство американцев⁶⁶.

Мысли М. Вебера о том, для чего именно пангерманцы создали «Комитет», оказались вполне обоснованы. Образованный Шефером в 1916 г. он первоначально ставил целью агитацию за неограниченную подводную войну, выступая как дискуссионный исторический клуб⁶⁷, но уже через год он стал представлять важный ресурс мобилизации тех, кто в отличие от депутатов рейхстага требовал «почётно мира», а не «мира без аннексий чужих территорий». «Немецкий мир» Шефера исходил из «твёрдой уверенности в предстоящей победе Германии», так как под самим термином, сформулированным лишь в 1917 г., понимался «мир на немецкой почве, на немецком языке и в соответствии с немецкими интересами», которого можно достичь только с «мечом в руке»⁶⁸. На заседании «Комитета» в начале 1917 года Шефер, излагая коллективное мнение поддержавших его депутатов К. фон Вестарпа, Г. Штреземана, Г. Трауба и И. Пфлегера, заключил, что «у всех есть надежда, что руководство нашего рейха примет решение, которое здесь уже неоднократно обсуждалось, использовать это оружие как единственную гарантию успеха над Англией»⁶⁹.

Таким образом, через своих агентов, таких как профессор Шефер, Пангерманский союз способствовал усугублению уже расколовшейся немецкой академической среды на умеренное и радикальное крыло открытых аннексионистов. В отличие от декларативных заявлений немецкой профессуры, её комментариев и экспертиз современной внешней политики Германии, отягощённых специфическим научным стилем и больше напоминавших плохую журналистику, пангерманцы предоставили целостное и обоснованное видение нового европейского порядка. Среди большого количества аннексионистских меморандумов, поступивших на адрес правительства, два – пангерманский меморан-

⁶⁶ Ростиславлева 2014: 141.

⁶⁷ См: Schäfer 1926: 169.

⁶⁸ Эггерт 1957: 176.

⁶⁹ Schäfer 1917: 10.

дум и меморандум шести хозяйственных организаций – представляли, по мнению З. К. Эггерт, чётко сформулированную позицию⁷⁰. Произшедший по этой причине переход части немецких профессоров на сторону Пангерманского союза имел далекоидущие последствия, негативно отразившись на состоянии науки, и прежде всего исторической. Шефер, вероятно, осознал это, процитировав слова министра внутренних дел Э. Давида, произнесённые после войны перед Национальным собранием Веймарской республики: «То, чего добились так называемые известные историки в плане наивной поверхностности и тенденциозных искажений, когда взялись объяснить текущие события политической истории военного периода, продемонстрировано на весьма пугающих примерах. Кредит профессоров и других учёных в политических вопросах упал даже ниже, чем наша валюта во время войны»⁷¹.

Обвинение коллег в «наивной поверхностности» едва ли делает честь самому Шеферу, если не принимать во внимание его собственное эмоциональное отношение к происходящему и корпоративную солидарность с пангерманцами. Намерение свести начавшиеся до него методологические дискуссии о научном статусе истории к политическому спору о настоящем, используя кафедру как орудие пропаганды, характеризуют профессионализм самого Шефера. В то же время нельзя рассматривать Шефера вне академического сообщества. Политический контекст методологических дискуссий, начавшихся до него, во многом был связан с осознанием результатов объединения страны канцлером Бисмарком в условиях стабильности, гарантированных его системой союзов и общеевропейского баланса сил. Во времена вильгельмизма часть научной интеллигенции стала осознавать незавершённость национального строительства и факторы, мешавшие этому. При этом особое внимание уделялось внешним факторам, выраженным в британском мировом господстве, поведении самих англичан и их союзников, охранявших сложившийся территориальный статус-кво, и не желавших видеть в лице молодого рейха какого бы то ни было конкурента. Видение будущего величия Германии, критика «старого порядка» и внешняя конкуренция мировых держав с набиравшей силу континентальной империей сплотили учёных в желании сохранять внутреннее единство перед лицом внешних и внутренних (моральных) вызовов. Апогея эта сплочённость достигла в канун мировой войны («дух 1914 года»). Она также показала, что вряд ли кто-то и дальше хотел придерживаться старой системы взглядов. И на правой, и на левой стороне политического спектра ощущалась необходимость реформ, направленных в первую очередь на сохранение внезапно обрётённого внутреннего единства. Одна часть общества связала будущее с демократическими реформами внутри страны, другая, одним из лидеров которой был Шефер, с наднациональным объединением за счёт открытой экспансии. Сужение науч-

⁷⁰ Эггерт 1946: 49–71; Эггерт 1957: 179.

⁷¹ Schäfer 1919: 190.

ных дискуссий до целей войны, воспринимаемой в качестве катализатора будущих изменений, определило контекст, в котором существовало академическое сообщество. Дальнейшее развитие дискуссий определялось характером войны и отношением к политике рейхсканцлера. Одна, более крупная группа, стимулируемая пангерманцами, решительно отвергла канцлера, в то время как другая, меньшая и более умеренная группа, поддерживала его политику, пока основным пунктом разногласий не стал вопрос о завершении войны и заключении мира.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абдрашитов Э. Г.* Формирование пропагандистского аппарата в годы Первой мировой войны (опыт России и зарубежных стран) // Гуманитарные и юридические исследования. № 3. 2015. С. 5-9. [Abdrashitov E. G. Formirovanie propagandistskogo apparata v gody Pervoj mirovoj vojny` (opyt Rossii i zarubezhnyx stran) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya. № 3. 2015. S. 5-9].
- Андреева Н. С.* В борьбе с «Русской угрозой»: остзейская эмиграция в период Первой мировой войны // Вестник СПбУ университета. История. № 4. 2015. С. 100-112. [Andreeva N. S. V bor'be s «Russkoj ugrozoy»: ostzejsskaya è migraciya v period Pervoj mirovoj vojny` // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. № 4. 2015. S. 100-112].
- Баранов Н. Н.* «Манифест девяноста трёх» 1914 г. – инструмент пропагандистской войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. №1. С. 49-59. [Baranov N. N. «Manifest devyanosta tryox» 1914 g. – instrument propagandistskoj vojny` // Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhhdunarodny` e otnosheniya». 2024. №1. S. 49-59].
- Виноградов К. Б.* Буржуазная историография Первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914-1917 гг. М.: Соцгкиз, 1962. 402 с. [Vinogradov K. B. Burzhuaznaya istoriografiya Pervoj mirovoj vojny`. Proisxozhdenie vojny i mezhdunarodny` e otnosheniya 1914-1917 gg. M.: Socze'kgiz, 1962. 402 s].
- Дурылин С. Н.* Лик России. Великая война и русское призвание. М.: Творческая мысль, 1916. 47 с. [Durylin S. N. Lik Rossii. Velikaya vojna i russkoe prizvanie. M., 1916. 47 s].
- Ерусалимский А. С.* Германский империализм: история и современность. М.: Наука, 1964. 664 с. [Erusalimskij A. S. Germanskij imperializm: istoriya i sovremennost'. M.: Nauka, 1964. 664 s].
- Киктева Е. В.* Дитрих Шефер: историк как воспитатель нации в вильгельмовской Германии // Диалог со временем. Вып. 62. 2018. С. 81-95. [Kikteva E. V. Ditrrix Shefer: istorik kak vospitatel' nacii v vil'gel'movskoj Germanii // Dialog so vremenem. Vy`p. 62. 2018. S. 81-95].
- Маурер Т.* «Война умов» и общность европейцев. Размышления по поводу отклика русских учёных на воззвание их германских коллег // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э. И. Колчинского, Д. Байрау, Ю. А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 57-78. [Maurer T. «Vojna umov» i obshhnost' evropejcev. Razmyshleniya po povodu otklika russkix uchyonyx na vozvzvanie ix germanskix kolleg // Nauka, texnika i obshhestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoj mirovoj vojny` / Pod red. E. I. Kolchinskogo, D. Bajrau, Yu. A. Lajus. SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. S. 57-78].
- Маурер Т.* «Cives academici» и «подданные вражеских государств»: россияне в университетах Германии в годы Первой мировой войны // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью [коллективная монография] / Н. В. Ростиславлева, А. Бауэркемпер, С. О. Мюллер и др. М.: РГГУ, 2019. С. 280-292. [Maurer T. «Cives academici» i «poddannnye vrazheskix gosudarstv»: rossiiane v universitetax Germanii v gody Pervoj mirovoj vojny` // Rossiya i Germaniya v gody Pervoj mirovoj vojny`: mezhdru bezopasnost'yu i gumannost'yu [kollektivnaya monografiya] / N. V. Rostislavleva, A. Bauèr'kemper, S. O. Myuller i dr. M.: RGGU, 2019. S. 280-292].
- Милюков П. Н.* Германская интеллигенция и война // Речь. 1914, 20 октября (2 ноября). №283 (2952). [Milyukov P. N. Germanskaya intelligenciya i vojna // Rech`. 1914, 20 oktyabrya (2 noyabrya). №283 (2952)].
- Михайловский А. В.* Успехи и неудачи «интеллектуальной мобилизации»: германский и российский опыт // Вопросы национализма. №3 (19). 2014. С. 129-151. [Mikhailovskij

- A. V. Uspexi i neudachi (intellektual'noj mobilizacii): germanskij i rossijskij opy't // *Voprosy nacionalizma*. №3 (19). 2014. S. 129-151].
- Нотович Ф. И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914-1918 гг. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. 240 с. [Notovich F. I. *Zaxvatnicheskaya politika germanskogo imperializma na Vostoke v 1914-1918 gg.* М.: OGIZ, Gospolitizdat, 1947. 240 s].
- Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 645 с. [Ringer F. *Zakat nemeckix mandarinov: Akademicheskoe soobshhestvo v Germanii, 1890-1933.* М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 645 s].
- Ростиславлева Н. В.* Макс Вебер в годы Первой мировой войны // *Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история»*. 2014. №13 (135). С. 136-145. [Rostislavleva N. V. *Maks Veber v gody Pervoj mirovoj vojny* // *Vestnik RGGU. Seriya «Istoricheskie nauki. Vseobshhaya istoriya»*. 2014. №13 (135). S. 136-145].
- Ростиславлева Н. В.* Рецепция творчества К. Лампрехта в Германии и в России // *Диалог со временем*. 2005. № 14. С. 177-189. [Rostislavleva N. V. *Receptiya tvorchestva K. Lamprexta v Germanii i v Rossii* // *Dialog so vremenem*. 2005. № 14. S. 177-189].
- Ростовцев Е. А.* Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // *Урок и истории — урок и историка. Сб. статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930-1996)*. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 308-315. [Rostovcev E. A. *Kazus professora fon Lista (e'pizod iz universitetskoj istorii perioda Pervoj mirovoj vojny)* // *Urok i istorii - urok i istorika. Sb. statej k 80-letiyu Yu. D. Margolisa (1930-1996)*. SPb.: Nestor-Istoriya, 2012. S. 308-315].
- Турыгин А. А.* Военные цели и планы Пангерманского союза в воспоминаниях Генриха Класа (1868-1953) // *Новая и новейшая история*. Т. 68. №1. 2024. С. 78-92. [Turygin A. A. *Voenny'e celi i plany Pangermanskogo soyuza v vospominaniyax Genrixa Klassa (1868-1953)* // *Novaya i novejschaya istoriya*. T. 68. №1. 2024. S. 78-92].
- Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914-1918 гг. М.: РОССПЭН, 2017. 676 с. [Fisher F. *Ry'vok k mirovomu gospodstvu. Politika voenny'x celej kajzerovskoj Germanii v 1914-1918 gg.* М.: ROSSPEN, 2017. 676 s].
- Хётч О.* Россия. Введение (на основании её истории от войны с Японией до Мировой войны). М.: Посев, 2021. 432 с. [Xyotch O. *Rossiya. Vvedenie (na osnovanii eyo istorii ot vojny' s Yaponiej do Mirovoj vojny')*. М.: Posev, 2021. 432 s].
- Цимбаев К. Н.* «Великая Германия»: формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. М.: РГГУ, 2015. 259 с. [Cimbaev K. N. *«Velikaya Germaniya»: formirovanie nemeckzkoj nacional'noj idei nakanune Pervoj mirovoj vojny'*. М.: RGGU, 2015. 259 s].
- Черноперов В. Л., Усманов С. М.* Леопольд фон Ранке – жизнь и творческое наследие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 364 с. [Chernoperov V. L., Usmanov S. M. *Leopold fon Ranke – zhizn' i tvorcheskoe nasledie*. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2021. 364 s].
- Эггерт З. К.* Захватнические планы Германии в годы первой мировой войны // *Вопросы истории*. 1946. № 11-12. С. 49-71. [Eggert Z. K. *Zaxvatnicheskie plany' Germanii v gody' pervoj mirovoj vojny'* // *Voprosy' istorii*. 1946. № 11-12. S. 49-71].
- Эггерт З. К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 - октябрь 1917). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 734 с. [Eggert Z. K. *Bor'ba klassov i partij v Germanii v gody' pervoj mirovoj vojny'* (avgust 1914 - oktyabr' 1917). М.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957. 734 s].
- Böhme K.* (Hg.). *Aufrufe und Reden deutscher Professoren im Ersten Weltkrieg*. — Stuttgart: Reclam, 1975. 248 S.
- Chickering R.* *Karl Lamprecht. Das Leben eines deutschen Historikers (1856–1915)*. Stuttgart: Steiner, 2021. 689 S.
- Claß H.* *Politische Erinnerungen des Vorsitzenden des Alldeutschen Verbandes 1915–1933/36. Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts*. Bd. 79. Berlin: Duncker & Humblot, 2022. 1062 S.
- Claß H.* *Wider den Strom. Vom Werden und Wachsen der nationalen Opposition im alten Reich*. Leipzig: K. F. Koehler, 1932. 421 S.
- Grabowski S.* *Deutscher und polnischer Nationalismus. Der Deutsche Ostmarkenverein und die polnische Straz 1894-1914*. Marburg: Verlag Herder-Institut, 1998. 374 S.

- Grayzel S. Women and the First World War. London; New York: Longman / Pearson Education Longman, 2002. 220 p.
- Grobe F. "Burschen heraus!" — Das Kriegserlebnis 1914-1918 und die Emanzipation der Ingenieure // H. Müller (Hrsg.). Wissenskulturen. Bedingungen wissenschaftlicher Innovation. — Kassel: University press GmbH, 2012. S. 67-87.
- Gullace N. F. The Rape of Belgium and Wartime Imagination // The Blood of Our Sons. New York: Palgrave Macmillan, 2002. P. 17-33.
- Haller J. Die Verschwörung von Segewold (1316) // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. 20. Heft 2. Riga: Nicolai Kymmels Buchhandlung, 1908. S. 125-168.
- Hering R. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband: 1890 bis 1939. Hamburg: Christians Verlag, 2003. 600 S.
- Hoetzsch O. Adel und Lehenswesen in Rußland und Polen und ihr Verhältnis zur deutschen Entwicklung // Historische Zeitschrift. 108. 1912. S. 541-592.
- Hoetzsch O. Russische Probleme. Eine Entgegnung auf Johannes Hallers Schrift "Die russische Gefahr im deutschen Hause". Berlin: Reimer, 1917. 151 S.
- Hoetzsch O. Rußland. Eine Einführung auf Grund seiner Geschichte von 1904 bis 1912. Berlin: Reimer, 1913. 550 S.
- Jeismann M. La patrie de l'ennemi, La notion d'ennemi national et la representation de la nation en Allemagne et en France de 1792 à 1918. Paris: CNRS Editions, 1997. 344 p.
- Jones L. E. (ed.). The German Right in the Weimar Republic. Studies in the History of German Conservatism, Nationalism, and Antisemitism. New York: Berghahn Books, 2016. 340 p.
- Jungcurt U. Alldeutscher Extremismus in der Weimarer Republik: Denken und Handeln einer einflussreichen bürgerlichen Minderheit. Berlin; Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2016. 395 S.
- Kellermann H. Der Krieg der Geister: eine Auslese deutscher und ausländischer Stimmen zum Weltkrieg 1914. Weimar; Dresden: Duncker in Komm, 1915. 505 S.
- Klein F. Die deutschen Historiker im ersten Weltkrieg // Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft. Bd. 2. Berlin; Boston: De Gruyter, 1965. S. 227-248.
- Kossert A. Grenzlandpolitik und Ostforschung an der Peripherie des Reiches // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. № 51. München: Oldenbourg Verlag, 2003. S. 117-307.
- Krause H. T. Karl Lamprecht und der Alldeutsche Verband // Comparativ: Leipziger Beiträge zur Universalgeschichte und vergleichenden Gesellschaftsforschung. Bd. 2. Leipzig, 1992. S. 7-26.
- Lewerenz L. Die deutsche Politik im Baltikum 1914-1918. Hamburg 1958. 233 S.
- Liszkowski U. "Die russische Gefahr im deutschen Hause": Otto Hoetzsch als Kritiker der deutschbaltischen Rußlandspolitik im Ersten Weltkrieg // Zeitschrift für Ostforschung. 37. 1988. S. 215-239.
- Lüdtko C. Hans Delbrück als "Kassandra". Die Feier seines 70. Geburtstages am 11. November 1918 als Brennpunkt der liberalen Sinnsuche im deutschen Zusammenbruch // Jahrbuch zur Liberalismus-Forschung. 28. Baden-Baden: Nomos Verlag, 2016. S. 315-325.
- Mommsen W. J. Wissenschaft, Krieg und die Berliner Akademie der Wissenschaften in den beiden Weltkriegen // Preußische Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1914-1945. Berlin: Akademie-Verlag, 2000. S. 3-23.
- Pennell C. "Why We Are at War": Justifying War in Britain, 1914 // Welch D., Fox J. (eds). Justifying War. London: Palgrave Macmillan, 2012. pp. 95-108.
- Schäfer D. Das deutsche Volk und der Osten. Leipzig; Dresden: B. G. Teubner, 1915. 43 S.
- Schäfer D. Staat und Welt. Eine geschichtliche Zeitbetrachtung. Berlin: Elsner, 1922. 308 S.
- Schäfer D. Mein Leben. Berlin; Leipzig, 1926.
- Schäfer D. Der Reichsminister des Innern und die Historiker // Eiserne Blätter. 1. Jahrgang 1919. Nr. 11. S. 190.
- Schäfer D. Das Reich als Republik: Deutschland und Preußen. Berlin: Vossische Buchhandlung, 1919. 46 S.
- Schäfer D. Durch Deutschen Sieg zum Deutschen Frieden: Mahnruf ans Deutsche Volk. Fünf Reden zur Lage. Berlin: Verlag Karl Curtius, 1917. 54 S.
- Scheibe F. C. Marne und Gorlice: Zur Kriegsdeutung Hans Delbrücks // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 53. 1994. S. 355-376.
- Schwabe K. Ursprung und Verbreitung des alldeutschen Annexionismus in der deutschen Professorenenschaft im ersten Weltkrieg (Zur Entstehung der Intellektuelleneingaben vom Sommer 1915) // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 14. 1966. S. 105-138.

Verhey J. The Spirit of 1914: Militarism, Myth and Mobilization in Germany. London: Cambridge University Press, 2000. 284 p.

Zahn-Harnack A., von. Adolf von Harnack. Berlin: W. de Gruyter, 1951. S. 362-363.

Zuckerman L. The Rape of Belgium: The Untold Story of World War I. New York: New York University Press, 2004. 339 p.

Турыгин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», *aturigin@mail.ru*

Pan-German League and Proclamations of German Professors in 1914—1915 (in the Memoirs of Dietrich Schäfer)

The article touches on one of the episodes during the First World War, in which representatives of the scientific and academic community became participants. With the help of proclamations on Germany's war aims, the German professoriate took an active part in the information war, which affected almost the entire European intellectual elite. The article analyzes the process of internal split in the German scientific community in connection with the activities of the Pan-German league. Among the German scientists, members of the Pan-German league, was Berlin University professor D. Schäfer. In his memoirs, he described the features of the information war and assessed the division that arose in connection with it among the scientific intelligentsia. In addition, taking an active part in the Pan-German agitation, D. Schäfer, together with the leadership of the Pan-German league, initiated the so-called movement for the military goals of Germany, which was based on annexationist plans. The article shows that, unlike the Pan-Germans, German professors who were not members of the Pan-German league did not have a clear program of action in war conditions, which led to the transition of a significant part of the scientific community to the side of the Pan-German league. Among those who supported the military goals of the Pan-German league were many historians.

Keywords: *WWI, information war, German professors, Pan-German league, manifestos of intellectuals, Germanization, historical science, propaganda, "Greater Germanic Reich".*

Turygin Alexander, PhD, Associate Professor, Kostroma State University; *aturigin@mail.ru*

**ОПЫТ ОТКРЫТИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ
ТРУДЫ РАДЖЕНДРОЛАЛА МИТРО И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
БЕНГАЛЬСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Основываясь на анализе исторических трудов бенгальского учёного, автор рассматривает достижения Раджендролала Митро в области исследования индийской истории. Первый профессиональный историк, он был носителем особого опыта научного «открытия Индии» и её истории в эпоху Бенгальского Возрождения. Митро преодолел традиционное индийское пренебрежение историей и отсутствие историописания с помощью европейского исторического подхода и методов. Он принимал во внимание все доступные источники по индийской истории – от священных и иных текстов до архитектуры и скульптуры – в своих скрупулёзных попытках реконструировать историю региона (Ориссы) и восстановить общий облик и путь древней истории Индии. Статья проливает свет на общее понимание Митро индийской истории как комплексного взаимодействия рас (ариев и дравидов) и религий, а также на его теоретические установки: следование сравнительно-историческому методу, отвержение мифологизирующего взгляда на собственную историю, внимание к социальной истории повседневности и убеждение в общности человечества. Многосторонние и разнообразные труды Митро можно расценивать как признак эффективного развития исторического сознания интеллектуальных элит эпохи и основание для молодой исторической науки модернизирующейся Индии.

Ключевые слова: *Бенгальское Возрождение, историческое сознание, универалистский подход, сравнительный метод, история Древней Индии, социальная история.*

Познание истории Индии, развернувшееся в эпоху национально-культурного ренессанса в Бенгалии XIX – первой трети XX в.¹, было интегральной частью особого феномена сознания индийских интеллектуалов, удачно названного у Дж. Неру «Открытием Индии»². Постижение своей страны, развернувшееся в общественной мысли разных регионов Индии, охватило практически все сферы и измерения её бытия, и теоретические представления о родной стране вместе с интерпретацией содержания общественной жизни и культуры были немислимы без обращения к исторической эволюции общества. Бенгалия была первым регионом, в котором процесс «открытия Индии» развернулся во всё его разнообразие и богатство³, и начиная с родоначальника ренессансных процессов Раммохана Рая (1772–1833) открытие родной истории сделалось постоянной темой интеллектуальной жизни, а объектом профессиональных исследований – начиная с Раджендролала Митро⁴.

Опыт профессионального исследования истории Индии заслуживает пристального внимания уже потому, что для индийских интеллектуалов познание истории страны было эпистемологической и социально-философской проблемой. Общим контекстом её формирования было

---

¹ См.: Dasgupta 2011; Dasgupta 2012.

² Неру 1989.

³ См. Скороходова 2022: 160–206.

⁴ См.: Скороходова 2017.

традиционное сознание и соответствующее ему восприятие времени и человека в нём, которое доминировало до установления британской власти в Индии и продолжало сохраняться после признания Ост-Индской компании субъектом власти на колониальных территориях (1773). Несмотря на «очень долгую традицию письменной культуры, производившей многочисленные тексты с признанной исторической целью или ценностью»⁵, Индия представляла удивительный пример цивилизации, которая, существуя в реальной мировой истории человечества в социальном времени, не сформировала ни выраженного исторического сознания, ни отчётливой исторической памяти, связанной с сохранением в условном общественном сознании важных событий жизни, ни особой традиции историописания. Пренебрежение ко времени и истории доминировало среди большинства народов, исповедовавших религию под обобщённым названием индуизма. Несмотря на стремление доказать присутствие исторического мышления в Индии с древности, Е.Ю. Ванина констатирует, что «брахманскую» культуру отличало «представление о том, что время практически “стоит на месте”»⁶. Его не изменили события Средневековья, когда при власти мусульманских завоевателей в Индии развилась традиция фарсиязычного историописания: усилия мусульманских историков не вызвали интереса традиционных учёных элит, а брахманы и тогда не озаботились выяснением истоков своей культурной традиции. Не останавливаясь на особенностях индийского религиозного историзма⁷, отнесём его к особенностям цивилизации Индии вслед за Л.Б. Алаевым: «Нельзя оспорить, что индийцы не интересовались своей историей до тех пор, пока не появилось национальное сознание. И дело здесь не в “недостатках” индийского взгляда на мир, а в его особенностях. Сравнение Индии с Китаем, где историография служила легитимации власти, показывает, что индийские государи искали своей легитимации не в истории, а в другом, в своей связи с богами или в доказательстве своего *дхармического* поведения»⁸.

Исток формирования интереса к себе, своим культуре, обществу и истории, к собственной осознанной идентичности относится к началу трансформации традиционного общества в Британской Индии. Историческое сознание в качестве интегрального компонента национального самосознания стало продуктом мышления интеллектуалов и феноменом индийской социальной модернизации. Решение проблемы познания истории страны оказалось весомым слоем его становления, в котором ведущую роль играли интеллектуалы Бенгалии.

Содержание проблемы может быть описано как два условных слоя: социально-философский и эпистемологический. В первом слое формулируется вопрос о *наличии* истории у Индии как субконтинента

⁵ Sarkar 2010: 6.

⁶ Ванина 2014: 20.

⁷ См.: Хазанов 2002; Алаев 2018.

⁸ Алаев 2013: 9.

на фоне открытия истории Индии европейскими учёными с конца XVIII в.⁹ Процесс открытия родной истории бенгальцами и выработки подходов, методов и принципов её познания относится к эпистемологическому слою проблемы; он направляется целью – восстановить ход истории, открыть её *подлинную* и понять её смысл. На этом уровне, помимо обращения к истории за обоснованием реформ и первых попыток обобщения смысла истории страны, развивается научное наследование прошлого, которое включает анализ источников, фактографию и фактологию, оценку и интерпретацию прошлых событий и процессов.

Большую часть жизни посвятил решению вышеназванной эпикальной проблемы познания истории Индии Раджендролал Митро, по праву считающийся «первым оригинальным¹⁰ историком, обучившимся западным методам»¹¹, «первым профессиональным историком в Бенгалии»¹², «первым международно признанным учёным»¹³. Ему не очень повезло с признанием современников и соотечественников, как и исследователей Бенгальского Возрождения. Арун Кумар Бисвас с горечью сетует, что научные движения эпохи, одним из архитекторов которой был Раджендролал Митро, несправедливо игнорируются в исследованиях¹⁴. Развитию научного (прежде всего естественнонаучного) знания в Бенгалии девятнадцатого столетия, пробуждению интереса к познанию природы методами европейской науки посвятил главы своих содержательных монографий Шуброто Дашгупто¹⁵, но места Раджендролалу Митро в них, к сожалению, тоже не нашлось, как и в «Историографии истории Индии» Л.Б. Алаева. Об историке есть книги на бенгали; его роль рассмотрена и в контексте развития истории науки¹⁶. Он создал образец научной работы в этой области вместе с теоретическим фундаментом для неё. Знаменитый писатель и социолог Бонкимчондро Чоттопадхай считал, что Раджендролал Митро более чем кто-либо «способен восстановить историю своей страны» Бенгалии¹⁷. Рабиндранат Тагор, вспоминая свои встречи с ним в юности, назвал его *шоббошачи* (многосторонней личностью) и «экспертом по всем вопросам» – «он сам по себе был академией»¹⁸. «Было очень мало вопросов, которые не были бы им изучены; и всё, что он изучал, он умел чрезвычайно ясно излагать», – продолжал Тагор и с горечью замечал, что и после смерти соотечественники не признали его, – видимо, потому, что «главные его

⁹ См. Kopf 1969: 22–41; Dasgupta 2012: 23–36.

¹⁰ Этот буквальный перевод слова отражает положение Митро среди современников, следовавших пересказам работ британских историков. См. Mukherjee 1958, 360–366.

¹¹ Ibid.: 368.

¹² Bhattacharia 2015: 46.

¹³ Ghosh 2000: 67.

¹⁴ Biswas 2012: 396

¹⁵ Dasgupta 2011; Dasgupta 2012.

¹⁶ См.: Poddar 1977: 210–214; Ghosh 2000; Biswas 2012.

¹⁷ Bankim 1954: 331.

¹⁸ Tagor 1961–1965: XI, 140.

успехи были достигнуты не на ниве бенгальской литературы, и потому, естественно, он не смог завоевать сердце своего народа»¹⁹.

Семья Раджендролала принадлежала к небрахманской касте *ка-ястха* (писцов), генеалогия рода восходила к VIII–IX вв. истории Бенгалии. Один из его прадедов служил при дворе наваба Муршидабада, дед Бриндабончондро Митро был близким другом и соратником Раммохана Рая, а отец, Джанмеджой, был первым бенгальцем, изучавшим западную химию. Год рождения третьего из шестерых сыновей последнего – Раджендролала – неточен: 1822 или 1824. Окончив частную школу в Калькутте, юноша поступил в Хинду Колледж, где его одноклассниками были будущие поэт и драматург Майкл Модхушудон Дотто, общественный деятель Раджнарайон Бошу, писатель и социолог Бхудеб Мукхопадхай. Но систематического профессионального образования Раджендролал не получил, т. к. не завершил курса ни в Медицинском колледже (из-за студенческих волнений), ни курса юриспруденции²⁰. Решающую роль в дальнейших занятиях сыграло знание языков; следуя семейной традиции, он овладел санскритом, урду, фарси и хинди, позже изучил французский, греческий и латынь. На общий склад мысли Раджендролала самым серьёзным образом повлияло пребывание в атмосфере духовных исканий и философских дискуссий религиозно-реформаторского общества Брахмо Самадж, возрождённого после кончины Раммохана Рая усилиями Дебендронатха Тагора. Имя Раджендролала значится среди членов общества «Тоттободхини Шобха» (бенг. «Общество ищущих истину»), основанного Дебендронатхом Тагором 6 октября 1839 г. ради распространения веры в единого Бога (Брахмо) и знания о нём; впоследствии оно вошло в Брахмо Самадж. Раджендролал был и среди авторов и издателей журнала «Тоттободхини потрика» (бенг. «Журнал ищущих истину»), основанного Д. Тагором и Оккхойкумаром Дотто²¹.

Судьбу Митро как историка определило старейшее научное учреждение – Азиатское общество Бенгалии²². В 1846 или 1848 г. он получил место библиотекаря и был назначен его секретарём, и проработал там вплоть до кончины в 1891 г. митУченый «собрал, перевёл и издал несчётное множество санскритских текстов, которые пролили поток света на культурное наследие Индии и раскрыли новые широкие пути в исследованиях индологии»²³. Он сотрудничал с британскими индологами, которые поддерживали его усилия и впоследствии, признав его заслуги, избрали первым индийским президентом Общества.

Эпоха Возрождения в Бенгалии явила миру множество личностей многогранного «ренессансного» типа, не просто проявивших себя сразу в нескольких сферах творчества, но во многом бывших создателями

¹⁹ Там же: 140–141, 142.

²⁰ Biswas 2012: 397.

²¹ Ibid. 377–389.

²² См.: Серебряный 1989.

²³ Poddar 1977: 211.

самих себя (self-made) благодаря самостоятельному освоению знания в различных сферах. Из этих self-made бенгальцев рекрутируются первые просветители, учёные, популяризаторы науки, инициаторы развития местных научных исследований и школ. К ренессансным личностям относится и Митро. Параллельно работе в Азиатском обществе (библиотекарь и помощник секретаря в 1846–1856, секретарь в 1857–1861, вице-президент 1861–1865, 1870–1884, с 1885 – президент), он сотрудничал в научных журналах на бенгали, которые издавал Комитет по литературе на местных языках в «Обществе школьной книги» (School Book Society, с 1817), – «Бибидхартхо Шонгрохо» (бенг. Vividhārtha saṅgraha, «Собрание полезных очерков», 1851–1859) и «Рохошшо Шондорбхо» (бенг. Rahasya Sandarbha, «Занимательные очерки», 1863–1868). Впечатляет один только перечень бенгальских статей, написанных Р. Митро для журналов на различные темы в области науки: от биологии, физики и химии до географии, социологии и истории культуры. Он писал статьи и на острые социальные темы, критиковал полигамию, детские браки, кулинизм и другие индуистские обычаи²⁴.

Ко времени погружения Митро в исторические исследования британские индологи уже проделали серьёзную работу и сформировали основы научного изучения истории Индии с древности до Нового времени²⁵. Немалую лепту в исследование её литературных памятников внесли и бенгальские учёные – помощники и сотрудники в основанных в Калькутте учебных заведениях (Колледже Форты Уильяма и др.). Начиная с трудов Раммохана Рая, в Бенгалии развивалась историческая мысль – понимание *историчности* бытия общества в настоящем как связанном с прошлым и открытым будущему; её носителям-интеллектуалам, которые были склонны с интересом вглядываться в прошлое в поисках ответов на вопросы о современности в Индии, до поры было достаточно общих («школьных») знаний. Самим индийцам стало ясно, что *история у Индии есть*, и вполне древняя – как её реальное существование во времени, хотя последовательно не зафиксированное в нарративе. Как импортированная наука, история оказалась очень кстати для местных интеллектуалов с европейским образованием, размышляющих о текущем состоянии общества и буквально открывающих для себя Индию. Отсюда – ясно сформулированный молодым учёным и общественным деятелем Кришномоханом Банерджи (1813–1885) императив: «Если изучение истории имеет такое огромное значение для человечества вообще, то насколько более важно оно для людей, находящихся в нашем положении! Мы никоим образом не можем удовлетвориться существующим положением дел. Нам жаль, что нас окружают столь несчастные и деградирующие соотечественники, и мы желали бы гордиться более мудрыми и совершенными умами и вдох-

²⁴ Biswas 2012: 397–398.

²⁵ Алаев 2013: 16–78.

новляться стойким гражданским духом»²⁶. Исследование истории полагается одним из столпов морального и интеллектуального возрождения страны. Первые исторические штудии членов группы «Молодая Бенгалия» и труды в этом смысле явились практическим ответом на императив постижения родной истории и феноменом её открытия.

В общем контексте исторического сознания своего времени Митро ответил на призыв научного изучения индийской древности, разрабатывая конкретные сюжеты в статьях, и это было началом его трудов. В течение 1855–1887 гг. он написал около 38 научных статей в широком диапазоне тем, среди которых санскритская эпиграфика Матхуры, надписи на медных печатях эпохи Гуптов, дарение земель царями Канауджа, индусские и мусульманские монеты, архитектура храмов эпохи Гуптов, ритуалы древнейшей Индии, пищевые предпочтения. В частности, он доказал, что древние (ведийские) арии широко употребляли в пищу говядину. «Он мог с лёгкостью переходить от памятных записей династии Сенов в Бенгалии (1855) к сравнительному изучению сходства буддизма и язычества германских племён Европы (1858), или об истории расовой («О тождестве Тораманы Эрана, Гвалиора и Кашмира», 1861 к лингвистическим исследованиям («О происхождении языка хинди и его отношении к диалекту урду», 1864), – пишет Бимапрашад Мукерджи. – Он мог с глубокой пронизательностью писать о предполагаемом тождестве греков и *явана* у санскритских авторов (1874) и о представленных на фресках Аджанты иноземцах»²⁷.

Очевиден реалистический подход Митро к прошлому Индии: история *была* как развитие во времени народов субконтинента, её можно *открыть*, применяя научные методы и опираясь на все доступные источники, и *восстановить*, т. е. реконструировать. Основываясь на своём знании письменных источников, Митро при этом убеждён, что *традиция* исторического повествования в Индии отсутствует. «Ни Ганеша, индусский покровитель мудрости, ни Сарасвати, богиня учёности, по всей видимости, никогда особенно не поощряли историю и, как следствие, индийская литература почти полностью лишена подлинно исторических летописей. Двадцать тысяч томов и по сей день свидетельствуют о литературной деятельности индийских приверженцев выше-названных божеств, и почти каждую область древней учёности возделывают свои серьёзные и преданные служители. <...> Но Индия никогда не рождала своего Ксенофонта или Фукидида, и её герои и их могучие подвиги, её величие и её древнейшая цивилизация, в которой они живут, – живут только в песнях»²⁸, – с этой констатации Митро начал Введение к первому тому книги «Древности Ориссы» – итогу работы 1868–1869, инициированной заместителем генерал-губернатора Бенгалии Уильямом Греем под эгидой Правительства Индии. Понимание

²⁶ Банерджи 2024: 182.

²⁷ Mukherjee 1958: 369.

²⁸ Mitra 1875–1880: I, 1.

специфики индийского традиционного отношения к истории помогло ученому выстроить основы методологии исследования древности.

В исследовательском опыте Митро безусловно присутствует европейская школа исторического научного познания, воспринятая благодаря общению с британскими ориенталистами своего времени и чтению трудов первых индологов У. Джонса и Г.Т. Коулбрука. Видимо, с того времени Митро стал убеждённым сторонником исторического метода в реконструкции индийской истории, позволяющего привлекать все доступные первичные источники, включая археологические и памятники «материальной культуры», не пренебрегать вторичными источниками. Он стал *специализироваться* на исторических исследованиях, применяя заимствованные у европейцев методы исторического познания, в т. ч. методы археологии, эпиграфики, палеографии, нумизматики, истории искусств. Это вполне адекватно на фоне отсутствия в его распоряжении собственных методов, равно как и самой науки и повествования об истории Индии. Смысл и символика трудов Раджендролала связаны с пониманием того, что заимствование инструментария познания не препятствует научному постижению истории собственной страны, которая хотя и не написана, но *свершилась в прошлом*.

Значительную роль в развёртывании исторических исследований Раджендролала сыграла интеграция его сознанием «бэконова подхода к науке»²⁹. Со времён Раммохана Рая, считавшего лорда Бэкона Веруламского ключевой фигурой интеллектуального поворота XVII в. в Европе, бенгальские мыслители разделяли убеждение в первостепенной значимости предложенного им пути познания от эмпирии к теории, от скрупулёзного постижения собранных фактов к выводам, обобщениям и построению теории. «Духом Бэкона» пронизаны не только просветительские начинания Митро³⁰, но и его исторические труды.

Наряду с индуктивным методом реконструкции истории по источникам Митро придерживался определённого *общего* понимания истории Индии, задававшего не только видение её с древнейших времён (подход), но и модель работы историка. Это представление о ней как об истории цивилизации на крупном субконтиненте, которая наряду с общей эволюцией во времени складывается из истории её областей/регионов. Общность происходит из обнаруживаемых (в т.ч. эмпирическим путём по источникам) в разнообразии её регионов общих черт и характеристик бытия её народов и культур. Эта общность проявляется и в таком аспекте культуры, как отношение к истории и к хронологии – отсюда признание общего для древнеиндийской цивилизации равнодушия к истории в качестве фиксирования последовательности событий и познания – на фоне развитых сфер познания от наук (астрономия, математика, логика и риторика, медицина и др.) и философии до литературы³¹.

²⁹ Ghosh 2000: 68.

³⁰ Ibid: 70–72; Biswas 2012: 398.

³¹ Mitra 1875–1880: I, 1.

На этом признании основана исходная установка Митро. Он подчёркивал и затруднения с датировкой событий: аутентичные даты «современных или предшествовавших исторических явлений» с трудом обнаруживаются в очень немногих книгах древности, несмотря на стремление «индийских мудрецов» развить «основательную научную хронологию» и созданные ими схемы исчисления прошедших времён. Безразличием к истории и недостоверностью дат и хронологии определяются «недостатки письменной истории», т.е. письменных источников исторических данных. Но и источников материальной культуры, данных археологии и памятников ушедших эпох, могущих пролить свет на индийскую древность, тоже недостаточно: «немногое из того, что осталось, способно поведать о своей истории с соответствующей точностью, достойной потребностей историка». Несмотря на эту малообещающую перспективу, историк сохраняет оптимизм: «нет границ для человеческого познания; и многого можно достичь усердием и трудолюбием даже в тех областях, которые на первый взгляд кажутся мрачными и запретными». Поэтому любые источники – письменные или архитектурные памятники (monuments) – могут, по убеждению Митро, служить трудолюбивому историку («в качестве анналов цивилизации», включая мифологические тексты, царские указы и своды законов, языки, художественную литературу, ритуалы религии, предметы быта, скульптуру и храмы. Всё имеет историческую ценность, поскольку отражает интеллектуальное состояние людей и сообществ, их социальные отношения и повседневную жизнь³².

Личный исследовательский опыт Р. Митро, который работал с санскритскими текстами в Азиатском обществе с одной стороны, а с другой – вёл полевые исследования в Ориссе (Бхубанешвар, Конарак, Пури, пещерные комплексы Кхандагири и Удаягири), вёл его по пути воссоздания истории Индии, исходя из всего доступного диапазона источников. Источниковедческая работа в Азиатском обществе исподволь формировала способность видеть исторические сведения в повествованиях и трактатах *любого* рода. Бэконов эмпиризм и его индуктивное движение от на первый взгляд разрозненных фактов к обобщению вместе с духом экспериментирования, приложенные Раджендролалом к реконструкции социальной истории конкретного региона, задали модель работы историка: воссоздавать историю страны по данным источников от конкретных регионов, в постоянном соотношении их истории с общим ходом истории субконтинента.

При явном недостатке достоверных сведений о политической истории Раджендролал переносит акцент на историческое бытие обществ. В Предисловии к первому тому «Древностей Ориссы» он отметил две цели проделанной работы: 1) «описать и сохранить в разных формах (включая графическую) древности», т. е. монументы, сохранившиеся в Ориссе, – следуя «указаниям лорда Каннинга в резолюции об индийских древностях»; и 2) «отметить в них те самые выдающиеся особен-

³² Ibid.: 1–2.

ности, которые, как мы рассчитываем, прольют специальный свет на социальную историю эпох, к коим они относятся»³³.

Решая частные исследовательские задачи, своими трудами Митро показывал современникам два взаимно дополняющих друг друга пути исторического познания: 1) определение общего хода истории цивилизации на субконтиненте на основе литературных источников общеиндийского характера и источников, созданных в других странах, но упоминающих Индию и повествующих о ней; 2) максимально подробное исследование материального, социального и духовного наследия, сохранившегося от предшествующих эпох, чтобы получить более или менее последовательную картину если не исторического процесса, то событий, повлекших за собой важные исторические изменения.

В 1875 и 1880 вышли 2 тома «Древностей Ориссы» – источниковедческий труд, где преобладает описание сохранившихся памятников культуры региона. Обобщающий труд «Бодх-Гайя: наследие Шакьямуни» о Будде и связанных с его жизнью священных местах вышел в 1877–1878. В 1881 г. Р. Митро издал двухтомник «Индоарии: содействие выяснению их Древней и Средневековой истории», а совместно с историком культуры Хоропрошадом Шастри издал книгу «Санскритская буддийская литература Непала» (1882). В книгах отражены не только результаты постижения и реконструкции прошлого, но и собственно опыт преодоления затруднений в реконструкции истории Индии и решения проблемы познания истории страны. В этом смысле особенно значимыми представляются «Древности Ориссы» и «Индоарии»; первые как решение эпистемологических задач, вторые – как выход на социально-философские обобщения.

История Ориссы раскрыта в книге Митро в первую очередь как история области, населённой преимущественно народом ория (уткала), но она тщательно вписана в общеиндийский исторический контекст. С одной стороны, историк тщательно прослеживает по всем доступным ему санскритским текстам происхождение народа одра/удра, включая истоки этнонима и географического названия Орисса (искаж. санскр. Одра-деша, «страна одров») ³⁴. Большая сохранность памятников её истории обеспечена периферийным положением и природными границами, оберегающими от потрясений.

С другой стороны, канву реконструкции древней и средневековой истории Ориссы создаёт уже известный молодой индологии ход истории индийского субконтинента, прямо и косвенно отображённый в источниках. Источников, к которым обращается Раджендролал Митро, довольно много, и не только индийских: здесь и авторы греческие (Арриан, Плиний), и китайские (Фа Сянь, Сюань Цзан), и мусульманские хроники Моголов. Этимологические изыскания Раджендролала подтверждают местное происхождение народов и племён Ориссы – дра-

³³ Mitra 1875–1880: I, iii.

³⁴ См.: Ibid.: 2–4.

видское, «неарийское»; они вполне древние, хотя и не упоминаются в гимнах Ригведы. В «Махабхарате» Орисса «была описана как дикое место, а её народ – как варвары, которым неизвестны ритуалы Вед»³⁵. Раджендролала отличает замечательное искусство чтения источника; он не только не пропускает ни одного косвенного указания на интересующие его страну и народы, но и *отсутствие* упоминаний как в эдиктах императора Ашоки (III в до н. э.), так и у Арриана (I–II в н. э.) служит восстановлению хода истории. С появлением буддийских источников проясняется история региона, теперь известного как буддийское царство Калинга³⁶. Его население с распространением буддизма при Ашоке всё больше включается в общий поток истории, хотя и находится на периферии. В это время китайские путешественники говорят о ней как стране множества буддийских монастырей и темнокожего народа, глубоко почитающего Будду³⁷.

Если в VII г. н. э. буддизм в Ориссе «сохраняет полную силу», то затем брахманы подчиняют его своему влиянию: «Работа с религиозными чувствами народа», которой не чуждались в своё время и буддисты, а в I тыс. н. э. вели брахманы, превратила Ориссу в индуистский регион. «Индуистские храмы Ориссы и их исключительная святость очевидным образом обязаны этой политике, поскольку с седьмого века мы находим эту область упоминаемой в индуистских сочинениях, и уже не как местопробывание живущих за пределами кастовой системы (outcasts) варваров, какими их представляла «Махабхарата», но как избранная богами обитель»³⁸. В этом качестве города Ориссы Бхубанешвар и Пури пураны упоминают как местопробывание Шивы и Вишну.

Соотнесение истории Ориссы с историей древней Индии, тем не менее, ещё не решает сложной проблемы реконструкции. «Ни один из вышеупомянутых [во Введении] источников не содержит ничего похожего на реальную историю, – подчёркивает Митро. – Все они претендуют на описание областей, городов, деревень, священных мест, священных потоков и источников, смывающих грехи; но они ничего не говорят об их размерах, границах, расположении, – ничего, что относилось бы к людям, которые жили там или поблизости, или о правителях, под чьей властью они пребывали»³⁹. Иными словами, историк заявляет об объективном предмете профессиональных изысканий – социальной и политической истории, – которой в индийских источниках просто нет, как нет и хронологии событий – даже хронологии правления владык («С начала и до конца не найти ни одной даты»). Минимально соотнести мистическое и земное время и быть «руководством по гражданской истории Ориссы» могла бы хроника храма Джаганнатха в Пури, но сведений о

³⁵ Ibid.: 5, 8

³⁶ Ibid.: 5–6.

³⁷ Ibid.: 8.

³⁸ Ibid.: 9.

³⁹ Ibid.: 11.

реальной истории региона в ней нет. Несмотря на это, Митро всё же реконструирует социальную историю региона, содержащего «некоторые из реликвий прошлого, оплакивающих утраченную цивилизацию и уничтоженное величие»⁴⁰. Исследование орисских древностей в двух томах стало описанием опыта преодоления затруднений самим ученым.

Описание памятников культуры – храмов, их устройства, скульптуры орисских городов – Р. Митро поставил в контекст общего хода индийской истории с древности, тем более что и «индусские», и «буддийские» древности региона позволяют предположить их связь с индийской цивилизацией от её древних истоков. На материале архитектуры Раджендролал ставит вопрос о преемственности культурных форм во времени и пространстве, тем более что в этой области британские учёные выработали ряд интерпретаций происхождения индийских архитектурных форм и стилей – в большинстве они трактовались как заимствованные из других культурных регионов. Историк тщательно пересматривает их аргументы в 1 главе 1 тома («Древность и классификация индийской архитектуры»). Прежде чем создавать картину социальной жизни и повседневности создателей храмов и скальных построек Ориссы, Р. Митро с опорой на санскритские источники доказал свою гипотезу о существовании оригинальной индийской архитектурной традиции и опроверг аргументы о греческом влиянии⁴¹. Для него орисские древности не только эстетически значимы («орисская школа»)⁴², но являются материалом для понимания социальной истории Индии.

Митро отметил, что в этой реконструкции образцом ему служил труд Гарднера Уилкинсона «Древние египтяне», и выразил надежду, что «придёт время, когда станет возможно проследить такую же социальную историю Индии – по меньшей мере, для значительного периода её древности. Материалов для такой работы не так мало, как кажется»⁴³. Он сам начинает её, одновременно продолжая на орисском материале похожую деятельность А. Фергюсона, ещё в 1843 г. представившего описание фресок Аджанты Азиатскому обществу. Показательно здесь понимание бенгальским учёным характера работы историка: это реконструкция картины образа жизни по свидетельствам источников, «разработка» (developing), а не восстановление процесса исторической эволюции; при этом он видит как историческое единство изучаемой цивилизации, так и известную её «прерывность», чему свидетельством дробность и отделённость друг от друга во времени и пространстве как индийских регионов, так и сохранившихся в них памятников.

Главным источником реконструкции картины социальности стали скульптурные изображения храмов Бхубанешвара и Конарака; на первый взгляд, в них нет сцен, которые не были бы «присущи челове-

⁴⁰ Ibid.: I, i.

⁴¹ Ibid.: 14–19.

⁴² Ibid.: 56–76

⁴³ Ibid.: 77.

скому роду во всякой части света». Это тоже в известной мере интеллектуальный вызов, и на него историк отвечает в 4 главе I тома: «Среди них (скульптур. – Т.С.), тем не менее, есть некоторые группы, представляющие огромный интерес, и даже отдельно взятые фигуры небесполезны в качестве данных о нравах, обычаях, традициях и идеях своего времени»⁴⁴. Прекрасно понимая пространственные, этнические, религиозные и иные отличия региона от других, Митро убеждён в присутствии в большинстве областей страны целого ряда признаков социальной жизни древних индийцев и косвенных указаний на неё, и объясняет их общностью происхождения народов разных областей.

Цивилизационное происхождение индийцев Митро содержательно связывал с социальными процессами – взаимодействием пришедших в древности на субконтинент ариев с дравидским автохтонным населением. И логически, и исторически неверно полагать полное отсутствие влияния осевших и распространившихся по всей Индии ариев на автохтонные народы, пусть даже и на дальней периферии цивилизации. «Цивилизация ариев – и сейчас есть неопровержимые свидетельства, чтобы это показать, – распространилась почти по всей Индии задолго до того времени, когда были созданы достойные упоминания скульптуры, и было бы безрассудным полагать, что социальная жизнь и искусство в каждой провинции продолжали следовать исключительно собственным путём, совершенно не затронутые их влияниями. Две формы цивилизации вряд ли могут пребывать в контакте любой период времени, не влияя друг на друга, как не могут две противоборствующие силы встретиться без столкновения. Языки и религиозные системы разных рас (race) Индии являют самые безошибочные свидетельства в пользу этого закона, и почему бы не допустить, что они равным образом встречаются в домашнем быте и социальной жизни?»⁴⁵.

Исходя из принципов преемственности «орисских древностей» с наследием цивилизации ариев и взаимного проникновения культурных черт в жизни индийских народов, Раджендролал развернул детальное описание быта и культуры ория, отражённых в скульптурных изваяниях. Складывается впечатление, что ничто не укрылось от пронизательного взора историка из Калькутты: от одежды, обуви и украшений до мебели, посуды и утвари, от домашней жизни лесных отшельников до повседневной жизни воинов, от музыкальных инструментов до разнообразных средств передвижения – всему нашлось место в описании. Серьёзную роль играет и принцип комбинирования данных разных источников, и соотнесение фактов, воплощённых в произведениях древнего искусства, с фактами социальной жизни, присутствующими в виде знаков и символов в санскритской литературе от Ригведы до Рамаяны.

Ещё один предмет исторического познания в «Древностях Ориссы» – история религий; Раджендролал задал контекст понимания па-

⁴⁴ Ibid.: 78.

⁴⁵ Ibid.

мятников духовной культуры в 5 главе I тома («Религия строителей храмов»), описывая во II томе конкретные пещеры, храмы и священные места (Кхандагири, Удаягири, Бхубанешвара, Пури и Конарака). Восприятие истории региона как истории религий во многом обусловлено характером археологических находок и памятников – это преимущественно храмы, пещеры, места поклонения; но столь же весомо и периферийное к брахманистскому порядку положение Ориссы, с ним активно конкурировали джайнизм и буддизм.

Определяя степень включённости ория в эволюцию религиозной жизни на субконтиненте, Р. Митро предположил, что этот народ, по всей видимости, тамильского происхождения, эволюционировал от первобытной элементарной веры в духов и божеств, олицетворяющих силы природы и вполне жестоких (требующих умилоствления), к включению в более высокие религиозные практики, называемые «индусской верой», пришедшей от ариев. «Две таких замечательно непохожих формы человеческих сообществ, как древние аборигенные урия и индусы, не могли ужиться вместе без того, чтобы среди них не началось брожение. Сильный должен был возобладать над слабым, и позволим себе предположить, что и там, как и в других частях Индии, история арийской цивилизации повторилась, изгоняя из их домов в горные и лесные убежища самых упрямых и решительных, т. е. тех аборигенов, кто более всего был привержен независимости; и объединяясь, хотя и не полностью, с более послушными и стговорчивыми, допуская их в границы индуизма как подчинённую расу»⁴⁶.

Затем история региона продолжилась во взаимодействии и конкуренции «вырождающейся формы индуизма» и буддизма, чьи памятники встречаются по всему региону, а история начинается с IV–III вв. до н. э. и продолжается почти тысячелетие, «до времени Сюань Цзана»⁴⁷. Поддерживавшийся как «государственная религия», буддизм в регионе (как и повсюду) сосуществовал с индуизмом и в итоге был вытеснен шиваизмом и вишнуизмом. Описывая первый как «индуистскую» форму богочитания, Митро обсуждает его тамильское (дравидское) происхождение – одинаково обоснованные и опровержимые аргументы за и против, а затем вписывает сюжет о Шиве и символику его почитания в широкую эволюцию человечества: и Шива, и его ведийский предтеча Рудра у историка предстают специфической формой универсального феномена⁴⁸. Столь же обстоятельно историк обозначил трансформации вишнуизма от почитания «великого бога ведийских времён» до средневековых течений бхакти, включая почитание Джаганнатха в Пури. Вместе с этими богами Р. Митро анализирует и культ солнечного божества в Ориссе по забытому храму («Чёрная пагода») в Конараке, и возводит это «солнцепоклонство» (heliolatry) к ариям (Сурья в Ригведе).

⁴⁶ Ibid. 135.

⁴⁷ Ibid.: 135–136.

⁴⁸ Ibid.: 137–143.

«Древности Ориссы» в контексте развития исторического знания в Бенгалии самым фактом появления показали не только «величие утраченной цивилизации», но и итог научной работы историка, следующего принципам и методам исторического познания Нового времени. Внимательный читатель-интеллектуал мог буквально учиться методологии исторического исследования у Митро, включая навык постановки и решения научных задач в ситуации разрозненности источников, фрагментарности данных и отсутствия исторических нарративов минимум как жанра литературы. Кроме того, «Древности Ориссы» были примером историко-культурного описания региона, встроенного автором в общую ткань истории цивилизации со времени появления ариев на субконтиненте. В этом смысле Орисса с её историческими памятниками служит носителем и восприимчиком достижений предшествовавших веков, что преломилось в региональных условиях и воплотилось в её архитектуре и скульптуре, монументах и надписях. История региона интегрирована не только в историю цивилизации, но и в историю древнего мира и историю человечества, и это *помогает* пониманию и интерпретации разных аспектов её жизни в историческом времени.

Неудивительно, что в 1881 г., публикуя двухтомное собрание своих исторических трудов «Индоарии: содействие выяснению их Древней и Средневековой истории»⁴⁹, Раджендролал Митро снова переиздал в I томе 1–4 главы «Древностей Ориссы».

«Индоарии» по форме представляют собой объединённые проблемно-тематически и логически труды Р. Митро, написанные в разное время и в основном опубликованные в ‘Journal of the Asiatic Society of Bengal’ и ‘Proceedings of Asiatic Society of Bengal’; охватившие широкий диапазон проблем древней и средневековой Индии. В первом томе подняты темы повседневной жизни в связи с современными обычаями и социальными установками. В частности, историк выяснил сравнительно позднее происхождение запрета на жертвоприношения и забой коров и на употребление в пищу их мяса⁵⁰ («Говядина в Древней Индии»)⁵¹. В рационе древних индийцев говядина присутствовала; при всех трудностях датировки Митро проследил становление запрета на её употребление от ограничений в трактате Чарака-самхита (VI–V вв. до н. э.) и до полного исключения под влиянием буддизма⁵². Как часть социальной истории исследованы употребление спиртных напитков и светские развлечения – пиры, праздники с участием танцовщиков, певцов и актёров, драматические представления и т. д. Среди тем – придворный церемониал («Имперская коронация в Древней Индии») и религиозные обряды (человеческие жертвоприношения, погребальные церемонии); первобытность ариев, вопросы истории языка (происхож-

⁴⁹ Mitra 1881.

⁵⁰ См.: Васильков: 2019.

⁵¹ Mitra 1881: I, 354–388.

⁵² Ibid. 372, 387–388.

дение санскритского алфавита, история хинди и т. д.), попытка восстановить данные о жизни Ашоки, история династий Палов и Сенов.

В «Индоариях» присутствуют теоретические размышления, проливающие свет на научные установки автора и его социально-философские взгляды на историю. Раджендролал Митро предстаёт стойким приверженцем применения в исторической науке сравнительного метода и показывает его в действии при описании и интерпретации индийской скульптуры (на материале «орисской школы») – сопоставления с критской («школа Дедала»), этрусской, древнеегипетской и ассирийской скульптурой. Его подход задан убеждением в общей природе человечества несмотря на его разделённость во времени и пространстве. Здесь нетрудно проследить влияние на Р. Митро универсализма в понимании человеческой природы и гуманизма Брахмо Самаджа. Третья глава «Индоариев» начинается с прекрасного откровения, достигающего уровня философии истории: «Трактую скульптурные изображения природных объектов, необходимо помнить о человечности людей в каждой части этого мира. Подобно тому как поэты, обращающиеся к одним и тем же предметам, – жизни и душе человека – создают похожие образы, несмотря на то, что их лира настроена в жарких тропиках, мягком климате умеренных широт или сковывающем холодом севере, то должно быть и скульпторы, стремящиеся запечатлеть в камне природные объекты, достигают похожих результатов, так как в первом случае различия происходят из-за неодинаковой одарённости и местных условий, то и в последнем случае должен быть такой же результат. Таким образом, когда Вальмики и Гомер воспевают один и тот же предмет, то местные сравнения остаются в стороне, и результат должен быть похожим, безо всякого обмена идеями между ними; и похожим образом Фидии в Греции и в Индии (ведь такие люди существовали везде) создавали прекрасный идеал совершенства в каждой стране, ничего не заимствуя друг у друга. Там, где интеллектуальные и художественные способности различны, результаты необходимо будут неодинаковыми; но повсеместной тенденцией должна быть одна и та же цель, и более или меньшее сходство должно проявиться сообразно обстоятельствам, благодаря факту, что человеческий ум повсюду тот же самый, и стремится к похожим целям»⁵³.

Отдельные главы («Пикник в древней Индии», «Говядина в Древней Индии») резонируют с проблематикой общественных тем и дискуссий современной Митро Бенгалии, где ортодоксы-индуисты и традиционалисты идеализируют прошлое и ничтоже сумняшеся продвигают исторические мифы. Раджендролал тонко указывает мыслящему читателю «Индоариев» на элементарное отсутствие достоверного знания у местных мифотворцев-традиционалистов, не взявших на себя труда прочтения текстов, на которые они так любят ссылаться. Например, люди в ведийские времена совсем не были тотально религиозными

⁵³ Ibid.: 93–94.

и совсем не проводили повседневную жизнь в ритуалах и церемониях, а делегировали бремя ритуалов священству⁵⁴. Далее весь раздел историк посвящает светской жизни древних – какой она предстаёт в литературе на санскрите, в т. ч. в эпических поэмах.

Труды Раджендролала Митро решали частные исследовательские задачи, но все вместе задавали некоторое видение истории Индии с древнейших времён – подтверждённое данными источников, последовательное во времени – несмотря на прерывность и региональную дробность. При явном недостатке достоверных сведений о политической истории, для реконструкции открыта социальная история, история духовной жизни и эволюция религии на субконтиненте.

Объём работы, проделанной Митро за несколько десятилетий, вместе с высоким профессиональным уровнем её исполнения и результатов, – лучшее подтверждение определения, данного Р. Тагором, – он действительно работал как целая историческая академия. К 1875 г. его заслуги уже были признаны в мире – Митро был почётным членом Азиатского общества Великобритании и Ирландии, Имперской Академии наук в Вене, членом-корреспондентом Восточных обществ Германии и Америки, Венгерской королевской академии наук, членом Королевского общества Северных Антикваров Дании и т. д. По диапазону поднятых тем современникам очевиден колоссальный объем труда и задач по воссозданию индийской истории; и те из них, что решил Митро, могли быть результатом трудов многих учёных в рамках научного института. Он показал и объяснил трудности работы историка Индии – источниковедческого плана (отсутствие и недостаток источников как таковых, необходимость особых методов работы с ними), сложность реконструкции хода индийской истории в виде нарратива о политических и социальных событиях, сложность интеграции исторического знания воедино в масштабе субконтинента и т. д.

Раджендролал Митро формировал историографическую культуру исследователей, опираясь на достижения предшественников – на тот момент в большинстве своём европейцев. Его труды – пример огромного значения источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в анализе исторических данных об Индии, включая лингвистику. Он продемонстрировал важность внимания к социальной истории, истории религий и вместе с ними – истории культуры. Он открыл имеющиеся в распоряжении индийского историка-профессионала возможности: движения исторической мысли от истории регионов к пониманию истории цивилизации, к которой они относятся, возможность гипотетического заполнения лагун в исторических событиях и процессах по косвенным свидетельствам (несмотря на уязвимость гипотез и опасность мифологизации истории), на возможность воссоздания если не исторического процесса, то исторической картины повседневной жизни пространственно и темпорально локализованных сообществ.

⁵⁴ См. Ibid. 422.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алаев Л.Б. Индусское отношение ко времени и к исторической памяти (к вопросу о специфике индийской цивилизации) // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 6. С. 31–40. [Alaev L.B. Indusskoe otnoshenie ko vremeni i k istoricheskoi pamiatii (k voprosu o spetsifike indiijskoi tsivilizatsii) (Hindu Attitude to Time and Historical Memory (To the Question of Peculiarities of the Indian Civilization)) // Journal of the Institute of Oriental Studies RAS. 2018. № 6. P. 31–40.]
- Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М.: ИВ РАН, 2013. 470 с. [Alaev L.B. Istoriografiya istorii Indii (Historiography of history of India). Moscow: IV RAN. 2013. 470 p.]
- Банерджи Кришномохан. О природе и важности исторических исследований. Пер. с англ. Т.Г. Скороходовой под ред. А.А. Нейвирт // Вопросы философии. 2024. № 3. С. 173–184. [Banerzhi Krishnomokhan. O prirode i vazhnosti istoricheskikh issledovaniy. Per. s angl. T.G. Skorokhodovoi pod red. A.A. Neivirt (Banerjea Krishnamohun. On the Nature and Importance of Historical Studies) // Voprosy filosofii. 2024. № 3. P. 173–184.]
- Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М.: Наука – Восточная литература, 2014. 343 с. [Vanina E.Yu. Indiiia: istoriia v istorii (India: History in History). M.: Nauka – Vostochnaia literatura, 2014.]
- Васильков Я.В. Индийская священная корова: история и современность [Vassilkov Ya. V. Indiiiskaia sviashchennaia korova: istoriia i sovremennost' (Holy Cow of India: History and the Present Day) // Etnografiya. 2019. № 4 (6)] // Этнография. 2019. № 4 (6). С. 42–59.
- Серебряный С.Д. Азиатское общество (Калькутта) // Народы Азии и Африки. 1987. № 6. 122–129. [Serebriany S.D. Aziatskoe obshchestvo (Kal'kutta) (Asiatic Society (Calcutta)) // Narody Azii i Afriki. 1987. № 6. 122–129.]
- Неру Дж. Открытие Индии. В 2-х тт. М.: Изд-во полит. лит., 1989. [Nehru J. Nehru Jawaharlal. The Discovery of India. NY: The John Day Company, [1946] (Russian Translation).]
- Скороходова Т.Г. Открытие индийской истории в общественной мысли Бенгальского Возрождения // Диалог со временем. Вып. 59. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 291–306. [Skorokhodova T.G. Otkrytie indiijskoj istorii v obshchestvennoj mysli Bengal'skogo Vozrozhdeniya (Discovery of Indian History in the Bengal Renaissance Social Thought) // Dialog so vremenem. Vyp. 59. M.: IVI RAN, 2017. S. 291–306.]
- Скороходова Т.Г. Понимание Другого и диалог в философии Бенгальского Возрождения. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. 580 с. [Skorokhodova T.G. Ponimanie Drugogo i dialog v filosofii Bengal'skogo Vozrozhdeniya (Understanding of Other and Dialogue in Philosophy of the Bengal Renaissance). St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie [Centre for Oriental Studies Publishers], 2022. 580 p.]
- Тарор Рабиндранат. Собрание сочинений в 12 тт. / Пер. с бенг. и англ. М.: Художественная литература, 1961–1965. [Tagor Rabindranat. Sobranie sochinenij v 12 tt. (Collected Works) / Per. s beng. i angl. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1961–1965.]
- Хазанов О.В. Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций. Автореф.... канд ист. наук. Томск, ТГУ, 2002. 26 с. [Khazanov O.V. Fenomen religioznogo istorizma: nekotorye podkhody k ponimaniuu evreiskoi i indiijskoi traditsii. Avtoref.... kand ist. nauk. Tomsk, TGU, 2002. 26 p.]
- Bankim Rahanāvali. Khandā. 2. Kalikata: Sāhitya Samsad, 1954. (in Bengali)
- Biswas Arun Kumar. The Era of Science Enthusiasts in Bengal (1841–1891): Akshayakumar, Vidyasagar and Rajendralala // Indian Journal of History of Science. 2012. 47.3. p. 375–425.
- Bhattacharya Krishna. Early Years of the Bengal Historiography // Indology, Historiography and the Nation. Bengal, 1847–1949. Kolkata: Frontpage, 2015. 250 P.
- Dasgupta Subrata. Awakening: The Story of the Bengal Renaissance. Noida: Random House India, 2011. 481 p.
- Dasgupta Subrata. The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. 2nd impression. New Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.
- Ghosh Amitabha. Popularization of Science in Bengal: The Pioneering Role of Rajendralal Mitra // Uncharted Terrains. Essays on Science Popularization in Pre-Independence India. Ed. by N. K. Sehgal, S. Sangwan, Subodh Mahant. New Delhi: Vigyan Prasar. 2000. P. 67–75.
- Kopf D. British Orientalism and Bengal Renaissance. Berkeley: University of California Press, 1969. 324 p.
- Mitra Rajendralala. The Antiquities of Orissa. In 2 Vols. Calcutta: Wyman and Co, 1875–1880.

- Mitra Rajendralala. Indo-Aryans: Contributions towards Elucidation of Their Ancient and Mediaeval History. In 2 Vols. L.: Edward Stanford, Calcutta: W. Newman & Co, 1881.
- Mukherjee Bimala Prasad. History // Studies in the Bengal Renaissance / Ed. by A. Gupta. Calcutta, 1958. P.360–385.
- Poddar Aravinda. Renaissance in Bengal. Search for Identity. 1860–1919. Simla: Indian Institute of Advanced Studies, 1977. 252 p.
- Sarkar Sumit. Writing Social History. New Delhi, Oxford University Press, 2010. 390 p.

Скороходова Татьяна Григорьевна, доктор философских наук, профессор, кандидат исторических наук, Пензенский государственный университет. skorokhod71@mail.ru

The experience in discovery of Ancient India's history: the works of Rajendralal Mitra and the historical consciousness of the Bengal Renaissance

Based on the analysis of the historical works of the Bengal scholar, the author examines the achievements of Rajendralal Mitra in the study of Indian history. The first professional historian, he was the bearer of a special experience of scientific “discovery of India” and its history in the Bengal Renaissance. R. Mitra had overcome the traditional Indian neglect of history and lack of historiography with the European historical approach and methods. He has considered all available sources on Indian history – from scriptures and other texts to architecture and sculpture – in his scrupulous attempts to reconstruct the history of the region (Orissa) and to restore the general image and path of India's ancient history. The article highlights R. Mitra's general understanding of Indian history as a composite interaction of races (Aryan and Dravidian) and religions, as well as on his theoretical principles: adherence to the comparative-historical method, rejection of a mythologizing view of the country history, attention to the social history of everyday life, and belief in the universality of humanity. Mitra's multifaceted and varied writings can be seen as a sign of the effective development of historical consciousness among the intellectual elites of the epoch and the foundation for a young historical scholarship in modernizing India.

Keywords: *Historiography of Modern India, Rajendralal Mitra, the Bengal Renaissance, historical consciousness, universalist approach, comparative method, ancient Indian history, social history.*

Skorokhodova Tatiana Grigorievna, Doctor of Philosophical science; PhD in Historical sciences, Professor, Penza State University, skorokhod71@mail.ru

А.Н. ВОЛКОВ: КАК ХУДОЖНИК НЕ СТАЛ БОТАНИКОМ

В статье рассматривается ранняя биография ботаника, экстраординарного профессора Новороссийского университета А.Н. Волкова (1844–1928), эмигрировавшего из Российской империи в конце 1870-х гг. На основе его мемуаров, опубликованных на английском языке, а также делопроизводственных документов, сохранившихся в РГИА, восстанавливается его жизнь до эмиграции, его образовательная и научная траектория. Как выяснилось, еще до переезда в Одессу и поступления в Новороссийский университет Волков оказался в научном тупике, придя к выводу, что решение выбранной им научной проблемы невозможно. Его неприятие образа жизни российского профессора и атмосферы того университета, в котором он получил место, в конечном итоге привело его к кардинальной смене профессии: ботаник стал художником, довольно известным при жизни и практически забытым в настоящее время.

Ключевые слова: Волков-Муромцев, Руссов, профессура, Новороссийский университет, Российская империя.

В университетской истории Российской империи установилось традиционное мнение, что 1860-е гг. были благом для расширения профессорского корпуса и улучшения его научного уровня. Многие профессора, прошедшие в этот период стажировки в Европе, оказались не только хорошими преподавателями, но и отличными учеными, в особенности в сфере естественных наук. В советское время многие из них заслужили многочисленные упоминания в научных работах, в их честь назывались научно-исследовательские институты и университеты. Особую гордость вызывали нобелевские лауреаты Илья Мечников (1845–1916) и Иван Павлов (1849–1936), а также известные биологи Александр Ковалевский (1840–1901) и Иван Сеченов (1829–1905). Все они были «продуктом» 1860-х гг. Однако среди успешных исследователей были и «неудачники»: сошедшие с ума ботаники Алексей Янович (1831–1871) и Яков Вальц (1840–1904), покинувший университет из-за конфликта с администрацией Сергей Рачинский (1833–1902) и не получивший места в университете Алексей Петунников (1842–1919). Невозвращенцем встал химик Георгий Вырубов (1843–1913), которому не удалось защитить диссертацию в Московском университете, что привело его к эмиграции. Казалось бы, уход из-за конфликта – традиционная причина, но были случаи ухода из науки и университета несмотря на поддержку администрации и в ситуации, когда чиновники шли навстречу ученому и создавали все возможности для развития. Именно так сложилась судьба Александра Волкова, который получил профессуру в Новороссийском университете, но оставил ее по причине неприятия образа жизни российского профессора и стал акварелистом. О Волкове-ботанике существует несколько коротких заметок. О Волкове-художнике информации ненамного больше, однако именно эта сторона его жизни интересна публике. Эта статья – попытка восстановить «переход» от одной жизни

к другой и понять, почему же Волков в конце 1870-х гг. оставил ботанику. Именно по этой причине жизнь Волкова после эмиграции в фокус данного исследования не попадает.

Дерпт – Гейдельберг – Псков

Александр Николаевич Волков (1844–1928), он же Волков-Муромцев¹, он же Руссов², прожил интересную жизнь. Потомкам он интересен преимущественно благодаря неожиданной смене профессии: в конце 1870-х гг. Александр Николаевич оставил профессорскую должность, поселился в Венеции и посвятил всего себя живописи, став довольно популярным в Европе художником. В связи с этим книга его воспоминаний, опубликованная в 1928 г. на английском языке, лишь частично была переведена на русский несколько лет назад: свет увидели те части, которые касались его переезда в Венецию и художественного творчества³. Как подчеркивает М. Талалай, автор предисловия к русскому изданию мемуаров, Волков-Муромцев «сделал все возможное, чтобы на родине его не знали»⁴. Впрочем, на родине его знали и даже помнили... Но не как художника, а как несостоявшегося учено-ботаника, карьерной вершиной которого была должность экстраординарного профессора Императорского Новороссийского университета, эдакого «неудачника» в науке, не добившегося ни славы К.А. Тимирязева или А.С. Фаминцына, ни даже должности ординарного профессора. А так как этот «неудачник» хоть и недолго, но все же успел послужить профессором, то заслужил таким образом краткие биографические справки в многочисленных словарях. Первую такую справку он получил уже в 1890 г.: вышла история Новороссийского университета к его 25-летнему юбилею. Ее автор А.И. Маркевич был бесстрастен: в лучших традициях биографических словарей он перечислял вехи биографии А.Н. Волкова, объясняя отставку из университета увлечением живописью, «которою он и стал специально заниматься, и достиг теперь почетной известности в области пейзажа»⁵. Маркевич первым указал неправильный год рождения ботаника – 1849, что перекочевало впоследствии в словарь С.Ю. Липшица о русских ботаниках⁶, и даже в биографический словарь профессоров Одесского университета⁷. И только в словаре В.А. Волкова⁸ появилась правильная дата рождения ботаника: 1844-й.

¹ Волковым-Муромцевым он стал после смерти младшего брата своей бабушки по отцу Л.М. Муромцева (1825–1899) и его жены Е.Н. Голицыной (1830–1901), наследником которых он являлся. Вместе с имением Баловнёво, расположенным в Рязанской губернии, Волков обрел и приставку к фамилии, став основателем нового дворянского рода Волковых-Муромцевых.

² Руссов – это псевдоним Волкова. Именно так он подписывал свои картины.

³ Волков-Муромцев 2021.

⁴ Там же: 5.

⁵ Маркевич 1890: 435.

⁶ Русские ботаники 1947, Т. 2: 148–149.

⁷ Професори 2005, Т. 2: 272–273.

⁸ Российская профессура 2003: 142–143.

1844 год. Апогей николаевского царствования. Несколько лет до так называемого «мрачного семилетия» и негласного, но вполне ощущаемого закрытия границ. Впрочем, семьи Волковых это не слишком коснулось: родственник отца барон Ливен⁹ добился разрешения на выезд, поэтому А.Н. Волков уже в раннем возрасте познакомился с разными европейскими городами. Отрочество его тоже было достаточно «европейским»: он много времени проводил в Варшаве, в путешествиях по Европе, учился в школе во Флоренции. Неудивительно, что в качестве места обучения юный Александр выбрал немецкий университет Российской империи – Дерптский¹⁰. В Дерпте он вращался в высшем обществе: был знаком с Дондуковыми-Корсаковыми¹¹ и Соллогубами¹². Кстати, с А.Н. Волковым общался учившийся в то время в Дерпте П.Д. Боборыкин, входящий в те же гостиные. Несмотря на довольно обширные мемуары последнего¹³, о знакомстве с Александром Волковым Боборыкин в них не пишет, может быть потому, что тот скептически отнесся к его писательскому творчеству¹⁴.

После нескольких лет обучения в Дерпте А.Н. Волков отправился в Гейдельберг. В своих воспоминаниях он описывает эпизод с поиском квартиры, в которой ему сначала отказали, а потом согласились принять, когда узнали о его родстве с Матвеем Степановичем Волковым¹⁵, известным экономистом¹⁶. Его домохозяином оказался профессор политической экономии университета Карл Рау¹⁷. В мемуарах это знакомство описано как случайное, якобы Волков проходил мимо приятного домика и просто решил зайти и узнать о возможности снять комнату, хотя никаких объявлений о сдаче не было. Однако можно предположить, что встрече с Рау мог поспособствовать тот самый дядя Матвей Волков.

В Гейдельберге Волков учился у самых известных ученых: химии у Р. Бунзена¹⁸, физике у Г. Кирхгофа¹⁹, ботанике у В. Гофмейстера²⁰.

⁹ Вероятно, речь о В.К. Ливене (1800–1880), который в конце 1840-х гг. был генерал-адъютантом Николая I. Сестра его жены С.А. Саблукова (1812–1833) в замужестве носила фамилию Волкова.

¹⁰ В мемуарах он точно указывает время поступления в студенты: ему было 16 с половиной лет, т.е. это лето 1860 г.

¹¹ Князь М.А. Дондуков-Корсаков (1794–1869) – попечитель С.-Петербургского учебного округа в 1833–1842 гг., вице-президент Академии наук в 1835–1852 гг.

¹² Граф В.А. Соллогуб (1813–1882) – прозаик, поэт, драматург, переводчик.

¹³ Боборыкин 2003.

¹⁴ Memoirs of Alexander Wolkoff-Mourontzoff 1928: 23.

¹⁵ М.С. Волков (1802–1878) – родной дядя А.Н. Волкова, экономист и инженер. С 1843 г. жил в Париже, известен своими трудами по политической экономии.

¹⁶ Memoirs of Alexander Wolkoff-Mourontzoff 1928: 50–51.

¹⁷ К.Г. Рау (Karl Heinrich Rau) (1792–1870) – профессор политической экономии Гейдельбергского университета.

¹⁸ Р.В. Бунзен (Robert Wilhelm Bunsen) (1811–1899) – немецкий химик, руководитель Д.И. Менделеева, И.М. Сеченова, А.П. Бородина, К.А. Тимирязева, А.Г. Столетова.

¹⁹ Г.Р. Кирхгоф (Gustav Robert Kirchhoff) (1824–1887) – немецкий физик, руководитель А.Г. Столетова, С.В. Ковалевской.

Для получения диплома ему необходимо было сдать экзамен. В своих воспоминаниях он подробно описывает это, указывая, что для экзамена требовалось выбрать три любых дисциплины из одной группы наук. Он экзаменовался по химии, физике и метеорологии. Сам Волков называл полученную им степень степенью доктора философии²¹ и указывал, что в России доктора иностранных университетов имели привилегии сразу сдавать магистерские экзамены, но для сдачи этих экзаменов необходимо было представить диссертацию²². Он использовал тот текст, который написал и опубликовал в Гейдельберге, поэтому в 1866 г., через три месяца после прибытия в Дерпт, он сдал экзамены и защитил магистерскую диссертацию по ботанике *Ueber die Einwirkung des Lichtes auf Pflanzen*²³ («О действии света на растения»). Отзыв на нее был напечатан в петербургском естественнонаучном журнале «Натуралист» в следующем, 1867 году. Автором отзыва, скрывавшимся за аббревиатурой С.Р., был, вероятно, Сергей Рачинский²⁴, в то время профессор ботаники Московского университета. После детального разбора диссертации он заключает, что «в диссертации г[осподина] Волкова мы не находим новых и поразительных результатов. Но заслуга его заключается в том, что он подтвердил важные положения растительной физиологии, идя совершенно иным, вполне самостоятельным и, прибавим, более точным путем. Значение его труда по преимуществу методологическое. Этот труд составляет в настоящее время один из задатков лучшей будущности для физиологии растений, той будущности, когда специалисты физик и химик уже не будут иметь повода смотреть часто на занятия фитофизиологов с насмешливо-снисходительной улыбкой. В интересе науки желательно, чтобы талантливый автор, столь удачно начавший свою научную деятельность, не оставлял этого поприща»²⁵.

После женитьбы в 1867 г. на британке Элис Гор А.Н. Волков, при посредничестве великой княгини Елены Павловны²⁶ встретился с мини-

²⁰ В. Гофмейстер (Friedrich Wilhelm Benedikt Hofmeister) (1824–1877) – немецкий ботаник, профессор в Гейдельбергском университете в 1863–1872 гг.

²¹ Можно предположить, что в Гейдельберг он отправился уже после окончания Дерптского университета в 1864 г. В мемуарах Волков, к сожалению, не слишком точен с датами, но он пишет о том, что в Германии он провел 1 год, т.е. занимался научными исследованиями для получения степени доктора философии, которую он получил, судя по всему, в 1865 г., а не в 1870 г., как это ошибочно указано во всех биографических справках о нем на русском и украинском языках.

²² *Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsoff* 1928: 82.

²³ Диссертация представлена в репозитории Тартуского университета: <https://dspace.ut.ee/server/api/core/bitstreams/e573dadd-4296-43a1-87cb-a57bd24533f4/content>

²⁴ С.А. Рачинский (1833–1902) – педагог, просветитель, ботаник, адъюнкт, затем профессор Московского университета в 1859–1867 гг. Он же – первый переводчик «Происхождения видов» Ч. Дарвина на русский язык (1864).

²⁵ О действии света на растения 1867: 192–193.

²⁶ Вел. кн. Елена Павловна (1807–1873) – вдова Михаила Павловича (Романова), благотворительница, общественная деятельница, сторонница отмены крепостного права, влиятельная фигура в светском обществе имперского Петербурга.

стром государственных имуществ А.А. Зеленым²⁷, с которым обсудил состояние сельскохозяйственных школ в России, и не нашел понимания своим взглядам. Таким образом, надежда получить место преподавателя в сельскохозяйственном учебном заведении была потеряна. Поэтому Волков назвал большой удачей предложение графа Палена²⁸, друга отца, в то время псковского губернатора, стать мировым посредником. Любопытно, что Волков не пытался получить позицию в учебных заведениях Министерства народного просвещения, хотя магистерская степень у него имелась, а устав 1863 года ввел должность доцента. В мемуарах Волков пишет о желании заниматься наукой, но не делает попыток связаться с каким-нибудь университетом, довольствуясь совершенно не связанной с наукой должностью мирового посредника. Как признавался Александр Николаевич, несмотря на поддержку многочисленных друзей и знакомых, которые могли помочь с получением должности по государственной службе, сама мысль быть чиновником претила ему²⁹. Он мечтал заниматься наукой, поэтому в 1870 г. с женой и двумя детьми перебрался в Вюрцбург, чтобы работать в лаборатории известного ботаника Ю. Сакса³⁰: доходы имения в Псковской губернии это позволяли.

Вюрцбург – Одесса

В Вюрцбурге А.Н. Волков год работал над явлением отрицательного гелиотропизма, так и не сумев определить его причины. Тем не менее, результаты этой работы вошли в третье издание учебника по ботанике Ю. Сакса (*Lehrbuch der Botanik*). В Гейдельберге Волков продолжил свои эксперименты, занимаясь в лаборатории по соседству с лабораторией Адольфа Майера³¹, с которым впоследствии опубликовал совместную статью о дыхании растений³². Судя по всему, именно благодаря этой статье о Волкове узнал профессор ботаники Новороссийского университета Я.Я. Вальц³³. В 1874 г. из Одессы уехал доцент ботаники И.Ф. Кошуг, поэтому университету требовался преподаватель. Я.Я. Вальц, декан физико-математического факультета в то время, предложил несколько кандидатур: А.П. Баталина, затем И.П. Бородин

²⁷ А.А. Зеленой (1818–1880) – генерал от инфантерии, ошибочно назван адмиралом в воспоминаниях, министр государственных имуществ в 1862–1871 гг.

²⁸ Граф К.И. Пален (1830–1912) – псковский губернатор в 1864–1867 гг.

²⁹ *Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsoff* 1928: 129. Тем не менее, это не помешало ему в 1870 г. стать почетным смотрителем Порховского уездного училища и получить сначала чин титулярного советника, а через три года – коллежского асессора. Соответственно, из университета он ушел с чином статского советника. РГИА. Ф. 1343 Оп. 42 Д. 8. Л. 49об.

³⁰ Ю. фон Сакс (Julius von Sachs) (1832–1897) – немецкий ботаник, профессор Вюрцбургского университета в 1868–1897 гг.

³¹ А. Майер (Adolf Eduard Mayer) (1843–1942) – немецкий агроном, чьи работы по мозаичной болезни табака стали основой для открытия вирусов, доцент, затем профессор в Гейдельберге в 1868–1876 гг.

³² *Wolkoff und Mayer* 1874: 480–527.

³³ Я.Я. Вальц (1840–1904) – профессор ботаники Императорского Новороссийского университета в 1871–1881 гг.

и М.С. Воронина, которые не рассматривали для себя возможность перехода в Новороссийский университет. Поэтому после отказа всех трех вышеназванных ботаников появилась кандидатура А.Н. Волкова³⁴.

В своих мемуарах Александр Николаевич описывает эпизод с получением приглашения из Одессы таким образом: «Однажды я получил приглашение от университета Одессы занять там должность профессора физиологии растений. Я должен заметить, что это оставило меня равнодушным, ибо, никогда не бывав в русском университете, я даже не знал, какой образ жизни вели профессора. Я слышал, что климат там был ужасным, тропическая жара летом и арктический холод зимой. Вскоре после этого такое же предложение пришло во второй раз, в период, когда это польстило моему тщеславию, и в конце концов, после должного обдумывания, я решил отправить мои условия для принятия предложения, каковыми были:

1) Так как у меня была только степень магистра, я не смог бы сделаться профессором,

2) Я согласился бы поехать в Одессу, чтобы представить мою диссертацию факультету естественных наук, чтобы получить степень доктора, без которой я мог бы быть только «доцентом»,

3) После получения этого звания, я бы принял профессорскую должность при условии, что я должен был читать только студентам четвертого года обучения по 2 часа в неделю и что у меня должна была быть лаборатория, в которой студенты могли работать целый день.

Условия были приняты»³⁵.

Я.Я. Вальц представил кандидатуру Волкова на заседании Совета университета в конце января 1875 г. Она была принята 10 голосами из 12³⁶, и ботаник приехал в Одессу. В своих воспоминаниях он описывает первую встречу с Вальцем и рисует неприглядный образ профессора, который, увы, соответствовал действительности³⁷, а он таким, как можно заключить, становиться не хотел: «Он был мужчиной пятидесяти лет³⁸ с внешностью, которая ведет к диагнозу о слабости к спиртным напиткам – тип некоторых русских профессоров, которые, поучившись за границей и сделав работу определенной важности, вернулись обратно в Россию и потеряли свой интерес и цель. Их цель научного исследования вскоре уступила место практическим соображениям или борьбе, которая шла между профессорами и различными партиями в обычной жизни любого университета. Много факторов сошлось в этом ухудшении, таких как, к примеру, большие расстояния, которые делали

³⁴ Маркевич 1890: 433.

³⁵ Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsoff 1928: 135–136.

³⁶ Протоколы 1875: 5.

³⁷ Я.Я. Вальц, получив блестящее образование у Г. де Бари, Н. Принсгейма, защитив докторскую диссертацию через 2 года после магистерской, прекрасно владея иностранными языками (в первую очередь немецким), был алкоголиком, окончившим свои дни в лечебнице для душевнобольных.

³⁸ В 1875 г. Вальцу было 34 года, он был всего на 3 года старше самого Волкова.

трудным обмен научными идеями между специалистами, и дефицит последних в университетах, которые только недавно открылись. Но главной причиной были жалкие финансовые условия, в которых находились профессора. В такой стране как Россия, где все дорого, зарплата ординарного профессора была 3000 рублей; экстраординарный профессор имел 2000 рублей, а доцент только 1000 рублей»³⁹.

Защита докторской диссертации

Одним из условий получения места в Одессе была защита докторской диссертации. Волков подготовил текст быстро, за три недели, как он сам писал в своих воспоминаниях и это похоже на правду. Диссертация была опубликована в Записках Императорского Новороссийского университета⁴⁰ и напоминала большую обзорную статью, а не научную работу. Впрочем, это была отличная теоретическая статья, посвященная разбору исследований в области фотосинтеза и основных проблем, требующих решения. С.Ю. Липшиц отзывался о ней очень высоко, называя Волкова прозорливым ученым, поскольку тот «отметил, что исследователи делали ошибку, рассматривая растение “как слой хлорофилла”, а не как “живой организм”, в котором одновременно с ассимиляцией происходят различные жизненные процессы»⁴¹. Официальным оппонентом выступил Я.Я. Вальц, его отзыв был опубликован в «Записках»⁴². Он тоже указывал на теоретическое значение работы, подчеркивая, что «недостаток экспериментов в этой работе не может считаться недостатком сочинения, по той простой причине, что, как это несомненно доказал автор по вопросу, составляющему предмет сочинения, в настоящее время исследования экспериментальные невозможны. Пока нет исследований, которые бы уяснили вопрос, на сколько теряется напряжение лучей при прохождении их чрез прозрачные среды, и вопрос об отношении между ассимиляцией и напряжением света, экспериментировать под влиянием цветных лучей на ассимиляцию, – значит увеличивать в науке число ошибочных по самому существу наблюдений»⁴³.

Защита состоялась 11 мая 1875 г. А.Н. Волков описывал ее в деталях, подчеркивая, что на ней присутствовали И.М. Сеченов, И.И. Мечников, А.О. Ковалевский – весь «биологический» цвет тогдашнего университета. Основная дискуссия развернулась между Волковым и профессором физики Шведовым⁴⁴, вторым оппонентом, но в конце концов Волков был избран. В связи с быстротой организации докторского диспута в физико-математическом факультете разгорелся спор о правомочности присуждения степени Волкову, так как «22 апреля рукопись рабо-

³⁹ Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsoff 1928: 137.

⁴⁰ Волков 1875: 1–60.

⁴¹ Русские ботаники 1947, Т. 2: 149.

⁴² Вальц 1876: 35–37.

⁴³ Там же: 37.

⁴⁴ Ф.Н. Шведов (1840–1905) – профессор физики Императорского Новороссийского университета.

ты г. Волкова была одобрена факультетом, точнее г. Вальцем, только как статья, заслуживающая того, чтобы напечатать ее на счет и от имени, т.е. в записках Новороссийского университета»⁴⁵, – указывал профессор Цитович⁴⁶. Профессор юридического факультета указал на явное нарушение протокола защиты: «Итак, 6 мая работа г. Волкова не была еще напечатана, а 8 мая она уже признана как “самостоятельное ученое сочинение, хотя написанное и не с целью получения ученой степени, но которое может заменить диссертацию на степень доктора” (Положение 1864 г. генваря 4, гл. III, § 25). Со дня представления печатных экземпляров в факультет прошел один день, а вероятнее, несколько часов»⁴⁷.

Профессор Вальц, «виновник» приглашения Волкова, защищал его как мог. На заседании Совета он апеллировал к тому, что указанное правило «не всегда соблюдается, так напр[имер] проф[ессор] Синцов, доцент Кошуг, некоторые другие преподаватели Новороссийского университета защищали свои диссертации через несколько дней после появления таковых в печати, точно так же защищал на днях в Московском университете свою диссертацию доцент нашего университета Шпилевский, а между тем до настоящего времени никогда и никем не был поднимался вопрос о нарушении правила о месячном сроке...»⁴⁸. Гордиться было, конечно же, нечем, но факт оставался фактом: месячный срок нарушали многие, а Волкову нужна была степень доктора для того, чтобы стать профессором. После жаркой дискуссии в Совете в итоге было решено оставить решение за Министерством народного просвещения. Решение министерства оказалось очень гуманным: «... хотя и видно, что г. Волков преждевременно был допущен к защите диссертации, но в виду того, что было бы крайне неудобно [так в документе. – Прим. авт.] подвергать г. Волкова вторично публичному защите той же диссертации, – казалось бы справедливым предоставить Совету Университета утвердить г. Волкова в степени доктора ботаники»⁴⁹.

«Тихая гавань»?

Новороссийский университет был открыт в 1865 г. на базе Ришельевского лицея в составе трех факультетов. В связи с тем, что в 1870-е гг. естественное отделение физико-математического факультета оказалось местом работы таких известных ученых как физик Н.А. Умов, химик В.В. Марковников, геолог Н.А. Головкинский, биологи Л.С. Ценковский, И.И. Мечников, А.О. Ковалевский, физиолог И.М. Сеченов, сложилось мнение, что Новороссийский университет был некой «тихой гаванью», в которую стремились те, кто не приживался в более консер-

⁴⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 196. Об утверждении Новороссийском университетом магистра Волкова в степени доктора ботаники. Л. 11об.

⁴⁶ П.П. Цитович (1843–1913) – профессор торгового права Императорского Новороссийского университета в 1873–1880 гг.

⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 196. Л. 12.

⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 196. Л. 12 об.

⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 196. Л. 24 об.

вативных университетах, столичных или провинциальных. Некоторые из профессоров действительно попали в университет после определенных затруднений в тех университетах, где они работали. Например, переход Сеченова в Одессу был связан со скандалом в Медико-хирургической академии, забаллотировавшей предложенного им И.И. Мечникова, в то время доцента Петербургского университета. Марковников и Головкинский оказались в Одессе после истории с Лесгафтом в Казанском университете, который они покинули в знак протеста. Однако ботаник Л.С. Ценковский и химик Н.Н. Соколов покинули Новороссийский университет из-за неизбрания профессором доктора химии А.А. Вериги в 1871 г., что несколько разнится с образом «тихой гавани».

В связи с тем, что университет недавно открылся, в начале 1870-х среди его профессоров не могло быть его выпускников и все они оказались «пришлыми», что, казалось бы, должно было сформировать более здоровую среду. Во второй половине 1870-х уже несколько профессоров являлись питомцами Новороссийского университета, и вместе с уроженцами Бессарабии они составили, по воспоминаниям И.И. Мечникова, «малороссийскую партию», которую противопоставляли «московской»⁵⁰. Шведов и Цитович, чьи имена были связаны с защитой Волкова, относились к «малороссийской партии». Московская партия, на самом деле, включала не только выпускников Московского университета, среди которых были физик Н.А. Умов и физиолог И.М. Сеченов. К ним относились еще и выпускники столичного университета или те, кто, как, например, Мечников, защищал диссертации в Петербурге. И.М. Сеченов очень аккуратно пишет о «партийности», подчеркивая, что в Одессе они образовали кружок, в который входили Сеченов, Мечников, Умов, позже Ковалевский, а также профессора других факультетов. Этот кружок «составлял партию в университете лишь в следующем отношении: мы не искали ни деканства, ни ректорства, не старались пристроить к университету своих родственников и не ходили ни с жалобами, ни с просьбами о покровительстве к попечителю, чем занимались довольно многие в университете»⁵¹. Мечников же утверждает, что они не примкнули ни к одной партии, хотя часто проводили время с «москвичами» вне университета. Судя по воспоминаниям Волкова, он не только не примкнул ни к одной из партий, но относился одинаково равнодушно ко всем без исключения. Однако после защиты он все же остался в Одессе, так как получил экстраординарную профессию.

Осталось последнее условие, которое могло бы решить его проблему занятия наукой: вести лекции только у студентов старшего курса и проводить весь день в лаборатории. Учитывая число студентов в Новороссийском университете в 1870-е гг., это была прекрасная возможность заниматься наукой, но единственная публикация Волкова в одес-

⁵⁰ Мечников 1946: 59.

⁵¹ Автобиографические записки И.М. Сеченова 1945: 138.

ский период – это его теоретическая докторская диссертация. В целом, университет 1870-х гг. был «обладателем» таких блестящих биологов как Мечников, Ковалевский, Сеченов, и Волков понимал, что будет работать с очень хорошими специалистами, но его раздражал сам город, атмосфера университета и студенты, не заинтересованные в науке, о чем он не преминул сказать министру народного просвещения Д.А. Толстому во время его визита в Одессу в ноябре 1875 г.

Министр захотел узнать, почему изменился контингент студентов, изучавших естественные науки. По его мнению, ранее это были богатые молодые люди, а в начале 1870-х гг. – бедные. Молчание присутствовавших на встрече с министром профессоров нарушил А.Н. Волков. Причиной, сказал он, является уверенность студентов в том, что ничего серьезного они не изучат пока не будет изменена обязательная программа для всех предметов⁵². Основной проблемой, по мнению Волкова, было наличие слишком большого числа обязательных предметов, среди которых ни один не мог быть изучен основательно. Описывая этот эпизод в своих воспоминаниях, Волков подчеркивает возрастающий гнев других профессоров, особенно после его слов о том, что студенты старшего курса не умеют работать с микроскопом.

Об этом обеде с министром в своих воспоминаниях пишет и И.М. Сеченов, однако упоминает лишь высказанное им недовольство по поводу исключения математики из предметов естественного отделения и слова И.И. Мечникова об отсутствии гимназического курса естествознания, что министр выслушал «рассеянно, чуть не зевая»⁵³. Никакого упоминания о речах А.Н. Волкова нет. Но сам мемуарист описывает визит к нему в аудиторию Мечникова с Вальцем на следующий день после встречи с министром. На сторону Волкова, по его словам, стали находившиеся в это время в лаборатории студенты, которые подтвердили его мнение об отсутствии навыков работы с микроскопом перед Мечниковым⁵⁴. Студенты действительно любили Волкова. Как вспоминал А.А. Браунер, учившийся у Волкова, он был «красивый, молодой, безукоризненно одетый, настоящий джентльмен и, вдобавок, прекрасный лектор. Его “деликатность в обращении и изысканность во всем” были так естественны и просты, его талантливость и обаятельность – все в целом привлекало к нему сердца слушателей, даже крайних последователей тургеневского Базарова и суровых радикалов, вначале смотревших косо на этого “барина” и “дворянчика”»⁵⁵.

А.Н. Волков не получал никакого удовольствия ни от университетской среды, ни от своих преподавательских занятий: «Я должен признать, что мысль давать лекции молодым людям, которые хотят от университета что-то кроме науки, со временем давила на меня все больше.

⁵² Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsoff 1928: 142.

⁵³ Автобиографические записки И.М. Сеченова 1945: 141.

⁵⁴ Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsoff 1928: 144.

⁵⁵ Браунер 1997: 15.

Я никогда не забуду ужасное впечатление, которое произвели на меня экзамены, когда ни один из моих студентов не смог ответить на вопрос о поглощении света хлорофиллом или об изменениях, которым подвергается спектр солнечного света, когда лучи проходят через раствор этого вещества, чей свет создает зеленую окраску листьев»⁵⁶. Он связывал это с тем, что в университет были допущены семинаристы⁵⁷, не подготовленные к изучению наук серьезно. И дело было не только в этом. Он считал, что без наличия нескольких поколений образованных людей в семье потенциального студента тот не в состоянии освоить науки⁵⁸. Было ли это снобизмом дворянина, получившего хорошее образование за границей и в принципе не жившего в России дольше пары лет, или суровая правда жизни? Весь текст мемуаров Волкова наполнен довольно скептическим отношением к российским институтам. К тому же уровень студентов 1870-х гг. оставлял желать лучшего не только в отношении семинаристов, но и в отношении классических абитуриентов с гимназическим образованием, особенно в сфере естественных наук, которые ни те, ни другие не изучали в средней школе. Нужно ли было иметь три поколения образованных людей, как считал А.Н. Волков? Сомнительно. Скорее всего требовалось реформировать школу.

С началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. А.Н. Волков оказался вовлечен в деятельность Международного Красного креста: он стал его вице-президентом. Это было актуально для Одессы, которая находилась в непосредственной близости от линии фронта. Учитывая напряженную работу в течение нескольких месяцев, неудивительно, что А.Н. Волков попросил об отпуске после того, как боевые действия были окончены. Уже в начале 1878 г. он думал о том, чтобы оставить Новороссийский университет. Единственное, что ему мешало, – это отсутствие постоянного дохода, так как надеяться только на доход от урожая было бы легкомысленно. В это же время (летом 1878 г.) ухудшилась обстановка в университетах в связи со студенческими волнениями. До Волкова начали доходить сведения о расправах генерала Панютина⁵⁹, который «безжалостно арестовывал людей, сажал их в тюрьму и ссылал в Сибирь без суда и следствия»⁶⁰. Его жена, которую напугали «злове-

⁵⁶ Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsoff 1928: 160.

⁵⁷ После реформы гимназий 1871 г., которая должна была сделать их барьером для всех категорий абитуриентов, кроме гимназистов, в университеты в 1873–1879 гг. допускались семинаристы при условии сдачи ими нескольких дополнительных экзаменов. Несмотря на то, что эта практика была официально прекращена в 1879 г., семинаристы, как и выпускники любых других учебных заведений, могли сдать экзамены и получить аттестат гимназии, позволявший стать студентом любого университета. Кроме того, семинаристы без экзаменов допускались в Томский, Варшавский и Юрьевский университеты.

⁵⁸ Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsoff 1928: 161.

⁵⁹ Волков пугает генерала В.Ф. Панютина с его родным братом С.Ф. Панютиным, который не был генералом, но участвовал в подавлении революционного брожения в Одессе в 1878–1880 гг.

⁶⁰ Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsoff 1928: 176.

щие лица студентов, увиденные ею на улицах», просила во что бы то ни стало не возвращаться в Одессу после летних каникул. Пытаясь найти средства к существованию, Волков начал рассматривать рисование в качестве достойной замены профессорства: он едет в Мюнхен к Ф. Ленбаху⁶¹. В отношении Одессы, кажется, уже решено: туда он не вернется. В своих воспоминаниях Волков разъясняет, что после долгих размышлений он решил отправить прошение об отставке в министерство: «оно было принято, но я должен был вернуться назад в Одессу для чтения моих зимних лекций, чтобы университет смог подобрать замену»⁶². Как пишет Волков в конце 11-й главы мемуаров, он не мог даже вспомнить, что происходило в эти несчастные месяцы зимы, где он жил и чем он питался и в конце концов весной, попрощавшись со знакомыми и профессорами, он вернулся в Дрезден, оборвав все связи с Одессой⁶³. Согласно данным его формулярного списка, из заграничной командировки он вернулся 1 января 1880 г. с опозданием на 3 месяца и 19 дней, представив свидетельство о болезни от врача российской миссии в Дрездене, а приказом министерства 13 мая 1880 г. был «уволен от службы в университете, согласно прошению, по домашним обстоятельствам»⁶⁴.

Зигзаг (не)удачи

Следует понимать, что мемуары писались в конце жизни художника и довольно часто он, умышленно или нет, искажает течение событий. В РГИА сохранилось дело с прошениями профессоров о заграничных командировках, в котором есть данные о командировке А.Н. Волкова. Прошение об этом было отправлено в министерство 29 января 1879 г. В нем говорилось, что командировка необходима для экстраординарного профессора Волкова, «**находящегося ныне в заграничном отпуску** [выделено мною. – Прим. авт.], с ученою целию за границу на восемь месяцев, с 1 января 1879 г.»⁶⁵. Занятия за отсутствующего профессора обязался вести Я.Я. Вальц (его рапорт датирован 22 декабря 1878 г.). В объяснительной записке, почему Волков нуждался в этой командировке, он указывал следующие причины: 1) продолжение исследований по вопросу влияния света на растения требует сложного оборудования, которое есть только в лаборатории профессора В. Кюне⁶⁶ в Гейдельберге; 2) необходимо продолжить исследования о действии хлорофилла на мимозу, начатые в каникулярное время 1878 г. в Одессе; 3) его отсутствие в Одессе не нанесет вреда преподаванию, так

⁶¹ Ф. фон Ленбах (Franz von Lenbach) (1836–1904) – немецкий художник, один из ключевых представителей мюнхенской школы живописи.

⁶² Memoirs of Alexander Wolkoff-Mourontzoff 1928: 177.

⁶³ Ibid.: 178.

⁶⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 42 Д. 8. Л. 49об.

⁶⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 343. О командировании некоторых лиц по России и за границу. Л. 11 об.

⁶⁶ В. Кюне (Wilhelm Friedrich Kühne) (1837–1900) – немецкий физиолог и гистолог, глава Физиологического института Гейдельбергского университета в 1871–1900 гг.

как курс физиологии растений наконец перенесен с 3-го года обучения на 4-й, т.е. студенты уже с ним знакомы⁶⁷.

Это обращение А.Н. Волкова входит в некоторый конфликт с его воспоминаниями. Во-первых, выясняется, что читал он не на последнем курсе, а на третьем. Во-вторых, из Одессы он уехал до ходатайства о командировке, т.е. в 1878 г. В-третьих, в своих воспоминаниях он совершенно не говорит о каких бы то ни было исследованиях, проведенных в каникулярное время в Одессе в 1878 г., потому что согласно им, лето 1878 г. он провел в Дрездене и своем имении Сычѐво. Последним научным исследованием, результаты которого были им опубликованы, была его докторская работа 1875 г., которая является сугубо теоретической. По мнению С.Ю. Липшица, «напечатанные работы Волкова обнаруживают в авторе талантливое, широко образованное, вдумчивое исследование, поражающего ясностью и четкостью в постановке вопросов при одновременном критическом продумывании их. Быть может, именно эта черта и является причиной того, что Волков лишь незначительную часть своих работ доводил до публикации»⁶⁸.

На наш взгляд, несколько отличающийся от мнения Липшица, продуктивно А.Н. Волков работал только в годы пребывания в Гейдельберге: в 1864–1866 и 1871–1873 гг. Его исследования по гелиотропизму в 1870–1871 гг. в Вюрцбурге не дали результата, поэтому он занялся изучением вопроса поглощения различных лучей спектра раствором хлорофилла, но пришел к выводу, что для продолжения изучения этой темы необходимо решить вопрос, который в то время, по его мнению, решить не представлялось возможным. Профессорство не приносило ему никакого удовлетворения, он не смог полюбить Одессу и привыкнуть к российской академической среде. И несмотря на то, что Новороссийский университет в 1870-е гг. был хорошим, если не лучшим местом для этого, так как являлся прибежищем для многих опальных профессоров, не сумевших найти общий язык с корпорациями других, более консервативных университетов. Наука тоже оказалась забытой. В своих мемуарах Волков не пишет о плохих лабораторных условиях Одессы (на тот момент они были довольно хороши, над ботанической лабораторией много поработал Л.С. Ценковский, покинувший университет в 1872 г.), но несколько раз жалуется, что из-за гнетущей атмосферы заниматься наукой в Одессе было невозможно. В то время, видимо, он еще не оставляет науку окончательно: в обращении в Совет университета в 1878 г. он указывает, что решение проблемы поглощения лучей раствором хлорофилла может лежать в плоскости физиологии животных⁶⁹, надеясь на лабораторию физиолога Кюне⁷⁰.

⁶⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 343. Л. 13–14 об.

⁶⁸ Русские ботаники 1947, Т. 2: 148.

⁶⁹ Мнение о том, что пигменты животных и растений близки друг другу, появилось еще в 1870-е гг., а в 1890-е – 1900-е гг. это было доказано экспериментально.

⁷⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 343. Л. 13об.

С точки зрения истории физиологии растений А.Н. Волков занимался одним из самых перспективных, популярных и актуальных исследований: изучением хлорофилла, фотосинтеза, т.е. ассимиляции света растениями. Этим занимались практически все физиологи растений в России в 1860-е – 1870-е гг.: А.С. Фаминцын, О.В. Баранецкий, И.П. Бородин, К.А. Тимирязев. Последний в 1875 г. защитил докторскую диссертацию «Об усвоении света растением» и очень долго работал над теми же проблемами, над которыми начинал работать А.Н. Волков. Именно К.А. Тимирязев, о работах которого (по крайней мере о ранних, 1869, 1871 гг.) Волков прекрасно знал, первый связал изучение роли света в процессе фотосинтеза с изучением оптических свойств хлорофилла⁷¹. В дальнейшем исследования физиологов растений сформировали теорию фотосинтеза. В первую очередь Ю. Сакса, Ж. Буссенго, А.С. Фаминцына, К.А. Тимирязева, Ф. Пфеффера – автора самого термина «фотосинтез», появившегося в 1877 г. Так почему же А.Н. Волков, имевший все возможности для занятия перспективной темой, оставляет науку без сожаления и переключается на художники?

Может быть, он устал от темы, связанной с хлорофиллом, зная, что другие ученые очень успешно продвигаются в этой сфере. Может быть, он не смог заинтересоваться чем-то еще, оставив исследование оптических свойств хлорофилла. В своих воспоминаниях он не говорит о причинах, не упоминает свои научные занятия после гейдельбергского периода начала 1870-х гг. Видимо, он понимал, что найти научную позицию в Германии будет очень сложно, если не сказать невозможно, а работать учеником/исследователем без позиции он уже не мог. Зайдя в тупик в своих исследованиях, Волков попытался найти себя на том поприще, которое тоже было ему близко, ведь очень многие ботаники были хорошими рисовальщиками: он стал художником. Британские аристократы, с которыми он был знаком благодаря жене, были готовы тратить деньги на акварельные пейзажи⁷². А лучшего места для художника, чем Венеция, невозможно себе представить. Поэтому в 1879 г. ботаник Волков становится акварелистом Руссовым. Был ли он неудачником в науке? Определенно, был. Повлияла ли эта неудача на его жизнь? Вряд ли ботаник смог бы приобрести собственное палаццо...

***

Александр Николаевич Волков является одним из ярчайших представителей российской эмиграции конца XIX – начала XX в. Его образование (естественно-научное отделение, магистерская степень по ботанике) и интерес к научным исследованиям в области физиологии растений в 1867 г. привели его к поиску места в Министерстве государственных имуществ. Эта попытка оказалась неудачной, так что в конце 1860-х гг. Волков попытался построить жизнь аристократа, владельца

⁷¹ История биологии 1972: 447.

⁷² Его первая же выставка в Лондоне оказалась ошеломительной: все картины были проданы. Волков-Муромцев А.Н. Палаццо Волкофф. Мемуары художника. С. 7.

имения. Он был мировым посредником, но сама идея быть государственным чиновником ему претила. Поиск пути вновь привел его к науке в 1870 г. Он отправился в Вюрцбург, а затем в Гейдельберг для того, чтобы заняться научными исследованиями. Эта поездка финансировалась им самим на доходы от его псковского имения. Результатом стали публикации и приглашение Волкова в Новороссийский университет. С магистерской степенью там можно было занять только место доцента, которое Волкова не устраивало, поэтому основным условием переезда в Одессу стала защита докторской диссертации. Я.Я. Вальц, инициатор приглашения, сделал все, чтобы это стало возможным, поэтому уже к началу 1875-1876 учебного года Волков был утвержден в степени доктора. Начало новой, академической жизни, однако, не порадовало новоявленного экстраординарного профессора: он не любил город, в котором был вынужден жить, а также Новороссийский университет, атмосфера которого ему казалась душной. Его не радовали ни студенты, ни профессора, с которыми он работал. Он совершенно забросил научные исследования и в 1878 г. решил кардинально изменить свою жизнь. Чтобы быть уверенным в своем выборе, за год до увольнения из университета он провел летние каникулы 1878 г. в Германии, обучаясь рисованию у известного немецкого художника Ленбаха. Эти успехи окончательно утвердили его в мысли об отъезде от академической карьеры. Поэтому в начале 1879 г. с согласия Министерства народного просвещения он отправился в научную командировку за рубеж. В Германии он оставался до начала 1880 г., просрочив возвращение в Одессу на три с половиной месяца. Вернулся А.Н. Волков только для того, чтобы дочитать студентам свой курс, и сразу после окончания учебного года, в мае 1880 г., он получил увольнение от министерства и окончательно порвал связи с такой ненавистной для него средой. К 1880 г. он совсем отошел от научных исследований: его последняя публикация датируется 1875 годом. Видимо, невозможность заниматься наукой оказалась последней каплей для того, чтобы маятник качнулся в пользу рисования: он умел это делать, жена познакомила его с британскими аристократами – потенциальными покупателями его акварелей, Европа манила своей свободой, а российская академическая среда была для него неподходящей. Так умер ботаник Волков и родился художник Руссов.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945.
- Боборыкин П.Д. За полвека. Воспоминания. М.: Захаров, 2003.
- Браунер А.А. Воспоминания бывшего студента естественного отделения физико-математического факультета Новороссийского (ныне Одесского) университета 1876–1881 гг. // Памяти профессора Александра Александровича Браунера (1857–1941): Сб. воспоминаний и научные труды. Одесса, 1997. С. 13–30.
- Вальц Я. Отзыв о докторской диссертации магистра ботаники А.Н. Волкова // Записки Императорского Новороссийского университета. 1876. Т. 20. С. 35–37.
- Волков А.Н. К вопросу об ассимиляции // Записки Императорского Новороссийского университета. 1875. Т. 17. С. 1–60.

- Волков-Муромцев А.Н. Палацо Волкофф. Мемуары художника / ред.-сост.: Талалай М. Г.; перевод: Никандрова О. СПб.: Алетейя, 2021.
- Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета: историческая записка. Академические списки. Одесса: Экономическая типография (б. Одесского вестника), 1890.
- Мечников И.И. Страницы воспоминаний. М.: АН СССР, 1946.
- О деятельности света на растения. Сочинение, написанное для получения степени магистра и назначенное для публичного защищения. А. Волков. Дерпт. 1866 // *Натуралист*. 1867. № 10-12. С. 192–193.
- Протоколы заседаний Совета Императорского Новороссийского университета с 25 января по 12 мая 1875 г. // *Записки Императорского Новороссийского университета*. 1875. Т. 17. С. 1–125.
- Memoirs of Alexander Wolkoff-Mouromtsoff (A. N. Roussoff) / Transl. by H. Jackson. London: J. Murray, 1928.
- Wolkoff A. v., und Mayer A. Beiträge zur Lehre über die Atmung der Pflanzen // *Landwirtschaftliche Jahrbücher*, band III, 1874, pp. 480–527.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- История биологии с древнейших времен до начала XX века / Под ред. С.Р. Микулинского. М.: Наука, 1972. [Istoriya biologii s drevneishikh vremen do nachala XX veka (History of Biology from ancient times to the beginning of the 20th century) / Pod red. S.R. Mikulinskogo. Moscow: Nauka, 1972].
- Российская профессура. XVIII – начало XX вв.: Биологические и медико-биологические науки: Биогр. словарь / В.А. Волков, М.В. Куликова. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2003. [Rossiiskaya professura. XVIII – nachalo XX vv.: Biologicheskie i mediko-biologicheskie nauki: Biogr. slovar' (The Russian professors, the 18th – early 20th centuries: Biology and medical-biological sciences) / V.A. Volkov, M.V. Kulikova. St. Petersburg: Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. in-ta, 2003].
- Русские ботаники: ботаники России – СССР: биографическо-библиографический словарь / [сост. С. Ю. Липшиц; отв. ред. В. Н. Сукачев]. Т. 2: Быков-Горленко. М.: Изд-во АН СССР, 1947. [Russkie botaniki: botaniki Rossii – SSSR: biograficheskoe-bibliograficheskii slovar' / [sost. S. Yu. Lipshits; отв. red. V. N. Sukachev]. (Russian botanists: botanists of Russia – the USSR: biographical and bibliographical dictionary). T. 2: Bykov-Gorlenko. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1947].
- Професори Одеського (Новоросійського) університету / под ред. В.А. Сминтини. Т. 2. А-І. Одеса, 2005. [Profesori Odes'kogo (Novorosiiskogo) universitetu (The Professors of the Odesa (Novorossiyskiy) University) / pod red. V.A. Smintini. T. 2. A-I. Odesa, 2005].

Жарова Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, РАН; *zharova_ekaterina@bk.ru*

Alexander Volkov: How a Painter Didn't Become a Botanist

This paper analyzes the early biography of a botanist, extraordinary professor of the Imperial Novorossiyskiy University Alexander Volkov (1844–1928) who left the Russian Empire in the late 1870s. It is based on his memoirs that were published in English language and documents kept in the Russian State Historical Archive, that allow to see his life before emigration and also his educational and scientific trajectory. It is clear that before moving to Odessa and getting the position in local university Volkov lost his scientific purpose and found himself in the dead-end by understanding that it was not possible to solve his scientific question. He did not accept lifestyle of a Russian professor as well as the university atmosphere and this led him to complete change of his life and as a result a botanist became a painter, who was quite famous during the life and is almost forgotten nowadays.

Keywords: *Volkov-Mouromtsev, Russow, professors, the Imperial Novorossiyskiy University, the Russian Empire.*

Ekaterina Yu. Zharova, Dr. Sc. (History), Senior Researcher, Institute for the History of Science and Technology, RAS (St. Petersburg); *zharova_ekaterina@bk.ru*

ОТРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ИСТОРИКА В ЕГО ТЕКСТАХ
М.В. НЕЧКИНА И ЕЕ РАБОТА «В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ»

Проблема неразрывной связи личности историка и его творчества раскрывается на примере посвященной В.О. Ключевскому ранней работы М.В. Нечкиной. Показано, как ее индивидуальность и обстоятельства становления как историка проявились в созданном ею образе выдающегося российского историка.

Ключевые слова: историография, образ историка, индивидуальность, самосознание, «марксистский искус», сообщество историков, В.О. Ключевский, М.В. Нечкина.

*«Этот процесс самостоятельной жизни
творческой научной мысли интересен
и прекрасен именно этой внезапностью
и как будто бы независимостью от творца»¹.*

М.В. Нечкина

На рубеже 1920–1930-х гг. в серии «Труды Института красной профессуры» увидели свет работы его слушателей – участников историографического семинария М.Н. Покровского. Сборник был озаглавлен «Русская историческая литература в классовом освещении». Он был издан в двух томах, под редакцией и с предисловием М.Н. Покровского. В них исторические взгляды историков, о чем недвусмысленно говорило и само название двухтомника, рассматривались с позиции их социального статуса и политических воззрений. М.В. Нечкиной принадлежали две статьи: «Густав Эверс» в первом томе² и «В.О. Ключевский» – во втором³. Статья о В.О. Ключевском, по своему объему и значению приближающаяся, скорее, к небольшой монографии, как и другие произведения М.В. Нечкиной, посвященные этому замечательному российскому историку, уже становились предметом историографического рассмотрения⁴. Среди высказанных суждений укажем на подмеченную «личностность подхода»⁵ М.В. Нечкиной к исследованию жизни и творчества ее великого предшественника и на «синтез марксизма и психологизма»⁶ в посвященных ему работах.

Желание поделиться своим впечатлением от этой статьи Нечкиной возникло неожиданно. Уже не в первый раз перелистывая сборник работ учеников М.Н. Покровского, в очерке о Ключевском я заметила строки, как будто бы читанные где-то ранее. Они нашлись, что не удивительно, в дневниках Милицы Васильевны. Отсюда и возник интерес сопоста-

¹ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 139.

² Нечкина 1927.

³ Нечкина 1930.

⁴ См., напр.: Аргизов 1995; Беленький 2011; Черная 2014; Тихонов 2019а; Тихонов 2019б; Дубровский, Исмаилова 2021.

⁵ Беленький 2011: 71.

⁶ Тихонов 2019б: 245.

вить ее дневниковые записи с текстом статьи «В.О. Ключевский», тем более что возможность документально проследить за процессом, как, по образному выражению И.Л. Беленького, «“портрет” историка» становится «“автопортретом” души историографа»⁷, предоставляется исследователям крайне редко. При написании своих трудов историку, быть может, и удастся в какой-то мере соответствовать вмененной ему в обязанность формуле российского историографа XVIII в. Г.Ф. Миллера: историк «должен казаться без отечества, без веры, без государя»⁸, хотя едва ли кому-либо из историков случалось выполнить свое исследование столь беспристрастно. И даже если допустить возможность такой степени объективности, то так «обезличить» текст, чтобы автор полностью исчез с его страниц, – задача заведомо невыполнимая. Чаще всего у стороннего исследователя просто нет подходящего ключа, чтобы раскрыть присутствие за строкой текста человека, его написавшего. Здесь уместно сослаться на слова самой М.В. Нечкиной, взятые нами в качестве эпиграфа. Их она оставила в дневнике 6 июля 1922 г.

Оценивая «процесс самостоятельной жизни творческой научной мысли», М.В. Нечкина, с присущей ей тонкостью восприятия сути и нюансов исследовательской деятельности, восхитилась «внезапностью и как будто бы (курсив мой. – Л.С.) независимостью от творца»⁹ этого процесса и в этой сослагательности четко провела границы свободы бытия творческой научной мысли. Попытку представить личностное начало в работе Нечкиной о Ключевском начнем с записи в ее дневнике от 10 июля 1922 г. Чтобы не нарушить авторского строя изложения, приведем эту запись целиком: «Сегодня видела во сне Ключевского, изумительно ясно и живо. Будто бы библиотека, но не наша, университетская, а какая-то другая. Ключевский – седенький, в крылатке за “прилавком”, и я рядом. Я ищу что-то относительно жития святых. И не могу найти. Он начинает помогать мне, усиленно роется в словарях, отчеркивает места, показывает какие-то снимки с миниатюр лицевых рукописей, объясняет. “Вы меня простите, Василий Осипович, что я Вас так затрудняю”. А он деловито и просто, как-то мимоходом, не глядя на меня, отвечает: “Что Вы, что Вы... Я всегда рад Вам помочь...” И вместе роемся, разговариваем... Я говорю ему: “Я, Василий Осипович, до корня хочу дойти...” А он отвечает: “Ну, это едва ли...” и прибавляет через несколько секунд: “Хотя некоторые доходили...”. Я не расслышала, переспрашиваю, а он опять повторяет: “Хотя некоторые доходили...”»¹⁰. Именно на этих строках систематические записи в дневниковых тетрадях Нечкиной обрываются¹¹, что привлекает к ним особое внимание.

⁷ Беленький 2011: 71.

⁸ Цит. по: Иконников 1891: 228.

⁹ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 139.

¹⁰ Там же: 140.

¹¹ Это обстоятельство отмечено Е.Р. Кураповой в примечаниях к публикации дневников М.В. Нечкиной. См.: «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 595.

Включая увиденный сон в ткань повествования, М.В. Нечкина действовала в русле устойчивой литературной традиции. Достаточно сказать хотя бы о снах героев романов Л.Н. Толстого или Ф.М. Достоевского, кружок по изучению творчества которого в Казанском университете она как раз в то время посещала и выступала с докладами и лекциями, ему посвященными (они были особо востребованными в связи с его 100-летием)¹². Для обоих великих писателей и не менее великих психологов сны служили изучению движения души их персонажей.

Обосновывая свой интерес к этому предмету, Достоевский в романе «Идиот» от лица князя Мышкина рассуждал о снах как результатах психической деятельности человека. «Почему тоже, пробудясь от сна и совершенно уже войдя в действительность, вы чувствуете почти каждый раз, а иногда с необыкновенною силой впечатления, что оставляете вместе со сном что-то для вас неразгаданное? – Спрашивал его устами писатель и отвечал: – Вы усмехаетесь нелепости вашего сна и чувствуете в то же время, что в сплетении этих нелепостей заключается какая-то мысль, но мысль уже действительная, нечто принадлежащее к вашей настоящей жизни, нечто существующее и всегда существовавшее в вашем сердце; вам как будто было сказано вашим сном что-то новое, пророческое, ожидаемое вами; впечатление ваше сильно, оно радостное или мучительное, но в чем оно заключается и что было сказано вам – всего этого вы не можете ни понять, ни припомнить»¹³.

Вниманию М.В. Нечкиной к увиденному во сне подпитывалось не только безусловно знаковыми ей литературными примерами. Ее отличал неподдельный интерес к психологии и психиатрии, в т.ч. к трудам основоположника психоанализа З. Фрейда. Кстати, его работу «О сновидениях», изданную Санкт-Петербурге в 1904 г., Милица Васильевна читала 9 мая 1921 г.¹⁴ Изложив во всех деталях свой сон, она, полагая, не разделяла насмешливого отношения к этому предмету «серьезных людей» – специалистов-медиков, утверждавших, что «сны исчезают как дым». Думается, что ей было ближе и понятнее «величайшее изумление» Фрейда, который «убедился однажды в том, что не врачебное понимание сновидений ближе подходит к истине, а взгляды профанов, стоящие на пороге суеверия»¹⁵.

Добавим, что М.В. Нечкина участвовала в организованном выпускником Казанского университета А.Р. Лурия¹⁶ психоаналитическом кружке и 22 ноября 1922 г. выступила с докладом по книге Фрейда «Лекции по введению в психоанализ», хотя это и нарушало ход ее собственной научной работы. «Нелепо отрываюсь от Ключевского со

¹² См.: «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 196, 209–210 и др.

¹³ Достоевский 1989: 454–455.

¹⁴ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 195.

¹⁵ Фрейд 1904: 3.

¹⁶ Лурия Александр Романович, 1902–1977. Психолог и невропатолог, один из основателей нейропсихологии. Вел активную переписку с З. Фрейдом.

страшной неохотой, т.к. все мысли сосредоточены на нем, а не на Фрейде»¹⁷, – сетовала М.В. Нечкина в дневнике.

Имея в виду поглощенность темой магистерской диссертации «В.О. Ключевский и его место в развитии русской историографии», в подходе к которой ярко проявилась особенность ее научного почерка – «изучение человека как главное содержание социологии»¹⁸, а также безусловный интерес к идеям Фрейда, попробуем раскрыть, пользуясь терминологией последнего, «скрытое содержание сна» М.В. Нечкиной, полученное при анализе «явного содержания сна»¹⁹, то есть записанного самой Милицей Васильевной текста. Прежде всего, не вызывает удивления появление в ее сне фигуры самого Василия Осиповича. Напряженность исследования творчества и личности историка нарастала день ото дня. 6 июля 1922 года Нечкина отметила, что «работа по Ключевскому все углубляется, ширится, организуется», и одновременно подчеркнула, что она «приносит много наслаждения», пояснив, что «в научной работе одна из самых сладостных сторон та, что новые вопросы, отклонения, разветвления всплывают неожиданно»²⁰.

Исследовательская работа часто длилась допоздна. В «ночь на 9 июля» 1922 г. Милица Васильевна произвела своеобразный «смотр» своим научным занятиям, очертив их содержание и последовательность: «Каждую главу “курса” (русской истории В.О. Ключевского. – Л.С.) я внимательно прочитываю, на внешних полях обозначая план, на внутренних делаю социологические и стилистические заметки. Потом я подробно письменно конспектирую главу и делаю ее подробный, также письменный, социологический разбор». Констатируя, что «это берет, конечно, массу времени», она отвела на работу полгода. «Я рассчитала, – писала Нечкина, – при очень большой интенсивности моей работы я закончу Ключевского только-только к январю». И это ей удалось, о чем говорит более поздняя ремарка к этой записи²¹. В первой половине 1923 года были опубликованы две ее статьи²², которые стали затем органической частью ее очерка о В.О. Ключевском в сборнике работ участников семинария М.Н. Покровского.

Итак, продолжая вдумываться в последнюю из систематических дневниковых записей Нечкиной, попытаемся выяснить, что же явствует из «скрытого содержания» текста ее сновидения? Явное: привычная обстановка – библиотека со множеством книг, фигура самого Ключевского, как будто бы сошедшая с картины Л.О. Пастернака «Василий Осипович Ключевский на лекции в Училище живописи, ваяния и зодче-

¹⁷ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 237.

¹⁸ Там же: 211.

¹⁹ Фрейд 1904: 9.

²⁰ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 139.

²¹ История в человеке 2011: 989.

²² Нечкина К характеристике В.О. Ключевского как социолога 1923; ее же. Взгляд В.О. Ключевского на роль «идей» в историческом процессе 1923.

ства»²³; «седенький» профессор – в «крылатке», что тоже не удивительно: за годы Гражданской войны нахождение в плохо отапливавшемся здании университета в верхней одежде стало привычным. Закономерен и предмет поиска – жития святых («Древнерусские жития святых как исторический источник» – магистерская диссертация Ключевского), и состояние погруженности обоих историков в свои научные занятия.

А вот смысл тех нескольких фраз, которыми они перемолвились, открывают как раз «скрытое содержание» всего текста. Становится понятно, что за ними стоял краеугольный для обоих вопрос – о глубине и истинности исторического познания. Дойти до сути изучаемого предмета было для Нечкиной непременным условием того, что «в душе воцаряется чувство какой-то чарующей ясности, веры в свое знание»²⁴.

Что же рассказала о себе Милица Васильевна, повествуя о Василии Осиповиче Ключевском в 1930 году? Она открыла, какой видела себя в юные годы, какой стала на момент публикации этого очерка – человеком, уже избравшим свой путь в жизни и в науке.

Начнем, пожалуй, именно с того фрагмента очерка, который и стал отправной точкой для настоящей статьи. В нем Нечкина характеризовала отношение Ключевского-студента к вопросам религии и с этой меркой подошла к оценке всей исследовательской деятельности историка. Подкрепляя свой основной вывод о присущей тому «половинчатости и эклектизме» цитатой из письма Ключевского к его товарищу по Пензенской духовной семинарии П. Гвоздеву, она писала: «Он вечно занят постройкой мостика между старым и новым. Это остается характерной чертой для всего его научного творчества. *Он живо чувствует, что переживаемая им эпоха – переходная, что старые устои рушатся, что надо вырабатывать новое.* Но у него нет сил для решительных действий. Он не нашел этих сил студентом, не нашел и зрелым историком: “Без истории теперь, как и во всякое переходное время, нет спасения. Чувствуешь, что многое оказывается несостоятельным, а, между тем, очертя голову, не хочется бросить своих верований, занявших столько душевных сил. Хочется прежде проверить их критически, попытаться найти, нет ли еще в них чего удовлетворяющего”»²⁵.

Теперь сравним этот отрывок с дневниковой записью Милицы Васильевны от 17 апреля 1918 г.: «Я полна жажды работы, красивой, творческой. В голове все время рождаются темы для разных исследований и размышлений. *Тихонько рушатся старые подгнившие взгляды, и незаметно, и быстро, как в сказке, новые занимают их место – новые, гордые, стройные, упругие, полные нервов и жизни.*

²³ Облик В.О. Ключевского был, несомненно, знаком юной Милице Нечкиной по публиковавшимся изображениям историка – портрету кисти В.И. Шервуда (1894 г.), гравюре В.В. Матэ (1897 г.), рисунку О.П. Яковлевой (жене его ученика, историка А.И. Яковлева) (1907 г.) и названному полотну Л.О. Пастернака (1909 г.).

²⁴ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 103.

²⁵ Нечкина 1930: 227.

Пусть все кругом темно, пусть тяжело, пусть кажется, что все рушится, пусть кажется, что гибнет Россия, пусть заботы мелкие, ежедневные и потому страшные доводят душу до того, что хочется не быть, пусть стонет земля и плачет воздух – пусть все это так, но пока наука не умерла – жить еще можно!»²⁶

Прежде всего, нельзя не увидеть совпадения в профессиональной судьбе В.О. Ключевского и М.В. Нечкиной, становление которых как исследователей пришлось на переломные в истории Отечества годы: Василий Осипович стал студентом историко-филологического факультета Московского университета в 1861 г., в год отмены крепостного права, Милица Васильевна поступила на историко-филологический факультет Казанского университета в революционный 1917-й. Характеризуя внутреннее состояние своего героя, она описала его примерно в тех же выражениях, что и собственные переживания (для большей наглядности эти места в приведенных выше цитатах выделены курсивом). М.В. Нечкина увидела и отметила объединяющую их черту – восприятие науки как «спасательного круга» в «море» социальной нестабильности, но сразу же обозначила разделившую их линию: отношение к происходившим переменам в обществе и исторической науке. С позиции человека, вступившего в новую советскую жизнь, в том числе и в науке, Милица Васильевна показала сложность совершения такого выбора. «Письма молодого Ключевского, – писала она, – с несомненностью показывают, что революционность своей эпохи он осознал, но результатом этого осознания был страх перед революцией, солидаризация с противореволюционными кругами и полное отрицание революционного метода действия. Этот страх и это отрицание Ключевский пронес через всю жизнь и глубоко отпечатлел в своем научном мировоззрении»²⁷.

М.В. Нечкиной «этот страх и это отрицание» были более чем понятны: ведь ей тоже пришлось испытать подобное состояние. Поэтому она полна сочувствия к своему великому предшественнику. Нечкина акцентировала внимание на «тяжелой и неблагодарной роли промежуточного звена», которая «досталась» Василию Осиповичу, на «том глубоко внутреннем разладе, который переживал Ключевский, как историк, прикованный к старому и ловящий признаки нового»²⁸.

Общий тон ее статьи много мягче, чем, например, идущей перед ней в сборнике статье О.А. Лидака²⁹ «П.Н. Милоков как историк». Если В.О. Ключевский в определении М.В. Нечкиной – «скорее буржуазный политический мечтатель, чем политик»³⁰, то П.Н. Милоков у О.А. Лидака – «верный слуга своего класса, вырабатывает новую анти-

²⁶ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 90.

²⁷ Нечкина 1930: 222.

²⁸ Там же: 308.

²⁹ Лидак Отто Августович, 1891–1936. Советский историк. Член РСДРП (б) с 1911 г. Участник революции и Гражданской войны. В 1924–1928 гг. – слушатель Института красной профессуры.

³⁰ Нечкина 1930: 239.

советскую “идеологию” без примеси феодализма и откровенного империализма с ориентацией на кулачество в деревне и на все мелкобуржуазные слои в советском союзе³¹»³². Конечно, необходимо взять поправки на исторический контекст – Ключевский ушел из жизни в 1911 г. и его «академизм» никак нельзя сравнить с активной политической позицией его бывшего ученика, находившегося в эмиграции. Тем не менее, степень политико-идеологической актуализации исторических подходов В.О. Ключевского и П.Н. Милокова у двух участников историографического семинария разнится сильнее, чем это вытекало из анализа трудов дореволюционных историков.

Заклучая свою статью, Милица Васильевна переадресовала сказанные Ключевским слова о втором Романове самому историку: «Он напоминает царя Алексея Михайловича, метко зарисованного в его лекциях: “одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении”»³³. И все же в неоднократных упоминаниях Нечкиной о «балансировании» Ключевского между старым и новым присутствует и несомненное сопереживание. Критикуя историка за «либеральную интеллигентскую раздвоенность», она, тем не менее, рассматривала ее как «трагедию Ключевского»³⁴. Для нее самой эта проблема уже была решена в пользу нового, о чем недвусмысленно говорила ее собственноручная приписка на полученном 13 января 1923 г. письме Г.Я. Трошина³⁵, с которым ее связывали романтические отношения. Рядом с его пожеланием «избавиться от знакомств» (читай между строк – «большевистских» знакомств, как именовала их сама Нечкина), которые могли, по его мнению, «принизить» ее «в истинно общественном смысле», и «выработаться в истинного русского интеллигента с его достоинствами и даже недостатками», она написала: «Не хочу»³⁶, чем недвусмысленно выразила свою позицию.

Отражение личности Нечкиной в ее работе о Ключевском можно разглядеть в тех акцентах, которые она расставила в описании начала профессионального пути историка, обратив большое внимание на мотивы принятого им решения оставить духовную стезю, которое, как полагала она, «созревало в Ключевском постепенно». Среди «обстоятельств, его породивших», были упомянуты «примеры окружавшей товарищеской среды, нежелание быть священником, тяга к светскому образованию и отвращение к семинарской схоластике», а также отно-

³¹ Так в тексте – «советский союз» со строчных букв.

³² Лидак 1930: 212.

³³ Нечкина 1930: 346.

³⁴ Там же: 345.

³⁵ Трошин Григорий Яковлевич, 1874–1938. Российский психолог и психиатр, доктор медицины (1903). Окончил медицинский факультет Казанского университета. Работал в Петербурге и Казани. В конце 1922 г. вместе с группой ученых – Н.О. Лосским, Н.А. Бердяевым, А.А. Кизеветтером и др. выслан из СССР. Жил и работал в Праге.

³⁶ «Очень много дел...» 2004: 92 – 93.

шение Ключевского к его наставникам. «Среди преподавателей семинарии попадались ограниченные и тупые, вызывавшие в Ключевском брезгливое отвращение к их преподаванию»³⁷, – подчеркнула она.

И опять легко обнаруживается совпадение с ее собственным опытом становления как историка. «Безграничная радость научного творчества, ясное счастье познания и такое бесконечное богатство возможности» в исторической науке, которые ощущала Нечкина, пришли в противоречие с ее же восприятием историко-филологического факультета Казанского университета. После трех лет учебы, 27 ноября 1920 г., она пришла к неутешительному для нее выводу: «От меня бесконечно далек университет. Боюсь сказать, но я не люблю его». Далее Милица Васильевна пояснила, что «это не совсем точно, конечно», прибавив, что «бесконечно любит его старое здание, колонны, темные длинные коридоры, библиотеки и мелькающие за стеклами корешки книг, лестницы...». Но затем она вновь вернулась к своему первоначальному утверждению, уже пояснив его: «Я отношусь с холодной неприязнью к факультету, к профессорам, к манере преподавания и к общему его духу. Первое чувство, которое я испытываю при мысли обо всем этом, это чувство тяжелой скуки и презрения». Ее окончательный приговор – «Каста, мертвечина и личные счеты»³⁸, который М.В. Нечкина вынесла университетской профессуре (и выделила его особо в тексте дневника) и в котором, конечно, присутствовала немалая доля максимализма юности, – свидетельствовал о ее готовности искать иной путь в науку.

Повествуя о перипетиях увольнения В.О. Ключевского из семинарии и завершении пензенского периода его жизни, Милица Васильевна писала: «Впереди была нужда, незнакомый город, трудные приемные экзамены и новая непривычная обстановка жизни»³⁹. В рассказе об университетских днях историка обращает на себя внимание то понимание и сопереживание, которые выказала Нечкина. Ей, как пушкинской Татьяне, было «внятно все». Переехав в январе 1924 года в Москву и бросив якорь у марксистского берега, она сама испытала многое из того, с чем в свое время столкнулся ее герой, открывая свою биографию историка. Даже из отрывочных деловых записей М.В. Нечкиной складывается довольно-таки полная картина ее новой жизни. В Казани, как в свое время у В.О. Ключевского в Пензе, остались мать, сестры и привычный с детства уклад. К началу февраля ее знакомые казанцы, друзья и попутчики, вернулись домой, и 10 февраля 1924 г. она написала: «Первый день одна в Москве». На следующий день М.В. Нечкина отправилась в Институт красной профессуры, где узнала, что ей было «разрешено участвовать в занятиях»⁴⁰.

³⁷ Нечкина 1930: 219.

³⁸ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 120.

³⁹ Нечкина 1930: 220.

⁴⁰ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 279.

Новизна впечатлений захватила Нечкину. Она пристально всматривалась в образовательный процесс в ИКП, в деятельность научных учреждений Москвы, составляя свое представление о них и примеряя к ним собственные исследовательские планы. Быть в гуще всего происходившего помогли новые привычки: «Читала, как обычно теперь, газеты»⁴¹. Не успев освоиться в Институте красной профессуры, Нечкина узнала страшную для нее весть – «в общежитии можно жить только до 25 апреля!» «Куда же я потом денусь?»⁴² – потрясенно вопрошала она. С поиском жилья помог А.Р. Лурия, перебравшийся в Москву годом ранее. Комната нашлась в районе Арбата, на Молчановке, 1, куда Нечкина и переехала 1 мая⁴³. Возникали различные бытовые проблемы, решать которые ей теперь предстояло самой. 2 июня 1924 г. она призналась: «В первый раз в жизни мыла пол»⁴⁴.

Но мытье полов не шло ни в какое сравнение с тем безденежьем, с которым Милица Васильевна столкнулась в начале своей самостоятельной жизни. 3 июня она «не обедала, ибо нет денег», но, получив на следующий день некоторую сумму в отделе рабфаков Наркомпроса, «послала денег» семье в Казань⁴⁵, оставив себе, судя по дальнейшим записям, слишком мало. Результат не просто отчаянным: 10 июня отмечено как «Начало голода», 11 июня – «Голод. Не обедала – нет денег», 12 июня – «Голод. Кружится голова, хочется плакать. Не обедала». На другой день – опять «Голод», чуть приглушенный неожиданным угощением приехавшего из Казани М.Н. Подъячева⁴⁶, с которым она была дружна. «Пирожное, а не обедала», – с горькой иронией заметила Милица Васильевна, вспомнив, вероятно, вошедшие в историю слова Марии-Антуанетты. И вот на следующий день она «получила на рабфаке деньги, смягчила голодовку, но не обедала». Заметим, что эта вынужденная «диета» не отменила ни прием зачетов на рабфаке МГУ, где она вела занятия, ни работу над новой для нее темой декабристов в архиве, ни участия в заседаниях различных научных обществ и собраний⁴⁷.

Такие обстоятельства сохранялись до конца 1924 г. Старший брат Борис⁴⁸, живший в Харбине, в письме спрашивал сестру: «Неужели верно, что ты присылаешь большую часть своего заработка и не каждый день обедаешь?» Его волновало ее слабое с детства здоровье: «Как хочешь, – обращался он к ней, упомянув, что «пока довольно регулярно» сам посылал деньги в Казань, – но это определенное безумие при той

⁴¹ Там же: 280.

⁴² Там же.

⁴³ Там же: 281.

⁴⁴ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 283.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Подъячев Михаил Николаевич, 1888–1941. Преподаватель русской литературы, заведующий опытной школой при Казанском педагогическом институте, доцент.

⁴⁷ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 283 – 284.

⁴⁸ Нечкин Борис Васильевич, 1897–1937. С 1920-х гг. жил в Харбине. В 1935 г. вернулся в СССР. Репрессирован.

интенсивной работе, которую ты ведешь»⁴⁹. Положение дел изменилось к лучшему в начале 1925 года. Милица Васильевна вышла замуж за Давида Аркадьевича Эпштейна⁵⁰, заведовавшего рабфаком МГУ. Решение о браке было скорым, и никто из семьи Нечкиной не был знаком с ее избранником. Это просматривается в письмах к ней сестер из Казани и невестки из Харбина. Младшая сестра Вера поздравляла с «приобретением мужа, называемого Додиком» и «кланялась новому зятю низенько»⁵¹. В феврале 1925 г. средняя сестра Ксения писала: «Поздравляю тебя с бракосочетанием с неизвестным для меня типом, но с очень хорошо знакомой мне фамилией, которая ассоциируется у меня с Тевой Эпштейном⁵², человеком очень умным и хорошим»⁵³.

Конечно, бытовая неустроенность какое-то время продолжалась, о чем говорит пожелание молодоженам «жить не на разных квартирах»⁵⁴, но, судя по всему, не слишком долго. По крайней мере, в сентябре 1927 года мать Милицы Васильевны могла справиться в письме дочери: «У тебя прежняя же Наташа?»⁵⁵, – имея в виду домработницу. Благополучие молодой семьи обеспечивала большая административная и преподавательская нагрузка, написание статей для энциклопедии и проч. В 1930 г. Милица Васильевна с мужем переехала в собственную квартиру в новом шестиэтажном жилом доме, в самом центре города, в 1-м Зачатьевском переулке, построенном в стиле конструктивизма для кооператива научных работников и преподавателей⁵⁶. Немалое значение имели родственные связи мужа М.В. Нечкиной. Благодаря им она стала близка к верхам партийно-советской номенклатуры: брат Д.А. Эпштейна, Яков Аркадьевич (партийный псевдоним Яковлев), работал в то время в аппарате ЦК ВКП (б) и был главным редактором «Крестьянской газеты» и газеты «Беднота»⁵⁷.

Решение М.В. Нечкиной стать «красным профессором» ввело отчетливо проявившийся у нее еще в Казани «марксистский иску» во вполне определенные институциональные границы, что с неизбежно-

⁴⁹ «Как чудно жить, понимать и участвовать в этой жизни» 2007: 133.

⁵⁰ Эпштейн Давид Аркадьевич, 1898–1985. Инженер-технолог, химик, доктор технических наук (1942), профессор, академик Академии педагогических наук РСФСР (1959).

⁵¹ «Как чудно жить, понимать и участвовать в этой жизни» 2007: 134.

⁵² Эпштейн Товий Давидович, 1895 – 1969. В 1920 г. с золотой медалью окончил медицинский факультет Казанского университета. Впоследствии советский ученый-гигиенист, доктор медицинских наук, профессор.

⁵³ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 620.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ «Как чудно жить, понимать и участвовать в этой жизни» 2007: 142.

⁵⁶ 15 декабря 1930 г. М.В. Нечкина сообщила свой новый адрес историку литературы и русского общественного движения П.Е. Щеголеву // Академик М.В. Нечкина. Из творческого наследия 2021: 40.

⁵⁷ Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич, 1896–1938. Участник революционного движения в России, советский партийный и государственный деятель. В 1929–1934 гг. – нарком земледелия.

стью влекло за собой изменение круга общения, в котором ей предстояло освоиться и укрепиться. В ее описании университетских лет Ключевского этот момент также присутствует. Она подчеркивала, что, «порвав с прежней средой, Ключевский не стал сразу своим человеком в новой», а «чувство отчужденности от новой среды» способствовало «отчужденности и замкнутости, и ранее для него характерных»⁵⁸.

Любопытно отметить зеркальность в положении В.О. Ключевского в Московском университете и М.В. Нечкиной в Институте красной профессуры в окружении новых товарищей по учебе. Нечкина привела в пересказе сестры историка, Е.О. Виргинской, впечатления Василия Осиповича от его вступительных экзаменов в университет. В них «робость» бедно одетого бывшего семинариста была противопоставлена уверенности в себе «некоторых личностей», «очень хорошо одетых, в пенсне с блестящей оправой, при часах». Но ответы (лучше сказать, «неответы») на вопросы экзаменаторов многих из этих «личностей» придали уверенности Ключевскому, блестяще державшему экзамен. «Тут же я и вовсе вздохнул посвободнее, думая: “такие-то вы господа – при пенсне, а молчаливые”»⁵⁹, – писал он по этому поводу родным в Пензу.

Нечкина также выделялась среди участников семинария Покровского, в своем большинстве людей с опытом партийной работы и происходивших из более низких, в сравнении с ней, социальных групп по дореволюционной табели о рангах и существенно уступавших ей по уровню образования и подготовки. Но если Ключевский даже в достаточно демократичном Московском университете был как бы слишком «от народа», то с Милицей Васильевной дело обстояло как раз наоборот. А.Л. Сидоров⁶⁰ в своих воспоминаниях о годах учебы в Институте красной профессуры с неприкрытой иронией писал об «опрощении» и «народничестве» М.В. Нечкиной. Она удивляла прочих учащихся, когда после обсуждения докладов шла вместе со всеми в пивную на Зубовской площади, где тот или иной докладчик угощал всех бутылкой пива с сосисками и моченым соленым горошком. «Казанская помещица» стояла в этой компании особняком. Своей считалась «ленинградка, довольно милостивая женщина т. Петрова», статья которой о Н.А. Рожкове⁶¹ шла в сборнике как раз за очерком М.В. Нечкиной о В.О. Ключевском. Милица Васильевна, в отличие от А. Петровой, именовалась «дамой» и «особых симпатий» в том коллективе «не вызывала»⁶².

---

⁵⁸ Нечкина 1930: 220 – 221.

⁵⁹ Нечкина 1930: 221.

⁶⁰ Сидоров Аркадий Лаврович, 1900–1966. Доктор исторических наук (1943), профессор (1946). Окончил Коммунистический университет им. Свердлова (1923), Институт красной профессуры (1928). С 1929 по 1936 г. – на партийной работе. С 1936 – в Институте истории АН СССР (1953–1959 гг. – директор) и МГУ.

⁶¹ Петрова 1930.

⁶² Сидоров 2005: 381–382.

В характеристике политических взглядов В.О. Ключевского, данной М.В. Нечкиной, можно также обнаружить точки соприкосновения между позицией автора и ее героя. Она отмечала, что «около него бурлила студенческая жизнь шестидесятых годов, развивались студенческие волнения, слагались кружки, велись политические споры» и что «он зорко наблюдает все это, но не принимает в этом активного участия». Причины такого дистанцирования Милица Васильевна видела в факторе материальном («Ключевский слишком дорожил казенной стипендией, полученной им и в университете»⁶³), а также в присущей ему «реакции подлинного академика»⁶⁴, для которого наука всегда перевесит политику. Ее главный вывод об общественной позиции В.О. Ключевского: «Он всюду лишь зритель, охотно подмечающий смешные детали, “комедию в трагедии”»⁶⁵, – сделан ею беспристрастно. Она не порицала или оправдывала историка за избранную им роль «зоркого наблюдателя», как, например, делала упомянутая А. Петрова, когда «выясняя физиономию Рожкова, как русского историка»⁶⁶, всячески старалась размежевать последнего с меньшевизмом и показать, что тот «не застыл на антисоветской позиции»⁶⁷.

Непредубежденность Нечкиной логично следовала, по нашему мнению, из собственного опыта восприятия окружавшего ее мира политических штормов. Могла ли она судить Ключевского, если в дни взятия большевиками власти в Казани⁶⁸, «когда класс шел против класса, решалась судьба революции», «росли баррикады, грохотали выстрелы», сама, отстранившись от всего, читала пьесу У. Шекспира. «Да. Шекспира. Комедию “Как вам угодно”»⁶⁹. – Как бы подтверждая невероятность такого предпочтения, написала она в одном из фрагментов своего незавершенного литературного эссе, над которым работала в 1922–1924 гг., и продолжила: – Весь день. Я сидела на пустыре, на сложенных досках. Выстрелы грохотали за рекой, и вдали за забором я слышала топот ног, и штыки на ружьях зигзагами скользили по верхнему краю серых заборных досок. Я читала Шекспира. Я никуда не пошла. Я была в сером осеннем пальто, и это было на пустыре и это было в октябре»⁷⁰. Впрочем, выбор пьесы можно признать вполне символичным. Эта комедия У. Шекспира известна, прежде всего, благода-

⁶³ Нечкина 1930: 221.

⁶⁴ Там же: 222.

⁶⁵ Там же: 221.

⁶⁶ Петрова 1930: 345.

⁶⁷ Там же: 413.

⁶⁸ 24 октября 1917 г. М.В. Нечкина написала в дневнике: «Слышу грохот пушек. Это идет сражение правительственных войск с большевиками. Почему я ничего не чувствую?» (История в человеке 2011: 935). События в Казани начались на день раньше вооруженного восстания в Петрограде.

⁶⁹ Пьеса «Как вам угодно» (пер. О. Сороки) имеет и другое название – «Как вам это понравится» (пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник).

⁷⁰ История в человеке 2011: 1013.

ря фразе, в основе которой метафора, своими корнями уходящая в античность: «Весь мир – театр, а люди в нем – актеры». Это изречение как нельзя более подходит для оправдания позиции стороннего наблюдателя. В самом начале 1920-х гг. М.В. Нечкина была больше зрителем, а не участником одной из противоборствовавших сторон, отметив это состояние в своем дневнике: «Если я сама не в силах еще верить в какую-нибудь борьбу и жить, я буду смотреть, как живут другие»⁷¹.

К концу 1920-х гг. она, кажется, должна была бы чувствовать себя вполне приставшей к марксистскому берегу, если судить по ее послужному списку, в котором был и рабфак 1-го МГУ, и Институт истории РАНИОН, и Коммунистический университет трудящихся Востока, и Институт истории Коммунистической академии. Но достигнутая определенность являлась, в определенной мере, внешней, и это влияло на положение М.В. Нечкиной в сообществе историков-марксистов, убежденных в правоте своего большевистского выбора. Об этом говорят горькие слова Милицы Васильевны о работе над школьным учебником истории, к которой она приступила в августе 1931 г. 6 сентября она написала: «Учебник для 5 года – Энгельс и масса других вещей. Разговор с Жаковым по поводу учебника (убийцы с ножами из-за каждого угла. Что бы ни написала, но раз беспартийная, значит, плохо. Уже следят за мною, чтобы проработать)»⁷².

Не важно, чью сторону занял в разговоре сам М.П. Жаков⁷³ – был солидарен с М.В. Нечкиной или же с ее критиками. Возможно допустить и то, и другое: они вместе учились в ИКП и работали в Институте истории Комакадемии, куда Михаил Петрович был «переброшен» в порядке «понижения в должности» за связи с троцкистами, да еще и родом был из Казани, что могло в совокупности обусловить его как сверхпартийную, так и сочувственно-предостерегающую позицию. Существенно другое – Милице Васильевне после семи с лишним лет нахождения в кругу историков-марксистов все еще давали почувствовать ее «инаковость». Время от времени это проявлялось и годы спустя. В упоминавшихся выше воспоминаниях А.Л. Сидорова утверждалось, что виной тому во многом была ее первая монография – «Русская история в освещении экономического материализма: Историографический очерк» (1922 г.) А.Л. Сидоров упрекнул М.В. Нечкину, что «в своем изданном в Казани опусе по историографии ее симпатии были на стороне Струве, а Ленина она отказывалась даже считать ученым». Оцени-

⁷¹ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 100.

⁷² Там же: 308.

⁷³ Жаков Михаил Петрович, 1893 -1936. Историк. Член ВКП (б) с 1911 г. (с 6 января 1928 по 3 июля 1929 г. – исключен из партии за связи с троцкистами). Участник Гражданской войны. Окончил Институт красной профессуры. С 1930 по 1932 г. работал в Институте истории Коммунистической академии в должности старшего научного сотрудника, руководителя Секции доклассового общества. Подробнее см.: Метель 2019.

вая ее последующую научную деятельность, он писал: «Я далек от мысли, чтобы обыгрывать грех молодости Милицы Васильевны, но впечатления молодости остры и забывать об этом тоже нельзя, тем более что и позднее Милица дала не один пример того, что легальный марксизм как методология ей много ближе и приятнее, чем революционный марксизм»⁷⁴. Из этой фразы становится ясно, что камнем преткновения была не столько монография сама по себе, сколько проявление творческой индивидуальности историка.

Волновавшая Нечкину тема противопоставления двух мировоззрений преломилась, в частности, в данном ею сравнении В.О. Ключевского с Н.Г. Чернышевским, «выходцем из той же духовной среды», но без колебаний принявшим революцию как средство политического действия. Она подчеркивала, что страх перед революцией и отрицание революционного метода действия В.О. Ключевский «пронес через всю жизнь и глубоко отпечатлел в своем научном мировоззрении»⁷⁵. С этими взглядами историка М.В. Нечкина связывала «пессимизм исследователя Ключевского», его «внутреннюю трагедию»: «1905 г. заставил Ключевского понять, что его идеал, а, следовательно, и вся его историческая концепция – ложны». Указав на «корень раздвоенности Ключевского»⁷⁶, Милица Васильевна, чтобы как-то оправдать историка, акцентировала внимание на интересе Ключевского к социальной истории, для которого, писала она, «история классов, история классового общества – неизменный критерий для избрания тем»⁷⁷, хотя его «старые теоретические мехи не могли выдержать нового классового вина»⁷⁸.

В рассуждениях М.В. Нечкиной об оценке В.О. Ключевским роли государства в жизни общества можно обнаружить отпечаток одной очень потаенной части ее личности – Милица Васильевна в юные годы писала фантастический роман «Эртон». В нем, насколько можно судить по встречающимся в дневниках отрывочным упоминаниям, ее реальные мысли и переживания трансформировались в иллюзорную картину гармоничного мира. С оттенком иронии говоря об идеале «правового» государства в работах В.О. Ключевского⁷⁹, М.В. Нечкина заметила, что

---

⁷⁴ Сидоров 2005: 381–382.

⁷⁵ Нечкина 1930: 222.

⁷⁶ Там же: 239.

⁷⁷ Там же: 228.

⁷⁸ Там же: 345.

⁷⁹ Надо сказать, что оценка М.В. Нечкиной общественных представлений В.О. Ключевского в целом совпадает с современными взглядами на мировоззренческую позицию российской профессуры рубежа XIX – XX вв., в которых либерализм описывается без негативной коннотации: «Первооснову достижения Россией экономического, социального и культурного процветания большая часть профессуры видела в эволюции самодержавия в правовое государство. Данное убеждение было сердцевиной либеральных умонастроений, вообще преобладавших среди преподавателей высшей школы» (См.: Иванов, Кулакова 2013: 49).

он «осложнился у Ключевского одной утопической идеей» – мечтой о будущем «государстве знания», в котором, цитировала Милица Васильевна из его «Истории сословий в России»⁸⁰, «может быть и капитал утратит политический вес, уступив свое место другой силе, например, науке, знанию», и «в законодательных собраниях депутаты с цензом очистят скамьи для делегатов ученых обществ с дипломами». Мысль историка об «авторитете знания» была ей близка и не могла не остановить ее внимания и, конечно же, не могла быть встречена со снисходительной улыбкой. Хотя «эта утопия не меняет существа политических взглядов Ключевского», в которых М.В. Нечкина указывала, в первую очередь, на «вечные и неизблемые категории буржуазного мировоззрения», она сочла, что «отметить этот любопытный утопический штрих в политической идеологии Ключевского все же стоит»⁸¹. Добавление этого «штриха» в определенной степени снижало актуальный для времени 1920-х гг. классовый накал в описании взглядов В.О. Ключевского на современное тому общество.

Итак, соотнесение текста очерка «В.О. Ключевский» с содержанием дневников М.В. Нечкиной показывает, что, исследуя творчество своего выдающегося предшественника, Милица Васильевна не только глубоко проникла в психологию В.О. Ключевского – исследователя. Она обнаружила высокую степень эмпатии по отношению к своему герою. Очевидно, что многое из пережитого историком затронуло ее лично, оказалось созвучным проблемам, с которыми она сама столкнулась в начале избранного пути. Это отразилось в ее рассказе о Ключевском, пусть и построенном, как она писала много лет спустя уже в предисловии к посвященной тому монографии, «в плане проблемного анализа социологической концепции Ключевского, взятой преимущественно статически», что, призналась она, ее «не удовлетворяло». Нечкина хотела «дать историю жизни и творчества Ключевского»⁸² в целом, а не их отдельных сторон.

В этом контексте многолетняя работа М.В. Нечкиной над изучением творческой судьбы В.О. Ключевского приобретает особый смысл. Эту книгу можно рассматривать не только как логическое завершение темы, волновавшей ее на протяжении десятилетий, и как дань уважения великому ученому. В ней запечатлен образ самой Милицы Васильевны, и поэтому монография является «нерукотворным памятником» сразу обоим историкам, ждущим своего исследователя, а опубликованный в трудах Института красной профессуры очерк стал подготовительным этапом к созданию большого историографического полотна, на котором в психологическом портрете В.О. Ключевского явственно проступают черты самой Милицы Васильевны.

---

⁸⁰ Ключевский 1918.

⁸¹ Нечкина 1930: 238.

⁸² Нечкина 1974: 5.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Академик М.В. Нечкина. Документальная монография. Отв. ред. Рудницкая Е.Л., Мироненко С.В. М.: Новый хронограф, 2011. 1104 с. [Akademik M.V.Nechkina. Dokumental'naya monografiya. Отв. red. Rudniczkaya E.L., Mironenko S.V. M.: Novy'j xronograf, 2011. 1104 s.]
- Академик М.В. Нечкина. Из творческого наследия / Сост. В.Г.Бухерт. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 584 с. [Akademik M.V.Nechkina. Iz tvorcheskogo naslediya / Sost. V.G. Buxert. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2021. 584 s.]
- Артизов А.Н. Историографические семинары М.Н. Покровского // История и историки. 1995. М.: Наука, 1995. С. 185 – 199 [Artizov A.N. Istoriograficheskie seminar'y M.N.Pokrovskogo // Istoriya i istoriki. 1995. M.: Nauka, 1995. S. 185 – 199]
- Бельский И.Л. Отчет М.В. Нечкиной о разработке темы «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли» // История в человеке. Академик М.В. Нечкина. Документальная монография. Отв. ред. Рудницкая Е.Л., Мироненко С.В. М.: Новый хронограф, 2011. С. 65–71 [Belen'kij I.L. Otchet M.V.Nechkinoj o razrabotke teme' «V.O. Klyuchevskij i ego mesto v razvitii russkoj istoricheskoy my'sli» // Istoriya v cheloveke. Akademik M.V. Nechkina. Dokumental'naya monografiya. Отв. red. Rudniczkaya E.L., Mironenko S.V. M.: Novy'j xronograf, 2011. S. 65–71]
- Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 6. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. 669 с. [Dostoevskij F.M. Idiot // Dostoevskij F.M. Sobr. soch. v 15-ti tt. T. 6. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1989. 669 s.]
- Дубровский А.М., Исмаилова З.А. Милица Васильевна Нечкина (1899–1985). Брянск: изд-во ИП Худовец Р.Г., 2021. 184 с. [Dubrovskij A.M., Ismailova Z.A. Miliczka Vasil'evna Nechkina (1899–1985)]. Bryansk: izd-vo IP Xudovec R.G., 2021. 184 s.]
- Иванов А.Е., Кулакова И.П. Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 44–62 [Ivanov A.E., Kulakova I.P. Russkaya professura na rubezhe XIX–XX vekov // Rossijskaya istoriya. 2013. № 2. S. 44–62]
- Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т.1. Кн.1. Киев: Тип. Ун-та св. Владимира, 1891. 1288 с. [Ikonnikov V.S. Opy't russkoj istoriografii. T.1. Kn.1. Kiev: Tip. Imp. Un-ta sv. Vladimira, 1891. 1288 s.]
- «И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / Отв. ред. Е.И. Пивовар; сост., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М.: РГГУ, 2013. 824 с. [«I muchilas', i rabotala neveroyatno»: Dnevniky M.V. Nechkinoj / Отв. ред. Е.И. Pivovar; sost., vstup. st. i komment. E.R. Kurapova. M.: RGGU, 2013. 824 s.]
- История в человеке. Академик М.В. Нечкина. Документальная монография. Отв. ред. Рудницкая Е.Л., Мироненко С.В. М.: Новый хронограф, 2011. 1104 с. [Istoriya v cheloveke. Akademik M.V.Nechkina. Dokumental'naya monografiya. Отв. red. Rudniczkaya E.L., Mironenko S.V. M.: Novy'j xronograf, 2011. 1104 s.]
- «Как чудно жить, понимать и участвовать в этой жизни». Письма к М.В. Нечкиной. 1923–1927 гг. // Исторический архив. 2007. № 6. С. 114– 154 [«Kak chudno zhit', ponimat' i uchastvovat' v e'toj zhizni». Pis'ma k M.V. Nechkinoj. 1923–1927 gg. // Istoričeskij arxiv. 2007. № 6. S. 114–154]
- Ключевский В.О. История сословий в России. Курс, читанный в Московском университете в 1886 году. Изд. 3. Пг.: Литературно-издательский отдел Комиссариата народного просвещения, 1918. 276 с. [Klyuchevskij V.O. Istoriya soslovij v Rossii. Kurs, chitannuj' v Moskovskom universite v 1886 godu. Izd. 3. Pg.: Literaturno-izdatel'skij otdel Komissariata narodnogo prosveshheniya, 1918. 276 s.]
- Метель О.В. Автобиография разработчика теории «первобытного коммунизма» «красного» профессора М.П.Жакова в Архиве Российской академии наук. 1933 г. // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 545–557 [Metel' O.V. Avtobiografiya razrabotchika teorii «pervobytnogo kommunizma» «krasnogo» professora M.P.Zhakova v Arxive Rossijskoj akademii nauk. 1933 g. // Vestnik arxivista. 2019. № 2. S. 545–557]
- Нечкина М. В.О. Ключевский // Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. под ред. М.Н. Покровского. Труды Института красной профессуры. В 2-х тт. Т. 2. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. С. 215–350 [Nechkina M. V.O.Klyuchevskij // Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osveshhenii. Sb. st. pod red. M.N.Pokrovskogo. Trudy Institutu krasnoj professury. V 2-x tt. T. 2. M.: Izd-vo Kommunisticheskoy akademii, 1930. S. 215–350]

- Нечкина М. Густав Эверс // Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. с предисл. и под ред. М.Н. Покровского. Труды Института красной профессуры. В 2-х тт. Т. 1. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. 422 с. С. 19–49 [Nechkina M. Gustav E'vers // Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osveshhenii. Sb. st. s predisl. i pod red. M.N.Pokrovskogo. Trudy Institutu krasnoj professury'. V 2-x tt. T. 1. M.: Izd-vo Kommunisticheskoy akademii, 1927. 422 s. S. 19–49]
- Нечкина М. К характеристике В.О. Ключевского как социолога: (В связи с изданием 5-го т. «Курса русской истории» В.О. Ключевского. Пб., 1922 (1921). 352, IVc.) // Вестник просвещения. 1923. № 1/2. С. 28–39 [Nechkina M. K karakteristike V.O.Klyuchevskogo kak sociologa: (V svyazi s izdaniem 5-go t. «Kursa russkoj istorii» V.O.Klyuchevskogo. Pб., 1922 (1921), 352, IVc.) // Vestnik prosveshheniya. 1923. № 1/2. S. 28–39]
- Нечкина М.В. Взгляд В.О. Ключевского на роль «идей» в историческом процессе: (Из работ о предшественниках экономического материализма в русской историографии) // Красная новь. 1923. № 5. С. 174–203 [Nechkina M.V. Vzglyad V.O.Klyuchevskogo na rol' «idej» v istoricheskom processe: (Iz rabot o predshestvennikah e'konomicheskogo materializma v russkoj istoriografii) // Krasnaya nov'. 1923. № 5. S. 174–203]
- «Очень много дел...». Из деловых дневников 1922–1923 гг. академика М.В. Нечкиной / Публ. Е.Р.Кураповой // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 91–124 [«Ochen' mnogo del...». Iz delovyx dnevnikov 1922–1923 gg. akademika M.V.Nechkinoj / Publ. E.R.Kurapovoj // Otechestvenny'e arhivy'. 2004. № 6. S. 91–124]
- Петрова А. Н.А.Рожков как историк России // Русская историческая литература в классовом освещении. Т. 2. С. 351–416 [Petrova A. N.A.Rozhkov kak istorik Rossii // Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osveshhenii. T. 2. S. 351–416]
- Сидоров А.Л. Институт красной профессуры // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 381–382 [Sidorov A.L. Institut krasnoj professury' // Mir istorika. Istoriograficheskij sbornik. Vyp. 1. Omsk: Izd-vo OmGU, 2005. S. 381–382]
- Тихонов В.В. Историк Милица Нечкина и культурно-интеллектуальная революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История: научно-теоретический журнал. Т. 64. Вып. 1. С. 256–265 [Tixonov V.V. Istorik Milicza Nechkina i kul'turno-intellektual'naya revolyuciya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya: nauchno-teoreticheskij zhurnal. T. 64. Vyp. 1. S. 256–265]
- Тихонов В.В. «Ключевская» М.В. Нечкиной // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 238–248 [Tixonov V.V. «Klyuchevskiya» M.V.Nechkinoj // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 66. S. 238–248]
- Фрейд З. О сновидениях. СПб.: Тип. Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. 50 с. [Frejd Z. O snovideniyax. Spb.: Tip. Akcz. obshh. Brokgauz-Efron, 1904. 50 s.]
- Черная Е.Ю. Милица Васильевна Нечкина – историк отечественной исторической науки. Автореферат дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2014 [Chernaya E.Yu. Milicza Vasil'evna Nechkina – istorik otechestvennoj istoricheskoy nauki. Avtoreferat dis. ...kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2014].

Сидорова Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель, Центр «Историческая наука России», Институт российской истории РАН; lasidorova@rambler.ru

Reflection of the Personality of the Historian as Provided by Texts M.V. Nechkina and Her Work “V.O. Klyuchevsky”

The problem of the inseparable connection between the personality of the historian and his work is revealed by the example of the early work of M.V. Nechkina dedicated to V.O. Klyuchevsky. It is shown how her personality traits and the circumstances of her formation as a historian manifested themselves in the image of an outstanding Russian historian created by her.

Keywords: *historiography, the image of a historian, individuality, self-consciousness, “Marxist temptation”, community of historians, V.O. Klyuchevsky, M.N. Nechkina.*

Sidorova Lyubov Alekseevna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Head of the Center “Historical Science of Russia”, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; lasidorova@rambler.ru

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
НА СТАВРОПОЛЬЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛОКАЛЬНОГО И
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА:
СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КРАЕ (Статья 1)**

Статья посвящена истории становления и развития высшего исторического образования и исторической науки на Ставрополье в первой половине XX века. Рассмотрена предыстория зарождения исследовательской традиции и формирование интеллектуального пространства в регионе, судьбы историков, история отдельных учреждений и организаций, занимающихся историческим просвещением и подготовкой кадров. На примере исторического факультета Ставропольского педагогического института (ныне Северо-Кавказский федеральный университет) показан процесс становления высшей школы в крае как важной составляющей интеллектуального пространства советского общества.

***Ключевые слова:** гуманитарные науки, историческая наука, историческое образование, интеллектуальная история, краеведение, Ставропольский педагогический институт.*

В исследовании, которое разделено на две статьи мы рассматриваем проблему развития исторического знания и исторического образования на Ставрополье в XX веке сквозь призму локального и общенационального интеллектуального пространства. Гуманитаристика включает в себя как исследовательские поля гуманитарных и социальных наук, выявление, обработку и интерпретацию источников, различные направления и жанры исследований, так и их институализацию, систему подготовки гуманитариев и популяризацию гуманитарного знания: «говорить о гуманитаристике и не говорить о гуманитарном образовании вряд ли возможно, поэтому в дискурс обсуждения проблем гуманитаристики включается и гуманитарное познание (знание), и гуманитарное образование как социальный институт»¹.

Мы рассматриваем гуманитаристику не только как понятие, но и как концепт, т.е. смысловую наполненность понятия, его содержательную сторону. В результате понятие приобретает не только рациональную, но и чувственно-эмоциональную, а также образную характеристику. По определению семантического словаря «концепт является ментальной единицей картины мира, содержащей языковые и культурные знания, представления, оценки...»². По мнению А.В. Жукоцкой, гуманитарные науки – не органически целое, а конгломерат гуманитарных и социальных наук, каждая из которых включает в себя особенности избрания парадигм, формулировки задач, методов их реализации. В то же время их объединяет метатеория, рассматривающая науки о культуре и обществе с присущей им общностью, связанной с аксиологической,

---

¹ Жукоцкая 2021: 89-90.

² Толковый словарь...2002: 219.

праксеологической и этической направленностью. Наконец, гуманитаристика включает не только гуманитарное познание, но и гуманитарное образование как социальный институт³. В задачи любого гуманитарного предмета входят воспитательные, образовательные, мировоззренческие практики. Безусловно, гуманитарные науки, как любые науки, стремятся к объективности, но включенность аксиологических, идеологических, моральных феноменов в предметное поле этих наук, усиливает ценностное, политическое, мировоззренческое влияние на выбор исследователя.

Следует также признать, что гуманитарные науки продвигаются по пути, с одной стороны, интеграции знаний, порождая такие принципы исследования, как междисциплинарность, кроссдисциплинарность, трансдисциплинарность, интердисциплинарность, метапредметность, что соответствует целостному глобальному представлению о мире. Однако сегодняшняя реальность многообразна, разобщена, противоречива, связана с конкретной ситуацией, поэтому гуманитаристика движется в сторону социально значимого знания, которое моделирует идентичность того или иного сообщества. Современная гуманитаристика раскрывает новые качества как социально ориентированное знание, расширяя возможности манипулирования массовым, да и общественным сознанием.

В наши задачи входит попытка приоткрыть внутренний механизм эволюции гуманитарного знания и образования в России в XX веке на примере развития высшего исторического образования на Ставрополье. В первой статье внимание обращено на предысторию зарождения исследовательской традиции в регионе и процесс становления системы высшего образования в крае в первой половине XX в. История России многообразна, порой противоречива, но из этого разнообразия и противоречивости рождаются общие тенденции и векторы исторического развития. Это в полной мере относится и к интеллектуальной истории, которую мы стремились рассматривать в рамках как временных, так и пространственных кругов отечественной истории. С одной стороны, в провинциальное пространство поступали импульсы из центра, а с другой, на местах они преобразовались в конкретную ткань действительности, рождая ответные импульсы, которые складывались в тенденции и векторы общеисторического процесса. Мы обратились к истории южной провинции, которая обладала своей спецификой, и на пути формирования интеллектуального пространства приобретала неповторимые черты при общей его унифицированности в определенные периоды истории. Речь пойдет о Ставрополье, расположенном в предгорьях Северного Кавказа. В 2024 г. отмечалось 80-летие исторического образования в Северо-Кавказском федеральном университете (СКФУ), крупнейшем вузе региона. В 1944 г. в Ставропольском государственном педагогическом институте (ныне – СКФУ) был открыт исторический факультет.

Надо заметить, что территория России и ее расположение по часам света, климатическим зонам, часовым поясам, этническим групп-

³ Жукоцкая 2021: 90.

пам предполагает значительное своеобразие процесса формирования местных интеллектуальных сообществ: их структуры, восприятия действительности, черт поведения, темперамента их членов, повседневной жизни, особенностей нарратива. Все это сказывалось на функционировании местной интеллектуальной среды. Анализ повседневности исторического знания, его существования и изменения в сознании и исторической памяти современников, в передаче исторического опыта от поколения к поколению позволяет говорить о зарождении исследовательской традиции в области истории и складывании интеллектуального пространства в регионе еще с конца XVIII в. Северный Кавказ достаточно поздно инкорпорировался в пространство Российской империи. Он представляет собой особый культурно-исторический тип, отличающийся как разнообразием естественно-географических условий и геополитическим своеобразием, так и многонациональным и поликонфессиональным составом населения. С давних пор живущие в регионе народы сохраняли самобытность, неповторимые этнокультурные и социальные традиции, а местные сообщества были объектом изучения представителей российского интеллектуального пространства.

В конце XVIII – первой половине XIX в. территория Северного Кавказа усиленно изучалась как неизведанная экзотика, а затем как объект российского военно-стратегического и административно-хозяйственного влияния в ходе интеграции в Российскую империю, становясь частью интеллектуального пространства России. В процесс изучения региона были вовлечены представители местной интеллигенции, ученые разных национальностей, что в значительной степени способствовало взаимовлиянию и взаимообмену культур, становлению профессиональных национальных кадров, созданию региональных научно-исследовательских центров. К концу XIX в., когда оформилась среда северокавказских просветителей, в этой среде стали сильны идеи просветительства местных народов не без участия интегративных процессов, связанных с влиянием российского интеллектуального сообщества и образовательной политики Российской империи. Представители северокавказской интеллигенции, просветители и общественные деятели, такие как Ш.Б. Ногмов, С. Хан-Гирей, С. Адиль-Гирей С. Казы-Гирей, Д. Кодзоков, Б. Айдемиров, У. Берсей, Дж. В. Цораев и другие создавали предпосылки для просвещения своего народа, занимаясь составлением алфавитов, букварей, учебных пособий, переводом церковной и русскоязычной художественной литературы на родной язык, сбором фольклора, написанием исторических текстов.

Завершающим этапом формирования регионального интеллектуального пространства стало создание образовательной системы в регионе и научно-просветительское движение. При содействии столичных научных учреждений и обществ был создан ряд северокавказских научных обществ, ставших своеобразными научными центрами, вокруг которых происходило формирование интеллектуального пространства

(Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество (1894), Общество любителей изучения Кубанской области (1897), Общество любителей казачьей старины (1909), Общество распространения в народе грамотности и полезных знаний (1901), Кавказское горное общество (1902), Кубанское общество народных университетов (1907), Терское общество любителей казачьей старины (1909), Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края (1910), Кубанское общество любителей изучения казачества (1911), Терское общество защиты и сохранения памятников старины (1915) и др.). Ими был накоплен уникальный опыт исследовательских практик, их деятельность стала подготовительным фундаментом, на котором в XX в. развернулась деятельность научных и образовательных учреждений в регионе.

К началу XX в., с одной стороны, в местных сообществах получили распространение идеи демократии и либерализма, в т.ч. проблемы не только национального просвещения, но и национального освобождения, реформирования местного управления и самоуправления. Относительно Ставропольской губернии носителями новых идей стали секретарь губернского статистического комитета, историк-краевед И.В. Бенгковский; нотариус, музейный деятель Г.К. Праве; журналист Я.В. Абрамов; председатель ученой архивной комиссии, историк-краевед Г.Н. Прозрителев и др. Все они сыграли большую роль в общественной и культурной жизни Ставропольской губернии и Северного Кавказа.

С другой стороны, к началу Первой мировой войны, когда друг Т.Н. Грановского Я.М. Неверов (с 1850 по 1861 г. – директор гимназии) превратил Ставропольскую мужскую классическую гимназию (до 1847 г. называлась Кавказской областной) в просветительский центр Ставрополя, обучая и воспитывая представителей горских народов Северного Кавказа, оформилась система начального и среднего образования как одна из важных сфер интеллектуального пространства региона. Ставропольская губернская гимназия, на открытии которой в 1837 г. присутствовал император Николай I, в середине XIX в. входила в число лучших в России, славилась именами своих педагогов-просветителей, таких как У.Х. Берсей, Н.И. Воронов, М.К. Вольнский, П.С. Патканов, Н.С. Рындовский, П.И. Хицунов, Ф.В. Юхотников, В.И. Смирнов, С.Л. Кузьмин, И.Д. Белкин, Н.И. Гулак, И.П. Спасский, И.Л. Песоченский, С.С. Третьяк-Перетятко, В.Д. Беневский, Я.А. Солнцев, Ф.Д. Иляшенко, В.Д. Терзиев, В.Ф. Миловидов и др. Ряд из них занимались историко-краеведческими исследованиями, как, например, Н.И. Воронов, П.И. Хицунов, Ф.В. Юхотников, чьи статьи регулярно печатались на страницах местных периодических изданий. Среди северокавказских историков-любителей, просветителей и общественных деятелей было немало выпускников Ставропольской мужской гимназии, оказавших большое влияние на просвещение горских народов, развитие истории и культуры народов Северного Кавказа: К.Л. Хетагуров, А.-Г. Кешев, И.П. Крымшамхалов,

И.М. Байрамуков, С. Халилов, И.А.-К. Хубиев, Ч. Ахриев, И. Тхостов, Султан-бек-Абаев, Е.Д. Фелицын, Н.Я. Динник и многие другие.

Составляющей интеллектуального пространства Северного Кавказа было и развитие местной периодической печати, которая сыграла значительную роль в консолидации северокавказского культурного сообщества. Провинциальное историописание, приемы и методы работы с источниками, включая устную память, а также сами конструкции исторического нарратива опубликованного в «Ведомостях» («Ставропольские губернские ведомости» (1850–1917), «Кубанские войсковые ведомости» (1863–1870), «Терские областные ведомости» (1868–1917), «Кубанские областные ведомости» (1871–1917), «Кавказские епархиальные ведомости» (1873–1886), «Ставропольские епархиальные ведомости» (1886–1917), «Владикавказские епархиальные ведомости» (1895–1917)), в национальных изданиях вроде «Мусульманинь» (1908–1911, выходил в Париже), дают представление о различных уровнях исторического знания, типах исторического письма, формах и жанрах историописания. С 1866 г. стали издаваться Акты Кавказской Археографической Комиссии (образована в 1864 г.), имеющие огромное значение для осмысления исторического наследия прошлого Кавказа.

Открытие библиотек в Ставропольской губернии, особенно в Ставрополе и Пятигорске также обогащало местное интеллектуальное пространство. Наконец, интеллигенция Ставропольской губернии и Терской области накануне Первой мировой войны настойчиво ходатайствовала об открытии учреждений высшего образования в регионе. Однако война и последующие революционные события резко изменили этот процесс формирования местного интеллектуального пространства. Чрезвычайные обстоятельства, гражданское противостояние, разорение, голод отодвинули его на периферию региональных задач. После окончательного утверждения власти большевиков на Ставрополье в 1920 г. конфигурация интеллектуального пространства существенно изменилась.

В советской России стала конструироваться новая историографическая модель. Этому способствовало создание Истпарта (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)), которая действовала до конца 1920-х гг.). Подобные комиссии были созданы при региональных партийных комитетах. Их главной задачей было формирование единой официальной парадигмы истории российской революции. Для этого собирались и сохранялись архивы, включавшие источники разных идейных направлений, развивались формы устной истории – опросы и анкетирование участников революционных событий, Гражданской войны, ветеранов партии. осуществлялась подготовка работ по истории местных партийных организаций, революций 1905-1907 гг. и 1917 г., воспоминаний старых большевиков, участников революций и Гражданской войны. Так, в связи с 10-летней годовщиной Октябрьской революции 1917 г. в 1928 г. при содействии истпарта Ставропольского окружного комитета ВКП(б) и окружного исполкома были изданы книги о револю-

ции и Гражданской войне на Ставрополье⁴. Работы отличались полнотой фактического материала на основе материалов местного архива и отсутствием жесткой идеологической конструкции. На сегодняшний день это один из ценных источников по истории Ставрополья XX в.

На Ставрополье новая модель истории страны, с одной стороны, формировалась более медленно, но и более спокойно, т.к. местной власти пришлось меньше «разорять» прежние места памяти, бороться с влиянием высшей школы, которой до революции здесь не было, а местные энтузиасты, как и историки Центра, в основном стремились сохранить и расширить музейные фонды и исторические нарративы о Ставропольской губернии и Северном Кавказе, не участвуя в политических спорах и приспосабливаясь к новой советской реальности. Это обстоятельство в 1920-е годы было отражением общего процесса развития краеведения в стране.

Краеведческое движение на Северном Кавказе было способом не только сохранить, но и приумножить историческое знание как составную часть краеведения. В новых советских научных учреждениях и обществах продолжили работать историописатели, специалисты, которые занимались изучением региона до революционных событий 1917 года, продолжая северокавказскую исследовательскую традицию. Так, например, Г.Н. Прозрителев был избран членом Центрального Бюро Краеведения, участвовал во многих конференциях разного уровня по краеведению, архивоведению и археологии. В 1926 г. краеведение на Северном Кавказе приобретает организованные формы⁵. В регионе стали выходить такие журналы, как «Бюллетень Северо-Кавказского Бюро». В начале 1930-х вышел сборник краеведческих материалов тиражом 600 экземпляров.⁶ Обращает на себя внимание отсутствие в сборнике исторической тематики на фоне рассказа о возможных полезных для экономики ресурсах: об использовании природных горючих газов Северного Кавказа, строительных материалах нагорной Чечни, минеральных ресурсах Тамани. Усилилась пропагандистская составляющая краеведения, к примеру, организация антирелигиозной пропаганды в музеях Северного Кавказа. В начале краеведческого «золотого века» 1920-х гг. основные усилия направлялись на бережение истории и культуры, активно разрабатывалась методология краеведческой работы, наконец, это движение развивалось снизу как общественное движение.

К началу 1930-х гг., краеведение подверглось чисткам от «старых представителей враждебных классов», т.е. от его инициаторов. Что касается ведущих краеведов и исследователей, то чистки коснулись и районов современного Ставрополья, в частности Кавказских Минеральных Вод. Так, в 1931 г. в Махачкале был арестован и умер в тюрьме Дмитрий Михайлович Павлов (1884–1931), историк и литературовед, кото-

⁴ 1917 год в Ставропольской губернии... 1927; Головенченко, Емельянов. 1928.

⁵ Лунин 2010.

⁶ Советское краеведение... 1932-1933.

рый в 1920-е годы возглавлял краеведческое движение в Пятигорске и Кисловодске, проводил исторические исследования и археологические изыскания.⁷ Произошло «огосударствление» краеведения⁸. Постановление Совнаркома РСФСР 1931 г. ясно ориентировало краеведов на «действительную увязку всей краеведческой работы с конкретным планом социалистического строительства каждого данного района, предприятия, совхоза, колхоза и т.д.»⁹ В 1937 г. Центральное Бюро краеведения и его региональные отделения в течение двух месяцев были ликвидированы, а решения 1931 г. были отменены¹⁰.

Однако профессиональной подготовки учителей истории и формирования сообщества историков-исследователей в то время в крае не существовало. Надо заметить, что попытки создать систему высшего гуманитарного образования на Ставрополье предпринимались с начала XX в., когда по положению от 31 марта 1900 г. при Ставропольском городском шестиклассном училище были открыты педагогические курсы, а в 1901 г. в Ставрополе начала работу общедоступная учительская семинария, ставшая центром педагогического образования не только на Северном Кавказе, но и на юго-востоке России. В Ставрополе 1 июля 1912 г. были открыты Учительский институт, куда поступили 34 человека, и городское училище при нем.

В июне 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял Положение «Об организации дела народного образования РСФСР», согласно которому общее руководство народным образованием возлагалось на Государственную комиссию по просвещению, а на местах – на губернские отделы при советах. Но в условиях Гражданской войны, когда территория Ставрополья была под властью Добровольческой армии, положения Наркомпроса не действовали, а учебные заведения региона опирались на распоряжения главнокомандующего Юга России.

С восстановлением в 1920 г. в Ставропольской губернии власти большевиков в соответствии с положением СНК РСФСР 1918 г. «Об организации дела народного образования в РСФСР» советская власть упразднила учительский институт и на его базе в августе 1920 г. был открыт Институт народного образования с четырехгодичным сроком обучения (ректор – проф. В.А. Вагнер). В институте были организованы словесно-исторический и физико-математический факультеты, но долго просуществовать ему было не суждено. Финансирование института целиком ложилось на плечи местных органов советской власти. В октябре 1921 г., в условиях экономической разрухи после Гражданской войны, Институт народного образования был реорганизован в Ставропольский практический институт народного образования, а в 1923 г. последний получил статус педагогического техникума с четырехгодичным сроком

⁷ Колесникова 2004.

⁸ Козлов 2013.

⁹ Постановление СНК РСФСР... 1931.

¹⁰ Постановление СНК РСФСР...1937.

обучения. В этом проявилась общая тенденция 1920-х гг.: с одной стороны, отсутствие финансов на развитие науки и образования в провинции, а с другой стороны, поиски новых форм и эксперименты в образовательной системе.

В начале 1930-х гг. начался процесс становления единой советской системы высшего образования как важной составляющей интеллектуального пространства советского общества. В эти годы процесс формирования высшего педагогического образования по инерции еще сохранил тенденции 1920-х гг., которые отличались активным поиском новых форм и смелых экспериментов. Среди таких экспериментов была специализация педагогических институтов по аграрному и индустриальному профилям. В октябре 1930 г. был открыт Ставропольский агропедагогический институт (позже Ставропольский государственный педагогический институт (СГПИ), с 1996 г. – Ставропольский государственный университет, с 2012 г. – Северо-Кавказский федеральный университет). Он был создан в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР «О сети, структуре и контингенте приема в высшие учебные заведения РСФСР на 1930-1931 гг.». Название института было связано с тем, что в нем планировалась подготовка учителей для школ колхозной молодежи. Первоначально институт планировалось развивать при крупном зерносовхозе «Гигант» в Сальском округе (ныне Ростовская область), но хозяйство не смогло обеспечить необходимую материально-техническую и кадровую базу нового вуза, поэтому институт был размещен в городе Ставрополе (с 1935 до 1943 г. город носил название Ворошиловск, а край с 1937 по 1943 г. – Орджоникидзевский). Первоначально в институте было открыто четыре отделения: агрономическое, химико-биологическое, физико-техническое и общественно-литературное¹¹.

Вместе с тем уже тогда прокладывала себе путь система, в которой ведущую роль стала занимать централизация и унификация управления, а также жесткое идеологическое давление на содержание учебных дисциплин, особенно социально-гуманитарных наук. Строительство вузовской системы сопровождалось централизованным финансированием и материально-техническим обеспечением преподавания и науки в вузах, определяя их устойчивость и перспективы. Это в полной мере отразилось и на становлении высшего образования на Ставрополье. Именно с 1930 г. оно приобретает устойчивые формы и начинает заполнять интеллектуальное пространство региона кадрами учителей, преподавателей вузов и студентов, производивших интеллектуальный продукт и задействованных в интеллектуальной коммуникации. Это было время, когда создание вузов на Ставрополье стало почвой для развития исторического знания в регионе и формирования исторического образования.

Очевидно, что формы вузовского образования еще не устоялись, и предлагалась ведомственная узкая специализация институтов, о чем свидетельствовало содержание постановления ЦИК и СНК СССР «О ре-

¹¹ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 1872. Оп.2. Д.63 Л.19.

организации вузов, техникумов и рабфаков». В нем прямо говорилось, что задачи социалистического переустройства должны проводиться «на основе решительного сближения теоретического обучения и производственной практики, специализации учебных заведений по отраслевому признаку...»¹². Профиль вузов определял их подчиненность тому или иному наркомату. В скором времени стало ясно, что для такого разделения нет ни финансов, ни кадровых возможностей. Обращает на себя внимание Приложение к данному постановлению. Из 5 разделов по узким специальностям вузов и техникумов: технические, сельскохозяйственные, экономические, медицинские – педагогический профиль замыкал этот документ. Важным условием работы учебных заведений была организация в них рабфаков, что свидетельствовало о низкой школьной подготовке будущих специалистов.

Первым директором Ставропольского агропединститута стал бывший политработник Красной Армии 35-летний Зенон Ильич Дунч (1930–1932), латыш из Витебской губернии, который возглавлял вуз два года, а потом вернулся к службе, теперь в НКВД, был заместителем, а потом и начальником отдела пожарной охраны. Судьба его, как и многих его современников, трагична. В звании младшего лейтенанта госбезопасности он в октябре 1937 г. был арестован и осужден на 5 лет лагерей. Его дочь упоминала, что отец погиб в ГУЛАГе¹³. Обращает на себя внимание отсутствие при открытии провинциального вуза в городе, где до этого никогда не было высших учебных заведений, подготовленных специалистов. Общее среднее образование и военный опыт З.И. Дунча не компенсировали отсутствие организационных навыков и широты кругозора. С другой стороны, мировоззрение директора базировалось скорее на демократических основах российской интеллигенции, а не на большевистской доктрине. Через месяц после открытия института на торжественном собрании в честь 13-й годовщины Октябрьской революции, в котором участвовали и представители городской общественности, и городские власти, З.И. Дунч обратился к студентам со словами о том, что «профессия учителя не только одна из самых древних, самая уважаемая и необходимая, но и самая сложная. Она осуществляет связь времен, передает новому поколению опыт человечества. Но учителю для этого нужно многое знать, уметь»¹⁴. Как свидетельствуют эти слова, директор во главу педагогического образования ставил не классовый принцип, не идеологические подходы, а общечеловеческие ценности.

Институт создавался с большими трудностями. В крае не было, во-первых, достаточной материальной базы, во-вторых, кадров вузовских преподавателей, в-третьих, опыта организации работы высшей школы. Кроме того, классовый принцип подбора студентов, отсеивал наиболее подготовленную к вузовской учебе молодежь, а часть плохо подготов-

¹² Материалы по реорганизации вузов, втузов... 1930: 36.

¹³ Мариам... 2017.

¹⁴ Очерки истории Ставропольского... 1991: 9.

ленных детей рабочих и крестьян не выдерживала интеллектуального напряжения и голодного существования и уходила из института, по словам секретаря партячейки, «зараженная упадничеством», но лучшая часть студенчества «вошла в общий поток борьбы за создание нового вуза».¹⁵ Постепенно устраивалась жизнь нового вуза. Ему городская власть передала здание бывшего Дома Советов (до революции здание Ставропольской духовной семинарии, ныне учебный корпус Северо-Кавказского федерального университета). Большим приобретением стала библиотека бывшей Ставропольской мужской классической гимназии, в которой была собрана уникальная учебная и научная литература, а также оставшееся от Дома Советов собрания партийных изданий.

Из-за разгоравшегося внутреннего конфликта между администрацией и частью преподавателей и студентов, которые критиковали руководство института и партийного бюро (секретарь партбюро А. Малышев), в сентябре 1932 г. секретариат Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) принял решение «О Ставропольском пединституте». В выписке из этого решения З.И. Дунч обвинялся в излишнем демократизме, т.к. он «вместо проведения единоначалия передоверил фактически руководство институтом треугольнику, вследствие чего подготовка к новому учебному году проведена явно неудовлетворительно (отсутствие общежитий, отсутствие разработанных программ, профилей и т.п.)», а также извращение «линии партии в отношении развертывания самокритики»¹⁶. Это было время, когда политический курс был взят на развертывание критики и самокритики, через которые выпускали пар недовольства многочисленными просчетами в строительстве нового общества.

Проверка только что созданного Ставропольского агропединститута совпала с попыткой очередной реорганизации вузовской системы. Поэтому осенью 1932 г. изменился не только кадровый состав института, но и его профиль. З.И. Дунч уступил место 38-летнему кубанскому казаку Карпу Илларионовичу Чирве (1932–1935), георгиевскому кавалеру за участие в турецкой кампании на Кавказском фронте Первой мировой войны. В 1924 г. он окончил Кубанский педагогический институт и имел опыт вузовской работы. В то же самое время агропедагогический институт был реорганизован в Ворошиловский (Ставропольский) пединститут для подготовки учителей и преподавателей техникумов.

К середине 1930-х гг. был сформирован педагогический коллектив института. К 1 первого сентября 1934 г. здесь работало 2 профессора, 22 доцента и 10 ассистентов. Из гуманитарных профилей здесь готовилось несколько учителей русского языка и литературы, а исторического направления не было, т.к. даже в ведущих университетах в 1920-е гг. исторические факультеты были ликвидированы и восстановлены только в 1934–1936 гг. Кроме того, проблемой был дефицит учебных помещений, нехватка общежитий, лабораторий и учебного оборудования.

¹⁵ Кононенко 2006: 97.

¹⁶ Трибунских 2015: 112.

Крайне мало было учебной литературы. Оставался крайне низким уровень подготовки абитуриентов. В пединститутах страны были созданы учительские институты, в которых за 2 года готовили учителей для начальной и семилетней школ. В учительском институте Ставропольского пединститута в конце 1930-х годов предусматривалась и подготовка учителей-историков. Однако историческое образование в институте фактически оформилось только в середине 1940-х годов, т.к. вначале не хватало кадров и материальной основы, к примеру, полностью отсутствовали преподаватели с учеными степенями. В январе 1934 г. было принято Постановление СНК СССР «О подготовке научных и научно-педагогических работников». В тот же день было принято Постановление правительства «О восстановлении ученых степеней и ученых знаний»¹⁷. Для подготовки новых кадров нужно было время, но началась Великая Отечественная война.

В начале организаторам образования казалось, что историческое образование в вузах может заменить идейно-пропагандистская подготовка. Так, в вузах всегда уделялось большое внимание политической и идеологической работе, о чем свидетельствовала программа изучения курса «Партийно-политической работы в РККА» для педвузов, которую в 1932 г. ввело Главное управление учебными заведениями (ГУУЗ). Программа была рассчитана на два учебных года и включала изучение таких тем, как «Политика ВКП(б) в строительстве Красной Армии», «Военно-боевая работа партии до октября 1917 г.», «Военная реформа 1924 г.», «Основы партийно-политической работы в РККА», «Военно-политическая подготовка империалистов к войне против СССР»¹⁸. Эти обстоятельства дополнялись постоянными чистками высшей школы и репрессиями против ее сотрудников. В феврале 1935 г. с должности заведующего кафедрой литературы Ставропольского педагогического института был уволен Н.Е. Бочкарев как не обеспечивший высокого качества преподавания, допускавший в своих лекциях и работах извращение марксистско-ленинской идеологии. В 1936 г. был репрессирован директор института Владимир Прокофьевич Теряев (1935–1936)¹⁹.

Попытки начать подготовку учителей по историческому направлению были предприняты в Пятигорском государственном педагогическом (с 4-годичным обучением) и учительском институте (2-годичное обучение). Он был образован 27 июня 1939 г. по решению Наркомпроса РСФСР по программе культурного строительства, намеченной XVIII съездом ВКП(б) на базе педагогического училища в Пятигорске. В вузе были созданы факультеты русского языка и литературы, физико-математический и исторический. Среди руководителей института был профессор Всеволод Александрович Васильев, выпускник славяно-русского отделения историко-филологического факультета Московского универ-

¹⁷ Материалы по реорганизации вузов, втузов...1930: 56.

¹⁸ Кононенко 2006: 120.

¹⁹ Теряев Владимир Прокофьевич (1902) ...2024.

ситета 1903 года, а директор института Василий Тихонович Чеканов возглавил кафедру марксизма-ленинизма. Обращает на себя внимание то, что набор на исторический факультет учительского института был выше, чем на этот факультет педагогического: 71 и 63 соответственно.

Систематическое историческое образование стало в крае реально только после освобождения его от немецко-фашистской оккупации в январе 1943 г. В начале Великой Отечественной войны в двух педвузах края сократился срок обучения: было не до организации исторического отделения. В период оккупации Орджоникидзевского (Ставропольского) края, ни в Ворошиловске (Ставрополе), ни в Пятигорске педагогические институты не работали, а эвакуировать их полностью из-за организационных сложностей не успели. С 5 февраля 1943 года начался учебный семестр в Ставропольском педагогическом и учительском институте (сразу после изгнания немецких оккупантов Ворошиловску вернули его историческое название – Ставрополь). На занятия пришли 70 студентов педагогического и учительского институтов. Был проведен дополнительный прием на первый и старшие курсы на факультеты русского языка и литературы, физико-математический, географический, естественный, иностранных языков и на 4 отделения входившего в Ставропольский пединститут учительского института: русского языка и литературы, физико-математическое, естественно-географическое и историческое. На 1 мая 1943 г. на всех факультетах вуза обучалось 452 чел., на отделениях учительского института – 282 чел.²⁰ В связи с тем, что в институте была острая нехватка кадров, на работу в вуз приглашались преподаватели по основам марксизма-ленинизма, диалектическому материализму, политэкономии, истории, психологии и другим дисциплинам. Судя по этому списку, руководство Ставропольского пединститута уже начало готовиться к открытию исторического факультета. Следует учитывать, что за годы войны ряды профессорско-преподавательского и студенческого состава педагогического института поредели за счет погибших на фронте и в тылу. В оккупацию немцы расстреляли преподавателей и студентов еврейской национальности: профессора кафедры химии Н.Н. Рождественского, доцента кафедры математики Г.А. Бродского, студентов Винокурову, Кац, Шихман, Фаермак и другие. Во время бомбежки погиб преподаватель истории А.Я. Колосов. Смертью храбрых пали преподаватели А.Л. Баев, В.С. Островский, И.Д. Зайцев, И.П. Берус и другие²¹. В списке погибших был и И.С. Мазницын, выпускник физико-математического факультета, ставший Героем Советского Союза посмертно. В результате в 1943–1944 учебном году здесь работало 5 профессоров, 14 доцентов и 21 старший преподаватель²².

²⁰ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 2536. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

²¹ Карташев 2016.

²² ГАСК. Ф. 1872. Оп. 1. Д. 48. Л. 11–12.

Более года заняло восстановление зданий и оборудования Ставропольского пединститута. Согласно архивным источникам, директор института Александр Васильевич Козырев (1941–1942, 1943–1949) и секретарь партбюро института И.В. Чульфагов обратились с обширным письмом к местной власти, которое содержало перечень трудностей и проблем восстанавливаемого вуза. Во-первых, основная часть помещений института к началу 1944/1945 уч. года так и не была освобождена службами гарнизона, а в главном полуразрушенном главном корпусе (здание бывшей Ставропольской духовной семинарии) продолжала размещаться воинская часть. Во-вторых, в институте не было бумаги и канцелярских принадлежностей в нарушение приказа наркома просвещения В.П. Потемкина, мебели в учебных помещениях. В письме предлагалось создать мастерскую для изготовления мебели и содержалась просьба о содействии в организации мастерской. В-третьих, в городе не было организовано питание студентов и их бытовое обслуживание²³.

К 1945 г. студентам приходилось заниматься в неотапливаемых помещениях без окон, когда замерзали чернила, а слушатели сидели на занятиях в верхней одежде. Центральный вход в здание института был взорван, лаборатории и библиотека разорены, постоянными были перебои с освещением²⁴. Для обеспечения работы Ставропольского пединститута Пермский университет и Тамбовский пединститут безвозмездно передали 20 тыс. томов учебной и научной литературы, а директор библиотеки по распоряжению руководителя вуза должен был обеспечить читальный зал четырьмя исправными керосиновыми лампами и каждого работающего в читальном зале горячим чаем. Только в 1947–1948 уч. году государство выделило каждому вузу на ремонтные работы от 1,5 до 3 млн. руб., что позволило завершить восстановление к началу 1950-х гг.

В таких условиях в конце 1943/1944 учебного года 11 июля 1944 г. был подписан приказ о создании исторического факультета в Ставропольском государственном педагогическом институте²⁵. Исторический кабинет, где хранились пособия всех кафедр факультета, служил одновременно и учебной аудиторией, и деканатом. Дисциплины исторического факультета были выделены из учебной программы кафедры марксизма-ленинизма, которой заведовал Г.П. Булатов. Передали дисциплины на вновь образованную кафедру истории, которую в организационный период возглавил член кафедры основ марксизма-ленинизма А.С. Звенигородский, ставший одновременно первым деканом исторического факультета. На 1 курс в 1944 г. поступили 24 студента.

Кроме тяжелых материальных условий бедой исторического факультета было катастрофическое отсутствие преподавателей соответствующей квалификации. Общая нехватка научно-педагогических кадров в вузах страны из-за войны, в Ставропольском крае усугублялась отсут-

²³ Голоса из провинции... 2011: 138–140.

²⁴ ГАСК. Ф. 1872. Оп. 1. Д. 100. Л. 21, 23.

²⁵ ГАСК. Ф. 6007. Оп. 1. Д. 530.

ствием традиции профессионального исторического образования и, в отличие от ряда республик Северного Кавказа и Ростова-на-Дону, научных центров гуманитарного профиля. В 1944/45 уч. г. на двух созданных кафедрах – истории СССР и всеобщей истории, работали 7 преподавателей, 3 места оставались вакантными. Докторов наук на тот момент не было. На кафедре всеобщей истории преподавали 2 кандидата наук, доценты И.С. Дашков и А.М. Малинин и 2 старших преподавателя. На факультете в те годы работал талантливый медиевист Андрей Михайлович Малинин, ученик И.М. Гревса и А.Н. Ясинского. Он получил степень «кандидат истории» в 1913 г. в Юрьевском (Тартуском) университете. После установления советской власти преподавал в разных вузах в основном Юга России, одним из первых после восстановления ученых званий в 1934 г. получил звание доцента. Во второй половине 1930-х гг. А.М. Малинин заведовал кафедрой древних языков Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена. В 1942 г. в состоянии дистрофии он был эвакуирован из Ленинграда в госпиталь в Кисловодск. После освобождения Кисловодска от немецкой оккупации он первоначально преподавал в Карачаево-Черкесском пединституте (1943–1944), откуда после закрытия вуза в связи с депортацией карачаевцев, его перевели в Ставропольский пединститут, где в 1945 г. он возглавил кафедру всеобщей истории. В 1948 г. А.М. Малинин уехал к сыну в Минск²⁶.

Коллектив кафедры истории СССР не имел ни одного кандидата наук и состоял из 3 старших преподавателей. После окончания войны кадровый вопрос решался через приглашение квалифицированных преподавателей по конкурсу. Так, с 1946/1947 по 1948/1949 учебный год по конкурсу в Ставропольский пединститут прошли более 10 научных работников²⁷. Среди них были А.С. Тройнин, Р.Н. Китайгородская, В.А. Романовский, Т.М. Минаева. Судя по их судьбам, сообщество профессиональных историков формировалось из трех источников. В первую очередь, это приглашенные из других научных центров ученые, во-вторых, это бывшие партийные функционеры, наконец, это научные работники, подготовленные из местных преподавателей. Что касается призыва партийных работников в вузы региона, то их было три. Первый был связан с нехваткой кадров в период становления профессионального исторического образования в регионе. Второй этап был следствием партийной политики эпохи Н.С. Хрущева, когда преподавание истории в вузах было сокращено вплоть до ликвидации исторических факультетов в ряде провинциальных университетов. Историческая специализация была сохранена только в пединститутах. При этом менялась динамика этих 3-х групп. Если в силу сложившихся обстоятельств в конце 1940-х гг. большинство преподавателей были приглашены, то к середине 1960-х половину историков Ставропольского пединститута составляли местные сотрудники, в том числе подготовленные в вузе.

²⁶ Евтухов 2008.

²⁷ Ушмаева 2004.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 года: (сборник документов) / сост. В.В. Белоконь (отв. сост.), Т.Н. Колпикова, Г.А. Никитенко. Ставрополь: Ком. Ставропольского края по делам арх., 2011. 695 с. [Golosa iz provincii: zhiteli Stavropol'ya v 1941-1964 goda: (sbornik dokumentov) (Voices from the provinces: residents of Stavropol Krai in 1941-1964: (collection of documents)) / sost. V.V. Belokon' (otv. sost.), T.N. Kolpikova, G. A. Nikitenko. Stavropol': Kom. Stavropol'skogo kraja po delam arh., 2011. 695 p.]
- Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии. (1918–1920 гг.): Исторический очерк. Ставрополь: Ставр. окружн. октябрьская комиссия: Истпарт Окрком В.К.П.(б), 1928. 221 с. [Golovenchenko F., Emel'yanov F. Grazhdanskaya vojna v Stavropol'skoj gubernii. (1918-1920 gg.): Istoricheskij ocherk (Civil war in Stavropol Governorate. (1918-1920): Historical essay). Stavropol': Stavr. okruzhn. oktyabr'skaya komissiya: Istpart Okrkoma V.K.P.(b), 1928. 221 p.]
- Евтухов И.О. Кафедра истории средних веков (По материалам архивов) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэдактар) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. С. 193–198. [Evtuhov I. O. Kafedra istorii srednih vekov (Po materialam arhivov) (Department of History of the Middle Ages (Based on archive materials)) // Pracy gistorychnaga fakul'teta BDU: navuk. zb. Vyp. 3 / redkal.: U. K. Korshuk (adk. redaktar) [i insh.]. Minsk: BDU, 2008. S. 193–198.]
- Жукоцкая А.В. Размышления о современной гуманитаристике // Вестник МГПУ. Исторические науки. 2021. №1 (41). С. 89-99. [Zhukockaya A.V. Razmyshleniya o sovremennoj gumanitaristike (Reflections on modern humanities) // Vestnik MGPU. Istoricheskie nauki. 2021. №1 (41). S. 89-99.]
- Козлов В.Ф. «Огосударственное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение»). 1930–1936 // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. №9. С. 53-83. [Kozlov V.F. «Ogosudarstvennoe» kraevedenie. Istoriya i uroki (po stranicam zhurnala «Sovetskoe kraevedenie»). 1930–1936 («Nationalized» regional studies. History and its lessons (from the pages of the magazine «Soviet Regional Studies»). 1930–1936) // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. YAzykovedenie. Kul'turologiya. 2013. №9. S. 53-83.]
- Колесникова М.Е. Дмитрий Михайлович Павлов 120-летию со дня рождения // Ставропольский хронограф на 2004 год: Краеведческий сборник. Ставрополь, 2004. С. 202-208. [Kolesnikova M.E. Dmitriy Mihajlovich Pavlov 120-letiyu so dnya rozhdeniya (Dmitriy Mihajlovich Pavlov. To the 120th anniversary) // Stavropol'skij hronograf na 2004 god: Kraevedcheskij sbornik. Stavropol', 2004. S. 202-208.]
- Кононенко В.М. Развитие высшего образования на Юге России: 20-90-е годы XX века: дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.02 Ставрополь, 2006. 619 с. [Kononenko V.M. Razvitie vysshego obrazovaniya na YUge Rossii: 20-90-e gody XX veka (Development of higher education in the South of Russia: 1920-1990s): diss. ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02 Stavropol', 2006. 619 p.]
- Лунин Б.В. Новые пути Северо-Кавказского краеведения // Донской временник. Год 2011-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2010. Вып. 19. С. 138 -141. [Lunin B. V. Novye puti Severo-Kavkazskogo kraevedeniya (New paths of North Caucasian regional studies) // Donskoj vremennik. God 2011-j / Don. gos. publ. b-ka. Rostov-na-Donu, 2010. Vyp. 19. S. 138 -141.]
- Мариам. Талант соединенный с мужеством / Р. Ю. Ибрагимов, сост. М.: Белый город, 2017. 601 с. [Mariam. Talant soedinennyy s muzhestvom (Mariam. Talent combined with courage) / R. YU. Ibragimov, sost. M.: Belyj gorod, 2017. 601 p.]
- Материалы по реорганизации вузов, втузов, техникумов и рабфаков СССР: сборник постановлений и распоряжений ЦИК и СНК Союза ССР и список учебных заведений. Москва, 1930. 164 с. [Materialy po reorganizacii vuzov, vtuzov, tekhnikumov i rabfakov SSSR: sbornik postanovlenij i rasporyazhenij CIK i SNK Soyuza SSR i spisok uchebnykh zavedenij (Materials on the reorganization of universities, colleges, technical schools and workers' faculties of the USSR: a collection of decrees and orders of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR, list of educational institutions). Moskva, 1930. 164 p.]
- Очерки истории Ставропольского государственного педагогического института. Ставрополь: краевое кн. изд-во, 1991. 112 с. [Ocherki istorii Stavropol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute (Essays on the history of the Stavropol State Pedagogical Institute). Stavropol': kraevoe kn. izd-vo, 1991. 112 p.]

- Постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по развитию краеведческого дела» от 30 марта 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1931 г. № 9-19. Отдел первый. Москва: ОГИЗ-Сов. законодательство, б.г. [1931]. Ст. 185. С. 258-259. [Postanovlenie SNK RSFSR «O meropriyatiyah po razvitiyu kraevedcheskogo dela» ot 30 marta 1931 g. (Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR «On measures for the development of local history», March 30, 1931) // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1931 g. № 9-19. Otdel pervyj. Moskva: OGIZ-Sov. zakonodatel'stvo, b.g. [1931]. St. 185. S. 258-259.]
- Постановление СНК РСФСР 10 июня 1937 г. «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1937 г. № 1-14. Москва: Юрилич. изд-во НКЮ СССР, 1937. (154) Ст. 51. С. 74-75. [Postanovlenie SNK RSFSR 10 iyunya 1937 g. «O reorganizacii kraevedcheskoj raboty v centre i na mestah» (Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR «On the reorganization of regional studies in the center and locally», June 10, 1937) // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1937 g. № 1-14. M.: YUridich. izd-vo NKJU SSSR, 1937. (154) St. 51. S. 74-75]
- Советское краеведение на Северном Кавказе. Сборник краеведческих материалов. Север.-Кавказ. бюро краеведения. Ростов н/Д.: Север. Кавказ, 1932. 91 с. [Sovetskoe kraevedenie na Severnom Kavkaze. Sbornik kraevedcheskih materialov. Sever.-Kavkaz. byuro kraevedeniya Soviet regional studies in the North Caucasus. Collection of materials on local history. North-Caucasus Bureau of Local History.). Rostov n/D.: Sever. Kavkaz, 1932. 91 p.]
- Теряев Владимир Прокофьевич (1902) – Открытый список (openlist.wiki). <https://ru.openlist.wiki> [Teryaev Vladimir Prokofevich (1902) (Teryaev Vladimir Prokofevich – Otkrytyj spisok (openlist.wiki) – <https://ru.openlist.wiki>).
- Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Москва: РАН. Институт русского языка, 2002. 800 с. [Tolkovoj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij (A glossary, systematized by classes of words and meanings). Moskva: RAN. Institut russkogo yazyka, 2002. 800 p.]
- Трибунских Н.И. Исторический опыт становления и развития системы советского образования в 20-30-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя). Дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Владикавказ, 2015. 253 с. [Tribunskih N.I. Istoricheskij opyt stanovleniya i razvitiya sistemy sovetskogo obrazovaniya v 20-30-e gg. HKN v. (na materialah Stavropol'ya) (History of the formation and development of the Soviet education system in the 1920-1930s (based on materials from Stavropol region)). Diss. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Vladikavkaz, 2015. 253 p.]
- 1917 год в Ставропольской губернии / Комис. по проведению X-й годовщины Окт. революции при Окрисполкоме и Истпартотд. Ставроп. окрком ВКП(б); под ред. Ф. Головенченко. Ставрополь: Истпартотдел Окркома ВКП(б); Юбилейная комиссия, 1927. 102 с. [1917 god v Stavropol'skoj gubernii (1917 in Stavropol Governorate) / Komis. po provedeniyu X-j godovshchiny Okt. revolyucii pri Okrispolkome i Ispartotd. Stavrop. okrroma VKP(b); pod red. F. Golovenchenko . Stavropol': Ispartotdel Okrkoma VKP(b): YUbilejnaya komissiya, 1927. 102 p.]
- Ушмаева К.А. Развитие высшего исторического образования на Северном Кавказе с 1945 по 2000 гг. (по материалам Дона, Кубани и Ставрополя). Диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Ставрополь, 2004. 331 с. [Ushmaeva K.A. Razvitiye vysshego istoricheskogo obrazovaniya na Severnom Kavkaze s 1945 po 2000 gg. (po materialam Dona, Kubani i Stavropol'ya) (Development of higher historical education in the North Caucasus from 1945 to 2000 (based on materials from Don, Kuban and Stavropol region)). Dissertaciya ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Stavropol', 2004. 331 p.]

Булыгина Тамара Александровна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, кафедра истории России, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет; bul.tamara2011@yandex.ru

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра истории России, директор, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет; kolesnikovam2017@mail.ru

Historical Science and History Education in Stavropol Krai as Components of the Local and National Intellectual Space

Formation of the Higher Education System in the Region (Article 1)

The article deals with history of establishment and development of the higher history education and historical science in Stavropol Krai in the first half of XX c. It also considers the origin of the research tradition and formation of the region's intellectual space, fates of the historians, history of several institutions and organizations responsible for history education and training. Stavropol Pedagogical Institute's (North-Caucasus Federal University now) Faculty of History is used as an example of how the higher education system in the region established and developed over the years as a part of the soviet society's intellectual space.

Key words: *human science, historical science, history education, intellectual history, regional studies, Stavropol Krai, teachers' college.*

Bulygina Tamara – *Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Chair of Russian History, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol), bul.tamara2011@yandex.ru*

Kolesnikova Marina – *Doctor of History, Professor, Head of Chair of Russian History, Director Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol), kolesnikovam2017@mail.ru*

РАЗВИТИЕ МАСОНСТВА В ЕВРОПЕ И США НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается феномен масонства в Европе и США на современном этапе его развития. Обращается внимание на то, что масонство представляет собой в первую очередь систему моральных взглядов в аллегорической форме, которая предполагает набор научных и философских истин, обращенных к духовной составляющей человека. Выделяются основные локации развития Братства на европейском и американском направлениях. В Европе исторически сложилось четыре непохожих друг на друга ареала: Британские острова, Северная Европа, Южная Европа, Восточная Европа. Основное внимание уделяется первым трем в силу того, что восточноевропейское масонство занимает особое место в масонском мире из-за имевшей место паузы в развитии Братства в данном регионе в те годы, когда его страны входили в мировую систему социализма. Масонство в Европе очень разнообразно, даже с точки зрения его плотности, которая наиболее высокой является в Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии. Одной из особенностей масонства в США является то, что там не существует Великой Ложи США, но сложилась традиция, когда в каждом штате действуют по одной Великой Ложке. Что касается вызовов, перед которым стоит современное масонство, то один из них – сокращение числа участников Братства в связи с растущей открытостью и постепенной потерей ореола таинственности. С другой стороны, сохраняющиеся элементы закрытости, особенно в части ритуалов посвящения, имен участников, способствуют сохранению тенденциозного отношения к масонству, подозрения его в оппозиционности властям, подковке заговоров.

Ключевые слова: масонство, ложа, братство, Англия, Франция, Германия, США,

---

Актуальность темы исследования определяется потребностью анализа феномена западного масонства на современном этапе его исторического развития с учетом характера и особенностей Братства в Европе и США, изучения проблем, сопутствующих ему в XXI в. Масонство является весьма популярным как предметом, так и объектом исследования. Отечественная историография очень репрезентативна, причем как в ее дореволюционном, так и в советском и постсоветском (российском) измерениях.

Дореволюционная историография представлена рядом работ. Наиболее весомый вклад в изучение масонской тематики внесли М.Н. Лонгинов¹, А.Н. Пыпин². Считается, что серьезное изучение масонства в нашей стране началось именно с трудов этих авторов. В начале XX в. тема русского масонства также занимала умы исследователей. Одним из первых ее начал разрабатывать А.В. Семека, а затем крупный исследователь масонства Т.О. Соколовская, чьи работы по праву рассматриваются в качестве вершины дореволюционных исследований. Завершают дореволюционную историографию труды Г.В. Вернадского³. Как видно преимущественно это работы, посвященные российскому масонству.

---

¹ Лонгинов 1876.

² Пыпин 1916.

³ Семека 1902; Соколовская 1904; Соколовская 1916; Вернадский 1999

При всей сложности изучения масонской проблематики в СССР и неоднозначности оценок количество исследований также широко. Выделим работы А.Я. Авреха, Л.П. Замойского, И.И. Минца, В.И. Старцева⁴. Ярким примером, демонстрирующим специфику советской историографии масонства, является работа Л.П. Замойского, в которой автор, утверждал, что за мистическим покровом древней секты «вольных каменщиков» скрываются интересы влиятельных кругов финансовой олигархии и военно-промышленного комплекса Запада.

В современной российской историографии, среди авторов, которые много лет системно и глубоко рассматривают данную проблематику, отметим труды А.И. Серкова, С.П. Карпачева, О.Ф. Соловьева, Р.А. Городницкого, Е.Л. Кузьмишина, Ю.Н. Кондакова, В.С. Брачева, В.С. Белявского и др.⁵ Знаковыми стали многочисленные исследования по истории русского масонства А.И. Серкова. Фундированность его работ достигается за счет обширной источниковой базы, в основу которой положен корпус масонских материалов, извлеченных автором как из российских, так и зарубежных архивов. Труды Е.Л. Кузьмишина тоже привлекают внимание источниковой базой, которую формирует автор, в том числе лично переводя многочисленные масонские документы. Кроме того, его работы одни из немногих, которые преимущественно посвящены изучению развития масонства в Европе и Америке. Любопытна работа О.Ф. Соловьева, в которой впервые рассматривался вопрос о воздействии «вольных каменщиков» на дипломатическую историю XX в. Особняком стоит эмигрантская литература по масонской проблематике, представленная трудами Т.А. Бакуниной, С.П. Мельгунова, Н. Свиткова, Н.Н. Берберовой, В.Ф. Иванова и др.⁶ Труды Т.А. Бакуниной были, по сути, первой попыткой объективно взглянуть на масонство, особенно на фоне постоянной полемики по этому поводу в русской эмиграции.

Что касается зарубежной литературы, то среди многочисленных авторов, представляющих научные школы разных стран, стоит выделить таких, как С.К. Баллок Э. Бид, Г.С. Бокс, Г. Ван Бурен Вурис, Ж. Галтье, Р. Гулд, С. Кайе, А.Г. Маккей, М. Марамарко, А. Пайк, Р. Паунд, Дж. Робинсон, Д. Смит, У.Л. Уилмхерст, Д.Г. Хаккет, Э.П. Хоув, Дж. Яркер⁷. Дж. Яркеру принадлежит заслуга возвращения к жизни целой плеяды забытых масонских уставов. В частности, Устав Мемфис-Мицраим именно ему обязан своей современной формой, распространением в мире. Также обращает на себя внимание работа М. Бейджента и Р. Ли⁸.

⁴ Аврех 1990; Замойский 1990; Минц 1980; Старцев 1989: 33-50; Старцев 1989

⁵ Серков 1999; Серков 2000; Серков 2001; Серков 2019; Серков 2023; Карпачев 2000; Карпачев 2008; Карпачев 2015; Соловьев 1998; Городницкий, Серков 2022; Кузьмишин 2019; Кондаков 2017; Брачев 2000; Белявский, Богданов 2015.

⁶ Бакунина 1934; Мельгунов 1914-1915; Свитков 1932; Берберова 1997; Иванов 1997.

⁷ Bullock 1996; Бид 1954; Бокс 1952; Вурис 1977; Гулд 2022; Кайе 2011; Маккей 2021; Морамарко 1990; Пайк 2020; Паунд 2022; Робинсон 2000; Смит 2006; Уилмхерст 2001; Хаккет 2015; Хоув 1972; Яркер 2016.

⁸ Бейджент, Ли 2003.

Тезис книги заключается в том, что после расправы над тамплиерами, некоторые из них нашли убежище в Шотландии, где помогли шотландцам в их борьбе за независимость от англичан. Орден тамплиеров сохранился через масонство. Д.Г. Хаккет в своем исследовании вплетает историю масонства в повествование американской религиозной истории, утверждая, что с 1730-х и до начала XX в. религиозные миры развивающегося американского общества использовали верования и посвятельные практики этой организации. Более того, культурный шаблон масонства придал форму и содержание американской «публичной сфере».

Таким образом, масонская проблематика была и остается популярной и привлекает внимание исследователей, что вполне объяснимо, учитывая характер изучаемой темы. При этом большинство отечественных исследователей Братства преимущественно занимались и занимаются изучением именно феномена российского масонства. Исследований же, в которых бы изучалось масонство в Европе, США и других регионах мира относительно немного. Зарубежное масонство в трудах российских масоноведов изучается сквозь призму его влияния на развитие Ордена в России. Это обосновывает определенную научную новизну темы, поднятой в статье. Также отмечается крайне низкий уровень знания российских читателей по данной проблеме. Масонство продолжает восприниматься в массах, воспитанных на работах О.А. Платонова⁹ и Дж. Колемана¹⁰, как нечто тайное, связанное с «мировым правительством», политическими заговорами, переворотами, революциями и пр., что порождает негативное отношение к этому явлению. В связи с чем необходима просветительская работа по приобщению аудитории к пониманию феномена масонства. На что и направлено наше исследование.

Что касается источниковой базы, то она преимущественно представлена опубликованными публицистическими материалами, среди которых выделяются выступления и интервью руководителей масонских организаций. Кроме того, в работе использовались отдельные источники, содержащие статистическую информацию.

Что такое масонство

В 2017 г. масоны во всем мире отметили трехсотлетие современного масонства. На сегодняшний день Братство является одной из наиболее старых действующих организационных структур в мире. Его ритуалы существуют еще со времен, предшествовавших Средневековью. Пройдя долгий путь развития, и имея на современном этапе порядка 4 млн членов по всему миру и масонские ложи, расположенные почти в каждой стране, масонство продолжает жить и развиваться.

Отношение к масонству характеризуется прямо противоположными оценками. Кто-то восхищается «королевским искусством», а кто-то приписывает масонам участие в политических интригах, заговорах, владении тайными знаниями и даже управлении миром.

⁹ Платонов 2011: 1274.

¹⁰ Колеман 2024.

Разные взгляды на масонство определяются тем, что оно всегда было окутано завесой секретности, но относить его к тайным обществам ошибочно. Во многих странах можно свободно отыскать масонский храм и даже посетить его с экскурсией, послушать тематические лекции братьев. Не говоря уже о том, что сегодня масонские организации представляют информацию о себе в сети Интернет и социальных сетях. Масонство – это не тайное, а закрытое от непосвященных братство¹¹.

Определений масонству дано множество и наполнены они как социальным, так и эзотерическим содержанием. В Большой Советской Энциклопедии приводилось определение, которое можно отнести как раз к первому: «Франкмасонство, религиозно-этическое движение, возникло в начале XVIII в. в Великобритании. Название, организация (объединение в ложи), традиции заимствованы от средневековых цехов (братств) строителей-каменщиков, отчасти от рыцарских и мистических орденов. Масоны стремились создать тайную всемирную организацию с целью мирного объединения человечества в религиозном братском союзе». К эзотерическому можно отнести определение, данное А. Пайком: «Масонство – это связанная цепь аллегорий, служащих способами передачи великих по своему значению нравственных и религиозных уроков»¹².

Заместитель Великого Мастера Великой Ложи России В.С. Белявский считает, что масонство — это «рыцарский орден... всегда предполагает рыцарское братство входящих в него членов, т.е. сплоченность, а также доверие и преданность друг другу и общей цели. Здесь предполагается именно понимание духовного единства людей, которые готовы проявлять жертвенность во имя принятых в Ордене принципов. В масонстве приняты не только братские теплые отношения между его членами и готовность оказать помощь в любых добрых начинаниях, но и общность взглядов на основные моральные и философские принципы человеческого существования. Понятие братства в масонстве предполагает также равенство перед Богом и законом, как самих масонов, так и всех людей в профанском мире»¹³. Великий Мастер Великой Ложи Австрии А. Гизе называл масонство, «союзом свободных мужчин с хорошей репутацией»¹⁴. Великий Секретарь Великой Ложи Вашингтона Томас В. Джексон писал, что, «когда меня спрашивают, что такое масонство, я обычно отвечаю: “Это братство, предназначенное для того, чтобы брать хороших людей и делать их лучше”. Но масонство и значительно больше этого. Более чем все остальное, оно для меня идеал, а не какая-то осязаемая и четко определенная структура с заранее прописанными целями. Я вообще сомневаюсь, что масонство можно дать определение, потому что дать определение — значит, ограничить, а как мы можем ограничить идеал?»¹⁵.

¹¹ Курьлев 2023: 119-133.

¹² Пайк 2021.

¹³ Белявский 2013.

¹⁴ Гизе 2006: 5.

¹⁵ Джексон...

Определениях масонства, данных академической наукой, тоже много. В частности, такое: «Масонство – это историческое, культурное и духовное явление невероятной сложности, хотя его основополагающие принципы могут быть поняты многими. Это изумительная по красоте система нравственности, завуалированная аллегорией и иллюстрируемая символами»¹⁶. Есть и более конкретные определения: «Масонство представляет собой философско-этическое и социально-психологическое объединение, базирующееся на совокупности символических принципов, будучи средоточием особого рода ассоциаций без единого центра. Его братства принадлежат к федерациям или послушаниям с собственными уставами и регламентами, ставя целью постепенное создание на планете совершенного общества посредством морального воспитания адептов в духе свободы, равенства, братства, солидарности»¹⁷. Е.Л. Кузьмишин характеризует масонство как «братство свободных преимущественно верующих людей, полагающее своей главной целью нравственное и духовное совершенствование своих членов и через них – всего мира»¹⁸.

Организационно масонство – некоммерческая частная ассоциация, действующая как великая ложа с сетью подчиненных ей масонских лож. Оно не является религиозным учреждением, хотя его часто ошибочно принимают за таковое. Масонство содержит многие элементы религии; его учение предписывает мораль, милосердие и повиновение законам страны. Каждый франкмасон подтверждает свою веру в Бога и в бессмертие Души, он верит, что то, как он поклоняется Богу, – это его дело, и только его, а как поклоняются Богу другие франкмасоны, это их дело, и только их. Соответственно, франкмасоны твердо верят в свободу вероисповедания. Масонство не предлагает какого-то пути к Спасению. Каждому масону следует искать его там, где он поклоняется Богу, что Братством только поощряется и всячески одобряется¹⁹. Масонство – прежде всего, система моральных взглядов, преподносимая в аллегорической форме, система, предполагающая набор научных и философских истин, обращенная в первую очередь к духовной составляющей человеческого «я» и опирающаяся на твердую веру в существование вечного, всемогущего и совершенного Бога, путь, облаченный в символы древнего ремесла каменщиков, основанный на принципах веры, этнической и социальной терпимости, ведущий к высокой морали, гуманизму и любви. Это коллективная попытка изменить себя и мир к лучшему.

Масонство в XXI в.: проблемы и вызовы

На масонской карте Европы сегодня выделяются четыре региона, которые различаются между собой: Британские острова, Северная Европа, Южная Европа, Восточная Европа.

Страны Восточной Европы воспринимаются в масонском мире как представители нового европейского масонства с учетом известной

¹⁶ Морамарко 1990: 22-23.

¹⁷ Соловьев 2001: 268.

¹⁸ Кузьмишин 2019: 14.

¹⁹ Цели и принципы масонства...

паузы в развитии Братства в регионе, в странах бывшего соцлагеря, во второй половине XX в. При том, что к XVIII в. вольные каменщики присутствовали повсюду в регионе, в том числе в Российской империи. Особый путь восточноевропейского масонства делает изучение данного феномена предметом специального исследования и потому не затрагивается в нашей работе. Поэтому остановимся на других регионах.

В Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльсе, а также на 23 других территориях Британского Содружества действует регулярное масонство²⁰. Англиканская церковь никогда не вступала в конфликт с братством, а, наоборот, нашла в нем поддержку и продолжает сосуществовать в гармонии и в наши дни. Одной из основных проблем на островах является старение членов лож и отсутствие новых лиц. Это связано с очень строгими критериями отбора кандидатов на вступление в братство²¹. Нынешнее руководство ОБЛА²² очень серьезно отнеслось к проблеме омоложения персонала. Были созданы индивидуальные проекты для привлечения молодежи в масонство.

В странах Северной Европы с протестантским населением к масонству относились с понимаем, уважая его принципы и цели. Во время фашистской оккупации масоны Северной Европы подвергались жестоким репрессиям наряду с евреями и коммунистами. Но больше всего от нацистов пострадали немецкие масоны, которые были физически уничтожены почти на 90%. В послевоенные годы масонство в Северной Европе относительно быстро восстановилось и к XXI в. превзошло довоенные показатели. Быть масоном в Скандинавии и странах Бенилюкса почетно и престижно. Масоны пользуются поддержкой правительства. Там, где существует монархия, представители королевских семей возглавляют Братство. Лож там невелики из-за своей общей небольшой численности населения. При этом там также действуют альтернативные масонские уставы: смешанные и женские уставы²³.

Абсолютное большинство населения Южной Европы католики. На протяжении веков местные масоны испытывали наибольшее давление со стороны Римско-католической церкви. Ватикан всегда рассматривал масонство как опасного идеологического соперника, с которым необходимо бороться. За триста лет разные папы издали 13 булл против масонства, в которых католикам запрещалось вступать в Братство. Кампании по борьбе с масонством в СМИ и социальных сетях при поддержке Церкви являются регулярными и сегодня.

Количество масонов в разных странах Европы различается. К началу 2010-х гг. там насчитывалось от 650 до 700 тыс. масонов. Почти

²⁰ Совокупность условий создания самой ложи и соблюдение ею свода правил, принятых среди масонства, ведущего свое происхождение от англичан, и называется общим словом «Регулярность», т.е. ложа создана согласно всем регламентам или правилам (англ. – regularity), т.е. регулярна.

²¹ L'état actuel de la franc-maçonnerie en Europe...

²² Объединенная Великая Ложа Англии.

²³ L'état actuel de la franc-maçonnerie en Europe...

половина находилась в Великобритании (290–310 тыс.). Во Франции сопоставимое количество масонов: 180–190 тыс. Англия и Франция вместе составляют почти три четверти европейских масонов. Далее следуют Италия (38–44 тыс.) и Бельгия (26–27 тыс.). За исключением Турции (17–19 тыс.), в среднем в европейской стране (ФРГ, Дания, Норвегия, Швеция) насчитывается 15–20 тыс. масонов. На более низком уровне (7–9 тыс.) находятся Греция, Нидерланды, Португалия и Финляндия. В четырех странах насчитывается от четырех до шести тысяч масонов: Австрия, Испания, Исландия и Швейцария. От 1 до 3 тыс. насчитывают на Кипре. Наконец, в отдельную категорию следует выделить несколько карликовых государств с низким населением, но чрезвычайно высокой плотностью масонства: Андорру, Гибралтар, Люксембург, Мальту и Монако. Здесь доступно меньше всего информации, но известно, что масоны играют решающую роль в жизни этих стран²⁴.

Степень влияния масонства и его вовлеченности в общественную жизнь во многом зависит от глубины интеграции в различные социальные сферы – экономику, политику, культуру и т.д.

Масонство в Европе имеет очень разную плотность. Самая высокая наблюдается в островных странах, которые являются исторической колыбелью масонства – в Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии, а также в нескольких небольших странах: Андорре, Гибралтаре, Монако и на крайней европейской периферии – в Исландии. Это явление можно объяснить стремлением местных элит к более глубокой интеграции с мировым сообществом. Для них масонство долгое время было своего рода клубом, местом общения, где должен присутствовать культурный и образованный человек. В Андорре, Гибралтаре, Исландии, Ирландии, Монако и Шотландии на 80–150 чел. приходится один масон. В Шотландии плотность масонства в два раза выше, чем в Ирландии, и в три раза выше, чем в Англии (на 250 чел. приходится один масон). Высокая плотность масонов наблюдается в бельгийско-французском регионе (1 масон на 360–440 чел.) и в Скандинавии (1 масон на 330–340 чел. в Норвегии, 550–560 в Дании, 600 в Финляндии и 640–650 в Швеции). Один масон на 800–1000 жителей приходится на три малонаселенных страны, Кипр, Мальту и Люксембург. Высокая плотность масонов наблюдается в Греции, Италии и Португалии, а также в Швейцарии – 1 масон на 1300–1600 чел. Высокая средняя плотность (1 масон на 2000–3000 чел.) – в Австрии и Нидерландах. Средняя плотность масонства (1 масон на 4300–5100 чел.) зафиксирована в Германии. Плотность масонства ниже средней (1 масон на 9900–11800 чел.) приходится на Испанию²⁵.

Подобные расклады не должны вводить в заблуждение. В XXI в. масонство столкнулось с серьезным вызовом. Одной наиболее насущных проблем, стоящих перед ним в современном обществе, является восприятие того, что оно устарело. Многие рассматривают организацию

²⁴ A Maçonaria na Europa...

²⁵ The current state of Freemasonry in Europe...

как пережиток, имеющий ограниченное значение в современном мире. Во многом это связано с недостаточным пониманием роли масонства в обществе и распространенностью неправильных представлений и мифов, окружающих организацию. К этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас обратимся к масонству в США в XXI в.

Одной из особенностей масонства в США является то, что там как таковой не существует Великой Ложи США, хотя должность Великого Магистра США и была в свое время предложена Дж. Вашингтону. В США сложилась такая традиция, когда Великие Ложи действуют по одной в каждом штате, а также округе Колумбия и в Пуэрто-Рико (зависимой от США территории, находящейся под управлением США, но не являющейся их неотъемлемой частью). Соответственно Великих Лож там 52. А общее число их участников чуть менее 2 млн человек.

Количество масонских лож в США точно неизвестно, поскольку членство в них не всегда является достоянием общественности, и не у каждой ложи есть действующий веб-сайт. Однако, по последним оценкам, действующих масонских лож от 1800 до 2000. В некоторых штатах насчитывается больше лож, чем в других. В Калифорнии больше всего масонских лож из всех штатов, их там насчитывается более 1000, которые объединяют более 190000 членов. Великая ложа свободных и принятых масонов Калифорнии базируется в Сан-Франциско и существует с 1851 г. В Техасе – более 800 масонских лож и более 160000 их членов. Великая ложа расположена в Уэйко и была основана в 1837 г. В Пенсильвании – более 700 масонских лож и более 110000 членов. Великая ложа была основана в 1787 г. и расположена в Филадельфии. Имея почти 600 масонских лож, Нью-Йорк занимает четвертое место в списке штатов с наибольшим количеством лож. Великая ложа свободных и принятых масонов штата Нью-Йорк находится на Манхэттене и была основана в 1806 г. Во Флориде насчитывается более 500 масонских лож и 140000 участников. Великая ложа базируется в Таллахасси и была основана в 1838 г. В Огайо – около 400 масонских лож. Великая ложа свободных и принятых масонов Огайо расположена в Колумбусе, которая была основана еще в 1809 г. На эти шесть штатов приходится почти половина всех масонских лож, расположенных по всей территории США., что выделяет их среди других штатов, когда речь заходит о количестве членов масонства в пределах их границ.

Средний размер членства в масонских ложах в США составляет от 50 до 150 членов. Это число может сильно варьироваться в зависимости от нескольких факторов, таких как местоположение, возраст и размер ложи, а также других факторов, таких как уровень ее активности и частота проведения собраний.

В начале каждого календарного года в США проходит Конференция Великих Мастеров Северной Америки. В ходе ее работы Комиссия по признанию дает заключение с рекомендацией о возможности признания той или иной Великой Ложи со стороны Великих Лож США.

Так, например, в 2008 г. Комиссия по признанию участвовала в урегулировании кризиса, возникшего внутри Великой Ложи России²⁶.

Великие Ложи в США работают в рамках нескольких систем (уставов): Йоркского и Шотландского. Йоркский обряд включает в себя: масонов Королевской арки, загадочных масонов и рыцарей-тамплиеров. Шотландский представлен двумя юрисдикциями, Южной и Северной. Верховный совет Южной юрисдикции был основан в Чарльстоне, в Южной Каролине в 1801 г. Все другие законные верховные советы и подчиненные ему органы шотландского устава являются производными от него. Он является главным руководящим органом для масонства Шотландского Устава в своей юрисдикции (США), и осуществляет надзор за Шотландским Уставом в 35 штатах (другие штаты относятся к Северной юрисдикции, которая является независимым органом). В Южной юрисдикции США верховный совет состоит не более чем из 33 членов и возглавляется великим командором. Верховный совет Северная юрисдикция, США осуществляет надзор за Шотландским Уставом в 15 штатах.

Помимо шотландского и йоркского уставов, насчитывающих почти 40 различных орденов, в США также существует порядка 15 различных организаций для женщин, девочек и мальчиков, таких как «Де Моле» для мальчиков и «Дочери Иова» для девочек.

Нельзя не упомянуть об американском парамасонском обществе «Древний арабский орден дворян тайного святилища, также известном как Шрайнеры. Чтобы вступить в организацию нужно достичь степени мастера-масона. Будучи созданным в США, Братство быстро распространилось среди масонских общин по всей территории США, Канады (1888), Мексики (1907) и Панамы (1918). В последнее время появились отделения в Пуэрто-Рико и на Филиппинах (2010), Германии (2011), Бразилии (2015) и Боливии (2018). Всего действует порядка 200 отделений. Орден насчитывает около 350000 членов.

Имперский диван – международный руководящий орган братства, состоящий из 12 «Имперских офицеров», действующих как корпоративный совет директоров. Высшая должность на Императорском диване – Императорский потентат. Эта должность рассчитана на один год пребывания в должности президента и главного исполнительного директора Shriners International и председателя совета директоров Shriners Children's, официальной благотворительной организации братства. Братство учредило Shriners Children's в качестве своей официальной благотворительной организации в 1922 г. и продолжает ее поддерживать. В настоящее время это одна из крупнейших педиатрических систем здравоохранения в мире, с филиалами в США, Канаде и Мексике. Кроме того, система здравоохранения ежегодно открывает сотни выездных клиник, при этом медицинский персонал регулярно выезжает по всему миру для оказания педиатрической медицинской помощи²⁷.

²⁶ Commission Report 2008.

²⁷ Shriners Internationals.

Вернемся к проблемам, с которыми сталкивается сегодня масонство в Европе и США. Дж. Харланд-Джейкобс считает, что часть функций братских организаций заключалась в том, чтобы служить своего рода сетью социальной защиты для своих членов, и это было движущей силой для некоторых из них. По ее словам, примерно до 1930-х гг. привлекательность масонов заключалась в том, что они в рамках своей благотворительности предлагали своим членам возможность получить страховку. Исследователь отмечает, что кого-то из братьев больше интересовал социальный аспект, а кого-то – страховой. Ведь в то время еще не существовало страховки, было бы неплохо иметь братьев, на которых можно было бы положиться, если бы они понадобились²⁸.

Следствием этого стало сокращение числа участников масонских. Важно отметить, что эти потери происходят не из-за естественной убыли братьев. Это связано с целым рядом факторов, включая изменение социальных норм и ценностей, растущее разнообразие и инклюзивность общества, рост альтернативных форм социальной активности и участия сообщества. В результате многие члены Братства прекращают свою деятельность, покидают его.

Еще одной проблемой, стоящей перед масонством, является его демография. Во многих странах средний возраст масонов увеличивается, и все меньше молодых мужчин присоединяются к братству.

Исходя из этого, некоторые исследователи и комментаторы утверждают, что братство находится в упадке и изо всех сил пытается привлечь и удержать новых членов. Ведь даже в Объединенной Великой Ложе Англии 17% новичков теряются в течение трех лет после вступления в братство. Это средний показатель для ОВЛА. В некоторых провинциях этот показатель достигает 30%. Другие уходят позже по ряду причин, включая закрытие лож, обычно потому, что они переехали в другую часть страны и не возвращаются в ложу, или просто потому, что им перестало нравиться масонство²⁹.

В свою очередь Дж. Дики, историк масонства из Университетского колледжа Лондона, говорит о том, что секретность братства, которая когда-то могла заинтриговать, теперь менее привлекательна. «Я думаю дело в том, что секретность утратила свою магию. Возможно, мы немного устали от всех этих разоблачений, и в эпоху, когда с помощью Google можно за две минуты узнать, каковы на самом деле секреты масонов, я не уверен, что они действительно могут быть настолько таинственными для членов братства. Это трюк, который они с большим успехом разыгрывают с 1717 г. или даже раньше. Интересно, насколько успешным он будет в ближайшие десятилетия»³⁰.

По словам Великого Мастера Великой Ложи России А.В. Богданова, в наше время глобализации, полной мгновенной доступности любой

²⁸ Freemasons Say They're Needed Now More Than Ever...

²⁹ The relevance of freemasonry in contemporary society...

³⁰ Freemasons Say They're Needed Now More Than Ever...

информации, понятие масонской тайны слегка видоизменилось. Сложно в наше время надеяться на то, что масонские ритуалы и символические наставления, пароли и опознавательные знаки будут закрыты от непосвященных. В сущности, их стали публиковать для всеобщего обозрения очень рано, еще в 1720-е гг. А сейчас они доступны любому в интернете. Да и сами современные масоны не стремятся обычно делать секрет из своего членства в ложах, они этим наоборот — гордятся. Но до сих пор строго соблюдается правило, гласящее, что масон не имеет права разглашать имена других масонов без их согласия, хотя может рассказывать о себе и о тех масонах, которые уже умерли³¹.

Традиционным вызовом, с которым уже не одно столетие сталкивается масонство, является восприятие его в обществе. Как организация с многовековыми традициями и практикой, масонство сталкивается с проблемами адаптации к ожиданиям современного общества, включая все возрастающие призывы к прозрачности. Это может затруднить масонству привлечение новых членов и взаимодействие с более широким сообществом.

Масонство уже три столетия вызывает споры и кривотолки из-за той политической власти, которой обладают некоторые члены Братства. Как мы отмечали выше, одним из базовых принципов регулярного масонства является запрет на обсуждение политических вопросов в ходе работы в ложах. Происходит это прежде всего потому, что масоны происходят из разных политических слоев и придерживаются различных политических взглядов.

Но может ли отдельный масон участвовать в политическом дискурсе или занимать политическую должность? Конечно, да. Нет никаких запретов на политическую деятельность лиц, являющихся масонами. Многие из них занимают заметные посты в правительствах, ведут активную деятельность в политических партиях и пр. Означает ли это, что масонство само по себе является политической силой? Нет. Однако подобные факты, а также масонские клятвы, ритуалы, сохраняющаяся закрытость, краеугольный камень масонского опыта, и вызывают недоверие и подозрительность. Полное или частичное сокрытие неизбежно подразумевает в сознании многих людей желание скрыть определенные вещи. В результате рождаются теории заговора.

Большинство таких теорий постулируют, что все масоны придерживаются одних и тех же убеждений и действуют монолитно. Такие идеи связывают масонство с «новым мировым порядком», в рамках которого они будут контролировать мировую политику и экономику.

По словам Великого секретаря ОВЛА Д. Степлса, который является специалистом по связям с общественностью, «если раньше масоны на оскорбления от непосвященных и нападки в прессе отвечали молчанием, то сейчас мы будем готовы постоять за себя, за своих членов и за

---

³¹ Беседа с масоном...

принципы, которыми мы руководствуемся, – сказал он. – Это довольно сложная задача, но я с нетерпением готов приступить к её воплощению в жизнь»³². Одна из наиболее важных задач, которые он озвучил – это необходимость изменить общественное восприятие масонства. В качестве способа решения этой задачи Д. Степлс предложил проведение регулярных и постоянных встреч масонов с различными социальными группами – с тем, чтобы объяснить людям, кто такие масоны, чем они занимаются и почему гордятся своей принадлежностью к Ордену. «Коммуникация становится исключительно важной и является источником жизненной силы для любой общественной организации в сегодняшнем мире»³³, – заключил Д. Степлс.

В чем же состоит масонская тайна при том, что как мы уже отметили в начале, само по себе Братство тайной организацией, не является.

Масонская тайна имеет исключительно духовную природу, она не меняется за всю историю масонства и кроется в непередаваемой природе опыта посвящения. Пережить его всегда необходимо, и он не может быть передан рациональным дискурсом, каким бы ни был носитель. Масонская тайна требуется масонам по двум существенным причинам: 1) содержание обряда посвящения, по причинам, изложенным выше; 2) масонское качество других. Действительно, хотя каждый масон волен заявлять или не заявлять о своей масонской принадлежности, он никогда не должен заявлять о своей принадлежности к другим. Пожалуй, это и есть то единственное, что остается до сих пор тайным, если речь идет о масонах. В остальном братья открыты обществу.

Таким образом, современное масонство неоднородно, не имеет единого руководства, центра управления и единой иерархии. В современном мире есть две основных группы масонских послушаний, объединенные в союзы. «Регулярные» и признанные Объединенной Великой Ложей Англии и Конференцией Великих Мастеров Северной Америки. Либеральные, то есть добровольно отказавшиеся от соблюдения тех или иных основополагающих ландмарок и от ритуального признания регулярными масонскими организациями.

В начале XXI в. масонство остается в значительной степени западным, мужским и «белым» явлением, приверженцы которого в подавляющем большинстве принадлежат к среднему классу. Это люди среднего возраста, противники политических крайностей, в значительной их части имеющие высшее образование, обладающие определенным свободным временем для участия в зодческих работах.

Масонство, пройдя длинный исторический путь развития, сохраняет широкую известность сегодня, но с общим сокращением численности во всем мире. Параллельно мы наблюдаем развитие либеральных, адогматических, нетрадиционных, эзотерических, женских или смешанных течений в масонстве и около него.

³² Английское масонство открывается миру...

³³ Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- A Maçonaria na Europa – Comunicação do Grão-Mestre da GLLP/GLRP à 48ª Assembleia da Confederação da Maçonaria Simbólica Brasileira // <https://www.freemason.pt/maconaria-europa-comunicacao-grao-mestre-gllp>
- Bullock S.C. Revolutionary Brotherhood: Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840 (Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1996).
- Commission Report 2008 // <https://www.cogmna.info/wp-content/uploads/2019/03/2008-Commission-Report.pdf>
- Freemasons Say They're Needed Now More Than Ever. So Why Are Their Ranks Dwindling? // <https://www.npr.org/2020/11/28/937228086/freemasons-say-theyre-needed-now-more-than-ever-so-why-are-their-ranks-dwindling>
- L'état actuel de la franc-maçonnerie en Europe // <https://oginski.by/fr/s-chem-mirovoemasonstvo-vstupayet-v-sledueshee-desytilietie>
- L'état actuel de la franc-maçonnerie en Europe // <https://oginski.by/fr/s-chem-mirovoemasonstvo-vstupayet-v-sledueshee-desytilietie>
- Shriners Internationals // <https://www.shrinersinternational.org/en>
- The current state of Freemasonry in Europe // <https://oginski.by/en/s-chem-mirovoemasonstvo-vstupayet-v-sledueshee-desytilietie>
- The relevance of freemasonry in contemporary society // <https://www.thesquaremagazine.com/mag/article/202303the-relevance-of-freemasonry-in-contemporary-society>
- Аврех А.Я. Масыны и революция. М.: Политиздат, 1990. 352 с. [Avrekh A.YA. Masony i revolyuciya. M.: Politizdat, 1990. 352 s.].
- Английское масонство открывается миру [Anglijskoe masonstvo otkryvaetsya miru (English Freemasonry opens up to the world)] // <https://oginski.by/english-masons-opened-to-world>].
- Бакунина Т. А. Русские вольные каменщики. Париж: Свеча, 1934. [Bakunina T.A. Russkie vol'nye kamenshchiki. Parizh: Svecha, 1934].
- Бейджент М., Ли Р. Храм и ложа: от тамплиеров до масонов. М.: Эксмо, 2003. [Bejdzhent M., Li R. Hram i lozha: ot tamplierov do masonov. M.: Eksmo, 2003].
- Белявский В.С. Интервью «Регулярное масонство, мартинизм и другие эзотерические общества», с заместителем Великого Мастера Великой Ложи России, 2013 // <https://web.archive.org/web/20131018004057/http://www.russianmasonry.ru/library/publications/статьи/freemasonry-and-martinism> [Belyavskij V.S. Interv'yu «Regulyarnoe masonstvo, martinizm i drugie ezotericheskie obshchestva», s zame-stitelem Velikogo Mastera Velikoj Lozhi Rossii, 2013].
- Белявский В.С., Богданов А.В. Происхождение Ордена вольных каменщиков. Масонство в XVII–XVIII веках. Взгляд посвященных. М.: НО ИЦ «Московведение», 2015. 448 с.: ил. [Belyavskij V.S., Bogdanov A.V. Proiskhozhdenie Ordена vol'nyh kamenshchikov. Masonstvo v XVII–XVIII vekah. Vzglyad posvyashchennyh. M.: NO IC «Moskvovedenie», 2015. 448 s.: il.].
- Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 400 с. [Berberova N.N. Lyudi i lozhi. Russkie masony HХ stoletiya. M.: Progress-Tradiciya, 1997. 400 s.].
- Беседа с масоном. Интервью Романа Богословского с Евгением Щукиным [Beseda s masonom. Interv'yu Romana Bogoslovskogo s Evgeniem Shchukinyim (A conversation with a mason. Roman Bogoslovsky's interview with Evgeny Shchukin)] // <https://svpressa.ru/post/article/144747>].
- Бид Э. Ландмарки вольного каменничества. Ричмонд, 1954. / Пер. Е.Л. Кузьмишина, 2005. // <https://memphis-misraim.ru/wp-content/uploads/2022/08/landmarki-volnogokamenshchestva.pdf> [Bid E. Landmarki vol'nogo kamenshchichestva. Richmond, 1954. / Per. E.L. Kuz'mishina, 2005].
- Бокс Г.С. Природа франкмасонства. Лондон: Августин-Пресс, 1952. [Boks G.S. Priroda frankmasonstva. London: Avgustin-Press, 1952].
- Брачев В.С. Масыны в России: От Петра I до наших дней. СПб.: Стомма, 2000. [Brachev V.S. Masony v Rossii: Ot Petra I do nashih dnei. SPb.: Stomma, 2000].

- Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во имени Н.И. Новикова, 1999. [Vernadskij G.V. Russkoe masonstvo v carstvovanie Ekateriny II. - SPb.: Izdatel'stvo imeni N. I. Novikova, 1999].
- Вурис Гарольд В. Б. Масонство в Северной Америке кладезь масонских знаний в доступной форме вопросов и ответов/ Ричмонд, 1977 / Пер. Е.Л. Кузьмишин, 1993. [Vuris Garol'd V. B. Masonstvo v Severnoj Amerike kladez' masonskih znanii v dostupnoj forme voprosov i otvetov/ Richmond, 1977 / Per. E.L. Kuz'mishin, 1993].
- Гизе А. Вольные каменщики. М.: Изд-во Жигульского, 2006. 128 с. [Gize A. Vol'nye kamenshchiki (Freemasons) M.: Izd-vo ZHigul'skogo, 2006. 128 s.].
- Городницкий Р.А., Серков А.И. Системы и ритуалы российского масонства XVIII-XIX вв. М.: Ганга, 2022. [Gorodnickij R.A., Serkov A.I. Sistemy i ritualy rossijskogo masonstva XVIII-XIX vv. M.: Ganga, 2022].
- Гулд Дж. Краткая история масонства. М.: Центрполиграф, 2022. [Guld Dzh. Kratkaya istoriya masonstva. M.: Centrpoligraf, 2022].
- Джексон Т.В. Масонство это... // <https://memphis-misraim.ru/wp-content/uploads/2022/12/masonstvo-eto.pdf> [Dzhekson T.V. Masonstvo eto...].
- Замойский Л.П. За фасадом масонского храма: взгляд на проблему. М.: Политиздат, 1990. [Zamojskij L.P. Za fasadom masonskogo hrama: vzglyad na problemu. M.: Politizdat, 1990].
- Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М., 1997. [Russkaya intelligenciya i masonstvo. Ot Petra Pervogo do nashih dnei. M., 1997].
- Кайе С. Египетское масонство Устава Мемфиса-Мираима. М.: Ганга, 2011. [Kaje S. Egiptskoe masonstvo Ustava Memfisa-Micraima. M.: Ganga, 2011].
- Карпачёв С. П. «Российское масонство XVIII-XX вв.» Альфа, 2000. [Karpachyov S.P. «Rossijskoe masonstvo XVIII-XX vv.» Al'fa, 2000]; Карпачёв С.П. Масыны. Словарь. Великое искусство каменщиков. М.: АСТ, Олимп, 2008. [Karpachyov S.P. «Masonry. Slovar'. Velikoe iskusstvo kamenshchikov», AST, Olimp, 2008]; Карпачёв С.П. «Искусство вольных каменщиков», «ИПК Парето-Принт», 2015. [Karpachyov S.P. «Iskusstvo vol'nyh kamenshchikov», «IPK Pareto-Print», 2015].
- Карпачев С.П. Масыны. Великое искусство каменщиков. М.: АСТ: Олимп, 2008. 634 с. [Karpachev S.P. Masony. Velikoe iskusstvo kamenshchikov (Freemasons. The great art of masons). M.: AST: Olimp, 2008. 634 s.].
- Карпачев С.П. Масыны. Популярная история: организация, облик, деятельность. М.: Издательство АСТ, 2021. 320 с. С. 10-11. [Karpachev S.P. Masony. Populyarnaya istoriya: organizaciya, oblik, deyatel'nost' (Freemasons. Popular history: organization, appearance, activity). M.: Izdatel'stvo AST, 2021. 320 s. S. 10-14].
- Колеман Дж. Масонство от А до Я. М.: Концептуал, 2024. [Koleman Dzh. Masonstvo ot A do YA. M.: Konceptual, 2024].
- Кондаков Ю.Н. «Рыцарские» системы масонства в России: 1772-1822. М.: Ганга, 2017. [Kondakov YU.N. «Rycarskie» sistemy masonstva v Rossii: 1772-1822. M.: Ganga, 2017].
- Кузьмишин Е.Л. Масонство. М.: Ганга, 2019. [Kuz'mishin E.L. Masonstvo. M.: Ganga, 2019].
- Курьлев К.П. Масонство на Украине с момента зарождения до 1919 года: характер и особенности // Диалог со временем, 2023. Вып. 83. С. 119-133. [Kurylev K.P. Masonstvo na Ukraine s momenta zarozhdeniya do 1919 goda: harakter i osobennosti (Freemasonry in Ukraine from its inception to 1919: character and features) Dialog so vremenem, 2023. Vyp.83. S. 119-133].
- Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1876. [Longinov M.N. Novikov i moskovskie martinisty. M., 1876].
- Маккей А.Г. Масонское право. М.: Ганга, 2021. [Makkej A.G. Masonskoe pravo. M.: Ganga, 2021].
- Масонство / Большая Советская Энциклопедия. М., 1964. Т. 26. С. 165. [Masonstvo / Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya. M., 1964. T. 26. S. 165].
- Мельгунов С.П., Сидоров Н.П. Масонство в его прошлом и настоящем. В двух томах. М.: Задруги, 1914-1915. т. 1. 255 с., т. 2. 267 с. [Mel'gunov S.P., Sidorov N.P. Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem. V dvuh tomah. M.: Zadруги, 1914-1915. t. 1. 255 s., t. 2. 267 s.].

- Миц И.И. Метаморфозы масонской легенды // История СССР. 1980. № 4. [Minc I.I. Metamorfozy masonskoj legendy // Istoriya SSSR. 1980. № 4].
- Морамарко М. Масонство в его прошлом и настоящем. М.: Прогресс, 1990. 304 с. [Moramarko M. Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem (Freemasonry in its past and present). M.: Progress, 1990. 304 s.].
- Пайк А. Притвор и Срединная Палата. Книга Ложи. / Пер. Е.Л. Кузьмишин. М.: Ганга, 2021. С. 19. [Pajk A. Pritvor i Sredinnaya Palata. Kniga Lozhi. / Per. E.L. Kuz'mishin. M.: Ganga, 2021. S. 19].
- Паунд Р. Масонство и закон. М.: Алетейя, 2022. [Paund R. Masonstvo i zakon. M.: Aletejya, 2022].
- Платонов О.А. Масонский заговор в России. Труд по истории масонства. М.: Алгоритм, 2011. 1344 с. [Platonov O.A. Masonskij zagovor v Rossii. Trud po istorii masonstva (The Masonic conspiracy in Russia. A work on the history of Freemasonry). M.: Algoritm, 2011. 1344 s.].
- Пыпин А.Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. - Пг.: Огни, 1916. [Pupin A.N. Russkoe masonstvo: XVIII i pervaya chetvert' XIX v. - Pg.: Ogni, 1916].
- Робинсон Дж.Дж. Масонство. Забытые тайны. М.: Крон-Пресс, 2000. [Robinson Dzh.Dzh. Masonstvo. Zabytye tajny. M.: Kron-Press, 2000].
- Свитков Н.Ф. Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 г.). Париж: Edition de la «Libre parole», 1932. [Svitkov N.F. Masonstvo v russkoj emigracii (k 1 yanvarja 1932 g.). Parizh: Edition de la «Libre parole», 1932].
- Семека А.В. Русские розенкрейцеры и сочинения Екатерины II против масонства // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. №2. С. 343-400. [Semeka A.V. Russkie rozenkrejcery i sochineniya Ekateriny II protiv masonstva // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1902. №2. S. 343-400].
- Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. М.: Изд-во имени Н.И. Новикова, 1999. [Serkov A.I. Istoriya russkogo masonstva posle Vtoroj mirovoj vojny. M.: Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova, 1999].
- Серков А.И. Русское масонство. 1731-2000 гг. Энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. [Serkov A.I. Russkoe masonstvo. 1731-2000 gg. Enciklopedicheskij slovar'. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2001].
- Серков А.И. Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. М.: Ганга, 2019. [Serkov A.I. Rossijskie masony. 1721–2019. Biograficheskij slovar'. M.: Ganga, 2019].
- Серков А.И. Правление «триумвирата»: российское масонство начала XIX в. в переписке его руководителей. М.: Ганга, 2023. [Serkov A.I. Pravljenje «triumvirata»: rossijskoe masonstvo nachala XIX v. v perepiske ego rukovoditelej. M.: Ganga, 2023].
- Смит Д. Масонский орден и русское общество в XVIII веке / Пер. К. Осповата и Д. Хитровой. М.: НЛЮ, 2006. [Smit D. Masonskij orden i russkoe obshchestvo v XVIII veke / Per. K. Ospovata i D. Hitrovoj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006].
- Соколовская Т.О. Масонство как положительное движение русской мысли в начале XIX века. СПб., 1904 [Sokolovskaya T.O. Masonstvo kak polozhitel'noe dvizhenie russkoj mysli v nachale XIX veka. SPb., 1904].
- Соколовская Т.О. Капитул Феникс: Высшее тайное масонское правление в России (1778–1822). Пг., 1916. [Sokolovskaya T.O. Kapitul Feniks: Vysshee tajnoe masonskoe pravlenie v Rossii (1778–1822). Pg., 1916].
- Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М.: РОССПЭН, 1998. [Solov'ev O.F. Masonstvo v mirovoj politike XX veka. M.: ROSSPEN, 1998].
- Соловьев О.Ф. Масонство. М.: Аграф, 2001. 432 с. С. 268. [Solov'ev O.F. Masonstvo (Freemasonry). M.: Agraf, 2001. 432 s. S. 268].
- Старцев В.И. Российские масоны XX века // Вопросы истории, 1989. № 6. С. 33-50. [Starcev V.I. Rossijskie masony XX veka // Voprosy istorii, 1989. № 6. S. 33-50]; Старцев В.И. Русское политическое масонство. 1906-1918 гг. // История СССР, 1989. № 6; 1990. № 1. [Starcev V.I. Russkoe politicheskoe masonstvo. 1906-1918 gg. // Istoriya SSSR, 1989. № 6; 1990. № 1].
- Уилмхерст У.Л. Масонское посвящение. М.: Сфера, 2001. [Uilmherst U.L. Masonskoe posvyashchenie. M.: Sfera, 2001].

Хаккет Д.Г. Та религия, в которой все люди согласны: Масонство в американской культуре. Изд-во Калифорнийского ун-та, 2015. [Hakett D.G. Ta religiya, v kotoroj vse lyudi soglasny: Masonstvo v amerikanskoj kul'ture. Izdatel'stvo Kalifornijskogo universiteta, 2015].

Хоув Э.П. Маргинальное масонство в Англии: 1870-1885 / «Ars Quatuor Coronatorum» (AQC), the Transactions of Quatuor Coronati Lodge №2076, UGLE, Volume 85, 1972, p. 242. [Houv E.P. Marginal'noe masonstvo v Anglii: 1870-1885 / «Ars Quatuor Coronatorum» (AQC), the Transactions of Quatuor Coronati Lodge №2076, UGLE, Volume 85, 1972, p. 242].

Цели и принципы масонства [Celi i principy masonstva (The goals and principles of Freemasonry)] // <https://russianmasonry.ru/celi-i-principy/>.

Яркер Дж. Учение египетского масонства. М.: Ганга, 2016. [YArker Dzh. Uchenie egipetskogo masonstva. M.: Ganga, 2016].

Константин Петрович Курьев, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. *kurylev-kp@rudn.ru*

Freemasonry in Europe and the USA: History and Modernity

The article examines the phenomenon of Freemasonry in Europe and the USA at the contemporary stage of its development. It emphasizes that Freemasonry primarily represents a system of moral views in allegorical form, which assumes a set of scientific and philosophical truths directed towards the spiritual component of humanity. The main locations of the Brotherhood's development in European and American contexts are highlighted. Historically, four distinct areas have formed in Europe: the British Isles, Northern Europe, Southern Europe, and Eastern Europe. The article pays particular attention to the first three due to Eastern European Freemasonry occupying a special place in the Masonic world because of the pause in the development of the Brotherhood in this region during the years when its countries were part of the global socialist system. It points out that Freemasonry in Europe is very diverse, including in terms of its density, which is highest in England, Wales, Scotland, and Ireland. Notably, one feature of Freemasonry in the USA is that there is no Grand Lodge of the USA; instead, a tradition has emerged where each state has its own Grand Lodge. Regarding the challenges facing modern Freemasonry, one such challenge is the decline in membership due to increasing openness and the gradual loss of the aura of mystery. On the other hand, the remaining elements of secrecy, especially regarding initiation rituals and the names of participants, contribute to a biased attitude towards Freemasonry, suspecting it of being oppositional to authorities and of conspiracy.

Keywords: *Freemasonry, Europe, England, France, Germany, USA, lodge, brotherhood, regularity, charter, rituals.*

Konstantin P. Kurylev, Dr of Sc. (History), Head of the Department of Theory and History of International Relations, professor, RUDN University named after Patrice Lumumba. *kurylev-kp@rudn.ru*

Н.И. ГОРСКАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И УЧАСТИЕ СМОЛЯН В ПРАКТИКАХ КОММЕМОРАЦИИ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА И РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.)¹

Статья посвящена исторической памяти о войнах XIX века и участию в практиках коммеморации военной истории жителей Смоленской губернии. Проблемы памяти и коммеморативные практики анализируются в связи с Отечественной войной 1812 года, прошедшей по территории Смоленской губернии и оставившей глубокий след в жизни ее населения, и территориально «далекой» русско-турецкой войной 1877–1878 гг. В статье исследуется отношение к войнам образованного общества и простого народа, выраженное в памятных церемониях, формах народного творчества и в устной истории; показано, что представления о справедливости русско-турецкой войны во многом опирались на патриотические ценности Отечественной войны 1812 года и имели глубокий религиозный подтекст; что идентичность восприятия этих войн простым народом и образованным обществом выражалась в героизации событий, полководцев и императоров, хотя и в различных формах и коммеморативных практиках. Несмотря на относительно короткий временной отрезок, к началу XX века у населения Смоленской губернии сформировались устойчивые оценки военного прошлого, соответствующие общенациональным традициям.

Ключевые слова: историческая память, коммеморативные практики, война 1812 года, русско-турецкая война 1877–1878 гг., Смоленская губерния.

Тема памяти в качестве компонента общественного и индивидуального сознания, национальной и социальной идентичности постоянно находится в фокусе внимания историков и представителей других отраслей гуманитарного знания². Начиная с 1980-х, когда в общих чертах оформилась концепция социальной памяти, историки понимают историческую память как сложный культурно-исторический феномен духовной и социальной жизни в связи с важнейшими событиями истории³. Изучение истории на основе культурно-антропологического подхода позволяет увидеть новые измерения, кажется, хорошо известных событий, таких как, например, войны XIX века.

При обращении к проблемам военной памяти (исторической памяти), как нам представляется, интересно учитывать локальный и временной аспекты, «удаленность» или «близость» войны к изучаемому месту и времени, что оказывает влияние на ее восприятие и «запоминание». С этой точки зрения есть основания сравнить отношение к Отечественной войне 1812 г. и русско-турецкой войне 1877–1878 гг., или, как ее еще называют, Второй восточной войне, жителей Смоленской губернии.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФ (проект № 24-28-20194 «Войны XIX века в жизни и памяти жителей Смоленской губернии (1812-1912 гг.)»).

² Буганов 1992; Кознова 1996; Репина (ред.) 2020; Тощенко 2000.

³ Кознова 1889: 387.

В 1812 г. Смоленская губерния находилась в центре военных событий, города и сельская местность серьезно пострадали от французского нашествия. Территория губернии, по которой пролегла дорога на Москву, представляет собой своеобразное «место памяти» об Отечественной войне 1812 г., а ее жители были живыми свидетелями и участниками сражений и партизанского движения. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. проходила за пределами России, «вдалеке» от Смоленщины, но, несмотря на удаленность театра военных действий, смоляне участвовали в событиях на Балканах в различных формах: от организации лазаретов в губернии – до отправки военных частей и добровольцев на фронт. Военные действия были «приближены» к жителям России и новым уровнем информирования населения по сравнению с предыдущими войнами. Между этими победоносными войнами лежала Крымская война (1853–1856 гг.), память о которой в одной из самых крепостнических губерний России (70% населения являлись крепостными) «заслонила» отмена крепостного права и поражение в войне. Тем не менее, одиночные яркие события и этой войны, в которой проявился героизм народа, остались в памяти жителей Смоленщины.

Выделяя региональный (локальный) уровень формирования и трансляции исторической памяти о военных событиях, современные ученые исследуют процесс складывания разнообразных форм⁴ и видов мемориативных практик на местном уровне: нарративных, визуальных, монументальных, церемониальных. В памяти о войне 1812 года большое место отводится изучению церемониальных практик в связи с общегосударственными юбилеями начала XX века⁵.

В настоящей статье временной точкой отсчета исторической памяти о войне 1812 г. и русско-турецкой войне 1877–1878 гг. мы взяли конец XIX – начало XX века, когда, со времени войны 1812 г. едва прошло сто лет, а со времени Второй восточной войны – около четверти века. Такой вид «недолгой» исторической памяти Я. Ассман относил к коммуникативной памяти. Она ограничивается 3–4 поколениями, примерно 80-ю годами, но важным является 40-летний рубеж, когда живы участники событий. Коммуникативная память поддерживается участниками событий и передается в устной форме⁶.

К началу XX века, благодаря развитию этнографии, применительно к Смоленской губернии появился корпус этнографических источников, позволяющих анализировать память «молчаливого» крестьянского сословия. Этнографические источники можно отнести к устной истории, и как таковые они обладают рядом специфических черт. Записанные представителями образованного общества за крестьянами, этнографические свидетельства, не являясь «первоисточниками», «страдают» локальной спецификой. Но, как утверждают специалисты

⁴ Антипин 2012: 79-93.

⁵ Дмитриева, Иванова 2017: 24-26.

⁶ Ассман 2004: 58-59.

по проблемам народной памяти, «народная память имеет общенациональный характер и в ней «сохраняется единый круг» общенациональных исторических событий⁷. Поэтому акцент на смоленском материале при анализе общих явлений нам представляется вполне оправданным. Вместе с тем к началу XX века историческая память о войнах опиралась не только на устные предания. К этому времени сложились и устойчивые коммеморативные практики.

Любая память о прошлом имеет эмоциональную окраску⁸. Для памяти о войнах эмоциональная составляющая является основной, поскольку война всегда связана с негативными или воодушевляющими эмоциями. На эту особенность памяти в свое время указывал Марк Блок, писавший, что «мирная преемственность социального существования менее благоприятна для передачи памяти»⁹. Религиозные чувства народа наделяли войну сакральными смыслами. «В народном сознании война переживается, как мировое космическое событие, как проявление всемогущества Бога, который послал войну, так же как посылает мор, голод, землетрясение, небесное знамение, как посылает пророков и святых творить чудеса и исполнять его благодную волю»¹⁰.

В XIX в. Россия вела многочисленные войны, которые в той или иной степени сохранились в памяти народа. Но именно Отечественная война 1812 г. и Вторая восточная война воспринимались народом как близкие по смыслам: справедливые и освободительные, имевшие к тому же религиозный подтекст.

Если рассматривать память о войнах в парадигме ее носителей «образованное общество – простой народ», то, с одной стороны, в отличие, например, от Крымской войны, именно эти две войны объединяли нацию, поскольку вера, имевшая вековую историю, в качестве «интегрирующего начала политической нации»¹¹ играла в них решающую роль. При этом сохранялись социальные противоречия российского общества, но создавалась ситуация, при которой, говоря словами М. Блока, «общность между прошлым и настоящим скрывала контрасты и даже избавляла от необходимости их замечать»¹². С другой стороны, социальные реалии второй половины 1870-х гг. существенным образом отличалась от крепостной эпохи, в период которой разгорелась эпопея Отечественной войны 1812 г. В 1812 г. (и во время Первой восточной войны 1853-1856 гг.) крестьяне с большей или меньшей степенью активности заявляли о необходимости отмены крепостного права¹³, тогда как в пореформенное время эта проблема отпала. Благодаря развитию печати, строительству железных дорог значительно возросли возмож-

⁷ Буганов 2003: 112.

⁸ Кознова 2003: 23.

⁹ Блок 1993: 73.

¹⁰ Денисов 1916: 4.

¹¹ Ионов 2020: 50.

¹² Блок 1973: 144.

¹³ Буганов 2008: 43-44.

ности социальных коммуникаций, большое влияние на принятие политических решений оказывало общественное мнение. Панславистские идеи, подъем которых наблюдался в России в связи с восстаниями в Сербии и Болгарии, не разделял Александр II. Правительство опасалось начала войны (в том числе и по военно-финансовым соображениям). Но, поскольку война получила широкую общественную поддержку, то император вступил в нее¹⁴. Вовлеченность России в войну требовала от власти ее «запечатления» в сознании народа.

В ходе Второй восточной войны народ и власть осознавали глубинную связь двух войн, которая воочию проявилась в *церемониальных* коммеморативных практиках, включающих военные парады, религиозные службы, приемы делегаций и вербальные формы. Дискурс о войне 1877 – и 1878 гг. был во многом основан на памяти 1812 г. В данной ситуации «сработала» ресурсная функция памяти: «Память как ресурс особенно ярко проявляла себя годы войны»¹⁵.

В декабре 1877 г. в разгар военных действий на Балканах отмечался 100-летний юбилей Александра I, победителя Наполеона. Празднование проходило в столицах и в провинции, сразу после возвращения Александра II в столицу и после падения Плевны, означавшего перелом в войне в пользу России. В торжествах в Петербурге принимали участие армия, церковь, петербургское общество, иностранцы, депутация первопрестольной Москвы. 12 декабря 1877 г. в Петропавловском соборе была отслужена панихида, затем Александр II «возложил на гробницу Благословленного золотую медаль» и принял парад «в залах Зимнего дворца». В выступлениях перед войсками и купечеством император уверял, что армия в идущей войне, если потребуется, «исполнит свой долг с честью и славой» и выразил надежду на «скорое и благополучное окончание тяжкой войны». Символическое значение в эти дни имело присвоение Комитету о раненых, занимавшемуся лечением воинов, наименования «Александровского»¹⁶. Дополнительные торжества в честь рождения победителя французов произошли в столице на следующий день, 13 декабря. Войска, расквартированные в Петербурге и в окрестностях, «проходили церемониальным маршем мимо Александровской колонны», пожалуй, самого известного символа памяти об Александре I¹⁷. Таким образом, торжества в столице имели парадно-военный характер.

В Смоленской губернии церемония празднования юбилея Благословленного свелась к религиозным службам. 12 декабря 1877 г. в храмах, наиболее пострадавшей от «французского разорения» губернии, служили литургию и панихиду об упокоении души «освободителя отечества от Французов». «Особенно трогательна» была молитва резервных воинских частей, дислоцированных в Смоленске, в приходском храме Рождества Богородицы. Священник церкви «экспромитом» про-

¹⁴ Уортман 2004: 192-193.

¹⁵ Кознова 1996: 389.

¹⁶ Татищев 2006: 753.

¹⁷ Милютин 2009: 351.

изнес речь. Он сказал: «Подобно тому, как Александр I заботился освободить угнетенные народы Европы, и ныне царствующий благочестивейший Император наш Александр Николаевич, в видах освобождения славян Турции, братий наших по вере и племени, обнажил меч свой <...>. Во имя святой веры, во имя христианской любви идите, братья-воины, когда нас позовут, идите сразиться с врагом! Пусть оживится в нас дух храбрых русских витязей, сподвижников 1812 года; верьте крепче в Бога и Он поможет – преодолеть врага»¹⁸.

В праздновании столетнего юбилея Александра I встретились две войны. Власть сознательно выстраивала линию преемственности, цепочку памяти с другими войнами. Такая преемственность военной истории играла «объединяющую роль в консолидации народа»¹⁹ и «работала» на победу в русско-турецкой войне. Вместе с тем очевидная аналогия напрашивалась сама собой, как экспромт священника приходской церкви в Смоленске.

Роль власти и образованного общества, с одной стороны, и простого народа – с другой, в сохранении и передаче памяти другим поколениям имела определенные различия. Образованное общество и власть конструировали память, организовывали памятные акции, устраивали празднование юбилеев, встречи полков, вернувшихся с войны, издавали книги, возводили памятники. Народ был, главным образом, пассивным участником этих акций. Во второй половине XIX века, по схожести с политическими церемониями того времени,²⁰ крестьян привлекали к участию в церемониальных коммеморативных практиках по случаю победы русского оружия и возвращению частей русской армии на родину. Но не только. У власти и народа были общие герои и общие памятные даты, но способы и формы героизации прошлого, сохранения и трансляции памяти существенно отличались, являясь результатом социально-культурной жизни каждой из сторон.

Во время войн власть и общество концентрировали свое внимание на заслугах вождей нации и героях²¹ и широко применяли *монументальную* коммеморацию. Одним из главных «героев» Второй восточной войны стал император Александр II. Начиная с 1880-х гг., стремительно росло число монументов Царя – Освободителя, а его бюсты стали «первыми массовыми типовыми памятниками в деревне»²². Монументальные памятники (обелиск, колонна, бюст, статуя, конная статуя и их вариации) имеют «единственное предназначение – сохранение памяти об определенном лице или событии». Они создавались под контролем государства и потому несли в себе дополнительную политическую функцию²³, демонстрируя, по нашему мнению, идеологию царствования.

¹⁸ Смоленские епархиальные ведомости 1878: 9.

¹⁹ Ионов 2020: 52.

²⁰ Уортман 2004: 64, 70, 124, 128.

²¹ Ионов 2020: 52.

²² Леонтьева 2017: 245.

²³ Сокол 2009: 5, 8.

В памятниках Александру II эти функции, если не совпадали, то во многом дополняли друг друга, работая на позитивное восприятие эпохи Царя-Освободителя. Монумены императору ставили в столицах, губернских городах, волостных центрах и государственных учреждениях, в судах и перед больницами по всей стране. Памятники подчеркивали «различные аспекты деятельности», включая русско-турецкую войну. Памятник в Кишиневе «изображает императора, держащим в правой руке указ об объявлении войны Турции»²⁴. Памятники фиксировали тот факт, что в историческом сознании нации Александр II был и освободителем крестьян, и освободителем славянских народов. И хотя именно он завершил Крымскую войну, народная память не связывала ее с его именем, в то время как во Второй восточной войне он стал героем нации.

Монумены Александру II были распределены по губерниям неравномерно: в Новгородской губернии их доля равнялась 35%, а в Смоленской и Калужской губерниях было сооружено всего по одному памятнику. Это было связано и с насыщенностью Смоленской губернии монументами, и с бедностью населения (сооружение памятников, как правило, происходило с привлечением местных средств). В свою очередь, в начале XX в. в Смоленской и Калужской губерниях преобладали памятники Отечественной войны 1812 г., достигая 80% от общего числа монументов в Смоленской губернии и 50% – в Калужской²⁵.

Но, если Александр I был «официальным» победителем Наполеона, то император Александр II, благодаря *нарративным* практикам – постулавшей через газеты информации – «вынужден был конкурировать с новым типом героя», таким как, например, М.Д. Скобелев²⁶.

Берлинский конгресс нанес значительный урон образу императора Александра II в глазах власти²⁷, но, надо думать, не в глазах народа.

Важнейшим способом фиксации и конструирования исторической памяти стали *визуальные* коммеморативные практики в форме изобразительного искусства. «Описание Отечественной войны 1812–1815 гг.» составлено по знаменитому сочинению А.И. Михайловского-Данилевского и иллюстрировано портретами героев войны 1812 г.²⁸ В стране выходили «роскошные» иллюстрированные издания, посвященные Второй восточной войне, например, «Герои и деятели русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» и «Альбом картин в память о 25-летию русско-турецкой войны» с подзаголовком «Русско-турецкая война на картинах русских художников». Первая книга включала 20 больших портретов героев войны с их подробными биографиями (М.А. Драгомиров, М.Д. Скобелев, И.В. Гурко, Э.И. Тотлебен и др.). Издания рекламировались в средствах массовой информации, включая смоленскую прессу²⁹.

²⁴ Уортман 2004: 393–394.

²⁵ Сокол 2009: 10, 12.

²⁶ Уортман 2004: 204, 205.

²⁷ Уортман 2004: 206.

²⁸ Герои и деятели 1878; Альбом картин 1902; Описание Отечественной войны 1899.

²⁹ Смоленские епархиальные ведомости 1878:6.

Число монументов, произведений изобразительного искусства, разного рода памятных акций постоянно возрастало. Средства искусства апеллировали к монархическо-патриотическим чувствам и эстетическим представлениям, прежде всего, образованного общества.

Общегосударственное значение имело празднование памятных дат в начале XX века, в том числе столетия Отечественной войны 1812 г. и Бородинской битвы³⁰. Торжества в Смоленске включали широкий спектр сложившихся к началу XX века коммеморативных практик: закладку и открытие памятников («Благодарная Россия – Героям 1812 года», «Генерал-майору Скалону»); торжественное заседание Смоленского земства и издание книг, посвященных роли Смоленщины в событиях Отечественной войны; посещение города императорской семьей, сопровождавшееся молебном в Успенском кафедральном соборе, приеме делегаций и осмотром памятных мест³¹.

Вместе с тем, по мнению современных исследователей, носителем исторической памяти на рубеже XIX – XX вв. оставался простой народ, русское крестьянство, которое «традиционно воспринимает мир в категориях прошлого опыта»³². Крестьянская память как «архаичная память (память традиционного общества) была, прежде всего, коллектива и эмоциональна»³³. А поскольку Вторая восточная война по времени была ближе, то и память о ней в народе была наиболее яркой и непосредственной, чем память о войне 1812 г.

Эта особенность хорошо прослеживается по отчетам корреспондентов Этнографического бюро В.Н. Тенишева и народному искусству. Исследователи крестьянской повседневности и крестьянской культуры А.В. Буганов и М.М. Громько, обращаясь к проблемам памяти контексте социальных и культурно-бытовых практик, широко использовали этнографические источники. И хотя основное внимание они уделили более ранним эпохам, но их работы имеют большое значение для осмысления крестьянской памяти XIX века³⁴.

В программе В.Н. Тенишева память о войнах была отнесена к разделу «Выходящие из ряда обстоятельства». Из ответов крестьян корреспондентам можно заключить, что в основе крестьянской памяти о войнах лежало два взаимосвязанных компонента: восприятие войны как большого природного бедствия, посланного человеку за грехи, и осознание войны как патриотического и религиозного акта.

Работавший корреспондентом Этнографического бюро смоленский этнограф В.Н. Добровольский сообщал из Смоленского уезда в 1897–1898 гг.: «Появление комет на небе объясняется как признак гнева Божьего на людей за грехи и служит признаком больших для людей несчастий: мора, голода, землетресений, чаще всего признаком войны.

³⁰ Уортман 2004: 578-591.

³¹ Павленко 2013: 144-152.

³² Кознова 1996: 389.

³³ Кознова 2003: 23-34.

³⁴ Буганов 1992, 2003, 2008; Громько 1991.

Народ по преданию еще очень свежему знает, что перед нашествием французов на Россию и перед Севастопольской войной на небе появились комитеты, имевшие форму метлы»³⁵.

В народной памяти остались воспоминания о начале турецкой войны, как, впрочем, начало грозных и значительных событий обычно остается в памяти людей. По воспоминаниям одного из жителей Вяземского уезда Смоленской губернии, записанными корреспондентами Этнографического бюро, перед русско-турецкой войной «пошли слухи меж народом, что турки режут христиан, что муку мученическую терпят от них христиане. Выйдешь, бывало, на улицу, нет, нет да и заведет кто-нибудь речь об этом, об самом»³⁶.

Религиозный характер войны для русского крестьянина выражался не только в принадлежности противоборствующих сторон к разным конфессиям, но и в философском отношении к смерти. По воспоминаниям очевидца, родственники мобилизованных на турецкую войну, сначала плакали, а потом утешались: «Божья, говорят воля, что Бог даст, то и будет. Надо ж кому-нибудь и на войну идти. Все ж равно когда-нибудь смерть придет. Если же умрешь на войне за Христову веру, то Господь грехи отпустит. Сказано – Христолюбивое воинство». Ко времени Второй восточной войны у крестьян было развито убеждение в непобедимости русского оружия. Но эти победы связывали с поддержкой армии православной церковью, поэтому власть и народ придавали глубокий смысл церемониальным практикам в форме церковных служб. Все победы неизменно праздновались в церквях: «Какое там сражение выйдет, сейчас же всем крестьянам заказывают идти в церковь на молитву. Все, бывало, идем. Народу собиралось – тьма тьмущая! Если наша победа, то тот день у нас уже праздником считается. Выпивка была и не ради пьянства, а на радостях»³⁷.

Такая же реакция на победы-поражения наблюдалась и в границах со Смоленщиной Калужской губернии: «Известия, получаемые с театра военных действий, если были благоприятными для славы русского оружия, встречались с большим восторгом и надеждой, но если эти известия доносили о поражении турками русских, предыдущее состояние народной массы уступало место унынию. В эту пору возбуждался религиозный энтузиазм, выражавшийся в том, что народ чаще ходил в церковь, служил общей массой молебны и прочее»³⁸.

Судя по материалам Этнографического бюро, знание смоленских крестьян о русско-турецкой войне было фрагментарно, неполно и религиозно окрашено. Тем не менее, они помнили и знали главное – что турецкая война шла за православную веру, против врагов России, поэтому их мировосприятие ставило турецкую войну в один ряд с войной 1812 г.

³⁵ РЭМ Ф. 7. Д. 1671: 1-2.

³⁶ Цит по: Громько 1991: 131.

³⁷ РЭМ Ф. 7. Д. 1554: 3-19.

³⁸ Русские крестьяне 2005: 320.

Как культурно-исторический феномен народная память приобрела черты народной культуры. Обязательными компонентами исторической памяти о войне были сражения и герои, а формами их фиксации в народной памяти стали *визуальные и нарративные практики* – средства лубочного и фольклорного искусства. Современные исследователи лубка считают, что «функции лубка <...> меняются во время военных конфликтов, на первый план выходит патриотическое воспитание и формирование общественного настроения»³⁹.

Любок, «русская народная картинка», массовое производство которой было налажено на предприятиях Москвы, Владимирской губернии, во многих монастырях и в мастерских крестьян-кустарей своеобразным образом соединял искусство образованного класса и простого народа⁴⁰. Но в целом, «лубок-простовик» базировался на традиционных народных символах и образах и был формой трансляции исторической памяти на протяжении всего XIX века, укрепляя линию военной памяти: от войны 1812 года к русско-турецкой войне. Нужно сказать, что визуальные практики включали в общий ряд и Крымскую войну 1853 – 1856 гг., отдавая дань героизму защитников Севастополя.

«В лубке долго повторялись сюжеты и образы 1812 г., особенно при последующих войнах, когда невольно приходили на память былые успехи русского оружия»⁴¹. Лубок Крымской войны 1853-1856 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. брал за образцы «старинные картинки и гравюры» войны 1812 г.⁴² Объектами лубочного искусства, произведения которого пользовались большим спросом, были широко известные национальные герои. Их имена фигурировали в газетах и в книжных изданиях. В Смоленске «дамы покупали карточки-портреты наших героев, внимательно изучая их физиономии, костюмы и заучивая их имена и отчества», а коробейники в деревнях Дорогобужского уезда продавали платки с изображением предводителей и героев сербского восстания и изображения М.Г. Черняева⁴³.

В конце XIX века в крестьянских домах, кабаках, волостных правлениях, в крестьянских избах висели лубочные изображения героев войн (Кутузова, Багратиона, «белого генерала» Скобелева, генерала Черняева), в одном ряду были представлены события войны 1812 г. и Второй восточной войны. Не забывали крестьяне и осаду Севастополя, и Полтавскую битву, которые воспринимались как выражение героического и победного начала русской армии.

Численно преобладали картины, связанные с недавней войной – как не велико было значение эпопеи 1812 г., русско-турецкая война еще была в области переживаний. Корреспондент Этнографического бюро В.Н. Тенишева в крестьянских избах села Издешково Вяземского уезда

³⁹ Молчанова 2016: 14.

⁴⁰ Денисов 1916: 16-19.

⁴¹ Денисов 1916: 20.

⁴² Денисов 1916: 20.

⁴³ Смоленский вестник 1878: 1; Энгельгардт 1999: 198.

насчитал только 12 экземпляров изображения перехода русских через Дунай в 1877 г., 10 экземпляров боя под Плевной 30-31 августа 1877 г. и 15 экземпляров Взятия Плевны⁴⁴.

Наряду с сюжетными картинками, отражающими события конкретной войны, в лубке проявлялись и сказочные, космические мотивы. В годы Первой мировой войны были известны лубки времени Второй восточной войны такого рода: «Махнул ногой, Дунай перескочил; шагнул другой, Балканы перешел», или «Прилетела русская бомба в турецкую землю»⁴⁵. Русский крестьянин был оптимистом по натуре, оптимизм и христианская вера помогали ему выживать в самых тяжелых условиях. Не осознавая природу вещей, а воспринимая их эмоционально, крестьяне видели в военных победах чудесное избавление от неудач и поражений. Со временем память о войне мифологизировалась, уходила в область народных сказаний, где добро всегда побеждает зло. Военные победы были для них торжеством добра над злом, а Скобелев на белом коне подобен Георгию Победоносцу.

Фольклор в крестьянской жизни выполнял функцию «универсальной памяти»⁴⁶, а народные песни были одним из любимейших жанров. Несмотря на то, что во второй половине XIX в. «фольклористы отмечают упадок этого жанра», русско-турецкая война стала поводом для его оживления⁴⁷. В «Смоленском этнографическом словаре» В.Н. Добровольского наиболее крупные песенные блоки из цикла Военных песен посвящены Отечественной войне 1812 г. и русско-турецкой войне 1877–1878 гг.⁴⁸ В песнях 1812 года отражены яркие события, оставшиеся в народной памяти: начало войны, мародерство французов, пожар Москвы, Платов в гостях у француза, бегство Наполеона по разоренной дорожке от «Мажая до Масквы». Частью этого блока была и смерть Александра I, победителя французов, о смерти которого скорбит русская армия. Песни русско-турецкой войны напоминают о победах русского оружия (переправа через Дунай, победа под Плевной и под Константинополем), но вместе с тем это – песни о чужих краях («поля чистые турецкие»), где сражается русская армия, о трудностях и лишениях солдат. В песнях-воспоминаниях о русско-турецкой войне («вспомним братцы про былое»), в отличие от 1812 г., слышится и тоска по родине («полна нам братцы, крушитца / перестанем гарювать /луччи будем веселитца / с горя песню запоем»)⁴⁹. Русское народное творчество, «буквально пронизано патриотизмом», любовью к матушке России и русской земле⁵⁰.

Живой формой трансляции исторической памяти оставались устные рассказы. Н.В. Волков-Муромцев, внук известного общественного

⁴⁴ РЭМ Ф 7 Д 1553: 4-11.

⁴⁵ Денисов 1916: 17-18.

⁴⁶ Кознова 1996: 389.

⁴⁷ Громыко 1991: 315-316.

⁴⁸ Добровольский 1893: 623-629.

⁴⁹ Добровольский 1893: 634-637.

⁵⁰ Громыко 1991: 229.

деятеля П.А. Гейдена, вспоминая свое детство в имении Хмелита Вяземского уезда Смоленской губернии (в настоящее время государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита»), писал, что слушал такие рассказы местных крестьян в начале XX века. Водовоз Прокоп, проживший 112 лет, хорошо помнил войну 1812 г., ночевку французов и Наполеона в имении, бой партизанского отряда с отступающим неприятелем и бытовые детали военного времени. Отец автора Воспоминаний «записал и проверил» рассказы Прокопа. «Все оказалось верно, за исключением Наполеона». Прокоп назвал Наполеоном Мюрата⁵¹. «Были и другие крестьяне с невероятными воспоминаниями, как солдат Николаевский. Он носил ту же шинель, в которой переходил Дунай в 1853 году». Еще один крестьянин Борис Гач, служивший в лейб-гвардии Измайловском полку, «был под Плевной в 1877 г. и рассказывал, как по приказу Драгомирова они пошли в атаку на турецкие позиции» и, в конце концов, взяли Плевну⁵².

Таким образом, память населения Смоленской губернии начала XX века о войнах XIX века может быть охарактеризована как достаточно устойчивая, коммуникативная, включающая эмоциональный компонент. Она поддерживалась и транслировалась набором коммеморативных практик, из которых в образованном обществе преобладали *церемониальные и монументальные*, а в простом народе – *визуальные и нарративные практики*. Наполненная патриотическими и монархически-религиозными представлениями и чувствами, память смолян была сфокусирована на героях и победах и оставалась отражением национальных традиций своего времени. Отличия в формах конструирования, фиксации и трансляции памяти в народной среде и в среде образованного общества носили формальный характер и объяснялись спецификой восприятия мира и социально-культурными особенностями жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Альбом картин в память о 25-летия русско- турецкой войны. СПб.: Издательство И.Н. Кушнерова, 1902. 49 с. [Al'bum kartin v pamyat' o 25-letiya russko- turetskoi voiny (An album of paintings in memory of the 25th anniversary of the Russian-Turkish war). SPb.: Izdatel'stvo I.N. Kushnerova, 1902. 49 s.].
- Антипин Н.А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики 1954-1955 // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 79-93 [Antipin N.A. 50-letie Russko-yaponskoj vojny v SSSR: kommemorativnye praktiki 1954-1955 (The 50th anniversary of the Russian-Japanese War in the USSR: commemorative Practices 1954-1955) // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 40. S. 79-93].
- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. [Assman YA. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti (Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity). M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.].
- Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М.: Наука, 1973. 232 с. [Blok M. Apologiya istorii ili Remeslo istorika (The apology of history or the Craft of the historian). M.: Nauka, 1973. 232 s.].

⁵¹ Волков- Муромцев 2016: 14.

⁵² Волков- Муромцев 2016: 15.

- Буганов А.В. Личности и эпохи в исторической памяти русских крестьян XIX начала XX века // Социология власти. 2003. №2. С. 98-112 [Buganov A.V. Lichnosti i ehpkhki v istoricheskoi pamyati russkikh krest'yan XIX nachala XX veka (Personalities and epochs in the historical memory of Russian peasants of the XIX-early XX century) (Historical memory of Russian peasants: reality and Myths (XIX - early XX century) // Sotsiologiya vlasti. 2003. №2. S. 98-112].
- Буганов А.В. Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX - начало XX века) // Новый исторический вестник. 2008. №18 (2). С. 40-49 [Buganov A.V. Istoricheskaya pamyat' russkikh krest'yan: real'nost' i mify (XIX - nachalo XX veka) (Historical memory of Russian peasants: reality and Myths (XIX - early XX century) // Novyi istoricheskii vestnik. 2008. №18 (2). S. 40-49].
- Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М.: Институт истории и антропологии, 1992. 207 с. [Buganov A.V. Russkaya istoriya v pamyati krest'yan XIX veka i natsional'noe samosoznanie (Russian history in the memory of the peasants of the XIX c. and national identity). М.: Institut istorii i antropologii, 1992. 207 s.].
- Волков-Муромцев. Юность. От Вязьмы до Феодосии. 1902-1920. М.: Русский путь, 2016. 462 с. [Volkov-Muromtsev. Yunost'. Ot Vyaz'my do Feodosii. 1902-1920 (Youth. From Vyazma to Feodosia. 1902-1920). М.: Russkii put', 2016. 462 s.].
- Герои и деятели русско-турецкой войны 1877-1878 годов. СПб.: Издание В. Турбы, 1878 [Geroi i deyateli russko-turetskoi voiny 1877-1878 godov (Heroes and figures of the Russian-Turkish War of 1877-1878). Spb.: Izdanie V. Turby, 1878].
- Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 269 с. [Gromyko M.M. Mir russkoi derevni (The world of the Russian village). М.: Molodaya gvardiya, 1991. 269 s.].
- Денисов В.В. Война и лубок. Петроград: Наш век, 1916. 40 с. [Denisov V.V. Voina i lubok (War and splint). Petrograd: Nash vek, 1916. 40 s.].
- Дмитриева О.О., Иванова Т.Н. Складывание церемониальных практик празднования памятных дат Отечественной войны 1812 года в Российской империи // Вестник Екатеринбургского института. 2017. № 1 (37). С. 24-26. [Dmitrieva O.O., Ivanova T.N. Skladyvaniye tseremonial'nykh praktik prazdnovaniya pamyatnykh dat Otechestvennoi voiny 1812 goda v Rossiiskoi imperii (Folding ceremonial practices of celebrating the memorable dates of the Patriotic War of 1812 in the Russian Empire) // Bulletin of the Catherine Institute. // Vestnik Ekaterininskogo instituta. 2017. № 1 (37). S. 24-26].
- Добровольский В.Н. Смоленский Этнографический сборник. Часть IV: Записки Императорского Русского географического общества по Отделению Этнографии. Т. XVII. М.: Типография Васильева, 1893. 720 с. [Dobrovolskii V.N. Smolenskii Ehtnograficheskii sbornik (Smolensk Ethnographic collection). Chast' IV: Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po Otdeleniyu Ehtnografii. T. XVII. М.: Tipografiya Vasil'eva, 1893. 720 s.].
- Ионов И.Н. Имперские, цивилизационные и формационные образы России XX -XXI вв. Память и идентичность в имперской России // Прощлое для настоящего. Историческая память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 37-71 [Ionov I.N. Imperskie, tsivilizatsionnye i formatsionnye obrazy Rossii XX -XXI vv. Pamyat' i identichnost' v imperskoi Rossii (Imperial, civilizational and formational images of Russia of the XX -XXI centuries. Memory and Identity in Imperial Russia) // Proshloe dlya nastoyashchego. Istoricheskaya pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti / pod obshch. red. L.P. Repinoi. М.: Akvilon, 2020. S. 37-71].
- Кознова И. Е. Социальная память русского крестьянства в XX веке // Исторические исследования последних лет / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1996. С. 386-404. [Koznova I. E. Sotsial'naya pamyat' russkogo krest'yanstva v XX veke (The social memory of the Russian peasantry in the XX century) // Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendentsii poslednikh let / pod red. G.A. Bordyugova. М.: АИРО-XX, 1996. S. 386-404].
- Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23-34 [Koznova I.E. Istoricheskaya pamyat' i osnovnye tendentsii ee izucheniya (Historical memory and the main trends in its study) // Sotsiologiya vlasti. 2003. № 2. S. 23-34].
- Смоленский вестник. 1878. № 1 [Smolenskii vestnik (Smolensky Bulletin). 1878. № 1].
- Смоленские епархиальные ведомости. 1978. № 6, № 9. [Smolenskii eparkhial'nye vedomosti (Smolensk Diocesan Gazette). 1978. № 6, № 9].

- Леонтьева О.Б. Как реформа стала "Великой: отмена крепостного права как "место памяти" в исторической культуре императорской России // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности/ под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 244-266. [Leont'eva O.B. Kak reforma stala "Velikoi: otmena krepostnogo prava kak "mesto pamyati" v istoricheskoi kulture imperatorskoi Rossii (How the Reform became "Great: the abolition of serfdom as a "place of memory" in the historical culture of Imperial Russia) // Sobytiye v istorii, pamyati i narrativakh identichnosti/ pod red. L.P. Repinoi. M.: Akvilon, 2017. S. 244-266].
- Милютин Д.А. Дневник. 1876-1878. М.: РОССПЭН, 2009. 704 с. [Milyutin D.A. Dnevnik. 1876-1878 (Diary. 1876-1878). M.: ROSSPEHN, 2009. 704 s.]
- Молчанова Д.С. Отечественный военный лубок и открытка (на примере русско-японской войны 1904–1905 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. 287 с. [Molchanova D.S. Otechestvennyi voennyi lubok i otkrytka (na primere russko-yaponskoi voiny 1904-1905 gg.) (A Russian military splint and a postcard (on the example of the Russo-Japanese war of 1904-1905). Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2016. 287 s.).
- Описание Отечественной войны 1812-1815 гг., составленное по сочинению А.И. Михайловского Данилевского. СПб.: склад «Родина», 1899. 739 с. [Opisanie Otechestvennoi voiny 1812-1815 gg., sostavlennoe po sochineniyu A.I. Mikhailovskogo Danilevskogo (Description of the Patriotic War of 1812-1815, compiled according to the work of A.I. Mikhailovsky Danilevsky). SPb.: sklad «Rodina», 1899. 739 s.]
- Павленко В.В. Деятельность провинциальных государственных и общественных учреждений по подготовке празднования 100-летия Отечественной войны 1812 года на примере Смоленской губернии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. С. 144-152. [Pavlenko V.V. Deyatel'nost' provintsial'nykh gosudarstvennykh i obshchestvennykh uchrezhdenii po podgotovke prazdnovaniya 100-letiya Otechestvennoi voiny 1812 goda na primere Smolenskoj gubernii (Activities of provincial state and public institutions in preparation for the celebration of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 on the example of the Smolensk province) // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya. 2013. S. 144-152].
- Российский этнографический музей (РЭМ). Ф. 7. Д. 1553; 1554; 1671. [Rossiiskii etnograficheskii muzei (REHM) (Russian Ethnographic Museum). F. 7. D. 1553; 1554; 1671].
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 3. СПб.: Деловая полиграфия, 2005. С. 320. [Russkie krest'yaue. Zhizn'. Byt. Nrawy (Russian peasants. Life. Mode of life. Morals). T. 3. SPb.: Delovaya poligrafiya, 2005. S. 320].
- Сокол К.Г. Российские монументальные памятники конца XVIII- начала XX вв. как объекты исторической географии. Автореф. дисс. ...канд. географ. наук. М., 2009. 27 с. [Sokol K.G. Rossiiskie monumental'nye pamyatniki kotsa XVIII – nachala XX vv. kak ob"ekty istoricheskoi geografii (Russian monumental monuments of the late XVIII- early XX centuries. as objects of historical geography). Avtoreferat dis. ... kand. geograficheskikh nauk. M., 2009. 27 s.]
- Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М.: Транзиткнига, 2006. 1005 с. [Tatishchev S.S. Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i tsarstvovanie (Emperor Alexander II. His life and reign). M.: Tranzitkniga, 2006. 1005 s.]
- Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14. [Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya (Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state // Novaya i noveishaya istoriya. 2000. № 4. S. 3-14].
- Память и идентичность в имперской России. Прошлое для настоящего. Историческая память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с. [Pamyat' i identichnost' v imperskoi Rossii. Proshloe dlya nastoyashchego. Istoricheskaya pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti (Memory and identity in Imperial Russia. The past is for the present. Historical memory and narratives of national identity) / pod obshch. red. L.P. Repinoi. M.: Akvilon, 2020. 464 s.]
- Уортман Р. Сценарии власти мифы и церемонии российской монархии. В 2 т. Т. 2. М.: ОГИ, 2004. 796 с. [Uortman R. Stenarii vlasti mify i tseremonii rossiiskoi monarkhii (Scenarios of power myths and ceremonies of the Russian monarchy). T. 2. M.: OGI, 2004. 796 s.]
- Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. 12 писем. СПб.: Наука, 1999. 708 с. [Ehngel'gardt A.N. Pis'ma iz derevni. 12 pisem (Letters from the village. 12 letters). SPb.: Nauka, 1999. 708 s.]

Горская Наталья Ивановна, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Смоленский государственный университет; gorskaya-n@yandex.ru.

Historical Memory and Participation of Smolyan People in the Practice of Commemoration of Military History of the XIX Century (on the Example of the Patriotic War of 1812 and the Russian–Turkish War of 1877–1878)

The article is devoted to the historical memory of the wars of the XIX century and participation in the practices of commemoration of the military history of the inhabitants of the Smolensk province. Russian memory problems and commemorative practices are analyzed in connection with the Patriotic War of 1812, which took place on the territory of the Smolensk province and left a deep mark on the life of its population and the geographically "distant" Russian – Turkish war of 1877–1878. Russian–Turkish wars The article analyzes the attitude towards the wars of the educated society and the common people, expressed in commemorative ceremonies, forms of folk art and oral history; it is shown that the ideas about the justice of the Russian – Turkish war were largely based on the patriotic values of the Patriotic War of 1812, although they had a deep religious connotation; that the identity of the perception of these wars by the common people and the educated society expressed itself in the glorification of events, generals and emperors, although in various forms and commemorative practices. Despite the relatively short time period, by the beginning of the XX century, the population of the Smolensk province had formed stable assessments of the military past, corresponding to national traditions.

Keywords: *Russian historical memory, commemorative practices, the war of 1812, the Russo – Turkish war of 1877 – 1878, Smolensk province.*

Natalia Gorskaya, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History of Smolensk State University, Smolensk State University (Smolensk); gorskaya-n@yandex.ru

ХОЛОКОСТ В ПРИБАЛТИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ОЦЕНКИ В МЕСТНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлен анализ современных оценок и интерпретаций Холокоста в трёх прибалтийских республиках – Эстонии, Латвии, Литве. Отмечены основные тезисы местной политики памяти и трактовки событий Второй мировой и Великой Отечественной войны, оказывающие прямое влияние на отношение к Холокосту. Автор приходит к выводу о том, что Холокост для стран Балтии остаётся второстепенной и весьма формализованной темой исторического дискурса во многом из-за участия в истреблении еврейского населения местных коллаборационистов, позиционируемых ныне в качестве патриотов и борцов за национальную независимость от Советского Союза, но не как исполнителей нацистских преступлений. Наименьшее внимание проблеме геноцида еврейского населения уделяется в современной Эстонии – это можно проследить по относительно небольшому числу публикаций, музейных экспозиций, монументов и частоте упоминаний о данном событии, даже в сравнении с соседями по региону. Кроме того, эстонская еврейская община никогда не была многочисленной. В Латвии и особенно Литве, наоборот, еврейская община была активно представлена в общественном пространстве, что повлияло на более частое обращение к тематике Холокоста в местном историческом дискурсе.

Ключевые слова: Прибалтийские республики, Эстония, Латвия, Литва, политика памяти, историческая политика, Холокост.

Геноцид народов является одной из мрачайших страниц мировой истории. Наиболее известный пример подобных преступлений – это Холокост времён Второй мировой войны. Во многом благодаря бескомпромиссной позиции еврейских организаций, государства Израиль и международного сообщества любые попытки оправдания Холокоста оперативно пресекаются, в отличие от ревизии итогов Второй мировой и роли СССР в победе над нацизмом. Тем не менее, в странах Восточной Европы отсылка к Холокосту менее выражена, нежели в Западной её части. Кроме того, именно в восточноевропейских государствах и Прибалтийских республиках в том числе, за последние три десятилетия оценка событий XX столетия и Второй мировой войны в особенности претерпела коренные изменения. В данной статье мы хотим рассмотреть место Холокоста в современном прибалтийском историческом дискурсе и местной исторической политике. Несмотря на то, что исследования политики памяти и отношения к Холокосту уже неоднократно предпринимались в отечественной и зарубежной историографии, следует отметить новизну статьи, связанную со сравнительным анализом всех трёх Прибалтийских государств. Методологическую основу исследования составляют компаративный, системный и контент-анализ. Компаративный анализ позволил нам сравнить политику памяти и отношение к Холокосту в Латвии, Литве, Эстонии между собой, выявить общие тенденции и специфические отличительные черты для каждой из обозначен-

ных республик. Системный анализ обеспечил возможность рассмотреть отношение к Холокосту как элемент более крупной системы социокультурных процессов в Прибалтийских республиках, в частности, с точки зрения влияния на проблему отношения к Второй мировой войне в целом, подходам к политике памяти в Эстонии, Латвии, Литве. Контент-анализ позволили проанализировать разнообразные источники на предмет выявления общих трактовок вопросов геноцида еврейского населения в регионе, причин данного явления и его интерпретаций.

Но предварительно необходимо изложить основы исторического дискурса стран Балтии, оказавшего существенное влияние на оценки преступлений нацизма периода Второй мировой войны и на Холокост в том числе. Так, к характерным чертам прибалтийской политики памяти, сформировавшейся к 1990-м гг. можно отнести апеллирование к тезису о «советской оккупации», *правовому континуитету* (историческая правопреемственность современных Эстонии, Латвии, Литвы по отношению к республикам межвоенного периода), идеализация национальных государств 1920–1930-х гг. и интерпретация всего предшествующего периода развития как борьба за свободу и независимость от иностранных угнетателей.

С провозглашением независимости в августе 1991 г. концепция оккупации стран Балтии и континуитет стали преобладающими трендами в Эстонии, Латвии, Литве и выразились в интерпретации периода вхождения в СССР как «советской оккупации», в восстановлении правовой базы довоенных республик и популяризации данного тезиса, в т.ч. посредством выпуска тенденциозной научной литературы¹. Если концепция оккупации нашла своё развитие во всех странах Балтии, то принцип исторического континуитета наиболее последовательно реализовывался в Эстонии и Латвии, где он сказался на правовом положении местного русскоязычного населения (официальные Таллин и Рига отказались от автоматического предоставления гражданства тем, кто прибыл в республики в период «советской оккупации» с 1940–1991 гг. – в подавляющем большинстве русскоязычным)².

Литва же, в силу более моноэтничного характера и значительно го изменения границ в советский период (приращение Клайпеды, Вильно), отказалась от исключительного апеллирования к республике межвоенного периода и возвела собственную государственность к Великому княжеству Литовскому³. При этом, в местной историографии наблюдается идеализация республик межвоенного периода, акцентирование внимания на успехах в политической, экономической, социокультурной сферах, и наоборот, игнорирование авторитарного характера сложившихся к 1930-м режимов, националистического курса, наступавшего на права национальных меньшинств.

¹ Зверев 2019: 79–81.

² Зверев 2021: 202–215; Зверев 2020: 70–77.

³ Зверев 2020а: 3–13.

Однако не следует отождествлять с прибалтийской политикой памяти исключительно тезис о «советской оккупации». Следующим её важнейшим аспектом стал *«принцип этноцентризма»*, под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского, латвийского, литовского народов и государственного строительства, направленных на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульной нации во внутригосударственной жизни Республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности. Третьим столпом местной политики памяти стал *принцип антикоммунизма*, направленный на развенчание «преступлений коммунизма» против народов Эстонии, Латвии, Литвы, а также отказ от какой-либо позитивной оценки советского наследия⁴.

Таким образом большая часть прибалтийской политики памяти концентрируется на событиях XX в. – ключевых для стран региона, когда они получили независимость, а затем утратили её, будучи инкорпорированными в состав СССР. Данные события являются ключевыми в местном историческом дискурсе и именно через их анализ идёт интерпретация Второй мировой войны, в частности, в период которых и произошла советизация Эстонии, Латвии, Литвы.

Так, в странах Балтии термин «Великая Отечественная война» заменён понятием «Вторая мировая», так как отрицается освободительный характер войны и действий Красной Армии для стран региона. Информация о военных преступлениях нацистов на территории стран Балтии и Советского Союза на наш взгляд также не находит должного освещения в эстонской, латвийской и литовской литературе. Приводятся лишь общие цифры репрессированных, казнённых, в том числе сухие данные о Холокосте⁵. При этом общие сведения о репрессивной политике Третьего Рейха подаются в сравнении с сталинскими репрессиями таким образом, чтобы продемонстрировать большую жестокость именно советской тоталитарной системы⁶.

В качестве примера можно привести информационный стенд Латвийского музея оккупации: *«Версия <"Генерального плана Ost"> от 1942 г. предусматривала, что после окончания войны Рига, Вентспилс, Лиена, Елгава, Екабпилс, Резекне, Даугавпилс должны быть немечены. План предусматривал депортацию 50% местных жителей в Россию и германизацию оставшихся. Тем временем, в течение следующих 25-ти лет, нацисты планировали переселить на эти территории 164 000 немецких поселенцев (в сравнении – за период советской оккупации с 1945 по 1989 гг. в Латвию из СССР было переселено 700 000 чело-*

⁴ Махотина 2020: 254.

⁵ Oras 2002: 256.

⁶ История Латвии: книга для учителя 2000: 241; Laar 2005: 71; Kiaura 2005: 359; Wars of Lithuania 2014: 304.

век)»⁷. Советские же авианалёты и наступательные действия РККА, повлекшие жертвы среди мирного населения, наоборот, освещаются достаточно подробно и иллюстративно.

Кроме того, в местной научной, учебной и популярной литературе акцентируется внимание на попытках восстановления утраченной независимости в ходе отступления немецких войск в 1944 г., которые имели место во всех трёх странах Балтии⁸.

В учебной, научно-популярной литературе⁹, кинематографе¹⁰ сами события Великой Отечественной войны и их кульминация для Прибалтийского региона в 1944 г. подаётся через отсылку к Гражданской/Освободительной войне 1918–1920 гг., когда немцы уже разбиты, а основная борьба разворачивается между местными патриотами-сторонниками восстановления национальной независимости и «красными» эстонцами, латышцами, литовцами, которые наступают по всей линии фронта в рядах РККА. Трагедия событий 1944 г. в странах Балтии помимо прочего состоит ещё и в том, что прибалты сражались с прибалтами. Вермахт усилил рекрутирование местных жителей в свои ряды, используя антисоветскую пропаганду. Командование РККА для освобождения территорий Эстонской, Латвийской, Литовской ССР применяло вновь восстановленные национальные части, укомплектованные из местных уроженцев: 8-й Эстонский стрелковый корпус, 130-й Ордена Суворова Латышский стрелковый корпус, 16-ю стрелковую Литовскую Клайпедскую Краснознамённую дивизию.

Завершение боевых действий в 1944 г. в регионе позиционируется в историографии Эстонии, Латвии, Литвы как «окончание немецкой и начало советской оккупации» и даётся заключение, что разгром гитлеровской Германии не принёс свободу странам Балтии, каждая из которых потеряла до 20% населения в ходе войны¹¹.

Таким образом, в современных Эстонии, Латвии, Литве сложилось весьма своеобразное восприятие событий Второй мировой и Великой Отечественной войны, негативно оценивающее роль СССР в освобождении данных территорий. Причины господства этих трактовок лежат в доминировании антисоветского тренда (по политическим мотивам) в местной политике памяти с момента обретения независимости¹². Другими словами, в прибалтийской политике памяти, без сомнения, присутствует тренд на виктимизацию собственных обществ и гос-

⁷ Информационный стенд из экспозиции Музея оккупации Латвии; см. История Латвии: книга для учителя 2000: 241.

⁸ История Латвии: книга для учителя 2000: 241; Laar 2005: 71; Stockholm Documents 2002: 507; Wars of Lithuania 2014: 304.

⁹ Butulis, Zunda 2015: 253; Laar 2009: 541; Kiaupa 2005: 359.

¹⁰ Фильм «Baiga vasara» («Страшное лето») – режиссер Айгарс Грауба, 2000, Латвия; «Forest Brothers – Fight for the Baltics» – 2017, Латвия, Литва и др.

¹¹ Butulis, Zunda 2015: 253; Laar 2009: 541; Kiaupa 2005: 359.; Laar 2009: 541; O'Connor 2003: 121–122.

¹² Зверев 2022: 195–208.

ударств кануна и самого периода Второй мировой, т.е. восприятие их как жертв тоталитарных режимов, в том числе и СССР, что приводит к «криминализации» всего советского прошлого и возникновению «мемориальных войн» в вопросах исследуемой тематики¹³.

Но, обратимся к проблематике Холокоста. Нами был проанализирован представительный круг источников по теме: научная и учебная литература Прибалтийских республик, периодическая печать, музейные экспозиции, посвящённые тематике Второй мировой войны и Холокосту. В результате можно указать на значительно меньшее внимание к проблеме геноцида еврейского населения в прибалтийском общественном дискурсе, чем в Западной и Центральной Европе. Об этом свидетельствует относительная немногочисленность научных, популярных публикаций, мемориальных комплексов, упоминаний о Холокосте в целом, и о его течении в Эстонии, Латвии, Литве.

К 1941 г. наиболее крупная еврейская диаспора сложилась в Литве и насчитывала около 240 000 человек, или 10% населения¹⁴. В соседней Латвии проживало 90 000 евреев¹⁵. Наименьшее количество евреев в регионе было сосредоточено в Эстонии – около 4500 человек (0,4% всего населения)¹⁶. Эстония же стала единственной страной из числа Прибалтийских республик, где большая часть еврейского населения успела эвакуироваться в глубь СССР¹⁷. В ходе немецкой оккупации было истреблено более 210 тысяч литовских евреев, что составляло до 95% местного еврейского населения¹⁸; 80 тысяч латвийских евреев (90%)¹⁹; 1000 эстонских евреев (22%)²⁰. К началу 1942 г. было официально объявлено об «окончательном решении еврейского вопроса» в Эстонии.²¹ Также на протяжении всего периода немецкой оккупации в концентрационные лагеря, размещённые на территории Эстонии, Латвии, Литвы свозились для уничтожения десятки тысяч евреев из других государств Европы. Из приведённых данных видим, что Холокост в Прибалтийских республиках имел место быть не в меньших масштабах, чем в других регионах оккупированной нацистами Восточной Европы.

Тем не менее, основным камнем преткновения в освещении событий Холокоста в странах Балтии остаётся роль местных коллаборацио-

¹³ Аникин, Линченко 2021: 55–63.

¹⁴ Vaumel 2001: 260.

¹⁵ Залманович 2008.

¹⁶ Maripuu 2001: 137–142.

¹⁷ Территория Эстонской ССР была полностью оккупирована немецкими войсками к концу августа 1941 г., а значит местное еврейское население имело больше времени на эвакуацию в глубь СССР, нежели в Литве и Латвии, большая часть территории которых была полностью захвачена на 3-й и 14-й день войны соответственно.

¹⁸ Gruber R. E. National Geographic Jewish Heritage Travel: A Guide to Eastern Europe, National Geographic Traveler Series. National Geographic Books, 2007. P. 67.

¹⁹ Press 2000: 37–40.

²⁰ Maripuu 2001: 137–142.

²¹ Альтман 2002: 163–169.

нистов в массовом уничтожении евреев. Именно данный аспект, по нашему мнению, и является основной причиной меньшего внимания к указанной проблематике. В историческом дискурсе официальных Таллина, Риги, Вильнюса местные коллаборационисты, позиционируются как «патриоты», борцы с советской властью. Эстонские²², латвийские²³ и литовские²⁴ исследователи оправдывают сотрудничество сограждан с немцами стремлением к восстановлению независимости, подчёркивая, что большинство прибалтов не были нацистами, а вступили в ряды вермахта в 1944 г., когда уже был очевиден проигрыш Германии в войне.

Однако данным утверждениям противоречат результаты расследования учреждённой в 1998 г. Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности (эст. Inimsusevastaste Kuritegude Uurimise Eesti Rahvusvaheline Komisjon), которые документально подтверждают участие местных коллаборационистов в расправах над еврейским населением, советскими военнопленными как на территории самой Эстонии, так и за её пределами (в Литве, Польше, Белоруссии) в период с 1942 по 1944 г.²⁵ Вместе с тем, современными эстонскими авторами отрицается наличие массового антисемитизма в республике, а участие эстонцев в геноциде евреев объясняется мстостью за советские репрессии и «общим ожесточением» в условиях войны²⁶. Латвийские коллаборационисты из числа местных националистов также приняли активное участие в еврейских погромах, убийствах и грабежах с первых дней немецкой оккупации²⁷. Особую жестокость проявляли члены военизированной организации «Команда Арайса» из числа этнических латышей, созданной в июле 1941 г. и подчинённой СД. В Литве массовые расправы над евреями начались ещё до прибытия немецких войск, в первые часы войны, и осуществлялись местными активистами LAF (лит. Lietuvos Aktyvistų Frontas, LAF)²⁸, которые захватили Вильнюс и Каунас до подхода немецких сил²⁹. Очевидно, что местные коллаборационисты принимали непосредственное участие в холокосте не только в своих республиках, но и на сопредельной территории РСФСР, Белоруссии, Польши на протяжении всего периода немецкой оккупации. Данные факты безусловно являются «неудобной правдой» для прибал-

²² Адамсон 2009: 182.

²³ История Латвии: книга для учителя 2000: 241; Butulis, Zunda 2015: 253.

²⁴ Kiaura 2005: 359; Wars of Lithuania 2014: 304.

²⁵ Международная комиссия Эстонии по расследованию преступлений против человечности 2005: 23–25.

²⁶ Maripuu 2001: 137–142; Weiss-Wendt 2009: 476.

²⁷ Angrick 2009.

²⁸ Ещё в ноябре 1940 г. с подачи нацистской Германии была создана праворадикальная организация Фронт литовских активистов (лит. Lietuvos Aktyvistų Frontas, LAF), имевшая целью в случае начала боевых действий между Третьим Рейхом и СССР обеспечить быстрый проход вермахта через территорию Литвы путём восстания в тылу отступающих советских войск.

²⁹ Дюков 2012: 1–27.

тийских идеологов политики памяти, позиционирующих сотрудничавших с немцами сограждан как патриотов, боровшихся за национальную независимость от СССР в «немецких мундирах».

Данное противоречие – участие «коллорационистов-патриотов» в нацистских преступлениях, было решено весьма своеобразным образом в местном историческом дискурсе. Если обратиться к аргументации эстонских, латвийских, литовских историков, то участие коллаборационистов в Холокосте либо отрицается (несмотря на обозначенные выше факты), либо преуменьшается, либо объясняется местью пострадавших от Советской власти, либо и вовсе неким эфемерным предубеждением об ответственности евреев за «советскую аннексию»³⁰. Самым распространённым аргументом является отрицание – в качестве примера здесь можно привести интервью, данное президентом Эстонии в 2001–2006 гг. Арнольдом Рюйтелем газете «Аргументы и Факты» в ознаменование шестидесятилетия победы в Великой Отечественной войне. Так, на вопрос корреспондента о причастности эстонцев к холокосту Рюйтель ответил: *«Я не располагаю данными, что эстонцы участвовали в расстрелах евреев, и что они вообще совершали такие дела в Эстонии... могу сказать с полной уверенностью – участие эстонцев в расстрелах еврейского населения исключается»*³¹.

Однако, факты говорят об обратном, местные пособники нацистов принимали непосредственное участие в Холокосте. Данное сотрудничество, по нашему мнению, можно объяснить некоторыми предпосылками политического и социально-экономического характера, имевшимися в странах региона. К первой категории следует отнести влияние местных авторитарных режимов, сложившихся 1926–1934 гг., когда демократические институты в Эстонии, Латвии, Литве были ликвидированы, парламенты распущены, а у власти утвердились авторитарные режимы, культивирующие идею построения мононациональных государств с превалированием титульного населения во всех сферах общественной жизни – разумеется любое инородческое население (еврейское в том числе) в данную концепцию государственного строительства не вписывалось (хотя прямые проявления антисемитизма в регионе до начала Второй мировой войны отсутствовали)³². Вторая категория – в виде социально-экономических предпосылок, более характерна для Латвии и особенно Литвы, где имелась весьма многочисленная еврейская община. Еврейские предприниматели доминировали в секторах среднего и малого бизнеса Литвы и Латвии, были главными конкурентами немногочисленных литовских и латвийских предпринимателей, что также способствовало росту межнациональной напряжённости и антиеврейских настроений³³. При этом, в местной научной и учебной литературе нали-

³⁰ Вайс-Вендт 2008: 475; MacQueen 2004: 1.

³¹ Цит. по: Зотов 2005.

³² Шишко 2013; Weiss-Wendt A 2009: 476.

³³ Шишко 2013.

чие каких-либо предпосылок для Холокоста в Прибалтийских республиках отрицается, либо связывается с советской репрессивной политикой, ставшей, якобы фактором роста антиеврейских настроений.

Не афишируется факт Холокоста и в местных музейных экспозициях, посвящённых событиям периода Второй мировой войны и немецкой оккупации, где на первый план выводятся информация и данные о советских репрессиях – расстрелах, бомбардировках, национализации имущества. В экспозиции музея «Красного террора» в «Батарейной тюрьме» Таллина представлена исчерпывающая информация об использовании тюрьмы органами НКВД, но практически нет информации о массовых расстрелах еврейского населения в период немецкой оккупации. Так же, как и экспозиция Музея оккупации Латвии в Риге лишь вскользь упоминает о Холокосте, отводя первостепенное внимание советской репрессивной политике и замалчивая участие местных коллаборационистов в преступлениях военного времени и т.д.³⁴ За редким исключением, практически не обновляются мемориальные комплексы на месте нацистских концлагерей, возведённые в период существования СССР. С 1990-х гг. при активном участии местных еврейских общин было воздвигнуто лишь несколько памятных знаков, отсылающих к холокосту. При этом, у каждой из стран Балтии своя мемориальная дата памяти жертв Холокоста. В Латвии это 4 июля – день, который в 1941 г. ознаменовался сожжением хоральной синагоги в Риге, в Литве – 23 сентября, когда в 1943 г. началась ликвидация Вильнюсского гетто. В Эстонии память погибших евреев чтут 27 января – в Международный день памяти жертв Холокоста.

Однако, не смотря на схожесть прибалтийской политики памяти, следует отметить различия в отношении к Холокосту. Так, по нашему мнению, наименьшее внимание проблеме геноцида еврейского населения уделяется в современной Эстонии – это можно проследить по относительно немногочисленному количеству публикаций, музейных экспозиций, монументов и частоте упоминаний о данном событии, даже в сравнении с соседями по региону³⁵. Кроме того, эстонская еврейская община никогда не была многочисленной. В Латвии и особенно Литве, наоборот, еврейская община была активно представлена в общественном пространстве, что повлияло на более частое обращение к тематике холокоста в местном историческом дискурсе³⁶. В частности, первым Еврейским музеем, открывшемся на постсоветском пространстве, был музей в Вильнюсе, в 1991 г. в Понарах (место массовых расстрелов вильнюсских евреев) был установлен один из первых мемориалов погибшим в Холокосте. Также необходимо отметить, что, за исключением периода немецкой оккупации 1941–1944 гг., в странах Балтии нами небыли обнаружены какие-либо свидетельства популярности антисе-

³⁴ Зверев 2022: 195–208.

³⁵ Вайс-Вендт 2008: 475; Зверев 2021: 202–215

³⁶ Залманович 2008; Шишко 2013.

митских идей ни до Второй мировой войны, ни позднее. Хотя националистический уклон республик межвоенного периода и авторитарные режимы Антанаса Сметоны, Карлиса Улманиса и Константина Пятса безусловно способствовали росту недоверия к представителям нетитульных народностей, в том числе и евреев, став «благодатной почвой» для антисемитской нацистской пропаганды.

Тем не менее, пристальное внимание мирового сообщества к проблеме Холокоста не позволяет игнорировать данную проблему, и по мере усиления процессов евроатлантической интеграции с конца 1990-х – 2000-х гг. тематика геноцида еврейского населения в период Второй мировой войны всё чаще является предметом исследования и прибалтийских авторов, хотя по обозначенным выше причинам остаётся второстепенной и весьма формализованной темой местного исторического дискурса.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аникин Д.А., Линченко А.А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 55–63. [Anikin D.A., Linchenko A.A. Memorial'nye vojny v usloviyah vostochnoevropejskogo frontira: v poiskah metodologii issledovaniya (Memorial wars in the conditions of the Eastern European frontier: in search of research methodology). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 466, pp. 55–63.]
- Адамсон А. Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. 372 с. [Adamson A. Nacional'naya istoriya Estonii v kontekste evropeizacii proshlogo i «vojny pamyatnikov» (National history of Estonia in the context of Europeanization of the past and the “war of monuments”). Nacional'nye istorii na postsovetском prostranstve – II / Pod redakcij F. Bomsdorfa, G. Bordyugova. Moscow, Fond Fridriha Naumanna, AIRO-NKNI, 2009. 372 p.]
- Альтман И.А. Уничтожение евреев в Прибалтике // Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР / Под ред. проф. А.Г. Асмолова. М.: Фонд «Холокост», 2002. 320 с. [Altman I.A. Unichtozhenie evreev v Pribaltike. Holokost i evrejskoe soprotivlenie na okkupirovannoj territorii SSSR (Destruction of Jews in the Baltics // Holocaust and Jewish resistance in the occupied territory of the USSR). Pod red. prof. A.G. Asmolova. Moscow, Fond «Holokost», 2002. 320 p.]
- Залманович М. Катастрофа евреев Латвии (обзорная лекция) // М. Баркаган Уничтожение евреев Латвии 1941-1945: сборник. Рига: Шамир, 2008. [Zalmanovich M. Katastrofa evreev Latvii (The Catastrophe of the Jews of Latvia). M. Barkagan Unichtozhenie evreev Latvii 1941-1945: sbornik. Riga: SHamir, 2008.]
- Вайс-Вендт А. Почему Холокост ничего не значит для эстонцев // Journal of Baltic Studies Vol. 39, № 4, Dec. 2008. 497 p. URL: [Vajs-Vendt A. Pochemu Holokost nichego ne znachit dlya estoncev (Why the Holocaust means nothing to Estonians). Journal of Baltic Studies Vol. 39, № 4, Dec. 2008. 497 p. URL: https://museum.jewish.ee/history/Holocaust/Anton_ru.pdf]
- Дюков А.Р. Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг. Сборник документов. М.: Фонд "Историческая память", 2012. С. 1–27. [Dyukov A.R. Nakanune Holokosta. Front litovskih aktivistov i sovetские repressii v Litve, 1940–1941 gg. (On the eve of the Holocaust. Lithuanian activists' front and Soviet repression in Lithuania, 1940–1941.). Sbornik dokumentov. Moscow, Fond "Istoricheskaya pamyat", 2012. pp. 1–27.]
- Зверев К.А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национального государственного строительства. Проблемы национальной стратегии, 2021, № 1(64), С. 202–215. [Zverev K.A. Istoricheskaya politika Estonskoj Respubliki v kontekste nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva (Historical policy of the Republic of Estonia in the context of national state construction). Problemy nacional'noj strategii, 2021, № 1(64), pp. 202–215.]

- Зверев К.А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. Вестник Костромского государственного университета, 2019, Т. 25, № 1, С. 79–81. [Zverev K.A. Istoriya kak instrument propagandy v politicheskoj borbe Pribaltijskikh respublik v 1990-e – 2000-e gg. (History as a propaganda tool in the political struggle of the Baltic republics in the 1990s - 2000s). Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, T. 25, № 1, pp. 79–81.]
- Зверев К.А. Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти. Вестник Костромского государственного университета, 2020, Т. 26, № 4, С. 70–77. [Zverev K.A. Russkojazychnoe naselenie Latvii v novejšij period: vzaimosvyaz' statusa s mestnoj politikoj pamjati (Russian-speaking population of Latvia in the modern period: the relationship of status with local memory politics). Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020, T. 26, № 4, pp. 70–77.]
- Зверев К.А. Прибалтика в годы Великой Отечественной войны: современная интерпретация в Эстонии, Латвии, Литве // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 195–208. [Zverev K.A. Pribaltika v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: sovremennaya interpretacija v Estonii, Latvii, Litve (The Baltics during the Great Patriotic War: modern interpretation in Estonia, Latvia, Lithuania). Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2022. T. 24, № 2, pp. 195–208.]
- Зверев К.А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы. Всеобщая история, 2020, № 3, С. 3–13. [Zverev K.A. Formirovanie oficial'noj istoricheskoj paradigmy nezavisimoj Litvy (Formation of the official historical paradigm of independent Lithuania). Vseobščhaya istoriya, 2020, № 3, pp. 3–13.]
- Зотов Г. Президент Эстонии Арнольд Руйтель. Разве мы восхваляем нацизм? // Аргументы и факты. № 12 (1273) от 23 марта 2005 г. [Zotov G. Prezident Estonii Arnold Rujtel'. Razve my voskhvalyajem nacizm? (President of Estonia Arnold Ruutel. Do we praise Nazism?). Argumenty i fakty. № 12 (1273) ot 23 marta 2005 g.]
- История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000.241 с. [Istoriya Latvii: kniga dlya uchitelja: eksperim. metod. Posobie. (History of Latvia: a book for teachers: experiment. method. manual). Pod red. Vilnis Purenš, Dzintra Liepiņa; [per. s latyšskogo]. Riga: RaKa, 2000. 241 p.]
- Махотина Е.И. Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы; научный редактор: А.И. Миллер. С-Пб.: Изд-во Европейского университета, 2020. 254 с. [Mahotina E. I. Prelomleniya pamjati: Vtoraya mirovaya vojna v memorial'noj kul'ture sovsed'noj i postsovsed'noj Litvy (Refractions of memory: The Second World War in the memorial culture of Soviet and post-Soviet Lithuania); editor: A.I. Miller. St. Petersburg: European University Publishing House, 2020. 254 p.]
- Международная комиссия Эстонии по расследованию преступлений против человечности. Рапорты Международной комиссии Эстонии по расследованию преступлений против человечности: оккупация Эстонии Советским Союзом, 1940-1941, оккупация Эстонии Германией, 1941-1944 / М-во образования и науки, Эстонский фонд расследований преступлений против человечности. Тарту: [б.и.], 2005. 35 с. [Mezhdunarodnaja komissija Estonii po rassledovaniju prestuplenij protiv čelovečnosti. Raporty Mezhdunarodnoj komissii Estonii po rassledovaniju prestuplenij protiv čelovečnosti: okkupacija Estonii Sovetskim Soyuzom, 1940-1941, okkupacija Estonii Germaniej, 1941-1944. (Estonia's International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes against Humanity: occupation of Estonia by the Soviet Union, 1940-1941, occupation of Estonia by Germany, 1941-1944). M-vo obrazovaniya i nauki, Estonskij fond rassledovanij prestuplenij protiv čelovečnosti. Tartu: [b.i.], 2005. 35 p.]
- Шишко И. Историк Виткус: для современных литовцев Холокост – чужая история // Аналитический портал RuBaltic.Ru URL: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/istorik-vitkus-dlya-sovremennykh-litovcev-kholokost-čuzhaya-istoriya3072013/> [Shishko I. Istorik Vitkus: dlya sovremennykh litovcev Holokost – čuzhaya istoriya (Historian Vitkus: for modern Lithuanians the Holocaust is someone else's history). Analiticheskij portal RuBaltic.Ru URL: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/istorik-vitkus-dlya-sovremennykh-litovcev-kholokost-čuzhaya-istoriya3072013/>]

- Angrick A., Klein P. The Final Solution in Riga: Exploitation and Annihilation, 1941-1944. New York: Berghahn Books, 2009.
- Baumel J. T. The Holocaust Encyclopedia / Ed. Walter Laqueur. Yale University Press, 2001. 816 p.
- Butulis L., Zunda A. History of Latvia. Riga: Jumava, 2015. 253 p.
- Gruber R. E. National Geographic Jewish Heritage Travel: A Guide to Eastern Europe, National Geographic Traveler Series. National Geographic Books, 2007. 352 p.
- Kiaupa Z. The History of Lithuania. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. 359 p.
- Laar M. Eesti sõdur II maailma sõjas / The estonian soldier in World War II. Tallinn: Kirjastus Gfenader. 2009. 541 p.
- Laar M. Estonia in World War II. Tallinn: Grenader, 2005. 71 p.
- MacQueen M. Lithuanian Collaboration in the «Final Solution»: Motivations and Case Studies // Lithuania and the Jews. The Holocaust Chapter. United States Holocaust Memorial Museum, 2004. P. 1.
- Maripuu M. Eesti juutide ja eestlaste holokaust // Vikerkaar. aug.-sept. 2001. nr 8/9, lk 137–142. [Maripuu M. Eesti juutide ja eestlaste holokaust (Holocaust of Estonian Jews and Estonians). Vikerkaar. aug.-sept. 2001. nr 8/9, pp. 137–142.]
- O'Connor K. The history of the Baltic States. – Santa Barbara (Calif.); Denver (Colo.): Greenwood, 2003. P. 121–122.
- Oras A. Eesti saatuslikud aastad 1939–1944 (mälestused) (Estonia's fateful years 1939–1944 (memoirs)). Soome keelest tõlkinud Juta Eskel; Tallinn: Olion 2002, 256 lk. [Oras A. Eesti saatuslikud aastad 1939–1944 (mälestused). Soome keelest tõlkinud Juta Eskel; Tallinn: Olion 2002, 256 p.]
- Press B. The murder of the Jews in Latvia: 1941-1945 = Judenmord in Lettland, 1941-1945 (1992) (англ.). Northwestern University Press, 2000. 222 p.
- Stockholm Documents. The German Occupation of Latvia. 1941–1945: What Did America Know? Riga: Publishers of the Historical Institute of Latvia, 2002. 507 p.
- Wars of Lithuania. A Systemic Quantitative Analysis of Lithuania's Wars in the Nineteenth and Twentieth Centuries / Edited by Gediminas Vitkus. Vinius: Eugrimas, 2014. 304 p.
- Weiss-Wendt A. Murder without Hatred. Estonians and the Holocaust. Syracuse: Syracuse University Press, 2009. 476 p.
- Кирилл Александрович Зверев**, кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет; zverew.kir@yandex.ru

The Holocaust in the Baltics: Modern Assessments in Local Historical Discourse

The article presents an analysis of modern assessments and interpretations of the Holocaust in the three Baltic republics – Estonia, Latvia, Lithuania. The main theses of the local policy of memory and interpretation of the events of the Second World War and the Great Patriotic War, which have a direct impact on attitudes towards the Holocaust, are also noted. The author comes to the conclusion that the Holocaust for the Baltic countries remain a secondary and very formalized topic of local historical discourse, largely due to the participation of local collaborators in the extermination of the Jewish population, who are now positioned as patriots and fighters for national independence from the Soviet Union, but not as perpetrators of Nazi crimes. The least attention is paid to the problem of the genocide of the Jewish population in modern Estonia – this can be seen in the relatively small number of publications, museum exhibitions, monuments and the frequency of references to this event, even in comparison with its neighbors in the region. Moreover, the Estonian Jewish community has never been large. In Latvia and especially Lithuania, on the contrary, the Jewish community was actively represented in the public space, which influenced the more frequent reference to the Holocaust in local historical discourse.

Keywords: *Baltic republics, Estonia, Latvia, Lithuania, politics of memory, historical politics, Holocaust.*

Kirill A. Zverev, PhD (History), Associate Professor, Kostroma State University; zverew.kir@yandex.ru

**НЕОДНОЗНАЧНОЕ ПРОШЛОЕ»:
ЮБИЛЕЙНАЯ ДИСКУССИЯ О ГДР В ЖУРНАЛЕ «DER SPIEGEL» 2015 г.**

В статье на основе анализа публикаций журнала «Der Spiegel» рассматриваются особенности интерпретации истории ГДР в объединенной Германии. Для изучения выбран юбилейный 2015 год. Тематическая классификация опубликованных статей показывает интерес журналистов к разным аспектам прошлого Восточной Германии, но большинство публикаций отличаются критической интерпретацией. Авторы делают вывод, что такая позиция журнала предопределена пониманием значимости опубликованных материалов в формировании социальной памяти и стремлением не допустить повторения «трудного прошлого».

Ключевые слова: ГДР, ФРГ, объединение Германии, журнал «Der Spiegel», историческая память, media memory.

Известный немецкий исследователь политики памяти ФРГ Алейда Ассман характеризует юбилей как важный барометр настроений, отражающих политическую ситуацию и её напряжённость¹. Цель данной статьи – анализируя материалы журнала «Der Spiegel» 2015 г., выяснить отношение немцев к истории Восточной Германии – после 25 лет воссоединения ГДР и ФРГ. Юбилейная дата повлияла на рост популярности темы объединения немецких государств и увеличение количества публикаций в СМИ о прошлом ГДР. Тем не менее, стоит учитывать, что в современной истории Германии 2015-й год оказался одним из самых трудных по причине начавшегося миграционного кризиса, проблемы которого оставались в центре внимания и политиков, и средств массовой информации, и обычных граждан.

Изучение влияния медийного дискурса на представления о прошлом является одной из главных задач нового направления в исследованиях культурной и социальной памяти media memory, возникшего в конце 1990-х - начале 2000-х гг. на стыке двух самостоятельных дисциплин – memory studies и media studies. Среди российских исследователей одними из первых обратили внимание на значение «медиа-источников» в формировании исторических представлений И.М. Савельева и А.В. Полетаев². Джеффри Александер исследовал значение медиа в формировании памяти о Холокосте³.

Ю.А. Софронова, представив долгий путь развития media memory – от первых замечаний на эту тему М. Хальбвакса, теории коммуникации М. Маклюэна до работ самых современных исследователей (Б. Зеллер, В. Канстайнер, А. Гиссен, К. Китч и др.) – указывает не только на разнообразие программ и теоретических оснований изучения агентов медиации памяти, но и подчеркивает принципиальные противоре-

---

¹ Ассман 2022: 44

² Савельева, Полетаев 2011: 9

³ Александер 2013: 127-134, 160-161

чия среди исследователей. Одна группа ученых позитивно оценивает влияние медиа на память общества, другая – негативно⁴.

Учитывая, что объектом анализа в данной статье является еженедельник «Der Spiegel», следует обратить особое внимание на позиции немецких ученых. В частности, Астрид Эрлл, одна из ведущих специалистов проблемы медиации памяти, утверждает, что каждое медиа «имеет свой собственный способ запечатления прошлого и будет оставлять следы в памяти, которую создает». Немецкий культуролог Мартин Зирольд, критикуя новое направление, считает, что ни одна медиатехнология не может нести ответственность за память.

Ю.А. Сафронова подчеркивает, что подходы А. Эрлл и М. Зирольда основаны на концепции немецкого философа Зигфрида Шмидта, предложившего интегративную модель медиасистем, состоящую из 4-х элементов: 1) семиотический материал / инструмент коммуникации (язык, изображение, звук); 2) медиатехнологии (начиная с наскальной живописи); 3) социальный контекст / институционализация (история медиа – это история сложных систем производства, воспроизводства, потребления, поэтому нужно рассматривать историю издательств, социальную роль журналистов, рекламных агентств, кинокомпаний и пр.); 4) медиапродукт (как результат существования медиасистемы предполагает реципиента, который придает ему социальную значимость)⁵.

Авторы коллективной монографии «Исследования памяти и идентичность в России и Восточной Европе» анализируют различия при трансляции исторических нарративов в «старых» и «новых» медиа, отмечая, что «новые» медиа более ориентированы на диалог, рефлексивность, необходимость логически (а не эмоционально) соотносить разные факты и их интерпретации, а не просто на трансляцию сложившихся в политике памяти нарративов⁶. В исследованиях значительное внимание уделяется этическим аспектам функционирования медиа, поскольку они являются не только средствами познания, но и ценностными инструментами, создающими общественный дискурс вокруг событий прошлого, эмпатию и социальную ответственность⁷.

Барби Зелизер считает, что журналы остаются одним из «наименее очевидных» объектов для исследователей памяти, хотя они систематически и постоянно играют роль «в определении способов нашего восприятия прошлого», функционируют в качестве одного из основных институтов современного общества «по фиксации и вспоминанию». Кроме того, по её мнению, журналисты, используя аналогии, навязывают прошлому новые интерпретации⁸.

История СМИ в ФРГ и медийные особенности Германии являлись предметом исследований российских ученых в рамках институцио-

⁴ Сафронова 2020: 376-384.

⁵ Сафронова 2020: 380-381.

⁶ Researching Memory and Identity 2022.

⁷ Буллер, Линченко 2021: 64, 68-70; Сафронова 2020: 382.

⁸ Сафронова 2020: 385

нального подхода⁹. Особенное внимание как немецкими, так и российскими исследователями уделялось журналу «Der Spiegel», его создателю и главному редактору. В частности, подчеркивалось значение чувства вины Рудольфа Аугштайна перед народами Советского Союза – в 1942 г. в возрасте 18 лет он был призван на военную службу. Ценности семейного воспитания и это чувство вины, сопровождавшие его на протяжении всей жизни и деятельности, стали этической основой профессиональной и гражданской позиции – статьи и расследования самого Аугштайна и его журнала были направлены на развенчание как исторических легенд и мифов, поддерживавших немецкий национализм, так и актуальной политической лжи¹⁰.

С. Сумленный подчеркивает, что в 1960-е, когда развлекательные журналы занимали абсолютно доминирующие позиции, «Der Spiegel» оставался единственным общественно-политическим изданием, распространявшимся по всей территории страны. Можно предположить, что это было предопределено качественной журналистикой и уникальным хозяйственным положением еженедельника – являясь крупным изданием, он не принадлежал ни одной медиа-монополии¹¹.

Еженедельник неоднократно занимал первое место по цитируемости в других немецкоязычных СМИ. В 1993 г. две трети опрошенных немецких журналистов назвали «Der Spiegel» ведущим журналом. В начале 2017 года еженедельник отмечал 70-летие выпуском юбилейного номера, на обложке которого были размещены цитаты самых известных политиков Германии – Вилли Брандта, Хельмута Шмидта, Хельмута Коля, репутация которых в разные годы «пострадала» от «неудобного» журнала. Ангела Меркель, фотоколлаж с которой в окружении нацистов, шокировавший многих, появился на обложке журнала 21 марта 2015 г., призналась: «Под взглядом «Шпигеля» никто не может чувствовать себя уверенным».

Журнал всегда отличался от других изданий ФРГ не только смелой критикой политиков, прекрасным чувством юмора сотрудников, но и устремленностью в будущее: даже здания редакции, их интерьеры имели особенный – футуристический – стиль. Именно осознаваемой ответственностью перед будущим объясняется самое серьезное отношение редакции и журналистов к настоящему и прошлому. Журнал остается верен принципу Рудольфа Аугштайна: «Говорить так, как есть» («Sagen, was ist»). Шеф-редактором в 2015–2018 гг. был Клаус Бринкбоймер, сохранивший высокий уровень критичности к официальной политике и чувствительность к состоянию национальной самоидентификации.

С 1947 г. журнал выпускается издательством «SPIEGEL Verlag». Современный тираж составляет около 800 тыс. экземпляров¹². Процесс интенсивного развития электронных СМИ влияет на уменьшение тира-

⁹ Орехова 2008; Сумленный 2014

¹⁰ Graalmann 1997; Дело «Шпигеля» 2003; Черненко 2007; Сумленный 2014: 177-189

¹¹ Сумленный 2014: 167-168

¹² Verkaufte Auflagen der Nachrichtenmagazine 2023.

жа печатных изданий и переход на онлайн-формат – в 1994 г. был создан Spiegel Online. Интернет-платформа журнала действует активно – там размещаются все актуальные выпуски журналов, статьи, фото и видеоматериалы. С 2002 г. предоставляется платный доступ к архиву статей. На интернет-странице представлена обширная классификация статей по их тематике: «История», «Экономика», «Наука», «Жизнь» и другие. Блок «История» имеет следующие подразделы: «Свидетели», «Первая мировая война», «Вторая мировая война», «Германская Демократическая Республика», «Фотографии», «Фильмы», «Музыка», «Архив».

Тематические направления журнала «Der Spiegel» очень широки. Значительное внимание уделяется актуальным проблемам внутренней политики и социальным вопросам. При этом журнал не ограничивается исключительно информационными короткими публикациями, ориентируясь на более глубокие и тщательные журналистские работы. На страницах еженедельника часто развертывается полемика в нескольких номерах, и слово предоставляется всем сторонам дискуссии. «Der Spiegel» традиционно уделяет много внимания истории Германии.

В классификации «Германская демократическая республика» за 2015 г. представлено 85 публикаций – это редакционные материалы разных жанров: вступительные статьи, материалы постоянных колумнистов, новостные заметки, репортажи, аналитические обзоры, эссе и интервью. Данные публикации можно разделить на следующие тематические блоки: 34 публикации о политическом устройстве и жизни общества в ГДР, 16 – о конкретных пострадавших от режима людях, 9 статей о взаимоотношениях ГДР и ФРГ до объединения, 7 публикаций с ярко выраженной критикой Министерства государственной безопасности ГДР (Штази); 7 материалов с описанием фотопроектов о жизни и наследии Восточной Германии; по 6 статей – о деятелях культуры ГДР, о фильмах и сериалах, снятых после объединения о её истории. Безусловно, данная классификация является условной поскольку каждая публикация содержит отсылки ко многим аспектам, но, тем не менее, эти цифры отражают приоритетность в освещении определенных тем.

Большинство авторских материалов относятся к гибридным жанрам и не подпадают под строгую классификацию. Часть из них – авторские колонки – относятся к личному выражению мнения отдельного журналиста, а часть претендует на аналитическое отражение той или иной проблемы и всех точек зрения. Абсолютное большинство статей, за исключением тех, которые содержат только прямую речь (мини-интервью), формулируют конкретные ценностные заключения в отношении к прошлому ГДР.

Все проанализированные материалы «Der Spiegel» отличаются высокой степенью вовлечения представителей экспертного сообщества (историки, социологи, антропологи, юристы), политиков, очевидцев, родственников автора при обращении к личному опыту, что обеспечивает максимальное представление полноты мнений.

Основные статьи, выбранные для анализа, также соответствуют модели «контрастной репрезентации» – их авторы являются представителями разных частей разделенной Германии: Штефан Берг родился в Восточном Берлине в 1964 г., Константин фон Хаммерштейн – в 1961 г. на Западе, в Брауншвейге. Они принадлежат к одному поколению, оба являются профессиональными журналистами, но их жизненный опыт и отношение к прошлому ГДР имеют множество отличий.

Константин фон Хаммерштейн принадлежит знатному, известному в Германии роду. После окончания школы в Бонне изучал историю, политику и философию в Свободном университете Берлина, посещал Немецкую школу журналистики в Мюнхене¹³. Профессиональную карьеру он начинал на Берлинском радио, в 1992/1993 гг. работал корреспондентом радио в Вашингтоне. С 1998 г. К. фон Хаммерштейн стал сотрудником журнала «Der Spiegel». В 2022 г. вместе с Маттиасом Гебауэром он был удостоен награды «Немецкий репортер: внутренняя премия» в категории «Расследование»¹⁴. В своей статье 2015 г. «Тель и мертвый кабан» («Tell und das tote Wildschwein») К. фон Хаммерштейн рассматривает преступления спецслужб ГДР, подразделений Министерства государственной безопасности (Штази) (в т.ч. похищение людей из западной оккупационной зоны в восточную для осуществления пыток и суда)¹⁵.

Автор начинает статью с заявления о том, что «в настоящее время раскрывается темная глава Восточной Германии: нам известно о более чем 400 похищениях критиков режима и перебежчиков», осуществленных Штази на Западе. В деталях в статье рассмотрены некоторые похищения (в т.ч. одно из самых первых и трагичных – Вальтера Линзе, руководителя экономического отдела антикоммунистической организации «Следственный комитет свободных юристов»). Детали второго похищения – псевдоним «Тель» одного из секретных сотрудников и использование в операции мертвого кабана – автор включил в название статьи.

К. фон Хаммерштейн характеризует ГДР как не правовое государство, обвиняя Штази в найме ранее судимых преступников для совместного планирования и осуществления операций по похищению. Он утверждает, что «режим, который месяцами запирает похищенного в крошечной подвальной камере, воняющей фекалиями, мочой и хлором, заставляет его ночь за ночью бегать перед следователями и прерывает допросы только тогда, когда задержанный теряет слишком много крови из-за плохо перевязанного огнестрельного ранения», не может считаться демократическим. Фон Хаммерштейн, свидетельствуя, что дискуссии о прошлом Восточной Германии сохраняют актуальность, приводит пример дебатов, состоявшихся осенью 2014 г. в Тюрингии, – во время споров будущих партнёров по красно-зеленой коалиции об историко-политической классификации ГДР лидер фракции левых сказал: «Да, конеч-

¹³ Konstantin von Hammerstein 2014.

¹⁴ Unter Handwerker: innen 2022

¹⁵ Hammerstein 2015.

но, в ГДР существовала несправедливость, даже вопиющая несправедливость, но делало ли это режим СЕПГ несправедливым государством?».

Автор вступает в воображаемую полемику с Грегором Ф. Гизи¹⁶, критикуя его характеристику восточногерманского государства. Гизи считал ГДР в принципе хорошим, честным проектом, который позже, вопреки намерениям основателей и отклонившись от них, превратился в диктатуру. К. фон Хаммерштайн стремится доказать обратное: «Миф Гизи о добрых корнях ГДР – это легенда, и она ложна. Несправедливость в ГДР была не недостатком системы, а предпосылкой тоталитарного режима с самого начала. Похищения людей сотрудниками Штази в 1950-х и начале 1960-х гг. свидетельствуют об этом, поскольку они являются продолжением государственных преступлений сталинского периода основания ГДР». Автор ссылается на исследование Сюзанны Мюлле «Задание: Похищение людей» («Auftrag: Menschenraub»), которая на протяжении долгого времени изучала огромное количество документов: отчеты о шпионаже, протоколы допросов, сценарии похищений Штази, судебные документы Восточной Германии, следственные и судебные документы Западной Германии, газетные статьи, воспоминания. В своей книге Мюлле описывает, что представляло собой государство ГДР: «ложь, насилие и убийства, приказы наемным преступникам, условия содержания и методы допроса, похожие на пытки, сфабрикованные обвинения, постановочные судебные процессы и смертные приговоры, продиктованные судам Центральным комитетом СЕПГ еще до первого дня судебного разбирательства». Учитывая результаты исследования Мюлле, фон Хаммерштейн приходит к выводу, что похищения людей для режима СЕПГ и Министерства государственной безопасности, как «щита и меча партии», были важной демонстрацией силы коммунистической власти. Они должны были дестабилизировать идеологического противника на Западе, запугать критиков режима и возможных перебежчиков. В подтверждение автор статьи цитирует слова Эрнста Вольвебера, министра государственной безопасности ГДР в 1953–1957 гг.: «Власть рабочего класса настолько велика и распространяется так далеко, что любой предатель будет схвачен или понесет справедливое наказание в своем якобы безопасном убежище».

Анализируя статистические данные о количестве и специализации сотрудников МГБ ГДР, К. фон Хаммерштайн подчеркивает, что только около 3% использовались для «активной борьбы с врагом». Именно их называли «длинной рукой Штази», так как они проводили операции и за пределами ГДР. Интересно замечание автора статьи о том, что в начале

¹⁶ Грегор Флориан Гизи (1948 г.р.) – немецкий левый политический деятель. Начал политическую карьеру в конце 1960-х в качестве члена правящей в ГДР партии СЕПГ, в конце 1980-х примкнул к протестному движению, в 1990 г. в объединённой Германии стал лидером Партии демократического социализма. В последующие годы (с перерывами) избирался депутатом бундестага. Наиболее известен публичными выступлениями с критикой политики стран Запада, в первую очередь США. В результате исследования его досье установлено, что он являлся информатором Штази.

своей деятельности некоторые похищения сотрудники Штази осуществляли, выполняя «всего лишь услуги для Москвы», но такие примеры не могут служить оправданием большинства преступлений – в основном секретная служба ГДР действовала самостоятельно.

Следует обратить особое внимание на фотографии, иллюстрирующие текст фон Хаммерштейна. Первый черно-белый снимок – на фоне разрушенных зданий Берлина двое мужчин внимательно рассматривают предупреждающий знак о границе секторов около 1952 года – свидетельствует о начале раскола Германии и показывает реальные обстоятельства, в которых происходило похищение людей. Второй снимок – тюремное фото человека в профиль с надписью «Заключенный Линзе 1953. Застрелен в тюрьме». На третьей цветной фотографии, сделанной около 1980 г., – мужчина с голливудской улыбкой, стоящий около автомобиля, на крыше которого прикреплен огромный объемный герб ГДР. Надпись помогает идентифицировать мужчину – это Ханс Вакс, «бывший похититель... Человек действия, который не говорит много слов». В тексте статьи на примере сотрудничества Х. Вакса и Штази К. фон Хаммерштейн раскрывает способы вербовки людей, в первую очередь, из криминальной среды разделённого города. Характер визуальных материалов, выбранных фон Хаммерштейном, подчеркивает его профессионализм как журналиста, специализирующегося на репортажах по расследованию преступлений: читатель может видеть место похищения, одну из жертв и секретного сотрудника Штази, помогавшего осуществлять преступления. Кроме того, представленные фото и публикуемые факты свидетельствуют не только о тщательном отборе материала, но и знакомстве автора с архивными документами.

Мнение К. фон Хаммерштейна, опубликованное в 2015 г., можно рассматривать как отражение и продолжение тенденции, распространенной в 1990-е гг., когда политическая система ГДР характеризовалась как «вторая германская диктатура»¹⁷, и для её изучения активно использовалась концепция тоталитаризма. Действительно, по замечанию российского историка Евгении Лёзиной, после воссоединения был взят курс на «проработку диктатуры ГДР», для чего использовались меры, аналогичные проработке нацистского режима в 1945 г.: уголовное расследование государственных преступлений, реабилитацию жертв и компенсации за причиненные страдания. Кроме того, происходило увольнение представителей и сторонников режима СЕПГ с государственной службы; возмещение имущественного ущерба пострадавшим и систематическое критическое рассмотрение истории ГДР¹⁸.

Томас Гроссбёльтинг, профессор университета в Мюнстере, работавший в 2005-2007 гг. руководителем отдела образования и исследований в аппарате федерального уполномоченного по изучению архивов Штази, в своей статье 2017 г. отметил, что миф о «ГДР как государстве

¹⁷ Борозняк 2007: 13.

¹⁸ Лёзина 2013: 99.

Штази» сохранял высокую степень эмоциональности и влияния не только в ситуации мирной революции 1989-1990 гг., но и в последующие десятилетия. Анализируя причины популярности такого представления, Т. Гроссбёльтинг назвал шокировавшие всех сведения о масштабах деятельности Министерства государственной безопасности, интерес обычных людей, политиков и исследователей к методам его работы и жертвам преследований. Кроме того, по мнению историка, важным аспектом формирования и распространения мифа о Штази являлись политические и личностные интересы: в частности, акцент на всемогущество МГБ дезавуировал роль СЕПГ в политических преступлениях и усиливал значение деятельности оппозиции¹⁹.

Жизненный путь автора второй статьи Штефана Берга отличался не только от биографии К. фон Хаммерштейна, но и от многих его ровесников, живших в Восточной Германии. В частности, после окончания средней школы в 1982 г. он прошел альтернативную службу в строительном отряде²⁰, которая позволяла, как и служба в Национальной народной армии, поступить в высшее учебное заведение. С 1986 г. Берг работал редактором различных церковных газет ГДР, после воссоединения Германии в 1991 г. он начал работу в «Deutsche Allgemeine Sonntagsblatt»²¹, в 1996 г. стал корреспондентом «Der Spiegel»²². Несмотря на поставленный в 2008 г. диагноз²³, Берг продолжает активно работать²⁴.

В 2014 г. он опубликовал книгу под названием «Увольнение» («Landgang»), в её основе – реальная переписка семнадцатилетнего студента Штефана Берга и известного писателя Гюнтера де Бройна²⁵. Переписка была инициативой Штефана с целью поблагодарить писателя за смелые лекции о движении за мир. В результате завязывается дружеская переписка, в которой речь идет о литературе и политике, но центральной темой была жизнь призванного Штефана Берга в качестве так называемого солдата-строителя. Книга представляет собой уникальный документ, который делает стремление к свободе – всего за несколько лет до падения Берлинской стены – осязаемым и для современных читателей²⁶. В 2017 г. Ш. Бергу присуждена премия Герберта Риль-Хейзе²⁷.

¹⁹ Гроссбёльтинг 2017: 53-73.

²⁰ Stefan Berg 2024.

²¹ Deutsche Allgemeine Sonntagsblatt – немецкая еженедельная газета Евангелической церкви Германии (EKD), основана в Гамбурге в 1948 г. под названием «Sonntagsblatt», существовала до октября 2000 г.

²² Berg 2019.

²³ Zitterpartie 2024.

²⁴ Zitterpartie 2024.

²⁵ Гюнтер де Бройн (1926-2020) – один из самых известных писателей ГДР, получивший множество литературных премий (в т.ч., премии Генриха Манна, Лиона Фейхтвангера, Генриха Бёлля), несмотря на критику внешней политики ГДР и отказ в 1989 г. от Национальной премии ГДР. Его произведения публиковались в Советском Союзе на русском языке.

²⁶ Landgang 2024.

²⁷ Герберт Риль-Хейзе (1940-2003) – немецкий писатель и сценарист.

Стоит отметить, что профессиональная деятельность и биография Берга – активно обсуждаемая тема в немецкоязычных СМИ. В частности, в последние годы сообщалось о том, что он начал рисовать.

Воспоминания такого известного журналиста и неординарного человека особенно интересны в контексте происходивших в 2015 г. дискуссий о прошлом ГДР. Свою статью он назвал «Высадка в Германии» («Landung in Deutschland»), её отличительная особенность – анализ истории и современности на основе собственного жизненного опыта. Штефан Берг отмечает, что не помнит, чтобы «чувствовал себя немцем или воспитывался как таковой», скорее, он «чувствовал себя невольным гражданином ГДР с западной ориентацией». «Слово Германия описывало для меня погибшую империю, – пишет он, – от которой исходило величайшее зло и которая, в некотором смысле, заслуживала раскола. В Стене я видел не только жестокий инструмент ГДР по задержанию своих граждан, но и следствие безумной войны, развязанной Германией»²⁸. Следует подчеркнуть, что многие немцы, чувствовавшие вину за нацистские преступления, считали такое наказание справедливым – независимо от того, в какой части разделённой Германии они жили.

Размышляя о культурных и политических изменениях в немецких государствах после 1945 г., Штефан Берг утверждает, что жители ГДР сохранили немецкую идентичность в большей мере, чем старшее поколение западных немцев. Он выделяет три фактора данного явления. Во-первых, он отмечает роль патриотизма в ГДР, вспоминая высказывание первого секретаря ЦК СЕПГ Вальтера Ульбрихта (1950–1973) о том, что правящая партия следовала постулату обогнать Запад, не желая, при этом, его догнать. Берг приходит к выводу, что «жизнь восточных немцев была “более немецкой”, чем западных», так как ГДР, по его мнению, заимствовала от Советского Союза гораздо меньше, чем Западная Германия от Америки.

Данное утверждение имеет обоснование в современных исторических исследованиях. В частности, Ян Пальмовски, изучив деятельность отделения Культурного союза (Kulturbund) деревни Дабель, которая в 1970–1980-х гг. считалась «образцовой общиной социалистической Отчизны», сделал вывод о том, что стремление местных жителей к сохранению культурной самобытности позволяло им и конкурировать, и взаимодействовать с официальным дискурсом «социалистической немецкой нации», провозглашенным VIII съездом СЕПГ в 1971 г.²⁹. Заметим, что определенное значение имела позиция нового поколения руководителей ГДР (в т.ч., первого секретаря ЦК КПГ Эриха Хонеккера), стремившихся отказаться от копирования советского образца социализма – в 1976 г. IX съезд КПГ одобрил идеологию «социализма в цветах ГДР».

Вторым фактором Штефан Берг считает особую роль религии и церкви в ГДР. Он отмечает, что, несмотря на существование Стены и

²⁸ Berg 2015

²⁹ Пальмовски 2015: 54-72

разделение государства, именно благодаря церкви люди, книги и медицинское оборудование перемещались с Запада на Восток. Церкви, по его мнению, были «школами демократии и в то же время локусами общегерманской социализации». Как редактор церковной газеты, он чувствовал себя вполне подготовленным к жизни на Западе и нашел себе место в объединенной Германии быстрее, чем многие журналисты, которые, как иронично он замечает, «работали на СЕПГ до последнего патрона своих пишущих машинок».

Одним из важнейших аспектов жизни в ГДР, по мнению Штефана Берга, было развитие культуры. Он соглашается с тем, что после объединения культурная политика ГДР справедливо подвергается критике, однако непреходящей заслугой социалистической Германии было обеспечение почти бесплатного доступа к культурным ценностям: «Иногда требовалось время, чтобы приобрести определенные билеты в театр или книги, но никогда это не стоило дорого». С другой стороны, отмечает Берг, безусловно, в ГДР «предпринималась попытка подчинить культуру идеологии». Тем не менее, «ни идеологически настроенный учитель, ни агитационное предисловие не могли помешать индивидуальному восприятию рассказа Штефана Цвейга как немецкоязычной литературы». Литература не утратила своей основной функции: по-прежнему она предоставляла возможность для размышлений о мире и для более пристального наблюдения за своей страной.

Рассуждая о власти СЕПГ Берг отмечает: «Верхушка ГДР страдала комплексом неполноценности, партийные и государственные лидеры всеми силами стремились к международному признанию. Поэтому поощрялись соревнования в спорте и стремление занять первое место в медальном зачете Олимпийских игр». Штефан Берг считает закономерными протесты восточных немцев в 1989/1990 гг.: «В этой стране тысячи людей ежедневно выходили на рыночные площади, приветствуя Гельмута Коля. Они надеялись избавиться от предлагаемого коммунизма раз и навсегда». Процесс воссоединения Штефан Берг характеризует риторическим вопросом: «Я начинал как гражданин ГДР. А теперь оказался немцем. Но чувствую ли я это?». Он вспоминает свой собственный гнев по поводу того, что его просто так «проглотил Запад». Присоединение ощущалось как подчинение. Вследствие этого на пути к новому, общему национальному самосознанию встали другие чувства. «На Востоке после распада ГДР, как верно сформулировал Йенс Райх³⁰, – отмечает Ш. Берг, – возникло больше идентичности ГДР, чем во времена ГДР». Другим препятствием формирования единого немецкого самосознания было равнодушие или презрение западных немцев в отношении к восточным. Журналист вспоминает своё удивление, появившееся

³⁰ Йенс Райх (1939 г.р.) – известный ученый микробиолог, доктор наук, профессор, активный участник оппозиционного движения в ГДР, один из инициаторов создания Нового форума осенью 1989 г., избран депутатом Народной палаты ГДР в марте 1990 года, был выдвинут кандидатом на должность федерального президента в мае 1994 г.

после встреч с западногерманскими левыми: они ничего не знали о ГДР. Это невежество контрастировало с подробным знанием Никарагуа, Вьетнама, виноделия во Франции или хороших мест в Тоскане. Результатом таких встреч были разочарование и грустные выводы: «Часть западных немцев отделилась от Германии без участия СЕПГ».

Как и многие современные историки, Ш. Берг возвращается к вопросу о выборе празднования даты дня воссоединения и отмечает, что «если 9 октября³¹ было днём радости», то 3 октября³² стало для него, как восточного немца, «днем начала неопределенного будущего». Можно предположить, что не случайно иллюстрацией статьи Берг выбрал фото одного из самых известных граффити Биргит Киндер «Трабант, пробивающий Берлинскую стену». Легендарный рисунок под авторским названием «Test the Best» был сделан на одном из фрагментов Стены в 1990 г. и стал символом победы восточных немцев в борьбе за свободу. В качестве номера на капоте культового восточногерманского автомобиля художница зафиксировала дату события – 9 ноября 1989 года (NOV–9–89). Рисунок свидетельствует о начале нового этапа истории, но одновременно создаёт ощущение тревоги: сможет ли «Трабант» преодолеть препятствие и «въехать» в Западную Германию? Смогут ли восточные и западные немцы стать единой нацией?

Выбор даты празднования Дня германского единства аналогично критикует немецкий историк и исследователь памяти Алейда Ассман. По её мнению, праздничная дата могла бы стать памятником мирной революции и тем, кто ее совершил, но этого сделано не было: «3 октября – это не выражение признательности восточным немцам за их мужество и стремление к свободе, а дата в истории победителей»³³. А. Ассман, анализируя опубликованные в 2020 г. воспоминания Томаса Оберендера (родившегося в 1966 г. в ГДР), отмечает, насколько трудной оказалась проблема самоидентификации восточных немцев в условиях мирной революции и воссоединения. Определяя асимметрию отношений, она сделала такой вывод: «Если революция была делом Востока, то воссоединение стало делом Запада»³⁴.

Проблемы истории разделения, воссоединения и памяти о событиях 1989/1990 гг. отражались не только в дискуссиях о праздничной дате, но и в использовании разных терминов, идентифицирующих произошедшее. Соглашаясь с Т. Оберендером, Алейда Ассман утверждает, что центральное событие следует называть не «падение Стены», а «крушение». Аргументируя эту точку зрения, она отмечает: обычно стена падает из-за эрозии материала или под собственной тяжестью, а Берлинская

³¹ 9 октября прошла решающая для мирной революции в ГДР понедельничная демонстрация в Лейпциге с участием около 70 000 человек.

³² 3 октября в Германии отмечают национальный праздник – День немецкого единства (Tag der deutsche Einheit).

³³ Ассман 2022: 433-435.

³⁴ Ассман 2022: 443-445; 447-448.

стена была разрушена смельчаками, которые готовили это событие долгие годы, но им не нашлось места в памяти воссоединившейся нации³⁵.

Терминологический конфликт возник немного раньше в рамках проекта устной истории, осуществленного в Йене (федеральная земля Тюрингия) в 2008 г., – к юбилею падения Стены. Целью проекта был опрос людей с разным жизненным и профессиональным опытом о событиях прошлого и актуальном настоящем. Среди других итогов опроса выяснилось: независимо от того, как развивались индивидуальные траектории после воссоединения, все участники опроса использовали для характеристики осени 1989/1990 гг. введенное Э. Кренцем³⁶ слово «поворот / перелом» («Wende»). Этот термин лучше других передавал всю сложность событий, кардинальные изменения в личных судьбах и ассоциировался со смелыми, самостоятельными, творческими действиями сотен тысяч людей, которые больше не хотели, чтобы ими повелевали. Кроме того, многие из участников опроса подчеркивали: самым важным было их желание реформирования ГДР, а не воссоединение Германии.

Аньес Арп, одна из инициаторов проекта, отметила, что при подготовке текстов интервью к публикации руководители Регионального центра политического образования, курировавшие проект, потребовали заменить термин «Wende» на «мирная революция», отредактировать и некоторые другие выражения, использованные участниками опроса³⁷. Студенты, проводившие интервью, написали протест руководителям, сравнивая их позицию с цензурой в духе Хонеккера. Несмотря на противостояние, книга была издана и тепло встречена читателями. О ней рассказывали в телепрограммах ВВС, Федеральный центр политического образования в Бонне приобрёл у издательства право на эту книгу; известная в ФРГ журналистка Франциска Аугшттайн написала одобрительную рецензию. Позитивный итог терминологической дискуссии и судьбы проекта свидетельствует об искреннем стремлении немцев выяснить причины и степень участия обычных людей в политических событиях, их жизненные трудности и восприятие социального порядка в ГДР и объединенной Германии.

Штефан Берг, завершая свои размышления об истории и актуальном настоящем, констатирует: только следующие поколения, в частности, поколение его детей, несмотря на обширные знания истории, перестали быть пленниками прошлого и бояться его. Для них восточные и западные немцы больше не являются отдельными группами, и они не ищут между ними отличий. Это действительно благодать позднего рождения, о которой когда-то говорил историк и первый канцлер объединенной Германии Гельмут Коль. Автор приходит к выводу: вопро-

³⁵ Ассман 2022: 445

³⁶ Эгон Кренц (1937 г.р.) – последний генеральный секретарь ЦК СЕПГ и председатель Госсовета ГДР (1989), находившийся под следствием в 1995-1997 гг. и приговоренный к 6,5 годам тюрьмы за причастность к гибели людей при попытках преодолеть Берлинскую стену. Освобожден в 2003 г.

³⁷ Аньес 2015: 254-255

сов, связанных с отношением Германии к Европе, исламу и прочим, еще много, но немецкий вопрос – решен.

Если статья Штефана Берга завершается оптимистическим выводом, то большинство публикаций в «Der Spiegel», несмотря на разнообразие представленных авторов, направлены на поддержание негативного мифа об опыте ГДР – неэффективная экономическая система, деятельность Министерства государственной безопасности, репрессии против политической оппозиции. Можно предположить, что редакция журнала публикует статьи с негативными заголовками и содержанием, так как они привлекают больше внимания и интереса со стороны читателей. Следует принять во внимание и свойственное Рудольфу Аугштайну критическое отношение к социалистической восточной Германии, характерное для всех публикаций «Der Spiegel» в годы холодной войны и сохранившееся после объединения. Тем не менее, более вероятной причиной акцента на негативных аспектах истории ГДР на страницах еженедельника является стремление разрушить образ «Стены», которая не должна быть снова воздвигнута в современной Германии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова. М.: Практис, 2013. 640 с. [Aleksander Dzh. Smyshly social'noj zhizni: Kul'tursociologiya (Meanings of social life: Cultural sociology) / Per. s angl. G.K. Ol'hovikova. M.: Praksis, 2013. 640 s.].
- Арп А. Воспоминания о ГДР 20 лет спустя после падения Берлинской стены. Устная история и историческая политика в юбилейный 2009-й год // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы. Сборник научных статей / Ред. Я.К. Берендс, В. Дубина, А. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 248-258. Arp A. Vospominaniya o GDR 20 let spustya posle padeniya Berlinskoy steny. Ustnaya istoriya i istoricheskaya politika v yubileyniy 2009-j god (Memories of the GDR 20 years after the fall of the Berlin Wall. Oral history and historical politics in the anniversary year of 2009) // Povsednevnyaya zhizn' pri socializme. Nemeckie i rossijskie podhody. Sbornik nauchnyh statej / Red. YA.K. Berends, V. Dubina, A. Sorokin. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2015. S. 248-258.
- Ассман А. Европейская мечта. Переизобретение нации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с. [Assman A. Evropejskaya mechta. Pereizobretenie natsii (European dream. Reinvention of the nation). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 512 p.].
- Борозняк А.И. Германский опыт преодоления прошлого: взгляд российского историка // Изучение диктатур: опыт России и Германии. Материалы конференции «Диктатуры: дискуссии в России и Германии» / Ред. М.Б. Корчагина. М.: Памятники ист. мысли, 2007. С. 10-16. [Boroznyak A.I. Germanskij opyt preodoleniya proshlogo: vzglyad rossijskogo istorika (The German experience of overcoming the past: the view of a Russian historian) // Izuchenie diktatur: opyt Rossii i Germanii. Materialy konferencii «Diktatury: diskussii v Rossii i Germanii» / Red. M.B. Korchagina. M.: Pamyatniki ist. mysli, 2007. P. 10-16].
- Буллер А., Линченко А.А. Медиа и история: дискурс исторической ответственности в меняющемся мире // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 61–77. [Buller A., Linchenko A.A. Media i istoriya: diskurs istoricheskoy otvetstvennosti v menayushchemsya mire (Media and History: Discourse of Historical Responsibility in a Changing World) // Dialog so vremenem. 2021. No. 77. P. 61–77].
- Гроссбёлтинг Т. ГДР – «государство Штази»? // ГДР: миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация? М.: Мысль, 2017. С. 53-74. [Grossbyol'ting T. GDR – «gosudarstvo Shtazi»? (GDR – “Stasi State”?) // GDR: mirolyubivoe gosudarstvo, chitayushchaya strana, sportivnaya natsiya? M.: Mysl', 2017. P. 53-74].
- Дуве Фраймут, Меттке Йорг Р., Хальтер Ханс. Дело «Шпигля». Пример из германской истории / Пер. с нем. А. Батрака, А. Калиха - М.: Глагол, 2003, 101 с. [Duve Frajmut, Mettke Jorg

- R., Hal'ter Hans. Delo «Shpigelya». Primer iz germanskoj istorii (The Spiegel case. An example from German history) / Per. s nem. A. Batraka, A. Kaliha - M.: Glagol, 2003, 101 p.].
- Лёзина Е. В. Юридическо-правовая проработка прошлого ГДР в объединенной Германии // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. 2/115. С. 67-100 [Lezina E. V. Yuridicheskoye-pravovaya prorabotka proshlogo GDR v ob'edinennoy Germanii (Legal study of the GDR's past in the United Germany) // Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii. 2013. 2/115. P. 67-100].
- Орехова О. Е. Печатные СМИ Германии в условиях социально расколотого общества. М.: МГИМО-Университет, 2008. 161 с. [Orehova O. E. Pechatnye SMI Germanii v usloviyah social'no raskolotogo obshchestva (German print media in a socially divided society). M.: MGIMO-Universitet, 2008. 161 p.].
- Пальмовски Я. Власть и община в ГДР: своеволие (Eigen-Sinn) и частные практики // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / Ред. Я. К. Берендс, В. Дубина, А. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 54-72. [Pal'movski YA. Vlast' i obshchina v GDR: svoevolie (Eigen-Sinn) i chastnye praktiki (Government and Community in the GDR: Self-will (EigenSinn) and private practices) // Povsednevnaia zhizn' pri socializme. Nemeckie i rossijskie podhody / Red. YA. K. Berends, V. Dubina, A. Sorokin. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2015. P. 54-72.].
- Савельева И.М., Поletaев А.В. Социальная организация знаний о прошлом: аналитическая схема // Диалог со временем. 2011. № 35. С. 7-18. [Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Social'naya organizatsiya znanij o proshlom: analiticheskaya skhema (The social organization of the knowledge of the past: analytical scheme) // Dialog so vremenem. 2011. № 35. P. 7-18.].
- Сафронова Ю.А. Институты медиа памяти: вопросы без ответов // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С.376-390. [Safronova Yu.A. Instituty media pam'yati: voprosy bez otvetov (Institutes of Media Memory: Unanswered questions) // Politika pam'yati v sovremennoy Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy / pod red. A.I. Millera, D.V. Efremento. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. P. 376-390.].
- Сумленный С. Немецкий формат. Как журналисты создали ФРГ. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 256 с. [Sumlenyj S. Nemeckij format. Kak zhurnalisty sozdali FRG (German format. How journalists created the Federal Republic of Germany). M.: Izd. dom «Delo» RANHiGS, 2014. 256 p.].
- Черненко Е.В. Страницы биографии издателя журнала «Шпигель» Рудольфа Аугштайна // Новейшая история Германии / Сост. Б. Бонвеч, Б. Орлов, А. Синдеев. М.: КДУ, 2007. С. 204-213. [Chernenko E.V. Stranicy biografii izdatelya zhurnala «Shpigel» Rudol'fa Augstajna (Pages from the biography of the publisher of «Der Spiegel» magazine Rudolf Augstein) // Novejshaya istoriya Germanii / Sost. B. Bonvech, B. Orlov, A. Sindeev. M.: KDU, 2007. P. 204-213.].
- Berg S. Landung in Deutschland // Der Spiegel. 2015. 41/2015. URL: <https://www.spiegel.de/politik/landung-in-deutschland-a-10e5721-0002-0001-0000-000139095779>
- Berg S. Wir leben, und zwar nicht nur «noch» // Der Spiegel. 2019. 17/2019. URL: <https://www.spiegel.de/politik/stefan-berg-ueber-sterbehilfe-und-seine-parkinson-erkrankung-a-00000000-0002-0001-0000-000163511518>
- Hammerstein K. Tell und das tote Wildschwein // Der Spiegel. 2015. 8/2015. URL: <https://www.spiegel.de/politik/tell-und-das-tote-wildschwein-a-d1ffe345-0002-0001-0000-000131812875> (дата доступа: 15.04.2024 г.)
- Konstantin von Hammerstein // Center for European Studies Harvard. 2014. URL: <https://ces.fas.harvard.edu/people/002053-konstantin-von-hammerstein>
- Landgang. Ein Briefwechsel // S. Fischer Verlage. 2024. URL: <https://www.fischerverlage.de/buch/stefan-berg-guenter-de-bruyn-landgang-9783100001566>
- McGlynn J., Jones O.T. Researching Memory and Identity in Russia and Eastern Europe. Interdisciplinary Methodologies. Monterey: PalgraveMacmillan, 2022. 237 p.
- Stefan Berg // S. Fischer Verlage. 2024. URL: <https://www.fischerverlage.de/autor/stefan-berg-1007384>
- Unter Handwerker:innen // Reporter:innen forum. 2022. URL: <https://www.reporter-forum.de/reporterinnen-preis/reporterinnen-preis-2022>

Verkaufte Auflagen der Nachrichtenmagazine Der Spiegel, Stern und Focus vom 3. Quartal 2015 bis zum 3. Quartal 2023. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/164386/umfrage/verkaufte-auflagen-von-spiegel-stern-und-focus/>

Zitterpartie // Suhrkamp. Insel. 2024. URL: <https://www.suhrkamp.de/buch/stefan-berg-zitterpartie-t-9783518464182> (дата доступа: 08.05.2024 г.) Афонасин Е.В., Афонасина А.С., Диллон Дж. Философская история Платоновской Академии. Тексты и исследования. СПб.: Издательство РХГА, 2022 [Afonasin E.V., Afonasin A.S., Dillon J. Filosofskaja istorija Platonovskoj Akademii. Teksty i issledovanija (Philosophical History of Plato's Academy. Texts and Studies). SPb.: Izdatel'stvo RHGA, 2022].

Быкова Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, svetlana.bykova@urfu.ru

Сергеева Алина Александровна, студент бакалавриата, УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, alina.sergeeva@urfu.ru.

"Ambiguous Past"

Anniversary Discussion on the GDR in «Der Spiegel» Magazine 2015

Based on the analysis of the publications of «Der Spiegel» magazine, the article examines the peculiarities of interpreting the history of the German Democratic Republic (GDR) in united Germany. For examining the jubilee year 2015 has been chosen. The thematic classification of the published articles shows the interest of journalists in various aspects of the East German past, but most publications differ in critical interpretation. The authors conclude that this position of the journal is predetermined by the understanding of the importance of published materials in the formation of social memory and the desire to prevent the repetition of the «difficult past».

Keywords: *German Democratic Republic, Federal Republic of Germany, unification of Germany, «Der Spiegel» magazine, historical memory, media memory.*

Bykova Svetlana Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Department of Foreign Regional Studies, Associate Professor, svetlana.bykova@urfu.ru.

Sergeeva Alina Aleksandrovna, undergraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Department of Foreign Regional Studies, alina.sergeeva@urfu.ru

К ВОПРОСУ АКТУАЛИЗАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ ЭПОСЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

В статье рассматриваются особенности актуализации и адаптации древнеиндийских эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна» как объектов нематериального культурного наследия в социокультурном контексте современной Индии. Особое внимание уделяется роли эпосов как важнейших текстов индийской цивилизации и индуистской культуры, их значению как символов индийской и индуистской идентичностей, как ценностного ориентира в период борьбы за независимость от Британской Империи, а также источника вдохновения для многих поколений индийских авторов. Выделяются основные тенденции, характерные для современных произведений, основанных на сюжете древнеиндийских эпосов, включая комиксы, литературные и кинематографические произведения, такие как переосмысление роли женщины в современном индийском обществе, а также рефлексия над проблемами, связанными с коррупцией, злоупотреблением властью и другими общественными пороками. Делается вывод об устойчивости преемственности индийской эпической традиции и, вместе с тем, об изменчивости «Махабхараты» и «Рамаяны» как культурных текстов, которые вовлечены в процесс постоянного творческого переосмысления и адаптации к изменяющимся историческим условиям и социокультурным реалиям, в основе которой лежит непрерывное взаимодействие наследия прошлого и потребностей настоящего. Высокая гибкость и адаптивность эпической традиции позволяет обоим эпосам сохранять свою актуальность и популярность в современной Индии.

Ключевые слова: Нематериальное культурное наследие, актуализация наследия, древнеиндийские эпосы, «Махабхарата», «Рамаяна».

«Махабхарата» и «Рамаяна» – памятники древней культуры, индийские эпосы, представляющие собой произведения колоссального объема, которые многие века существовали лишь в устной традиции. «Махабхарата» с санскрита переводится как «Великая битва потомков Бхараты¹»; в центре ее сюжета – братоубийственная война между двоюродными братьями Пандавами и Кауравами, закончившаяся истреблением последних. В "Рамаяне" повествуется о царевиче Раме, который побеждает царя-демона Равану и возвращает свою супругу Ситу, а затем коронуется на царство. На протяжении длительной истории своего существования древнеиндийские эпосы оказали глубокое влияние на религиозную жизнь и культуру не только Индостана, но и значительной части Азии², не теряют они своей актуальности и в наши дни.

Истоки формирования древнеиндийских эпосов относятся к началу первого тысячелетия до нашей эры. Как проницательно отмечает индолог-эпосовед Я.В. Васильков относительно историзма «Махабхараты» (и других зрелых героических эпосов, включая и «Рамаяну»³), за собы-

¹ Бхарата (санскр. Bharata) – легендарный царь, родоначальник рода Бхаратов (Bhārata), к которому относятся Пандавы и Кауравы.

² Basham 1967: 4–7.

³ Так, в своей монографии, посвященной генезису и типологии двух древнеиндийских эпосов, индолог-эпосовед А. П. Гринцер в результате проведенного им мас-

тиями, описываемыми в эпосе, «можно разглядеть предельно обобщенное и идеализированное отражение реальной истории — не единичных конкретных событий, а долговременной ситуации этнокультурного и политического противостояния»⁴. «Махабхарата» и «Рамаяна» менялись и увеличивались в объеме, постепенно, вместе с ведийской религией, распространяясь по Северной Индии и далее; так было положено начало санскритизации (брахманизации)⁵ — историческому процессу, в ходе которого местные индийские религиозные традиции поглощались брахманской религией. Данный процесс всегда носил двусторонний характер: вливаясь в брахманскую религию, местные народные традиции и предания также оказывали на нее влияние, что является одной из причин как большой вариативности индуизма, так древнеиндийских эпосов, которые традиционно существовали в многочисленных версиях.

В наши дни, когда процессы санскритизации продолжаются на периферии индийской культуры, можно встретить примечательные примеры борьбы за определенную идентичность у народов на границе этого культурного ареала, значительную роль в которых играют эпосы. В этом свете интересен современный случай джадов, у которых Пандавы, герои «Махабхараты», выступают одними из клановых божеств и покровителей линиджей⁶, а сами джады заявляют о своем от них происхождении. Джады — племенная группа, населяющая горную пограничную зону индуистской Индии и буддийского Тибета. Потеря контактов с тибетским населением Китая вследствие Китайско-индийской войны 1962 г. и усиления взаимодействия с индийским и индуистским населением привело к ослаблению их тибетской идентичности⁷.

Легенды и мифы населения Гархвала⁸ и некоторых других районов Гималаев, соединяясь с представлениями индуизма, породили особые ритуалы и предания, такие, как традиция театрализованного представления Пандава-лилы⁹, которая проводится и в наши дни, когда, согласно представлениям местных жителей, Пандавы спускаются на землю и воплощаются в участниках представления — своих потомках; согласно представлениям джадов, Пандавы, тем самым, стремятся заново пережить славные моменты своей биографии, и в обмен наделяют своим покровительством деревню, которая дала им эту возможность¹⁰. В связи с тем, что Пандава-лила ассоциируется в этом районе Гималаев с кшатрийской идентичностью, участие джадов в Пандава-лиле рас-

---

сштабного исследования определяет «Рамаяну» как классический героический эпос, который находится на начальной стадии преобразования в искусственный литературный эпос (Гринцер 1974: 358–359).

⁴ Васильков 2010: 336–337.

⁵ Васильков 2022: 225.

⁶ Channa 2005: 71–72.

⁷ Маретина 2023: 32.

⁸ Гархвал (англ. Garhwal) — административный регион индийского штата Уттаракханд, расположенного преимущественно в Гималаях.

⁹ Sharma, Rawat 2020.

¹⁰ Sharma, Rawat 2020.

смачивается исследователями¹¹ как их попытка идентифицировать себя как представителей варны кшатриев в рамках их стремления занять свое место в индуистском социуме. Таким образом, посредством активного участия в индуистском ритуальном действе и притязания на происхождение от героев «Махабхараты», они формируют новую концепцию самости и используют ее в качестве политического средства с целью добиться более широкого принятия себя в индуистском и, шире, индийском социуме¹². Можно заключить, что в данном случае «Махабхарата» выступает как важный символ индийской и индуистской идентичностей и, соответственно, приобретение к ней позволяет дждам трансформировать свою идентичность.

Традиция Пандава-лилы близка более известной и распространенной в Индии Рамлиле, театрализованному представлению, которое посвящено победе героя Рамы над демоном Раваной и является частью празднования ежегодного индуистского фестиваля Наваратри. В 2005 зрелищная традиция Рамлилы признана ЮНЕСКО «шедевром устного и нематериального наследия человечества»¹³.

В начале нашей эры эпосы исполняли в индуистских храмах, и в наши дни в Индии есть немало храмов, посвященных различным героям обоих эпосов¹⁴. Почитают в первую очередь героев и героинь «Махабхараты» и «Рамаяны», но весьма примечательно, что в наши дни в Южной Индии можно найти также храмы, построенные в честь Дурьодханы – главного антагониста Пандавов, например, храм Маланада в Керале¹⁵, куда, по преданию, приехал Дурьодхана, разыскивая Пандавов. Американский индолог Альф Хильтебейтель в одной из своих статей описывает фестиваль, посвященный Дурьодхане, который ежегодно проводится в штате Тамилнад на юге Индии¹⁶. На севере Индии, в Гархвале находится храм Карны¹⁷, старшего брата Пандавов и их яростного противника. В этом плане представляется значимым и справедливым наблюдение британского литературоведа Джули Сандерс о том, что контр-нарративы, которые стремятся бросить вызов ценностям, на которых основан канон, в процессе этого заново утверждают статус определенных текстов, но делают это в новых и по-новому критических контекстах¹⁸. Представляется возможным утверждать, что критические контексты, в которых существуют в наши дни оба эпоса, делают традицию более динамичной и гибкой, живой и актуальной для современной Индии.

Начиная с конца XIX в. древнеиндийские эпосы становятся тем национальным идеологическим ядром, ценностным ориентиром, к кото-

¹¹ Channa 2005; Sharma, Rawat 2020.

¹² Channa 2005: 73; Sharma, Rawat 2020: 8.

¹³ <https://ich.unesco.org/en/RI/ramlila-the-traditional-performance-of-the-ramayana-00110>

¹⁴ Васильков 2022: 222.

¹⁵ Santhosh 2018.

¹⁶ Hildebeitel, 2012.

¹⁷ Sharma, Rawat: 2020.

¹⁸ Sanders 2015: 135.

рому обращаются индийские просветители – борцы с колониальной властью и чужеродной культурой¹⁹. В данном контексте представляется уместным наблюдение немецкого востоковеда, автора теории культурной памяти Яна Ассман о том, что «все движения национального пробуждения мобилизуют память о прошлом, которое резко противопоставляется современности и становится воплощением подлинного, призываемого обратно состояния, времени свободы и независимости, для обретения которого нужно стряхнуть "иго чужеземного господства"»²⁰.

Как отмечает американский исследователь Памела Лотспич, в последние несколько десятилетий борьбы за независимость в Индии получили распространение произведения на хинди, в которых авторы обращались к идеализированному мифологическому прошлому, черпая свои сюжеты и заимствуя героев из обоих индийских эпосов, мифов и многочисленных сказаний-Пуран. Писатели этого периода способствовали формированию нового литературного языка, ныне известного как современный стандартизированный хинди. При этом они поднимали в своих работах ряд важных и насущных для зарождающейся индийской нации тем, таких, как вопросы кастовой и гендерной идентичности, а также прибегали к завуалированной – скрытой за метафорикой эпических сюжетов – но понятной для индийского читателя критике британского колониального правления²¹. Среди этих авторов – Майтхилишаран Гупта (Maithilīśaraṅ Gupta, 1886–1964), который считается одним из важнейших индийских поэтов современности, писавших на хинди, а также популярные драматурги того времени, такие как Радхешьям Катавачак (Rādhēśyām Kathāvācak, 1890–1963) и Бадринатх Бхатт (Badrinath Bhaṭṭ, 1891–1934) и другие.

В произведениях того периода, основанных на "Махабхарате", одним из важных образов становится фигура царицы Драупади – общей жены пятерых братьев-Пандавов, которая подвергается оскорблениям со стороны их противников-Кауравов и клянется им отомстить за унижение. Ее образ был включен в националистическую идеологию как персонификация "Матери-Индии" и воплощение общеиндийского гнева, направленного против британского колониального господства²².

"Махабхарата" и "Рамаяна" являются не только древними эпосами и источниками вдохновения для современных авторов, но и священными текстами индуизма, и сохраняют важное значение для индуистской идентичности. Так, произведения авторов периода борьбы за независимость, основанные на древнеиндийском эпосе, согласно Лотспич, «могли преднамеренно способствовать индуистско-центристскому представлению об индийской нации и способствовали формированию контекста для роста индуистского национализма в Индии после 1947 г.»²³.

¹⁹ Маретина 2023: 38.

²⁰ Ассман 2004: 88.

²¹ Цит. по: Lutgendorf 2012: 338–339.

²² Mankekar 1999: 224.

²³ Цит. по: Lutgendorf 2012: 340.

В литературе и культуре Индии XX–XXI вв. можно найти множество примеров того, как на основе сюжета и образной системы «Махабхараты» и «Рамаяны» создавались романы, пьесы, мультипликационные и кинематографические фильмы, телевизионные сериалы и компьютерные игры²⁴. Во второй половине XX в. в Индии значительное распространение получили комиксы, адаптирующие сюжет эпоса как целиком, так отдельные сюжетные линии. Наибольшей популярностью пользовались комиксы, выпускаемые издательством *Amar Chitra Katha*. Причем, они привлекали внимание не только жителей Индии, но также представителей обширной индийской диаспоры за рубежом, помогая юным эмигрантам второго поколения сохранить свою связь с исторической родиной и традицией, в которой выросли их родители, а вместе с этим и свою индийскую и/или индуистскую идентичность²⁵.

В последние десятилетия развитие получил жанр графического романа, основными читателями которого, в отличие от комикса, является взрослая аудитория. В графических романах, основанных на эпических сюжетах, можно отметить особое внимание к женским персонажам – например, в таких графических романах, вышедших в 2011 г., как «Сита. Дочь Земли» Сарасвати Нагпал (*Saraswati Nagpal*) и «Рамаяна Ситы» Самхиты Арни (*Samhita Arni*) – а также стремление авторов реабилитировать антагонистов, как в графическом романе «Раванаяна» (2011) Ваджаендры Моханти (*Vijayendra Mohanty*)²⁶.

Вышеназванные тенденции вполне характерны и для современной индийской литературы. Так, в англоязычной дилогии «Непобедимый: Бросок костей», 2013, «Непобедимый: Восхождение Кали. Махабхарата Дурьодханы», 2015, южноиндийский автор Ананд Нилакантан (*Anand Neelakantan*) пересказывает «Махабхарату» с точки зрения побежденной стороны – Кауравов, и таким образом все знакомые по эпосу эпизоды и персонажи предстают в совершенно ином, чем в эпосе, свете. Авторству Нилакантана принадлежит также серия романов, в которой он переосмысливает сюжет «Рамаяны», выбирая в качестве главных героев своих историй антагонистов оригинального эпоса и выводя на передний план второстепенных персонажей.

Произведения литературы второй половины XX – начала XXI в. представлены целым рядом романов на различных индийских языках, в которых объектом рефлексии становится гендерная идентичность. Среди наиболее ярких и популярных подобных произведений подобного рода можно назвать роман на языке ория «Рожденная в пламени: история Рия Драупади» Пратибхи Рай (*Pratibhā Rāy*, 1984), роман на английском языке «Дворец иллюзий» американки индийского происхождения Читры Банерджи Дивакаруни (*Chitra Banerjee Divakaruni*, 2008), а также

²⁴ Подробнее с различными примерами переложений древнеиндийских эпосов в XX–XXI вв. средствами разных видов искусств можно ознакомиться в следующих исследованиях по данной теме: Челнокова 2009; Челнокова 2018; Маретина 2023.

²⁵ Krishnamurti 2020.

²⁶ Челнокова 2018.

англоязычные романы Кавиты Кане (Kavita Kane), посвященные различным второстепенным женским персонажам обоих древнеиндийских эпосов. Во всех этих романах в центр действия помещается одна из многочисленных эпических героинь, которые населяют «Махабхарату» и «Рамаяну», повествование, как правило, ведется от ее лица.

Учитывая изначально устную природу бытования древнеиндийского эпоса, произведения изобразительного искусства были старейшими дошедшими до нас свидетельствами о существовании «Махабхараты» и «Рамаяны»²⁷; изображения эпических героев не теряют своей популярности и сегодня. Как отмечает искусствовед Б.Н.Госвами, в наши дни в бесчисленных индийских домах можно обнаружить на стенах недорогие принты с изображениями эпических персонажей, сохраняются до сих пор и многие народные изобразительные традиции²⁸. От каменных барельефов древних индуистских храмов²⁹ и миниатюр периода правления Великих Моголов³⁰ до работ современных индийских художников³¹, древнеиндийские эпосы на протяжении столетий находят свое отражение в изобразительном искусстве Индии.

Что касается репрезентации эпосов в кинематографах Индии, в наши дни сохраняет популярность жанр мифологического кино, который появился вместе с зарождением индийского кинематографа (так, практически все фильмы «отца индийского кинематографа» Дадасахеба Пхальке (Dādāsāhab Phālke) воспроизводят мифологические и эпические сюжеты). В рамках этого жанра экранизируются эпосы, мифы и другие традиционные индуистские произведения.

Однако и в фильмах немифологических жанров индийского кинематографа можно обнаружить многочисленные эпические типажи и мотивы, переданные в метафорической форме. Так, в фильме «Рядом ревет революция» (2022), снятом на языке телугу режиссером С.С. Раджамули (S.S. Rājamouli) и снискавшим популярность в Индии, образы двух главных героев наделены одновременно отсылками к двум важнейшим персонажам древнеиндийского эпоса – Раме «Рамаяны» и Бхиме «Махабхараты», а также имеют реальных исторических прототипов среди борцов за независимость Индии³². Таким образом, эпос, история и фантазия режиссера причудливо переплетаются на экране.

В таких фильмах, как «Равана» (2010, реж. Мани Ратнам (Mani Ratnam), на тамили), «Политика» (2010, реж. Пракаш Джха (Prakāś Jhā), на хинди), «Карна» (2021, реж. Мари Селварадж (Māri Selvarāj), на тамили), первый из которых является переосмыслением «Рамаяны», а второй и третий основаны на «Махабхарате», центральной темой является рефлексия над коррупцией, пороками и несправедливостями индийско-

²⁷ Brockington 2002: 111.

²⁸ Goswamy 1967: 18.

²⁹ Goswamy 1967: 18.

³⁰ UNESCO Courier 1967: 7, 12, 14.

³¹ UNESCO Courier 1967: 6.

³² Маретина 2023: 173.

го общества, и противоречивостью человеческой природы. При этом действие происходит в условной современности, и черты эпических персонажей угадываются в полицейских, политиках, деревенских жителях и бандитах, а эпические мотивы вплетаются в современный социокультурный контекст. При этом, в фильмах «Равана» и «Карна» происходит инверсия «Рамаяны» и «Махабхараты» соответственно: правда оказывается на стороне тех, кто персонифицирует эпических антагонистов (и вместе с тем представляет угнетаемые слои современного общества).

Переложения эпического сюжета, отступающие от сложившихся нарративов, не являются присущими только современности. На протяжении истории Индии, к «Махабхарате» и «Рамаяне», как к источникам вдохновения, обращались авторы разных эпох, начиная с древнеиндийского периода и творений на санскрите, и заканчивая произведениями на современных индийских языках³³, а также на английском³⁴.

В своем исследовании творчества одного из первых древнеиндийских драматургов Бхасы³⁵ индолог-эпосовед П.А. Гринцер приводит примеры различных переложений эпических сюжетов авторства древнего драматурга, чей подход к эпическому источнику отличался своеобразием: так, выбрав какой-либо отдельный эпизод эпического повествования, Бхаса придавал ему законченную драматургическую форму, либо же, отталкиваясь от него, использовал его как источник для создания новой версии или воображаемого продолжения³⁶. При этом, говоря о влиянии «Махабхараты» и «Рамаяны» на литературную традицию Индии в ретроспективе, важно иметь в виду, что значение древнеиндийских эпосов не ограничилось заимствованием и переработкой отдельных их сюжетов, мотивов и образов, но они также служили наиболее авторитетными образцами, по которым в санскритских поэтиках был сформулирован классический литературный канон³⁷.

Подытоживая приведенные выше данные, наблюдения и умозаключения, можно сделать вывод о том, что на протяжении истории индийской цивилизации, включая современный этап, древнеиндийские эпосы удерживали и проявляли свою актуальность для индийского социума в различных контекстах. Так, многие века они сохраняют свой авторитет как культурные тексты индийской цивилизации, а также как священные тексты индуизма и основа индуистских традиций, таких, например, как приведенные выше Рамлила и Пандава-лила. Древнеиндийские эпосы могут выступать как символы индийской и индуистской идентичностей, что было показано на примере социокультурных процессов у современных джадов, а также в индийской диаспоре. В сложный период индийской истории, какими были годы борьбы за незави-

³³ Basham 1967: 5.

³⁴ Маретина 2023: 49–52.

³⁵ Гринцер 1979.

³⁶ Гринцер 1979: 89.

³⁷ Гринцер 1974: 361.

симость, они играли важную роль национального идеологического ядра и ценностного ориентира. Эпосы оказали значительное влияние на творчество многих поколений индийских авторов, которое не исчерпано и по сей день. Среди основных тенденций, характерных для современных адаптаций древнеиндийских эпосов, выделяются такие, как особое внимание к женским персонажам и их переживаниям, а также к эпическим антагонистам, которые нередко становятся главными героями новых переложений «Махабхараты» и «Рамаяны». Причины этих тенденций можно искать в исторических и социокультурных реалиях, в данном случае, в таких явлениях, как переосмысление роли женщины в современном индийском обществе, рефлексия над варно-кастовой системой в Индии наших дней, а также осмысление таких социальных проблем, как коррупция, злоупотребление властью высшими слоями общества и бесправность тех, кто этой власти лишен.

Создавая произведения, вдохновленные древним эпическим сюжетом, авторы используют различные идеи, мотивы, образы и сюжетные линии «Махабхараты» и «Рамаяны», актуализируя их в соответствии с ценностями и реалиями современного индийского общества. Для современных адаптаций эпосов характерно стремление их авторов вступить в диалог с традицией, переосмыслить наследие, рассказать старую историю по-своему, трансплантировать новые идеи в традиционную культуру. Представляется, что, тем самым авторы участвуют в сохранении, передаче, распространении и адаптации сюжетов древнеиндийских эпосов к современному социокультурному контексту. Адаптация эпоса и «включение» его в различные культурные, социальные и исторические контексты способствует, в свою очередь, стабилизации и сохранению культурной идентичности породившего его социума в изменяющихся условиях.

В этом отношении представляется справедливым наблюдение британского литературоведа Линды Хатчеон о том, что само существование такого явления как адаптация связано с тем, что истории развиваются и изменяются, чтобы соответствовать новым временам и разным местам³⁸. При этом адаптации и присвоения нередко служат укреплению канона, позволяя сохранять постоянный интерес к оригиналу или исходному тексту и в измененных обстоятельствах, обеспечивая тем самым его «динамическое возрождение»³⁹.

В случае современных адаптаций, для аудитории консервативный комфорт узнавания уравнивается непредсказуемостью удовольствия, получаемого благодаря новым разнообразным прочтениям оригинала⁴⁰. Согласно сценаристу О.Е. Курочкину, архетипические образы и сюжеты в современном кинематографе обеспечивают радость узнавания, становятся для нас точкой соприкосновения с историей и одно-

³⁸ Hutcheon 2012: 176.

³⁹ Sanders 2015: 124.

⁴⁰ Hutcheon 2012: 173.

временно проводником в новые миры⁴¹, что абсолютно справедливо и для индийского кинематографа.

На протяжении своего бытования «Махабхарата» и «Рамаяна» не только не утратили авторитета и популярности, но, как одни из ключевых текстов индийской культуры, динамично изменяются в соответствии с требованиями времени, адаптируются к новым контекстам, оставаясь постоянно актуальной частью нематериального культурного наследия Индии. Советские семиотики Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, рассматривая культуру как совокупность текстов, указывали на то, что необходимость постоянного самообновления с тем, чтобы, оставаясь собой, становиться чем-то иным, составляет один из основных рабочих механизмов культуры⁴². На примере актуализации древнеиндийских эпосов можно проследить, как на просторах индийского субконтинента и на протяжении тысячелетий идет процесс непрекращающейся адаптации двух важнейших культурных текстов к изменяющимся историческим условиям, в основе которого лежит непрерывное взаимодействие наследия прошлого и потребностей настоящего.

Говоря об устойчивости преемственности таких культурных текстов, как эпосы «Махабхарата» и «Рамаяна», нельзя забывать и про существенные специфические характеристики индийской, прежде всего, индуистской, цивилизации, на которые указывает Я.В. Васильков: на протяжении ее развития и исторической экспансии индуистской цивилизации никогда не были свойственны резкие и насильственные перемены, новое не вытесняло старого, но существовало с ним в своеобразном симбиозе⁴³. И в наши дни, как и сотни лет назад, посредством новых адаптаций, переводов и переложений «Махабхарата» и «Рамаяна» оказываются органично включены в современные культурные, исторические, социальные контексты и не теряют своей актуальности и популярности для индийского общества.

Вслед за индологом Артуром Бэшмом⁴⁴, чья статья была опубликована в издании ежеквартальный журнала "Курьер ЮНЕСКО" 1967 г., целиком посвященного двум древнеиндийским эпосам, остается посветовать на то, что «Махабхарата» и «Рамаяна», важнейшие объекты нематериального культурного наследия одной пятой населения Земли, в наши дни остаются столь мало знакомы неиндийской аудитории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. [Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti (Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity) / Translated from German by M. M. Sokol'skoi. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 p.]

⁴¹ Курочкин 2022: 261–262.

⁴² Лотман, Успенский 1971: 341.

⁴³ Васильков 2010: 338–339.

⁴⁴ Basham 1967: 10.

- Васильков Я.В. "Махабхарата" как символ индусской и индийской идентичности. Кунсткамера. 2022. 1(15). С. 220–236. [Vasil'kov Ya. V. "Makhabkharata" kak simvol indusskoi i indiiskoi identichnosti (The Mahabharata as a symbol of Hindu and Indian identity). Kuntstkamera. 2022. 1(15). P. 220–236.]
- Васильков, Я.В. Миф, ритуал и история в "Махабхарате". St. Petersburg: Издательство "Европейский Дом", 2010. 400 с. [Vasil'kov, Ya. V. Mif, ritual i istoriya v "Makhabkharate" (Myth, ritual and history in the Mahabharata). St. Petersburg: Izdatel'stvo "Evropeiskii Dom", 2010. 400 p.]
- Гринцер, П.А. Бхаса. М.: Издательство "Наука", 1979. [Grintser, P. A. Bkhasa (Bhasa). Moscow: Izdatel'stvo "Nauka", 1979.]
- Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.: Издательство "Наука", 1974. 421 с. [Grintser P. A. Drevneindiiskii epos. Genezis i tipologiya (Ancient Indian epic. Genesis and typology). Moscow: Izdatel'stvo "Nauka", 1974. 421 p.]
- Курочкин О. Е. Язык кино. Как стать продвинутым зрителем. М.: Издательство "Бомбора", 2022. 208 с. [Kurochkin O. Ye. Iazyk kino. Kak stat' prodvinutym zritelem (The language of cinema. How to become an advanced viewer). M.: Izdatel'stvo "Bombora", 2022. 208 p.]
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. 1971. Т. 5. №. 284. [Lotman Yu. M., Uspenskii B. A. O semioticheskom mekhanizme kul'tury (On the semiotic mechanism of culture) // Trudy po znakovym sistemam. 1971. V. 5. №. 284.]
- Маретина К. А. Древнеиндийский эпос "Махабхарата" как символ индийской идентичности (на материале современных индийских литературных и кинематографических произведений): дис. – Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. 398 с. [Maretina K. A. Drevneindiiskii epos "Makhabkharata" kak simvol indiiskoi identichnosti (na materiale sovremennykh indiiskikh literaturnykh i kinematograficheskikh proizvedenii) (The ancient Indian epic Mahabharata as a symbol of Indian identity (based on the material of modern Indian literary and cinematic works): dis. – St. Petersburg State University, 2023. 398 p.]
- Челнокова А. В. Рамаяна в современной Индии на материале литературы хинди: дис. – Санкт-Петербургский государственный университет, 2009. [Chelnokova A. V. Ramayana v sovremennoi Indii na materiale literatury khindi (Ramayana in modern India based on Hindi literature): dis. – St. Petersburg State University, 2009.]
- Челнокова А. В. Рамаяна 21 в. – от традиции к хайпу // Mitrasampradānam. Сборник научных статей к 75-летию Ярослава Владимировича Василькова. СПб.: МАЭ РАН 2018. С. 296–311. [Chelnokova A. V. Ramayana 21 v. – ot traditsii k khaipu (Ramayana 21st century – from tradition to hype) // Mitrasampradānam. Collection of scientific articles dedicated to the 75th anniversary of Yaroslav Vladimirovich Vasilkov. St. Petersburg: MAE RAN. 2018. P. 296–311.]
- Basham A. The Ramayana and the Mahabharata: Two great epics of Asia // UNESCO Courier. 1967. P. 4–10.
- Brockington J. L. Visual Epics // Rocznik orientalistyczny. 2002. V. 54. №. 1. P. 111–132.
- Channa S. M. The "descent of the pandavas": ritual and cosmology of the Jads of Garhwal // European Bulletin of Himalayan Research. 2005. V. 28. P. 67–87.
- Goswamy B. N. The epics in the art of South Asia // UNESCO Courier. 1967. P. 18–45.
- Hiltebeitel A. Just my imagination? Puzzling through a Duryodhana festival near Dharmapuri, Tamilnadu // Studying Hinduism in Practice. Routledge, 2012. P. 101–117
- Hutcheon L. A theory of adaptation. London and New York, Routledge, 2012. 252 p.
- Krishnamurti S. Learning Hinduism through comics and popular culture // Envisioning religion, race, and Asian Americans. 2020. P. 207–226.
- Lutgendorf P. Epic Nation: Reimagining the Mahabharata in the Age of the Empire // Journal of Contemporary Asia. 2012. P. 338–340.
- Mankekar P. Screening culture, viewing politics. Duke University Press, 1999. 448 p.
- Ramlila, the traditional performance of the Ramayana. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/ramlila-the-traditional-performance-of-the-ramayana-00110>
- Sanders J. Adaptation and appropriation. London and New York, Routledge, 2015. 255 p.
- Sharma P., Rawat A. Pandava-Lila as a folk performance in Garhwal: A study of Mahabharata traditions in Uttarakhand (India). Dialog, 2020. P. 1–13.
- UNESCO Courier. 1967. 48 p.

Маретина Ксения Александровна, к. филол. н., научный сотрудник, Лаборатория музейных технологий, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Российская академия наук, maretina@kunstkamera.ru

On the Issue of Actualization of the Intangible Cultural Heritage Ancient Indian Epics in Modern India

The article examines and reflects on the features of the actualization and adaptation of the ancient Indian epics Mahabharata and Ramayana as objects of intangible cultural heritage in the socio-cultural context of modern India. Particular attention is paid to the role of epics as most important texts of Indian civilization and Hindu culture, their significance as symbols of Indian and Hindu identities, as a value guideline during the struggle for independence from the British Empire, as well as their significance as a source of inspiration for many generations of Indian authors. The main trends characteristic of modern works based on the plot of ancient Indian epics, including comics, literary and cinematic works, are highlighted, such as rethinking the role of women in modern Indian society, as well as reflection on problems associated with corruption, abuse of power and other social vices. A conclusion is made about the sustainability of the continuity of the Indian epic tradition and, at the same time, about the variability of the Mahabharata and Ramayana as cultural texts that are involved in the process of constant creative rethinking and adaptation to changing historical conditions and socio-cultural realities, which is based on continuous interaction between the heritage of the past and the needs of the present. The high flexibility and adaptability of the epic tradition allows both epics to maintain their relevance and popularity in modern India.

Keywords: *Intangible cultural heritage, actualization of heritage, ancient Indian epics, Mahabharata, Ramayana.*

Maretina Ksenya Aleksandrovna, candidate of philological sciences, researcher at the Laboratory of Museum Technologies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, maretina@kunstkamera.ru

В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

К.А. МАКСИМОВИЧ

PRINCEPS SUPER OMNEM TERRAM. ИДЕОЛОГИЯ ПЕРВЕНСТВА РИМСКОЙ КАФЕДРЫ В ПЕРЕПИСКЕ ПАПЫ НИКОЛАЯ I (858–867) С ИМПЕРАТОРОМ МИХАИЛОМ III

Статья посвящена обоснованию первенства Римского епископа в Церкви, возникшему в связи с неканоническим, с точки зрения папы Николая I (858–867), низложением имп. Византии Михаилом III (842–867) Константинопольского патриарха Игнатия и возведением на его место из мирян имперского секретаря Фотия. Переписка возникла в период так наз. «Фотиевой» схизмы между Римом и Константинополем. Цель работы: проанализировать приведенные в посланиях Николая богословские, исторические и юридические аргументы в обоснование главенства Римского епископа над всеми христианскими Церквями. Рассмотренная переписка показала, что претензии Рима на главенство в Церкви, основанные на презумпции главенства ап. Петра над всеми апостолами и, следовательно, главенства наследника Петра – Римского епископа – над всеми Церквями натолкнулись на нежелание имперских властей в Константинополе умялеть права столичной Церкви в пользу Рима. Ход полемики предвосхитил последующее развитие догмата о папском примате в эпоху борьбы за инвеституру и вплоть до I Ватиканского собора 1869–1870 гг.

Ключевые слова: папский примат, Фотиева схизма, история Византии, история Восточной Церкви, история папства

Период византийской церковной истории, ставший предметом рассмотрения в данной работе, хорошо освещен в источниках и исследован в исторических трудах – однако ряд явлений церковной жизни и церковно-государственной политики того времени требует особого внимания и заставляет вновь и вновь возвращаться к хорошо известным темам и сюжетам. К таким явлениям относится так наз. «Фотиева» схизма 859–899 гг., которая получила свое (не вполне законное) имя в результате разрыва церковного общения между Римом и Константинополем при патриархе Фотии (858–867, 877–886).¹

В 847 г. во главе Константинопольской Церкви был поставлен патр. Игнатий (847–858, 867–877) – монах и аскет, родной сын имп. Михаила II Рангаве (811–813), оскопленный после свержения своего отца в результате дворцового переворота. Возвышение Игнатия состоялось при прямом участии светской власти в лице вдовы последнего императора-иконоборца Феофила (829–842) Феодоры, осуществлявшей фактическое руководство империей по причине малолетства унаследовавшего престол Михаила III. Суровость и ригоризм Игнатия, принесенные им из монашеской среды в высшие сферы столичной Церкви, сослужили ему

¹ Подробное изложение предпосылок схизмы и ее хода не входит в задачи настоящей статьи; читателю можно рекомендовать классическую и новую литературу по теме: Россейкин 1915а; 1915б; Dvornik 1948; Лебедев 2010: 5–257; Chrysos 2018; Афиногенов 2019; Максимович (в печати)–б.

впоследствии плохую службу – так, он публично воспрепятствовал участвовать в своей хиротонии (а затем пытался даже лишить священного сана) архиепископа Сиракузского Григория Асвесту,² который был авторитетнейшим представителем особенно сильной в то время партии «политиков», выступавших за относительно мягкое применение канонической дисциплины и допущение светской образованности в Церкви и противостоящей в этом партии «ригористов».³ Впоследствии вражда патриарха к Асвесте и его партии в большой степени обусловила неприязненные отношения между «политиком» Фотием и Игнатием. Игнатий также испортил отношения с братом Феодоры и могущественным временщиком Вардой, которого он публично обличал в блудном сожительстве с вдовой своего собственного сына.⁴ Став в 856 г. при содействии повзрослевшего Михаила III фактическим правителем государства и устранив от власти Феодору, Варда в отместку обвинил Игнатия в государственной измене, добился его низложения (23.10.858) и способствовал возведению на патриарший престол своего близкого друга и соратника, ученого государственного чиновника Фотия.⁵

Для лучшего понимания последующей экклесиологической полемики дадим ее предысторию и ход развития в своего рода «летописном» изложении, по годам.

858 г. Избрание Фотия патриархом стало возможным не столько по воле столичного клира и паствы, сколько в результате дворцовых интриг и сговора между имп. Михаилом и патрикием Вардой. Низложение Игнатия решением светской власти возбудило в Константинопольской Церкви соблазн и нестроения. В этих условиях Фотий согласился принять патриарший сан только по решению церковного собора, который собрался в конце осени 858 г. и избрал Фотия патриархом.

Начиная с 20.12.858 в течение 6 дней имперский чиновник Фотий последовательно был пострижен в монашество, посвящен в чтеца, иподиакона, диакона, пресвитера и наконец на Рождество 25.12.858 г. получил епископский жезл от Григория Сиракузского (Асвесты), Петра Сардского и Евнапия Апамейского.

859 г. В этих обстоятельствах игнатиане в феврале 859 г. собрали в храме Св. Ирины собор и предали Фотия анафеме как узурпатора церковной власти при живом патриархе, а в августе (по Никите Пафлагонцу) на ответном церковном соборе партии фотиан в храме св. Апостолов в отсутствие самого Игнатия поставление последнего в 847 г. объявлено незаконным на основании 30-го Апостольского правила, поскольку произошло без соборного одобрения, по единоличному повелению императрицы Феодоры. Когда Варда и император Михаил начали гонения про-

² См. Афиногенов 2006 (с литературой).

³ О борьбе партий «политиков» и «ригористов» в византийской Церкви см.: Лебедев 2010: 5–33; 2012: 72–93; Dvornik 1948: 5–18; Афиногенов 2019: 9–11.

⁴ Vita Ign.: 24–26.

⁵ Ibid.: 38.

тив отделившихся от Фотия игнатиан, Фотий пытался заступаться за последних,⁶ но в конце концов предпочел не перечить властям.

860 г. Таково начало внутренней схизмы в Константинопольской Церкви – разрыва между партией игнатиан и партией фотиан. В этот драматичный момент в дела Константинопольской Церкви вмешивается недавно поставленный в Риме (24.04.858) папа Николай I⁷. Поводом для вмешательства послужило окружное послание (синодика) Фотия, направляемое по обычаю от вновь поставленного патриарха после его интронизации всем прочим патриархам христианской Церкви, включая Римского епископа. Посольство из Константинополя прибыло в Рим только в 860 г. Наряду с посланием Фотия папе Николаю было доставлено письмо от императора Михаила с просьбой прислать легатов на общецерковный собор для окончательного осуждения иконоборчества⁸.

Задача статьи – рассмотрение (и, по возможности, систематизация) экклесиологических взглядов папы Николая I, признаваемого (и, пожалуй, заслуженно) виднейшим церковным мыслителем и церковным политиком Запада во второй половине I тысячелетия.⁹ Папа Николай проявил свои дипломатические и риторические таланты как в переписке с властителями и церковными иерархами Запада, так и в полемике с Константинопольской Церковью и императорской властью на Востоке. В статье мы ограничились этим вторым, «восточным», направлением папской политической активности, поскольку, с одной стороны, она дает ценный материал для изучения отношений Востока и Запада в кризисный период церковной истории, а с другой – этот материал не так хорошо изучен исследователями, как материал «западный»¹⁰.

В ответном послании к императору¹¹ папа выражает недовольство низложением Игнатия «без ведома Римского понтифика» (*sine Romani consultu pontificis*), упрекает сместивший Игнатия собор в нелегитимности и излагает свою позицию как посредника и судьи по данному делу на основании преемства от князя (*princeps*) апостолов св. Петра. Развернутое обоснование папского первенства во Вселенской Церкви выражено уже в преамбуле письма:

⁶ Photii Ep. I: 58–60 (ep. 4, 6).

⁷ О личности и трудах папы Николая см.: Herbers 1986; Riché 1994; Bougard 2000; Королев 2018 (с литературой); монографические исследования: Thiel 1899; Richterich 1903; Greinacher 1909; Perels 1920; Christgau 2019.

⁸ Ср.: Dölger 1924: 55, N° 457; Böhmer, Herbers 2012: 57–58, N° 509. Послание императора не сохранилось, в Житии Игнатия эта просьба приписана Фотию: Vita Ign.: 42.

⁹ Ср. Thiel 1859: comm. 1, p. 1 и др.

¹⁰ Переписка папы Николая с точки зрения римского церковного примата изучена в исследованиях: А. Тила, А. Грейнахера, Э. Перельса, Ж. Руа и К. Кристгау (см. выше прим. 9). Эти авторы основное внимание уделили корреспонденции папы Николая с Западом.

¹¹ Nic. I Ep. et decr.: ep. 82, p. 433–439; ср. Jaffé, Wattenbach, Loewenfeld, Kaltenbrunner, Ewald 1885: 343, reg. 2682. Об этом письме см.: Hergenröther 1867: 415–417. Русский перевод (местами не вполне точный) важнейших частей послания папы к имп. Михаилу см. в работах Успенский 1997: 59–61; Лебедев 2010: 42–45.

«Творец вселенной даровал избранным апостолам принципат божественной власти (*principatum divinae potestatis*) и, утверждая его на твердой вере князя апостолов, замыслил его престол выдающимся, и даже первенствующим (*eius egregiam, immo primam sedem deliberavit*). Ибо гласом Господним ему было сказано: «Ты еси Петр, и на сем камне созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ее» (Мф. XVI,18). И теперь Петр с твердостью камня, который есть Христос, своими молитвами не перестает сохранять непоколебимым здание Вселенской Церкви (*structuram ecclesiae universalis*), утвержденное на крепости веры, чтобы без промедления исправить безумие заблуждающихся мерилom правой веры (*rectae fidei norma*), а также неуклонно пещся о вознаграждении тех, кто ее укрепляет – так что двери ада, т. е. внушения лукавых духов и нападения еретиков, не могут сокрушить единство (*unitatem*) сей Церкви.

Посему возносим всемогущему Богу премногие благодарения за то, что Он благоволил вложить вам в сердце, чтобы вы, сделавшись благодетелем Церкви Божией (*ut fautores ecclesiae Dei effecti*), возжелали лелеять единомыслие в ней (*concordiae ipsius favere*), дабы красота веры не разъедалась ржавчиной заблуждения и не нарушалось понимание (*intellectus*) апостольской традиции. И вот, с целью соблюдения этой, как вы и сами знаете, чистоты (*integritatem*) многажды происходили собрания святых отцов, которыми и постановлено было, и всегда соблюдалось, чтобы без согласия Римского престола и Римского понтифика (*absque Romanae sedis Romanique pontificis consensu*) не давалось окончательного постановления ни по какому возникающему вопросу».¹²

Из настоящей преамбулы следует ряд выводов, важных для характеристики папской позиции в данном споре и папского самосознания в целом. Во-первых, «принципат божественной власти» (власти Христа) был дарован не одному, а всем «избранным апостолам», однако престол ап. Петра является, по замыслу Божьему, первенствующим и самым выдающимся. Во-вторых, Петр обладает твердостью «камня» (т.е., самого Христа), и благодаря этому качеству способен соблюдать твердость веры и единство верующих. Показательно, что Петр еще не является центральной фигурой в этой концепции – во главе Церкви стоит по-прежнему Христос, называемый здесь «камнем», а роль Петра скорее служебная, но тем не менее исключительно важная, ибо не Христос, а именно Петр обеспечивает единство Церкви «своими молитвами». Характерно полное отсутствие в этой схеме Константинополя и старых церковных престолов – они не упомянуты ни единым словом, как будто их нет. Наконец, в-третьих, согласие папы является необходимым условием общецерковного (соборного) решения любого возникшего вопроса. Богословских обоснований этого тезиса папа Николай не приводит, а просто ссылается на постановления соборов и церковный обычай.

Роль императора в Церкви сводится к «желанию» блюсти единство веры и, в силу этого, стать «благодетелем Церкви Божией». Итак, характеристика императора в послании папы сводится к благим стремлениям и переживаниям. Фактически осуществляемые (хотя и не имеющие опо-

¹² Nic. I Ep. et decr.: 433–434 (ep. 82); перевод Ф.И. Успенского (с нашими изменениями и дополнениями), ср. Успенский 1997: 59–60.

ры в канолах) административные функции императора в Церкви обойдены молчанием, он предстает как влиятельная, но в целом внешняя по отношению к церковным делам фигура. Важное место в послании к Михаилу занимали также темы церковных территорий – папа просил императора вернуть под юрисдикцию Рима ранее находившиеся под властью Фессалоникийского архиепископа (поставленного, согласно папе, из Рима) и незаконно (с точки зрения папы) присоединенные к Константинополю церковные провинции Иллирик, Эпир, Македонию, Фессалию, Ахайю, обе Дакии, Мизию, Дарданию и Превалитану (*Prævalim*), а также официально закрепить за Римом Калабрию и Сицилию, включая право поставления архиепископа Сиракузского¹³.

861 г. «Двукратный» Константинопольский Собор. Именовавший себя «вселенским» собор открылся на Пасху, 6 апр. 861 г. На соборе присутствовали 318 отцов, имп. Михаил III, куропалат Варда и многочисленное чиновничество. Игнатий присутствовал на соборе в качестве ответчика на суде под председательством римских легатов. Повторный суд безусловно стал уступкой Риму, поскольку однажды (в 858 г.) Игнатий уже был осужден на заседании патриаршего собора *σύνδοκος ἐνδῆμοῦσα*. Осуждение Игнатия было произведено на основании 30-го Апостольского правила (поставление в епископы по воле светских лиц, в данном случае, вдовствующей императрицы Феодоры), подкрепленного показаниями 72 свидетелей¹⁴. Приговор собора был подтвержден и папскими легатами.¹⁵ По возвращении легатов из Константинополя Николай резко осудил их действия на соборе. Его недовольство еще более обострилось после доставки византийским посольством посланий от императора и Фотия.

В послании имп. Михаила (оно не сохранилось, но реконструируется на основе ответного письма папы Николая) до сведения папы доводились решения Константинопольского собора 861 г. о низложении Игнатия и утверждении Фотия патриархом.¹⁶ Вместе с посланием Михаила папе были переданы акты собора,¹⁷ в которых, среди прочего, просьбы папы о возвращении юрисдикции над Иллириком были отклонены на том основании, что это дело не церковное, а государственное.

862 г. В ответ на письма Фотия и Михаила папа направил им обоим, а также всем восточным патриархам, послания с изложением своей позиции по всем спорным вопросам (18.03.862).¹⁸

¹³ Nic. I Ep. et decr.: 438–439 (ep. 82). В литературе отмечается, что попытки папы повлиять на вопросы территориальной организации Церкви явились прецедентом вмешательства церковной власти в административные прерогативы императора, ср.: Dvorník 1948: 93; Christgau 2019: 53.

¹⁴ Ср. Vita Ign.: 46.

¹⁵ Подробнее см.: Vita Ign.: 46–50; Hefele 1879: 239–245; Афиногенов 2015: 309.

¹⁶ Nic. I Ep. et decr.: 443.20–30 (ep. 85); ср. Dölger 2003: 56, N° 460.

¹⁷ Nic. I Ep. et decr.: 443.19–20 (ep. 85).

¹⁸ Ibid.: 440–442 (ep. 84); 443–446 (ep. 85); 447–451 (ep. 86); ср. Jaffé et al. 1885: 344 (reg. 2690–2692).

В послании к имп. Михаилу папа (скромно называющий себя «рабом рабов Божиих») именуется не только «благочестивейшим и славнейшим... великим императором», но и своим «сыном» (*filio*).¹⁹ Николай и в дальнейшем много раз называет Михаила «сыном», что не должно удивлять в устах человека, именующего себя «папой» (лат. *papas*), т.е., и в самом деле, буквально «папой, отцом». ²⁰ Можно, разумеется, воспринимать данный титул не более как метафору «отеческой заботы», не имеющую властных коннотаций. В самом деле, «ваше отеческое блаженство» обращаются к папе Адриану I имп. Константин VI и Ирина,²¹ а сам папа Николай говорит лишь о духовном «сыновстве» императора по отношению к своей персоне²². Однако в одном месте папа все же проговаривается о том, чего он ожидает от своего царственного «духовного сына» (*filius spiritalis*) – почестей» гораздо более весомых, нежели почести, воздаваемые плотскими сыновьями своим отцам: ибо плотское во всем ниже, чем духовное.²³ При такой постановке вопроса название императора «духовным сыном» прямо указывает на подчинение последнего папскому «духовному» руководству.

В послании Михаилу Фотий не признается легитимным патриархом²⁴. Участников собора 861 г. папа обвиняет в сговоре, и даже их символическое количество (318), равное числу участников I Вселенского собора в Никее (на что внимание папы обращал имп. Михаил), не убедило Николая в правоте соборного осуждения Игнатия. Своей «апостольской властью» (*apostolica auctoritate*) папа призывает императора восстановить Игнатия на престоле и впредь по любому церковному спору, чреватому схизмой, советоваться с Римом²⁵.

Свое служение папа называет «нашим апостольством»²⁶ и считает свою апостольскую «власть» (*auctoritas* в римском праве – особые юридические полномочия лица или института, не вполне точно описываемые термином «авторитет», отсюда наш перевод) достаточным основанием для того, чтобы давать советы императору, как ему поступать со столичным патриархом. Функцию императора в Константинопольской Церкви папа определяет как «опеку» (*tutamen*) и «защиту» (*defensio*)²⁷ –

¹⁹ Второй раз в тексте послания: *serenissime fili Auguste – Nic. I Ep. et decr.: 445.28–29.*

²⁰ Первым из римских епископов стал называть себя папой Дамас I (366 – 384).

²¹ *Nic. I Ep. et decr.: 458.21–22: Rogamus vestram paternam beatitudinem...*

²² *Ibid.: 464.5–6: ita velimus filios circa spiritalem patrem et discipulos erga magistrum devotos ac sobrios esse.*

²³ *Ibid.: 463.22–25: Et certe patres a filiis honorari non solum divinis, verum etiam humanis legibus praecipuntur; et si hoc carnales, quanto potius spirituales digna penitus a filiis debent veneratione potiri?*

²⁴ *Nic. I Ep. et decr.: 444.7–11 (ep. 85).*

²⁵ *Ibid.: l. 13–17, 28–40.*

²⁶ *Ibid.: 443.19; 444.2.* Этот эпитет усвоен папой из предшествующей традиции – так, «твоим апостольством» (*apostolatus tuus*) титулует папу Бонифация I имп. Гонорий в своем рескрипте, который папа Николай цитирует (*ibid.: 458.3*) по версии Псевдо-Исидоровых декреталий, ср.: *Mansi 1760: 393; Hinschius 1863: 555.*

²⁷ *Nic. I Ep. et decr.: 443.4–5 (ep. 85): sancta Constantinopolitana ecclesia, quae sub vestrae defensionis tutamine consistere videtur...*

и хотя формально папа признает, что именно от императора зависит поставление патриарха, используемая им применительно к императору терминология заимствована из юридической сферы, связанной с опекуном (иными словами, указывает лишь на условную власть опекуна над подопечным) и уступает в значимости тем терминам, которые папа применяет к собственной власти (*auctoritas apostolica*). В письме к Михаилу Римская Церковь именуется «главой всех Церквей».²⁸ Те же идеи, хоть и в несколько иных словах, изложены папой в послании к Фотию²⁹.

Эти послания папы Николая остались без ответа.

В том же 862 г. отнесенные от власти игнатиане во главе с игуменом Феогностом обратились с апелляцией (*libellus*) к папе Николаю, лстиво именуя его «патриархом всех кафедр» (*πατριάρχης πάντων τῶν θρόνων*), «наследником первоверховного (апостола)» (*τοῦ κορυφαίου διάδοχος*) и «вселенским папой» (*ὁ οἰκουμένης πάπας*)³⁰. На этом формальном основании (наличие апелляции) папа созвал в Риме новый собор.

863 г. Римский собор 863 г. издал определение, посланное папой в Константинополь императору Михаилу,³¹ в котором Фотий осужден как «вор» (*fur*), «разбойник» (*latro*) и «прелюбодей» (*adulter*), похитивший Константинопольскую Церковь у ее Жениха Христа.³² Здесь же Фотий обвинялся в созыве собора 861 г., неправоммерно осудившего законного патриарха Игнатия.³³ Все эти обвинения, очевидно, были основаны на тексте апелляции игумена Феогноста.

Роль Римского собора 863 г. в проведении в жизнь программы папского лидерства в Церкви весьма важна. Рассмотрим эту программу по пунктам.

1) Римский собор лишил Фотия священного сана³⁴ со ссылкой на авторитет апостолов Петра и Павла, а также на шесть Вселенских соборов³⁵ – как это почти всегда бывало, без ссылок на конкретные каноны. Между тем объявление какого-либо патриарха низложенным (или, наоборот, восстановленным в должности) никакими канонами Вселенских соборов не регулируется. К случаю Игнатия подходят только правила 3, 4, 5 Сардикийского поместного собора 343 г., установившие право апелляции соборно низложенного епископа к Римскому папе. Однако в данных канонах не сказано прямо, кто имеет право апеллировать к папе – суффраган подчиненной Риму церковной провинции или епископ/предстоятель самостоятельной поместной Церкви. В IV в. в контексте Сардикийского собора речь могла идти только о епископах Иллирика, подчиненных епископу Рима. Однако Римский собор, очевидно, истолковал

²⁸ *Ibid.*: I. 6: *caput omnium ecclesiarum, Romanam scilicet ecclesiam...*

²⁹ Ср.: Максимович (в печати)–а.

³⁰ Ср.: Theogn. Lib.

³¹ Nic. ad Mich. de Phot. dep.; ср. Jaffé Ph. et al. 1879: 350 (reg. 2736); Böhmer, Herbers 2012: 129–131, N° 616.

³² Nic. ad Mich. de Phot. dep.: 851D.

³³ *Ibid.*: 852A–B.

³⁴ *Ibid.*: 852D.

³⁵ *Ibid.*: 852C.

данную норму расширительно – как позволение Риму рассматривать любые апелляции в рамках всей Церкви. Соответственно, рассматривая апелляцию Феогноста против низложения Игнатия, Римский собор по умолчанию признал Константинопольскую Церковь зависимой от Рима (ср. выше эпитет Римской Церкви как «главы всех Церквей»).

2) «В силу власти, возложенной словом Господа на ап. Петра», а также на основании священных канонов и декреталий собор также «восстановил» (*restituimus*) на патриаршем престоле Игнатия³⁶, поскольку низложение патриарха светским правителем без согласия Римского епископа якобы недействительно³⁷ (фактически здесь мы имеем дело с первыми – до спора об инвеституре – попытками папского вмешательства не только в юрисдикцию отдельных патриархов, но и в полномочия императорской власти)³⁸. Также были «восстановлены» епископы-игнатиане, изгнанные при Фотии со своих кафедр.

3) По мнению собора, вновь сославшегося на некие «каноны», восстановленные в своих должностях игнатиане должны подлежать юрисдикции только Римского епископа.³⁹ На какие «каноны» ссылается собор, совершенно непонятно, ибо не существует канонов, заставляющих епископов одной Церкви (Константинопольской) судиться у председателя другой Церкви (Римской). Однако папа Николай (а скорее всего, его ближайший помощник Анастасий Библиотекарь) «обнаруживает» искомую норму в 9-м и 17-м правилах Халкидонского (IV Вселенского) собора 451 г., которые предписывают епископам судиться у «эксарха диоцеза» или патриарха Константинополя⁴⁰.

В послании королю Карлу Лысому (январь 865 г.) папа Николай пересказывает содержание обоих Халкидонских правил: «Наконец, чтобы упомянуть из многого немного, если епископ или клирик имеет жалобы на митрополита, согласно Халкидонским правилам ему предписывается, чтобы он обратился к примасу диоцеза или к престолу царственного града Константинополя, и судился у него. Однако ни для кого не подлежит сомнению, что следует доподлинно соблюдать это правило [т.е. судиться] скорее в граде Ромула, нежели в Константинополе»⁴¹. Этот же текст гораздо ближе к оригиналу цитируется папой в послании к имп. Михаилу от 28.09.865 г.: здесь, вопреки всякой канонической реальности, папа категорично объявляет «эксархом диоцеза» самого себя, а возможность для митрополита судиться перед патриаршим престолом Константинополя толкует как дополнительную и второстепенную опцию (*secundum permissionem indulsit*)⁴². Данный пассаж наглядно пока-

³⁶ Ibid.: 854B.

³⁷ Ibid.: 854A.

³⁸ Выше такое же вмешательство было отмечено в связи с требованием папы (в письме 860 г.) вернуть под юрисдикцию Рима приходы Южной Италии и Сицилии.

³⁹ Ibid.: 854D.

⁴⁰ Joannou, *Discipline I*, 1: 77, 83.

⁴¹ Nic. I Ep. et decr.: 385.20–25 (ep. 69). Здесь и далее перевод мой – К.М.

⁴² Ibid.: 470.29 – 471.3; 471.10–11 (ep. 88), ср.: Chrysos 2018: 334–335.

зывает обращение папы Николая с церковными канонами – даже если они вообще не упоминают Рим, они толкуются в том духе, как будто Рим не только подразумевается, но и занимает в них главное место⁴³.

Применительно к собору 863 г. (см. выше п. 3) превратная интерпретация Халкидонских канонов, во-первых, уподобляет патриарха Константинополя простому митрополиту при «эксархе диоцеза» – Римском папе, а во-вторых, прямо оправдывает вмешательство Рима в дела Константинопольской Церкви в обход восточного императора. На этом фоне указание папы на свое «председательство» во всей Церкви⁴⁴ и вновь повторенное титулование «наше апостольство»⁴⁵ выглядят дежурными и ничего не меняют в общей картине папского главенства над Церковью Константинополя. Таким образом, в постановлении Римского собора 863 г., Константинопольская Церковь предстает как полностью лишенная самостоятельности церковная провинция Рима.

865 г. Отповедь папским притязаниям была дана в послании имп. Михаила III 865 г.⁴⁶ Оно до нас не дошло, но о его содержании можно судить из ответного (уже процитированного выше) послания папы Николая (от 28.09.865), которое представляет собой развернутое и, по сути, программное изложение всех римских притязаний на власть в Церкви⁴⁷.

Император писал, что посольство в Рим в 860 г. не имело целью привлечь папу в качестве третьей стороны по делу Игнатия – ведь суд уже состоялся в Константинополе в 858 г. В ответ на это папа возражал, что если бы это было так, то император не стал бы собирать повторный собор (в 861 г.), а уж коли собрал его, значит дело Игнатия в 858 г. еще не было окончательно решено⁴⁸. Кроме того, «как известно», только Римская Церковь имеет право окончательного (!) вердикта по вопросам поставления патриархов Константинопольских, поскольку все бывшие ранее низложения Константинопольских патриархов (Максима, Нестория, Акакия, Анфима, монофелитов Сергия, Пирра, Павла II и Петра) происходили либо с папского ведома (*consultationibus*), либо по прямому папскому «предписанию» (*decretis*)⁴⁹. Здесь папа слегка запутался в логических построениях – ведь согласие на *низложение патриархов-еретиков* (действительно, во всех случаях полученное от папы) не равно согласию на *поставление православных патриархов*. Разрешения на поставление Константинопольского епископа у пап никто никогда не спрашивал, пап лишь уведомляли о таких поставлениях *post factum*.

Особенно сильную негативную реакцию у папы вызвал тезис императора Михаила (в папском пересказе), что Римского епископа сле-

⁴³ Уже от А. Лапогра не укрылось, что данная интерпретация 9 Халкидонского правила является «обманом», ср.: Lapôtre 1885: 183. Ср. ниже о папе Бонифации и его весьма своеобразной интерпретации решений I Вселенского собора в Никее.

⁴⁴ Nic. ad Mich. de Phot. dep.: 850D: ecclesia Christi, cui divina dignatione praesumus.

⁴⁵ Ibid.: 850B, 851A: apostolatus noster.

⁴⁶ Dölger 2003: 56–57, N° 464; Böhmer, Herbers 2012: 246–247, N° 762.

⁴⁷ Nic. I Ep. et decr.: 454–487 (ep. 88); ср. Jaffé et al. 1885: 358 (reg. 2796).

⁴⁸ Nic. I Ep. et decr.: 460.7–17.

⁴⁹ Nic. I Ep. et decr.: 469.10–17.

дует приглашать к участию в церковном суде только по делам, связанным с вероучением, а дисциплинарные вопросы (включая поставление и низложение патриархов) Константинопольская Церковь вправе решать самостоятельно. На это утверждение папа с негодованием возразил, что не следовало преследовать иерарха, если он не виновен ни в ереси, ни в схизме.⁵⁰ Таким образом, от прямого ответа на тезис императора о приглашении пап на соборный суд в самостоятельном патриархате понтифик уклонился.

Далее, Николай I, цитируя папу Геласия в версии Псевдо-Исидоровых декреталий, заявляет: «только Римская Церковь созданные соборы своим авторитетом/властью утверждает, своим руководством оберегает» (*quae collecta concilia sua auctoritate firmat, sua moderatione custodit*)⁵¹. Согласно Николаю I, привилегии Римской Церкви «вечны» (*perpetua sunt*), даны самим Христом, но не соборами (*a Christo donata, a synodis non donata*), и будут существовать «доколе исповедуется имя христиан», будучи неподвластны человеческим усилиям их умалить или сокрушить⁵².

Далее, папа (уже в который раз в ходе переписки с Михаилом) подчеркивает апостольское происхождение Римской кафедры от Петра и Павла и обличает Константинополь в незаконном желании присвоить себе «апостольский» статус посредством переноса в столицу мощей апостолов (Андрея, Луки и ученика Павла Тимофея),⁵³ после чего упоминает еще два «особых» (*praecipuas*) патриархата – Александрийский и Антиохийский, через которые (вместе с Римом – *per has tres praecipuas ecclesias*) «забота обо всех церквах, без сомнения, ожидает своего осуществления от блаженных первых апостолов (*apostolorum principum*) Петра и Павла» (стиль оригинала сохранен)⁵⁴.

⁵⁰ *Ibid.*: l. 24–30.

⁵¹ *Ibid.*: 473.13–14; ср.: *Ep. Rom. pont.*: 345 (ep. 10), 395 (ep. 26); Thiel 1859: comm. 2, p. 16. А. Тиль, говоря о недействительности решений соборов без папского утверждения, ссылается на «древнее церковное правило» (*nil nisi antiquam ecclesiae regulam reddere*), ср. Thiel 1859: comm. 2, p. 15. Любопытно, однако, что ни сам Тиль, ни источники, которые он цитирует, не содержат совершенно никаких указаний на конкретные церковные «правила» – по той простой причине, что юридическое наследие Церкви таких «правил» попросту не знает (в каноническом праве I тысячелетия процедура созыва, проведения и ратификации решений Вселенских соборов не прописана).

⁵² *Ibid.*: 474.35 – 475.10; ср. Thiel 1859: comm. 2, p. 6. Та же мысль в других словах выражена в написанном в начале 865 г. послании папы к епископам Галлии: *Nic. I Ep. et decr.*: 399.16–19 (ep. 71); ср. Thiel 1859: comm. 1, p. 2–3, comm. 2, p. 2. В отточенной формулировке она встречается также у многократно цитируемого Николаем папы Геласия, ср. *Ep. Rom. pont.*: 441 (ep. 30): *Sedes apostolica... Christo Domino delegante totius Ecclesiae retinet principatum.*

⁵³ *Nic. I Ep. et decr.*: 475.16–19.

⁵⁴ *Ibid.*: l. 30–31. В данном письме «вторым» после Рима престолом названа Александрия (*Cyryllus Alexandrinus, secundae (!) scilicet sedis episcopus* – 467.1), а каноны II и IV Вселенских соборов (Конст. 3; Халк. 28), в которых второе место в ряду Церквей усваивается Константинополю, полностью игнорируются.

Патриархам христианской Церкви, таким образом, фактически отказано в управлении своими церковными областями – если они «апостольские» (как Рим, Александрия и Антиохия), то через них прочими Церквями управляют (по папе Николаю, «осуществляют попечение» – *sollicitudo*) апостолы Петр и Павел, а если не апостольские (как Константинополь)... Папа не уточняет, кто же осуществляет «попечение» Константинопольской Церковью – впрочем, принимая во внимание решения Римского собора 863 г., следовало бы признать, что «неапостольские» престолы – это не совсем Церковь, или, по крайней мере, Церковь не вполне «настоящая», а потому обязанная подчиняться престолам «подлинным, апостольским», и прежде всего Римскому. Подобные рассуждения впрямую выводили на экклесиологически весьма сомнительный тезис об избирательном действии в Церкви Святого Духа.

Продолжая свою мысль, папа высказался, хоть и довольно туманно, о неравном распределении благодати в Церкви, ср.: «Благодаря этим отцам (т.е. апостолам Петру и Павлу), мы **по ниспосланному свыше возрастанию благодати** (*divinitus incremento gratiae ministrato*), рождены как сыны и поставлены, хоть и недостойные и совершенно не равные (им) по нашим заслугам, в качестве правителей над всей землей (*principes super omnem terram*), то есть над всей вселенской Церковью»⁵⁵. В данном месте папа явно увлекся и провозгласил себя главным земным владыкой – однако тут же пояснил, что под «землей» понимает Церковь, в подтверждение чему привел (по нашему мнению, довольно спорное) толкование блаж. Августина на Пс. I, 4: *pulvis quem proicit ventus a facie terrae*, где Августин толкует «землю» (*terra*) как «Церковь»⁵⁶.

Итак, в послании 865 г. папы поставлены во главе всей земли (т.е. Церкви), будучи рожденными в качестве сыновей «по возрастанию благодати». Прочие предстоятели Церквей, очевидно, такой благодати не удостоены.

Переходим от богословских аргументов к церковноправовому обоснованию папского главенства. По мнению папы, ни один собор, включая I Вселенский в Никее, не предоставил Римской Церкви привилегий, поскольку «уже знал» (*noverat*), что благодаря преемству от Петра они у нее уже есть. В доказательство следует ссылка на папу Бонифация I (418–422), который утверждал, что Никейский собор, ничего не сказав об особых властных полномочиях Рима, по умолчанию признал их наличие – на основании хотя бы речения Господа ап. Петру («Ты еси Петр»)⁵⁷.

⁵⁵ *Ibid.*: l. 33–34. В другом месте (*Nic. I Ep. et decr.*: 476.14–15 (ep. 88), ср. ниже) термин *incrementum* имеет значение «преимущество» (Римской Церкви – *ecclesiae Romanae incrementum*) – соответственно, и в данном месте возможен перевод «по преимуществу в благодати».

⁵⁶ *PL* 36: 513; ср. Лебедев 2010: 85–86; *Nic. I Ep. et decr.*: 296.11 (ep. 29): *Dei sumus gratia constituti in domo ipsius principes super omnem terram*; 392.21–22 (ep. 71): *pro patribus nati filii et pro eis constituti principes super omnem terram imitatores eorum essemus*; Hauck 1904: 22–23; Perels 1920: 174.

⁵⁷ *Nic. I Ep. et decr.*: 476.4–15 (ep. 88); ср. Thiel 1859: comm. 2, p. 7.

В дополнение к толкованию Бонифация, папа Николай дал собственный комментарий на 6-й канон: «данный собор никаких преимуществ Римской Церкви не присвоил» (*Romanae ecclesiae nullum eadem synodus contulit incrementum*), «поскольку следовал той форме, по которой он присвоил Александрийской Церкви особое (первенство в Ливии и Пентаполе)» (*sed potius ex eius forma, quod Alexandrinae ecclesiae tribueret particulariter, sumpsit exemplum*)⁵⁸. Иными словами, в 6-м каноне об аналогии Римской Церкви и Александрийской было сказано, якобы, лишь «по форме», в силу сопоставления разных Церквей, тогда как по сути в каноне имелось в виду первенство Рима, основанное на первенстве Петра. На этом, якобы, и основано право вмешательства Рима в дела Константинопольской Церкви⁵⁹. Игнатия и Фотию (либо их представителей, а также императорским легатам)⁶⁰ в письме предлагалось явиться в Рим для вынесения окончательного решения, поскольку Рим является высшей (*cuius auctoritate maior non est*) судебной инстанцией, апелляция к которой «со всего мира» (*de qualibet mundi parte*) предписана канонами, но на нее саму никакой апелляции не предусмотрено (следуют цитаты из посланий пап Бонифация и Геласия)⁶¹.

Ответа на эти тезисы и предложения папы из Константинополя опять не последовало.

866 г. Те же идеи – и в других письмах папы, адресованных годом позже императору и Фотию. В послании к императору (13.11.866 г.)⁶² папа вновь вставал на сторону Игнатия и призывал императора удалить «неофита, прелюбодея и захватчика Константинопольской Церкви Фотия»⁶³ с патриаршей кафедры. Кроме того, папа открыто выступил против вмешательства светской власти в дела Церкви и, соответственно, за право вмешательства одной, «высшей по статусу» (*maioris auctoritatis*) Церкви в дела другой, «низшей» (*inferior*)⁶⁴. Новшеством в папской позиции было требование к императору публично (*palam sunctis*) сжечь все сочинения, направленные против Игнатия и против папства⁶⁵ – в противном случае папа угрожает предать всех виновных, «устроителей, организаторов и зачинщиков столь великого обмана» анафеме⁶⁶.

Письмо к Фотию (13.11.866)⁶⁷ содержало осуждение последнего с лишением сана и угрозой анафемы, если он не подчинится папскому приговору. Оба письма не дошли до адресатов, поскольку император воспретил папским послам вступить на землю империи⁶⁸.

⁵⁸ Nic. I Ep. et decr.: 476.14–15 (ep. 88).

⁵⁹ Ibid.: 476.16–19.

⁶⁰ Ibid.: 482.1–19.

⁶¹ Ibid.: 480.21–481.7; Ep. Rom. pont.: 344 (ep. 10); 399 (ep. 26); Thiel 1859: comm. 2, p. 17.

⁶² Nic. I Ep. et decr.: 488–512 (ep. 90).

⁶³ Ibid.: 497.10–11; 499.30–39.

⁶⁴ Ibid.: 496.30–33; ср. Thiel 1859: comm. 1, p. 16; Лебедев 2010: 89–90.

⁶⁵ Nic. I Ep. et decr.: 508.16–32.

⁶⁶ Ibid.: l. 33–37.

⁶⁷ Nic. I Ep. et decr.: 533–540 (ep. 92).

⁶⁸ Hergenröther 1867: 641.

867 г. Константинопольский собор 867 г. проходил в присутствии Михаила III и кесаря (после убийства Варды в 866 г.) Василия (будущего императора Василия I). Собор низложил и анафематствовал папу Николая I, который вскоре после этого умер (12.11.867), оставив по себе память как негибаемого борца за главенство Рима в христианской Церкви, оппонента императорской власти в Константинополе и автора ряда программных посланий, в которых это главенство получило как богословское, так и историческое обоснование.⁶⁹

Рассмотренная в работе экклесиологическая система папы Николая представляет собой стройную и в деталях продуманную концепцию римского главенства в Церкви. Она обнаруживает преemственную зависимость от взглядов папы Геласия, на которого Николай ссылается как на непререкаемый авторитет во многих своих посланиях. В нашу задачу не входило подробное сопоставление этих двух систем, хотя такое сопоставление выглядит перспективным в силу сходства исторических ситуаций. Так, оба папы формулировали свои тезисы о главенстве Рима в условиях схизм с Константинополем («акакианской» и «фотиевой»), подчеркивая свою ключевую роль в разрешении церковных кризисов.

Оба папы чрезвычайно негативно оценивали вмешательство императорской власти в церковные дела, поскольку в ходе обеих схизм именно императоры ставили под вопрос особые властные полномочия Римского епископа. Сильного оппонента в лице императорской власти Риму необходимо было если не устранить окончательно (об этом не приходилось и мечтать), то по крайней мере ослабить и подчинить своему «апостольскому авторитету». Обоим папам добиться этого при жизни не удалось, но папа Николай подготовил солидный теоретический базис для относительного торжества римской идеологии уже при следующем папе, Адриане II (867–872), которому удалось принять активное участие в Константинопольском антифотиевском соборе 869–870 гг. и провести на нем свою линию, нашедшую определенное выражение в канонах этого собора⁷⁰.

В данной связи уместно отметить, что папа Николай, видимо, был приверженцем «геласианской доктрины» о двух отдельных сферах власти – светской и духовной. По крайней мере, в рассмотренном послании 88 к Михаилу он приводит длинную цитату из геласиевского *Tomus de anathematis vinculo*, в которой строгое разделение светской и церковной юрисдикции объявляется фундаментальным свойством христианской эпохи, тогда как во времена язычества такого разделения не существовало, и светский правитель (принцепс) был одновременно верховным понтификом (*pontifex maximus*).⁷¹ Именно папа Николай приписывает ап. Петру владение одновременно двумя «мечами» (*micrones*) – «духовным» (церковным) и «вещественным» (светским)⁷².

⁶⁹ Подробнее о предпосылках и итогах собора см.: Кузенков 2015 (с литературой).

⁷⁰ Подробнее см.: Максимович (в печати)–в.

⁷¹ Nic. I Ep. et decr.: 486.2–17; ср. Thiel 1859: comm. 2, p. 24–25; Roy 1896; Perels 1920: 172.

⁷² Nic. I Ep. et decr.: 641.21–23 (ep. 123 – янв. 865 г.: Jaffé et al. 1885: p. 357, reg. 2787.

Фундаментальный тезис о папе как владыке «всей земли» был главным новшеством в идеологии папской власти. Разумеется, это еще не идея папской власти над светскими правителями, однако заявка на такую власть, хоть и с оговорками, была сделана именно папой Николаем. Угроза предать анафеме императора Михаила, если он не сожжет направленные против папы писания, предвосхищает аналогичное поведение Григория VII в конфликте с императором Священной Римской империи Генрихом IV (1077 г.). Данный случай угрозы светскому правителю в письмах папы Николая не единственный – в послании королю Карлу Лысому папа и ему (пусть и в завуалированной форме) угрожает анафемой, если император не подчинится папским указаниям⁷³.

Аналогично, запрет на любые апелляции против папских судебных решений (в послании 28.09.865) и на любую критику пап (в послании 13.11.866) прямо предвосхищают догмат о папской непогрешимости, принятый через тысячу лет на I Ватиканском соборе 1869–1870 гг. (*Pastor aeternus*).

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Ep. Rom. pont. – *Epistolae Romanorum pontificum genuinae a S. Hilario usque ad Pelagium II* / Ed. A. Thiel. T. 1. Brunswick, 1868. 1018 p.
- Joannou, Discipline I, 1 – *Discipline générale antique (IVe – IXe s.)*. Tome I, 1. Les canons des conciles oecuméniques. Ed. P.-P. Joannou. Roma, 1962. (= Pontifica Commissione per la Redazione del Codice di Diritto Canonico Orientale. Fonti. Fasc. IX). 347 p.
- Hinschius, Decretales – Hinschius P. *Decretales Pseudo-Isidorianae, et Capitula Angilramni*. Lipsiae, 1863. 771 p.
- Mansi IV – *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Ed. J.D. Mansi. T. IV. Florentiae, 1760. 1482 p.
- Nic. I Ep. et decr. – *Nicolai I pontificis Romani Epistolae et decreta* // PL. T. 119. Col. 769–1212 = MGH. *Epistolarum tomus VI, Karolini aevi IV*. Ed. Societas aperiendis fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi. München, 1978. P. 257–690.
- Nic. ad Mich. de Phot. dep. – *Nicolai papae ad Michaellem imp. Narrationis ordo de Photii depulsione* // PL 119. Ep. XLVI. Col. 850–860.
- Photii Ep. – *Photii Epistolae et Amphilochia*: in 6 vol. Ed. B. Laourdas, L.G. Westerink. Lipsiae, 1983–1988.
- Theogn. Lib. – *Theognosti Libellus ad Nicolaum I papam in causa Ignatii CP* // PG 105. Col. 856–861.
- Vita Ign. – *Nicetas David. The Life of Patriarch Ignatius / Text and Translation by A. Smithies with Notes by John M. Duffy*. Washington, D.C., 2013.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Афиногенов Д.Е. Григорий Асвеста // ПЭ. Т. 12. М., 2006. С. 667–668 [Afinogenov D.E. Grigorij Asvesta (Gregory Asbestas) // *Pravoslavnaja Entsiklopedija*. Vol. 12. Moscow: Pravoslavnaja Entsiklopedija, 2006. P. 667–668].
- Афиногенов Д.Е. Константинопольские соборы: собор 861 г. // ПЭ. Т. 37. М., 2015. С. 309 [Afinogenov D.E. *Konstantinopol'skie sobory: sobor 861 g.* (The Synods of Constantinople: The Synod of 861) // *Pravoslavnaja Entsiklopedija*. Vol. 37. Moscow: Pravoslavnaja Entsiklopedija, 2015. P. 309].
- Афиногенов Д.Е. Византия, Рим и «Фотиева» схизма // Фотий, свт., патр. Константинопольский. Антилатинские сочинения. Пер. Д.Е. Афиногенова, П.В. Кузенкова. М.: ИД Познание, 2019. С. 9–18 [Afinogenov D.E. *Vizantiya, Rim i "Fotieva" skhizma* (Byzantium, Rome and the "Photian" Schism) // Fotij, svt., patr. Konstantinopol'skij. *Antilatinские sochinenija Afinogenov D.E., Kuzenkov P.V.* Moscow: PH Poznanie. P. 9–18].

⁷³ Nic. I Ep. et decr.: p. 388, l. 8–10 (ep. 69 от 22(19).01.865), ср.: Jaffé et al. 1885: 356, reg. 2783; Böhmer, Herbers 2012: 230, reg. 745).

- Королев А.А. Николай I // ПЭ. Т. 50. М., 2018. С. 394–416 [Korolev A.A. Nikolaj I (Nicholas I) // Pravoslavnaja Entsiklopedija. Vol. 50. Moscow: Pravoslavnaja Entsiklopedija, 2018. P. 394–416].
- Кузенков П.В. Константинопольские соборы: собор 867 г. // ПЭ. Т. 37. М., 2015. С. 309–310 [Kuzenkov P.V. Konstantinopol'skie sobory: sobor 867 g. (The Synods of Constantinople: the Synod of 867) // Pravoslavnaja Entsiklopedija. Vol. 37. Moscow: Pravoslavnaja Entsiklopedija, 2015. P. 309–310].
- Лебедев А.П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. 3-е изд., испр. СПб: «Издательство Олега Абышко», 2010. 348 с. [Lebedev A.P. Istorija razdelenija Tserkvej v IX, X i XI vekakh. 3-e izd., ispr. (History of the Division of the Churches in the 9th, 10th and 11th centuries. 3rd corrected edition). St.-Petersburg: PH Oleg Obyshko, 2010. 348 p.].
- Лебедев А.П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной Церкви в IX, X, XI веках. От конца иконоборческих споров в 842 г., до начала Крестовых походов – 1096 г. Предисловие, научная редакция, справочные материалы и именной указатель М. А. Морозова. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2012. 336 с. [Lebedev A.P. Oчерki vnutrennej istorii Vizantijsko-vostochnoj Cerkvi v IX, X, XI vekakh. Ot konca ikonoborcheskich sporov v 842 g. do nachala Krestovykh pokhodov – 1096 g. Predislovie, nauchnaja redaktsiya, spravochnye materialy i imennoj ukazatel' M. A. Morozova (Essays on the Internal History of the Byzantine-Eastern Church in the 9th, 10th, 11th centuries. From the End of the Iconoclastic Controversies in 842, to the Beginning of the Crusades – 1096). Preface, scientific edition, reference materials and name index by M. A. Morozov]. St.-Petersburg: PH Oleg Obyshko, 2012. 336 p.].
- Максимович К.А. Вопрос о юрисдикции Римского епископа в переписке папы Николая I с Константинопольским патриархом Фотием (в печати) [Maksimovich K.A. Vopros o jurisdiksii Rimskogo episkopa v petrepiske papy Nikolaja I s Konsztantinopol'skim patriarkhom Fotijem (The Issue of the Jurisdiction of the Bishop of Rome in the Correspondence of Pope Nicholas I with the Patriarch of Constantinople Photius) (in print)].
- Максимович К.А. Фотий, свт., Патриарх Константинопольский: «Фотианская» схизма // ПЭ (в печати) [Maksimovich K.A. Fotij, svt., patriarch Konstantinopol'skij: „Fotianskaja“ skhizma (Photios, St. Patriarch of Constantinople: the „Photian“ schism) (in print)].
- Максимович К.А. Вопрос о властных прерогативах Римского епископа в контексте соборного осуждения патр. Фотия (на материале канонов IV Константинопольского собора 869–870 гг.) // Византийский Временник (в печати) [Maksimovich K.A. Vopros o vlastnykh prerogativakh Rimskogo episkopa v kontekste sobornogo osuzhdenija patriarkha Fotija (na materiale kanonov IV Konstantinopol'skogo sobora 869–870 (The Question of the Power Prerogatives of the Bishop of Rome in the Context of the Conciliar Condemnation of Patriarch Photius (Based on the Canons of the Fourth Council of Constantinople of 869–870)) // Vizantijskij Vremennik (in print)].
- Россейкин Ф.М. Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1915. 491 с. [Rossejkin F.M. Pervoe pravlenie Fotija, patriarcha Konstantinopol'skogo (The First Reign of Photius, Patriarch of Constantinople). Sergiev Posad: Tipografija Svjato-Troickoj Sergievoj lavry, 1915. 491 p.].
- Россейкин Ф.М. Фотий и Василий Македонянин (Первое низложение Фотия, патриарха Константинопольского) // Богословский вестник. 1915. № 4. № 4. С. 835–864 [Rossejkin F.M. Fotij i Vasilij Makedonjanin (Pervoe nizlozhenie Fotija, patriarcha Konstantinopol'skogo) (Photius and Basil of Macedonia (First deposition of Photius, Patriarch of Constantinople)) // Bogoslovskij vestnik. 1915. N 4. P. 835–864].
- Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Т. 3. Период Македонской династии (867 – 1057). М.: Мысль, 1997. 527 с. [Uspenskij F.I. Istorija Vizantiskoj imperii. V 5 t. T. 3: Period Makedonskoj dinastii (867 – 1057). Moscow: Mysl'. 527 p.].
- Böhmer J. F. Regesta Imperii. Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern 751–918 (926/962). Bd. 4: Papstregesten, 800–911. Tl. 2: 844–872, Lieferung 2. 858–867 (Nikolaus I.), bearbeitet von K. Herbers, Wien – Köln – Weimar: Böhlau Verlag, 2012. 835 p.
- Bougard F. Niccolò I, santo // Enciclopedia dei papi. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2000. Vol. 2. P. 1–22.
- Christgau C. Das päpstliche Amtsverständnis Nikolaus' I. in seiner Briefkorrespondenz. Das Verhältnis zu weltlichen Herrschern sowie dem Episkopat im Ehestreit Lothars II. und im Photianischen Schisma. Erlangen: FAU University Press, 2019 (= Ausgezeichnete Abschlussarbeiten der Erlanger Geschichtswissenschaft, Bd. 7). 158 p.

- Chrysos E. *New Perceptions of Imperium and Sacerdotium in the Letters of Pope Nicholas I to Emperor Michael III* // *Travaux et Mémoires*. T. 22/1: Constantinople réelle et imaginaire: autour de l'œuvre de Gilbert Dagron. Paris, 2018. P. 313–339.
- Chrysos E. *Rome and Constantinople in Confrontation // Byzantium in Dialogue with the Mediterranean. History and Heritage*. Ed. by D. Sloopjes, M. Verhoeven. Leiden, Boston: Brill, 2019. P. 24–46.
- Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453*. 1. Teil: Regesten von 565–1025. München – Berlin: Verlag C.H. Beck oHG München, 2003. 248 p.
- Dvornik F. *The Photian Schism. History and Legend*. Cambridge: University Press, 1948. 504 p.
- Greinacher A. *Die Anschauungen des Papstes Nikolaus I. über das Verhältnis von Staat und Kirche*. Berlin – Leipzig: Berlin Rothschild, 1909. 69 p.
- Hauck A. *Der Gedanke der päpstlichen Weltherrschaft bis auf Bonifaz VIII*. Leipzig, 1904. 47 p.
- Hefele C. J. von. *Conciliengeschichte, nach den Quellen bearbeitet*. Bd. IV. 2. Auflage. Freiburg i. Br.: Herder'sche Verlagshandlung, 1879. 941 p.
- Herbers K. *Nikolaus I.* // *Lexikon des Mittelalters*. Bd. 6. München: Artemis, 1986. Col. 1168–1170.
- Hergenröther J. *Photius, Patriarch von Konstantinopel: sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Nach handschriftlichen und gedruckten Quellen*. Bd. I. Regensburg: Verlag von Georg Joseph Manz, 1867. 719 p.
- Jaffé Ph. (ed.), Wattenbach W., Loewenfeld S., Kaltenbrunner F., Ewald P. (2 ed.). *Regesta pontificum romanorum: ab condita ecclesia ad annum post Christum natum MCXCVIII*. T. I: a. S. Petro ad a. MCXLIII. Lipsiae: Veit et Comp., 1885. 919 p.
- Lapôtre A. *De Anastasio bibliothecario sedis apostolicae*. Parisiis, 1885.
- Perels E. *Papst Nicolaus I. und Anastasius Bibliothecarius. Ein Beitrag zur Geschichte des Papsttums im neunten Jahrhundert*. Berlin: Weidmann, 1920. 327 p.
- Riché P. *Nicolas Ier // Dictionnaire historique de la papauté / Éd. Ph. Levillain*. Paris: Fayard, 1994. P. 1161–1163.
- Richterich J. *Papst Nikolaus I.* // *Revue internationale de théologie*. T. IX. 1901. S. 560–588; 735–764; T. X. 1902. S. 116–146; 512–541; T. XI. P. 46–74 (отд. изд.: Bern: Stämpfli und Co, 1903. 149 p.).
- Roy J. *Principes du pape Nicolas I. sur les rapports des deux puissances // Études d'histoire du Moyen Âge dédiées à Gabriel Monod*. Paris, 1896. P. 95–105.
- Roy J. *Saint Nicolas Ier*. Paris: Lecoffre, 1899. 175 p.
- Thiel A. *De Nicolao papa I commentationes duae historico-canonicae*. Comm. 1–2. Brunsberg: Huye, 1859. 37 + 38 p.
- Кирилл Александрович Максимович**, *Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет*; kirmaksimovic@gmail.com

Princes Super Omnem Terram. The Ideology of the Primacy of the Roman See in the Correspondence of Pope Nicholas I (858–867) with Emperor Michael III

The article is devoted to the substantiation of the primacy of the Bishop of Rome in the Church, which arose in connection with the non-canonical, from the point of view of Pope Nicholas I (858–867), deposition of Patriarch Ignatius of Constantinople by Emperor Michael III (842–867) and the elevation of the imperial secretary Photius from among the laity in his place. The purpose of the work is to analyze the theological, historical and legal arguments given in Nicholas' epistles to justify the primacy of the Bishop of Rome over all Christian Churches. The correspondence showed that Rome's claims to supremacy in the Church, based on the presumption of the supremacy of Apostle Peter over all the apostles and, consequently, the primacy of Peter's heir – the Bishop of Rome – over all the Churches came up against the stubborn reluctance of the imperial authorities in Constantinople to belittle the rights of the metropolitan Church in favor of Rome. The course of the controversy anticipated the subsequent development of the dogma of papal primacy in the era of the struggle for investiture and up to the First Vatican Council of 1869 – 1870.

Keywords: *papal primacy, "Photian" schism, history of Byzantium, history of the Eastern Church, history of the papacy.*

Kirill Aleksandrovich Maksimovich, *Orthodox Svyato-Tikhonovsky Humanitarian University*; kirmaksimovic@gmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ЖАНТИЛЬНОСТИ» В АМЕРИКАНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

«Жантильность» – одно из понятий, которые были рецептированы в Америке в связи с «революцией потребления» середины XVIII века. Оно включало в себя представления о модном, престижном и элегантном. Его консьюмеристский подтекст постоянно вступал в противоречие с актуальными идеологическими трендами. Жантильность подвергалась критике в периоды военных или революционных кризисов, но неизменно реабилитировалась по мере стабилизации ситуации.

Ключевые слова: жантильность, «революция потребления» середины XVIII в., история США, история повседневности, Семилетняя война, Американская революция.

Есть два термина, которыми можно описать повседневность Американской революции. И если первое из них – «добродетель», то второе – «жантильность»¹. Они подразумевали разные, во многом конфликтующие картины мира. Гражданская добродетель идеализировала самоограничение во имя борьбы за свободу. Жантильность ориентировала на престижные модели потребления.

Идеология классического республиканизма и концепция республиканской добродетели в Американской революции хорошо изучены. Со времен эпохальной монографии Дж.Г.Г. Покока «Макиавеллиевский момент»² известно, что идеи «отцов-основателей» США восходят не только к европейскому Просвещению, но и к политической мысли античности и Ренессанса. Согласно теории классического республиканизма, республика должна иметь этическую основу. Особая добродетель республиканцев должна была заключаться в любви к свободе и самопожертвовании во имя республики. Здесь присутствовал и бытовой аспект – требование отказа от роскоши и ограничения потребления. Именно таков был идеал «отцов-основателей». С. Адамс определил его емкой фразой: «христианская Спарта».

Значительно реже отмечается, что наряду с концепцией республиканской добродетели в американской повседневности второй половины XVIII в. присутствовала и другая, оказывавшая не меньшее влияние на бытовое поведение американцев. Она в меньшей мере артикулировалась современниками. Тем не менее, слово для ее обозначения существовало. Это «жантильность» (gentility).

Исследования жантильности ведутся со второй половины XX века и затрагивают разные англоговорящие страны. В современной историографии, изучающей США в Новое время, можно выделить несколько направлений изучения жантильности. Ряд исследований посвящен экспансии жантильных образцов поведения и моделей потребления на

¹ Русская лексема *жантильность* выбрана как наиболее близкий аналог английского *gentility*, несмотря на расхождение в объеме значения и коннотации.

² Покок 2020.

американском фронтире³. Достаточно активно исследуется жантильность в рамках женской истории. Изучая предвоенный Юг, К. Бейли пишет о целой культуре жантильности, которая подразумевала определенный набор отношений, тесно связанных с понятием этикета. С ее точки зрения, жантильность имеет и гендерный аспект. Она неотделима от образа жантильной женственности⁴. Жантильность также связывается с темой империалистической экспансии, как это делает Дж. Хантер⁵.

Существуют также работы, посвященные жантильности в колониальной и революционной Америке. Р.Л. Бушмэн считает американский XVIII век «эрой жантильности»⁶. Исследователь М. Розбицкий полагает, что «жантильный» этос был одним из элементов революционной идеологии и что, по представлениям американских вигов, английская элита предала соответствующие ценности⁷.

В данной статье исследуются не только представления американцев XVIII в. о жантильности, но также критика жантильности в пропагандистских текстах и сложные взаимосвязи между сформированным пропагандой идеалом и жантильными моделями поведения в американской повседневности. Ставится проблема соотношения между пропагандой времен Семилетней войны и периода Американской революции.

Специализированных трактатов, посвященных культурным образцам жантильности, в ранней Америке не было. Соответствующие модели заимствовались из европейской литературы. Поэтому источниковую базу статьи составили тексты, где жантильность не подвергалась рефлексии, но отражались соответствующие представления. Это толковые словари С. Джонсона и Н. Уэбстера, статьи пропагандистского характера в американской прессе XVIII в., содержавшие критику жантильности с религиозных или идеологических позиций. Это помещенные в тех же газетах рекламные объявления, в которых жантильность представлялась желанной ценностью; их риторика находилась в чрезвычайно сложной связи с идеологическими трендами. Используемые дневниковые записи XVIII в., травелоги и эпистолярный материал раскрывают роль жантильности в пространстве повседневности.

В качестве методологической основы использованы подходы истории повседневности, позволяющие выделить типизированные бытовые практики и исследовать символическое измерение повседневной жизни. Кроме того, применен семантический анализ лексемы *gentility* и анализ ее бытования в американских текстах второй половины XVIII в.

Термин *genteel* восходит к французскому *gentil* (жантильный в петровской России). По мнению современных исследователей, жантиль-

³ Crass, Penner, Forehand 1999: 14–31; Praetzellis, Praetzellis 2001: 645–654.

⁴ Напр.: Bailey 2021. Похожий аспект, но на австралийском материале, рассматривает Пенни Расселл. Russell 1994.

⁵ Hunter 1984.

⁶ Bushman 1992: xii–xiii.

⁷ Rozbicki 1997: 752.

ность – это набор идей и практик, составлявших определенный кодекс поведения в «политичном обществе»⁸.

Лексема *gentility* с родственными терминами *genteel* и *gentleman* присутствует в двух наиболее известных толковых словарях английского языка Нового времени: словаре Сэмюэля Джонсона (1755) и словаре Ноя Уэбстера (1828). Поскольку первый из них создан британским тором, а второй – американским федералистом, то сравнение их текстов дает хорошее представление о различном понимании жантильности в Великобритании и США. Например, Джонсон толковал понятие *gentleman* прежде всего как «человек знатного происхождения, хотя и не аристократ» (*a man of extraction, though not noble*). Вторым значением он давал: «Человек, возвышенный над простолюдинами своей репутацией или должностью» (*A man raised above the vulgar by his character or post*). Важность фактора происхождения английский лексикограф подчеркивал обилием примеров, которыми иллюстрировал первую сему. В их числе цитата из шекспировского «Венецианского купца», где Бассанио называет себя джентльменом и уточняет:

Я честно вам сказал, что все богатство

Мое в крови (пер. Т. Щепкиной-Куперник)⁹.

Уэбстер же не привел ни одного примера соответствующего словоупотребления, подчеркивая его неактуальность для американских читателей. Зато он включил в словарную статью одну из поговорок «Бедного Ричарда» Б. Франклина: «Пахарь, стоящий на собственных ногах, выше джентльмена на коленях». Несущественным обстоятельством для американского лексикографа была и должность, занимаемая человеком. Он подчеркивал, что в США, где знати не существует, термин *gentleman* применяется к «образованным и хорошо воспитанным людям, независимо от рода их занятий»¹⁰. Понятие *gentility*, по Уэбстеру, подразумевало достоинство, придаваемое рождением (*dignity of birth*), но также пересекалось с семантикой прилагательного *genteel* и говорило о хороших манерах (*politeness of manners*); легкости и изяществе в поведении (*easy, graceful behavior*) и просто «манерах хорошо воспитанных людей» (*the manners of well bred people*)¹¹. Та же двойственность у Джонсона: *gentility* – это и благородство происхождения, и утонченность вкуса¹².

Интересно, что Джонсон, а за ним и Уэбстер подчеркивали внешние характеристики индивида. Внутренние качества личности, такие как порядочность, благородство или честь, не вошли в определение ни английского, ни американского лексикографа. Уэбстер (хотя он принадлежал к партии федералистов и его невозможно отнести к числу радикальных социальных реформаторов) не скрывал своего негативно-

⁸ Huskins 2015: 153; Burnard 1995: 36.

⁹ Johnson 1755: vol. 1: 'gentleman'.

¹⁰ Webster 1828: vol. 1: 'gentleman'.

¹¹ Webster 1828: vol. 1: 'gentility'.

¹² Johnson 1755: vol. 1: 'gentility'.

го отношения к элитистским коннотациям «жантильности», а вот для Джонсона именно они выходили на первый план.

В американском словоупотреблении XVIII века жантильным могло быть не только поведение, но и определенные бытовые практики (например, чаепитие или танцевальные ассамблеи), особенности одежды и прически (например, на протяжении большей части XVIII в. жантильный мужчина должен был носить парик или хотя бы пудрить собственные волосы). «Жантильным» могло считаться практически что угодно: профессия, район города, манеры и внешность человека, меню обеда и т.д. Газета «*Pennsylvania Packet*» уверяла, что существует модный/жантильный способ вставать с постели, пить и есть, молиться и даже отправляться на небеса либо в ад¹³. Жантильность в Америке, как и в Великобритании, несомненно, подразумевала определенный элитарный этос. В то же время в Америке само понятие «джентльмен» отличалось от английского и было в меньшей степени связано с элитарным происхождением или высоким положением в обществе, как уже было показано на примере трактовок понятия Уэбстером.

Здесь нет возможности раскрыть эволюцию представлений о джентльмене/леди на протяжении британской истории. Ограничимся некоторыми замечаниями общего характера. Еще английский Ренессанс выработал понятие «джентльмена», отличное от понятия «дворянина». Историк В.Д. Смит считает, что исходно это понятие включало титулованную и нетитулованную знать Англии, начиная с монарха и заканчивая баронетами, рыцарями, крупными землевладельцами. Исследователь оговаривает: «Традиционно статус джентльмена в широком смысле присваивался в соответствии со статусом семьи, а не с собственными заслугами»¹⁴. Но, как он показывает на примере С. Пипса, в Новое время подняться до статуса джентльмена за счет карьеры и, что особенно важно для нашей темы, за счет демонстрации престижного потребления было вполне возможно. В английском понимании лексемы *gentleman*, бытовавшем в XVII–XVIII вв., присутствовал потенциал демократизации. Круг тех, кого можно назвать джентльменом, с течением времени расширялся, важность происхождения снижалась, зато важность соответствующей культуры (включая и культуру потребления) возрастала¹⁵. В трактате Генри Пичема «Совершенный джентльмен» (1622) к кругу джентльменов относились, например, адвокаты и врачи, для которых происхождение уже не имело значения. Здесь были свои ограничения: в том же трактате из воображаемого жантильного сообщества исключались хирурги и дантисты, «чья практика печально известна, механична и низменна»¹⁶. Этот намек расширярует польская исследовательница М. Оссовская: хирурги и дантисты исключались из воображаемого со-

¹³ *Pennsylvania Packet*. Dec. 29, 1785.

¹⁴ Smith 2002: 29–30.

¹⁵ См. об этом подробнее: Smith 2002.

¹⁶ Peacham [1622]: 10–11.

общества джентльменов, потому что работали руками¹⁷. В Великобритании Нового времени существовала разработанная иерархия занятий, которые считались достойными или недостойными для джентльмена.

В Америке занятия ремеслом, напротив, вполне могли сочетаться с джентльменским статусом. Известный политический активист Американской революции Поль Ривир был ювелиром и занимался протезированием зубов, осуждаемым в трактате Пичема. Но в Новой Англии к нему обращались как к джентльмену, чего он вряд ли мог бы ожидать в метрополии. Точно так же в регулярных британских войсках он не мог бы получить офицерский чин. Но в Новой Англии обращали меньше внимания на сословную принадлежность, так что во время Семилетней войны Поль Ривир был младшим лейтенантом в колониальной артиллерии¹⁸. Это обстоятельство вызывало критику со стороны английских современников. Характерен такой отзыв о колониальной Виргинии: «Если [человек]... имеет достаточно денег, негров и земли, он – законченный джентльмен... Ученость и здравый смысл, религия и утонченная мораль, милосердие и благотворительность здесь ни к чему»¹⁹.

Т. Бернارد отмечает крайнюю расплывчатость жантильности в Америке, поскольку там не было столь же устойчивых традиций социального разграничения, как в метрополии. Элита не определялась родословной в обществе, где джентльмен мог быть внуком кабального слуги-сервента²⁰. Это суждение излишне категорично. Своя аристократия в Америке существовала. Историк А. Тэйлор отмечает, что республиканский идеал меритократии в революционной Америке не вытеснил полностью традиционное представление о политической элите, богатой, образованной, с изысканными манерами²¹. Джон Адамс доказывал своему кузену Сэмюэлю Адамсу: «Мы с вами видели, как в Бостоне поднялись четыре благородные семьи... В нашем городе они такие же настоящие дворяне, как Говарды, Сомерсеты, Берти и другие в Англии»²². Исследователь Р. Бушман, анализируя культуру колониальной Америки, приходит к выводу о существовании там класса джентльменов, объединенного стандартами жизни, общими для всех колоний²³.

В то же время замечание Т. Бернарда имеет основания. Примером может служить А. Гамильтон, первый министр финансов США. Дж. Адамс называл его «незаконным отродьем шотландского разносчика»²⁴. При всей резкости оценки, данной политическим противником, в ней много справедливого. Родители Гамильтона не были женаты, а проис-

¹⁷ Оссовская 1987: 132.

¹⁸ Goss 1891: vol. 1: 19–21.

¹⁹ Цит. по: Rozbicky 1998: 100.

²⁰ Burnard 1995: 36. К сходным выводам приходят и исследователи колониальной Австралии: Hayes 2011: 33.

²¹ Taylor 1991: 468.

²² Adams 1850–1856: vol. 6: 417.

²³ Bushman 1984: 345–383.

²⁴ Adams 1806.

хождение его отца было сомнительным. Показательно, что это обстоятельство не мешало Гамильтону воспринимать и репрезентировать себя как джентльмена. Не менее показательно, что в конце жизни он старался представить своего отца более благородным, чем в действительности. Он писал в одном из писем: «Мой покойный отец, несомненно, происходил из почтенной шотландской семьи. Его отец был лэрдом Грейнджем, а сын его старшего брата является таковым теперь. Его мать была сестрой старинного баронета сэра Роберта Поллока... [Он] имел слишком много гордости и немало лени, но в остальном его характер был безупречен, а манеры – джентльменскими»²⁵. Одновременно американский политик пытался доказать свое родство с шотландскими герцогами Гамильтонами, впрочем, безуспешно. Понятие жантильности в итоге превращалось в сложный сплав представлений о том, что «политическое общество» определяется стандартами поведения, и о том, что соответствовать этим стандартам может человек хорошего происхождения.

Характеристики, даваемые разным лицам в Америке XVIII в., часто акцентировали внешний, поведенческий аспект жантильного идеала. А. Гамильтон, так рекомендовал Ж.В. де Лафайета²⁶: «Молодой Лафайет также производит выгодное впечатление, он скромн, у него очень хорошие манеры, а выражается он умно и достойно»²⁷. Интересно, что Гамильтон сделал акцент именно на тех аспектах жантильности, которые подчеркивал и Честерфилд²⁸. Представление о том, что именно хорошие манеры делают человека желанным гостем, было общераспространенным. Об этом свидетельствует реклама разнообразных школ, где можно было развить соответствующие навыки. Мсье Сикар в Филадельфии обещал придать своим ученикам естественную и приятную осанку, которая позволит им с легкостью войти в политическое общество²⁹. Очень полезными могли оказаться уроки танцев и фехтования. У мистера Пайка из Филадельфии можно было обучиться не только упомянутым полезным умениям, но также «жантильному обращению и правильной осанке»³⁰. Соответствующие требования предъявлялись не только к мужчинам, но и к женщинам. Газета «*Pennsylvania Packet*» советовала своим читательницам «обратить внимание на элегантность, которая не столько сама по себе является качеством, сколько придает яркий блеск всем остальным... Она придает красавице тот шарм, без которого ей обычно не удается пленять»³¹.

²⁵ Hamilton 1961–1987: vol. 25: 89.

²⁶ Жорж Вашингтон де Лафайет (1779–1849) – единственный сын маркиза Жильбера де Лафайета, в 1795 г. приехал в США учиться в Гарварде, впоследствии служил в наполеоновской армии и был адъютантом генерала Груши в сражении при Эйлау.

²⁷ Hamilton 1961–1987: vol. 19: 326.

²⁸ Ср.: «Человек способный, достойный и хорошо воспитанный всюду проложит себе дорогу. Основательные знания введут его в лучшее общество, а манеры сделают его желанным гостем». (Честерфилд 1971: 42).

²⁹ *Pennsylvania Packet*. Sept. 17, 1788.

³⁰ *Pennsylvania Gazette*. Oct. 19, 1774.

³¹ *Pennsylvania Packet*. Nov. 28, 1774.

На сохранявшийся элитарный характер жантильных образцов поведения указывает наличие в ранней американской драматургии собственного образа «мещанина во дворянстве». В комедии Мерси Уоррен «Тупицы» (1776) в этой роли выступают фермеры, пытающиеся выглядеть «жантильно». Героиня пьесы говорит мужу: «Вы боитесь, что я попрошу у вас шелковое платье и новую шляпку, что я захочу посещать представления... Можете не сомневаться, я всего этого захочу и не приму ни отказа, ни колебаний. Не думайте, что я стану жить как дура, как в бытность нашу фермерами. Мы теперь благородные господа и жить должны по-благородному»³². Для комической героини жантильность состоит в следовании модным образцам в одежде и рекреационных практиках. Смысл похожих современных явлений раскрывает Р. Барт: мода призвана воспроизводить социальные различия, но одновременно она превращается в массовый феномен, позволяя потребителям, не принадлежащим к элите, стремиться к повышению своего статуса через подражание элитарным практикам³³.

И это раскрывает еще один аспект понятия: жантильность была прочно связана с консьюмеризмом, с представлением о модном и престижном. В этом смысле эпитет «жантильный» постоянно фигурировал в рекламе. В 1770-х гг. слово *genteel* упоминалось в «*Pennsylvania Packet*» 276 раз, в «*Virginia Gazette*» – 201 раз, в «*South Carolina Gazette*» – 174 раза³⁴. «Жантильный» поднос ценился выше «простого», «жантильный» дом был более престижным³⁵.

Жантильность также связывалась с известной ритуализацией потребления. Именно она, например, отличала джентльмена, пьющего пунш, от пьяницы-простолоудина. Акт потребления алкоголя превращался в повод для демонстрации изящных манер³⁶. Р.Л. Бушмэн видит процесс рецепции жантильности в изменении застольных манер и обстановки: нож и вилка исключали тактильный контакт с пищей, спинка стула заставляла держать прямую осанку. Американцы усваивали новую, жантильную эстетику потребления³⁷. И в Старом, и в Новом свете XVIII век принес определенную «демократизацию» статусного потребления. Этот процесс связан с промышленной революцией, новыми технологиями и развитием рекламы. В.Д. Смит проследил этот процесс на целом ряде примеров статусных товаров и показал повышение их доступности на протяжении XVIII в.³⁸ Он использовал британский материал, но аналогичные процессы шли и в колониях Великобритании.

Жантильность подразумевала определенный стандарт потребления, быстро меняющийся по мере того, как тот или иной статусный

³² Warren 1776: 10.

³³ Барт 2019: 270–271.

³⁴ Статистика приводится по материалам сайта Newspapers.com.

³⁵ См., напр.: Bushman 1992: 62.

³⁶ Thompson 1989: 549–573.

³⁷ Bushman 1992: 76.

³⁸ Smith 2002: 46–59, 86–91.

товар превращался в общедоступный. При этом само представление о существовании «высокого стиля» консьюмеризма неизменно сохранялось; он заключался в следовании последним трендам моды, которые еще не успели перенять потребители с более низким социальным статусом. Пенсильванка Анна Роул Клиффорд рассказывала о знакомой девушке: «Недавно она вышла замуж за Бингхема, который вернулся из Западной Индии с огромным состоянием. Они зажили в самом высоком стиле; никто здесь не может производить такое же впечатление, как они; экипаж, дом, одежда – все в новейшем вкусе»³⁹. Анна, представительница пенсильванской элиты, описывала жантильность по той же модели, что и комическая фермерша из пьесы.

И понимание жантильности как поведенческих особенностей, и ее описание через модели потребления характеризовали лишь внешние качества человека. Такая интерпретация облегчала использование жантильности в качестве критерия распознавания людей из «политичного общества», что присутствовало и в английском словоупотреблении. В популярном английском трактате Дж. Форрестера «Политичный философ» (1734) отмечалось: «Чтобы убедиться в честности человека, нужно его знать, говорить с ним. Но мы с первого взгляда понимаем, есть ли у него хорошие манеры»⁴⁰. Но та же интерпретация эксплицитно включала представление о поверхностности жантильного идеала. Так, в 1786 г. газета «*Pennsylvania Packet*» критиковала блестящих, но поверхностных персонажей, которые только и умеют, что кое-как лепетать по-французски и танцевать менуэт⁴¹. Здесь жантильность из престижной социальной характеристики превращалась в повод для критики.

Стоит отметить еще три ракурса жантильности.

Современники почти никогда не эксплицировали связь между жантильностью и гендером, но такая связь все же существовала. Жантильный образ жизни и жантильные манеры могли принадлежать как мужчинам, так и женщинам. Но также было признано, что довести то и другое до требуемого уровня невозможно без помощи женщин. Форрестер предупреждал: «Книги могут снабдить нас идеями, опыт может улучшить наши суждения. Но только знакомство с дамами может подарить ту легкость в обращении, по которой утонченного джентльмена отличают от ученого или делового человека»⁴². Та же мысль выражена в ранней американской драматургии, в частности, в пьесе Р. Тайлера «Контраст» (1787): «Женская беседа смягчает наши манеры, в то время как наша беседа, благодаря превосходству наших литературных достоинств, улучшает их умы»⁴³. Интересно, что это суждение вложено в уста персонажа, который репрезентирован как воплощение маскулинности, о чем сообщает его «говорящая» фамилия Мэнли (*Manly*).

³⁹ Американская 2014: 283.

⁴⁰ Forrester 1736: iii.

⁴¹ *Pennsylvania Packet*. Febr. 6, 1786.

⁴² Forrester 1736: 47.

⁴³ Tyler 1920: 83.

Отметим сложную связь между понятиями жантильности и естественности. Во второй половине XVIII в. естественность стала объектом культа. Ценилась физическая активность, свобода и близость к природе, противопоставляемая ригидному аристократическому этикету⁴⁴. Новые представления о прекрасном активно проникали в повседневность. Так, в некрологе филадельфийки Энн Росс, умершей в 1773 г., особо упоминалось о том, что «так как природа щедро оделила ее чарами привлекательности и грациозностью, ей не было нужды в ничтожном блеске искусственных украшений»⁴⁵. И в то же время жантильность могла сочетаться с естественностью в одной характеристике. Описывая знаменитого виргинского оратора П. Генри, конгрессмен С. Дин хвалил «естественную элегантность его стиля и манер»⁴⁶.

Наконец, жантильность для Америки была трансатлантическим феноменом. Она была невозможна без следования европейским (прежде всего, конечно, английским) модам, европейскому этикету и европейским идеалам джентльмена/леди. Не случайно историк Р.Л. Бушмэн подчеркивает определяющее влияние культурных связей с метрополией в формировании американской жантильности⁴⁷.

Итак, жантильность для ранней Америки – это в меньшей степени этос, включающий определенный набор ценностей (учтивость, щедрость, гостеприимство и т.п.). В большей мере это характеристика поведения: непринужденные манеры, правильная осанка, легкие движения. Концепция жантильности включала и представление об определенных стандартах потребления, задаваемых модой; это «высокий стиль» жизни. В глазах современников жантильность могла противопоставляться естественности, но это противопоставление не было абсолютным. Жантильность связывалась скорее с феминностью, нежели с маскулинностью. Характеристика людей, географических объектов, предметов потребления как жантильных подразумевала элитарность, престижность.

В целом, жантильность была социально одобряемой. Но она могла оказаться предметом порицания моралистов или идеологов. Именно как объект критики жантильность появлялась в пропагандистских текстах времен Семилетней войны, как в Великобритании, так и в ее американских колониях. Критика велась по нескольким направлениям.

Сохранялась традиционная критика роскоши с религиозных позиций. В нравоучительной статье в «Virginia Gazette» приметой «вольнодумства» становилось такое жантильное времяпровождение, как посещение кофейни. Газета обрушивалась на грешников: «Дьявол – их архиепископ... таверна – их церковь, кофейня – их часовня»⁴⁸. Но важнее были политические аспекты жантильности. В одной из статей в «Virginia Gazette», например, воспроизводилась идущая еще от античности

⁴⁴ Вигарелло 2013: 129–133, 153–156.

⁴⁵ Pennsylvania Gazette. June 9, 1773.

⁴⁶ Letters 1976–2000: vol. 1: 62.

⁴⁷ Bushman 1984: 345–383.

⁴⁸ Virginia Gazette (Royle). Febr. 12, 1762. См. об этом также: Smith 2002: 79–81.

тема «пагубной роскоши». Здесь она переплеталась с мотивом феминизации жантильности и утраты гендерной идентичности. Газета обращалась к библейскому образу: «Первая великая мировая империя, ассирийская, была разрушена исключительно из-за роскоши своего государя, Сарданапала, женоподобного создания, которое никогда не покидало дворца, но проводило время в обществе женщин»⁴⁹.

С жантильностью связывался также страх перед культурной гегемонией Франции – главного геополитического противника Великобритании. Здесь не затрагивается тема французского понимания *gentilité*, да оно и не интересовало ни британских, ни американских потребителей французской продукции. От французских моделей жантильности они брали внешнее, прежде всего, представление о модах, рекреационных практиках, хороших манерах. Классик английской литературы Т. Смоллетт восхищался французским искусством одеваться: «Французы, от маркиза, щеголяющего в шелках, до прислуживающего в цирюльне, перепачканного едой с ног до головы мальчугана, все до одного – *petit maîtres*»⁵⁰. Честерфилд противопоставлял «естественную и непринужденную» учтивость французов неуклюжести англичан⁵¹.

Но французская элегантность одновременно могла оцениваться как идеологическая угроза. Лондонская сатирическая газета «The World» уверяла: «Многие добрые патриоты сильно встревожены столь всеобщим распространением в Европе французского языка и французских мод»⁵². В другом выпуске той же газеты смысл тревоги расшифровывался. Он поразительно напоминал о современных теориях культурного империализма и вестернизации⁵³. Подразумевалось, что экспансия чуждой культуры будет сопровождаться внедрением чуждых институтов. Протестантов-британцев, привыкших гордиться своей конституционной монархией, пугала перспектива установления в их стране абсолютизма французского образца и возврата к католической религии. На этой угрозе строилась вся антифранцузская пропаганда времен Семилетней войны. Соответствующие идеологемы проникли даже в тосты. В Нью-Гэмпшире в 1758 г. пили за «падение французского могущества, французских интересов и французских мод»⁵⁴.

«Мягкой силе» французских культурных образцов противопоставлялись общественные инициативы, направленные на «национализацию» потребления. «New York Mercury» призывала к импортозамещению и выражала надежду, что «ирландский кембрик и кружева из Ньюпорт-Пагнела будут замечены истинно любящими свою страну»⁵⁵. «Halifax

⁴⁹ Virginia Gazette (Hunter). Sept. 3, 1756.

⁵⁰ Петиметры, т.е. щеголи (фр.). Отечество 2009: 413.

⁵¹ Честерфилд 1971: 11.

⁵² The World (London). Mar. 22, 1753. «The World» – еженедельная сатирическая газета, издавалась в Лондоне в 1753–1756 гг. Ее редактором был драматург Эдвард Мур, а в числе соавторов были лорд Честерфилд и Гораций Уолпол.

⁵³ Tomlinson 1991; Cultural 2005.

⁵⁴ New Hampshire Gazette. Febr. 3, 1758.

⁵⁵ New York Mercury. Oct. 3, 1757. Кембрик – ткань типа батиста.

Gazette» перепечатывала сообщение из Дублина, где молодые джентльмены договорились не пить за здоровье леди, которые тратят деньги на французские безделушки, и не признавать хорошенькой ни одну женщину, если только отделка ее платья не отечественного производства⁵⁶.

По-видимому, критика жантильности в период Семилетней войны облегчила проникновение сходных мотивов в пропаганду Американской революции. Свойственное классической республиканской парадигме отторжение консьюмеризма рано было взято на вооружение американскими революционерами-вигами. Их оружием стали бойкоты импортной продукции. Роскошь и коррупция, в полном соответствии с саллюстианской парадигмой, объявлялись орудием порабощения. Один из авторов «Boston Gazette» глубокомысленно рассуждал о «римских леди»: «Если б они сохранили свою добродетель вместо того, чтобы впасть в азиатскую роскошь и сопутствующие ей пороки, прославленное государство [Рим] и сейчас можно было бы видеть в полном великолепии»⁵⁷. Бойкоты казались эффективным способом поддержания общественной добродетели и механизмом экономического давления на метрополию. Тон задавал Бостон. Так, 1 августа 1768 г. 60 торговцев из Бостона подписали соглашение об отказе от импорта товаров, особенно тех, которые облагались налогами согласно новому законодательству: (чай, стекло, бумага, краски). Их примеру последовали торговцы из Филадельфии, Нью-Йорка, Чарльстона, виргинцы, коннектикутцы.

Тактика бойкотов развивалась и к 1774 г. достигла пика. Делегат Первого континентального конгресса Р.Т. Пейн видел в бойкотах тройное благо: отказ от бесполезной роскоши сделает американцев богаче; отказ от импортных напитков вроде чая оздоровит их; попытки обеспечить импортозамещение разовьют их изобретательность и трудолюбие. Конгрессмен заявлял: «Я открыто заявляю, что хотя некоторые товары, импортируемые из Великобритании и Вест-Индии, могут быть полезны, но, принимая во внимание все наши импортные поставки, для Америки было бы лучше заплатить за них все и затем потопить их, чем выгрузить их на берег и использовать»⁵⁸.

Те самые формы проведения досуга, пищевые привычки, манера одеваться, которые еще недавно служили показателем высокого статуса и жантильного стиля жизни, теперь могли стать объектом отторжения. Так, в 1775 г. филадельфийская толпа угрожала разнести таверну, где Марта Вашингтон вознамерилась устроить бал. Местный комитет инспекции и наблюдения вынужден был вмешаться и попросить миссис Вашингтон отказаться от задуманного⁵⁹.

Рекламные объявления 1765–1775 гг. дают немало информации о попытках заместить импортную роскошь американскими аналогами. Патриотам предлагалось пить травяные настои вместо чая, носить до-

⁵⁶ Halifax Gazette. Oct. 3, 1765.

⁵⁷ Boston Gazette. Apr. 12, 1773.

⁵⁸ Letters 1976–2000: vol. 1: 148.

⁵⁹ См.: Irvin 2005: 12–20.

мотканую одежду вместо модных шелков. Спрос на патриотическое потребление, по-видимому, действительно появлялся, и торговцы на него реагировали. Так, в Бостоне в магазине Генри Перкинса можно было купить разнообразную мужскую одежду из домотканого полотна⁶⁰. Другой торговец, Инек Браун предлагал доставлять на его склад на Бостон-Нек «все виды домотканой одежды» в обмен на вест-индские товары⁶¹. Модистки также старались адаптировать свою продукцию к новым идеологическим трендам. В том же Бостоне Анна Дюкре делала цветы для дамских причесок, «красотой оттенка превосходящие те, что обычно импортируются»⁶². Возникли новые модели жантильности, модифицированные в угоду текущей политике.

Характерно, что в 1790-х гг., когда революционная трансформация американского общества завершилась, произошел возврат к старым моделям потребления. В частности, изменился язык бостонских рекламных объявлений. Престижным и желанным вновь становилось следование английской и французской моде⁶³.

«Дух 1775-го» подразумевал иные ценности. С образованием США и установлением республиканского строя стало еще более очевидно: идеал жантильности находился в противоречии с классическим республиканским этосом. Жантильности противопоставлялась республиканская простота. Первое понятие ассоциировалось с элитарностью, второе – с равенством. Дж. Адамс иронически восхвалял монархию: «Монархия, вероятно, так или иначе сделала бы меня богатым, она дала бы столько вкуса и вежливости, столько изящества в одежде, мебели, экипаже... что одна только греза о них заставляет меня чувствовать себя тщеславным, легкомысленным и ничтожным»⁶⁴. Но его собственным идеалом была республика с ее добродетельным самоотречением.

Роскошь/жантильность как идеологическая угроза связывалась теперь не с Францией, а с Великобританией. В 1778 г. «*Pennsylvania Packet*» предупреждала об опасности союза с бывшей метрополией: «ее азиатские развлечения, ее сельские праздники, ее мешьянцы» грозили разрушить республиканскую простоту американцев⁶⁵. В качестве примеров «азиатских развлечений» здесь приводились типичные формы жантильного времяпровождения. «Сельские праздники» (*fêtes champêtres*) пришли в Англию, а затем и в ее колонии из Версаля. Обычно в саду устраивался концерт. Музыканты прятались среди деревьев, а гости одевались в духе пасторалей Ватто. «Мешьянцей» назывался грандиозный праздник, устроенный англичанами в оккупированной Филадельфии⁶⁶.

⁶⁰ Boston Evening Post. Apr. 11, 1768.

⁶¹ Boston Gazette. Sept. 19, 1768.

⁶² Boston Gazette. May 29, 1769.

⁶³ Напр.: Boston Gazette. Jan. 12, Mar. 1, 1784; Columbian Centinel. May 15, 18, 30, 1795. См. также: Carr 2009: 52–53.

⁶⁴ Adams 1977–2020: vol. 3: 398.

⁶⁵ Pennsylvania Packet. Aug. 1, 1778.

⁶⁶ См. о нем: Филимонова 2019: 54–67.

Жантильность этих развлечений воспринималась как угроза национальной самобытности. Т. Джефферсон высказывал сходные опасения: «Я несколько не боюсь атак на нашу свободу со стороны силы, но благодаря тому многому, что я видел и понял, я гораздо больше боюсь английских книг, английских предрассудков, английских манер»⁶⁷.

Как и многое другое в революционной Америке, жантильность политизировалась. Жантильность была важным элементом самоидентификации лоялистов. Шотландский торговец Джеймс Фрэзер находил у лоялистов в Канаде, бежавших от Американской революции, «прискорбную страсть к нарядам, кутежам и танцам и всякого рода чувственным удовольствиям». Он считал лоялистских дам «низкими рабынями моды»⁶⁸. Интересно здесь использование словосочетания «*abject slaves*» – одного из типичных клише американской вигской пропаганды. Исследования Б. Хаскинс показывают, что и сами лоялисты готовы были создавать миф о себе как о «жантильных» представителях культурной элиты, в противовес «грубым» сторонникам независимости⁶⁹.

В финале Американской революции критика жантильности могла обращаться уже и против вигской элиты. Например, этот мотив присутствовал в антифедералистской прессе. В глазах антифедералистов – противников федеральной Конституции 1787 г. – новый конституционный документ ассоциировался с «роскошным» правительством. «*Poughkeepsie Country Journal*» из штата Нью-Йорк выражала опасения, что за принятием Конституции последуют «миллионы на поддержку гражданского листа Конгресса (...), расходы общества на содержание многих сотен, а может быть, и тысяч семей (благородных семей) в роскоши, изяществе и удобстве»⁷⁰. Избиратели не считали жантильность приемлемой характеристикой политика. А. Гамильтон сетовал: «Независимое состояние, независимые принципы, таланты и честность осуждаются как знаки аристократизма. Если к этому добавляются хорошие манеры и приличная внешность, то его [кандидата] приговаривают к политической смерти, даже не выслушав. Короче говоря, за редким исключением все, что относится к характеру джентльмена, подвергается остракизму»⁷¹.

Нравы вигской элиты после Войны за независимость вряд ли напоминали о «христианской Спарте». Соответствующие наблюдения делал виргинец А. Ли в Филадельфии: «Г-н Моррис, г-н Бингем, г-н Росс и другие, сделавшие большие состояния во время этой войны, употребляют свое богатство не совсем в соответствии с той неподдельной добродетелью, которая должна оживлять молодую республику. Экстравагантность, хвастовство и распущенность отличают то, что называют дамами первого ранга»⁷². Исследователи обнаружили в каталогах американских

⁶⁷ Джефферсон 1992: 152.

⁶⁸ [Fraser] 1988: 139.

⁶⁹ Huskins 2015: 151–188.

⁷⁰ Poughkeepsie Country Journal. Jan. 16, 1788.

⁷¹ Hamilton 1961–1987: vol. 16: 611.

⁷² Letters 1976–2000: vol. 20: 12.

личных библиотек таких авторов, как Бальдассаре Кастильоне, Джованни делла Каза, лорд Честерфилд и других европейских писателей, разрабатывавших аристократический придворный этос. Очевидно, что идея аристократии воздействовала на воображение американцев⁷³.

Сложное взаимодействие концепций жантильности и республиканской добродетели демонстрирует переписка Б. Франклина и его дочери Сары Бейч. В 1779 г. Франклин упрекал дочь за чрезмерное внимание к моде. Особенно его шокировали расходы Сары на французское полотно, кружева и перья. Он давал дочери шутливый совет, впрочем, едва ли приемлемый для молодой женщины: «Если ты будешь носить батистовые оборки, как я, и не будешь чинить дырки, они со временем превратятся в кружева, а перья, моя дорогая девочка, можно достать в Америке из любого пегушиного хвоста»⁷⁴. В своем ответе на упрек Сара акцентировала социальную роль жантильности. В ее понимании соответствие требованиям моды было частью ее личного успеха в обществе и успеха партии вигов в целом. Она писала: «Как мог мой дорогой папа сделать мне такой строгий выговор за то, что я хочу несколько нарядов? Я уверена, что он не сделал бы этого, если бы знал, как сильно я чувствовала, что прошлая зима была триумфальным сезоном для вигов, и они провели его весело. Вы бы не заставили меня, я уверена, ни держаться подальше от послов или генералов, ни отвергнуть приглашение провести день с генералом Вашингтоном и его женой»⁷⁵.

Повседневная жизнь мужчин-вигов также протекала между взаимоисключающими требованиями жантильности и республиканизма. В большинстве случаев они оставляли жантильные поведенческие модели для сферы приватного (как это делала и Сара Бейч). Им казалось, что это вполне можно сочетать с классическим республиканизмом в политике. Можно отметить различие характеристик, используемых в частной и общественной жизни. Рекомендую Гамильтону некоего С. Шора, виргинский военный и политик Г. Ли подчеркивал аспект жантильности: «Его манеры выдают в нем *джентльмена*, и он *хорошо воспитан*»⁷⁶. Рекомендация кандидата на выборах выглядит иначе: «Мистер Уотсон также человек *республиканских* принципов, манер и привычек»⁷⁷.

Жантильные модели поведения проникали в политические ритуалы ранней республики. Элегантные приемы в президентском особняке в Нью-Йорке, а затем в Филадельфии стали важной частью столичной светской жизни. Отчасти это, вероятно, связано с господством партии федералистов, правившей в США в 1790-х гг. Федералисты были склонны воспроизводить европейские аристократические и даже монархические модели, адаптируя их к условиям республики. Так появлялись президентские туры по стране, аналогичные торжественным поездкам

⁷³ Bushman 2006: 349–350.

⁷⁴ Franklin 1904: vol. 8: 101–102.

⁷⁵ Franklin 1959–2018: vol. 30: 333.

⁷⁶ Hamilton 1961–1987: vol. 16: 567. Курсив мой. – М.Ф.

⁷⁷ Hamilton 1961–1987: vol. 20: 441. Курсив мой. – М.Ф.

европейских монархов; ритуал въезда президента в город и т.п. В этом контексте реабилитация жантильности была естественным следствием формирования «республиканского двора» президента Дж. Вашингтона.

Итак, жантильность как поведенческая модель и как набор представлений об элитарном образе жизни была востребована как в Европе, так и в Америке. Это один из трансатлантических культурных феноменов. В Америке жантильность тесно связана с усвоением европейских моделей поведения. Отсюда ее связь с лоялизмом. Отсюда и ее восприятие в контексте угрозы иностранного влияния.

Жантильность была своего рода антитезой республиканской добродетели. Идеал республиканца XVIII в. строился на самоограничении, идеал жантильности – на консьюмеризме. Классическая республиканская добродетель отсылала к идеализированной античности, жантильность была феноменом Нового времени.

Критика жантильности связана с кризисами, переживаемыми американским обществом, будь то мобилизация общества во время Семилетней войны или же революционный кризис. И Семилетняя война, и Американская революция сопровождаются пропагандой умеренности и отказа от «иностранных финтифлюшек». Но даже на пике революционного процесса идеал республиканской добродетели не может вытеснить жантильные модели поведения. Когда же наступает фаза постреволюционной стабилизации, жантильность снова входит в американскую повседневность как социальная норма.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Американская революция в женских дневниках / сост., пер. с англ., вступ. статья, сопр. статьи, закл. и комм. С.А. Короткова. М.: Принципиум, 2014. 384 с. [Amerikanskaya revolyuciya v zhenskikh dnevnikh (The American Revolution in women's diaries) / sost., per. s angl., vstup. stat'ya, sopr. stat'i, zakl. i komm. S.A. Korotkova. M.: Principium, 2014. 384 p.]
- Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Академический проект, 2019. 429 с. [Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury (The Fashion system. Articles on the semiotics of culture). M.: Akademicheskii proekt, 2019. 429 p.]
- Вигарелло Ж. Искусство привлекательности: история телесной красоты от Ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 432 с. [Vigarellu Zh. Iskusstvo privlekatel'nosti: istoriya telesnoj krasoty ot Rennessansa do nashih dnei (The Art of attractiveness: the history of bodily beauty from the Renaissance to the present day). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 432 p.]
- Джефферсон Т. Томас Джефферсон о демократии / собр. С.К. Падовер. СПб.: Лениздат, 1992. 335 с. [Dzhefferson T. Tomas Dzhefferson o demokratii (Thomas Jefferson on democracy) / sobr. S.K. Padover. Saint Petersburg: Lenizdat, 1992. 335 p.]
- Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с. [Ossovskaya M. Rycar' i burzhua: issledovaniya po istorii morali (The Knight and the bourgeois: studies in the history of morality). Moscow: Progress, 1987. 528 p.]
- Отечество карикатуры и пародии. Английская сатирическая проза XVIII в. / сост. А. Ливергант. М.: НЛЮ, 2009. 776 с. [Otechestvo karikatury i parodii. Anglijskaya satiricheskaya proza XVIII v. (The Fatherland of caricature and parody. English satirical prose of the eighteenth century) / sost. A. Livergant. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 776 p.]
- Покок Дж.Г.А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с. [Pokok Dzh.G.A. Moment Machiavelli: Politicheskaya mysl' Florencii i atlanticheskaya respublikanskaya tradiciya (The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 888 p.]

- Филимонова М.А. Два праздника времен Американской революции // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 54–67. [Filimonova M.A. Dva prazdnika vremen Amerikanskoj revolyucii (Two Festivals of the American Revolution) // Dialog so vremenem. 2019. №66. P. 54–67.]
- Честерфилд Ф. Письма к сыну. Максими. Характеры. М.: Наука, 1971. 360 с. [Chesterfield F. Pis'ma k synu. Maksimy. Haraktery (Letters to his son. Maxims. Characters). Moscow: Nauka, 1971. 360 p.]
- Adams J. From John Adams to Benjamin Rush, 25 January 1806 / URL: <https://founders.archives.gov/documents/Adams/99-02-02-5119>.
- Adams J. Papers. Ser. 3: 20 vols. / ed. R.J. Taylor. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977–2020.
- Adams J. The Works: 10 vols. / ed. Ch.F. Adams. Boston: Little, Brown, 1850–1856.
- Bailey C. Unbinding Gentility: Women Making Music in the Nineteenth-Century South. Urbana: University of Illinois Press, 2021. 320 p.
- Boston Evening Post. Apr. 11, 1768.
- Boston Gazette. Sept. 19, 1768.
- Boston Gazette. May 29, 1769.
- Boston Gazette. Apr. 12, 1773.
- Boston Gazette. Jan. 12, 1784.
- Boston Gazette. Mar. 1, 1784.
- Burnard T. A Tangled Cousinry? Associational Networks of the Maryland Elite, 1691–1776 // The Journal of Southern History. Vol. 61. No. 1 (Feb. 1995). P. 17–44.
- Bushman R.L. American High-Style and Vernacular Cultures // Colonial British America: Essays in the New History of the Early Modern Era / ed. J.P. Green, J.R. Pole. Baltimore, 1984. P. 345–383.
- Bushman R.L. The Refinement of America: Persons, Houses, Cities. N.Y.: Knopf, 1992. 504 p.
- Carr J.B. Marketing Gentility: Boston's Businesswomen, 1780–1830 // The New England Quarterly. Vol. 82. No. 1 (Mar., 2009). P. 25–55.
- Columbian Centinel. May 15, 1795.
- Columbian Centinel. May 18, 1795.
- Columbian Centinel. May 30, 1795.
- Crass D.C., Penner B.R., Forehand T.R. Gentility and Material Culture on the Carolina Frontier // Historical Archaeology. Vol. 33. No. 3 (1999). P. 14–31.
- Cultural Imperialism. Essays on the Political Economy of Cultural Domination / comp. B. Hamm, R. Smandysh. Peterborough u.a.: Broadview, 2005. 322 p.
- Forrester J. The Polite Philosopher; Or, an Essay on that Art which Makes a Man Happy in Himself, and Agreeable to Others... L.: J. Wilson, and sold by E. Nutt A. Dodd, 1736. 54 p.
- Franklin B. The Papers: 43 vols. / ed. L.W. Labaree e.a. New Haven: Yale Un-ty Press, 1959–2018.
- Franklin B. The Works of Benjamin Franklin, including the Private as well as the Official and Scientific Correspondence, together with the Unmutilated and Correct Version of the Autobiography: 12 vols. / comp. and ed. J. Bigelow. N. Y.: G.P. Putnam's Sons, 1904
- [Fraser J.] A Caustic Look at Shelburne Society in 1787 / ed. N. Mackinnon // *Acadiensis*. Vol. 17. No. 2 (Spring/printemps 1988). P. 139–142.
- Goss E.H. The Life of Colonel Paul Revere: 2 vols. Boston, 1891.
- Halifax Gazette. Oct. 3, 1765.
- Hamilton A. The Papers: 27 vols. / ed. H.C. Syrett. N.Y.–L.: Columbia Un-ty Press, 1961–1987.
- Hayes S. Gentility in the dining and tea service practices of early colonial Melbourne's 'established middle class' // *Australasian Historical Archaeology*. Vol. 29 (2011). P. 33–44.
- Hemphill C.D. Manners and Class in the Revolutionary Era: A Transatlantic Comparison // *The William and Mary Quarterly*. Third Series. Vol. 63. No. 2 (Apr. 2006). P. 345–372.
- Hunter J. The Gospel of Gentility: American Women Missionaries in Turn-of-the-century China. New Haven: Yale University Press, 1984. 342 p.
- Huskins B. «Shelburnian Manners»: Gentility and the Loyalists of Shelburne, Nova Scotia // *Early American Studies*. Vol. 13. No. 1 (Winter 2015). P. 151–188.
- Irvin B.H. The Streets of Philadelphia: Crowds, Congress, and the Political Culture of Revolution, 1774–1783 // *Pennsylvania Magazine of History and Biography*. Vol. 129. 2005. P. 12–20.
- Johnson S. A Dictionary of the English language: 2 vols. L.: Printed by W. Strahan, 1755.
- Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: 26 vols. / ed. P.H. Smith. Washington, D.C.: Library of Congress, 1976–2000.

- New Hampshire Gazette. Febr. 3, 1758.
 New York Mercury. Oct. 3, 1757.
 Peacham H. The complete gentleman fashioning him absolute in the most necessary & commendable qualities concerning mind or body that may be required in a noble gentleman. [London]: [by John Legat], [1622]. 211 p.
 Pennsylvania Gazette. June 9, 1773.
 Pennsylvania Gazette. Oct. 19, 1774.
 Pennsylvania Packet. Nov. 28, 1774.
 Pennsylvania Packet. Aug. 1, 1778.
 Pennsylvania Packet. Dec. 29, 1785.
 Pennsylvania Packet. Febr. 6, 1786.
 Pennsylvania Packet. Sept. 17, 1788.
 Poughkeepsie Country Journal. Jan. 16, 1788.
 Praetzellis A., Praetzellis M. Mangling Symbols of Gentility in the Wild West: Case Studies in Interpretive Archaeology // *American Anthropologist*. Vol. 103. No. 3. 2001). P. 645–654.
 Rozbicki M.J. The Complete Colonial Gentleman: Cultural Legitimacy in Plantation America. Charlottesville – London: University of Virginia Press, 1998. 221 p.
 Rozbicki M.J. The Curse of Provincialism: Negative Perceptions of Colonial American Plantation Gentry // *The Journal of Southern History*. Vol. 63. No. 4 (Nov. 1997). P. 727–752.
 Russell P.A. A Wish of Distinction: Colonial Gentility and Femininity. Melbourne: Melbourne University Press, 1994. 233 p.
 Smith W.D. Consumption and the Making of Respectability, 1600–1800. New York: Routledge, 2002. 344 p.
 Taylor A. From Fathers to Friends of the People: Political Personae in the Early Republic // *Journal of the Early Republic*. Vol. 11 (Winter 1991). P. 465–491.
 The World (London). Mar. 22, 1753; June 6, 1754.
 Thompson P. «The Friendly Glass»: Drink and Gentility in Colonial Philadelphia // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. Vol. 113. No. 4 (Oct. 1989). P. 549–573.
 Tomlinson J. Cultural Imperialism: A Critical Introduction. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. 187 p.
 Tyler R. The Contrast. Boston – New York: Houghton Mifflin Company, 1920. 120 p.
 Newspapers.com / URL:
https://www.newspapers.com/search/#query=genteel&p_country=us&dr_year=1770-1779
 Virginia Gazette (Hunter). Sept. 3, 1756.
 Virginia Gazette (Royle). Febr. 12, 1762.
 Warren M. Otis. The Blockheads: or, The affrighted officers. A farce. Boston: Printed [by John Gill] in Queen-Street, 1776. 21 p.
 Webster N. An American dictionary of the English language: 2 vols. N.Y.: S. Converse, 1828.
 Мария Александровна Филимонова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, научная лаборатория «Центр изучения США», Курский государственный университет, mar-filimonova@yandex

The Concept of «Gentility» in American Everyday Life in the Second Half of the Eighteenth Century

«Gentility» is one of the concepts that were adopted in America in connection with the «consumption revolution» of the middle of the 18th century. It comprised ideas about the fashionable, prestigious and elegant. Its consumerist subtext was constantly in conflict with current ideological trends. Gentility was criticized during periods of military or revolutionary crises, but was invariably rehabilitated as the situation stabilized.

Keywords: *gentility, the «consumption revolution» of the middle of the 18th c., the history of the USA, the history of everyday life, the Seven Years' War, the American Revolution.*

Maria Filimonova, Dr.Sc. (History), Leading Researcher at the scientific laboratory «Center for the Study of the USA», Kursk State University, mar-filimonova@yandex

А. С. МЕДЯКОВ

ОТ ЛАНДШАФТА К МЕТАФОРЕ НЕМЕЦКИЙ ОБРАЗ «СТЕПИ» XVII–XIX ВВ.

В статье исследуется история проникновения понятия «степь» в немецкую культурную и литературную традицию, постепенное обретение им всё большего набора отвлеченных и метафорических смыслов, игравших важную роль в конструировании и репрезентации собственной и чужой идентичности. Впервые появившись в немецком языке в XVII в., в следующем столетии это понятие получает всё большее распространение благодаря попаданию в научные труды, а также определенным политическим обстоятельствам, но фигурирует почти исключительно в качестве собственно ландшафтного обозначения. Широкое распространение знаний о степи и её природных свойствах послужило основой для стартовавшего в начале XIX в. процесса метафоризации понятия «степь», одной из причин которой являлись потребности национальной идентичности в рамках масштабного процесса «изобретения нации», существенной частью которого выступали представления о национальных ландшафтах. С помощью широкой палитры средств, от эстетических оценок до метафорического оперирования физическими параметрами «степи», немецкие авторы рисовали обобщающий портрет проживавших в ней народов, наделяя их набором специфических качеств, потенциально создававших перспективу собственного превосходства.

Ключевые слова: образ степи, национальный ландшафт, ландшафтная метафора, образ Другого, немецкая национальная идея.

Не будучи отмеченной на географических картах Германии, степь широко раскинулась в немецких головах. В печально известной «речи о тотальной войне» 18 февраля 1943 г. ведущий нацистский пропагандист Й. Геббельс многократно упоминал степь – её «натиск» и «восстание»¹; для «отца» ФРГ К. Аденауэра «азиатская степь» вопреки всем законам географии начиналась за Эльбой, а в самом конце XX века одна из ведущих газет Германии писала, что в случае согласия Б.Н. Ельцина и российских военных на расширение НАТО на восток «политическая буря из степи может просто смести их из истории»².

Так о какой «степи» говорили сподвижник Гитлера, католический политик и либеральный журналист? Очевидно, что речь идет не об «обширном безлесном ровном пространстве», а об отвлеченном – символическом или метафорическом – понимании. Цель статьи заключается в своего рода деконструкции этого понимания, а именно в том, чтобы выяснить, во-первых, когда и каким образом столь далёкий от Германии природно-географический объект приобрёл в ней подобные значения, во-вторых, в чём заключались наиболее общие из них и, в-третьих, какими понятиями описывались и конструировались отношения между степью и населявшими её народами. Сразу оговорю и одно существенное ограничение: несмотря на теснейшую связь с Россией, «степь» в ка-

¹ Фигуру «степи» активно использовал и нацистский идеолог А. Розенберг. См.: Munke 2013.

² Frankfurter Allgemeine Zeitung. 12.02.1997. См. подробнее: Медяков 1997.

честве собственно её символа и метафоры не является предметом настоящей статьи, поскольку заслуживает отдельного исследования.

Принципиальное значение для поставленных здесь вопросов имеют те взгляды на ландшафт и пространство вообще, которые заявили о себе в связи с «культурным поворотом» последних десятилетий в самых разных науках и которые, при всём различии в конкретных подходах, сходятся в одном: ландшафты представляют собой не данность, а конструкции, ментальные репрезентации: «landscapes are mindscapes»³. В рамках изучаемой темы особенно важна функция ландшафта как способа создания личных и коллективных идентичностей⁴. Так, исследователи обращаются к «воображаемым ландшафтам»⁵ как важнейшим носителям и зримым воплощениям национальной идентичности, а также к ландшафтным метафорам – полю для ее проекции⁶.

Проблематика немецких трактовок степи находится в теснейшей связи с рядом указанных выше особенностей понимания ландшафтов в качестве культурных конструкций, выполнявших самые разные функции, от создания коллективных идентичностей и формирования образа Другого до решения конкретных идеологических и политических задач.

«Происхождение неясно. Удовлетворительных объяснений нет»⁷, – таков вердикт этимологических словарей касательно возникновения в русском языке слова «степь», несмотря на попытки отыскать его истоки в славянских, балтских, осетинском, иранском языках⁸.

Хотя первая литературная фиксация этого термина произошла в Англии (уже в 1600 г. он появляется в поэме Шекспира «Сон в летнюю ночь»⁹), особая роль принадлежала немцам и немецкому языку, ставшими посредниками в распространении нового понятия в Европе как с точки зрения его содержания, так и формы – *Steppe*¹⁰. Временем заимствования «степи» из русского непосредственно в немецкий ряд словарей называет XVIII в.¹¹, но встречаются и более ранние свидетельства. Впервые «степь» фиксируется в 1666 г. в рукописи неизвестного автора, описывающего путешествие в Сибирь: «степь (Stiepe), т.е. пустошь, в которой нет ни деревьев, ни людей»¹². В современной форме слово встречается уже в 1698 г., например, в описании путешествия через Россию в Китай немецкого купца А. Брандта: «степь (Steppe), или пустошь»¹³.

³ Walter 2004: 353. См. также: Stock 2015: 5–7.

⁴ Mitchell 2002: 1.

⁵ Zechner 2011: 19.

⁶ См., напр.: Walter 2004; Guldin 2014; Michalsky 2004.

⁷ Шанский, Иванов, Шанская 1971: 426. См. также: Фасмер 1987: 755–756.

⁸ Мурзаев 1969: 92; Меркулова 1968: 86–91; Трубачев 2005.

⁹ Трубачев 2005: 61.

¹⁰ В ряде языков современная форма слова является повторным заимствованием из немецкого. – Опельбаум 1971: 176.

¹¹ Словарь братьев Гримм связывал это с походами Карла XII в южной России; авторы другого фундаментального издания относят заимствование лишь к середине XVIII в.: Kirkness, Link, Nortmeyer, Strauß 1978: 445.

¹² Опельбаум 1971: 174.

¹³ Brandt 1698: 90.

XVIII век познакомил немцев со «степью» гораздо более подробно и широко. Можно высказать предположение, что первым случаем выхода за пределы отдельных частных свидетельств стали отклики на события русско-австро-турецкой войны 1735–1739 гг. Участие в войне великой германской державы привлекло интерес широкой публики, удовлетворить который стремились газеты, листовки, брошюры, сообщая множество сведений о собственно театре боевых действий – причерноморских степях¹⁴. Так «степь» впервые стала довольно широко присутствовать в публичной сфере – пока лишь в качестве природного объекта¹⁵.

Еще одним важным источником проникновения в германские государства сведений о «степи» можно считать многочисленные сочинения немецких ученых – членов российской Академии наук. Издававшиеся в Петербурге на немецком языке сочинения И.Г. Гмелина, Г.Ф. Мюллера, П.С. Палласа, С.Г. Гмелина со многими десятками упоминаний и описаний степи оказались своеобразным «окном в Европу» для распространения этого понятия¹⁶, причем не только в немецком языке. «Я должен объяснить тебе этимологию слова «степь» (step). Это русское слово, перенятое немецкими географами, и [французские – А.М.] переводчики путешествий Палласа его также сохранили. Степь – это безлесные участки земли, покрытые густой растительностью», – писал в начале XIX века французский путешественник¹⁷.

Еще важнее вклад этих авторов в придание понятию «степь» нормативного характера, превращению феномена из упоминавшейся в путевых записках очередной иностранной диковины в элемент научного знания. Немецкие ученые в деталях описывали природу русских степей, указывали на многообразие их типов, давали развернутые определения, как, например, С.Г. Гмелин: «Степью называют необработанную землю или равнину, через которую либо не протекают крупные реки, и тогда она зовется Pustaja Step, либо там есть вода и встречаются деревья, и тогда она зовется просто степью, если местные жители не дали ей дополнительного прозвища от рек, городов, деревень, солончаков... и других подобных вещей»¹⁸.

¹⁴ См., например: Kurtz-gefasste historische Nachrichten 1738; Relationis Historicae 1738; Die neue europäische Fama 1738.

¹⁵ С этого же времени упоминания «степи» встречаются и в художественной литературе. Одно из них Д. Фасманн, автор произведений в духе жанра «разговоров в царстве мертвых», вложил в уста шведского короля Карла XII: «Пустошь (Wüstenei), которая была перед нами, соседние народы – поляки, казаки и татары – называют Дикое поле (Dzike Pole) или же, как и другую большую пустошь (Einöde) супротив Татарии, степью». – Faßmann 1742: 189. Показательно, что в ранних изданиях книги (1719–1720-е гг.) «степь» еще отсутствовала.

¹⁶ На это указывала и немецкая энциклопедическая лексика, а именно словарь Аделунга 1780 г. (см. ниже) и словарь Кампе начала XIX в.: «Степь – это заимствованное из новых географических и путевых описаний русское слово, возвышенная, плоская, бесплодная мало- либо вовсе не населённая земля, которую иначе именуют также пустошью». – Campe 1810: 636.

¹⁷ Lagarde-Chambonas 1824: 145.

¹⁸ Gmelin 1770: 134–135.

Дальнейшему нормированию понятия «степь» способствовали его первые попадания в словари и обобщающие научные труды ученых непосредственно в Германии. «Степиями зовутся на Украине, в России и иных местах пустоши (Wüsteneyen)», – такое определение дало в 1744 г. крупнейшее немецкое энциклопедическое издание¹⁹. Более поздний лек-сикографический отклик понимает под степью «заимствованное современными землеописателями русское слово – возвышенная ровная незаселенная и бесплодная земля значительных размеров, которую в немецком называют обыкновенно пустошами (Wüsteneyen)»²⁰. Новым становится обращение не только к природно-географическим особенностям, но и политической ситуации в степи как к объяснению ее безлюдности. Так, немецкий ученый-энциклопедист А. Дезинг (1699–1772) писал в своем вышедшем в 1747 г. фундаментальном труде: «О степи следует лишь знать, что в силу частых татарских и казачьих набегов на сих границах не сыскать ни города, ни деревни, повсюду одна только пустошь; поскольку никто не решится на поселение тут; таковую землю они и называют степью: каковая хотя и не подобна бесплодной ливийской пустыне, но имеет недостаток в оседлых мещанских поселениях; ведь в остальном земли весьма жирны...»²¹.

Несмотря на подобные свидетельства, к середине XVIII в. понятие «степь» всё же пока не стало общеизвестным. Показательна реакция поэта Э.Х. ф. Клейста в письме 1759 г. собрату по перу И. Глейму: «Что значит *Steppe* в Вашем стихотворении? Я не могу понять это слово, контекст показывает только, что оно должно означать пустыню (*eine Wüste*). Вероятно, это описка...»²².

Во второй половине века количество упоминаний «степи» становится труднообозримым, к нему прибегают и такие духовные величины, как Шиллер и Гердер. О широте распространения термина свидетельствует его попадание даже в теологическую литературу – вплоть до того, что известный гебраист И.И. Беллерман предложил заменить канонический перевод библейских «пустынь» на «степи»²³.

В целом, к началу XIX в. представления о характере этого ландшафта превращаются в элемент обыденного знания, что стало основой для большого разнообразия разного рода метафорических и отвлечённых трактовок «степи» в новом столетии.

Как мы видели выше, к концу XVIII в. «степь» вошла в немецкий лексикон со следующими основными значениями: «плоская», «обширная», «безлесная», «недостаточно плодородная/бесплодная», «плодород-

¹⁹ Zedler 1744: 978.

²⁰ Adelung 1780: 730.

²¹ Desing 1747: 788.

²² Цит. по: Seiler 1912: 349.

²³ «Пустыни ַבְּרָבָה, которые так часто встречаются в Священном писании, означают как раз не бесплодные и ужасные местности, а в большинстве мест под ними следует понимать степи и пастбища... Степь Маон... Степь Текоа...». – Bellermann 1790: 466–467. В русском синодальном переводе Библии указанные местности фигурируют как пустыни.

ная/необработанная», «мало- или вовсе ненаселенная». Начавшийся XIX век сохранит подобные предикаты²⁴, но снабдит их своеобразным коэффициентом увеличения, если не преувеличения – большое станет огромным, даже в географических описаниях превращая едва ли не всю Россию в одну гигантскую степь²⁵; неплодородность часто будет возводиться до степени пустыни (вплоть до выбора в качестве немецкого аналога не «пустоши» – *Wüstenei*, а пустыни – *Wüste*)²⁶. Знакомство немцев со «степью» постоянно расширялось, о чём свидетельствовала энциклопедическая и словарная лексика, фиксировавшая всё большее количество производных от *Steppe*²⁷. О широте подобного знакомства говорит и появление пословиц со словом «степь»²⁸. Единожды установленное в качестве типа ландшафта на основе российских реалий, в дальнейшем понятие «степь» начало использоваться для обозначения подобных типов по всему миру. Именно как «степь», например, перевели в Германии вышедшую в 1828 г. «Прерию» (1827) Ф. Купера.

Соответственно этой широте понимания и первые метафорические применения «степи» не обязательно имели в виду Россию, а, скорее, доносили самые разные общие смыслы, особенно «пустоты» и «бесплодности». Так, «моральная степь» английской политики в Ирландии²⁹ из литературного журнала соседствует с «нетронутой степью патологии и терапии» из журнала медицинского³⁰; Гейне сравнивает с холодной степью супружескую постель, а прусский политик пишет о «степи стенографических отчетов»³¹. «Мудрый, пусть никогда в степи / Широко-бесконечной / Ты не утратишь колеи», – писал поэт-романтик Ф. Рюккерт, превращая степь в метафору самой жизни³², а издатель Ф.А. Брокгауз, говорил об «опасной борьбе в степях Венского конгресса»³³.

Совершенно иное место в дискурсе степи стало занимать эстетическое: насколько красив либо безобразен этот ландшафт? Эстетическое неразрывно связано с ландшафтом, более того – оно явилось важнейшим фактором возникновения самого современного понимания этого феномена. Исторически под «ландшафтом» понимали участок земли, область владения, но в XV–XVI вв. это понятие закрепилось в качестве термина европейской живописи³⁴. Именно эстетизация природы привела к тому, что в западноевропейских языках «земля» – «ланд», «пэи» –

²⁴ «Степь – необработанная и бесплодная земля, пустошь». – Kunitsch 1803: 234.

²⁵ «Несмотря на многие и высокие горные гряды, проходящие через Россию, всё же большая часть страны состоит из равнин и плоскостей... Такие равнины обыкновенно называют степями». – 1808: 11–12.

²⁶ «Степь, от русского слова *step*, пустыня (*Wüste*), также плоское сухое поле». – Brockhaus 1817: 463.

²⁷ См.: Опельбаум 1971: 175.

²⁸ Wander 1876: 830.

²⁹ Literarisches Conversations-Blatt. 09.12.1822.

³⁰ Medicinisch-chirurgische Zeitung. 04.03.1813.

³¹ Simson 1907: 319.

³² Rückert 1838: 127.

³³ Brockhaus 1816: 613.

³⁴ Об истории понятия см.: Berr, Schenk 2019: 23–31.

превратилась, соответственно, в «ландшафт» и «пейзаж»³⁵. Однако, эстетическое само по себе содержит оценочный потенциал. Так, эстетическая гармония может рассматриваться как символ морального идеала³⁶. Ландшафт может выступать и как символическое выражение существующих властных отношений³⁷. В этом смысле эстетические оценки не измерялись только собственно градациями красивого или безобразного, но проецировались на политику и идеологию. Так какой же представлялась степь немецким авторам XIX в.?

Конечно, своими впечатлениями от степи делились ещё путешественники предыдущего столетия. Однако именно в XIX в., когда эстафету в описаниях степи от путешественников и ученых во многом приняли литераторы и публицисты, её облик начал рисоваться гораздо более эмоционально. При этом обращает на себя внимание следующая закономерность: чем меньше автор был знаком с реальной степью, тем более категоричными чертами – как правило, негативными – она наделялась. Очевидец вполне мог писать о «великолепном», «схватывающем сердце» впечатлении³⁸, однако преобладали описания степи стандартным, практически клишированным набором эпитетов: «сухая», «глухая», «пустынная», «мрачная», «холодная».

Как отмечается, само превращение той или иной местности в «ландшафт» представляет собой творческий акт, сочетающий в себе предшествующее воспитание, имеющееся в обществе социальное знание и личный, но тоже культурно обусловленный опыт³⁹. В процессе социализации «люди учат, что относится к тому или иному ландшафту, а что нет, они учат, как устроен символический мир ландшафта»⁴⁰. Применительно к восприятию степи роль существовавших объяснительных моделей оказывалась особенно большой, поскольку этот тип ландшафта был чрезвычайно далёк от жизненного мира преобладающей части населения германских стран. Что такое степь, как она выглядит, красива она или безобразна, каким может быть её символическое или метафорическое значение – обо всём этом обычный немец мог узнать только из книг. Во всё увеличивавшемся потоке литературы, так или иначе содержащей трактовку и оценки степи, особое место занимали два произведения. Одно из них – короткое, лишь в 10 строк, стихотворение известного тогда поэта Ф. Фрейлиграта (1810–1876), так и называвшееся – «Степь» (1838): «Она раскинулась от моря и до моря, / Ужасая пересекающего ее всадника. / Она лежит в своей пустоте перед Богом, / Подобная пустой ладони нищего»⁴¹.

³⁵ Walter 2004: 153.

³⁶ Kirchhoff, Trepl 2009: 21.

³⁷ Kühne 2008: 228.

³⁸ Hamm 1859: 158.

³⁹ Kath, Rieger 2009: 2-4.

⁴⁰ Kühne 2008: 109.

⁴¹ Freiligrath 1839: 231. В стихотворении употреблено выражение «пустой кулак нищего» (*leere Bettlerfaust*), однако более точным смысловым переводом на русский

Немаловажное значение имел уже тот факт, что степь в этом стихотворении, возможно, впервые в немецкой поэзии выступала не второстепенным обстоятельством места или метафорой для выражения каких-то мыслей или настроений, как в примерах выше, а в качестве его прямого и непосредственного объекта. В сочетании с ярким образом «пустой ладони нищего» это обусловило необычайно частое цитирование Фрейлиграта в самых разных произведениях, так или иначе затрагивавших тему степи – от всевозможных сочинений о России до сверхпопулярных приключенческих романов Карла Мая, не говоря уже о многочисленных переизданиях собственно сочинений поэта и включений их во всевозможные сборники стихов. Важно, что само первое знакомство с феноменом степи отчасти происходило через стихотворение Фрейлиграта, приводившегося в школьных учебниках и книгах по чтению⁴².

Как видно из стихотворения, степь у Фрейлиграта огромна, пуста, бесплодна и – страшна. «Сравнивая её с ладонью нищего, автор даёт страшный, но верный образ степи», – полагали современные автору литературоведы⁴³. Прежде всего, степь страшна своими чудовищными размерами и пустотой. Высказывается точка зрения, что образ степи в стихотворении Фрейлиграта был подчинен задаче изображения экзистенциального одиночества⁴⁴. В подобном описании степи сходились многие авторы: «Страшен и подавляющ своими размерами гремящий скалами прибой бурного мрачного моря – но столь же мощное впечатление производит степь в своей обнаженной пустоте, своей необъятностью и пугающим одиночеством, в центр которого она помещает человека»⁴⁵.

Прозвучавшее здесь сравнение степи и моря во многом является принципиальным. В силу сходства качеств (безграничность, однообразие, пустота) метафора степи как моря⁴⁶ в бесчисленных описаниях превратилась едва ли не в стандарт. «Бесконечная словно вечное море, / Обрамленная лишь темнеющим небом, / Раскинулась степь, / Гоняя туда и сюда / Шепчущие зеленые волны», – писал, например, немецкий поэт Ф. Боденштедт⁴⁷. Примеры метафоры «степь – море» поистине неисчислимы⁴⁸. В.Н. Топоров полагал, что в её основе как общий знамена

представляется именно «ладонь нищего», тем более что в оставшихся шести строках происходит уподобление следов, дорог и рек («морщинам этой руки великана».

⁴² См.: Masius 1874: 158–159; Deutsches Lesebuch 1894: 94; Böhme 1908: 333; Harms 1908: 406.

⁴³ Lüben, Nacke 1865: 531.

⁴⁴ Röhnert 2014: 80.

⁴⁵ Hamm 1859: 158.

⁴⁶ Гораздо реже встречается обратная метафора, уподобление моря степи, свидетельствуя, однако, о том, что сравнение двух локусов уже к середине века превратилось в метафорический канон, способный к тому же обогащать каждый из них дополнительными смысловыми оттенками. А.И. Герцен писал о «бесконечной степи волн», окружавшей Наполеона на Св. Елене, налагая друг на друга две «бесконечные» сущности и тем самым усиливая момент затерянности и одиночества. Герцен 1985: 82.

⁴⁷ Bodenstedt 1866: 59.

⁴⁸ Интересный вариант такого сравнения имел место в польской литературе, исторически гораздо более близкой к феномену степи, чем немецкая. Несмотря на то,

тель лежат безбрежность и «колыхательно-колебательные движения», «индуцирующие соответствующий р и т м в субъекте восприятия и, как бы вызывающие мысли и даже чувство беспредельного»⁴⁹.

Следует подчеркнуть, что сравнение с морем имело тенденцию к позитивизации образа степи, делало её более «живой», смягчало её характеристики как сухой, безжизненной, неподвижной и т.д. и могло соответствующим образом влиять на восприятие подобного ландшафта. Однако здесь нужно обратиться к ещё одному тексту, оказавшему, как можно полагать, огромное, поистине нормирующее влияние на целые поколения немцев – «О степях и пустынях» А. Гумбольдта: «Подобно ему [океану – А.М.], степь наполняет сознание ощущением бесконечности и – через это ощущение уходит от чувственного восприятия пространства – духовными побуждениями высшего порядка. Но вид ясного зеркала моря, по которому колеблется легко движущаяся, нежно пенящаяся волна, также и дружелюбен; степь же лежит мертвая и жесткая, как голая скалистая кора какой-то опустошённой планеты»⁵⁰.

«Умертвив» и «опустошив» степь во второй части высказывания, Гумбольдт фактически нейтрализует ее способность вызывать «духовные побуждения высшего порядка», допущенную в первой. Сравнение моря и степи в действительности оказывается неправомерным, они отличны в главном: первое живо, вторая мертва⁵¹. Принципиально важно, что фрагмент «О степях и пустынях» был самой известной частью легендарных «Картин природы» 1808 г., одного из самых читаемых текстов натуралистов на следующие сто лет. Мало того, что сама книга испытала буквально бесчисленное количество переизданий – непосредственно текст «О степях и пустынях» уже при жизни Гумбольдта вошёл в корпус разнообразной учебной литературы. Нередко фрагмент следовал в качестве пояснительного материала к разделам учебников, в которых разъяснялась «степь» как понятие и явление живой природы. Глава «О степях и пустынях» или отрывки из нее включались в учебники немецкого языка и различные пособия, и хрестоматии в качестве «образцового текста» немецкой литературы, переиздававшиеся десятилетиями. Разумеется, ещё больше напрашивалось привлечение этого текста в учебники по географии. Если приведенный выше тезис О. Кюне о том, что люди *учатся* воспринимать ландшафт, следует понимать прежде всего в общей форме в качестве «ландшафтной социализации» как части социализации более общей, то воздействие указанного фрагмента книги А. Гумбольдта было и совершенно конкретным – воспринимать степь именно таким образом немецких детей *учили* в буквальном смысле сло-

---

что украинские земли как таковые изображались в качестве источника богатства, на местные степи проецировались скорее негативные «морские» качества – зыбкость и ненадежность, отсутствие твёрдых устоев, пустота. См.: Zadencka 2002: 518-521.

⁴⁹ Топоров 1995: 580.

⁵⁰ Humboldt 1808: 2-3.

⁵¹ Известный гумбольдтовед О. Этте видит в этом фрагменте отсылку к библейской истории Творения, отделению тверди от моря. – Ette 2020: 478-479.

ва, предлагая готовые модели виртуального восприятия – тем более из уст одного из самых авторитетных учёных XIX в. При этом нередко тексты Фрейлиграта и Гумбольдта нередко оказывались рядом, дополняя и усиливая друг друга. В частности, в учебниках фрагмент «О степях и пустынях» предварялся эпиграфом о «пустой руке нищего»⁵².

Невозможно непосредственно оценить степень влияния указанных представлений на образы степи в немецком сознании, невзирая на многочисленные отдельные примеры схожих оценок, поскольку их связь конкретно с высказываниями Гумбольдта чаще будет иметь предположительный характер. С другой стороны, конечно же, не прекратились и уподобления степи морю как живой подвижной стихии, причём, как и прежде, в первую очередь в описаниях очевидцев. Так, выдающийся немецкий скульптор-экспрессионист Э. Барлах описывал русскую степь, (впечатления от которой оказались поворотными для всего его творчества) исключительно в «морских» терминах – как «земляное море», как «грунтовые воды воздушного моря, омывающего окружность земного шара» и т.д.⁵³. Однако очевидно, что влияние предложенных моделей восприятия степи – предложенных в рамках массового нормативного школьного знания, на уровне самого первого знакомства с этим феноменом – не могло не быть весьма и весьма значительным.

Не останавливаясь на этом подробно, следует отметить следующее. Ни Гумбольдт, ни Фрейлиграт в указанных произведениях не имели в виду степи русские – первый писал о южноамериканских льяносах, а второй о североамериканских прериях – но именно на Россию подобные образы проецировались самым активным образом, в том числе в учебниках. Так, в изображении одного из учебников географии, южнорусские степи и Крым – это «пустая ладонь нищего», «меланхолический сад смерти»⁵⁴. Причины возникновения подобных проекций в целом вполне ясны. С одной стороны, само понятие «степь» далеко не растеряло свои исходные «русские» коннотации, и представление о степи как о типично русском ландшафте было широко распространено. С другой – приписывавшиеся степи в этих фрагментах качества и смыслы (размеры, угроза, бедность) так или иначе перекликались с теми чертами, которыми традиционно рисовался образ России в целом. Наконец, наиболее общей причиной стремления связать Россию со степью стал важный процесс в духовной жизни Европы XIX в. – поиск или «изобретение» национальных ландшафтов. Речь идёт о следующем шаге в процессе метафоризации степи, обретении ею символического значения – выходя за пределы просто описаний и эстетических оценок, немецкие авторы задавались вопросом о том, каким образом степь влияет на характер и «душу» существующих в ней народов и государств.

В XIX столетии чрезвычайно широкое распространение получило восходившее еще к античности представление о взаимосвязи места оби-

⁵² Lansing 1858: 96.

⁵³ См. подробнее: Тиме 2011: 440-445.

⁵⁴ Harms 1908: 406.

тания народа, его характера и культуры: народ влияет на свое жизненное пространство, а то – на него. Возникало нечто вроде иерархии ландшафтов, в которой степь располагалась далеко не на верхних ступенях.

Итак, степь – это в первую очередь *равнина*, плоский рельеф. Уже в нём угадывалось воздействие на дух обитавших там народов, и соответствующим образом выстраивались иерархии. Иногда они являлись частью более общих историко-философских концепций, как в случае с консервативным профессором права К. Фольграфом (1794–1863). Степь и её обитатели оказывались в самом низу иерархии в самом прямом смысле слова, поскольку, на его взгляд, характеристики человеческих рас и народов определяются местными условиями, особенно возвышенностью рельефа и, соответственно, барометрическими показателями: по этому критерию степь на шкале развития человечества оказывалась лишь на шаг выше «барометрически-низшей» ступени – джунглей⁵⁵. Поэтому «государства, подобные Афинам и Риму, никогда не зацветали в степях Азии», – писал Фольграф в параграфе с характерным названием «О неспособности к государству»⁵⁶.

Одной из самых важных сторон конструировавшегося немецкими авторами «степного» характера было отношение к свободе. Общий вывод сводился к тому, что равнина ей никак не благоприятствует. К нему приходил, например, поэт Э. М. Арндт (1769–1860), один из «пророков» немецкого национализма, поскольку, на его взгляд, более свободным духом обладают жители ландшафтов, разделенных горами, возвышенностями и реками: «народы гор, побережий и островов всегда будут спокойнее, свежее, упрямее и таким образом свободнее, чем те, которые обитают на больших пространствах и равнинах с тяжелым воздухом и узким кругозором»⁵⁷. Если горы «наполняют скелет костным мозгом, а грудь и голову – возвышенным и восторженным», то «широкая и бескрайняя равнина, с ее мутным и тяжелым воздухом, сотворена для терпеливого и кропотливого крестьянина, но не для смелого и упрямого сына свободы... На равнинах... покоятся уныние, хандра, грубость, короче говоря, все духи слабости и рабства»⁵⁸. «Равнины порождают роскошь, размягчение и рабский дух»⁵⁹, – писал несколько десятилетий спустя немецкий писатель В. Циммерман.

Равнина означала также однородность и однообразие ландшафта, и монотонность степи выделялась множеством авторов как одно из главных её свойств, влиявших на характер местных народов: «Все степи производят впечатление чего-то широкого, пространственно огромного и бесконечного... но монотонность одного и того же целого утомляет дух; в непривычной независимости от внешних впечатлений человек чувствует себя одиноко и неудобно, приходится задействовать фанта-

⁵⁵ Vollgraff 1853: 170.

⁵⁶ Vollgraff 1828: 108.

⁵⁷ Arndt 1810: 49.

⁵⁸ Arndt 1808: 115-116.

⁵⁹ Zimmermann 1867: 409.

зию... чтобы добиться смены впечатлений, вот почему степные народы легко становятся фантазерами, фанатиками и суеверными»⁶⁰.

Автор анонимного сочинения, представлявшего Крымскую войну как эпохальную «борьбу на уничтожение» между Западом и Востоком, отчасти в духе Гумбольдта допускал «возвышающее» воздействие степи – но лишь для того, чтобы его немедленно опровергнуть: «однотонность и тишина пустыни или степи», как и «азиатские горы в полнеба», обладают своим волшебством, но «всё это, хотя и может пробудить в нашей душе чувство возвышенного, великолепного, вызывающего трепет, величественного, не является творчески плодотворным и, поскольку его суть заключена лишь в форме, оно не возвышает и творит, а подавляет, уничтожает. Оно ведёт не более чем к созерцательности, бездеятельной мечтательности и застывшей вере»⁶¹. В этом примере особенно отчетливо виден конструктивистский характер постулируемой связи между ландшафтами и характером населявших их народов: выводя из столь принципиально разных природных объектов, степей и гор, одни и те же качества, автор в действительности, напротив, лишь проецирует на них давно сложившиеся «восточные» топосы созерцательности и застоя.

Одним из главных качеств, порождаемых степью, оказывалась меланхолия. Немецкие авторы делали акцент на однотонности, пустоте степи, своими характеристиками часто уподобляя её иному локусу – пустыне: «Возможно, нагляднее всего выражается влияние природы на народное настроение у степных народов. Все народы этих однотонных, бесцветных равнин... молчаливы, мрачны, меланхоличны...»⁶².

Особенно ясно подобные тенденции проявлялись ближе к рубежу XIX–XX вв. и в публицистике националистических кругов; в нацистской же Германии «влияние степи» превратилось в один из ключевых идеологических топосов. По причинам не философски-эстетическим, как когда-то у Гумбольдта, а идеологическим степи отказывали в праве на метафору моря, приближая её по характеристикам к пустыне. Типичным примером может служить высказывание А. Зейсс-Инкварта, крупного нацистского преступника, позднее казнённого по приговору Нюрнбергского трибунала: «Степь делает меланхоличным. Вы скажете, что море тоже широко, но море всегда подвижно, оно динамично, оно пробуждает в нас силы, в то время как степь широка и мертва. Она делает меланхоличным, она делает готовым страдать. Люди степи имеют прямо-таки тягу страдать, они чувствуют свою полноту, если они страдают и мучаются»⁶³.

Наряду с равнинным рельефом, степь – это еще и *безграничность*. Размеры степей, разумеется, отмечались путешественниками, учеными с самого начала знакомства немцев со степью – но лишь как физический факт; словарная лексика, как мы видели, этой стороны феномена степи и вовсе почти не касалась. Следует ещё раз подчеркнуть, что

⁶⁰ Ibid: 295.

⁶¹ Machtstellung 1854: 2.

⁶² Die Gartenlaube 1875: 140.

⁶³ Seyss-Inquart 1944: 188.

лишь со вступлением в XIX в., с метафоризацией степи, с превращением её в расхожий образ в художественной и публицистической литературе степь стала стремительно «расти в размерах», в иных произведениях приобретая едва ли не космический масштаб – с соответствующими последствиями для изображения характера проживавших там народов. Из-за своих чудовищных размеров степь подавляет человека: «Широкая, необъятная равнина простирается, бескрайняя, как океан! Маленький человек превращается в ничто перед лицом всемогущей природы!»⁶⁴. В частности, такая черта, как фатализм, связана с самой «природой степи, по отношению к которой человек чувствует себя беззащитным и которая располагает им как непреодолимая сила»⁶⁵.

Казалось бы, что, по крайней мере, в отношении чувства свободы степная даль, бесконечный простор могли поощрять к положительным выводам, как это происходило, например, с бесчисленным множеством русских свидетельств о «вольном мире воздушной степи» (П.А. Вяземский), о степи «как будто созданной лишь для свободы» (М.Ю. Лермонтов). Действительно, «что может больше тянуть сердце вдаль, чем этот вечно открытый, влекущий вперед ландшафт?», – задавался вопросом один из немецких авторов, однако делал вывод лишь об «особенной тяге к авантюристике», которую создают в народах степи широкие просторы⁶⁶. И подобный вывод типичен: не только плоский рельеф, как мы видели выше, но и сами размеры степи свободу отрицали. Из бескрайности пространства немецкие авторы, как правило, выводили такие качества, как авантюристичность, беспокойность, агрессивность⁶⁷, склонность к бродяжничеству – но не чувство свободы. Либо же речь шла о свободе неистинной, лишь о ее видимости. Так, Фольграф писал, что в степях нет ничего постоянного, это царство свободы – однако «свободы безнравственной (unsittlich)», заключающейся лишь в возможности в любой момент разорвать все связи и уйти⁶⁸. Это не подлинная свобода, а лишь «дух непостоянства»⁶⁹. Высказывались суждения о том, что большие просторы без границ ведут скорее к несвободе, поскольку они поощряют жадность, которая, не встречая препятствий, может распространяться, как угодно широко, стимулируя, в частности, крупное землевладение, как это происходит «в плоской крепостной стране угнетенных барщиной сарматов»⁷⁰.

Немецкие изображения «степи» служат ярким подтверждением того постулата культурной истории, что природа, конкретный ландшафт никогда не воспринимаются «как таковые» и всегда – с позиций опреде-

⁶⁴ Die Gartenlaube 1867: 198.

⁶⁵ Die Grenzboten 1875: 61-62.

⁶⁶ Die Gartenlaube 1875: 140.

⁶⁷ Тот же Зейсс-Инкварт отмечал, что именно безграничность степи «делает распущенными и необузданными». – Seyss-Inquart 1944: 188.

⁶⁸ Vollgraff 1828: 108.

⁶⁹ Zimmermann 1867: 409.

⁷⁰ Arndt 1810: 50.

лённых культурных норм и ценностей, т.е. в значительной степени являются конструктами. Сам набор элементов реальности, превращающий определённую местность в нечто связанное, в ландшафт, как и его эстетические оценки и эмоциональное восприятие, могли варьироваться – в зависимости от фигуры наблюдателя степь наделялась красотой или объявлялась безобразной, уподоблялась морю или нет, восхищала или подавляла. Однако в этом типичном для восприятия и трактовок любого ландшафта сочетании общекультурных и личных установок обращает на себя внимание особенно большой вес нормативного и конструируемого – как указывалось выше, немцев учили воспринимать неизвестный им ландшафт определённым образом, по большей части негативным.

Ландшафты можно трактовать как упрощение, редукцию комплексности, поскольку из множества наблюдаемых природных объектов какие-то выделяются и рассматриваются во взаимосвязи, другие не принимаются во внимание⁷¹. В случае со степью это проявлялось в практически полном игнорировании отдельных сторон этого феномена (например, животного и растительного мира степи, многообразия её видов). Являясь для абсолютного большинства авторов не результатом собственного наблюдения, а конструкцией или фантазией, немецкая «степь» представляла собой, за редкими исключениями, как раз степь «как таковую», всякая специфика и конкретизация которой практически исключалась гиперболизацией таких ее качеств, как безграничность, плоскость, однотонность. Ученые XVIII в. стремились к познанию феномена и, соответственно, к дифференцированному изображению степи – поэтам же XIX-го был необходим лишь её образ.

Процесс превращения степи из ландшафта в отвлеченный образ или ландшафтную метафору в германских странах вступил в активную фазу с началом XIX в. в связи с двумя обстоятельствами. Важнейшей из предпосылок стало становление этого понятия в качестве утвердившегося элемента социального знания и устойчивой части немецкого общелитературного языка, что сделало возможным апелляцию к нему в самых разных сферах и контекстах, от поэзии до различных отраслей специального знания, например, науки. С другой стороны, в Европе этих десятилетий шёл процесс «инвестиции национального характера в ландшафт», происходило «изобретение» национальных ландшафтов. И, как и национальная идентичность в целом, такие ландшафты часто конструировались с помощью контрастов и противопоставлений с чужим. «Степь», в её безусловной чуждости, именно в это время оказалась функционально востребованной, иными словами, интенсивное обращение к ней во многом объяснялось потребностями собственной идентичности. При этом противопоставления могли быть не только прямыми, но и подразумеваемыми – так, степные пустота и монотонность имплицировали собственную содержательность и разнообразие.

⁷¹ Kühne 2006: 146-152.

В результате многолетнего процесса прирастания общих и частных смыслов в немецком общественном сознании утвердятся богатый оттенками комплексный образ «степи», позволявший апеллировать к отдельным его сторонам – что и было продемонстрировано приведёнными в начале этой статьи высказываниями.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Герцен А.И. Двадцать восьмое января // Герцен А.И. Соч-я в 2 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 78-83 [Gercen A.I. Dvadcat' os'moe yanvarya (The Twenty-Eighth of January) // Gercen A.I. Sochineniya v dvuh tomah. M.: Mysl', 1985. T. 1. P. 78-83].
- Медяков А.С. «Плохие русские» // Свободная мысль. 1997. № 12. С. 69-77. [Medyakov A.S. «Plohie russkie» (“Bad russians”) // Svobodnaya mysl'. 1997. № 12. P. 69-77].
- Меркулова В.А. Заметки из истории и этимологии слов // Этимология. 1968. С. 86-91 [Merkulova V.A. Zametki iz istorii i etimologii slov (Notes on the history and etymology of words) // Etimologiya. 1968. P. 86-91].
- Мурзаев Э.М. Названия географических зон // Русская речь. 1969. № 1. С. 90-93. [Murzaev E.M. Nazvaniya geograficheskikh zon (Names of geographical zones) // Russkaya rech'. 1969. № 1. P. 90-93].
- Опельбаум Е.В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев: Наукова думка, 1971. 271 с. [Opel'baum E.V. Vostochnoslavjanskije leksicheskie elementy v nemeckom yazyke (East Slavic lexical elements in the German language.). Kiev: Naukova dumka, 1971. 271 p.].
- Тиме Г.А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX-XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. 455 с. [Time G.A. Rossiya i Germaniya: filosofskij diskurs v russkoj literature XIX-XX vekov. (Russia and Germany: philosophical discourse in Russian literature of the 19th-20th centuries.) Spb.: Nestor-Istoriya, 2011. 455 p.].
- Топоров В.Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В.Н. Миф, ритуал, символ, образ. М.: Прогресс, 1995. С. 575-622 [Toporov V.N. O «poeticheskom» komplekse morya i ego psihofiziologicheskikh osnovah (On the "poetic" complex of the sea and its psychophysiological foundations) // Toporov V.N. Mif, ritual, simvol, obraz. M.: Progress, 1995. P. 575-622].
- Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2. М.: Языки слав. к-ры, 2005. С. 25-102. [Trubachev O.N. Iz slavyano-iranskikh leksicheskikh odnoshenij (From Slavic-Iranian lexical relations) // Trudy po etimologii: Slovo. Istorija. Kul'tura. T. 2. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005. P. 25-102].
- Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с. [Shanskij N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka (Brief etymological dictionary of the Russian language). M.: Prosveshchenie, 1971. 542 p.].
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 860 с. [Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka (Etymological dictionary of the Russian language). T. 4. M.: Progress, 1987. 860 p.].
- Adelung J. Ch. Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der hochdeutschen Mundart. Leipzig: Bernhard Christoph Breitkopf und Sohn, 1780. 1704 p.
- Arndt E.M. Bauernstand politisch betrachtet. Berlin: J. W. Schmidt, 1810. 147 p.
- Arndt E.M. Ein kurzes Wort über Rußland und sein Verhältnis und Verhalten gegen das übrige Europa vor und seit Peter dem Großen // Der Nordische Kontrolleur. Bd. 1. 1808. P. 100-128. Aus dem Steppenleben Rußlands // Die Gartenlaube. 1867. № 13. P. 197-200.
- Brandt A. Beschreibung Der Chinesischen Reise. Hamburg: Benjamin Schiller, 1698. 215 p.
- Bellermann J.J. Handbuch der biblischen Literatur. Bd. II. Erfurt: G.A. Keyser, 1790. 524 p.
- Berr K., Schenk W. Begriffsgeschichte // Handbuch Landschaft / Ed. by O. Kühne, F. Weber, K. Berr. C. Jenal. Wiesbaden: Springer, 2019. P. 23-38.
- Böhme F. u. a. Deutsches Lesebuch für Realschulen und verwandte höhere Lehranstalten. T. 3. Leipzig: Teubner, 1908. 606 p.
- Bodenstedt F. Steppenbrand // Bodenstedt F. Gedichte. Berlin: R. Decker, 1859. P. 168-173.

- Brockhaus F.A. An unsere Leser // Deutsche Blätter. 1816. Bd. 3. P. 609-624.
- Brockhaus F. A. Conversations-Lexicon oder encyclopädisches Handwörterbuch für gebildete Stände. Bd. 9. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1817. 975 p.
- Campe J. H. Woerterbuch der Deutschen Sprache. Bd. 4. Braunschweig, 1810. 940 p.
- Desing A. Auxilia Historia. 7. Th. Stadt am Hof: Gastl, 1747. 832 p.
- Deutsches Lesebuch. Nürnberg: Korn, 1894. 186 p.
- Die neue europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdeckt. Th. 37. [Leipzig]: [Gledisch], 1738. 1068 p.
- Ehrmann Th. Neueste Kunde vom Russischen Reiche in Europa und Asien. Prag: Diesbachische Buchhandlung, 1808. 566 p.
- Ette O. ReiseSchreiben: Potsdamer Vorlesungen zur Reiseliteratur. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2020. 683 p.
- Faßmann D. Die Gantz unvermuthete doch plötzliche Ankunfft Caroli XII., Letztern Königs von Schweden, in dem Reiche derer Todte. Dantzig: Rüdiger, 1742. 432 p.
- Frankfurter Allgemeine Zeitung. 12.02.1997.
- Freiligrath F. Die Steppe // Gedichte. Tübingen: Cotta, 1839. 504 p. Das Gebet in der Steppe // Die Gartenlaube. 1875. H. 8. P. 140.
- Gmelin S.G. Reise durch Russland zur Untersuchung d. drei Naturreiche. Bd. 1. St. Petersburg, 1770. 182 p.
- Guldin R. Politische Landschaften: Zum Verhältnis von Raum und nationaler Identität. Bielefeld: transcript. 2014. 296 p.
- Hamm W. Wanderungen im südlichen Rußland // Die Gartenlaube. 1859. № 11. P. 158-160.
- Harms H. Länderkunde von Europa. Leipzig: List & von Bressensdorf, 1908. 500 p.
- Humboldt A. v. Ansichten der Natur. Bd. 1. Tübingen: Cotta, 1808. 334 p.
- Kath R., Rieger A.-K. Einleitung // Raum – Landschaft – Territorium. Zur Konstruktion physischer Räume als nomadischer und sesshafter Lebensraum. Wiesbaden: Reichert, 2009. P. 1-18.
- Kirchhoff Th., Trepl L. Landschaft, Wildnis, Ökosystem: Zur kulturbedingten Vieldeutigkeit ästhetischer, moralischer und theoretischer Naturauffassungen. Einleitender Überblick // Vieldeutige Natur. Landschaft, Wildnis und Ökosystem als kulturgeschichtliche Phänomene / Ed. by Th. Kirchhoff, L. Trepl. Bielefeld: transcript, 2009. P. 13-68.
- Kirkness A., Link E., Nortmeyer I., Strauß G. Deutsches Fremdwörterbuch Bd. 4. Berlin, Boston: De Gruyter, 1978. 704 p.
- Kühne O. Distinktion – Macht – Landschaft. Zur sozialen Definition von Landschaft. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. 377 p.
- Kühne O. Landschaft und ihre Konstruktion. Theoretische Überlegungen und empirische Befunde // Naturschutz und Landschaftsplanung. 2006. № 38 (5). P. 146–152.
- Kunisch M. Grammatisch-orthographisches Wörterbuch der Homonyme der deutschen Sprache. Grätz, 1803. 208 p.
- Kurtz-gefasste historische Nachrichten zum Behuf der neuern europäischen Begebenheiten auf das Jahr 1738. Regensburg: Seiffart, 1738. 40 p.
- Lagarde-Chambonas A. L. Ch. de. Voyage de Moscou à Vienne. Paris, 1824. 440 p.
- Lansing F. Bilder aus der Länder- und Völkerkunde. Osnabrück: Rackhorst, 1858. 512 p.
- Lüben A., Nacke C. Einführung in die deutsche Literatur. Leipzig: Brandstetter, 1865. 608 p.
- Machtstellung und Streikraft der im gegenwärtigen europäisch-orientalischen Kampfe beteiligten Staaten. Wien: Sommer, 1854. 163 p.
- Masius H. Geographisches Lesebuch. Halle: Verlag der Buchh. Des Waisenhauses, 1874. 280 p. Medicinisch-chirurgische Zeitung, 04.03.1813.
- Michalsky T. Die Natur der Nation. Überlegungen zur "Landschaft" als Ausdruck nationaler Identität // Europa im 17. Jahrhundert: ein politischer Mythos und seine Bilder / Ed. by K. Bußmann, E.A. Werner. Stuttgart: F. Steiner, 2004. S. 333-354.
- Mitchell W.J.T. Introduction // Landscape and Power / Ed. by W.J.T. Mitchell. The University of Chicago Press, 2002. P. 1-4.
- Munke M. Russlandbilder im Nationalsozialismus: Hitler, Goebbels, Rosenberg // Ostblicke 4. 2013. P. 43-66.
- Relationis Historicae Semestralis Autumnalis Continuatio. Frankfurt am Main, 1738. 120 p.
- Röhner J. «Nord liegt so nah wie West»: Kleine Poetik der Himmelsrichtungen. Göttingen: Wallstein, 2014. 119 p.

- Rückert F. Reizende Beschränkung // Gesammelte Gedichte. Bd. 5. Erlangen: C. Heyder, 1838. 462 p.
- Seiler F. Die Entwicklung der deutschen Kultur im Spiegel des deutschen Lehnworts. 4. T. Halle a. d. S.: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1912. 565 p.
- Seyss-Inquart A. Vier Jahren in den Niederlanden. Amsterdam, 1944. 222 p.
- Simson E. v. Erinnerungen aus seinem Leben. Leipzig: S. Hirzel, 1900. 440 p.
- Stock P. History and the Uses of Space // The Uses of Space in Early Modern History / Ed. by P. Stock. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1-18.
- Literarisches Conversations-Blatt. 09.12.1822.
- Ungarische Zustände // Die Grenzboten. 1875. № 27. S. 55-72.
- Vollgraff K. Erster Versuch einer Begründung sowohl der allgemeinen Ethnologie durch die Anthropologie wie auch der Staats- und Rechts-Philosophie durch die Ethnologie oder Nationalität der Völker. Bd. 2.
- Marburg: Elwert, 1853. 966 p.
- Vollgraff K. Die Systeme der praktischen Politik im Abendlande. Bd. 1. Giessen: Ferber, 1828. 430 p.
- Walter F. Les figures paysagères de la nation. Territoire et paysage en Europe (16e-20e siècle). P.: l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 2004. 524 p.
- Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörter-Lexicon. Bd. 4. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1876. 1866 p.
- Zechner J. Politicized Timber: The German Forest and the Nature of the Nation 1800-1945 // The Brock Review. Vol. 11. No. 2 (2011). P. 19-32.
- Zadencka M. Transformations in the National Landscape. Steppe and Sea in Polish Literature and Art // Place and Location II / K. Lehari, V. Sarapik. Tallinn, 2002. P. 511-527.
http://www.eki.ee/km/place/pdf/KP2_28zadencka.pdf (дата обращения 31.05.2024).
- Zedler J.H. Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste. Leipzig und Halle: Zedler, 1744. Bd. 39. 2096 p.
- Zimmermann W.F.A. Das Weltall. Leipzig: Schaefer, 1867. 712 p.

Медяков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; alexandr.medyakov@yandex.ru

From Landscape to Metaphor:

The German Image of the "Steppe" in the 17th – 19th Centuries

The article examines the history of the penetration of the concept of "steppe" into the German cultural and literary tradition, its gradual acquisition of an ever-increasing set of abstract and metaphorical meanings that played an important role in the construction and representation of one's own and other people's identities. Having first appeared in the German language in the 17th century, in the following century this concept became increasingly widespread due to its inclusion in scientific works, as well as certain political circumstances, but it appears almost exclusively as a landscape designation. The widespread dissemination of knowledge about the steppe and its natural properties served as the basis for the process of metaphorization of the concept of "steppe" that began in the early 19th century, one of the reasons for which was the needs of national identity within the framework of the large-scale process of "inventing the nation", an essential part of which were ideas about national landscapes. Using a wide range of means, from aesthetic assessments to metaphorical manipulation of the physical parameters of the "steppe", German authors painted a general portrait of the peoples living there, endowing them with a set of specific qualities that potentially created the prospect of their own superiority.

Keywords: *Image of the steppe, national landscape, landscape metaphor, image of the Other, German national idea.*

Medyakov Alexander Sergeevich, Dr. Sc. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; alexandr.medyakov@yandex.ru

«ПИСАТЬ, КАК ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ»
ТРИ ПИСЬМА ОДНОМУ ИМПЕРАТОРУ

Статья посвящена письмам Л.Н. Толстого и М.К. Цебриковой, написанным в период с 1881 по 1894 гг. императору Александру III. Их анализ дан в контексте историко-политических и субъективных обстоятельств написания. Особое внимание уделено женскому и мужскому типу писем, с формальной и содержательной точек зрения. Стиль и вопросы, затронутые в письмах, отражают особенности мировоззренческих позиций их авторов, ставших первопричиной обращения к властителю. Объединение этих писем властителю в одно целое текста не случайно. Это связано как с исторической и политической ситуацией, личным знакомством, так и с общностью экзистенциальной и моральной позиций авторов писем. При этом письма Л.Н. Толстого написаны с позиции христианского персонализма, письмо М.К. Цебриковой отражает ее умеренно-либеральную и антиреволюционную позицию. Несмотря на очевидную идейную разницу, они оказались неожиданно сближены в своих этических установках и жизненных принципах. Факт обращений подобного рода к властителю демонстрирует неявную приверженность авторов писем к патернализму, вере и надежде на добрую волю и всемогущество властителя в решении кардинальных проблем жизни общества и государства. Эта тенденция противоречит явной критике патернализма, с которой они пытаются бороться в своих письмах. Особое внимание в статье уделено женскому вопросу, связанному с фигурой М.К. Цебриковой и ее судьбой в России.

Ключевые слова: *Письма властителю, Александр III, Л.Н. Толстой, М.К. Цебрикова, политическое и женское письмо.*

Несмотря на то, что русские люди столетиями живут по принципу: «до Бога высоко, а до царя далеко», в нашей интеллектуальной истории существует широкий пласт эпистолярной литературы, связанный с письмами властителю и письмами во власть. «Письма во власть» трактуются как разные формы апелляции (просьбы, заявления, доносы, жалобы и т.д.) простых граждан к государственным органам и лицам. «Письма властителю» — первым лицам — дифференцируются по историческим периодам: до революции их называли письма царям (императорам), после — письма вождям¹.

Эпистолярный жанр в какой-то момент превратился в легитимный способ демонстрации социально-политических и религиозных умонастроений в России. Своеобразным памятником нарождающейся политической теологии стала переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным; письма Андрея Курбского — один из первых примеров писем-инвектив², в которых адресат представлен не как позитивный субъект религиозного поклонения и верноподданнических восторгов, почита-

¹ Выражение «письма царям» приписывают Л.Н. Толстому, а «письма вождям» — А.И. Солженицыну (См.: Суровцева 2014: 162-165).

² Суровцева Е.В. под письмами-инвективами понимает обличительный жанр: «обвинения и вызов властям или более сдержанную, но решительную критику существенных сторон деятельности властных органов и лиц. Позиция авторов таких писем — инакомыслие или разрыв некогда тесных связей» (Суровцева 2015: 173-175).

ния и лести, но негативно — через жесткую критику как личности, так способов его правления. Его письма, осуждающие политику царя, насыщены религиозно-негативными эпитетами: *еретик, безнравственный человек, насильник, злодей* и т.д. Ответом стало такое же экспрессивное обвинение адресанта в *предательстве, глупости, непонимании* истинных мотивов государственной политики. А. Черняев определил их полемику как столкновение «выкристаллизованных полярных версий русской духовности» двух ревнителей православия. Версия Ивана Грозного — «ксенофобная национально-религиозная исключительность», вера Курбского — «христианский универсализм и ранний русский европеизм».³ Позже, во времена царствования Екатерины II, когда, собственно, и вошло в обиход понятия письма и популяризировался жанр писем властителям; в особую моду вошли как личные письма императрице, так и ее публичный обмен мнений с подданными. Зачастую, он носил условно-диалогический характер, напоминая светскую игру в просвещение. Можно привести пример известной публикации «Вопросника»⁴ А. И. Фонвизина Екатерине II в журнале «Собеседник любителей русского слова». Конечно, это не были письма в прямом смысле слова. Но это было печатное публичное обращение к «властительнице», без всякой интимности или личных просьб, напоминающее по жанру письма властителю. Главным условием для возможной реализации общения подобного рода была «милость» и «благодарность»⁵ монарха — помазанника Божьего⁶, по отношению к дерзнувшему публично и одновременно адресно высказаться подданному. Важно, что такие публикации создавали новую интеллектуальную силу в России — интеллигенцию и формировали общественное мнение; это способствовало рождению такого общественного направления как «литература и власть»⁷.

Письма Александру III

Уже в начале XIX в. «письма во власть» приобрели массовый характер и оказались удачными примерами в исследовании многообразных характеристик общественного сознания. Обратимся лишь к определённого типу «писем властителю». В XIX в. они носили избирательный характер, отражая специфику политического дискурса, характерного для того времени. Это были письма особого рода. С одной стороны, они отражали все необходимые стилистические и этикетные условности между властителем и подданными. С другой стороны, это не были просто

³ Черняев 2016: 96.

⁴ Полное название текста: «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание» (1873).

⁵ А.С. Пушкин приводит пример с «милостивым и благодарным отношением» Александра I к «прямодушному своему подданному» — Н.М. Карамзину, дерзнувшему критически описать некоторые эпизоды отечественной истории. Речь о его знаменитом тексте: «О новой и старой истории». «Когда-нибудь потомство оценит и величие Государя, и благородство патриота» (Пушкин 1836: 13).

⁶ Мы оставляем в стороне личные письма от «знакомых», понимая, что такие обращения были всегда, и связаны они были с семейными делами или просьбами.

⁷ См.: Краснобордочко 1989.

приватные письма просителя, ищущего высшей милости лично для себя или для близких людей. Их можно рассматривать как особый способ публичного политического высказывания. При этом главным *мотивом* создания такого типа писем был экзистенциальный выбор пишущего, его смысло-жизненные установки. Такие письма можно рассматривать как репрезентацию сознательной гражданской позиции конкретных людей. Рассмотрим три письма к одному и тому же лицу – императору Александру III (1845–1894), написанных в важный исторический период с 1881 по 1894 г. двумя знаменитыми (конечно, в разной степени) личностями: Л.Н. Толстым (1828–1910) и М.К. Цебриковой (1835–1917)⁸.

1881 год связан с трагедией вступления на престол нового императора. После казни террористов – убийц Александра II, последовал мрачный период контрреформ, связанный с усилением цензуры в печати, слежками за всеми потенциально инакомыслящими, агрессивной националистической идеологией, жестокими расправами над сектантами и т.д. Все эти процессы, так или иначе были завязаны на «серого кардинала» – обер-прокурора Синода (1880–1905 гг.) К.П. Победоносцева, которого Толстой назвал «образцовым злодеем»,⁹ а Сергей Венгеров длительный период его службы – «кульминационным пунктом победоносцевщины»¹⁰. Объективности ради, следует напомнить слова Г. Ореханова, который справедливо заметил, что оценивать данную полемику можно лишь, учитывая принципиальное различие между Толстым и Победоносцевым как «противопоставление двух типов религиозности»¹¹. Активное микширование политических репрессий исполнителями и их религиозных одобрений первым лицом усугублялось искренней личной религиозностью Александра III, обернувшейся, в итоге, сменой управленческой установки с имперской на «царскую»¹².

Как известно, 12 июля 1889 г. был упразднен Мировой суд в земских губерниях, вместо него введен институт участковых местных земских начальников и городских судей. В итоге «на опустошённой ниве выросли земские начальники и распустились пышные цветы узаконенного произвола и смешения понятий о личном распоряжении и о судебном решении»¹³. Крестьяне вновь оказались в кабале юридического произвола. Суд присяжных также был почти сведен на нет. Усилилось и

⁸ Известно, что у М.К. Цебриковой, известной публицистки и писательницы того времени, было 11 псевдонимов. «1) А.Р.; 2) Артемьева, М.; 3) К.М.; 4) М.К.; 5) М.Ц.; 6) Н.Р.; 7) Николаев; 8) Николаев Н.; 9) Николаева; 10) Николаева М.; 11) Николаева М.К.» (Масанов 1957: 506). Наиболее часто используемые: Н.Р., Н. Николаев, М. Николаева – данный псевдоним выбран в честь дяди-декабриста Николая Романовича Цебрикова, повлиявшего на ее мировоззренческую позицию. Зачастую, она подписывалась только инициалами, готовая пожертвовать славой и публичной известностью ради права свободно высказать свое мнение.

⁹ Толстой 1934.: 58.

¹⁰ Венгеров URL: http://az.lib.ru/w/wengerow_s_a/text_0670.shtml (февраль 2024).

¹¹ Ореханов 2010: 476.

¹² Философов 1910: 92.

¹³ Кони 1912: 468.

цензурное давление: в 1882 г. была введена, т.н. карательная цензура; новый университетский устав 1884 г. уничтожил автономию всех вузов страны. На призывы и аргументы либеральных мыслителей развивать земство как особый тип «русского парламентаризма» Александр III отвечал категорическим отказом, по сути, уничтожив саму идею земства: большинство в его представительской системе получили дворяне, вытеснив и крестьян, и землевладельцев. Всю суть этих контрреформ Цебрикова изложила в нескольких начальных строках своего письма Александру: «Законы моего отечества карают за свободное слово. Все, что есть честного в России, обречено видеть торжествующий произвол чиновничества, гонение на мысль, нравственное и физическое избитие молодых поколений, бесправиебираемого и засекаемого народа – и молчать»¹⁴.

В это же время произошел резкий разворот к уваровской/славянофильской идеологии, толкавшей многонациональную империю к тотальному православливанию и насильственной русификации.¹⁵ Александр III стремился всячески сохранять форму общинной жизни, замешанную на традиционной духовной закваске, что грозило превратить страну в подмороженный идеал «мужицкой теократии».¹⁶ Для него крестьянский мир уложен в известную схему традиционной модели семьи: царь-«батюшка», царица – «матушка», народ – малые «детушки», для которых он единственный заступник и руководитель. А функция «плохих» членов семьи зачастую доставалась не только оппозиционной части общества, но и чиновникам, обречённым на вечную роль виноватых — «козлов отпущения». В 1880-е годы эта патерналистская модель выглядит архаично, даже для империи.

Мужские письма

События данного периода и реакция на них возникли не на пустом месте. Трагическому выстрелу 1 марта предшествовало покушение террористки-народницы В.И. Засулич на петербургского градоначальника (внебрачного сына Николая I) — Ф. Ф. Трепова в январе 1878 г. и поразившее многих – ее последующее оправдание судом присяжных. В ответ на письмо Н.Н. Страхова по этому поводу, Толстой пронизательно заметил: «Засуличевское дело не шутка. Это бессмыслица, дурь, нашедшая на людей не даром. Это первые члены из ряда, еще нам непонятного; но это дело важное. <...> Это похоже на предвозв[естье] революции».¹⁷ Его последующие письма во власть были во многом продиктованы этим тревожным предчувствием и искренним желанием разумного предотвращения грядущего насилия, в том числе и над самодержцем. Не признавая институт власти как таковой, он жаждет с ней разговаривать не на языке либералов или революционеров-террористов, а точки зрения собственного христианского мировидения.

¹⁴ Цебрикова 1897: 31 (на обложке: цена 1 франк. Весь сбор в пользу политических ссыльных и заключенных).

¹⁵ Философов 1910: 92.

¹⁶ Там же: 95.

¹⁷ Толстой 2003:423-424.

Л.Н. Толстой написал Александру III два письма. Первое – в самом начале его царствования, в 1881 г., последнее – в самом конце – в 1894 г. Оба письма имели частный характер, отражали личную установку писателя на христианское милосердие и авторское (толстовское) прочтение евангельских заповедей, таких как не убийство, непротивление злу насилем и любовь к ближнему. В них демонстрируется негласная установка на максимальное сближение политической и религиозных сфер жизни, наиболее выпукло представленных через фигуру первого лица в государстве. Религия и этика, по Толстому, практические синонимы, слитные в политике в образе первого лица.

Если первое письмо Толстого можно назвать превентивным, направленным на предостережение царя от совершения этических ошибок против совести, то второе его письмо становится обвинением в уже совершенных ошибках, в нежелании быть истинным христианином, внимать предостережениям. Предлагая императору личный – свободный и волевой жест милосердия, Толстой утверждает, что понятие религиозности основано на свободе и воле человека. После событий 1 марта 1881 г. Толстой оказался одним из немногих, кто возвысил голос протеста против самого факта смертной казни¹⁸. Он написал частное письмо-воззвание, не рассчитывая на публикацию¹⁹; его близкий друг – Н.Н. Страхов взялся передать его императору через К.П. Победоносцева, с которым был знаком лично. Последний не только отказался помочь, но сделал все, чтобы Александру III даже в голову не пришло сделать какие-либо послабления в адрес осужденных террористов. Этот результат был прогнозируем и лишний раз показал, что никакой христианской свободы и этики у политика нет по определению его роли в государстве. Письмо все же было передано через великого князя Сергея Александровича. Ответа на него не последовало. Призыв к милосердию не имел результатов. Ждать от главы Синода религиозного милосердия в отношении врагов также было бы большой наивностью, но Толстой рискнул и проиграл²⁰.

Письмо Толстого 1894 г. имело более личный характер. Оно было связано с защитой семьи сектантов/толстовцев Хилковых²¹, с которыми писатель находился в близких отношениях. Непосредственным поводом обращения стало лишение этой семьи родительских прав властями по религиозным мотивам в октябре 1893 года (мальчику в тот момент было

¹⁸ Мы оставили в стороне обсуждение вопроса о (не)правомерности смертной казни для царубийц. С Толстым и Соловьевым было не согласно большинство русских мыслителей: Н.Ф. Федоров, Н.Н. Страхов, братья Аксаковы и др. Подр.: Ореханов 2010: 464-497.

¹⁹ Сохранился только черновик письма. Впервые письмо было опубликовано в газете «Голос» в 1906 году (1-2, 27-28 апреля).

²⁰ Как известно, Л.Н. Толстой получил через три месяца ответ от К.П. Победоносцева, который, в частности, сформулировал знаменитую впоследствии фразу: «наш Христос – не Ваш Христос» (Толстой 1934: 59).

²¹ Дмитрий Александрович Хилков и Цецилия Владимировна Винер поженились в 1889 г. без венчания. В этот период они были последователями учения Л.Н. Толстого. С 1904 года Хилков примкнул к эсерам.

3,5 года, девочке — 2 года). Александр, еще до письма Толстого, знал об этом деле от К.П. Победоносцева, который провозгласил семью Хилковых «безумцами-толстовцами», а учение Толстого назвал «эпидемическим сумасшествием». «Безумцы, уверовавшие в Толстого, одержимы так же, как и он, духом неукротимой пропаганды и стремятся проводить его учение в действие. Самый разительный пример — князя Хилкова, гвардейского офицера, ...который проповедует крестьянам толстовское евангелие, с отрицанием церкви и брака — на началах социализма...».²²

В письме 1881 года Толстой, сохраняя традиционно-этикетный тон подданного к первому лицу, размышлял о политических событиях с позиции христианства как такового, и одновременно, опираясь на открытую им религиозную концепцию не убийства и непротивления злу насильем. Он наивно пытался убедить власть быть милосердной. В письме 1894 г. во главу угла он ставит вопрос о практическом христианстве, связанном с культом семьи и деторождения, откровенно попираемым властью, однако, объявляющей себя православной державой. Здесь канонический тон верноподданного сменяется демонстративным подчеркиванием идеи свободы и независимости пишущего, объявившего себя последователем практического учения Христа и столкнувшегося с грубым нарушением этого учения в собственной стране. Здесь мы видим не поиск религиозной свободы для высшего лица, а суверенное право на эту свободу подданного. Можно повторить вслед за Х. Арендт: «Свободный мир, однако, под свободой имеет в виду...право всех управлять теми делами, которые когда-то были кесаревыми»²³. Толстой устанавливает это право для себя сам, в условиях несвободного политического мира. Он понимает свободу как изначальное равенство (по определению) всех христиан между собой и всеобщее исполнение воли одного первого лица — Христа. В эту свободу он и пытается вовлечь Александра III.

Толстой уходит от общих слов о христианстве как этической системе, декларируя основы политической теологии, ставя власти ультиматум обязательного следования христовым заповедям практически. По сути, он говорит об установлении неформальных моральных ограничений для власти. Это происходит весьма своеобразно. Толстой расщепляет фигуру императора, отделяя политика — символ власти от христианина — конкретного индивида. Он не только просит о милости в отношении отдельной семьи, но и предъявляет этический ультиматум христианина-Льва христианину-Александру, обвиняя последнего в нарушении основ христианской жизни. «...У меня есть на это неотъемлемое право, — право, которое мы слишком часто забываем и упоминание о котором, может быть, удивит Вас, — право это есть право моей братской любви ко всем людям и поэтому и к Вам, несмотря на те мнимые перегородки, которые разделяют Вас, императора величайшей империи, и меня, ничтожного частного человека. Я считаю, что Вы согрешили, допустив возмож-

²² Победоносцев 1993:87.

²³ Арендт 2018: 612.

ность совершить такое злодейское дело Вашим именем»²⁴. Он напоминает, что власть «от Бога», и она ограничена истинно-первым лицом – Христом и верой, точно так же, как и власть его подданных, жизнь и судьбу которых, он «мнимо» держит в своих руках. Но в таком случае, его власть ограничена еще и властью других христиан, вокруг которых он лишь «брат», а не «отец».

В этом письме мы видим уже абсолютно сложившуюся религиозную позицию писателя с элементами политической теологии. Толстой опирается здесь на христианское мировоззрение для политических акций, затрагивая вопрос о связи между религиозными ценностями и авторитетом власти. Его вывод не может импонировать императору, ведь, он, по сути, утверждает отсутствие корреляции между ними в его правлении. Недаром, такой подход позволил многим назвать Толстого христианским анархистом, ибо его логика, в глазах власти, сближала мировоззрение писателя с левыми радикалами и революционерами-нигилистами. Но он лишь утверждал идеалы первоначального христианства, ища в реальном правителе тип идеального лидера по образцу Христа. Он, как никто другой, был принципиальным противником политической деконструкции, отстаивая откровенно идеалистическую позицию по преобразованию сознания человека как движущей силы всех остальных изменений.

Ответа на это письмо также не последовало, как не было и положительных решений по делу семьи Хилковых²⁵. В Дневнике от 23 марта 1894 года Толстой написал: «Письмо не имело никакого действия – скорее вредное»²⁶.

Женское письмо

Третье письмо Александру III, было написано в 1889 г. либеральной писательницей и публицисткой Марией Константиновной Цебриковой. Если письма Толстого имели характер персональных обращений, писались в расчете на конкретный результат по спасению конкретных людей, не имели намерений публичной огласки, то здесь ситуация другая. Цебрикова написала письмо-статью с личным обращением к первому лицу (оно обдумывалось более пяти лет). Письмо было тайно вывезено ею в табачном картузе за границу и напечатано в Вольной типографии в Женеве, а затем распространено в России и за рубежом в небольшом количестве экземпляров. Письмо было напечатано вместе со статьей «Каторга и ссылка» а виде отдельной брошюры («Каторга и ссылка»).

Письмо Александру III было посвящено не какому-то отдельному событию, но критике государственной политики контрреформ в целом; в нем также были даны настоятельные рекомендации по демократизации системы управления. Текст важен открытой либеральной позицией, провозглашённой женщиной в тот момент, когда многие мужчины пред-

²⁴ Толстой 1955: 6.

²⁵ Письмо было впервые опубликовано в книге «Лев Толстой и русские цари» (1918). Детей взяла на попечение мать Дмитрия Александровича – княгиня Юлия Петровна Хилкова. Она узаконила детей, дала им княжеский титул, разлучила с родителями.

²⁶ Толстой :1952: 112.

почитали благоразумно молчать. 31 августа 1896 г. в письме к либеральной деятельнице Александре Михайловне Калмыковой Л.Н. Толстой обратил внимание на этот факт: «проведение всех этих мер (контрреформ – мое С.К.) не встречало никакого противодействия, кроме протеста одной почтенной женщины (Цебриковой – С.К.), смело высказавшей правительству то, что она считала правдой»²⁷. Стоит добавить любопытную деталь из ее автобиографии, написанной по просьбе социал-экономиста В.В. Светловского в 1904 г., в которой она рассказала, что «подбивала братию писателей подать общий адрес: что я – рядовая. Крупные имена все-таки импонировали бы скопом. Ну, я решилась пойти одна»²⁸. так как ни один мужчина не захотел ни написать, ни подписать его. Не менее показательны, что после появления письма в *Figaro*, русское посольство во Франции стало опровергать «женский след» автора, доказывать, что «никакой женщины не было, а напечатали лондонские революционеры и вымыслили Цеб[рикову]. Русские агенты из французских почтовых чиновников следили, и полученный мною из Лондона пакет приписали эмигрантам»²⁹.

Конечно, М.К. Цебрикова была не вымыслом, а довольно известной личностью. Ее письмо любопытно не только гендерно-нейтральным характером письма³⁰. Любопытна реакция на него. Александр III, как известно, официально не ответил ни на одно из трех писем своих корреспондентов. Но в отношении Толстого при этом официально не было сделано ни одного карательного или уничижительного жеста недовольства. Молчание власти и внутренняя неприязнь к его персоне существовали с пиететом и страхом перед силой и авторитетом имени великого писателя. Что касается отношения к М.К. Цебриковой, то тут был продемонстрирован не только репрессивный механизм карательной системы, но и крайне пренебрежительное отношение к женщине.

В этой истории субъективное отношение императора к женщине-политику – важный показатель, характеризующий женские политические практики в России. «Ей-то что за дело», – написал император на ее письме. Цебрикова эту фразу прокомментировала так: «баба, знай свой шесток»³¹. В момент создания письма Цебриковой пошел «шестой десяток», что по тем временам это считалось «почтенной» старостью, и вкуче с ее «слабым полом» данный фактор оказался «смягчающим обстоятельством» при наказании «старой дуры» (эти слова также приписывают императору), которая, по непонятной причине, полезла не в свое дело. По сути, ее наградили диагнозом «старческое слабоумие» не столько за существование критики, сколько за сам факт публичного высказывания. «Царь не понял, зачем женщине было писать ему такое письмо и какое ей вообще было дело до его правления и процессов, проис-

²⁷ Толстой 1954: 134.

²⁸ Могилянский 1971: 105.

²⁹ Там же.

³⁰ Трофимова 2022: 114-126.

³¹ Могилянский 1971: 106.

ходивших в стране. Для Александра III именно пол автора письма стал главной проблемой при восприятии этого текста»³².

Он в ней не видит ни собеседника, ни противника, ни личности, ни даже просто подданной, чье мнение его может заинтересовать. Можно предположить, что ее смелость и была в какой-то мере спровоцирована этим мужским пренебрежением в отношении пожилой женщины. Возникает ощущение, что условиях, когда в тебе не «видят» ни противника, ни субъекта права женщине высказываться было несколько легче, чем политикам-мужчинам. В то же время публикацию письма можно определить как «практический феминизм» (А. Колточихина). Его суть в том, что речь идет не о борьбе за права женщин, (в этом заключена специфика феминизма), но сам факт письма стал практической демонстрацией борьбы за право женщин на политическое высказывание, участие в политической жизни. Если Толстой исходил из религиозного равенства, то Цебрикова – из гендерного и гражданского. При этом наказание оказалось все-таки реальным и достаточно суровым, и мало чем отличалось от наказаний мужчин в то время. Сначала ее задержали, потом отпустили, но после обнаружения цитаты из ее статьи «Каторга и ссылка» по поводу якутских политических убийств³³ в *Times*, ее вновь арестовали и отправили в ссылку в Вологодскую губернию, которую ей милостиво присудили, вместо положенной за «преступление», сибирской каторги. Так ее жизнь переплелась с сюжетами ее брошюры.

Цебрикова вспоминает ужас ссылки, означавшей коммуникацию лишь с товарищами по несчастью и полную изоляцию от местного общества, боявшегося общаться со ссыльными. Весьма иронично она описала положение ссыльной женщины в «свете»: «Встречая меня, мужчины откидывались назад, как нервны дамы; дамы превращались в соляной столб и, вопреки законам комильфо, глазели, разинув рот, будто у меня на лбу пылал огонь или торчал рог»³⁴.

В автобиографии она замечает, что ждала более сурового наказания, (вплоть до отправки в сумасшедший дом), памятуя о политических приговорах 60-х гг. Она пишет: «от Л. Толстого я слышала, что Александр III очень хотел засадить меня в монастырь, но комиссия, судившая дело, нашла это неудобным»³⁵. Времена все-таки изменились и не всякое желание власти было ей самой доступно для реализации.

«Молчать нельзя было...»

В обращении к императору М.К. Цебрикова и Л.Н. Толстой проявляют исходный этикет, связанный с осознанием значимости первого лица в государстве и своей «вторичности», «ничтожности»³⁶ по сравнению с ним. Несмотря на это, очевидно, что вежливость здесь – это ско-

³² Трофимова 2022: 118.

³³ 22 марта 1889 года в Якутске подверглись погрому политические ссыльные.

³⁴ Могилянский 1971: 107.

³⁵ Там же: 106.

³⁶ Толстой 1934: 44.

рее общепринятая форма, не отменяющая права пишущих на свободное высказывание. Впрочем, в письме 1894 г. Л.Н. Толстой даже формально уходит от вежливости, демонстрируя фактическую дерзость и свое раздражение политикой императора. «Простите меня, если тон этого письма и самое обращение к Вам будут не такие, к каким Вы привыкли; простите меня и, ради бога, прочтите это письмо без чувства предубеждения и, если возможно, с тем чувством братской любви, которое свойственно всем людям и которое одно побудило меня писать Вам»³⁷. Как и в первом письме, он исходит из презумпции совести, как единственной мотивации к действию. «Молчать мне нельзя было, совесть моя замучила бы меня»³⁸.

Несмотря на то, что протест Цебриковой, в отличие от христианского протеста Толстого, имел политическую окраску, в обращении к Александру III они исходили из схожих оснований: требований совести, невозможности промолчать в условиях репрессий, идеи равенства. При этом Толстой, как было сказано, чётко «отделял» императора от человека, разоблачал «первого», чтобы добраться до совести и спасти «второго» от духовной гибели. Цебрикова, напротив, пытается соединить политику и этику, уйти от морализаторства и априорной имперской вседозволенности, дерзко заявляя, что «помазание на царство не несет с собой и всеведение божества»³⁹. В этом она значительно опережает исторические выводы Х. Арендт, которая отмечала, что «длительный союз между религией и авторитетностью не обязательно доказывает, что само понятие авторитетности имеет религиозную природу»⁴⁰.

Тон обращения всех писем позволяет говорить о рождении дискурса, в котором на первый план выдвигается личность пишущего, а не его официальный статус или пол. Перед нами не просто писатели (хоть и разного калибра) или общественные деятели, а конкретные люди и их гражданский статус здесь гораздо важнее всех остальных ролей.

Именно авторы писем, исходя из личных побуждений, а не из партийной или религиозной задач, создают публичный язык высказывания, заставляя своего адресата настроиться на коммуникацию равных, а не верноподданных. Как говорила Х. Арендт, вопросы права и морали роднит то, что они касаются личностей, а не систем⁴¹. В этом аспекте публичность становится сутью личности, ее духовного Я, экзистенциальным вызовом самому себе.

Если Цебрикова указывает, что «единичная личность», конкретно, она, в условиях несвободы испытывает «мучительный стыд быть, вынужденным молчанием своим, невольной участницей царящих неправды и зла» и политическое высказывание в форме публичного письма

³⁷ Толстой 1955: 4.

³⁸ Там же: 8.

³⁹ Цебрикова 1897:32.

⁴⁰ Арендт 2018: 612.

⁴¹ Арендт 2014: 92.

«заставляет ее рискнуть всем, что дорого ей»⁴², то Толстой, помимо большой совести, не позволяющей молчать, указывает также на миссионерскую христианскую задачу, которую он берет на себя, как христианин, написавший письмо другому христианину, стремясь спасти его от возможного совершения роковой ошибки. «Но если ты не напишешь и потом узнаешь, что никто не сказал Царю то, что ты хотел сказать, и что Царь потом, когда уже ничего нельзя будет переменить, подумает и скажет: если бы тогда кто-нибудь сказал мне это!»⁴³ В его письме любопытно соединение мук совести с переживанием личной вины, как базисом для формирования морального чувства ответственности в отношении другого лица: «боюсь быть еще виноватым, не сделав того, что мог и должен был сделать»⁴⁴. Вина, в данном случае, может быть расценена как сложное переживание собственного поведения в соотнесении с аналогичным христианским идеалом.

Итак, исследуемые нами письма задают этическую планку ценностей как высшую, сделав ее критерием оценки не только для себя, но и для первого лица в стране.

В системе аргументации Толстого и Цебриковой также наблюдается ряд сходных моментов. Прежде всего, это намек на плохую осведомлённость императора в фактическом положении дел в стране; указание на идеологическую роль в этом «незнании» плохих чиновников, и желание авторов «просветить царя», раскрыть ему глаза. ИмPLICITно, в их обращениях прочитывается наивная вера в хорошего царя, которую они разделили с русским народом. «“Царь обманут, если бы он знал!” – говорит народ»⁴⁵

Император, таким образом, воплощает патерналистскую ролевую модель «отца», который становится символической жертвой чиновничьего произвола и обмана и одновременно жертвой собственной информационной ограниченности. Цебрикова, которая назвала чиновников «опричниками», пишет: «Русские императоры обречены видеть и слышать лишь то, что видеть и слышать их допустит чиновничество, стоящее стеной между ними и русским земством, то есть миллионами, не числящимися на государственной службе»⁴⁶. Далее, она наивно, в духе восточных сказочных сюжетов предлагает императору «сходить в на-

⁴² Цебрикова 1897: 31.

⁴³ Толстой 1934: 44.

⁴⁴ Там же: 45.

⁴⁵ Цебрикова 1897: 43. Любопытно, что в первые годы советской власти крестьяне писали во власть, руководствуясь аналогичными мотивами «незнания» центральными властями того, что творится на местах. Эта же мотивация сохранялась во все годы советской власти в популярном жанре писем-жалоб в редакции центральных газет. Думается, что власть использовала этот жанр как манипулятивный механизм управления. В то же время здесь явно отражена тенденция к закреплению традиционных патерналистских отношений подданных и народа, свойственная не только простым гражданам, но и интеллигентам-либералам.

⁴⁶ Цебрикова 1897: 31.

род» и послушать его мнение о властях. Л.Н. Толстой пишет об этом формальнее, не полностью разделяя мысль о императорском «незнании» и исключительной вине лишь чиновников. Но он также обращает внимание на то, что царский статус приобретает этическую отрицательную оценку, благодаря, злодеяниям подданных, творимых не самим царем, но его «именем».⁴⁷

Важным элементом является анализ дискурсных стратегий и речевых особенностей самовыражения авторов текстов. Дискурс Л.Н. Толстого отражает максимальное слияние религиозных, политических и экзистенциальных интенций пишущего. Тексты зафиксировали многие элементы политической теологии и этики. Письмо М.К. Цебриковой — манифест человека с ярко-выраженной гражданской позицией. Оно носит характер политической инвективы: системы обвинений и категорических требований к власти по скорейшему исправлению политического курса. Оно обладает многими элементами *политического дискурса*, без религиозных отсылок к этике и заповедям, присущих письмам Толстого. Для данного дискурса характерно *убеждение и побуждение* адресата к активным действиям; *агитация* тех или иных идей; *эмоциональность* как способ воздействия на адресата; попытка выработать *коммуникативный консенсус*; подталкивание императора к принятию социально-политических решений в условиях *допущения (с его стороны) разных точек зрения* в обществе.

Несмотря на гендерную нейтральность письма, в материалах, сопутствующих публикации, напротив, явны следы женского стиля, подчеркивается и пол автора, используются глаголы и прилагательные с женскими окончаниями. Остается предположить, что письмо для печати сознательно было написано в нейтральном (читай – мужском) стиле для преодоления априорно предвзятого отношения мужчины-правителя к автору-женщине⁴⁸. При этом М.К. Цебрикова даже готова оправдать институт самодержавия, лишь бы царь начал реформы и улучшил политическую ситуацию. В то же время христианское мировоззрение Л.Н. Толстого не помешало ему быть политически и этически непримиримым ригористом в своих требованиях. Если в первом письме он призывает Александра III реализовать свой христианский статус в акте помилования цареубийц, формируя, тем самым, политическую повестку, направленную на отмену смертной казни, то во втором письме – он понимает, что власть не желает быть милосердной, вовсе не из-за незнания христовых правил поведения или сознательного чиновничьего обмана. Он открывает факт насильственной природы любой власти по определению. Толстой понял, что насилие – это правовая форма существования государства⁴⁹ и никакими уговорами этого не изменить. Его вывод: *нужно(можно) спасти человека*, но нельзя спасти систему и власть.

⁴⁷ Толстой 1955: 7.

⁴⁸ Трофимова 2022: 116.

⁴⁹ Эту мысль у Толстого позаимствовал М. Вебер. Подр.: Давыдов 2006: 95.

В какой-то момент написания он вновь вступает в полосу «братских» уговоров, обращаясь к совести и сознанию, но не императора, а человека. Л.Н. Толстой прямо обвиняет Александра III, не проявившего свою человечность в деле Хилковых. «Вы согрешили, допустив возможность совершить такое злодейское дело Вашим именем».⁵⁰ Однако это обвинение не политическое, с его точки зрения, но религиозное; недаром он говорит о грехе, а не преступлении. Толстой хочет достичь цели, поэтому не прибегает к публичности, боясь поставить христианина в неловкую ситуацию общественного разоблачения и порицания, убеждая императора, что письмо носит сугубо приватный характер. Он как бы даёт еще один шанс царю проявить человечность - христианского милосердие, пробуждая его совесть и принуждая совершить нравственный поступок. «Новый путь (политического преобразования – С.К.) – путь христианского исполнения Царём воли Божьей, как человеком».⁵¹ Человеческое, как исполнение воли Бога, для него выше, чем политическое функционирование властителя. Ему император важен не как символ власти, но как «брат во Христе», к чувствам которого он взывает, пытается повлиять на его сознание, что, в свою очередь, должно было привести к новой нормативности в системе управления.

Возникает парадоксальная ситуация. Призывая к метаноии человека-Александра, он в латентной форме призывает императора отказаться от участия во власти. Безусловно, такая христианская проповедь делает его гораздо более опасным оппонентом, чем М.К. Цебрикову, требующую лишь общедемократических послаблений и либеральных реформ. (При этом не надо забывать, что власть в принципе ее мнением не интересуется). То есть Толстой рассуждает по-кантовски: он ждет не легальных поступков, согласованных с правом и законом, но моральных, то есть деонтологических – императивных. Рекомендации писательницы властям преодолеть репрессии в сфере управления, благодаря возвращению к либеральным реформам, можно считать разновидностью ненасильственной этики Л.Н. Толстого.

Удивительное единодушие проявили они и в требовании к своим современникам не участвовать в «злых делах государства». «Честные люди не идут на государственную службу, честные люди стыдятся служить самодержавному правительству, – не раз повторяет на разные лады г-жа Цебрикова в своих заграничных брошюрах».⁵² Объединила их и принципиально антиреволюционная повестка, которая раздражала лево-радикальную часть русского общества.

***

Письма властителю в русской истории культуры сами по себе символичны. Они являются одной из значимых форм общественной инициативы, прокладывая путь к формированию гражданского созна-

⁵⁰ Толстой 1955: 7.

⁵¹ Толстой 1934:50.

⁵² Засулич 1960: 57-58.

ния. Поэтому факт написания таких писем не был примером бессмысленной наивности или «донкихотства», как может показаться современным людям. Но, возможно, в таких обращениях сохранялись и остатки патриархальных установок, которые устойчиво воспроизводились не только в менталитете народа. Христианин-Толстой и либеральная писательница М.К. Цебрикова продемонстрировали в своем обращении те же патерналистские тенденции, что и русские крестьяне, широко практиковавшие письма-жалобы во власть.

С. Венгеров в 1906 г. издал письмо Цебриковой со своим предисловием, в котором отметил ее удивительную смелость и гражданственность, но при этом упрекнул ее в либеральной умеренности и антиреволюционном пафосе текста. Еще раньше, в 1892 г. Г.В. Плеханов, сразу после публикации письма в заграничной прессе, категорично высказался по этому поводу. Ему претило ее либеральное красноречие, не подкрепленное «копьем»⁵³, к тому же, раздражало ее открытое отрицание революции. Он иронично высмеял ее «заигрывание» с императором, определил тон письма как «политическую нотацию» высочайшему Митрофанушке», а саму позицию назвал «либерально-верноподданнической»⁵⁴. Все это усугублялось явной неприязнью Плеханова в отношении автора-женщины, которую он иронично окрестил «наша почтенная писательница», упрекая в недопустимой мягкотелости («институтской наивности»). «Сторонница политической свободы, она не придумала ничего лучшего, как попросить ласково, трогательно, красноречиво, самодержавие накинуть самому себе петлю на шею»⁵⁵.

Плеханов не оценил ее мужества, но высмеял саму попытку достучаться до совести императора. Находясь в момент своего «негодования», как и многие годы до этого, в безопасной Европе, не подвергаясь никаким политическим репрессиям, он оказался не способен оценить смелость и нравственный посыл автора письма. Впрочем, нравственность и идеалы ненасилия, близкие риторике Толстого и Цебриковой, были мало интересны революционерам всех мастей, мечтавшим о насильственном захвате власти и кровавом революционном перевороте.

Плеханов «аннулировал» поступок Цебриковой, отождествив ее письмо-инвективу с безобидными бабскими упреками и даже женским заигрыванием с властью.

Сам акт активного политического жеста в форме писем власти следует расценивать как персоналистический, а не гендерный или сугубо этический. В этом пункте христианский мыслитель Л.Н. Толстой и либеральная писательница М.К. Цебрикова оказались чрезвычайно близки друг другу. Для них были одинаково неприемлемы, как кроваво-жадные мечты современников об уничтожении власти, так и кровавые репрессивные практики, как царского, так и революционного режимов.

⁵³ Плеханов 1923: 245.

⁵⁴ Плеханов 1923: 244; 247.

⁵⁵ Там же: 247.

На примере женского письма мы видим, что несмотря на пренебрежительное отношение к женщинам в политике, они в своих проявлениях оказались более открыты, смелы и бескомпромиссны, чем многие мужчины того времени.

Любопытно, что Л.Н. Толстой-христианин ищет в царе брата *по духу*, а М.К. Цебрикова специально подписывает письмо «русская», стремясь пробудить в Александре III сочувствие к соотечественнице, сблизиться с ним *по крови*. В этой подписи подчеркивается гражданская позиция автора и ее пол (женский род в письме был употреблен только в этом прилагательном). Напрашивается вывод о том, что *русская женщина* имеет те же самые чувства, идеи и права, что и любой *русский мужчина*, стремящийся принести пользу своему отечеству, служить ему и болеть за него душой.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Засулич В. Наши современные литературные противоречия // Засулич В. Статьи о русской литературе. М.: ГИХЛ, 1960. С. 65–108.
- Кони А.Ф. На жизненном пути. СПб.: Труд, 1912–1929. Т. 1.
- Лев Толстой и русские цари. Письма Л. Н. Толстого. 1862–1905 / под редакцией В. Г. Черткова. Москва: Изд. книгоиздательств "Свобода" и "Единение", 1918. 64 с.
- Толстой Л.Н. Дневники 1891–1894 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-т. Т. 52. М.-Л.: Изд-во «Художественной литературы», 1952.
- Толстой Л.Н. Письмо Н.Н. Страхову, 8 апреля 1878 г. // Л.Н. Толстой — Н.Н. Страхов: Полное собрание переписки / Сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова; ред. А.А. Донсков. М.; Оттава, 2003. С. 423–424.
- Толстой Л.Н. Письмо Александру III Черновое. 15–18 марта 1881 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-т. Т. 63. С. 44–57.
- Толстой Л.Н. Примечание к письму К.П. Победоносцеву от ? марта 1881 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-х т. Т. 63. М.-Л.: Изд-во «Художественной литературы», 1934. С. 57.
- Толстой Л.Н. Письмо Александру III от 2-3 января? 1894 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-т. Т. 67. М.-Л.: Изд-во «Художественной литературы», 1955. С. 4–10.
- Толстой Л.Н. Письмо А.М. Калмыковой 31 августа 1896 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-т. Т. 69. М.-Л.: Изд-во «Художественной литературы», 1954. С. 127–140.
- Философов Д. Царь-Папа // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. Сб. / Под ред. М.А. Колерова, М.: ОГИ, 1999. 224 с.
- Цебрикова М.К. Письмо императору Александру III // Цебрикова М.К. Каторга и ссылка. Изд. 3. Женева, 1897. С. 31–47.
- Победоносцев К. Письмо Александру III от 1 ноября 1891 // Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993.
- Плеханов Г.В. Внутреннее обозрение II. Сочинения в 24 т. Изд-е 2-е/ под ред. Д. Рязанова. Москва: Гос. изд-во, 1923–1927. Т. 3. С. 240–265.
- Пушкин А.С. Российская академия // Современник / изд. А.С. Пушкина. 1836. Т. 2. С. 5–13.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре // Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Институт Гайдара, 2014. С. 47–83. [Arendt H. Lichnaya otvetstvennost' pri diktature (Personal responsibility under dictatorship) // Arendt H. Otvetstvennost' i suzhenie. (Responsibility and Judgment) M.: Institut Gajdara, 2014. S. 47–83].
- Арендт Х. Религия и политика // Арендт Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М.: Институт Гайдара, 2018. [Arendt H. Religiya i politika (Religion and Politics) // Arendt H. Opyty ponimaniya, 1930-1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm. (Essays in Understanding, 1930-1954. Formation, Exile, Totalitarianism) M.: Institut Gajdara, 2018. 601-637.]

- Венгеров С. А. Предисловие к письму М.К. Цебриковой Александру III // http://az.lib.ru/w/wengerow_s_a/text_0670.shtml (февраль 2024) [Vengerov S.A. Predislovie k pis'mu M.K. Cebrikovoj Aleksandru III (Preface Tsebrikova's letter to Alexander III) (fevral' 2024)].
- Давыдов Ю.Н. Этика убеждения и этика ответственности. Макс Вебер и Лев Толстой // Этическая мысль. Вып. 7. М.: ИФ РАН, 2006. С. 83–109. [Davydov YU.N. Etika ubezhdeniya i etika otvetstvennosti. Maks Veber i Lev Tolstoj (The ethics of conviction and the ethics of responsibility. Max Weber and Leo Tolstoy) // *Eticheskaya mysl'*. Vyp. 7. M.: IF RAN, 2006. S. 83–109].
- Краснобородько Т.И. Тема «литература и власть» на страницах второго тома «Современника» // Пушкин. Исследования и материалы. Т.13. Сборник научных трудов. Л.: Наука, 1989. С. 122–133. [Krasnoborod'ko T.I. Tema «literatura i vlast'» na stranicah vtorogo toma «Sovremennika» (The theme of "literature and power" on the pages of the second volume of *Sovremennik*) // Pushkin. Issledovaniya i materialy. T.13. Sbornik nauchnyh trudov. L.: Nauka, 1989. 122–133].
- Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в четырех томах. М.: Всесоюзная книжная палата, 1956–1960. [Masanov I.F. Slovar' psevdonimov russkikh pisatelej, uchenyh i obshchestvennyh deyatelej: v chetyrekh tomah. (Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: in four volumes) M.: Vsesoyuznaya knizhnaya palata, 1956–1960].
- Могиланский А. П. Новые данные о М. К. Цебриковой // Русская литература. Историко-литературный журнал. Ленинград. Наука, 1971. № 1. С. 102–111. [Mogilyanskiy A. P. Novye dannye o M. K. Cebrikovoj (New data about M. K. Tsebrikova) // *Russkaya literatura. Istoriko-literaturnyj zhurnal*. Leningrad. Nauka, 1971. № 1. S. 102–111].
- Ореханов Г. (свящ). Русская православная Церковь и Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. М.: ПСТГУ. 692 с. [Orekanov G. (svyashch). *Russkaya pravoslavnaya Cerkov' i L.N. Tolstoj: konflikt glazami sovremennikov* (The Russian Orthodox Church and L.N. Tolstoy: the conflict through the eyes of contemporaries). M.: PSTGU. 692 s.]
- Суровцева Е.В. «Письма властителю» как жанр эпистолярной литературы (на материале русской словесности 19–20 вв.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота 2014. №9(39) в 2-х ч. Ч.2. С. 162–165. [Surovcева E.V. «Pis'ma vlastitelyu» kak zhanr epistol'arnoj literatury (na materiale russkoj slovesnosti 19–20 vv.) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov. Gramota 2014. №9(39) v 2-h ch. CH.2. S. 162–165].
- Суровцева Е.В. Письмо-инвектива как жанровая разновидность “письма царю” // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота 2015. №12(54) в 2-х ч. Ч.1. С. 173–175. [Surovcева E.V. Pis'mo-invektiva kak zhanrovaya raznovidnost' “pis'ma saryu” (Letter-invektive as a genre variety of "letter to the tsar") // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov. Gramota 2015. №12(54) v 2-h ch. CH.1. 173–175].
- Трофимова В.С. Гражданская активистка и правозащитница. Новые ипостаси русской писательницы 1890-х М.К. Цебриковой // Женщина модерна. Гендер в русской культуре 1890-1930-х годов. Коллективная монография. М.: НЛО, 2022. 114–126. [Trofimova V.S. Grazhdanskaya aktivistka i pravozashchitnica. Novye ipostasi russkoj pisatel'nicy 1890-h M.K. Cebrikovoj (Civic activist and human rights activist. New hypostasis of the Russian writer of the 1890s M.K. Tsebrikova) // *Zhenshchina moderna. Gender v russkoj kulture 1890-1930-h godov. Kollektivnaya monografiya*. M.: NLO, 2022. S. 114–126].
- Черняев А. В. У водораздела русской политической мысли. Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Философский журнал. 2016 Т.9. (1). С. 80–100. [Chernyaev A. V. U vodorazdela russkoj politicheskoy mysli. Perepiska Andrey a Kurbskogo s Ivanom Grozным (At the watershed of Russian political thought. Andrei Kurbsky's correspondence with Ivan the Terrible) // *Filosofskij zhurnal*. 2016 T.9. (1). S. 80–100].

Климова Светлана Мушаилова, доктор философских наук, профессор, Школа философии и культурологии, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», sklimova@hse.ru

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

“To Write as Man to Man”: Three Letters to One Emperor

The article deals with the letters of L.N. Tolstoy and M.K. Tsebrikova written between 1881 and 1894 to Emperor Alexander III. They are analysed in the context of the historical-political and subjective circumstances of their creation. Special attention is paid to the female and male types of letters, both in terms of form and content. The style and themes of the letters reflect the specifics of their authors' worldviews, which were at the root of their appeal to the ruler. The unification of these letters into a single text is not accidental. It is connected not only with the historical and political situation, personal acquaintance, but also with the common existential and moral positions of the authors of the letters. L.N. Tolstoy's letters are written from the position of Christian personalism, while M.K. Tsebrikova's letter reflects her moderate and moral position. Tsebrikova's letter reflects her moderate-liberal and anti-revolutionary point of view. Despite the obvious ideological difference, they were unexpectedly close in their ethical attitudes and principles of life. The fact of such appeals to the ruler shows the authors' implicit adherence to paternalism, naive faith and hope in the ruler's benevolence and omnipotence in solving cardinal problems in the life of society and the state. This tendency contradicts the explicit criticism of paternalism (which they try to combat) in their letters. The article pays special attention to the question of women's rights in connection with the figure of M.K. Tsebrikova and her fate in Russia.

Keywords: *Letters to the ruler, Alexander III, L.N. Tolstoy, M.K. Tsebrikova, political and women's writing.*

Svetlana M. Klimova, *Dr. Sc. (Philosophy), Professor, School of Philosophy and Culture, Department of Humanity HSE University, Russian Federation; sklimova@hse.ru.*

Acknowledgments: *This work/article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at HSE University*

БОРЬБА С ХРИСТОВЕРАМИ В ПОЛОСЕ ОТЧУЖДЕНИЯ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ¹

История христоверов на российском Дальнем Востоке и в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги практически неизвестная страница религиозной жизни края. В статье рассматривается отношение административных структур края и господствующей Православной церкви к появлению на Дальнем Востоке Российской империи и в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги новых религиозных групп, в особенности борьба с христоверами, проживавшими на нескольких станциях железной дороги. В основе исследования – документы Владивостокской духовной консистории (из коллекций Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, г. Владивосток), ежегодные отчеты двух дальневосточных епархий: Благовещенской и Владивостокской (Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург) и дело уголовного отделения Первого департамента Министерства юстиции Российской империи (Государственный архив Российской Федерации, г. Москва), а также многочисленные периодические издания, освещавшие арест групп христоверов в Маньчжурии. Представлены методы противосектантской работы двух православных епархий на восточных окраинах Российской империи. В работе показана конфессиональная политика на Дальнем Востоке до и после ареста групп христоверов. Отличный друг от друга подход государства с локальной миграционной политикой в отношении христианских меньшинств и активная борьба с ними господствующей церкви сменились единой настороженностью.

Ключевые слова: *Христоверы, Маньчжурия, ВЖД, хлысты, государственно-конфессиональные отношения, Благовещенская епархия, религиозные меньшинства, Благовещенск, Владивостокская епархия.*

Христоверие (хлыстовство, христовщина, «вера Христова») – массовое религиозное движение, получившее распространение в Российской империи в XVII – начале XX вв. Самоназванием секты² являются термины «христовщина», «христова вера», «люди божьи», от них были образованы распространенные в литературе экзонимы «хлыстовство», «хлыстовщина», «хлысты». Основными характеристиками принадлежности общины к христоверию являются: ритуальная практика («радение³»); почитание глав религиозной группы «христами» и «богородицами»; аскеза, включающая в себя пищевые, сексуальные и иные ограничения⁴. В российской и зарубежной историографии до сих пор ведутся

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

² В статье термин «секта» употребляется без негативной оценки, сложившейся в историографической традиции, и используется как исторический термин в контексте борьбы государственных структур и РПЦ с духовным христианством.

³ Особая форма богослужения, встречающаяся у некоторых категорий духовных христиан, чаще всего представлявшая собой кружения, реже самоистязания.

⁴ Панченко 2002: 8–9.

дискуссии об истоках вероучения христоверов. На протяжении долгого времени существовали споры о происхождении учения. О зарубежных корнях «веры христовой» и влиянии на нее квакерства писали Н.И. Барсов⁵, Н.В. Реутский⁶ и др. Современные труды по истории, культуре, фольклору и ритуальной практике хлыстов указывают на русское происхождение секты. А.А. Панченко в своем фундаментальном труде «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект» отмечает отсутствие значительного западного влияния и прямую связь христовщины с русской религиозной традицией, в частности со староверами беспоповского направления⁷. А.Г. Берман также указывает на связь христоверия и радикального старообрядчества⁸. Ю. Клэй⁹ и К.Т. Сергазина¹⁰ отмечают существенное влияние на христоверие русской монашеской традиции.

В самих хлыстовских легендах основателем секты считается Данила Филиппович (1600–1700)¹¹, к которому в 1645 г. явился Господь, после чего он сам стал Богом и начал проповедовать учение¹². Христоверие не является единым направлением, а имеет множество ответвлений, связанных с их лидерами. Рассматриваемая в публикации группа хлыстов, проживавших в Маньчжурии, относится к так называемым тамбовским «постникам» – направлению христовщины, основанному в первой половине XIX в. тамбовским крестьянином Аббакумом Ивановичем Копыловым¹³. Не углубляясь в вопросы происхождения христовщины, ограничим представленную статью историей маньчжурских хлыстов и следствием борьбы с ними Русской православной церкви и административных структур на Дальнем Востоке.

За последние пару лет в России вышло несколько крупных трудов, посвященных истории, ритуалам и вероучению христоверов, что позволяет судить о сохраняющемся интересе исследователей к этой про-

⁵ Барсов 1869: 18.

⁶ Реутский 1872: 5.

⁷ Панченко 2002: 105.

⁸ Берман 2022: 132.

⁹ Clay 1988: 40.

¹⁰ Сергазина 2015: 18.

¹¹ Биография Данилы Филипповича основана на преданиях хлыстов, зафиксированных в следственных делах 1830-х гг., введенных в научный оборот П.И. Мельниковым. Согласно им Данила Филиппович родился в 1600 г. в Юрьевском уезде, был крестьянином, учеником беглого монаха Капитона. В 1645 г. ему явился Бог, после чего он сам стал воплощением Бога на земле. Данила Филиппович поселился в д. Старой под Костромой, где собрал своих учеников. Умер на сотом году жизни. Современные исследователи полагают, что Данила Филиппович был реальным человеком, который руководил хлыстовской общиной, но не являлся первым христовером.

¹² Zagańczyk-Neufeld 2018: 392-393.

¹³ Копылов А.И. – тамбовский крестьянин, уроженец села Перевоз Кирсановского уезда. В 1810-е гг. основал движение «постников», объявив себя живым Христом. Согласно хлыстовским преданиям после сорокодневного поста был взят живым на седьмое небо, где беседовал с Богом, после чего вернулся на землю и начал проповедовать свое учение. Умер в конце 1930-х гг. – начале 1940-х гг.

блематике¹⁴. Тем не менее, сведения о маньчжурской группе христоверов в современной историографии практически отсутствуют. Единственная небольшая заметка о харбинской группе верующих на основе статьи православного миссионера В. Демидова (1886–1952)¹⁵ была написана историком, исследователем русского зарубежья А.А. Хисамутдиновым¹⁶. Крайне мало сведений и о христоверах Дальнего Востока Российской империи. Краткие упоминания о численности верующих в Амурской области Приамурского генерал-губернаторства содержатся в коллективной монографии амурских авторов¹⁷.

Переселение на Дальний Восток – молодой край Российской империи, поощрялось со стороны властей, а Приамурское генерал-губернаторство, находившееся на юге российской Дальнего Востока, стало пристанищем многих инаковерующих. Центром инакомыслия на этих территориях был Благовещенск и Амурская область, где по данным господствующей церкви, количество сектантов и раскольников в 1901 г. достигало 15,4% от всего населения Благовещенской епархии¹⁸. Особое распространение на Амуре получило духовное христианство, а именно молоканство¹⁹. Его распространение не вызывало большого беспокойства у администрации края, видевшей в молоканах более грамотных и предприимчивых переселенцев. В то же время Благовещенская епархия видела в духовных христианах большую опасность, при этом признавая их преимущество за счет лучшего материального благосостояния, сплоченности и взаимопомощи²⁰. Сотрудник петербургской газеты «Новое Время» писал про это: «Правда, Благовещенск – город лишь полуправославный. Наиболее сильны в нем молокане, народ крепкий, прижимистый, живущий обособленно. Молоканам принадлежат богатые заимки на равнине между Зеей и Буреей²¹, мельницы, пароходы, прииски. Они – первые богачи в области»²².

¹⁴ Берман 2022; Сергазина 2015; Овсяннико-Куликовский 2017. Также переиздание: Эткинд 2024.

¹⁵ Василий Демидов – православный протоиерей, миссионер. Родился на Урале, где получил духовное образование. До 1917 г. разъездной священник при железнодорожной станции «Челябинск», миссионер. В период Гражданской войны военный священник белой армии, с остатками которой позже уехал в Харбин. В Маньчжурии активный противосектантский миссионер, известный по регулярным диспутам с представителями протестантских направлений (баптистами, адвентистами, методистами и пятидесятниками), которые он регулярно проводил в Харбине и на станциях КВЖД. Позже эмигрировал в США, где служил в приходах, находившихся в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей. Профессор богословских дисциплин в Свято-Троицкой духовной семинарии в г. Джорданвилль, автор ряда богословских трудов. Умер в Джорданвилле, США.

¹⁶ Хисамутдинов 2015: 93.

¹⁷ Забияко 2017: 295–297.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1882. Л. 138.

¹⁹ Подробнее об этом: Буянов 2013.

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1882. Л. 96.

²¹ Реки Амурской области.

²² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 369. Л. 63.

Это приводило к напряженности между местными властями и господствующей Православной церковью. Глава Благовещенской епархии еп. Никодим (1850–1914)²³ ежегодно посылал данные Священному Синоду о ситуации с духовными христианами в епархиальных отчетах. В них он характеризует молокан как «господ общественного самоуправления», которые за 4 года стали составлять большую часть вновь избранных гласных (членов собраний) и теперь стоят в центре административного управления Амурской областью²⁴. В 1904 г. о. Никодим в отчете Синоду прямо обвинил военного губернатора и местную амурскую администрацию в покровительстве сектантству. Он связывал это с тем, что власти никак не боролись с пропагандой молоканства среди паствы господствующей Православной церкви, и даже наоборот, поддерживали требования молокан по удалению из местных школ икон, которых не признавали. Также некоторые волостные старшины сами переходили в духовное христианство²⁵. Миграционная политика государства была направлена на поддержку трудоспособного населения, способного развивать край вне зависимости от вероисповедания.

Православная церковь призвала к «энергичной борьбе с сектантством», главной частью которой было строительство новых церквей. Их количество на Дальнем Востоке было небольшим в связи с недостаточным финансированием²⁶. Епископ Благовещенской епархии призвал к увеличению финансирования противосектантской миссии, в особенности содержания противосектантских миссионеров, их уставщиков²⁷ и псаломщиков²⁸. В 1904 г. епископ Приамурский и Благовещенский учредил публичные беседы с сектантами²⁹ – еще один инструмент борьбы с религиозными меньшинствами в крае, вдобавок приходским священникам было велено усиленно наблюдать за всеми инаковерующими³⁰. Меры борьбы с разными направлениями духовного христианства в епархии были типичными для господствующей Православной церкви, но их количество было достаточно большим. Противосектантская миссия Бла-

²³ Никодим (Боков Николай Павлович) – православный епископ. Родился в селе Купли Шатского уезда Тамбовской епархии. В 1872 г. окончил Тамбовскую духовную семинарию, через год рукоположен в сан священника церкви с. Кулаева Казанской епархии, в 1884 г. перемещен в Казанский кафедральный собор. В 1892 г. принял постриг, в 1893 г. возведен в сан архимандрита, назначен ректором Симбирской духовной семинарии. С 1900 по 1906 гг. епископ Приамурский и Благовещенский. С 1906 по 1911 гг. епископ Рязанский и Зарайский. С 1911 по 1913 гг. епископ Полоцкий и Витебский. В 1913 г. назначен епископом Астраханским и Енотаевским. Умер в Астрахани.

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1939. Л. 190.

²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2014. Л. 38 об.–39 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Уставщик – священнослужитель, в полномочия которого входит наблюдение за порядком богослужения в соответствии с Церковным Уставом и подготовка структурных основ определенных частей храмовых служб.

²⁸ Там же. Л. 174 об.–175.

²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2014. Л. 10.

³⁰ Там же. Л. 42 об.

говещенской епархии включала штат из епархиального противосектантского миссионера, трех окружных миссионеров и одного миссионера-книгоноши, которые ездили по районам, проводя публичные и домашние беседы с сектантами, религиозно-нравственные беседы с православной паствой, организовывали миссионерские кружки. В год проводилось более 200 различного рода бесед и диспутов³¹. Еще одной проблемой для епархии стала неподготовленность клира к беседам с представителями духовного христианства и протестантизма. Некоторые священнослужители пытались компенсировать отсутствие образования чтением специальной противосектантской литературы³². Позже для обучения церковнослужителей стали проводить миссионерские курсы, специально направленные на борьбу с сектами и расколом. Впервые такие курсы были проведены под руководством протоиерея Иоанна Восторгова³³ (1864–1918) в Хабаровске в июне 1912 г. На курсах прошло обучение 120 священнослужителей из Амурской и Приморской областей, Камчатки и Маньчжурии. В том же месяце в Приморье прошел первый крестный ход с целью противодействия сектантской пропаганде, длившийся 17 дней³⁴. Противосектантская деятельность на Дальнем Востоке к 1912 г. приобрела организованный характер, ее масштабы увеличивались.

Сосредоточенность церкви на противосектантской и иноверческой миссии, направленной преимущественно на местное азиатское население, критиковалась в периодике тех лет. Паства чувствовала себя брошенной: «Почему вам, отцам миссионерам, все – чуваша, черемиссы, татары, мордва, японцы, корейцы, китайцы и все наконец наши сектанты неизмеримо дороже нас, простых русских православных христиан?»³⁵. При развитии православия на Востоке священников и церковей продолжало критически не хватать.

Даже при активной противосектантской миссии количество христианских меньшинств продолжало увеличиваться. В 1905 г. Благовещенская епархия указывала количество в 26 800 сектантов, что составляло 21% от православного населения и 17% от всего населения епархии. Впервые в отчете упоминаются хлысты, которых в Благовещенске было

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2438. Л. 31 об.

³² Там же. Л. 12 об.

³³ Иоанн Восторгов (Иван Иванович Восторгов) – протоиерей, писатель, известный миссионер. Родился в станице Кавказской, в семье священнослужителя. В 1887 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию, после чего до 1894 г. служил на разных должностях Ставропольской епархии. С 1894 г. законоучитель нескольких Тифлиссских гимназий. В 1901 г. возведен в сан протоиерея. С 1906 г. проповедник-миссионер Московской епархии, где стал известен благодаря активной миссионерской работе и организации миссионерских курсов по всей территории Российской империи, настоятель ряда храмов Московской епархии. С 1907 г. председатель Русской монархической партии. В 1917 г. секретарь Миссионерского совета при Святейшем синоде. В 1918 г. арестован и публично расстрелян в Петровском парке Москвы.

³⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 351. Л. 49.

³⁵ Скорбящий. Господам миссионерам // Сотрудник. 1911. № 54 // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 354. Л. 25 об.

100 чел., а в селах и деревнях епархии – 150³⁶. С этого времени в епархиальных отчетах стало фигурировать христоверие. В 1907 г. в сельской местности Амурской области проживало 158 хлыстов и скопцев, городское население в численности не поменялось³⁷. Несмотря на то, что христоверы не были такой угрозой на Амуре как молокане, их количество также учитывалось. В среднем они занимали незначительный 1% среди всего сектантского населения, а среди общего количества населения и вовсе оставались незаметны. Были единичные случаи фиксирования общин или лидеров христоверия на Дальнем Востоке. Известно о небольшой группе почитателей Тихона Белоножкина³⁸ на Сахалине и в Хабаровске³⁹. В целом, ни власть, ни господствующая Православная церковь на Дальнем Востоке не считали христоверов опасными в связи с их малочисленностью в крае.

Борьба с так называемыми сектами на восточных окраинах империи велась практически исключительно господствующей церковью, представители власти, наоборот, были заинтересованы в заселении территорий новыми активными и трудолюбивыми поселенцами. Центром наибольшей концентрации христианских меньшинств на Дальнем Востоке была Амурская область, где особенно выделялись молокане, которые составляли значительную часть предпринимателей Приамурья. Поддержка их государством вызывала конфликт с главенствующей церковью, которая критиковала сложившийся на Дальнем Востоке порядок. Благовещенская епархия старалась активно вести противосектантскую миссию, но возможностей не хватало даже на удовлетворение духовных нужд своей паствы. Требовалось вложение финансовых и человеческих ресурсов для огромных новоприобретенных территорий, где заметной частью были представители других вероисповеданий.

Контроль над религиозными общинами в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги⁴⁰ (КВЖД) – крупного российского проекта на территории Маньчжурии, имел ряд особенностей, отличавших полосу отчуждения КВЖД от российских регионов. Часто терпимое отношение властей к различным религиозным течениям было продиктовано необходимостью быстрого заселения земель вдоль железнодорожного полотна и хозяйственного освоения края. Ряд уступок был сделан признанным в России категориям «терпимых признанных» и

³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2075. Л. 52.

³⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2195. Л. 47 об.

³⁸ Белоножкин Тихон – уроженец Воронежской губернии. Был сослан за убийство двух человек на каторгу на о. Сахалин. После освобождения некоторое время проживал на Сахалине, где возле него собралась группа почитателей. Позже уехал в Хабаровск. Годы жизни неизвестны.

³⁹ Бондарь 1916: 79.

⁴⁰ Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) – железная дорога, ветка Транссибирской магистрали, соединявшая Читу и Владивосток и находившаяся на Северо-Востоке Китая. Земли и поселения вдоль железнодорожного полотна являлись полосой отчуждения КВЖД. Строительство и эксплуатацию дороги осуществляло Правление КВЖД, учрежденное Русско-Китайским банком.

«терпимых непризнанных» конфессий. К «нетерпимым» религиозным движениям отношение оставалось исключительно отрицательным.

Государственные послабления на территориях Дальнего Востока Российской империи и полосы отчуждения КВЖД получили зарекомендовавшие себя в хозяйственном плане старообрядцы и молокане⁴¹. В отношении Маньчжурии был предложен план даровать свободу вероисповедания некоторым христианским меньшинствам. Причиной обсуждения таких мер являлась необходимость сдерживания наплыва китайских переселенцев в активно развивающийся Северо-Восточный Китай. Для освоения маньчжурских и монгольских земель Сергей Юльевич Витте (1849–1915) в 1899 г. предложил заселить земли русскими раскольниками (кроме хлыстов и скопцев), в частности старообрядцами и духоборами, которые имели ряд необходимых для этого качеств. Им министр финансов предлагал свободу вероисповедания и особые льготы. Идея была поддержана многими чиновниками, получив развитие и отклик в правительственных кругах⁴². Исследователь Харбина Дэвид Вульф выделяет две стратегии миграционной политики Российской империи в Маньчжурии: «традиционная» колонизация казачьим населением и заселение территории духоборами за счет предоставления им религиозных свобод. Хоть проект не привлек, как задумывалось С.Ю. Витте, раскольников, в полосу отчуждения отправилось множество иудеев⁴³. Положение многих религиозных общин существенно изменилось после введения в 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости»⁴⁴.

Православная церковь имела среди русских подданных в Маньчжурии наибольшее количество последователей. Помимо православия, российское население КВЖД исповедовало ислам, иудаизм, католицизм и протестантизм. Религиозная картина была многообразной и за счет азиатского населения. Конфессиональным центром полосы отчуждения выступал Харбин – административная столица КВЖД. В развивающемся городе активно шло церковное строительство.

В полосе отчуждения проживали духовные христиане, чаще всего верующие приезжали сюда из Амурской области, где оно имело широкое распространение. В 1906 г. Управление КВЖД выделило молоканам участок для постройки молитвенного дома в районе между Старым Харбином и Новым городом⁴⁵, в 1912 г. молокане хотели обменять его на участок в городском районе Пристань, в котором проживало больше верующих. По данным газеты «Харбинский вестник» всего в городе числилось около 1 200 молокан⁴⁶. Учитывая малочисленность россий-

⁴¹ Сердюк 1998: 148–149.

⁴² Об этом: Шевнин 2019; Шевнин 2010.

⁴³ Вульф 2003: 240.

⁴⁴ Полное собрание законов Российской империи: 1908: 257–258.

⁴⁵ Харбин был разделен на несколько районов, самыми густонаселенными были Старый Харбин, Новый город, Пристань и Фудзядянь (китайский район города).

⁴⁶ Хроника // Харбинский вестник. 1912. № 2399 (2 марта). С. 2; Хроника // Харбинский вестник. 1912. № 2482 (5 июня). С. 2.

ской диаспоры в начале эксплуатации КВЖД, эти цифры являются значительными в общей религиозной мозаике края.

К 1910-м гг. в полосе отчуждения КВЖД среди российского населения началось быстрое распространение различных протестантских направлений: баптизма, адвентизма седьмого дня и др., что вызвало ответную реакцию Православной церкви. В рапорте благочинный Маньчжурских церквей Леонтий Пекарский⁴⁷ (1857–1937) представлял план мер для прекращения распространения сектантских движений. В нем указывалось о необходимости экстренно выслать опытного миссионера для работы в полосе отчуждения КВЖД. Через полгода на должность епархиального противосектантского миссионера был назначен священник из Казанского уезда Сергей Толпегин⁴⁸, который регулярно посещал Харбин и станции КВЖД⁴⁹. Другие меры по подавлению деятельности протестантов включали постройку новых православных храмов и наблюдение властей за новыми религиозными движениями. Это осуществлялось через Михаила Емельяновича Афанасьева⁵⁰ (1857–1936) – помощника управляющего КВЖД по гражданской части⁵¹. Именно за этой должностью с 1908 г. был закреплён работавший при Управлении КВЖД Церковный отдел⁵², в котором состояло на службе православное духовенство. Железнодорожная администрация финансировала постройку храмов, покупку церковной утвари и обеспечивала православных священнослужителей жильем. Е.Х. Нилус⁵³ (1880–?) отмечал, что Правление КВЖД не жалело средств для развития церковной жизни в полосе отчуждения⁵⁴. Таким образом, контроль над христианскими меньшинствами осуществлялся и Владивостокской епархией, и администрацией КВЖД, а часто и совместно.

⁴⁷ Пекарский Леонтий Федосеевич – православный священник. Родился в семье священнослужителя в с. Погорельцы Вольнской губернии. Окончил Киевскую духовную академию. С 1906 г. благочинный маньчжурских церквей с пребыванием в Харбине и настоятель Свято-Николаевского собора. Умер в Харбине.

⁴⁸ Толпегин Сергей – священник, миссионер. До 1911 г. служил в Казанском уезде. С ноября 1911 г. епархиальный противосектантский миссионер Владивостокской епархии. В 1914 г. отбывал трехмесячное наказание в Свято-Троицком мужском монастыре. Даты рождения и смерти неизвестны.

⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 261. Л. 1.

⁵⁰ Афанасьев Михаил Емельянович – государственный служащий. Родился в Уфе. Окончил Павловское военное училище и Александровскую военно-юридическую академию. В 1903 г. прибыл в Харбин. С 1908 г. помощник управляющего КВЖД по общим делам. С 1911 по 1917 гг. помощник управляющего КВЖД по гражданской части. В 1924 ушел со службы на КВЖД. Умер в Харбине.

⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 2. Д. 93. Л. 48-49.

⁵² Василенко 2003: 63.

⁵³ Нилус Евгений Хрисанфович – государственный служащий, публицист. Родился в Твери. В 1910 г. окончил Александровскую военно-юридическую академию. С 1912 по 1914 гг. делопроизводитель военно-судной части управления Отдельного корпуса пограничной стражи, г. Харбин. С 1914 по 1917 гг. военный следователь Заамурского округа ОКПС. Известен как автор и составитель сборника «Исторический обзор сооружения Китайской Восточной железной дороги». Дата смерти неизвестна.

⁵⁴ Нилус 2009: 15-16.

В отличие от Благовещенской епархии, Владивостокская епархия не видела в духовных христианах опасности для маньчжурской паствы. Больше всего ее представители опасались новых для этих территории направлений протестантизма – баптизма и адвентизма, хотя их представителей было меньше, чем духовных христиан. Регулярно с местными протестантами проводились собрания и дискуссии, которые были популярны среди харбинцев. Главенствующая церковь пользовалась всесторонней поддержкой от местных властей и в целом, была инициатором борьбы с христианскими меньшинствами в полосе отчуждения КВЖД. Нередко Владивостокская епархия лучше была осведомлена о появлении в Маньчжурии новых религиозных общин, чем правительственные структуры. Исключением стало прибытие в Северо-Восточный Китай группы христоверов.

Утром 26 и 27 июня 1912 г. в хрониках харбинских газет вышли статьи об аресте группы хлыстов, в последующих выпусках раскрывались их личности. Новость наделала немало шума, статью о задержании хлыстов публиковали даже петербургские, московские и саратовская газеты. Арест харбинских верующих произошел в ночь с 24 на 25 июня. Ему предшествовали задержания христоверов на станции Маньчжурия в ночь с 19 на 20 июня и в городе Хайлар 22 и 23 июня⁵⁵. В еще малонаселенной русскими Маньчжурии некоторые знали об их собраниях, при этом Владивостокская епархия сведений о них не имела, а власти начали аресты спустя годы после начала проповедей местным лидером общины. Потрясло общественность то, что некоторые верующие оказались известными людьми в полосе отчуждения КВЖД. Постепенно сведения об аресте христоверов и о самой общине обросли подробностями.

Наименьшей по количеству приверженцев была группа христоверов на станции Маньчжурия, среди паствы известными своей деятельностью в полосе отчуждения были двое коммерсантов: Свешников (занимался торговлей скобяными изделиями) и Шиняев (владелец бани). В хайларскую группу верующих входило несколько извозпромышленников, бывших на виду. О величине общин Хайлара и Харбина представлены разные сведения. После Харбина аресты хлыстов планировались в Хабаровске и Благовещенске, где верующих (по данным местной периодики) было в разы больше, чем в полосе отчуждения⁵⁶. В Харбине развернулась целая операция по поимке верующих. После ареста помещение, где находились верующие, обыскали и до 5 утра проводили допросы. Общее количество задержанных составило около 60 человек, часть из них после допроса отпустили, остальных взяли под стражу. Одним из активных христоверов оказался известный харбинский предприниматель Василий Николаевич Мичков⁵⁷ – владелец бань, электриче-

⁵⁵ Хроника. Восток. 1912. № 84 (28 июня). С. 2.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Мичков Василий Николаевич – предприниматель. Родился на Урале. В 1889 г. уехал во Владивосток. Один из первых строителей КВЖД. В Харбине владелец бань европейского типа, электрической станции, меценат. Умер в Харбине.

ской станции и ряда зданий в столице КВЖД. Арестована была вся семья Мичкова и некоторые его сотрудники⁵⁸.

Таким образом, христоверы незаконно распространяли свое учение в полосе отчуждения КВЖД среди паствы Владивостокской епархии, находя новых последователей. Борясь в первую очередь с проповедью баптизма и адвентизма седьмого дня, представители Маньчжурского церковного округа не знали о христоверах. Лишь после их ареста 27 июня Иоанн Восторгов, находившийся в это время в Китае, написал во Владивостокскую духовную консисторию об аресте в Харбине и Хайларе больших групп христоверов и дал заключение о них следствию⁵⁹. Далее расследованием занялась и Владивостокская епархия.

7 июля Владивостокская духовная консистория направила предписание Пекарскому донести информацию о хлыстовской общине в Маньчжурии, в особенности в Харбине. В письме упоминался указ Св. Синода от 26 мая 1900 г. № 5, предписывающий сообщать епархиальному начальству о присутствии в округе вредных сект, что не было исполнено. В ответ Пекарский составил подробный рапорт от 28 июля 1912 г., где подробно привел собранные сведения об общине христоверов. По его информации приверженцы христовой веры проживали в Харбине непродолжительное время, главной считалась община в Хайларе. Благочинный Маньчжурских церквей считал, что, несмотря на 16 задержанных верующих, хайларскую общину посещало куда больше человек и именно она являлась центральной⁶⁰. Судя по всему, о. Леонтий заблуждался: на это указывает то, что при аресте в Харбине было задержано большее количество верующих (6 мужчин, 11 женщин и около 10 детей по данным «Новой жизни»⁶¹, 25 мужчин и 11 женщин по данным «Саратовской копеечки»⁶² и «Колокола»⁶³, 25 человек из которых 11 женщин и 10 детей по данным «Русского слова»⁶⁴), а также глава общины проживал и вел собрания именно в городе на Сунгари⁶⁵.

Рапорты Л. Пекарского дают достаточно объемную характеристику службам духовных христиан и их главе, при этом харбинский благочинный старался составить официальное, подробное и безоценочное описание деятельности хлыстов, уточняя, что данные получены им от частных лиц. Более категоричными в формулировках по отношению к маньчжурским христоверам были периодические издания, акцентирующие в своих материалах безнравственность хлыстов.

⁵⁸ Хлысты // Харбинский вестник. № 2503 (27 июня). 1912. С.3; Хроника // Харбинский вестник. 1912. № 2504 (28 июня). С. 2; Хроника. Восток. 1912. № 83 (27 июня). С. 3; Хлыстовщина в Харбине // Новая жизнь. 1912. № 165 (26 июня). С. 3.

⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 2. Д. 285. Л. 1.

⁶⁰ Там же. Л. 3об.

⁶¹ Новая жизнь. 1912. № 166 (27 июня): 3.

⁶² Саратовская копеечка. 1912. № 632 (30 июня): 3.

⁶³ Секта изуверов-хлыстов // Колокол. 1912. № 1868 // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 351. Л. 78 об.

⁶⁴ Харбин / Русское слово. 1912. № 153 // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 351. Л. 83 об.

⁶⁵ Имеется в виду Харбин, основанный на берегах реки Сунгари.

Среди принятых мер для борьбы с сектантством Пекарский назвал ведение противосектантских бесед, для чего в Харбин и на станцию Маньчжурия направили несколько миссионеров. Целью встреч было противодействие распространению среди православного населения адвентизма седьмого дня. Беседы посетило до 500 слушателей. Еще одной мерой были церковные службы в Харбине с раздачей религиозно-нравственных брошюр⁶⁶.

Л. Пекарский указывал в письмах, что руководитель христоверов Федор Кириллович Послениченко⁶⁷ именовал себя «Христом, воплощенным Богом» и был «главой всех хлыстов вообще в России»⁶⁸. На современном этапе изучение христоверов осложняется небольшим числом архивных данных и записей из-за скрытности групп верующих, а также большого количества толков – дроблений на отдельные небольшие группы и направления, которые имели между собой различия. Представленная в статье община является группой последователей Послениченко. Глава группы христоверов возглавлял одно из ответвлений христовой веры. Последователи Федора Кирилловича жили в разных губерниях Российской империи. В Харбин Федор Кириллович уехал в 1905 г. К 1912 г. Ф.К. Послениченко постоянно проживал в Харбине целых 7 лет, тайно вел проповедь своего учения среди населения, продолжал переписку со своими общинами в других регионах страны.

Группа маньчжурских христоверов была привлечена к следствию по статье 96 Уголовного уложения Российской империи (принадлежность к секте, практикуемой явно безнравственные действия). Были допрошены лидер христоверов и его последователи, запрошен приговор к ссылке Ф.К. Послениченко из Новочеркасского окружного суда⁶⁹. Следствие было окончено 26 октября 1913 г. Итогом стало прекращение уголовного преследования Послениченко и других обвиняемых за недостаточностью улик⁷⁰. Дальнейшая судьба главы харбинской группы христоверов и его последователей остается неизвестной. В.Н. Мичков, один из его приближенных и меценатов, и дальше проживал в полосе отчуждения КВЖД вплоть до 1930-х гг.

В опубликованной в 1916 г. работе Семен Дмитриевич Бондарь⁷¹ (1875–?) указывал на общее количество последователей Ф. Посленичен-

⁶⁶ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 2. Д. 285. Л. 7об-8.

⁶⁷ Послениченко Федор Кириллович – глава групп хлыстов в России и полосе отчуждения КВЖД. Даты рождения и смерти неизвестны. В 18 лет стал христовером, присоединившись к направлению «Старый Израиль». После смерти главы «Старого Израйля» П.П. Катасонова объявил себя Христом. В 1887 г. арестован по обвинению в проповеднической деятельности, в 1888 г. приговорен Новочеркасским окружным судом к ссылке в Елисаветполь. После ссылки в 1905 г. уехал в Харбин, где проживал до 1913 г. Дальнейшая информация отсутствует.

⁶⁸ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 2. Д. 285. Л. 4.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 31. Д. 1027. Л. 4–5.

⁷⁰ Там же. Л. 18.

⁷¹ Бондарь Семен Дмитриевич – чиновник и исследователь. Окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1902 по 1917 гг. состоял на

ко в 800 верующих, из которых в европейской части Российской империи проживало около 500 человек, а в Харбине и на российском Дальнем Востоке – 300⁷². Арест маньчжурских христоверов получил огласку среди общественности. Примечательно, что инициатива задержания шла от государственных служб, а Владивостокская епархия узнала о проживании хлыстов в Маньчжурии только после их поимки. Несмотря на попытку локального расследования епархией этого дела, в отчете за 1912 г. в Священный Синод данные о христоверах не были представлены. В дальнейших епархиальных документах группа маньчжурских христоверов больше не появлялась.

Сразу после ареста Ф.К. Послениченко и его последователей обе дальневосточные епархии: Владивостокская и Благовещенская стали еще активнее вести противосектантскую миссию. Помимо церкви к борьбе с сектантами подключились властные структуры. Через 1,5 недели в Никольск-Уссурийском Приморской области была арестована община евангельских христиан (баптистов). Во время проповеди отряд полиции во главе с приставом вывели верующих на улицу, позже они были отпущены⁷³. Осенью молитвенный дом этой же общины был закрыт по поручению Владивостокского губернатора до получения разъяснений от Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Глава общины Марк Константинович Гончаренко⁷⁴ (1872/1876–?) считал инициатором и главным виновником закрытия молитвенного дома Сергия Толпегина – противосектантского миссионера Владивостокской епархии⁷⁵. Усилилась борьба Владивостокской епархии с христианскими меньшинствами, как в Приморской области, так и в полосе отчуждения КВЖД. В сентябре в Харбине и поселке Маньчжурия С. Толпегин провел беседы с баптистами⁷⁶.

Борьба с инаковерующими коснулась и Амурскую область, где они составляли значительную часть. Через месяц после ареста христоверов военный губернатор Приамурского края приказал полицейскому управлению усилить наблюдение за религиозными собраниями в крае, с осторожностью разрешать молитвенные собрания сектантам и следить за тем, чтобы на них не велась проповедь среди православных верующих Благовещенской епархии. Эти методы борьбы должны были снизить

службе в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи. Автор трудов о христианских меньшинствах.

⁷² Бондарь 1916: 37.

⁷³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 352. Л. 114.

⁷⁴ Гончаренко Марк Константинович в 1910-е гг. проповедовал в Приморье, где основал первую евангельскую общину в с. Лутковском. В 1912–1913 гг. руководитель евангельско-баптистской общины Никольска-Уссурийского. В 1915–1916 гг. один из руководителей Владивостокской общины евангельских христиан. В 1924 г. прибыл в Харбин, в Маньчжурии обслуживал духовные нужды баптистов на станциях КВЖД: Имянью, Ханьдаохэцзы и Пограничной. В 1931 г. перешел из баптизма в пятидесятничество. В середине 1930-х проповедник в пятидесятнической общине Харбина.

⁷⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 352. Л. 143 об.

⁷⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 353. Л. 39.

влияние христианских меньшинств на паству главенствующей церкви⁷⁷. В следующих отчетах Благовещенская епархия писала о значительном ослаблении молоканства.

До 1912 г. власти Дальнего Востока не присоединялись к господствующей церкви в ее борьбе с т.н. сектами. Наоборот, миграционная политика государства поддерживала переселение на Дальний Восток Российской империи и в полосу отчуждения КВЖД, что вызывало критику со стороны официальной церкви. Обе дальневосточные епархии своими силами фиксировали количество инакомыслящих и места их проживания, вели противосектантскую работу. В Амурской области главную опасность для главенствующей церкви представляли молокане, в Приморской – баптисты, в Маньчжурии – адвентисты седьмого дня и баптисты. В то же время в Харбине в течение 7 лет проживал один из лидеров «Старого Израиля» Ф. Послениченко, оставшийся незамеченным до 1912 г. ни администрацией КВЖД, ни Владивостокской епархией.

Арест маньчжурских христоверов стал первой инициативой властных структур в борьбе с христианскими меньшинствами, после которой, усилилась и противосектантская миссия Православной церкви, и стали задействоваться административные ресурсы края. Даже в Приамурском крае, где духовное христианство всегда поддерживалось, военный губернатор вводил наблюдение за религиозными собраниями. Арест христоверов, а главное шум, который это задержание произвело, стал толчком к ужесточению конфессиональной политики края и включению в борьбу с инаковерующими властей Дальнего Востока Российской империи.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Восток. 2012. № 55, № 84.

Именной Высочайший Указ, данный Сенату – Об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1908. № 26125. С. 257–258.

Новая жизнь. 1912. № 165, № 166.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1882, Д. 1939, Д. 2014, Д. 2075, Д. 2195, Д. 2438, Д. 2440; Ф. 821 Оп. 133 Д. 218, Д. 351, Д. 352, Д. 353, Д. 354, Д. 369.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 244. Оп. 2. Д. 93, Д. 261, Д. 285.

Саратовская копеечка. 1912. № 632.

Харбинский вестник. 1912. № 2399, № 2470, № 2473, № 2482, № 2503.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Барсов Н. Русский простонародный мистицизм. СПб., 1869. 64 с. [Barsov N. Russkij prstonarodnyj misticizm (Russian common folk mysticism). SPb., 1869. 64 s].

Берман А. Хлысты. Ранняя история самой известной русской религиозной секты. М.: Common Place, 2022. 288 с. [Berman A. Hlysty. Rannyaia istoriya samoj izvestnoj russkoj religioznoj sekty (The Khlysts. The early history of the most famous Russian religious sect). M.: Common Place, 2022. 288 s].

Бондарь С.Д. Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников и иудействующих: Крат. очерк. Петроград: тип. В.Д. Смирнова, 1916. 96 с. [Bondar' S.D. Sekty hlystov, shaloputov, duhovnyh hristian, staryj i novyj Izrail' i subbotnikov i iudejstvuyushchih: Krat. ocherk. (The sects of the crist-believers, rascals, spiritual Christians, old and new Israel and subbotniks and Judaizers: A short feature article.) Petro-

⁷⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 352. Л. 5.

- grad: tip. V.D. Smirnova, 1916. 96 s].
- Буянов Е.В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX – первой трети XX вв. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2013. 396 с. [Bujanov E.V. Duhovnyye hristiane molokane v Amurskoj oblasti vo vtoroj polovine XIX – pervoj treti NH vv. (Spiritual Christians of the Molokans in the Amur Region in the second half of the XIX – the first third of the XX century) Blagoveshensk: Izd-vo Amurskogo gos. un-ta, 2013. 396 s].
- Василенко Н.А. Первостроители КВЖД: К 100-летию Магистрала // Россия и АТР. 2003. № 4 (42). С. 62–66. [Vasilenko N.A. Pervostroiteli KVZHD: K 100-letiyu Magistrali (Pioneer builders of the CER: To the 100th anniversary of the Railway) // Rossiya i ATR. 2003. № 4 (42). S. 62–66].
- Вульф Д. Евреи Маньчжурии: Харбин, 1903–1914 гг. // Ab Imperio. 2003. № 4. pp. 239–270. [Vulf D. Evrei Man'chzhurii (The Jews of Manchuria): Harbin, 1903–1914 gg. // Ab Imperio. 2003. № 4. pp. 239–270].
- Забяко А.П., Беляков А.О., Воронина А.С., Завадская Е.А., Зиненко Я.В., Конталева Е.А., Матюшенко В.С., Пелевина О.В., Родионова К.И., Чирков Н.В. Народы и религии Приамурья / Под ред. А.П. Забяко. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2017. 424 с. [Zabiyako A.P., Belyakov A.O., Voronina A.S., Zavadskaya E.A., Zinenko YA.V., Kontaleva E.A., Matyushchenko V.S., Pelevina O.V., Rodionova K.I., Chirkov N.V. Narody i religii Priamur'ya (Peoples and religions of the Amur region) / Pod red. A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: Izd-vo Amurskogo gos. universiteta, 2017. 424 s].
- Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875–1930. М.: Центрполиграф, 2006. URL: <https://statehistory.ru/books/Pod-schastlivoy-zvezdoj--Zapiski-russkogo-predprinimatelya--1875-1930/> (дата обращения: 28.09.2023). [Kulaev I.V. Pod schastlivoj zvezdoj. Zapiski russkogo predprinimatelya. 1875–1930 (Under a lucky star. Notes of a Russian entrepreneur. 1875–1930.). M.: Centrpoligraf, 2006. URL: <https://statehistory.ru/books/Pod-schastlivoy-zvezdoj--Zapiski-russkogo-predprinimatelya--1875-1930/> (data obrashcheniya: 28.09.2023)].
- Нилус Е.Х. Деятельность Церковного отдела Управления КВЖД // Русская Атлантида. 2009. № 32. С. 13–17. [Nilus E.H. Deyatel'nost' Cerkovnogo otdela Upravleniya KVZHD (Activities of the Church Department of the CER Administration) // Russkaya Atlantida. 2009. № 32. S. 13–17].
- Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. 544 с. [Panchenko A.A. Hristovshhina i skopchestvo: folklor i tradionnaja kul'tura russkikh mistichestskih sekt (Khristovshchina and Skopchestvo: Folklore and Traditional Culture of Russian Mystical Sects). M., 2002. 544 s].
- Реутский Н.В. Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование (из достоверных источников и подлинных бумаг). М., 1872. 230 с. [Reutskij N.V. Ljudi Bozh'i i skopcy. Istoricheskoe issledovanie (iz dostovernyh istochnikov i podlennyh bumag). (People of God and Skoptsy. Historical research (from reliable sources and original papers)) M., 1872. 230 s].
- Сергазина К.Т. «Хождение вокруг». Ритуальная практика первых общин христоверов. М.: РГГУ, 2015. 238 с. [Sergazina K.T. «Hozhdenie vkrug». Ritual'naya praktika pervyh obshchin hristoverov. («Walking around». Ritual practice of the first Christian communities) M.: RGGU, 2015. 238 s].
- Сердюк М.Б. Особенности религиозной жизни россиян в Маньчжурии // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Материалы первой междунар. науч.-практич. конф. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998. Кн. 2. С. 147–151. [Serdyuk M.B. Osobennosti religioznoj zhizni rossiyan v Man'chzhurii // Rossiyanе v Aziatsko-Tihookeanskom regione na rubezhe vekov: Materialy pervoj mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (Features of the religious life of Russians in Manchuria // Russians in the Asia-Pacific region at the turn of the century: Materials of the first international. scientific-practical conf.) Vladivostok: Izd-vo DVGU, 1998. Kn. 2. S. 147–151].
- Хисамутдинов А.А. Глава 2. Русская дорога к харбинскому храму // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 73–98. [Hisamutdinov A.A. Glava 2. Russkaya doroga k harbinskomu hramu // Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira. (Chapter 2. Russian road to the Harbin temple // Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier). Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t, 2015. S. 73–98].

- Шевнин И.Л. Переписка С.Ю. Витте с Д. С. Сипягиным И В. К. Плеве о предоставлении свободы вероисповедания старообрядцам в Маньчжурии (1899–1903) // Религиоведение. 2010. № 3. С. 20–27. [Shevnin I.L. Perepiska S.Yu. Vitte s D. S. Sipyaginym I V. K. Pleve o predostavlenii svobody veroispovedaniya staroobryadcam v Man'chzhurii (1899–1903) (Correspondence of S.Yu. Witte with D.S. Sipyagin and V.K. Plehve on granting freedom of religion to Old Believers in Manchuria (1899–1903))] // Religiovedenie. 2010. № 3. S. 20–27].
- Шевнин И.Л. Планы даровать свободу вероисповедания старообрядцам при поселении на КВЖД В 1899-1903 гг. // Россия и АТР. 2019. № 4 (70) С. 5–14. [Shevnin I.L. Plany darovat' svobodu veroispovedaniya staroobryadcam pri poselenii na KVZHD V 1899-1903 gg. (Plans to grant freedom of religion to Old Believers when settling on the CER. In 1899-1903) // Rossiya i ATR. 2019. № 4 (70) S. 5–14].
- Эткнд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 2024. 648 с. [Etkind A. Hlyst (Sekty, literatura i revolyuciya). (Khlyst (Sects, literature and revolution)) М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 648 s].
- Clay E. The Theological Origins of the Christ-Faith [Khrstovshchina] // Russian History / Histoire Russe. 1988. Vol. 15. No. 1. P. 21–41.
- Zagańczyk-Neufeld A. Religiöse Sekten als abweichende Gemeinschaften – die Chlysty in Russland bis 1905 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2018. № 66. S. 391–417.

Родионова Ксения Игоревна, к.и.н., научный сотрудник, Центр исторических исследований, НИУ «ВШЭ» (г. Санкт-Петербург); rodionova.xi@gmail.com

The Struggle Against the Crist-Believers in the Exclusion Zone of the Chinese-Eastern Railway

The history of Crist-believers in the Russian Far East and in the exclusion zone of the Chinese-Eastern Railway is practically an unknown page of religious life of the region. The article examines the attitude of the administrative structures of the region and the dominant Orthodox Church to the emergence of new religious groups in the Far East of the Russian Empire and in the exclusion zone of the Chinese Eastern Railway, in particular the struggle against the Crist-believers who lived at several stations of the railway. The study is based on the documents of the Vladivostok Ecclesiastical Consistory (from the collections of the Russian State Historical Archive of the Far East, Vladivostok), annual reports of two Far Eastern dioceses: the Blagoveshchensk and Vladivostok dioceses (Russian State Historical Archive, Saint-Petersburg) and the file of the criminal division of the First Department of the Ministry of Justice of the Russian Empire (State Archive of the Russian Federation, Moscow), as well as numerous periodicals that covered the arrest of groups of Crist-believers in Manchuria. The methods of anti-sectarian work of the Russian Orthodox Church in the eastern suburbs of the Russian Empire are presented. The work shows the confessional policy in the Far East before and after the arrest of the Crist-believers' groups. The different approach of the state with a loyal migration policy towards Christian minorities and the active struggle against them by the Russian Orthodox Church were replaced by a unified wariness.

Keywords: *Crist-believers, Manchuria, CER, state-confessional relations, Blagoveshchensk dioceses, religious minorities, Blagoveshensk, Vladivostok diocese.*

Kseniia Rodionova, *Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Centre for Historical Research of the National Research University – Higher School of Economics (Saint-Petersburg); rodionova.xi@gmail.com*

ПАЛЕСТИНА В ОЦЕНКАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ США 1917–1919¹

Изучение процесса создания образа Палестины в США в 1917–1919 гг., через анализ особенностей конструирования образа Другого в периодической печати позволяет судить об образе Палестины как особом феномене общественно-политической и культурной жизни США, реконструкция и объяснение которого невозможны в рамках традиционной методологии исторического исследования и требует междисциплинарного подхода на основе исторической имагологии. Вопросы об эволюции представлений о политической конфигурации на Ближнем Востоке, перспективах колониальной системы, переходе от колониализма к постколониализму, о возможности применения опыта колониальных империй были одними из наиболее популярных и весьма дискуссионных в американском обществе на протяжении всей новейшей истории. Особую популярность в периодической печати США они получили в ходе масштабной колониальной дискуссии после Первой мировой войны. Изучение информационного дискурса США 1917–1919 гг. позволит выявить более широкий набор образов Палестины и Ближнего Востока (как в территориальном, так и в политическом плане), проследить этапы эволюции данных образов, рассмотреть их связь с политическими явлениями.

Ключевые слова: США; Британская империя; колониализм; нажимать; Версальско-Вашингтонская система международных отношений; Палестина; Средний Восток; изоляционизм; Иерусалим; Османская империя.

Изучение процесса создания образа Палестины в США в 1917–1919 гг. важно для понимания особенностей конструирования образа Другого в американской периодической печати на завершающем этапе Первой мировой войны. В этот период на фоне активизации дебатов интернационалистов и изоляционистов шла корректировка отношения редакторов и журналистов США к проблеме империализма, колониализма, послевоенного мироустройства, международных договоров, сфер влияния и зависимых территорий. Важность исследования процесса формирования образа Палестины в информационном дискурсе США подчеркивается обострением политической ситуации на Ближнем Востоке. Актуальность темы обусловлена и научно-практическим интересом к проблеме формирования в СМИ образов конфликтов Новейшего времени и современности. Изучение манипулятивных средств и приёмов американской периодической печати позволит более точно понять: как проблема Палестины встраивалась в «колониальную дискуссию». Определение условий появления и эволюции образа Палестины поможет установить влияние данного образа на идеи о колониализме, национализме, мандатной системе, Лиге наций, которые широко обсуждались в американском информационном дискурсе и были не только частью глобальных дебатов между изоляционистами и интернационалистами, но и частью социокультурного контекста.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00071, <https://rscf.ru/project/24-28-00071>

В современной историографии США существует несколько направлений, в рамках которых изучается процесс формирования образа Ближнего Востока. Первое направление: работы о восприятии Палестины и Ближнего Востока в американском обществе. Это относительно небольшая группа работ². Одна из основных – книга Эдварда Саида «Ориентализм», в которой рассматривается формирование в западной историографии представлений о «воображаемом Востоке». Саид заключает: «Сионизм и колонизация Палестины, ставшие главным политическим интересом США в годы Первой мировой войны, оказали серьезное влияние на вступление США в войну. Британские дискуссии до и после появления Декларации Бальфура (ноябрь 1917 г.) отражают серьезность, с которой эта декларация была воспринята в США»³. Именно интерпретация историками истории Палестины стала базой для методологического подхода Э. Саида в рамках исторической имагологии.

В статье Сары Рой изучается складывание в общественно-политических кругах США «критического восприятия арабо-израильского конфликта». По мнению Рой, это приводит к появлению «контрдискурса», который «бросает вызов доминирующим концепциям и пониманию конфликта, особенно роли Израиля в нем»⁴. Р. Свити рассматривает американскую политику в Палестине в XIX – первой половине XX в. Он определяет взаимосвязь между американской политикой и изменениями в отношении американцев к населению Палестины. Кроме того, Свити выводит закономерности между периодами развития сионистского движения и колебаниями американских интересов на Ближнем Востоке и анализирует роль различных американских институтов и деятелей в формировании направления и аспектов «Палестинской политики»⁵. Предмет исследования в статье Кэтлин Кристисон – взаимосвязь общественного мнения США и американской политики на Ближнем Востоке⁶. В статье изучаются оценки арабо-израильского конфликта в новостных передачах США второй половины XX века⁷. Рассматривается отражение арабо-израильского конфликта в информационном дискурсе США⁸. П. Дженнингс, М. Кандил, Р. Фэлк изучают роль и функции образа Палестины в прессе США, и как на протяжении длительного периода менялись представления об империализме, национализме, колониализме, политической географии и геополитики.

Эволюция представлений о Палестине и Ближнем Востоке в трудах первого направления выступает как важный элемент общественно-политической жизни США, определяющего не только отношение к Ве-

² Waxman, Norden 2009: 195 – 224; Peled-Elhanan 2012: 201; Shlaim 2009: 28; Finkelstein 2003: 35; Weir 2003: 2 – 23; Samara 2003: 38 – 45.

³ Саид, 2021: 446.

⁴ Roy 2010: 23 – 38.

⁵ Sweiti 2008: 26 – 58.

⁶ Christison 1997: 46 – 59.

⁷ Cavari, Yarchi, Pindyck 2017: 24 – 49.

⁸ Ghareeb, Jennings 1976: 127 – 149; Kandil 2009. 384 p.; Barkho 2008: 278 – 294; Finkelstein 2003: 27; Friel, Falk 2007: 112.

ликобритании и Ближнему Востоку, но и корректирующего американскую Я-концепцию. Отмечено, что пример образа конфликта показывает общие закономерности, свойственные для формирования образа «Другого» в американском информационном дискурсе. Однако исследователи не указывают, какие существуют отличия в конструировании «воображаемого кризиса» или «воображаемой войны» от формирования образа классического «Другого». Главный акцент был сделан на изучении оценок самого арабо-израильского конфликта либо в одном из конкретных медиа, либо в широком сравнительном ключе (оценки медиа сразу нескольких государств). Сам процесс формирования образа Палестины в периодической печати США - не был исследован.

Второе направление: это работы, посвященные анализу процесса формирования образа деколонизации в Британской империи⁹. Основные направления складывания отношения американского общества к процессу деколонизации на Ближнем Востоке показаны в работах Джеймас Петрэса, Омни эль Шакри¹⁰, которые анализируют, как в информационном дискурсе США менялись представления о мандатной системе, политической географии Ближнего Востока; как шел процесс осмысления самого термина «Ближний Восток» в США; как эволюционировали оценки колониализма, империализма; как шёл процесс эволюции образа Великобритании как союзника и как конкурента; как шёл формирование образа еврейского населения Палестины и какое влияние на это оказывало «еврейское лобби» в Конгрессе; как образ Ближнего Востока влиял на формирование отношения к нацизму; какие изменения в оценках ближнего Востока произошли в период Холодной войны и «Войны с террором». Отдельно необходимо упомянуть работы С. Зананири, посвященные фотообразам Палестины в историческом контексте¹¹. Однако визуальные образы в этих работах лишь один из многих факторов формирования общего образа Палестины.

Процесс складывания образа Израиля в контексте деколонизации изучил Э. Зихер, отметив, что демонизация Израиля в прессе опирается на теории заговора и антисемитские стереотипы. Британские евреи довольно благосклонно относятся к Израиллю, хотя и разделились во мнениях по поводу решения арабо-израильского конфликта. Анализ общественного дискурса в Британии в первое десятилетие XXI в. «поднимает тревожные вопросы о сложной взаимосвязи между антиизраильской кампанией и скрытым антисемитизмом слева и справа, а также обращает внимание на местный контекст расовые отношения, а также глобальный джихад против Израиля и Запада»¹². Однако подробного изучения визуального образа Палестины в американской периодической печати, взаимодействия текстуального и визуального образов, ха-

⁹ Stein 1961: 29; James-Chakraborty 2014: 1–9; Deudney 2001: 187–208; Manning 2020: 93; Miladi 2023: 91.

¹⁰ Petras 1980: 150 – 161; Shakry 2015: 920 – 934.

¹¹ Imaging 2021: 102; Zananiiri 2023: 45 - 90; Zananiiri, Summerer 2021: 13.

¹² Sicher 2011: 1 – 25.

рактические эволюции восприятия Палестины как кризисного региона – в указанных трудах нет. Представители данного направления не анализируют специфику оценок демократической и республиканской прессой США британской политики на Ближнем Востоке.

Третье направление: это труды, где анализируется восприятие колониальных систем в США в различных дискурсах – информационном, общественно-политическом, внешнеполитическом¹³. Авторы данного направления обращают внимания: 1) на этапы формирования у американской общественности образа колониализма; 2) особенности создаваемых в СМИ оценок и стереотипов восприятия Ближнего Востока, британской колониальной империи, Ближнего Востока; 3) методы и приёмы формирования у общественности представлений об этапах и важнейших событиях британского мандата в Ближнего Востока; 4) своеобразии оценок Ближнего Востока, содержащихся не только в крупных изданиях, но и небольших газетах, традиционно остающихся вне поля зрения исследователей.

Патрик Фулфи, исследуя вопрос об эволюции понятия империализм, отмечал, что «политика открытых дверей», «американский империализм», «культурный империализм» возникли в политическом дискурсе США в результате осмысления колониального опыта Британской империи. Поэтому, образы Палестины и Ближнего Востока 1918–1920 гг. чрезвычайно важны для понимания особенностей отношения в США к колониальным империям. В трудах Беркли Томпкинса доказывается, что новые рамки колониальная дискуссия в США приобрела на рубеже XIX–XX в. и в ней Британская империя традиционно использовалась в качестве контр-примера¹⁴. Однако, образ Палестины 1918–1920 гг. в работах Томпкинса был только иллюстрацией для описания процесса формирования американских антиколониальных настроений.

Большое количество статей и монографий описывают эволюцию отношения к Британской империи и её владениям на Ближнем Востоке в самых различных дискурсах: культурном, социальном, литературном¹⁵. К. Джеймс-Чакраборти характеризовал американскую и британскую историографию влияния колониализма на архитектуру Ближнего Востока¹⁶. У. Льюис исследовал разногласия между Великобританией и США по поводу будущего колониального мира во время войны, а также рассматриваются этические, военные и экономические силы, стоящие за империализмом во время Второй мировой войны. А Палестина, Ближний Восток, Индия, Тихий океан, по мнению Льюиса, рассматривались в США, как «стратегические форпосты» нового американского мира¹⁷. В работах показаны роль СМИ в создании образа «архаичного колониализма», не только на примере Азии, но и Африки, а также про-

¹³ Groen 1993: 30–44; Wolfe 1997: 388–420.

¹⁴ Tompkins 1970; Tompkins 1968: 366–388.

¹⁵ Hodge 2010: 24–46; Kennedy 1996: 345–363; Louis, Robinson 1994: 462–511.

¹⁶ James-Chakraborty 2014: 1–9.

¹⁷ Louis 1978.

слежена эволюция форм и методов информационного воздействия на американское общество в контексте колониальных конфликтов.

В отечественной историографии главный исследовательский интерес был направлен на международные отношения, а не на эволюцию оценок, представлений и образов. В трудах одного из крупнейших специалистов по истории ближневосточного конфликта В.П. Румянцева изучены различные аспекты «палестинского вопроса» в США¹⁸. Палестинская тематика исследовалась в работах школы В.Т. Юнгблуда по международным отношениям XX века¹⁹. В фокусе внимания исследователей был более поздний период – Вторая мировая война и эпоха Холодной войны. Активно над исследованиями по ближневосточной политике США работает Г.И. Царегородцева²⁰. А.М. Фомин, А.В. Сагимбаев рассматривали эволюцию ситуации на Ближнем Востоке через призму мандатной системы²¹.

Указанные труды в американской и российской историографии нацелены, в первую очередь, на то, чтобы установить новые факты в истории колониализма на Ближнем Востоке, истории американской международной журналистики, ввести в научный оборот новые источники. Образ Палестины в контексте методологии исторической имагологии рассматривался достаточно редко и без использования широкого круга исторических источников.

Анализ американской историографии о проблеме восприятия Палестины показывает, что большое количество трудов и разнообразные направления являются фундаментом для постановки новых задач: изучения вопроса о развитии и эволюции образа Палестины как «воображаемого кризиса» в периодической печати США. Предметный анализ того, как американские журналисты, редакторы и политические комментаторы видели политическое устройство и территориальные границы Палестины в 1917–1919 гг., как оценивали национально-освободительные движения в арабском мире, как воспринимали европейский (особенно британский опыт) управления Ближним Востоком важен для исследования не только истоков ближневосточного конфликта, но и для детализации особенностей реакции периодической печати США на международные кризисы, связанные с колониализмом. Изучение эволюции образа Палестины в информационном дискурсе США 1917–1919 гг. даст возможность определить этапы формирования данного образа, основные подходы и модели к решению палестинской проблемы, которые обсуждались на страницах американских газет.

***

Использованные газеты США можно классифицировать по нескольким признакам:

¹⁸ Румянцев 2014; Румянцев 2015; Румянцев 2020.

¹⁹ Встречными курсами 2014; Юнгблюд 1998.

²⁰ Царегородцева 2013; Царегородцева 2021.

²¹ Фомин 2014; Сагимбаев 2017.

Во-первых, по партийной принадлежности. В 1917–1919 гг. ведущим республиканским изданием была «Chicago Tribune» (Иллинойс), принадлежавшая известному стороннику изоляционизма Роберту Маккормику. Газета определяла информационные тенденции не только штата Иллинойс, но и всего Среднего Запада (более 300 тыс. выпусков ежедневно). Другими крупными ежедневными республиканскими изданиями были «The Washington Times» и «Evening Star» – вторая и третья по важности столичная газета Америки (тираж более 100 тыс. экз.). Демократические издания представлены «New York Times» – одной из основных газеты, специализирующихся на освещении международных новостей. «San Francisco Chronicle», «The Waterbury Democrat» представляли демократические издания Калифорнии.

Во-вторых, большое значение для изучения оценок периодической печати имеют не только крупные, влиятельные газеты («Chicago Tribune», «The Washington Times», «New York Times»), но и издания малых и средних городов, представляющих «американскую глубинку». Для исследования были привлечены газеты «Endicott Bulletin» (Массачусетс) и «The Times-news» (Порт-Гуроне, Мичиган) обе республиканской направленности из штата принадлежали семье Оттауэй. «Brownsville Herald» (Нью-Йорк), демократическая, «The Wolf Point Herald» (Монтана), «Endicott Bulletin» (Массачусетс), «The Waterbury Democrat» (Коннектикут), «Brownsville herald» (Техас). Все они представляли города с населением от 2500 до 20 тыс. человек.

Изучение как республиканских, так и демократических газеты США (и крупных, и небольших изданий) позволяет установить более детально процесс эволюции оценок Палестины, выявить не только ключевые мнения, тиражируемые лидерами информационного поля, но и локальные оценки, характерные для прессы американской провинции.

Для первоначального анализа были отобраны статьи о Палестине из четырех штатов (Калифорния, Нью-Йорк, Вермонт, Иллинойс) за период с 1917 по 1919 гг. Первые два штата в указанное время представляли, в большей степени, демократический взгляд на международные отношения, а Вермонт, Иллинойс – республиканско-изоляционистский. Упоминаний Палестины в газетах республиканского штата Иллинойс 1769 (за 1917–1919 гг.), а в изданиях демократического Нью-Йорка – 4329. Разница в цифрах в 2,44 раза в сторону Нью-Йорка. Причем есть общая тенденция и для демократических изданий, и для республиканских: незначительный интерес в 1916 г. сменяется резким его подъёмом в 1917–1919 гг. Так, например, в газетах штата Нью-Йорка в 1916 г. всего лишь 454 упоминания Палестины, но в 1917 г. – уже 1126; в изданиях Иллинойса в 1916 г. – 340 упоминаний, в 1917 г. – 536. Это объясняется не только активизацией обсуждения в американских газетах британских военных успехов на Ближнем Востоке, но и завершением Первой мировой войны, когда между изоляционистами и интернационалистами в США развернулась масштабная дискуссия о но-

вом мироустройстве, о Лиге наций, о мандатной системе и колониализме. Однако внутри этого чрезвычайно важного временного отрезка республиканские и демократические газеты вели себя по-разному: в Калифорнии резкое падение интереса к Палестине происходит в 1918 г. (с 2856 упоминаний до 1568) и с последующим снижением до 1383 упоминания в 1919 г.; в Нью-Йорке серьезное падение приходится на 1919 год (с 1890 цитирований до 1304). Общая тенденция в демократической печати – уменьшение внимания журналистов и редакторов периодических изданий к ситуации в Палестине к 1919 г. от 31,01% до 45,1% по сравнению с 1917 г.

Республиканские газеты штатов Вермонт и Иллинойс, наоборот, демонстрировали рост упоминаний Палестины с 1918 по 1919 гг.: с 301 до 532 (Вермонт) и с 711 до 863 (Иллинойс). Увеличение количества упоминаний составило 76,74% и 31,28% соответственно. Такие изменения напрямую связаны как с позиций редакций газеты данных штатов, так и содержанием палестинской дискуссии. На примере издания «New York Times» видно, что количественные закономерности, свойственные для штатов, актуальны и для отдельных газеты. Так, в 1916 г. было всего 24 упоминания Палестины в «New York Times». Тогда как 1917 год дал 134 упоминания, а 1918 г. сразу 226. Важно указать, что в 1919 году в нью-йоркской газете интерес к Палестине падает – всего 86 упоминаний. Следовательно, и для республиканской, и для демократической периодической печати хорошо прослеживаются этапы появления, становления и развития образа Палестины: 1) 1917 г. – резкое и быстрое развитие интереса к Палестине: рост публикаций в «New York Times» более чем в 5,5 раз, а по штату Нью-Йорк в 2,5 раза; 2) 1918 г. – продолжение увеличения числа публикаций о Палестине и только Калифорния демонстрирует снижение; 3) 1919 г. – падение количество упоминаний Палестины для «New York Times» в 2,6 раза, а в целом для штата Нью-Йорк снижение на 44,94%, для штата Вермонт 76,74%, для штата Иллинойс на 31,28%; для Калифорнии – на 13,38%.

Статистические показатели американских газет были подсчитаны с помощью поисковых систем электронных архивов газет: «Chronicling America» (Библиотека Конгресса США), «Historic U.S. Newspapers by State» (Университет Пердью), «Newspapers.com» (Публичная библиотека Нью-Йорка). Использование указанных трёх систем поиска и сравнение полученных результатов с электронными архивами отдельных газет позволили получить точные данные о количестве упоминаний Палестины в американской периодической печати.

Количественные показатели американских газет периода 1917–1918 гг. указывают на появление в информационном дискурсе США совершенно новой международной проблемы – ближневосточной, которая затрагивала не только отношение Америки к арабам и евреям, но и такие темы как Британская империя и колонии, союзники и конкуренты, изоляционизм и интернационализм. Изучая периодическую пе-

чать США указанного периода важно установить на каждом из выделенных этапов содержание палестинской дискуссии и общие модели решения проблемы будущего Палестины, которые обсуждались на страницах газет и журналов.

***

Публикации о действиях британских войск в Палестине появляются в январе-феврале 1917 г. В них высказываются осторожные прогнозы, что солдаты Великобритании могут развить наступление их Египта до «самого Иерусалима»²². С началом битвы за Газу весной 1917 г. внимание к событиям на Ближнем Востоке постоянно усиливается: «Британская армия стучится в ворота Иерусалима; Многовековому господству турок над Гробом Господним угрожают победоносные армии»²³. Но подлинный всплеск интереса (как и количества упоминаний Палестины) происходит в декабре 1917 г. в связи с началом битвы за Иерусалим. «New York Times» 11 декабря на первой полосе писала, что британская армия поставила финальную точку в многовековых (673 года, как указала газета) стараний вернуть «Святой город»²⁴. Первая полоса другого авторитетного издания «New York Herald Tribune» также была наполнена поздравлениями британскому союзнику и указанием на 673 года ожидания «христиан всего мира»²⁵. Редакции малых и средних американских газет в начале декабря 1917 г. делают однозначный вывод, что победа Великобритании на Ближнем Востоке – важный шаг в победе над «общим врагом»²⁶. Калифорнийское ежедневное издание «Berkeley Daily Gazette» уверенно сообщило о будущем Иерусалима и всего Ближнего Востока под контролем Великобритании²⁷.

Тема Иерусалима в это время стала в центре внимания и художников-карикатуристов. Так, Дж. Донохи (штатный карикатурист издания «Cleveland Plaine Dealer») изобразил английских солдат, штурмующих Иерусалим во главе с королём Ричардом I Львиное Сердце²⁸. В этом случае историческое прошлое выступает в качестве обоснования современной политической позиции: Палестина воспринималась в США как законная часть Британской империи. Другой знаменитый художник Дин Дарлинг (работал в «Des Moines Register» (Айова), ежедневный тираж более 150000 экз.) показал изгнание Османской империи с Ближнего Востока: Джон Буль на его рисунке выбрасывает турка из ворот Иерусалима, и этим действиям аплодируют «гени старых крестоносцев» на городских стенах. К образу рыцарей-крестоносцев обратился в конце декабря 1917 г. и Джон Кассель: английский рыцарь в кольчуге мечом

²² New York Times. 1917. January 12. P. 7.

²³ New York Times. 1917. March 18. P. 4.

²⁴ New York Times. 1917. December 11. P. 1.

²⁵ New York Herald Tribune. 1917. December 11. P. 1.

²⁶ Pittsburgh Press. 1917. December 12. P. 1; Spokane Daily Chronicle. 1917. December 12. P. 1; Bakersfield Californian. 1917. December 10. P. 1.

²⁷ Berkeley Daily Gazette. 1917. December 10. P. 6.

²⁸ Cleveland Plaine Dealer. 1917. November 18. P. 5.

открывает ворота Иерусалима, за которыми видно восходящее солнце²⁹. Можно заключить, что на первом этапе формирования образа Палестины в США это достигалось за счёт нескольких простых приемов:

Во-первых, освещение военных событий на Ближнем Востоке осуществлялась за счёт актуализации истории крестовых походов. Это было связано с тем, что крестоносцы практически единственный на 1917 г. хорошо узнаваемый в США маркер, характерный и для Палестины, и для Великобритании.

Во-вторых, права Британской империи на Иерусалим также выводились из истории. Причем, все действия Лондона на Ближнем Востоке оценивались в американской периодической печати 1917 г., как положительные. А в паре «свой/чужой», применительно к Палестине, выделялись англичане и турки.

В-третьих, проблема Палестины и журналистами, и художниками США описывалась в классических традициях ориенталистского дискурса XIX века: Ближний Восток – это центр противостояния цивилизации и варварства, востока и запада, свободы и тирании. И в период ноября – декабря 1917 г. хорошо заметно отождествление Великобритании и США в американской периодической печати.

Второй этап формирования образа Палестины наступает с осени 1918 года: в последние дни Первой мировой войны он приобретает новые черты. «New York Times» публикует серию статей, где обозначает основные проблемы Святой Земли: 1) сионистское движение и Великобритания требуют создания одного еврейского государства с центром в Иерусалиме; 2) Арабы и арабское население США резко против такого подхода; 3) при всех плюсах британских методах управления, Палестина не должна достаться одному государству³⁰. В эти же дни «Perrysburg journal» высказывает опасения, что «евреи, поддержанные британским оружием и опытом, будут, безусловно, наиболее сильной нацией в регионе»³¹. О важности для Америки еврейского национального движения написала газета «The news scimitar» (Теннесси): «Евреи запустили сионистское движение, цель которого создание в Палестине дома для всех евреев. Эта земля может быть передана еврейской нации, и переселенцы будут способствовать ее развитию»³². Данные публикации показывают изменения, которые произошли в информационном дискурсе США, относительно Палестины: признание Великобритании, как единственной силы, способной управлять Востоком (что было характерно для первого этапа) сменяется осенью 1918 г. поиском новых подходов и моделей решения «палестинской проблемы».

Третий этап в формировании американских оценок Палестинской проблемы совпадает с подготовкой Парижской конференции. В период с января 1919 г. ближневосточная тематика в информационном дискур-

²⁹ Pittsburgh Press. 1917. December 12. P. 1.

³⁰ New York Times. 1918. November 9. P. 4; 1918. November 17. P. 1, 25.

³¹ Perrysburg journal. 1918. November 14. P. 4.

³² The news scimitar. 1918. November 29. P. 4.

се США характеризуется переориентацией ведущих журналистов и редакторов на обсуждение вопросов будущего колониальной системы, империализма и судьбы зависимых территории. В первых числах января 1919 г. вопрос о Палестине рассматривается в контексте данных проблем, но, постепенно, к ним добавляются и новые: борьба за бывшие колонии Германии, раздел (в ближайшей перспективе) Османской империи, складывание новых национальных государств.

На страницах американской прессы прослеживается обсуждение сразу трёх моделей решения Палестинского вопроса. Первая представлена в демократических изданиях США, где продолжалась информационная тенденция 1917–1918 гг.: Палестина должна быть либо присоединена к Британской империи, либо весь Ближний восток следует передать под опеку Лондона. В этом контексте Палестина изображалась как средневековая, типично «восточная» территория без власти, без государства и без будущего (подобный взгляд на Палестину Эдвард Саид и называл «ориенталистским подходом»). А Великобритания, как единственная сила, способная не только принести порядок и стабильность в регион, но и осуществить «цивилизационную» функцию.

В противовес этому республиканские издания пропагандировали свою модель урегулирования палестинской проблемы: она не должна попасть под управление одной колониальной империи и весь Ближний восток не следует делить между европейскими империями. Республиканцы настаивали только на коллективном международном контроле, но без прямого вовлечения в него Америке. Изоляционисты во главе с Генри Лоджем очень критично относились к любому варианту прогнозирования будущего Палестины в рамках первой модели. В рамках данной «республиканской модели» действовали и некоторые художники-карикатуристы. Так, ещё в начале 1918 г. в «Rocky Mountains News» (Денвер, Колорадо) был размещён рисунок, на котором Дядя Сэм и Джон Булль приготовились к настоящей битве, вызвав серьёзное удивление у изображённого на втором плане бога война³³. Такой образ является более ярким и эмоциональным отражением тезисов из республиканской периодической печати об опасности нового колониального передела мира после войны.

Известный американский художник Дин Дарлинг в 1918 г. прямо указал на существующие международные проблемы, изобразив их в виде блюд на кухне, где обессилевшая «Мать Земля» не может с ними справиться. Особо выделяются на рисунке «Британские проблемы», в т.ч. и ближневосточные. Палестина и Британская империя теряют «романтический образ» периода 1916–1917 гг. Республиканская критика британского империализма, страх перед новым колониальным переделом мира и опасность вовлечения США в данные проблемы, изменяют риторику республиканских газет. И в 1918 г. Ближний Восток оценивался американскими республиканскими журналистами не как «закон-

³³ Rocky Mountains News. 1918. January 1. P. 1.

ная» часть Британской империи, а как потенциальная сфера противостояния США и колониализма³⁴.

Существовала и третья модель, которая возникла как ответ на распространение идей президента Вильсона в демократической периодической печати: тезис о самоопределении народов предлагалось применить и к Европе, и к Ближнему востоку. Международные обозреватели в 1919 г. очень осторожно начали обсуждать мысль о создании на территории Палестины двух государств: арабского и еврейского.

В первые дни работы Парижской мирной конференции взаимодействие и содержание обозначенных моделей подвергалось корректировке в связи с началом глобальных дебатов в информационном дискурсе США о Лиге наций, о мандатной системе, о выборе между изоляционизмом и интернационализмом. Поэтому, уже в конце 1919 г. в демократических изданиях появляется другой образ Палестины, сформированный под влиянием дискуссии о мандатной системе. Палестина предстает территорией, практически готовой сформироваться в самостоятельное государство. Однако, влияние первой модели продолжало сказываться: предполагалось, что мандат на Палестину получит именно Великобритания. Аргументами в пользу этого демократические газеты называли «исторические причины», декларацию Бальфура, британский опыт управления «восточными землями». Более того, в мандатной системе демократы видели «великий компромисс», способный решить все важнейшие проблемы Ближнего востока.

Сенаторы-республиканцы (Лодж, Бора, Нокс, Тафт) и изоляционистская периодическая печать видели в мандатной системе попытку колониальных империй исправить «ошибки прошлого» за счёт США. Включение Палестины в эту систему воспринимали как новый колониальный передел мира, не отвечающий никаким интересам Америки.

В самом начале работы Парижской конференции 1919 г. в еврейских газетах Америки стартовала новая информационная кампания, целью которой было утверждение единственного варианта трактовки тезиса Вильсона о самоопределении: в Палестине может быть создано только еврейское государство, только при широкой международной поддержке и только в соответствии с декларацией Бальфура. Одно из наиболее важных еврейских изданий США «The American Jewish World» (Миннесота) сообщала, что после серии встреч лидеров сионистского движения с Вильсоном, полковником Хаузом и госсекретарем Лансингом – вопроса о будущем Палестины больше нет, т.к. США разделяют позицию Великобритании и будут способствовать возвращению евреев на родину³⁵. Другие информационные каналы еврейской диаспоры в США данную новость дополняли и уточняли. Так, «The Denver Jewish News» (Колорадо) в самом конце января 1919 г. писал, что общественное мнение Франции полностью поддерживает позицию Великобрита-

³⁴ Indiana Daily Times. 1918.11.30. P. 7.

³⁵ The American Jewish World. 1919. January 24, p. 1.

нии и Америки – Палестина должна стать еврейским государством³⁶. Так Палестина приобретала совершенно иной образ, не характерный для статей 1917–1918 гг. – это не территория спора колониальных империй, не зона для апробации принципов Лиги наций и мандатной системы – это «исконная еврейская земля», «мечта всех поколений евреев»³⁷.

Очень быстро из еврейских газет данный тезис о будущем Палестины переходит и в республиканские, и в демократические издания США. Перемены в содержании «Палестинской дискуссии», оказали влияние и на формирование образа Палестины: лидеры сионистского движения и еврейские газеты создали зимой 1919 г. информационный фон, в котором главный акцент был сделан уже не на поддержку такого решения со стороны Великобритании (этот тезис актуализировался с 1917 г.), а на масштабное международное признание прав евреев на Палестину (базовыми аргументами подобного признания в газетах выступали заявления представителей сионистских организаций указанных стран). Другим весомым доказательством в процессе пропаганды идеи о немедленном создании национального еврейского очага стали ссылки не на Декларацию Бальфура (как это было в 1917–1918 гг.), а на 14 пунктов Вильсона, а также на встречи американских политических деятелей (чаще всего упоминались Вильсон, Лансинг, полковник Хауз) с лидерами Американской сионистской организации.

***

Дискуссия между сторонниками обозначенных нами трёх моделей решения будущего Палестины стала в 1919 г. один из элементов более глобальных дебатов между демократами и республиканцами о роли США в Лиге Наций. Подводя итоги анализу американских оценок ситуации 1917–1919 гг. можно сделать следующий вывод:

Во-первых, наблюдается довольно чёткое разделение этого большого, но насыщенного периода на три этапа: 1) 1917 – первая половина 1918 гг.; 2) вторая половина 1918 – январь 1919 гг.; 3) с января 1919 по лето 1919 гг. Наиболее существенные изменения в подходах к оценкам Палестины произошли на втором этапе, а точнее – летом 1918 года, когда «романтический» настрой в отношении господства Великобритании на Ближнем Востоке сменяется разделением общественного мнения на апологетическое и критическое направления.

Во-вторых, на третьем этапе формирования оценок «палестинской проблемы» происходит складывание трех моделей решения будущей судьбы региона. Первые две из моделей опирались не только на партийные силы, но и на подходы к определению международных отношений: изоляционистский и интернационалистский. В результате этого создаются новые образы Палестины, Британской колониальной империи, и всего Ближнего Востока, который из «законного трофея» европейских колониальных империй превращается в информационном дис-

³⁶ The Denver Jewish News. 1919. January 29, p. 4.

³⁷ The Denver Jewish News. 1919. February 5, p. 5.

курсе США в новый проблемный регион. Третья модель решения ближневосточного вопроса (создание независимого государства на территории Палестины) сложилась в еврейских периодических изданиях и через заявления и активную информационную кампанию Американской сионистской организации влияла на содержание «палестинской дискуссии» в периодической печати США.

В-третьих, к лету 1919 г. в обсуждении Палестины в США происходят важные изменения, связанные с работой Парижской мирной конференции и дебатами о мандатной системе, о Лиге наций и новой системе международных отношений. Решение о начале массовой еврейской иммиграции поддерживают, в первую очередь, демократические периодические издания, но республиканские газеты его не критикуют, считая, что создание еврейского государства в Палестине – лучший вариант противодействия имперскому стремлению европейских колониальных держав на Ближнем Востоке.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Встречными курсами: Политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Авт. колл: Юнгблуд В.Т., Воробьева Т.А., Збоев А.В., Калинин А.А., Костин А.А., Смольняк И.В., Чучалов А.В. Киров: ВятГГУ, 2014. 508 с.
- Румянцев В.П. «Рука Москвы»: восприятие ближневосточной политики СССР администрациями Д. Эйзенхауэр и Дж. Ф. Кеннеди // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2014. № 7 (30). С. 19.
- Румянцев В.П. Истоки израильских симпатий президента США Л.Б. Джонсона 1908 - 1948 // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 3. С. 35-43.
- Румянцев В.П. Проблема палестинских беженцев политики администрации Дж. Ф. Кеннеди (1961-1962 гг) // Уральское востоковедение. 2015. № 6. С. 161-175.
- Сагимбаев А.В. Проблема формирования нового миропорядка в контексте эволюции императивов колониальной стратегии Великобритании после завершения первой мировой войны // История. Общество. Политика. 2017. № 3 (3). С. 34-40.
- Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 559 с.
- Фомин А.М. Формирование мандатной системы на ближнем востоке после первой мировой войны. 1920–1924 год // Новая и новейшая история. № 1, 2014. С. 17-36
- Ходнев А.С. Колониализм, империализм и лига наций // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 104-116.
- Царегородцева Г.И. Влияние советского фактора на работу англо-американской комиссии по расследованию ситуации в Палестине 1945- 1946 // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 77-85.
- Царегородцева Г.И. Палестинский курс США: единство противоположностей 1945 - 1948 гг. // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 12-2 (39). С. 382-388.
- Юнгблуд В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939 - 1945 годов. Киров: ВятГГУ, 1998. 366 с.
- British Take Jerusalem // Bakersfield Californian. 1917. December 10. P. 1.
- Barkho L. The BBC's discursive strategy and practices vis-a-vis the Palestinian-Israeli conflict. 2008 // Journalism Studies. № 1. P. 278 – 294.
- Jerusalem Falls // Berkeley Daily Gazette. 1917. December 10. P. 6.
- Cavari A., Yarchi M., Pindyck S. Foreign News on US Media: A Longitudinal Analysis of News Coverage of Israel // Israel Studies. 2017. № 1. P. 24 – 49.
- Christison K. U.S. Policy and the Palestinians: Bound by a Frame of Reference // Journal of Palestine Studies. 1997. № 4. P. 46 – 59.
- British in Palestine // Cleveland Plain Dealer. 1917. November 18. P. 5.
- Deudney D. Greater Britain or Greater Synthesis: Seeley, Mackinder, and Wells on Britain in the Global Industrial Era // Review of International Studies. 2001. № 27. P. 187–208;

- Finkelstein N.G. Image and reality of the Israel-Palestine conflict. New York: Verso, 2003. 256 p.
- Friel H., Falk R. Israel-Palestine on record: How the New York Times misreports conflict in the Middle East. New York: Verso Books, 2007. 320 p.
- Ghareeb E., Jennings P. The American Media and the Palestine Problem // *Journal of Palestine Studies*. 1976. № 1. P. 127 – 149.
- Groen P. Militant Response: The Dutch use of military force and the decolonization of Dutch East Indies 1945–1950 // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 1993. Vol. 21. P. 30–44;
- Hodge, J. M. British Colonial Expertise, Post-Colonial Careering and the Early History of International Development // *Journal of Modern European History*. 2010. № 1. P. 24 – 46.
- Imaging and imagining Palestine: photography, modernity and the biblical lens, 1918–1948. Edited by Karene Sanchez Summerer and Sary Zananiri. Leiden: Brill. 2021. 458 p.
- Mother Earth // *Indiana Daily Times*. 1918. November 30. P. 7.
- James-Chakraborty K. Beyond Postcolonialism: New Directions for The History of Nonwestern Architecture // *Frontiers of Architectural Research*. 2014. No. 3. P. 1–9;
- Kandil M. The Israeli-Palestinian Conflict in American, Arab, and British Media: Corpus-Based Critical Discourse Analysis. Georgia State University: Georgia State University Press, 2009. 384 p.
- Kennedy D. Imperial history and post-colonial theory // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 1996. № 3. P. 345 – 363.
- Louis W. Imperialism at Bay: The United States and the Decolonization of the British Empire, 1941-1945. New York: Oxford University Press, 1978. 610 p.
- Louis W.R., Robinson R. The imperialism of decolonization // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 1994. № 3. P. 462–511.
- Manning P. Representing Palestine: Media and Journalism in Australia Since World War I. London: I.B. Tauris, 2020. 296 p.
- Miladi N. Global Media Coverage of the Palestinian-Israeli Conflict: Reporting the Sheikh Jarrah Evictions. London: I.B. Tauris, 2023. 292 p.
- Jerusalem Falls to British // *New York Herald Tribune*. 1917. December 11. P. 1.
- British Success in Palestine // *New York Times*. 1917. December 11. P. 1.
- Relief force destroyed 600 Enemy Killed and Wounded Also Picked Up in Battle on Frontier of Palestine. *New York Times* //1917. January 12. P. 7.
- British Army Is Knocking at Gates of Jerusalem // *New York Times*. 1917. March 18. P. 4.
- Palestine to Name Its Government // *New York Times*. 1918. November 17. P. 1, 25.
- Oppose Zionist Plan // *New York Times*. 1918. November 9. P. 4.
- Peled-Elhanan N. Palestine in Israeli School Books: Ideology and Propaganda in Education. London: I.B. Tauris, 2012. 280 p.
- National Profits from War // *Perryburg Journal*. 1918. November 14. P. 4.
- Petrus J. The U.S. and the Middle East: Recolonization or Decolonization? // *Arab Studies Quarterly*. 1980. № 2. P. 150 – 161.
- Pittsburgh Press. 1917. December 12. P. 1.
- Uncle Sam and John Bull // *Rocky Mountains News*. 1918. January 1. P. 1.
- Roy S. Reflections on the Israeli-Palestinian Conflict in U.S. Public Discourse: Legitimizing Dissent // *Journal of Palestine Studies*. 2010. № 2. P. 23 – 38.
- Samara A.K. The Media's Depiction of War and Media Wars // *Palestine-Israel Journal*. 2003. № 2. P. 38 – 45.
- Shakry O. «History without Documents»: The Vexed Archives of Decolonization in the Middle East // *The American Historical Review*. 2015. № 3. P. 920 – 934.
- Shlaim A. Israel and Palestine: Reappraisals, Revisions, Refutations. London: Verso Books, 2009. 416 p.
- Sicher E. The Image of Israel and Postcolonial Discourse in the Early 21st Century: A View from Britain // *Israel Studies*. 2011. № 1. P. 1 – 25.
- British in Palestine // *Spokane Daily Chronicle*. 1917. December 12. P. 1.
- Stein L. The Balfour declaration: Leonard Stein. Stein, Leonard, 1887-1973. New York: Simon and Schuster, 1961. 196 p.
- Sweiti R. American Policy toward Palestine between 1850 and 1939 // *Bethlehem University Journal*. 2008. № 1. P. 26 – 58.
- Zionist Organization to Care for Dependents of Jewish Legion-Aires // *The American Jewish World*. 1919. January 24. P. 1.

- Interesting Items // The Denver Jewish News. 1919. February 5. P. 5.
 Our Record in the War // The Denver Jewish News. 1919. January 29. P. 4.
 Will Sell Flags foe Jewish National Fund // The News Scimitar. 1918. November 29. P. 4.
 Tompkins E. B. *Anti-Imperialism in the United States: The Great Debate 1890–1920*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. 352 p.
 Tompkins E. B. *The Old Guard: A Study of the Anti-Imperialist Leadership* // *Historian*. 1968. P. 366 – 388.
 Waxman D., Norden J. *The Challenge of Implementing Reconstructionism: Art, Ideology, and the Society for the Advancement of Judaism's Sanctuary Mural* // *American Jewish History*. 2009. № 3. P. 195 – 224.
 Weir S. *Reversing Reality: Newspaper coverage of Israel and Palestine* // *Washington report on Middle East Affairs*. 2003. P. 2 – 23.
 Wolfe P. *History and Imperialism: A Century of Theory, from Marx to Postcolonialism* // *The American Historical Review*. 1997. No. 2. P. 388–420.
 Zananiri S. *Costumes and the Image: Authenticity, Identity and Photography in Palestine* // *The Social and Cultural History of Palestine: Essays in Honour of Salim Tamari*. Edinburgh University Press, 2023. P. 45 – 90.
 Zananiri S., Summerer S. *European Cultural Diplomacy and Arab Christians in Palestine, 1918–1948*, London: Palgrave Macmillan, 2021. 488 p.

Бурянок Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет; *witch-king-1@mail.ru*

Тулузакова Маргарита Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет; *tuluz-pearl@rambler.ru*

Palestine in the Assessment of US Press 1917–1919

A study of the process of creating the image of Palestine in the USA in 1917–1919 and an analysis of the features of constructing the image of the «Other» in periodicals. This will allow us to judge the image of Palestine as a special phenomenon of the socio-political and cultural life of the United States, the reconstruction and explanation of which is not possible within the framework of the traditional methodology of historical research, but requires an interdisciplinary approach based on historical imagology. Questions about the evolution of ideas about the political configuration in the Middle East, about the prospects for the colonial system, about the transition from colonialism to post-colonialism, about the possibility of applying the experience of colonial empires have been among the most popular and highly controversial in American society throughout recent history. They gained particular popularity in US periodicals during the large-scale colonial debate after the First World War. Study of US information discourse in 1917–1919 will allow us to define a wider set of images of Palestine and the Middle East (both territorially and politically), to trace the stages of evolution of evolution of these images, and to reveal their structural elements.

Keywords: *USA; British Empire; colonialism; press; Versailles-Washington system of international relations; Palestine; Middle East; isolationism; Jerusalem; Ottoman Empire.*

Sergey Buranok, Dr. Sc., professor, Department of World History, Law and Education, Samara State University of Social Sciences and Education; *witch-king-1@mail.ru*

Margarita Tuluzakova, Can. Sc., senior researcher, Samara State University of Social Sciences and Education; *tuluz-pearl@rambler.ru*

ТРАМВАЙНЫЙ СТОЛБ И ШТАНЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРА
РОЖДЕНИЕ ФОРМУЛЫ СОВЕТСКОГО
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО МУЗЕЯ

В статье рассматривается процесс трансформации музейной экспозиции в первые десятилетия советской власти и исследуется формула публичного показа, выработанная в советском музее в ходе поисков 1920-х гг. В качестве примера выбрана экспозиция Музея революции СССР, поскольку его методы работы вместе с возникшими в ходе их реализации проблемами в 1930-е перекинутся на экспозиции других советских музеев. Для первых лет работы Музея революции СССР были характерны сильная литературоцентричность экспозиции и обилие плоскостного материала. В попытках преодоления негативного тренда музей стремился достать для показа яркие экспонаты, которые позволяли расставить смысловые акценты, в результате чего главным качеством экспонатов музея стала транзитивность, выражающаяся в возможности доносить до посетителей смыслы, заложенные авторами экспозиции, сама же экспозиция превратилась в развёрнутый в пространственном отношении учебник, в то время как научная ценность коллекции оказалась отодвинутой на второй план. Статья написана на основе материалов из архивов Государственного центрального музея современной истории России (бывший Музей революции СССР), Государственного исторического музея (Отдел письменных источников ГИМ), опубликованных трудов о ходе музейного строительства в СССР.

Ключевые слова: история музейного дела России, культура в 1920-х, культурная политика в 1920-х, Музей революции СССР.

История музейного дела в СССР нашла подробное отражение в исследовательской литературе советского и постсоветского периода. Это сборники «Очерки истории музейного дела в СССР», в которых зафиксированы основные этапы развития музеев как советского, так и досоветского периода¹, пособие «Музейная экспозиция» А.И. Михайловской, в котором автор проанализировала эволюцию подходов к построению музейных экспозиций в советских музеях², двухтомный сборник «Музеи и власть»³, посвящённый истории музейного строительства и взаимоотношениям музеев с государством, изданный сразу после распада СССР, и другие труды. Во всех изданиях уделялось внимание новому, появившемуся после революции типу музеев, но не проводился сравнительный анализ музеев революции с другими видами музеев, не предпринималась попытка разобрать эпистемологические основания их появления. В западной историографии во второй половине XX века значительный вклад в разработку методологических основ и подходов к изучению музеев и их коллекций был внесён представителями т.н. Лестерской шко-

---

¹ См.: Очерки истории музейного дела в СССР 1957; Очерки истории музейного дела в России 1960; Очерки истории музейного дела в России 1961; Очерки истории музейного дела в СССР 1963; Очерки истории музейного дела в СССР 1968. В особенности статью Закс А.Б. «Из истории Государственного музея революции СССР (1924—1934)» в Очерки истории музейного дела в России 1963: 5 – 84.

² Михайловская 1964.

³ Музеи и власть 1991.

лы музеологии⁴, но их работы непосредственно не касаются деятельности музеев революции, хотя и предлагают большой теоретический инструментарий для подхода к анализу музеев, в т.ч. историко-революционного типа⁵. В настоящее время появляются научные работы, проблематизирующие различные аспекты истории музеев революции и их статус, однако внимание исследователей, как правило, уделяется петербургскому Музею революции как более раннему и аутентичному в своём роде⁶. Между тем, несмотря на то что музей в Петрограде был создан раньше и стал первым в стране, именно московский Музей революции предложил советской власти форму организации музея, которая успешно вписалась в новые исторические реалии и отчасти задала тональность для всех остальных музейных институций. Поэтому период его становления заслуживает пристального изучения.

Согласно периодизации государственной политики по превращению музеев в пропагандистские учреждения и рупоры революции, предложенной исследователем А. Джоллсом, в первые годы после прихода большевиков культурная политика была сосредоточена на сохранении артефактов прошлого, а затем, с конца 1920-х гг., стало происходить постепенное превращение музеев в педагогические и пропагандистские инструменты государства. «Если в период НЭПа советское управление искусством в первую очередь заботилось о сохранении предметов и создании общественных коллекций, обладающих образцовой эстетической ценностью, то в период «культурной революции» советские музеи стали прежде всего-педагогическими и пропагандистскими инструментами государства⁷, – указывает он. Однако в случае с Музеем революции агитационные задачи сразу были выведены на первое место. «Музей революции Союза ССР ... является научным учреждением агитационно-просветительного характера <...>», – говорилось уже в первой редакции устава Музея революции СССР⁸. И именно это обстоятельство, на взгляд автора данной статьи, не получило достаточного отражения в научной литературе⁹.

В 1923 г. учёный-византолог, историк культуры и искусства Шмит предложил концепцию социального музея, который должен был стать средством «политпросветильной пропаганды». Как писал Шмит, «первым из той серии музеев, которые в своей совокупности составят впо-

⁴ Ананьев 2018: 156.

⁵ Например: *Interpreting Objects and Collections* 2003.

⁶ См. Саркисян 2015; 2017 и Hale Ryan 2019.

⁷ Jolles 2009: 197–198. Благодарю доцента факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге Е.А. Мельникову за указание на эту работу.

⁸ Мицкевич 1927.

⁹ Исключение составляют работы доктора культурологии Виталия Ананьева, который писал о дискуссиях, связанных с планами создания марксистских экспозиций, и указывал на распространение в условиях новой советской культуры представлений о форме и задачах музея, которые сближали музей с такими институтами памяти как архивы и библиотеки – это именно та особенность, которая, как будет показано далее, стала одной из главных черт Музея революции СССР. См.: Ананьев 2011; 2012.

следствии социальный музей, должен быть Музей Революции»¹⁰. Задуманный на марксистских основаниях социальный музей в итоге остался нереализованным проектом, но принципы, заложенные Шмитом, были применены в Музее революции СССР, на примере которого в статье поставлена задача рассмотреть, как происходило рождение экспозиции советского историко-революционного музея, с какими проблемами сталкивались его сотрудники и как в процессе рождения этого нового музея появлялось понимание революционного экспоната. Прочие музеи будут упоминаться в тексте лишь для картирования сходства и отличия Музея революции СССР от других институций, установки взаимовлияний и определения места в общей системе музеев.

В 1930 г. в СССР вышла повесть П.С. Романова «Товарищ Кисляков». Её сюжет разворачивался вокруг жизни музейного работника Кислякова, который стал свидетелем трансформации исторического музея имперского периода в новый исторический музей молодого советского государства. В тексте, в частности, содержался такой фрагмент¹¹, связанный с описанием преобразённой экспозиции советского музея:

— *Был сейчас в одном музее.*

— *Ну, и что?*

— *Ни к чорту не годится: у них вся революция представлена в фотографиях да картинках, да в диаграммах. Какой чорт будет на ходу разбирать эти диаграммы. Ты дай так, чтобы я прошёл, не останавливаясь, и сразу увидел всё, что нужно. Чтобы вещи по глазам били, -- сказал Полухин, отрубив в воздухе ребром вытянутой ладони.*

— *Небось, как историю царей начнут представлять, так сколько тряпок навешают. У нас вон целая коляска стоит, чья это?*

— *Петра I.*

— *Ну вот. А тут хоть бы старые штаны какого-нибудь революционера повесили, хоть бы чернилницу... А то как будто жили не люди, а духи. После них только карточки остались. А я, брат, штуку раздобыл-таки! Хороша.*

<...>

— *Гляди!..*

Кисляков подошёл и увидел там какой-то обренок деревянного бревна с винченным в него крюком.

<...>

— *Вешали на этом! Из виселицы вытлен...*

<...>

— *Что? Чувствуется?*

— *Да, чувствуется... -- ответил Кисляков <...>.*

— *Вот что надо собирать для истории революции, а не картинки! Ещё скоро одна штука будет. В кабинет вошёл технический служащий и сказал:*

— *Товарищ Полухин, привезли.*

<...>

Возчики, взвалив на плечи, несли наверх толстое бревно. Это оказалась чердачная балка, в трёх местах пробитая снарядами. Она была вытлена с чердака одного из московских домов.

— *Вот тебе московское восстание, можешь его даже руками пощупать!*

¹⁰ Ананьев 2012.

¹¹ Романов 1952: глава XXXIX.

В этом тексте описаны реальные экспонаты музеев. Первый – сук из сосновой рощи, в которой солдаты Северо-Западной армии генерала Юденича казнили около 500 пленных красноармейцев. Он поступил на хранение в петроградский Музей революции в 1919 г. (Правда, никакого железного крюка в нём не было, но имелись следы верёвок и зарубки, обозначающие число повешенных.)¹² Второй – бревно с застрявшим в нём неразорвавшимся снарядом времён декабрьского вооружённого восстания в Москве 1905 г. – был представлен в экспозиции Музея революции СССР. В тексте не только описываются настоящие экспонаты появившихся после свержения монархии историко-революционных музеев, но и предельно точно передана основная проблематика их экспозиций. Они действительно состояли преимущественно из плоскостного, не слишком выразительного материала. Вот как описывали свои ощущения от экспозиции московского Музея революции посетители 1920-х гг.: «Слишком много фотографий, диаграмм – сухого материала, от которого рябит в глазах. Без объяснителя [экскурсовода] посетителям обходиться трудно. Мало подлинных реликвий»¹³; «очень много плакатов – это не нравится и бросается резко в глаза»¹⁴; «жаль, что нет вещей и вообще вещественных доказательств»¹⁵; «слишком много литературы, что ужасно утомляет внимание, <...> желательно администрации музея – литературу и диаграммы уменьшить и дать более живого материалу...»¹⁶.

Если опираться на приведённое литературное описание, то кажется, что трансформация исторического музея дореволюционного периода в советский заключалась в замене вещей высших сословий на предметы, связанные с жизнью представителей революционного движения. Однако, как можно догадаться, на деле рождение советского исторического музея было нелинейным процессом и происходило как в музеях старого профиля, пытавшихся приспособиться под новые веяния времени, так и в новых учреждениях, не отягощённых прошлыми связями и установленными подходами к работе.

Из нескольких существовавших на момент революции 1917 года в России музеев исторического профиля на роль прототипа дореволюционного исторического музея в повести Романова больше всего подходит Оружейная палата Музеев Московского Кремля, поскольку именно там хранились главные монархические реликвии: предметы, связанные с отпавлением царской власти, вроде шапки Мономаха, а также мемориальные вещи династии: стальная колыбель императора Александра I, ветхая кровать с тюфяком Петра I и т.п. Самая первая экспозиция музея открылась вскоре после войны 1812 г. и в целом представляла собой

¹² Государственный музей политической истории России. Аудиотуры: экспонаты с озвученной историей. 2018.

¹³ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 5 об.

¹⁵ Там же. Л. 8 об.

¹⁶ Там же. Л. 5 об.

«модель первого национального исторического публичного музея», отражавшего официальную идеологическую доктрину своего времени¹⁷ (естественно, модель в смысле прообраза, об утвердившейся форме публичного музея национальной истории речи тогда ещё не шло).

В отличие от Оружейной палаты открывший свои двери для публики в конце XIX в. Российский исторический музей в большей степени был сосредоточен на археологических памятниках и предметах древности, хотя отказать ему во внимании к мемориальным вещам, связанным с императорской династией, тоже будет неправильным. Более того, конкретный упомянутый в повести артефакт – коляска Петра, – возможно, также является отсылкой к реальному экспонату, причём именно Российского исторического музея, а вовсе не Оружейной палаты. Во всяком случае, в 1926 г. (а повесть Романова вышла в 1930-м) в его коллекции как раз-таки оказалось транспортное средство первого императора – зимний возок начала XVIII века. Как следует из описания на сайте музея, после революции этот возок в числе особо ценных экспонатов был перевезён из Санкт-Петербургского Придворного конюшенного музея в московский Александрьевский дворец, где в то время работал Музей мебели, а вскоре, после расформирования музея и передачи его коллекций, стал экспонатом Исторического музея¹⁸.

В любом случае экспозиция ни одного, ни второго музея на момент революции 1917 г. не представляла из себя последовательного рассказа о социально-экономической и политической истории страны. Не было такой экспозиции и ни в одном другом музее. Большинство музеев в то время демонстрировало свои коллекции по систематическому принципу, то есть показывало экспонаты, сгруппированные по типам: ткани с тканями, оружие с оружием, посуда с посудой и т.п.¹⁹, ориентируясь на максимально широкий показ коллекции и входящих в неё музейных предметов. Переход к тематическим экспозициям, которые основывались на комплексном показе предметов и выстраивались вокруг фабулы, произошёл в музеях уже после революции, в течение 1920-х гг. До 1917 г. в качестве прообраза этого метода в некоторых музеях наряду с систематическими экспозициями уже появлялись музейные «ансамбли» и естественные «жизненные комплексы». Также в естественно-научных музеях проводились эксперименты по созданию обстановочных сцен с использованием чучел, а в этнографических для наглядности пробовали внедрять манекены в экспозиции²⁰. Но в массе изменился этот подход только в советское время, когда музеи в России становятся по-настоящему публичным институтом.

¹⁷ Щербина 2003: 46

¹⁸ Государственный исторический музей. Постоянная экспозиция ГИМ. Российская империя XVIII века. Зал 22. Российская империя в эпоху Петра I. Первая четверть XVIII в. Возок зимний Петра. Б.д.

¹⁹ Михайловская 1964: 7.

²⁰ Там же: 8.

Революция поставила музеи в принципиально новую ситуацию. В результате национализации частных коллекций и музеефикации бывших дворянских усадеб и царских резиденций после 1917 г. по всей стране начали массово открываться новые музеи, а массы получили доступ к ранее скрытой от них части культурного наследия. Ключевую роль в этом процессе играли представители художественной и музейной общественности, которые на первых порах активно включились в работу по организации учёта и сохранности культурных ценностей, подготовке необходимых государственных решений и организацию новой музейной сети²¹. Советская власть на уровне высших органов вплоть до конца 1920 г. не слишком сильно вникала в происходящее в музейном мире. Как указывал, анализируя состояние музеев в первые десятилетия после революции, ответственный редактор журнала «Советский музей» И.К. Луппол: «На протяжении ряда лет революция не стучалась в двери старых музеев. Она проходила мимо них, создавая новые музеи, право на существование которых было завоёвано в октябре 1917 г.: музеи историко-революционные, историко-партийные, антирелигиозные и некоторые другие»²².

Учреждения, о которых говорит Луппол, действительно были учреждениями принципиально отличающегося типа. Если прежние музеи формировались вокруг идеи о характере собираемых материалов, то новые музеи в лице музеев революции как наиболее ярких и характерных в своём ряду вырастали на базе идеологической платформы, в которой форма оказалась вторичной по отношению к содержанию.

Разницу подходов можно почувствовать на конкретных примерах.

Так, в 1921 г. в Российском историческом музее работала комиссия по научной реорганизации музея. Её задачей была «закладка твёрдых научных основ для дальнейшего развития Российского исторического музея»²³. В работе принимали участие представители самого музея, Главнауки и «крупнейшие научные авторитеты Москвы и Петрограда в области бытовой истории и материальной культуры». Подготовку материала для разработки итогового доклада комиссии вели две рабочие группы: одна работала под руководством Главмузея, другая — под эгидой Учёной коллегии музея²⁴. Из материалов следует, что в результате изысканий обе команды пришли к выводу о том, что Российский исторический музей должен быть Музеем русского исторического быта и археологии. Причём авторами было чётко обозначено, что фундаментом для деятельности музея должна являться коллекция, а все

²¹ В музейном отделе Наркомпроса работали многие заслуженные художники и искусствоведы (И.Э. Грабарь, Н.Г. Машковцев). Именно они, вместе с руководившей отделом Н.И. Троцкой (Седовой), проделали огромную работу по организации учёта и сохранности объектов культурного наследия в первые годы советской власти.

²² Луппол 1931: 4.

²³ ОПИ ГИМ, Оп. 2. Д. 24, Л. 1.

²⁴ Там же.

темы должны быть представлены в музее постольку, «поскольку выделяются в вещественных памятниках»²⁵.

Опора на материальную основу чётко прослеживалась и в названиях музейных залов, которые были ориентированы на вещи, которые хранит музей. Например, в путеводителе 1914 г. они звучали так: памятники палеолитической, памятники неолитической, памятники бронзовой эпох, памятники Киевской Руси X–XIII вв., памятники Новгорода и Пскова, памятники Владимиро-Суздальской области и т.д. вплоть до XIV в., на котором в тот момент завершалась экспозиция²⁶. Как можно заметить, в каждом названии присутствует упоминание объекта показа – *памятника*, после чего происходит лишь уточнение временного периода, к которому тот относится. Аналогичный принцип сохранился и в путеводителе 1923 г., где памятник также дискурсивно, уже на уровне путеводителя, выдвигался на первое место в музее²⁷.

В противовес фиксации на объектах старых музеев вновь создаваемые музеи тяготели прежде всего к созданию последовательного повествования в экспозиции. При этом если в разработке концепции Российского исторического музея участвовали признанные учёные (в частности, в вышеупомянутую комиссию входил известный археолог В.А. Городцов и историк Ю.В. Готье), то созданием Музея революции СССР занимались преимущественно сами революционеры, которые основывались на своём профессиональном и практическом опыте, а не на методологическом аппарате²⁸.

Разница подходов была также заметна в названиях экспозиционных залов: согласно путеводителю, изданному в 1927 г., в Музее революции СССР посетители проходили через залы: «Пугачёвщина», «Декабристы. Эпоха Николая I и крепостное право», «Освобождение крестьян и революционное народничество 1860-х годов» и т.д.²⁹ То есть маршрут был ориентирован на выстраивание общей сюжетной арки, где вещи, скорее, должны были выступать иллюстрацией к повествовательной линии, а не самостоятельными элементами показа.

Сосредоточенность на вещах была главной претензией советских властей к музеям старого типа. «Музей должен быть одним из инструментов культурной революции. Музей должен быть наглядным показателем и пропагандистом величайшей научной ценности принципов диалектического материализма <...> Музей-кунсткамера нам не ну-

²⁵ ОПИ ГИМ, Оп. 2. Д. 24, Л. 1об.

²⁶ Краткий путеводитель по Государственному историческому музею 1914.

²⁷ Краткий путеводитель по Государственному историческому музею 1923.

²⁸ Профессиональные историки участвовали в создании Музея революции в Петрограде, но этот опыт не был перенесён на остальные историко-революционные музеи и в итоге привёл к тому, что ленинградский Музей революции оказался в подчинённой роли по отношению к столичному собрату, поскольку представленная им повествовательная линия в большей степени расходилась со складывающимся официальным нарративом.

²⁹ Архив ГЦМСИР. Оп. 1. Д. 85.

жен», – утверждал в своём обращении к участникам Первого музейного съезда нарком просвещения А.С. Бубнов³⁰. «...прежние музеи оставались в большинстве случаев кунсткамерами, кладбищами монументов, коллекциями редкостей, эстетскими галереями. Они ничего не говорили о классовой борьбе, о борьбе за социализм, о великой социалистической стройке», – вторил вслед за ним Луппол в «Советском музее»³¹.

В книге «Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии» В.А. Подорога отмечает, что в марксистском анализе в целом доминирует негативное понимание вещи, «в её резком и опасном противопоставлении человеческому экзистенциально-нравственному существованию»³². «<...> капитализм только и занят тем, что овеществляет все общественные связи», – приводит он в качестве примера цитату из сборника 1923 г. «История и классовое сознание» Д. Лукача³³. Но в первые годы после революции никто из устроителей историко-революционных музеев особо не задавался вопросом, какой статус должен быть у вещи в марксистском музее. Ответ на этот вопрос искался постепенно на протяжении 1920-х гг. и в окончательном виде оформился к началу 1930-х, времени проведения Первого музейного съезда, который окончательно определил завершение переходной эпохи для музеев и появление единой концепции советского музея.

Разницу между вещизмом «старых» и «новых» музеев сформулировал в своём докладе на всё том же музейном съезде 1930 г. уже упомянутый Луппол. Вот в чём состояло отличие с его точки зрения: «Материальные предметы находятся между собою в отношениях, эти отношения материальны, но не предметны, и в этом трудность для музеев: они – собрания предметов, а должны показать отношения. Материальной действительности свойственно движение – причина многообразия явлений. В этом также трудность для музеев: они – собрания предметов, а должны показать движения, процессы»³⁴.

Эти предметно-пространственные отношения, являвшиеся столь важными для представителей новой власти, и оказалось возможным отразить благодаря тематической экспозиции, переход к которой был совершен в течение 1920–1930-х гг. И одними из главных первопроходцев здесь выступили музеи революции. Именно в Музее революции СССР в 1924 г. была создана первая историческая экспозиция, выстроенная в чёткой хронологической последовательности по тематическому принципу³⁵. И она же, судя по всему, была описана в повести Романова в качестве примера нового музея советского времени. Если на Первом музейном съезде в 1930 г. выступающие уже достаточно уверенно го-

³⁰ Бубнов 1931: 6.

³¹ Луппол 1931: 4.

³² Подорога 2016: 255.

³³ Подорога 2016: 25.

³⁴ Труды Первого Всероссийского музейного съезда 1931: 110.

³⁵ Михайловская 1964: 23.

ворили о главных принципах, которые должны быть заложены в экспозицию советских музеев (они должны показывать не вещи, а процессы), то на момент создания этой экспозиции данная позиция ещё не была артикулирована идеологами музейного строительства, поэтому формулу новой экспозиции авторы нащупывали вручную. «Надо сказать, что среди нас <...> не было лиц, знакомых с музейной техникой. Да и привлечённые к работе <...> старые музейные работники не давали нам сколько-нибудь ценных указаний: ведь дело строительства историко-революционных музеев вообще было совершенно новым у нас, и естественно, что ни у кого не было опыта в этой области», – вспоминал о том периоде первый директор Музея революции СССР старый большевик С.И. Мицкевич³⁶.

Главной проблемой стало отсутствие достаточного количества выразительных материалов. Основными экспонатами первых историко-революционных экспозиций чаще всего были фотографии, плакаты, листовки и тексты различных постановлений, поэтому быстро почувствовав ограниченный потенциал такого репертуара, сотрудники активизировали поиски ярких трёхмерных предметов. Основным источником поступления стали бывшие революционеры. Например, сотруднице Зинаиде Прокофьевой через разветвлённую сеть контактов с бывшими подпольщиками удалось найти пушку, из которой красногвардейцы обстреливали юнкеров в Кремле, и трамвайный столб, пробитый снарядом во время боёв в городе в 1917 г. (оба предмета и сейчас выставлены у здания музея в Москве)³⁷. Результатом подобных поисков стало и бревно, упомянутое в литературном произведении Романова. Помимо этого, смыслы, которые не могли быть выражены предметно, заполняли диаграммами, сделанными на заказ макетами и картинами. Например, в 1925 г. бывший работник динамитной мастерской партии «Народная воля» Александр Прибылёв сделал по просьбе музея макет бомбы, которой был убит Александр II. Также в экспозиции выставлялись произведения исторической живописи, многие из которых были сделаны на заказ специально под музей. Соответствующей работой занималась отдельная Художественная комиссия³⁸.

При всей яркости отдельных подлинных экспонатов они были, скорее, исключением, чем правилом и, во-первых, не превалировали в экспозиции (в частности, известно, что осенью 1926 г. из 8 500 единиц, представленных в экспозиции, вещественных реликвий было всего 144)³⁹, а во-вторых, были значимыми не сами по себе, а в тесной связке с возможностью дальнейшего транслирования задаваемых смыслов.

Решение задачи по отражению в экспозиции сложных причинно-следственных связей изменило роль музейного предмета в показе, ко-

³⁶ Мицкевич 1927: 6.

³⁷ Ведерникова 1987: 16.

³⁸ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 15.

³⁹ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1 Д. 107. Л. 1.

торый в историко-революционных экспозициях во многом потерял самостоятельность и стал играть роль иллюстративного материала. При этом, поскольку, несмотря на все предпринимаемые усилия, в музее в принципе не могло быть много предметов, способных транслировать сложные смыслы, огромное место в экспозиции в итоге занял текст. «Музейному зрителю нельзя обойтись без словесного объяснения, которое помогает понять не только выставленные предметы, но и порядок их внешнего расположения», — писал один из авторов экспозиции Музея революции СССР, учёный секретарь музея Н.М. Дружинин⁴⁰.

Собственно, именно текст, а не коллекция музея лежал теперь и в первооснове экспозиции. Не случайно Н.М. Дружинин прямо называл экспозицию «овеществлённой научной концепцией» и указывал, что в основу работы по ее созданию должен быть положен тематический план, подробно раскрывающий «внутреннее содержание» и «взаимную последовательность звеньев экспозиции» (то есть текст – ОБ)⁴¹. Именно эта основа позволяла, с точки зрения Дружинина, выстроить сложные взаимосвязи и образы. «Исходя не из тематического плана, а только из собранного материала, мы совершили бы огромную ошибку, мы повторили бы обычную беспринципно-эмпирическую практику дореволюционного музея», — утверждал он⁴².

Таким образом, поставив себе задачу создания марксистской экспозиции, в центре которой должны быть не вещи, а отношения, создатели пришли к ситуации, когда на смену вещам старого музея в экспозиции нового советского музея приходит текст. При этом важно понимать, что главенствующее положение текста в экспозиционной системе не было результатом замысла или расчёта. В силу необходимости передачи множества новых смыслов текст оказался неотделимым и обязательным элементом сопровождения «нового» экспоната, невольно захватывая дискурсивную позицию там, где раньше ею обладал предмет сам по себе как носитель имплицитного культурного содержания. В итоге созданная в Музее революции СССР и в других подобных музеях экспозиция оказалась перенасыщенной текстом, а сама структура вызвала ассоциации с оглавлением книги или учебника. Это сходство на конец 1920-х гг. уже осознавалось современниками и озвучивалось публично, причём не только в отношении Музея революции. «Существует очень точная аналогия между музеем и книгой: и музей должен быть книгой, в которой — только не словами, а вещами — излагаются мысли, которые интересны и нужны посетителю, и книга (а особенно, иллюстрированная книга) стремится быть музеем, в котором только не сами вещи показываются, а словами и рисунками даётся представление о вещах», — писал в работе 1929 г. Ф.И. Шмит⁴³.

⁴⁰ Дружинин 1931: 63.

⁴¹ Михайловская 1964: 29.

⁴² Там же.

⁴³ Шмит 1929: 53.

То есть, уходя от имперского музея и от концепции музеев-сборников пыльных вещей, выдвигая на щит отношения между вещами, советский музей оказался заключен в рамки предельно литературоцентричной экспозиции, предполагающей использование экспоната как иллюстративного материала, в результате чего предмет теряет свое привилегированное положение.

Как было отмечено выше, именно на большое количество разъяснительного и плоскостного материала обращали внимание посетители Музея революции. И именно на эту проблему жаловался литературный герой повести П.С. Романова, говоря о том, что в музее, в котором он побывал, *«вся революция представлена в фотографиях да картинках, да в диаграммах»*, а нужно, чтобы *«вещи по глазам были»*. В поисках выхода из ситуации сотрудники музея в течение 1920-х гг. проводили большую собирательскую работу, пытаясь найти для экспозиции те самые *«итаны революционера»*, которые бы позволили сделать экспозицию эмоционально насыщенной и передали ее главные смысловые послылы. Но, чувствуя нехватку выразительных средств, им довольно быстро пришлось прибегнуть к дополнительным возможностям обогащения экспозиции, центральным из которых всё равно оказался текст.

Эти подходы отчасти оказались «передовыми», поскольку в конце 1920-х гг. большое количество текста, фотографий и документов в экспозиции стало повсеместной музейной проблемой, также бичом становится расширенный и идеологизированный этикетаж. Даже в художественном музее не удалось обойтись без подобных новаций⁴⁴. Самый известный пример – «Выставка революционной и советской тематики», открывшаяся в залах Третьяковской галереи в 1930 г. Как известно, она была примечательна тем, что на ней картины экспонируемых художников были прокомментированы в соответствии с генеральной политической линией, причём этикетаж порой занимал более заметное место, нежели художественное произведение.

Существованию этой тенденции и тому факту, что она была признана ошибочной, уделено большое внимание в академической литературе как современного, так и советского периода. В частности, анализируя приведённую выше цитату Шмига о сходстве музея и книги, в 1960-е гг. признанный музеевед Михайловская напишет: *«Этот неправильный взгляд долгое время имел много приверженцев среди музейных работников, особенно в 1930-х гг., в период распространения иллюстративного метода, превращавшего экспозиции как бы в настенные книги, почти без вещей»*⁴⁵. Цель же данной статьи – проследить процесс трансформации музейной экспозиции, происходивший до момента проведения Первого музейного съезда, обратив внимание на опыт Музея революции СССР, который первым столкнулся с необходимостью

⁴⁴ Майостровская 2017: 86.

⁴⁵ Михайловская 1964: 28.

отражения в экспозиции «отношений». Соответственно, на взгляд автора, именно в нем тенденции, ставшие позднее повсеместными для всех прочих музеев, проявились раньше других и во многом по следам этих исканий в конце 1920 – начале 1930-х гг. текстами «заговoryт» с посетителем художественные и другие музеи.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Архив ЦМСИР. Ф 1. Оп. 1. Д. 42; Д. 85; Д. 107; Д. 110.
- Бубнов А. О музеях. Приветствие и речь на 1-м музейном съезде (1–6 декабря 1930 г.) / Народный комиссариат просвещения РСФСР. М.; Л.: ГИЗ, 1931. 23 с.
- Государственный исторический музей. Постоянная экспозиция ГИМ. Российская империя XVIII века. Зал 22. Российская империя в эпоху Петра I. Первая четверть XVIII в. Возок зимний Петра. URL <https://nav.shm.ru/exhibits/697/?ysclid=lmlyld2k57z425836944>
- Государственный музей политической истории России. Аудиотур: экспонаты с озвученной историей. 2018. URL: <https://izi.travel/ru/81ca-gosudarstvennyu-muzeu-politicheskoy-istorii-rossii/ru/#/browse/6126096e-4b42-43d6-aa5b-c5aa875fde93/ru>
- Дружинин Н.М. Этикетаж историко-революционного музея // Советский музей. 1931. №3. С. 63–76.
- Краткий путеводитель по Государственному историческому музею. М.: Б.и., 1914. 128 с.
- Краткий путеводитель по Государственному историческому музею. М.: Государственный российский исторический музей, 1923. 228 с.
- Луппол И.К. На путях перестройки // Советский музей. 1931. №3. С. 4–10.
- Мицкевич С.И. Музей революции союза ССР // Сборник Музея революции Союза ССР. М.: Музей революции Союза ССР, 1927. С. 5–13
- ОПИ ГИМ. Оп. 2. Д. 24.
- Справочник Музея революции СССР. М.: Музей революции СССР, 1934. № 6. 132 с.
- Тезисы доклада Н.М. Дружинина «Принципы экспозиции историко-революционных материалов» на заседании Музейной комиссии Московской секции ГАИМК // Археологический ежегодник за 1981 год. М.: Изд-во «Наука», 1982. С. 341–345.
- Труды первого Всероссийского музейного съезда. Т. 2. Материалы заседаний 1–5 декабря 1930 г. Москва – Ленинград: Наркомпрос РСФСР Государственное учебно-педагогическое издательство, 1931. 164 с.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ананьев В.Г. История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты / науч. ред.: академик РАН, директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 392 с. [Anan'ev V.G. Istoriya zarubezhnoj muzeologii : Idei, lyudi, instituty (History of Foreign Museology: Ideas, People, Institutions) / nauch. red. : akademik RAN, direktor Gosudarstvennogo Ermitazha M.B. Piotrovskij. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2018. 392 s.]
- Ананьев В.Г. О некоторых проектах применения социологического подхода в музейном деле советской России 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. №17 (79). С. 275–283. [Anan'ev V.G. O nekotorykh proektakh primeneniya sotsiologicheskogo podkhoda v muzeinom dele sovetскоi Rossii 1920-kh gg. (About Some Projects for Applying the Sociological Approach in Museum Affairs in Soviet Russia in the 1920s.) // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2011. №17 (79). S. 275–283.]
- Ананьев В.Г. Проект «Социального музея» Ф.И. Шмита к дискуссиям середины 1920-х гг. о форме и задачах музея // Вестник архивиста. 2012. №1. С. 246–252. [Anan'ev V.G. Proekt «Sotsial'nogo muzeya» F.I. Shmita k diskussiyam serediny 1920-kh gg. o forme i zadachakh muzeya (The project of “Social Museum” by F.I. Shmit: to the discussions of 1920th on form and purposes of museums) // Vestnik arkhivista. 2012. №1. S. 246–252.]
- Ведерникова Г.И. Формирование фондов Центрального музея революции СССР в 1923–1937 гг. // Музейные коллекции как источник изучения и пропаганды истории Великой Октябрьской социалистической революции. Сб. науч. трудов. М., 1987. С. 7–19 [Vedernikova G.I. Formirovanie fondov Central'nogo muzeya revolyucii SSSR v 1923–1937 gg. (The Formation of the Collection of the USSR's Museum of the Revolution in 1923–

- 1937 years) // Muzejnye kolekcii kak istochnik izucheniya i propagandy istorii Velikoj Otkryt'j skoj socialisticheckoj revolyucii. Sbornik nauchnyh trudov. M., 1987. С. 7–19].
- Закс А.Б. Из истории Государственного музея революции СССР (1924–1934) // Очерки истории музейного дела в России. М.: Советская Россия, 1963. Вып. 5. С. 5–84 [Zaks A.B. Iz istorii Gosudarstvennogo muzeja revolyucii SSSR (1924—1934) (From the History of the USSR's Museum of the Revolution (1924–1934)) // Ocherki istorii muzejnogo dela v Rossii. M.: Sovetskaya Rossiya, 1963. Vyp. 5. S. 5–84].
- Майостровская М.Т. Музей как объект культуры. XX век. Искусство экспозиционного ансамбля. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 682 с. [Majostrovskaya M.T. Muzej kak ob'ekt kul'tury. XX vek. Iskusstvo ekspozicionnogo ansamblya. (The Museum as a Cultural Object. XX century. The Art of the Exhibition Ensemble). M.: Progress-Tradicija, 2017. 682 s.].
- Михайловская А.И. Музейная экспозиция. Организация и техника. М.: Советская Россия, 1964. 518 с. [Mihajlovskaya A.I. Muzejnaya ekspoziciya. Organizacija i tehnika. (The Museum Exhibition. The Organization and Technique). M.: Sovetskaya Rossiya, 1964. 518 s.].
- Музей и власть: Сб. науч. тр. Т. 1 : Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.) / Министерство культуры РФ, РАН, НИИ культуры / отв. ред. канд. ист. наук С.А. Каспаринская. М.: НИИ культуры, 1991. 323 с. [Muzej i vlast': Sb. nauch. tr. T. 1 : Gosudarstvennaja politika v oblasti muzejnogo dela (XVIII – XX vv.) (The Museum and Power: The Collection of Scientific Papers. Vol. 1: The State Policy in the Field of the Museology (XVIII – XX centuries)) / Ministerstvo kul'tury RF, RAN, NI kul'tury / отв. red. kand. ist. nauk S.A. Kasparinskaja. M.: NI kul'tury, 1991. 323 s.].
- Музей и власть: Сб. науч. тр. Т. 2: из жизни музеев / Министерство культуры РФ, РАН, НИИ культуры / отв. ред. канд. ист. наук С.А. Каспаринская. М.: НИИ культуры, 1991. 191 с. [Muzej i vlast': Sb. nauch. tr. T. 2: Iz zhizni muzeev (The Museum and Power: The Collection of Scientific Papers. Vol. 2: From the Museum's life) / Ministerstvo kul'tury RF, RAN, NI kul'tury / отв. red. kand. ist. nauk S.A. Kasparinskaja. M.: NI kul'tury, 1991. 191 s.].
- Очерки истории музейного дела в России / Министерство культуры РСФСР, НИИ Музеоведения; ред. кол.: П.И. Галкина, А.Б. Закс, И.П. Иваницкий, Э.С. Коган (отв. ред.), А.С. Королева, З.А. Огризко, А.М. Разгон. М.: Советская Россия, 1961. Вып. 3. 365 с. [Ocherki istorii muzejnogo dela v Rossii (The Essays of the History of Museology in Russia) / Ministerstvo kul'tury RSFSR, NII Muzeovedeniya ; red. kol.: P.I. Galkina, A.B. Zaks, I.P. Ivanickij, E.S. Kogan (otv. red.), A.S. Koroleva, Z.A. Ogrizko, A.M. Razgon. M.: Sovetskaya Rossiya, 1961. Vyp. 3. 365 s.].
- Очерки истории музейного дела в СССР / Министерство культуры РСФСР, Труды НИИ Музеоведения; ред. кол.: А.М. Разгон (отв. ред.), П.И. Галкина, А.Б. Закс, И.П. Иваницкий, С.А. Овсянникова. М.: [б.и.], 1963. Вып 5. 407 с. [Ocherki istorii muzejnogo dela v CCCR (The Essays of the History of Museology in USSR) / Ministerstvo kul'tury RSFSR, Trudy NII Muzeovedeniya ; red. kol.: A.M. Razgon (otv. red.), P.I. Galkina, A.B. Zaks, I.P. Ivanickij, S.A. Ovsyannikova. M.: [b.i.], 1963. Vyp 5. 407 s.].
- Подорога В.А. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. М.: Издательство Грюндриссе, 2016. 290 с. [Podoroga V.A. Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoj antropologii (The Question About the Object. The Experiments in the Area of Analytical Anthropology). M.: Izdatel'stvo Gryundrisse, 2016. 290 s.].
- Романов П.С. Товарищ Кисляков: Три пары шелковых чулок [Электронный ресурс]. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 362, [1] с. Режим доступа: http://az.lib.ru/t/romanow_p_s/text_0230.shtml; 25.07.2024. [Romanov P.S. Tovarishch Kislyakov: Tri pary shelkovyh chulok (Comrade Kislyakov: Three Pairs of Silk Stockings) [Elektronnyj resurs]. N'yu-York: Izd-vo im. Chekhova, 1952. 362, [1] s. Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/t/romanow_p_s/text_0230.shtml; 25.07.2024].
- Саркисян Н.М. Государственный музей революции в 1920-х гг.: идеологическое значение и материальные трудности // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. №7 (90). С. 49–52. [Sarkisyan N.M. Gosudarstvennyj muzej revolyucii v 1920-h gg.: ideologicheskoe znachenie i material'nye trudnosti (The State Museum of the Revolution in the 1920s: Ideological Significance and Material Difficulties) // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo. 2015. №7 (90). S. 49–52.].
- Саркисян Н.М. «Февральские» истоки Государственного музея Революции: Общество дома-музея памяти борцов за свободу в марте 1917 – сентябре 1919 гг. / Сб. материа-

лов Международной научно-практической конференции Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память. Спб, 2017. С. 152–159 [Sarkisyan N.M. «Fevral'skie» istoki Gosudarstvennogo muzeya Revolyucii: Obshchestvo domamuzeya pamyati borcov za svobodu v marte 1917 — sentyabre 1919 gg. ("February" Origins of the State Museum of the Revolution: Society of the House-Museum in the Memory of Freedom Fighters in March 1917 – September 1919) / Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Revolyuciya 1917 goda v Rossii: sobytiya i koncepcii, posledstviya i pamyat'. Spb, 2017. S. 152–159].

Шмит Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции / Государственный институт истории искусств. Л.: Академия, 1929. 245 с. [Shmit F.I. Muzejnoe delo. Voprosy ekspozicii (The Museology. Exhibition issues) / Gosudarstvennyj institut istorii iskusstv. L.: Akademiya, 1929. 245 s.]

Щербина Е.В. Временные экспозиции музеев Московского Кремля XIX–XX веков: Проблематика и исторический анализ: дис... канд. ист. наук: 24.00.03 / Щербина Екатерина Витальевна; РГГУ. М., 2003. 253 с. [Shcherbina E.V. Vremennye ekspozicii muzeev Moskovskogo Kremlya XIX – XX vekov: Problematika i istoricheskij analiz : dis... kand. ist. nauk : 24.00.03 (The Temporary Exhibitions of the Moscow Kremlin Museums of the 19th – 20th centuries: Problems and historical analysis: Phd) / Shcherbina Ekaterina Vital'evna ; RGGU. M., 2003. 253 s.]

Hale Ryan Exhibiting the Revolution Expositions at the Museum of the Revolution in Leningrad in the 1920's and 1930's // History. The Journal of the Historical Association and John Wiley & Sons Ltd. 2019. Vol. 104. P. 649-676.

Interpreting Objects and Collections / ed. by Susan Pearce. First published in 1994 by Routledge. London: Taylor & Francis e-Library, 2003. 343 p.

Jolles A., Akinsha, K. On the Third Front: The Soviet Museum and Its Public during the Cultural Revolution // Canadian American Slavic Studies. 2009. 43 (1–4). P 195-212.

Болотова Ольга Владимировна, ассистент, кафедра социальных наук и технологий, Университет науки и технологий МИСИ, аспирант, Школа исторических наук НИУ «Высшая школа экономики», bolotowa@gmail.com

Tram Pole and Revolutionist's Pants: the Birth of the Formula of the Soviet Historical and Revolutionary Museum

The article deals with the process of transformation of museum exhibitions in the first decades of Soviet power. It also examines the public display formula created by the Soviet museum in the 1920s. The exposition of the USSR's Museum of the Revolution is given as an example. In the 1930s the approaches of the museum became typical for other museums. During the first years of work of the museum exhibition contained a lot of textual materials. Therefore, the museum sought to replenish the collection with items related to the history of the revolutionary movement. Despite this work, the exhibition still looked like a spatially expanded textbook. Moreover, the scientific value of the collection was relegated to the background. The article is written based on archive materials of the State Central Museum of Contemporary History of Russia (formerly the USSR's Museum of the Revolution), the State Historical Museum (Department of Written Sources of the State Historical Museum), published works about history of museum's construction in the USSR.

Keywords: *The Museum of the Revolution, Soviet culture in the 1920s, Soviet cultural politics in the 1920s, History of Museums.*

Bolotova Olga Vladimirovna, Assistant, Department of Social Sciences and Technologies NUST MISIS (National University of Science and Technology MISIS); Post-graduate student, The School of History HSE University, bolotowa@gmail.com

Ю.В. СЛОЖЕНИКИНА, И.И. ПЕНЬКОВСКАЯ

СОКРАТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ КАК УЧЕБНЫЙ МЕТОД СЕРГЕЙ ЭЙЗЕНШТЕЙН

Сергей Эйзенштейн стал педагогом-новатором, разработав первую учебную программу подготовки кинорежиссеров «Гранит науки» (1933) и начав по ней обучение студентов в Государственном институте кинематографии. Новизна предпринятого исследования определяется первым научным осмыслением педагогического метода Эйзенштейна – практиковавшегося им сократическом диалоге как приеме обучения кинорежиссуры. Актуальность исследования связана с двумя основными факторами: во-первых, в общем плане статья представляет новый материал в русле диалога времен, востребованности предшествующего культурного опыта в практиках XX–XXI вв., во-вторых, изучение одного из методов гуманистической педагогики может быть экстраполировано на другие предметные области, в которых истинное решение не аксиоматично. Статья тематически состоит из двух частей: в первой дается представление о методе Сократа, определяются его механизмы, функции, структура. Во второй – на материале конкретной лекции Эйзенштейна, прочитанной в Государственном институте кинематографии в 1933–1934 учебном году, анализируется применение сократического метода в организации диалога преподавателя со студентами.

Ключевые слова: *Сергей Эйзенштейн, сократический метод, кинорежиссура, стиль преподавания, лекция, режиссерский практикум.*

Разноплановая личность Сергея Эйзенштейна на протяжении всего XX в. и в XXI в. вызывает перманентный интерес исследователей самых разных областей науки. Итогом изучения его наследия в XX в. стала антология «С.М. Эйзенштейн: pro et contra: Сергей Эйзенштейн в отечественной рефлексии» (СПб., 2015). Фундаментальный сборник работ с разных позиций рассказывает о том, «как каждая последующая эпоха принимает новое усилие в прочтении и истолковании эйзенштейновских произведений, фактов из жизни, теорий, мифологии и поэтики»¹. Двадцатые годы XXI в. отмечены выходом сборника статей, составленного к 120-летию со дня рождения Эйзенштейна, «Эйзенштейн для XXI века» (М., 2020)². В компендиум вошли работы более двадцати специалистов из разных стран и различных областей культуры. Предметом научного изучения стали не только кинематографические достижения режиссера, но и его теоретические размышления об искусстве, языке, психологии, литературе, живописи, переключки и диалоги с предшествующим и современным ему искусством. Важная предпосылка подготовки сборника – поиск его составителем Н. Клейманом ответа на вопрос: нужен ли Эйзенштейн в XXI в., если нужен, то в чем его актуальность?

Наследие Эйзенштейна продолжает изучаться, прежде всего в аспекте его вклада в режиссуру кино, пишутся научные статьи, защищаются диссертации (см., например: Синельникова (2007)³; Симонян

¹ С.М. Эйзенштейн: pro et contra: Сергей Эйзенштейн в отечественной рефлексии 2015: 17.

² Эйзенштейн для XXI века 2020.

³ Синельникова 2007.

(2009)⁴; Ефимова (2017)⁵; Курова (2019)⁶; Ключева (2020)⁷; Попова (2024)⁸. В монографии «Эволюция теоретических киноведческих концепций в журнале «Искусство кино» (1931-2021) А.В. Федорова, А.А. Левицкой, О.И. Горбатковой (М., 2023), посвященной анализу исторических этапов эволюции киноведческих теоретических концепций в журнале «Искусство кино» с момента его основания (1931 г.) до наших дней, Эйзенштейн становится объектом рассмотрения более 200 раз⁹. Эйзенштейн оставил потомкам большое письменное наследие: он был публицистом, критиком, ученым-теоретиком, педагогом – эти его ипостаси нашли отражение в газетных и журнальных публикациях, теоретических работах, учебнике по режиссуре, материалах лекций. По многочисленным текстам предпринимается попытка реконструировать самобытную языковую личность Эйзенштейна¹⁰.

Несмотря на то, что Эйзенштейн однозначно признан одним из основоположников профессионального высшего кинообразования, создателем научно обоснованного курса преподавания кинорежиссуры, его педагогическое наследие не исследовано в должной мере. Высокие оценки тридцатилетней педагогической деятельности Эйзенштейна в устных выступлениях, воспоминаниях коллег, учеников, современников не привели к научно обоснованному изучению феномена Эйзенштейна-педагога, частных методик его педагогического стиля. Одной из авторитетных работ, ставшей библиографической редкостью, является книга В. Нижнего «На уроках режиссуры С. Эйзенштейна» (М., 1958)¹¹. Книга В. Нижнего о лекциях Эйзенштейна была издана впоследствии также и в США в связи с большим интересом к наследию российского советского режиссера¹². Единственным учебным пособием, обобщившим педагогический опыт режиссера, является издание Е.С. Левина «Теория и практика преподавания кинорежиссуры (из педагогического наследия С.М. Эйзенштейна)» (М., 1988)¹³. Статья обобщающего плана «Eisenstein as Pedagogue» вышла в 1993 г. в журнале «Quarterly Review of Film and Video» за авторством V. Kerpley¹⁴. Среди зарубежных исследований режиссерской и педагогической работы Эйзенштейна назовем также статьи А. Gichuki (2023)¹⁵, J. Goodwin (1976)¹⁶, U. Kuch (2022)¹⁷, J. Leyda

⁴ Симорнян 2009.

⁵ Ефимова 2017.

⁶ Курова 2019.

⁷ Ключева 2020.

⁸ Попова 2024.

⁹ Федоров, Левицкая, Горбаткова 2023.

¹⁰ Пеньковская, Сложеникина 2024.

¹¹ Нижний 1958.

¹² Nizhny 1969.

¹³ Теория и практика преподавания кинорежиссуры (из педагогического наследия С.М. Эйзенштейна) 1988.

¹⁴ Kerpley 1993.

¹⁵ Gichuki 2023.

¹⁶ Goodwin 1976.

(1968)¹⁸, N. Morris (2020)¹⁹, A. Nesbet (2003)²⁰, A. Saki et al. (2020)²¹, M. Salazkina (2009)²². Новизна предпринятого исследования определяется отсутствием научных работ о педагогическом методе Эйзенштейна, в частности о практиковавшемся им сократическом диалоге как приеме обучения кинорежиссуре.

Актуальность исследования связана с двумя основными факторами: во-первых, в общем плане статья представляет новый материал в русле диалога времен, востребованности предшествующего культурного опыта в практиках XX в., в частном плане в работе делается попытка описать механизм сократического метода в конкретной сфере творческой деятельности – в обучении режиссуре кино выдающимся отечественным кинорежиссером Сергеем Эйзенштейном (1898-1948). В практическом аспекте изучение одного из методов гуманистической педагогики может быть экстраполировано на все другие предметные области, в которых истинное решение не аксиоматично, имеет варианты, его поиск проходит в ситуации энтропии – такие ситуации актуальны и в педагогике XXI века.

Рецепция Эйзенштейна по поводу сократического метода

В первой программе подготовки кинорежиссеров «Гранит науки» (1933), разработанной Эйзенштейном, в разделе «Метод преподавания» в обоснование метода режиссерского практикума педагог писал:

«На каждой фазе разрешения задания ставится определенный ряд вопросов и, сталкиваясь с отдельными правильными или неправильными ответами аудитории, выводятся исчерпывающие данные – частное конкретное решение на частном конкретном задании.

Этот же метод обучает студента великому искусству умело ставить перед собой конкретный и правильный вопрос на каждом этапе разрешения.

Найти ответ – дело простое, дело техники.

На первых порах вопросы должен ставить руководитель.

Затем наводить на правильные деловые вопросы.

И, наконец, приучить к сознательной постановке вопроса самими студентами перед самими собой»²³.

Как пишет исследователь и популяризатор творчества Эйзенштейна Наум Клейман, «до сих пор не осмыслен педагогический метод Эйзенштейна, им самим определенный как “сократический”»²⁴. Сократический метод являлся сквозным в программе Эйзенштейна. Он является сквозным и в онтологическом плане, продолжая оставаться актуальным на протяжении 2500 лет. В силу своей универсальности он был востребован античными школами, университетами – от средневековых

¹⁷ Kuch 2922.

¹⁸ Leyda 1968.

¹⁹ Morris 2020.

²⁰ Nesbet2003.

²¹ Saki A. A. et al. 2020.

²² Salazkina 2009.

²³ Эйзенштейн 1933, 5-6: 60.

²⁴ Эйзенштейн 2007: 9.

до современных, в настоящее время им пользуются коучи, тренеры – все те, кто занимается развитием личностных и профессиональных навыков людей, кто помогает человеку самостоятельно определять свои потребности, ресурсы и, исходя из них, варианты действий для достижения цели. Обучающимся по методу Сократа не предлагают готовых решений, а предоставляют возможность найти их самостоятельно. Сократический метод остается одним из главных в преподавательской практике в гуманитарных науках, учит собеседников кооперации, принятию позиции других участников диалога, толерантности, критической оценке предложенных решений, эффективной коммуникации, творческой свободе на основе равноправия.

В советской педагогической практике Эйзенштейн одним из первых не только стал внедрять сократический метод в обучение, но и оставил потомкам свои размышления о его результативности. В переработанной программе подготовки кинорежиссеров 1936 г. Эйзенштейн разъяснял: эффективность сократического метода обеспечивает накопление общего и примерно одинакового студенческого опыта решения творческих задач. Детальный, длительный и скрупулезный анализ решения проблемы делает зримым так называемое творческое озарение, которое сжато и мгновенно. Студент оказывается в ситуации выбора и отбора решения, отвечающего конкретной художественной задаче, частным условиям. Четкое решение частных задач – это основа техники режиссерского мастерства²⁵.

Сократический метод требовал полного вовлечения в диалог руководителя и студентов. Неслучайно поэтому М. Ромма так поразила общая включенность в обсуждение проблемы и Эйзенштейна, и эйзенштейн: «Делая вместе с учениками следующий шаг в осмыслении предложенной задачи, Эйзенштейн сам проверял себя, анализировал все возможности, которые предоставляла данная ситуация. Это было его личное упражнение. Уча, он учился, экзаменуя, он экзаменовался, отвергая решения учеников, он многократно проверял свои решения, он искал пути для себя. Его лекции были исследованием метода, который, как он сам считал, мог быть приложен к любой практике и в любом случае»²⁶. По мере чтения лекций в 1933-1934 учебном году накопилось значительное количество материала, стенографированного и расшифрованного женой и соратником Эйзенштейна П.М. Аташевой. Возникла идея оформить лекции в виде учебника. Так появился текст рукописи «Режиссура. Искусство мизансцены», который так и не был дописан, поскольку Эйзенштейн увидел необходимость новых томов учебных материалов, либо режиссерская работа не оставила возможности научного и учебного творчества. Рукописные материалы при жизни хранились в личном архиве П.М. Аташевой, после ее смерти – в ЦГАЛИ²⁷. Эта рукопись

²⁵ Эйзенштейн 1964, II: 134.

²⁶ Ромм 1966: 9-10.

²⁷ Ныне – РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства).

стала основой четвертого тома избранных произведений режиссера в шести томах, в приложение к «Режиссуре...» вошли некоторые лекции 40-х гг. В целом Эйзенштейн планировал трехтомный учебник и 30 ноября 1934 г. написал небольшое предисловие к рукописи учебника под названием «А ргіогі». В нем он сформулировал суть своего видения сократического метода, которым вел режиссерский практикум:

«Состоит он в следующем.

Беря строчки задания, мы со студентами коллективно-дискуссионно проходим весь путь от формулировки строчки до воплощения ее в полный объем живой формы сценического события (сценического или экранного). И, понятно, – поэтапно. Пространственно. Игрово. Монтажно. Кадрово-композиционно...

Процесс этот – самовозникновение результатов внутри процесса отбора, моменты ощущения возникновения композиционных закономерностей и пр. – мы закрепляем стенограммой.

И книга эта представляет собой обработку подобного курса лекций, прочитанного в ГИКе в учебный 1933/34 год.

В ней по возможности всюду сохранена форма того “сократического” метода, которым велись занятия. Сохранены вопросы. Возражения»²⁸.

Эйзенштейн в мемуарах писал, что сложность представляет не решение, а постановка задачи. Умение ставить вопрос называл величайшим. Считал, что молодых режиссеров, мучимых вопросами искусства, в трудное положение ставит именно неумение правильной постановки вопроса. Идее учебника по режиссуре предшествовало, по словам Эйзенштейна, «десять лет работы над “проклятыми” вопросами»²⁹. Работы, направленной на их соподчинение в рамках единого метода. Каждое учение присутствует в «молодняцких мозгах», но каждым понимается индивидуально. Правильно поставленные вопросы должны совместить опыт, традицию и индивидуальность. Автобиографичностью и практическими примерами («обытовлением») Эйзенштейн снимал «высокопарную теоретическую абстракцию»³⁰ Ученикам, «молодняку», на личном примере он хотел показать, «как думается и как должно думаться. Строй мышления и отношения к вещам – вот что хотелось бы передать»³¹.

История возникновения, структура, механизмы и инструменты сократического диалога

Метод сократического диалога как формы преподавания был выбран Эйзенштейном неслучайно. Основная предпосылка – становление как самой кинорежиссуры, так и практики ее преподавания. Перед учителем и учениками было множество проблем и не было готовых решений, их приходилось отыскивать самостоятельно. Сократическим диалогом (методом Сократа, Сократовым методом) называют беседу индивидуумов, не владеющих истиной и знаниями в готовом виде, а ищущих их через разрешение проблемы. Дискурс такого общения предполагает

²⁸ Эйзенштейн 1966, IV: 14-15.

²⁹ Эйзенштейн 1997: 366.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

следующую структуру: мотив – поиск ответа на онтологические вопросы; участники – вопрошающий и отвечающий (собеседник); инструмент – вопрос; задача – обнаружение познания или неведения; промежуточный результат – истинное или ложное суждение; итоговый результата – разрешение проблемы; цель – всеобщее благо. «Сократический диалог является инструментом решения проблем, “острие” которого “заточено” на прояснение смысла проблемы»³². Ученик Сократа Платон в диалоге «Теэтет» назвал метод Сократа майевтикой (от древнегреч. μαίευτική – «повивальное искусство», от μαῖα – «повивальная бабка, повитуха»). Смысл названия заключается в том, что в дискуссии Сократ не утверждал истин, а задавал последовательно вопросы, отвечая на которые собеседник как бы рождал истину. Наводящие вопросы помогали извлекать имеющееся в каждом знание. Извлечение знания называлось испытанием (ἐξέτασις). Предполагалось, что знание имеет божественную природу и заложено в человеке изначально. В таком случае Сократ был подобен повивальной бабке: как она помогала извлечь находящийся внутри плод, так и вопрошающий извлекал из разума собеседника предположенные там истины.

Сократ выступал, по сути, посредником между богом и истиной. Такое положение он смог занять, по Платону, в результате божественного выбора: дельфийская пифия сообщила другу Сократа Херефонту, что Сократ является мудрейшим на земле. Поскольку бог не мог ошибиться, Сократ принял на себя труд выискивать мудрость и допытываться истины. Он вступал в диалоги с государственными деятелями, поэтами, ремесленниками, считающимися мудрыми, задавал вопросы, связанные в основном с моральными установками и не имеющие однозначного ответа, сравнивал себя с собеседниками: «...я скажу, что величайшее благо для человека заключается в том, чтобы каждодневно вести беседы о добродетели и обо всем прочем, о чем, вы слышали, я беседую, исследуя самого себя и других, жизнь же без такого исследования не стоит и называть жизнью»³³ В итоге была создана сакраментальная фраза о том, что мудрейший из людей тот, кто обладает знанием своего незнания.

Задачей своих бесед Сократ считал доказательство того, что мудростью наделен только бог, человеку же он с радостью показывал, что тот не мудр. Одним из приемов диалогов Сократа была ирония – самоуменьшение, самоуничужение, прибеднение, притворство в противовес хвастовству (сам Сократ данным термином не пользовался, поскольку во времена Афинского государства слово имело значение преуменьшения своего состояния с целью уклонения от налогов)³⁴. Техника применения иронии заключалась в следующем: в начале диалога Сократ выражал согласие с мнением оппонента, но затем через вопросы в развитие темы показывал ложность убеждений собеседника. Если несостоя-

³² Иванова, Гнатышина 2018: 61.

³³ Платон 1923: 78.

³⁴ Несмеянов 2012: 106.

тельность собеседника становилась очевидна слушателям, он оказывался в ироничном, приниженном положении, в которое ввел себя сам своей самоуверенностью. При этом речь Сократа всегда была естественной, непринужденной и откровенной.

В защитительной речи на суде Сократ, обращаясь к судьям, говорил, что одно из обвинений в его адрес, – это то, что более слабый довод он делает более сильным и научает этому молодежь³⁵. Сократ мог прикидываться несведущим простаком и вступать в спор по вопросу, в котором собеседник мнил себя знающим. Сократ продумывал ход диалога, предполагал ответы, которые мог дать оппонент, и готовил вопросы, постепенно заводящие собеседника в тупик. В конце концов оппонент запутывался в своих суждениях, лишаясь самоуверенности в собственных познаниях³⁶. Смысл иронии как составной части сократического метода тот же – показать слабость догматического мышления, комичность самонадеянности, побудить человека к познанию и самопознанию, цель которых – самосовершенствование³⁷. По мнению Л.Д. Королевой, через сомнение ирония подтачивала основу первоначального мнения, открывала путь для дальнейшего просвещения и поиска истины³⁸. Кроме иронии, Сократ использовал прием индукции. Его смысл в том, что прийти к истине нельзя, но можно к ней приблизиться, если с помощью наводящих вопросов двигаться все глубже, от частного к общему. Сначала нужно установить предварительные общие понятия, а затем, вскрывая противоречия, приводя новые аргументы, прийти к концептуальным определениям вещей. Результатом спора становится формулировка определения, складывающегося из нескольких компонентов, обсуждаемых в споре, согласие по которым достигнуто. Главное, что необходимо отметить, – инициатор дискуссии сам не знает ответа на вопрос, чаще всего однозначного ответа и не существует, если речь идет о моральных или эпистемологических проблемах. Смысл спора – в совместном поиске ответа, максимально приближающегося к истинному, в отсечении предположений, кажущихся правильными в первом приближении. Сократ с помощью наводящих вопросов показывал такой аспект проблемы, который никогда оппонентом не рассматривался. Оказывалось, что поднятый вопрос более многогранный, неоднозначный, что не существует дефиниции, которую нельзя бы было оспорить.

Так и Эйзенштейн. Во введении в курс он предупредил студентов, что не даст им никаких готовых рецептов и приемчиков, «по которым можно делать хорошие картины»³⁹. Здесь и сейчас есть только совершенно определенное задание, конкретный частный случай, которому нужно дать кинематографическое разрешение. Причем каждая ситуация на занятии будет рассматриваться «под разными углами зрения на

³⁵ Платон 1923: 52.

³⁶ Кессиди 2001; Нерсесянц 2012.

³⁷ Безгодов 2015: С. 57-61.

³⁸ Королева 1998: 74-77.

³⁹ Эйзенштейн 1966, IV: 17.

разных этапах прохождения курса»⁴⁰. Учитель обязуется снабдить учеников методом, который «проведет нас через все частные случаи. Заучить какие-то приемы – как что делается – нельзя»⁴¹.

Эйзенштейн придавал правильно поставленному вопросу перво-степенное значение. Например, говорил он студентам, вы снимаете фильм о 1905 г. и беседуете с участником событий. Он может часами рассказывать обо все, но так и не скажет того, что нужно для правильной картинки, достоверного кадра, документальности: «...нужно умело подсекать распылчатость этих разговоров и все время сводить рассказ к вопросам, которые вас интересуют»⁴². Поэтому элемент режиссуры – это умение «ставить вопросы, наводить разговор на нужное»⁴³. «Суметь выудить из всего, что есть, то, что может выразить все», – таким образом учитель формулировал свое режиссерское кредо⁴⁴.

Чтобы понять сущность явления, Эйзенштейн, во-первых, предлагал иметь идейную установку, некоторый запас опыта и знаний, а во-вторых, пользоваться приемом сравнения. Он утверждал, что «абсолютной объективности нет. События всегда излагаются индивидуально», субъективно, тенденциозно⁴⁵. Поэтому режиссер, работая с исходным материалом, должен «очищать от посторонних элементов факты и материалы»⁴⁶. И сравнивать с подобным. Пример Эйзенштейна – сравнить ГИК с бурсой: «...сквозь бурсацкую обстановку вы увидите, что у вас, в конце концов, не так плохо. Если вас просто спросить, как вы живете, вы будете плакать, говорить, что плохо, а если это идет через сличение с другими материалами, специфические и характерные черты вашего быта проступят отчетливей»⁴⁷.

Эйзенштейн совместную со студентами учебную деятельность называл творческим процессом выдумывания⁴⁸. Он отказывал ей в магичности, а говорил, что главное – это внимательное наблюдение, как в угрозыске, отбор и выбор. Как у Сократа: «Отбор происходит в столкновении разных точек зрения»⁴⁹. Механизм работы сократического метода Эйзенштейн объяснял студентам следующим образом: «Мы будем делать это очень медленно, причем принцип такой: по каждому шагу будут вноситься предложения и каждое предложение будет обсуждаться. Сперва мы это будем делать вместе в аудитории, будем высказываться “за” и “против” до тех пор, пока решение не будет удовлетворять более или менее всех. Всегда будут оригиналы, которые останутся при особом мнении. В известных пределах мы их будем переубеждать. Но

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же: 19.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же: 18.

⁴⁵ Там же: 20.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же: 20-21.

⁴⁸ Там же: 25.

⁴⁹ Там же.

во всяком случае – дискутировать по каждому моменту»⁵⁰. Каждое предложение оспаривается, причем оспаривается доказательно: все частности должны работать на общую идею. При таком подходе видно, что учитель не наделяет себя правом последнего и окончательного решения. Он и сам им не владеет. Приемлемое решение, принятое в ситуации выбора и отбора, тяготеет к золотой середине – оно должно разделяться большинством. Сравнение, дискуссия, выбор и отбор – вот составные части учебного занятия.

Как и для Сократа, для Эйзенштейна было важно самопознание, формулирование самостоятельной авторской позиции. Поэтому занятия начинались в группах по 4-5 человек, у каждого должна быть своя точка зрения: «один говорит так, другой иначе»⁵¹. Так студент приучается к столкновению разных взглядов. От групповых решений постепенно студенты должны были перейти к формированию навыка «правильно дискутировать с самим собой»⁵². «Вы сами будете подходить к явлению с разных точек зрения. К этому моменту вы уже будете твердо стоять на ногах», – поучал и ободрял Эйзенштейн молодых режиссеров⁵³.

Путь к истине он сравнивал с пейзажем во мгле: сначала видны общие контуры, неясные абрисы. Но туман постепенно рассеивается, и пейзаж становится отчетливым, проясняются элементы, связывавшие все детали в одну картину. Он призывал студентов не смущаться формулировать мысли: когда наводят фокус, при промежуточном повороте вещь видится мутной. Но при правильно найденном положении вещь становится отчетливой. Эйзенштейн делился опытом, что имеет привычку записывать ход своих мыслей, работа идет в диалоге самого с собой. На фоне записанного начинают проступать варианты лучше, и первоначальное решение может полностью измениться: «...интересно, как начальное решение переходит в совершенно другое»⁵⁴.

Сократический метод в педагогической практике Эйзенштейна

Занятия Эйзенштейна были посвящены «перерождению» небольшого сценарного задания (шаблонного, банального, затасканного), выраженного одним предложением (сценарной строчкой), в развернутое актерское действие, разыгранное по ролям. Цель занятия – сюжетное углубление и развитие ситуации. Свою роль режиссер определял следующим образом: «моя роль сводится... к деятельности провоцирующей и направляющей, главным образом облегчающей вам процесс творчества и приучающей вас к постановке перед собой нужного вопроса в нужный момент»⁵⁵. Занятия начинались со сценарного задания «Возвращение солдата с фронта». Условия задачи: «Солдат возвращается с фронта. Обнаруживает, что за время его отсутствия у жены родился

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же: 26.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же: 27.

ребенок от другого. Бросает ее»⁵⁶. Рассмотрим сценарий, роли, диалоги, приемы, возникшие как следствие построения занятия по сократическому методу. В напечатанных лекциях диалог представлен таким образом: слова Эйзенштейна никак не маркируются, а реплики студентов вводят ся пометой «С м е с т а»; «с м е с т» – при множественном ответе.

Первая реплика о возрасте ребенка. Сразу возникает дискуссия: вторая реплика – ребенку два года, третья – несколько месяцев. Четвертая реплика выводит дискуссию на уровень наглядности – что лучше для сценического воплощения: ребенок, который ходит, или еще нет. Пятая реплика как бы перечеркивает предыдущие размышления и от проблемы времени переходит к вопросу пространства: это город или деревня? Понимая, что невозможно одновременно решать сразу два вопроса, Эйзенштейн вмешивается в дискуссию, поощряет студентов, что мыслят они правильно, но решать задачи нужно последовательно, в данном случае приоритета нет, оба вопроса важны и взаимосвязаны.

Далее в дискуссии уточняется возраст ребенка. В шестой реплике предлагается сделать ребенка ходячим. Эйзенштейн парирует, что это не работает на замысел – достаточно взрослый ребенок не указывает на то, что он был зачат и родился в отсутствие отца, когда тот был на фронте. Студенты быстро соглашаются с авторитетным мнением, предлагая в седьмой и восьмой репликах сделать ребенка неходячим или ползающим – при необходимости ребенок может выползти на сцену. Но опыт Эйзенштейна подсказывает, что построить мизансцену с маленьким ребенком очень трудно – это технический аспект. Более того, ребенок – это предмет коллизии, он должен быть пассивным, неповинным объектом, вокруг которого разыгрывается драма – это вопрос содержания. Эйзенштейн подсказывает, что ребенок может сыграть свою роль, в девятой реплике быстро звучит ответ – крик. Первое разрешение состоялось, возражений нет.

Далее происходит обсуждение локации: город или деревня? В десятой реплике студент предлагает перенести действие в деревню. С точки зрения воплощения образа, деревенская женщина должна быть «не столько виноватой, сколько попавшей в беду», вызывать сожаление, зрительскую эмоцию⁵⁷. Она скорее жертва насилия или неосмотрительности, но не распутница. На этом фоне уход мужа выглядит трагичней. Найдено второе разрешение. Оба «взаимонейтральных» вопроса последовательно получили мотивированные ответы.

Эйзенштейн не предлагает следующего хода, а, наоборот, спрашивает, что дальше? Дальше должно начаться развитие действия, и в 11-й реплике студент предлагает организовать взаимодействие мужа и жены около люльки. Учитель подводит группу к ситуации обнаружения ребенка (12-я реплика) – это постановочный элемент, который нуждается в оформлении. В 13-й реплике студент предлагает простое решение: спря-

⁵⁶ Там же: 28.

⁵⁷ Там же.

тать ребенка за ширму. Но режиссер видит сцену другими глазами. У грудного ребенка, по словам Эйзенштейна, должна появиться сценическая биография. Очевидно, студенты были не готовы к такой ретроспективе. Но согласны, что публика должна знать о ребенке (14-я реплика).

Эйзенштейн фиксирует насколько «колен» последовательного развития действия и спрашивает студентов об их сценическом оформлении. Студент в 15-й реплике предлагает вывести на сцену мать, стирающую пеленки. Режиссер опровергает этот ход художественным аргументом: активное действие стирки не создаст нужную атмосферу грусти. В 16-й реплике студент нерешительно предлагает показать спокойную стирку. Очень эмоционально Эйзенштейн объявляет такой подход «оппортунизмом. Ни то и ни другое. Ни нашим, ни вашим») и попутно объясняет, что любое сценическое действие должно осуществляться в полную силу⁵⁸.

Ясно, что студенты не знают сценического разрешения и предлагают простой способ: вывести на сцену человека, из разговора с которым зрители узнают о ребенке (17-я реплика). Эйзенштейн формулирует по этому поводу важное режиссерское правило: «Чем экономнее, тем лучше. Чем меньше затрата выразительных средств с максимальным их использованием, тем строже и почтеннее будет решение, найденное вами»⁵⁹. Так разрешение конкретной ситуации подвело к важному теоретическому послыу.

Эйзенштейн оглашает промежуточный итог, констатирует, что есть исходное общее решение, «нащупывается у нас у всех»: начало сцены должно быть статичным. Оно будет в дальнейшем противопоставлено большому развороту страстей⁶⁰. В ответ на 18-ю реплику студента режиссер подробно объясняет, почему идиллическая сцена не работает на конфликт и что нужно показать не только сближение, но и разъединение ребенка с матерью (это ее ребенок, но не ребенок ее семьи). Эйзенштейн просит студентов предложить сценическое решение: каким образом в планировке сцены выразить одновременно и мотив сближения, и мотив разъединения. В 19-й и 20-й репликах студент предлагает отрицательные решения по принципу: не должно быть того-то. Студенты подводятся еще к одному режиссерскому решению, связанному с воздействием на зрителя: «...зрители должны “попадать” в ощущение, что они увидят не фарс, чтобы с момента открытия занавеса уже в самом исходном расположении было ощущение какой-то серьезности, предчувствие ряда печальных событий»⁶¹.

В 21-й реплике предлагается решение: мать спит, ребенок где-то в углу. Эйзенштейн провокационно спрашивает: «Отвечает это тому, что мы хотели, или нет?»⁶². И поскольку все предыдущие ответы студентов были неверными, с места звучит ответ: нет! Однако оказывается, что это

⁵⁸ Там же: 34.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же: 35.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

весьма правильное решение, и далее в монологе режиссер разъясняет позицию. В 22-й реплике студент возражает, что нет элемента близости. И здесь Эйзенштейн подводит студентов к проблеме зрительского восприятия сценического действия. Важно расстояние между персонажами. Нужно, «чтобы зрители могли одним взглядом охватить обоих. Тогда единство и разобщенность выразятся в том, что они не вместе, но в одном поле зрения, то есть тогда вы имеете их одновременно вместе и раздельно»⁶³. Возражает же Эйзенштейн против сна. С его точки зрения, это физиологичное разъединение, а нужно показать психологичное. Поэтому лучше выбрать задумчивость, «упертость в одну точку»⁶⁴.

Эйзенштейн следит за восприятием и реакцией студентов, он видит, что студенты в растерянности, успокаивает их тем, что постепенно они набьют руку, такого рода решения будут приниматься непосредственно, без долгих раздумий. Его цель как учителя, «чтобы решалось верно столь же непринужденно, как дышится»⁶⁵. Важный промежуточный итог практикума – первое решение почти всегда неверно и последующее критическое рассмотрение выявляет его сценическую невыразительность. В создании действия и образа нет случайностей, задача режиссера – «так обработать все элементы, которые имеются на сцене, чтобы они “играли” на выполнение одного основного задания...»⁶⁶.

В 23-й реплике студент соглашается, что задумавшаяся мать создаст элемент ожидания. Эйзенштейн развертывает эту мысль, доказывает, что создается необходимая обстановка неблагополучия и гнета.

Следующая задача: как показать, что муж на фронте? В 24-й реплике студент предлагает повесить портрет на сцене, студент в 25-й реплике говорит, что это шаблонно. Однако Эйзенштейн парирует, что шаблонны не вещи сами по себе, а их использование. На вопрос Эйзенштейна о размещении персонажей относительно друг друга в аудитории молчание. Учитель называет возможные комбинации, поступает два предложения: лицом к лицу, мать не смотрит на ребенка (26-я и 27-я реплики). Эйзенштейн напоминает, что нужно одновременно показать и близость, и разобщенность с мужем, поэтому вполне подойдет промежуточный вариант: жена отвернулась на три четверти.

Следующий вопрос: какой должна быть обстановка на сцене. В 28-й реплике студент заявляет наличие люльки, в 29-й – другой студент отрицает. 30-я реплика – предложение детской корзинки. И из такой детали, как корзина, Эйзенштейн «извлекает» важное правило экспликации художественного содержания. Корзина не равна самой себе: это и бытовое, нейтральное вместилище для вещей, и нарочитое сокрытие ребенка. Эйзенштейн говорит о символическом переносе – зритель сам должен расшифровать знак на сцене: «это и есть элемент образного воплощения темы в движении и действии. Фактическое представление

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же: 38.

⁶⁶ Там же.

основного содержания или тематики, реально проделанное, но не названное своим именем»⁶⁷. И далее на нескольких примерах из литературы Эйзенштейн показывает действие приема *qui pro quo*, когда одно выдает себя за другое. Через анализ конкретной предметной ситуации Эйзенштейн подводит студентов к важному теоретическому выводу: «...каждое явление, действие или предмет, сохраняя свою реальную предметность, несет двойную задачу – показать свое содержание и выразить соответствующий участок общего содержания»⁶⁸. Художественная деталь имеет два плана декодирования: бытового и символический. На этом заканчивается первое колено (сцена) действия.

Начинается разбор второго колена – перенос ребенка, «чтобы он воспринимался как бытово мотивированный, а не как нарочитое и сознательное прятанье»⁶⁹. 31-я реплика – положить ребенка к печке. На вопрос учителя: что можно извлечь из этой сцены – у студентов ответа нет. Эйзенштейн задает наводящий вопрос: как ребенок может дать знать, что ему нехорошо? И далее в диалоге педагог подводит студентов еще к одному важному композиционному решению – закольцовке мизансцены. В 31-й и 32-й репликах появляется новая деталь – крик ребенка. Эйзенштейн объясняет: «Три раза детский крик отметит “начало, середину и конец” законченного в себе эпизода – по классическому рецепту Аристотеля»⁷⁰. Первый крик – возвращение мужа, второй – перенос ребенка, третий – уход мужа. По Эйзенштейну, крик ребенка – это завершающая нота, кульминационный пункт.

Затем возникает обсуждение характера крика, в 33-й, 34-й, 35-й репликах появляются варианты: все три крика одинаковые либо разные. Эйзенштейн, предлагая ответ, мотивирует его художественной ролью ребенка как части целого: одинаковый крик «более отчетливо даст ощущение единой конструкции и структурного целого»⁷¹.

Следующий наводящий вопрос: «слабый плач, визг, пронзительный крик?»⁷². После того как Эйзенштейн охарактеризовал крик ребенка как реперную сцену, в 36-й реплике студент, очевидно, предположил, что это должен быть пронзительный крик как точка наивысшего напряжения действия. Оказалось, Эйзенштейн намеренно вводил студентов в заблуждение: крик должен быть слабым. Режиссер аргументировал свою точку зрения.

Следующая деталь обстановки – куда переносится ребенок. В 37-й, 38-й, 39-й и 40-й репликах студенты обсуждают кровать, ее положение на сцене относительно двери, отдаленность от зрителей. Эйзенштейн предлагает ввести новую деталь – занавеску у кровати. И эта занавеска задерживается матерью не до конца. Мотив незавершенности

⁶⁷ Там же: 41.

⁶⁸ Там же: 42.

⁶⁹ Там же: 43.

⁷⁰ Там же: 44.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

становится стилистическим решением, по определению. Эйзенштейна, стилевым ключом-указателем, который определит все диалоги и действия в этой мизансцене.

В конце занятия Эйзенштейн подвел итог: нельзя ставить задачу придумать все заранее – в таком случае получится стилизационная схема. Кроме рациональных последовательных построений, должно быть ощущение самого содержания. И эти две составляющие подскажут стилистический ключ всей мизансцены⁷³. К этому общему выводу, а также к конкретному решению поставленных задач учитель и ученики подошли сообща: Эйзенштейн ставил проблему, задавал наводящие вопросы, получал несколько вариантов ответа, отсекал неверные решения, предлагал мотивировки к правильным ответам, логически переходил к взаимосвязанным и взаимообусловленным проблемам, делал промежуточные и итоговые выводы, поощрял активность и самостоятельность, иногда провоцировал. Нет неважных деталей. Нельзя построить правильное здание, если не положить один кирпичик или положить бракованный – все здание в итоге накренится и рухнет. Все частные детали работают на общую концепцию, к каждому художественному решению должен быть подобран свой стилистический ключ.

***

Таким образом, 1) в работе доказана актуальность сократического диалога как метода обучения, показана преемственность современной педагогической науки гуманистическим практикам, сформировавшимся на заре человеческой цивилизации, в недрах афинской философии. Фигура Сократа стала ключевой, его учение было обращено не к внешнему, но к внутреннему миру человека. Обращение к себе и в себя особенно актуально для режиссера – творца, реализующего в кадре или на сцене свой авторский замысел, ведущего за своей творческой идеей артистов, операторов, других участников творческого процесса; 2) в первой половине статьи, являющейся теоретической основой последующего анализа конкретной лекции Эйзенштейна, дана характеристика задач, целей, участников, языковых и внеязыковых приемов и средств, ситуации сократического диалога и др.; 3) в собственно исследовательской, второй, части статьи предложен анализ конкретного занятия со сценарным заданием «Возвращение солдата с фронта». На лекционном материале подробно разбирается сценарий занятия, роль учителя, содержание диалогов, цель заданных вопросов, реакции педагога и учеников, развитие сюжета лекции и др. частные моменты, цель которых – коллективный поиск наиболее приемлемого разрешения сценического конфликта средствами искусства; 4) в статье проводится мысль об универсальности сократического метода, его гуманистической сути, обращенной, с одной стороны, к собеседнику, с другой – к самому себе, к поиску истины в себе.

⁷³ Там же: 46-47.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Безгодов Д.Н. Ирония в сократическом методе: механизм и относительная ценность // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 57–61. [Bezgodov D.N. Ironiya v sokraticheskom metode: mekhanizm i odnositel'naya cennost' (Irony in the Socratic method: mechanism and relative value) // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2015. № 6. Pp. 57–61].
- Ефимова Д.А. С. Эйзенштейн: театральный нарратив в кинематографе // Научная палитра. 2017. № 1 (15). URL: culture.esrae.ru/ru/41-321. [Efimova D.A. S. Ejzenshtejn: teatral'nyj narrativ v kinematografe (Eisenstein: theatrical narrative in cinematography) // Nauchnaya palitra. 2017. № 1 (15). [Elektronnyj resurs]. URL: culture.esrae.ru/ru/41-321].
- Иванова О.Э., Гнатышина Е.А. Сократический диалог как метод управления проблемами // Философская мысль. 2018. № 4. С. 59–65. [Ivanova O.E., Gnatyshina E.A. Sokraticheskij dialog kak metod upravleniya problemami (Socratic dialog as a method of problem management) // Filosofskaya mysl'. 2018. № 4. Pp. 59–65].
- Кессиди Ф.Х. Сократ. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетея, 2001. 345 с. [Kessidi F.H. Sokrat (Socrates). 4-e izd., ispr. i dop. Saint-Petersburg: Aleteja, 2001. 345 p.].
- Ключева Л.Б. С. Эйзенштейн. Агрессия дискурса: теоретическое обоснование // Вестник ВГИК. 2020. Т. 12. № 3. С. 8–28. [Klyucheva L.B. S. Ejzenshtejn. Agressiya diskursa: teoreticheskoe obosnovanie (S. Eisenstein. Aggression of discourse: a theoretical justification) // Vestnik VGIK. 2020. T. 12. № 3. Pp. 8–28].
- Королева Л.Д. Диалектический метод Сократа // Юбилейный сборник трудов ученых РГАФК, посвященный 80-летию академии. М., 1998. Т. 5. С. 74–77. [Koroleva L.D. Dialekticheskij metod Sokrata (Dialectical method of Socrates) // Yubilejnyj sbornik trudov uchenyh RGAFK, posvyashchennyj 80-letiyu akademii. Moscow, 1998. T. 5. Pp. 74–77].
- Курова Е.Г. Диалектический метод в кино (по теоретическим работам С.М. Эйзенштейна) // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2019. Т. 5. № 1-2. С. 59–67. [Kurova E.G. Dialekticheskij metod v kino (po teoreticheskim rabotam S.M. Ejzenshtejna) (Dialectical method in cinema (based on the theoretical works of S.M. Eisenstein)) // Yuzhnyj polyus. Issledovaniya po istorii sovremennoj zapadnoj filosofii. 2019. T. 5. № 1-2. Pp. 59–67].
- Нерсисянц В.С. Сократ. 2-е изд., стер. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 238 с. [Nersesyanc V.S. Sokrat (Socrates). 2-e izd., ster. Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. 238 p.].
- Несмеянов Е.Е. Возможные смыслы сократической иронии в трактовке А.Ф. Лосева // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4. С. 105–109. [Nesmeyanov E.E. Vozmozhnye smysly sokraticheskoj ironii v traktovke A.F. Loseva (Possible meanings of Socratic irony in the interpretation of A.F. Losev) // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2012. № 4. Pp. 105–109].
- Нижний В. На уроках режиссуры С. Эйзенштейна. М.: Искусство, 1958. 203 с. [Nizhny V. Na urokah rehzhissury S. Ejzenshtejna (At the lessons of S. Eisenstein's directing.). Moscow: Iskusstvo, 1958. 203 p.].
- Платон. Апология Сократа / перевод с древнегреческого С.А. Жебелева. М., 1923. 87 с. URL: <https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/001-03.pdf>. [Platon. Apologiya Sokrata (The apology of Socrates) / perevod s drevnegrecheskogo S.A. Zhebeleva. Moscow, 1923. 87 p. URL: <https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/001-03.pdf/>].
- Пеньковская И.И., Сложеникина Ю.В. Языковые средства кинематографичности в лекционном курсе Сергея Эйзенштейна (1933-1936) // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4(107). С. 440-443. [Penkovskaya I.I., Slozhenikina Yu.V. Yazykovye sredstva kinematografichnosti v lekcionnom kurse Sergeya Ejzenshtejna (1933-1936) (Linguistic features of cinematography in the lecture course of Sergeant Einstein (1933-1936)) // Mir nauki, kultury, obrazovaniya. 2024. № 4(107). Pp. 440-443].
- Попова Л.В. Становление образа в кино: от Лессинга и Гегеля до С. Эйзенштейна // Культура и искусство. 2024. № 2. С. 67-77. [Popova L.V. Stanovlenie obraza v kino: ot Lessinga i Gegelya do S. Ejzenshtejna (Definition of an image in cinema: from Lessing and Hegel to S. Geisentein) // Kul'tura i iskusstvo. 2024. № 2. Pp. 67–77].
- Ромм М. Вступительное слово об учителе // Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: В 6 т. М.: Искусство, 1964–1971. Т. 4. М.: Искусство, 1966. С. 7–10. [Romm M. Vstupitel'noe slovo ob uchitele (Introductory word about the teacher) // Ejzenshtejn S.M. Izbrannye proizvedeniya: V 6 t. Moscow: Iskusstvo, 1964-1971. T. 4. Moscow: Iskusstvo, 1966. Pp. 7–10].

- Симонян С.В. Сергей Михайлович Эйзенштейн о природе искусства. Автореф. дис... канд. филос. наук. М., 2009. 27 с. [Simonyan S.V. Sergej Mihajlovich Ejzenshtejn o prirode iskusstva (Sergei Mikhailovich Eisenstein on the nature of art). Avtoref. dis... kand. filos. nauk]. Moscow, 2009. 27 с.
- Синельникова О.В. Эстетическая теория С. Эйзенштейна в диалоге с явлениями философии и культуры различных эпох // Вестник Кемеровского государственного университета. 2007. № 2. С. 61–78. [Sinel'nikova O.V. Esteticheskaya teoriya S. Ejzenshtejna v dialoge s yavleniyami filosofii i kul'tury razlichnyh epoch (S. Eisenstein's aesthetic theory in dialogue with the phenomena of philosophy and culture of different eras) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 2. Pp. 61–78].
- С.М. Эйзенштейн: pro et contra: Сергей Эйзенштейн в отечественной рефлексии: антология / составители Н.С. Скороход, О.А. Ковалов, С.А. Семечук. 2-е изд. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015. 1135 с. [S. M. Ejzenshtejn: pro et contra: Sergej Ejzenshtejn v otechestvennoj refleksii (S.M. Eisenstein: for and against: Sergei Eisenstein in the original "reflexes: an anthology"): antologiya / sostaviteli N.S. Skorohod, O.A. Kovalov, S.A. Semenchuk. 2-e izd. Sankt-Peterburg: Izd-vo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akad., 2015. 1135 p.].
- Теория и практика преподавания кинорежиссуры (из педагогического наследия С.М. Эйзенштейна) / Составитель и автор примечаний Е.С. Левин. М., ВГИК, 1988. 110 с. [Teoriya i praktika prepodavaniya kinorezhissury (iz pedagogicheskogo naslediya S.M. Ejzenshtejna) (Theory and practice of teaching film directing (from the pedagogical heritage of S.M. Eisenstein)). Moscow, VGIK, 1988. 110 p.].
- Федоров А.В., Левицкая А.А., Горбаткова О.И. Эволюция теоретических киноведческих концепций в журнале «Искусство кино» (1931–2021). М.: ОД «Информация для всех», 2023. 378 с. [Fedorov A., Levitskaya A., Gorbatkova O. Evolyuciya teoreticheskikh kinovedcheskikh koncepcij v zhurnale «Iskusstvo kino» (193-2021) (Evolution of theoretical film studies concepts in the Cinema Art journal (1931-2021)). Moscow: SM "Information for All", 2023. 378 p.].
- Эйзенштейн для XXI века: сборник статей / ред.-сост. Н.И. Клейман. М.: Гараж, 2020. 335 с. [Ejzenshtejn dlya XXI veka: sbornik statej (Eisenstein for the XXI century: a collection of articles) / red.-sost. N.I. Klejman. Moscow: Garazh, 2020. 335 p.].
- Эйзенштейн С. Гранит кинонауки (Републикация и предисловие Н.И. Клеймана) / публикатор Наум Клейман // Киноведческие записки. 2007. № 85. С. 8–52. [Ejzenshtejn S. Granit kinonauki (Granite of film science). Republikacija i predislovie N.I. Klejmana / publikator Naum Klejman // Kinovedcheskie zapiski. 2007. № 85. Pp. 8–52].
- Эйзенштейн С.М. Программа преподавания теории и практики режиссуры (1936) // Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: В 6 т. М.: Искусство, 1964–1971. Т. 2. М.: Искусство, 1964. С. 131–156. [Ejzenshtejn S. M. Programma prepodavaniya teorii i praktiki rezhissury (1936) (Program of teaching the theory and practice of directing (1936)) // Ejzenshtejn S.M. Izbrannye proizvedeniya: V 6 t. Moscow: Iskusstvo, 1964–1971. T. 2. Moscow: Iskusstvo, 1964. Pp. 131–156].
- Эйзенштейн С.М. Режиссура. Искусство мизансцены // Избранные произведения: В 6 т. М.: Искусство, 1964–1971. Т. 4. М.: Искусство, 1966. С. 11–738. [Ejzenshtejn S.M. Rezhissura. Iskusstvo mizansceny (Directing. The Art of Mise-en-scene) // Izbrannye proizvedeniya: V 6 t. Moscow: Iskusstvo, 1964–1971. T. 4. Moscow: Iskusstvo, 1966. Pp. 11–738].
- Эйзенштейн С.М. Мемуары: В 2 т. / Сост. и комм. Н.И. Клеймана, подгот. текста В.П. Коршунова и Н.И. Клейман, ред. В.В. Забродин. М.: Редакция газеты «Труд», Музей кино, 1997. Т. 1. Wie sag' ich's meinem Kinde?! / Предисл. Н.И. Клеймана. 431 с. [Ejzenshtejn S.M. Memuary (Memoirs). V 2 t. / Sost. i komment. N.I. Klejmana, podgot. teksta V.P. Korshunova i N.I. Klejman, red. V.V. Zabrodin. Moscow: Redakciya gazety «Trud», Muzej kino, 1997. T. 1. Wie sag' ich's meinem Kinde?! / Predisl. N.I. Klejmana. 431 p.].
- Эйзенштейн С. Гранит кинонауки // Советское кино. 1933. № 5-6. С. 58–67. [Ejzenshtejn S. M. Granit kinonauki (Granite of film science) // Sovetskoe kino. 1933. № 5-6. Pp. 58–67].
- Gichuki A. Sergei Eisenstein: contributions to montage theory and cinema // African Journal of Emerging Issues. 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 21–26.
- Goodwin J. Eisenstein's creative process // Quarterly Review of Film Studies. 1976. No. 1(1). Pp. 56–62.
- Kepley V. Eisenstein as Pedagogue // Quarterly Review of Film and Video. 1993. No. 14: 4. Pp. 1–16.

- Kuch, U. Transmission of Knowledge: Eisenstein, Le Corbusier, and Montage as Image Practice in Film and Architecture // Dimensions. Journal of Architectural Knowledge. 2022. No. 2 (4). Pp. 27–43.
- Leyda J. Sergei Eisenstein: Film Essays, with a Lecture. London: Dennis Dobson. 1968. 220 p.
- Morris N. Eisenstein: Revolutionary and International Modernist // The Yearbook of English Studies. 2020. Vol. 50. No. 1. Pp. 95–115.
- Nesbet A. Savage Junctures: Sergei Eisenstein and the Shape of Thinking. N.Y.: I B Tauris. 2003. 260 p.
- Nizhny V. Lessons with Eisenstein. New York: Hill and Wang. 1969.
- Saki A. A. et al. The Cinematic Montage in the Novel Г'jaam by Sinan Anton in Light of Sergei Eisenstein's Views // Arabic Literature. 2020. Vol. 12. No. 3. Pp. 49–71.
- Salazkina M. In Excess: Sergei Eisenstein's Mexico. Chicago: University of Chicago Press. 2009. 222 p.

Сложеникина Юлия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор, кафедра русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов; заведующая, кафедра филологии Университета «Синергия»; goldword@mail.ru

Пеньковская Инна Игоревна, соискатель, кафедра русского языка и теории словесности МГЛУ, старший преподаватель, кафедра иностранных языков Университета «Синергия»; innascudder@gmail.com

Socratic Dialogue as A Teaching Method: Sergei Eisenstein

Sergei Eisenstein became an innovative teacher, having developed the first curriculum for training film directors "Granite of Science" (1933) and having started teaching students at the State Institute of Cinematography. The novelty of the research undertaken is determined by the first scientific understanding of Eisenstein's pedagogical method. He practiced Socratic dialogue as a method of teaching film directing. The relevance of the study is associated with two main factors: firstly, in general terms, the article presents new material in the mainstream of the dialogue of times, the demand for previous cultural experience in the practices of the 20th-21st centuries, and secondly, the study of one of the methods of humanistic pedagogy can be extrapolated to other subject areas in which the true solution is not axiomatic. The article thematically consists of two parts: the first gives an idea of the Socratic method, defines its mechanisms, functions, structure. The second, based on a specific lecture by Eisenstein given at the State Institute of Cinematography in the 1933-1934 academic year, analyzes the use of the Socratic method in organizing dialogue between a teacher and students.

Keywords: *Sergei Eisenstein, Socratic method, filmmaking, teaching style, lecture, director.*

Yulia Slozhenikina, Doctor of Philology, Professor, Professor, Department of Russian Language and Teaching Methods, Peoples' Friendship University of Russia; Head of the Department of Philology, Synergy University; goldword@mail.ru.

Inna Penkovskaya, PhD candidate of the Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Synergy University, innascudder@gmail.com

А.Д. ПОПОВА

ИЗ ЖИЗНИ ОТДЫХАЮЩИХ ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ КУРОРТНИКОВ ЭПОХИ «РАЗВИТОГО» СОЦИАЛИЗМА ПО ОБРАЩЕНИЯМ ГРАЖДАН¹

В статье анализируются особенности отдыха советских граждан на морских курортах Советского Союза как части повседневной жизни. Исследуются различные аспекты жизни отдыхающих – условия проживания, питание, досуговая деятельность. Были использованы письма граждан, которые направлялись ими в органы власти, а также письма, опубликованные на страницах газет, издаваемых в Симферополе и в приморских городах – Сочи, Феодосии, Геленджике, Керчи. Анализ источников показал, что повседневная жизнь отдыхающих отражала многие особенности советской экономики. Отдых на морском побережье позиционировался как награда за труд, способ восстановить здоровья для дальнейших трудовых подвигов. Исследование показало, что граждане в своих письмах мозаично оценивали отдых на советских курортах. Высокую оценку получил уровень медицинской помощи, более неоднозначно люди отзывались об условиях проживания, питании. Особенно много недовольства вызывали условия проживания, которые приезжие получали на частных квартирах. Также в качестве недостатков граждане называли плохую работу общепита, дефицит овощей и фруктов, а также промышленных товаров, необходимых для отдыха. Автор делает вывод, что данные особенности повседневности отдыхающих были неизбежны из-за отсутствия конкуренции в курортной сфере.

Ключевые слова: повседневность, письма граждан, провинциальная периодика, курортная жизнь, Крым, Сочи.

Закрепление и защита социальных и культурных прав на сегодняшний день может считаться важнейшим маркером социального государства. В современных ностальгических рассуждениях о прошлом нашей стране нередко можно встретить идеализированный образ советской страны («Санаторно-курортное лечение — для всех желающих» или «Мне тогда хорошо и на Исык-Куле отдыхалось. Да и Крым был доступен всем по средствам»)².

В отечественной научной литературе проблема повседневности отдыха в советский период исследовалась в двух направлениях. Одни работы рассматривали этот вопрос с точки зрения развития туристической и курортной отраслей³. Другие изучали эту тему с точки зрения реализации прав и свобод граждан, в т.ч. права на отдых⁴. Авторы ввели в научный оборот архивные документы о деятельности советских санаториев и домов отдыха, ими исследовались вопросы распределения путевок в эти учреждения, организации лечебных процедур и досуго-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Советская повседневная жизнь в письмах граждан во власть 1950-70-х годов. 24-28-01217». *Everyday Life in Soviet People's Letters to Government Officials in the 1950s*

² Попова 2019: 68.

³ Ершова 2019; Попов 2012; Лысикова 2016; Шадрин 2022; Колупанова 2012; Семенова 2020.

⁴ Орлов 2009; Елинский, Саудаханов 2021; Селиванова 2022; Попова 2019; Паликова 2021.

вых мероприятий. Вопросы организации отдыха и социальные практики проведения отпуска исследовались в контексте изучения особенностей советской социальной системы, проблемы доступности различных социальных благ, равенства общества. Авторы пришли к вполне логичному выводу, что при реализации права на отпуск проявлялись такие типичные для советского строя черты как иерархичность распределения благ в зависимости от статуса гражданина. Однако в имеющихся научных исследованиях практически не исследовался сам взгляд отдыхающих на особенности отдыха на советских курортах.

Интересным источником, который освещает данный вопрос, являются письма советских отдыхающих, которые они направляли в органы власти и в периодические издания. В частности, были использованы письма из фондов Государственного архива Краснодарского края. Они направлялись жителями края как первым лицам государства (Н.С. Хрущеву и Л.И. Брежневу), так и в газеты страны. Местные газеты, в том числе издаваемые в курортных городах в конце 1950-х годов имели рубрики типа «Читатели пишут». Печатали как письма местных жителей, так и отдыхающих. Были использованы письма, опубликованные на страницах таких газет как «Крымский комсомолец» (орган Крымского обкома и Симферопольского горкома ЛКСМУ), «Победа» (орган Феодосийского городского комитета Коммунистической партии Украины и городского совета депутатов трудящихся), «Красное знамя» (орган Сочинского городского комитета КПСС и городского совета депутатов трудящихся Краснодарского края), «Ряданский Крим» (орган Крымского обкому Комуністичної партії України і обласної Ради депутатів трудящих), «Красное знамя» (орган Геленджикского райкома КПСС, районного и городского Совета депутатов трудящихся), «Керчинский рабочий» (орган Керчинского горкома коммунистической партии Украины и городского совета депутатов трудящихся).

Газеты публиковали как сами письма, так и обзоры писем, подготовленные редакцией. В них и в самих письмах (как в опубликованных, так и неопубликованных) отражаются разнообразные частные эпизоды повседневной жизни, в том числе и актуальные для отдыхающих: особенности работы общепита курортных городов, стоимость проживания в частном секторе, работы торговых точек и услуг сферы быта, организация лечения и досуга в санаториях. Как правило это были небольшие, но довольно эмоциональные высказывания, содержащие один или несколько фактов. В обобщенном виде они позволяют выстроить яркую и интересную картину повседневной жизни курортника. Интересным представляются не только сам фактический материал, но и отношения людей к указанным событиям, так как они позволяют выявить запросы и потребностей граждан, находящихся на отдыхе.

Конец 1950-х может быть охарактеризован как вступлением страны в период, который будет именоваться советской пропагандой как «развитой социализм». Основные трудности послевоенного времени

уже были преодолены, начинался второй виток урбанизации, связанный с открытием значительных месторождений газа и нефти. Происходили и серьезные изменения в советской повседневности. Массовое строительство жилья, выпуск бытовой техники, различных атрибутов отдыха и досуга (фотоаппаратов, радиоприемников, спортивного инвентаря) иллюстрировал новый вектор государственной политики. Вместо идеи борьбы за победу коммунистических идеалов стал приходиться образ более комфортной жизни, сочетающей не только героический труд, но и отдых, комфорт в повседневной жизни⁵.

Источники позволяют осветить разные аспекты организации отдыха советских людей. Очень интересен вопрос о доступности путевок. Советская пропаганда декларировала равную доступность всех благ трудящимся независимо от их статуса. Однако еще до революции место и формы проведения отпуска и досуга стали одним из показателей принадлежности к той или иной социальной группе⁶. В советское время эта тенденция не исчезла, а стала еще более формализована. Наиболее желанными городами для отдыха были Сочи и Ялта⁷. Газета «Крымский комсомолец» с гордостью указывала, что в 1958 г. в Крыму отдохнуло 321 тыс. человек, кроме того, 370 человек приехали без путевок и курсовок («дикарями») как говорилось тогда⁸. В абсолютном выражении сумма довольно внушительная, но она мало показывает, насколько была доступна путевка для граждан такой огромной страны каким был Советский Союз. Интересное письмо на эту тему опубликовано в газете «Правда» (г. Феодосия). Автором является председатель городского комитета работников культуры. Он с гордостью пишет, что их коллектив из 420 работников получил 6 путевок в санаторий и 13 в дома отдыха⁹. Декларировалось, что в первую очередь их получают те, кто лучше работал. Однако жизнь бывала пестрой. Несколько выделенных на коллектив путевок нередко становились предметом интриг, включения различных неформальных механизмов управления, то есть поиск знакомых, блага. Профессор И.Б. Орлов отметил, что в 1930-е гг. возможность отдохнуть в санатории или доме отдыха вошла в систему номенклатурных льгот и привилегия. Посему декларируемый народных отдых оказывался достаточно элитарным: в 1931 г. процент «рабочих от станка» в санаториях составлял не более 41–48%. По пансионатам этот процент был еще ниже – лишь 17–23%¹⁰. Очевидно, что недоступность желаемого отдыха мало соответствовала образу развитого социализма, но это была типичная ситуация со всеми благами в стране. Иерархичность распределения путевок прослеживалась даже среди ученых¹¹.

⁵ Селиванова 2022: 82.

⁶ Паликова 2021: 138.

⁷ Лысикова 2016: 83.

⁸ Дементьев Н. Дано советской властью // Крымский комсомолец. 1958. 5 декабря.

⁹ Борисенко А. Право на отдых // Правда. 1958. 28 сентября.

¹⁰ Орлов 2009: 29.

¹¹ Секенова 2020: 43.

Архивные материалы показывают, что порой получение путевки превращалось в недоступную мечту. Именно это становилось поводом для написания обращений даже к первым лицам государства. Так, жительница Армавира М. обращалась к главе государства Н.С. Хрущеву, чтобы он помог ей получить путевку в санаторий для страдающих язвенной болезнью. По тону письма понятно, что обращение к главе государства для нее – шаг вынужденный и является последней надеждой на решение своей проблемы: «...я ни на кого не жалуясь, вот только у нас трудно получить путевку в санаторий для желудочников, а я бы хотела. Чтобы мои дети не остались без матери раньше времени. Извините меня, но если сможете, то помогите мне. Прошу Вас, еще раз извините»¹². По сложившейся традиции письма, адресованные даже главе государства, рассматривались местными исполкомами, и ответ Армавирского горисполкома гласил, что в настоящий момент не может выделить гражданке путевку, но обещал учесть ее просьбу в будущем. Комплекс документов, который сложился вокруг этого письма, не позволяет понять окончательное решение вопроса. Более очевидна ситуация с похожей просьбой стрелка воензированной охраны железной дороги. Он написал обращение в газету «Правду», попросив помочь получить путевку для жены в Ессентуки, так как она страдает болезнью желудка. Ему получить профсоюзную путевку не удастся, так как у военнослужащих профсоюза нет. Он просит помочь ее приобрести: «Я сам читаю газеты, что наше Правительство и партия большое внимание уделяет благосостоянию советского народа, что у нас в стране много строиться санаториев и домов отдыха, но попасть в санаторий нелегко». Однако ему объяснили, что путевки не продаются свободно, а реализуются только через профсоюз: «Для свободной реализации путевок не имеется»¹³.

Обращения граждан позволяют оценить и качество отдыха. Интересно, что преобладающей позицией при оценке ставилось качество лечения. То есть считалось, что на курорты надо ехать именно лечиться, а не развлекаться. В этом плане очень показательна одна из публикаций сочинской газеты «Красное знамя», которая прямо поднимает вопрос, что среди пациентов санатория много здоровых людей, которым не нужно лечение. В санатории приезжают люди, у которых в карточках прописаны весьма серьезные заболевания, но реально эти люди абсолютно здоровы. Доходит до того, что по путевкам в детские санатории приезжают взрослые люди, а по путевкам для участников Великой Отечественной войны – граждане, которые не могли быть на фронте в силу своего возраста. Таким надо не в санаторий ехать, а провести отпуск по-другому: «Можно хорошо провести свой отпуск и на турбазах, и в гостиницах, и в пансионатах, и в домах отдыха»¹⁴. Этот же момент просвечивается в еще одном письме на имя Хрущева по поводу

¹² Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-687 Оп. 3. Д. 1680. Л. 15.

¹³ ГАКК. Р-687 Оп. 3. Д. 1680. Л. 26.

¹⁴ Комаров А. По чужим путевкам // Красное знамя. 1958. 8 августа.

путевки: участница войны, член партии Валентина Д. в 1961 г. обращалась к главе государства с просьбой помочь получить путевку. Она особо подчеркивала, что всегда старалась быть полезной Родине, добровольцем пошла на фронт, воевала, а теперь испытывает полный упадок сил и врач говорит, что срочно нужно курортное лечение, но она не может его получить: «Но на путевку надежды нет. Их ждут по два года и безрезультатно. Но я вижу, как полные сил, здоровья люди ездят по санаториям, так как у них много денег и они путевки как-то покупают на местах и вообще как-то достают, но я не умею так доставать, у меня нет таких денег, у меня нет высоких покровителей, мой муж простой рабочий, отцы наши погибли на фронте, и я слишком простой человек и поэтому обречена на гибель»¹⁵. Увы, но полученный ответ не давал фронтовичке надежды: путевки распределяются профсоюзам.

Благодаря письмам мы можем получить информацию о высокой результативности курортного лечения. Газеты курортных городов часто публиковали письма, в которых граждане благодарили медиков за работу, отмечали улучшение самочувствия. В газете «Победа» от 20 июля 1958 г. было опубликовано коллективное письмо отдыхающих из санатория «Восход» в Феодосии под говорящим названием «Поправили свое здоровье». Авторы отмечали, что медицинский персонал очень внимательно отнесся к каждому и благодаря этому они возвращаются на производство с новыми силами. Очень хорошие впечатления о работе врачей в санатории «Новые Сочи» остались у жителя Ленинградской области В. Реутова. Яркие эмоции выразил житель Краснодара П. Устименко, ведь благодаря усилиям врачей он смог сменить костыли на палку¹⁶. О резком улучшении здоровья после лечения в санаториях Геленджика пишет и геленджикская газета «Красное знамя». В номере от 23 мая 1958 г. эта газета поместила обзорную статью «Покидая город-курорт», где обобщила ряд писем читателей, которые делились впечатлениями от отдыха в санаториях «Геленджик», «Черноморец», «Приморье», и многие сообщали о значительном улучшении своего состояния.

О заботливом отношении врачей и об улучшении здоровья от пребывания на курорте говорят не только пациенты санаториев. Приехавшие по курсовке тоже писали благодарственные письма, так В. Мезенцев, побывавший в Сочи, отмечал: «Я приехал на курорт лечиться по курсовке. Признаться, жалел, что не попал в санаторий, думал, что только там есть хорошее лечение. Но вскоре убедился, что это не так... Прошло немного времени, и я почувствовал себя значительно лучше. Сейчас я совершенно здоров»¹⁷. Особенно можно порадоваться за авторов писем, где рассказывается о выздоровлении детей. Читатель сочинской газеты «Красное знамя» А. Костин рассказывает о судьбе своего сына, который серьезно заболел и был вынужден учиться не в обычной

¹⁵ ГАКК. Р-687 Оп. 3. Д. 1680. Л. 53 об.

¹⁶ Б.а. Они выполняют свой долг // Красное знамя. 1958. 25 января.

¹⁷ Мезенцев В. Отдохнул и подлечился хорошо // Красное знамя. 1958. 18 февраля.

школе, а в санаторно-лесной школе, благодаря чему ребенок полностью выздоровел¹⁸. Правда есть и другие отзывы. Житель Ессентуков А. Янов довольно критично оценил медицинскую сторону отдыха в санатории «Волга»¹⁹. К врачу пациенты попадали только на 3-4 день, нет соответствующей базы для диагностики, с больными не церемонятся²⁰. Не повезло в Судаке преподавателю из Львова А. Познякову, который во время отдыха заболел. С температурой в 9 утра он пришел в местную поликлинику, надеясь попасть к врачу, но в приеме ему отказали.

Также достаточно много хороших слов в письмах граждан звучат про условия проживания в санаториях и домах отдыха. «Зайдите в наши палаты, корпуса. Кругом исключительная чистота, уют, тишина», - делиться отдыхающий санатория «Восход» В. Логунов²¹. Однако так везло не всем. Постояльцы сочинского санатория «Прогресс» сетовали, что комнатах было очень холодно, а директору до нужд людей не было никакого дела²². Отдыхающий пансионата на «Золотом пляже» А. Кустин был вынужден жаловаться в газету, описывая при этом не просто спартанские, а даже антисанитарные условия: «Два дня мы спали без матрацев, без простыней. На третий день еле-еле выпросил постельные принадлежности у сестры-хозяйки. Отдавая их, она высказала, что делает это в порядке одолжения»²³. В одном алуштинском санатории пациентов принимают только утром, тем кто приехал вечером приходится искать место, чтобы переночевать и только утром²⁴.

Трудности ждали приезжавших на отдых без путевок, а в Крыму таких было 90%²⁵. Не получившие путевку селились на частных квартирах, рассчитывать на гостиницу не приходилось. Как верно заметила И.А. Колупанова: «Гостиничное хозяйство нашей страны оставалось недостаточным по числу мест, не всегда отвечало требованиям международных стандартов и не удовлетворяло возрастающему спросу населения»²⁶. Сдача квартир регламентирована: цена и условия, которые были должны предоставить хозяева своим постояльцам, были определены официально. Но соблюдались они далеко не всегда. Красочную картину нарисовала ленинградка, приехавшая в Феодосию в 1958 г. Она сняла у частника комнату весьма скромных размеров – 7 кв. м, но спокойного отдыха не вышло: к ней в комнату втиснули еще одну кровать и на нее поселили женщину с девочкой²⁷. Подобные проблемы возникали и у отдыхающих в Сочи. Местная газета «Красное знамя» подготовила об-

¹⁸ Костин А. Радость нашей семьи // Красное знамя. 1958. 19 марта.

¹⁹ Позняков А. Як у Судаку обслужують хворих // Радянський Крим. 1958. 31 липня.

²⁰ Янов А. Поговорим откровенно // Красное знамя. 1958. 12 августа.

²¹ Логунов В. «От всей души говорю: спасибо!» // Правда. 1958. 13 августа.

²² Нилюгов В., Кожушко В. и др Надежды не оправдались // Красное знамя. 1958. 28 февраля.

²³ Кустин А. Разве так можно обслуживать отдыхающих? // Правда. 1959. 29 июля.

²⁴ Джугаленко И. Санаторий чи вокзал // Радянський Крим. 1958. 11 вересня.

²⁵ Попов 2012: 117.

²⁶ Колупанова 2012: 211.

²⁷ Захарова Е. Создать условия для отдыхающих без путевок // Победа. 1958. 20 июля.

зор писем читателей о съемных квартирах. Некоторые отдыхающие отмечали хорошие условия и любезное отношение владельцев квартир. «Я чувствовала себя как дома!», – пишет одна женщина. Это не единственный положительный отзыв, но и нареканий в письмах содержится немало. Так, читатели жалуются, что в квартире им запрещалось пользоваться электрическими приборами или душевой. Неприятная ситуация сложилась у ленинградки Куликовой: по состоянию здоровья ей пришлось уехать раньше на 10 дней, но деньги с хозяйки квартиры за не прожитые дни она получить не смогла²⁸. Актуальной проблемой было завышение цен за проживание. Житель Воронежской области А. Андреев писал, что за комнату с двумя кроватями хозяин попросил 900 руб. за 28 дней, а другой – за комнату с тремя кроватями попросил за такой же срок более тысячи²⁹. В Геленджике цена за проживание на частной квартире достигала 400–500 руб. за месяц³⁰.

Один из важнейших элементов отдыха и жизни – питание. На отдыхе люди хотят не только питаться вкусно и правильно, но еще и насладиться дарами местной кухни и природы. В газетах курортных городов регулярно публиковались обзорные статьи об организации отдыха в том или другом санатории. Как правило, питание там представлялось замечательным. «Кормят нас хорошо, главное вкусно» — делится с журналистом газеты «Правда» один из отдыхающих в Феодосии³¹.

Однако письма граждан свидетельствуют о ярком проявлении особенностей советского общепита. Жалобы на питание встречаются часто. Например, уже упомянутый А. Кустин из пансионата «Золотой пляж» сетовал и на питание: «А как отвратительно работает пищеблок! Помимо того, что за пищей приходится стоять часами, готовится она невкусно». Гражданин даже указывает на испорченное мясо в супе³². Был недоволен питанием и еще один автор уже цитируемого письма — житель Ессентуков А. Янин: «Питание в столовой неважное. Пища приготовлена кое-как. Блюда оформляются неумело. На рынке полно свежих фруктов и овощей, а здесь нет ни огурцов, ни яблок»³³.

Особенно не повезло тем, кто был вынужден сам решать этот вопрос, рассчитывать на столовые и кафе. Точек общепита было мало, и отдыхающие должны были стоять в очередях, тратить на прием пищи много времени. Как написали в своем обращении в газету «Правда» учительницы Зубковы: «Чтобы покушать нам приходится тратить полтора или два часа в очереди»³⁴. В Сочи отдыхающие остались недовольны работой ресторана «Светлана»: «Все первые блюда были приготовлены плохо. Мы попробовали «борщ московский», «уху ростов-

²⁸ Ба. Обеспечить условия для отдыха // Красное знамя. 1958. 15 июля.

²⁹ Андреев А. Покончить со спекуляцией квартирами // Красное знамя. 1958. 22 июля.

³⁰ Тромифов С. Навести порядок в пользовании квартирами // Красное знамя. 19 февр.

³¹ Суханов А. В доме отдыха // Победа. 1958. 13 июня.

³² Кустин А. Разве так можно обслуживать отдыхающих? // Правда. 1959. 29 июля.

³³ Янов А. Поговорим откровенно // Красное знамя. 1958. 12 августа.

³⁴ Зубкова М., Зубкова Т. Не все предусмотрели // Правда. 1958. 30 июля.

скую» и «солянку рыбную». Все эти три первых блюда были низкого качества»³⁵. Читательница геленджикской газеты «Красное знамя» Т. Толочек поделилась опытом посещения ресторана «Геленджик», в котором им подали весьма неудачный шашлык и салат: «Вместо баранины на палочке отварное говяжье мясо, не обжаренное и старое»³⁶.

Анекдотичным можно назвать малую доступность овощей и фруктов, а также рыбы. Что может быть вкуснее на море жареной свежей барабульки с салатом из свежих огурцов и помидоров, сдобренных знаменитым ялтинским луком? Однако на такое рассчитывать не приходилось. Читатель газеты «Правда» прислал в газету письмо, название которого говорит само за себя «Почему в столовой нет овощей?». Автор указывает, что в сезон овощей в столовой не могут приготовить даже борщ, рулит гороховый суп³⁷. Такие проблемы возникали и у отдыхающих в Сочи, как указывает один из авторов письма, в ресторане «Новый Сочи» из овощных блюд в меню значились только фаршированные кабачки, но они не было готовы к моменту появления посетителей, а предложенный борщ был невкусный³⁸. Жительница Саратова В. Волчок, отдохавшая в Сочи, отмечала в своем письме в газету, что в санатории кормят вкусно, есть возможность выбирать блюда, но гарнир подают только мучной, хотя хотелось бы овощей³⁹.

Подобные письма вряд ли стоит считать капризом избалованных приезжих. Письма жителей Крыма поднимали эту же проблему. Газета «Советский Крым» опубликовала письмо севастьяпольца, в котором говорилось, что летом торговля овощами организована плохо: «Нигде не купишь редиски, салату, лука⁴⁰. Об актуальности вопроса говорит и тот факт, что в газетах южных городов регулярно помещались обзоры о работе общепита и торговле овощами, подготовленные журналистами. «Как известно пребывание на море вызывает всегда повышенный аппетит» — констатирует симферопольская молодежная газета. Однако она же признает, что в ялтинских здравницах рыбные блюда подаются как редкий деликатес один-два раза за сезон. А в магазине «Свежая рыба» в Ялте морские обитатели присутствуют только в виде манекенов на витрине. Торговых точек и столовых очень мало. В Судаке на набережной только один ларек по продаже продуктов, в курортных поселках Рыбачье и Малореченское вообще нет магазинов и столовых. У гостей полуострова только один способ полакомиться рыбой: покупать у местных за весьма негостеприимную цену⁴¹. Газета «Победа» тоже поднимала аналогичные проблемы. Рейд сотрудников издания по столовым тоже заставлял публиковать в обзорной статье яркие факты: «Нет огур-

³⁵ Кректышев Г. Мои пожелания // Красное знамя. 1958. 22 августа.

³⁶ Толочек Т. Шашлык «по-геленджикски» // Красное знамя. 1958. 28 августа.

³⁷ Торопин Н. Почему в столовой нет овощей? // Победа. 1958. 25 июля.

³⁸ Тропов А. Как мы пообедали // Красное знамя. 1958. 26 июля.

³⁹ Волчок В. В санаторной столовой // Красное знамя. 1958. 26 июля.

⁴⁰ Восводін В. Поліпшіте торгівлю овочами в Севастополі // Радянський Крим. 1958. 22 травня.

⁴¹ Б.а. О свежем огурце и «золотой» рыбе // Крымский комсомолец. 1958. 21. марта

цов, помидоры еще не поступили, картофеля вообще не ждите, лука на этой неделе не обещаю», причем: публикация относится к 23 июля 1958 г. В этом же месяце газета «Советский Крым» опубликовала аналогичную обзорную статью практически на всю полосу газеты, где подробно разбирала работу крымского общепита. Заметка начинается с описания анекдотичной ситуации в ялтинской столовой: посетитель просит чистую тарелку в дополнение к взятым блюдам. Зачем? Чтобы порезать принесенные собой огурцы и помидоры, так как в меню столовой салаты из свежих овощей не значатся! В столовых Алупки, Мисхора и даже в кафе и ресторанах ситуация не лучше. Не нашлось даже картошки, чтобы ее положить в борщ, ее заменили бобами⁴². И уж совсем анекдотичный пример дают материалы ревизии народного контроля. В народный контроль в городе Бахчисарай, который находится среди фруктовых плантаций, поступила в 1959 г. жалоба на торговлю соками в магазине «Весна». Автор был уверен, что продукт разбавлен водой. По его требованию была сделана контрольная закупка и произведен анализ соков. Предположение покупателя подтвердилось: в яблочном соке содержание сухих веществ было всего 8% при норме 12%, кислотность 0,47% при норме, 1%. Заключение экспертов однозначно: «снижение сухих веществ на 4% и понижение кислотности на 0,53% можно объяснить возможным разбавлением сока водой»⁴³.

Бесспорно, главной формой проведения досуга на морских курортах является пляжный отдых. Отдыхающие с восторгом оценивают удовольствие от купания в морской воде. Неудивительно, что пляжи и их состояние, инфраструктура часто фигурируют в письмах граждан. В письмах отдыхающих из Сочи просвечивается проблема в виде чрезмерной загруженности пляжей. «На Хостинском пляже “оккупирован” каждый метр морского берега», – цитирует письмо отдыхающего газета «Красное знамя» от 16 августа 1958 г. Приходится приходиться рано утром, чтобы занять место. Особенно мало места под тенью и люди пытаются создавать ее сами с помощью подручных средств.

Граждане жаловались на отсутствие удобных лестниц, сведений о температуре воды, наличии крупных камней в воде. В Сочи отдыхающий отметил наличие лежаков, регулярное напоминание с помощью звонков, что надо перевернуться, чтобы не обгореть. Но в воду войти проблематично: можно напороться на кусок железа или проволоку⁴⁴. Житель Евпатории тоже высказывал недовольство пляжами в своем городе: на них не хватает кабинок для переодевания, медицинских работников⁴⁵. А читатель газеты «Правда» В. Пляшевский отметил кроме грязи и крупных камней на пляже в Феодосии одну особенность этого города: на морском побережье отдыхающие вынуждены многократно слушать одни и те же песни, передаваемые по громкой связи. Напри-

⁴² Карпенко Ю. Відпочиваючий прийшов в ідальню // Радянський Крим. 1958. 22 липня.

⁴³ Крымский государственный архив. Ф. Р-4321 Оп. 2 Д. 55. Л. 46.

⁴⁴ Бабкин Г. Недоступное море // Красное знамя. 1958. 24 мая.

⁴⁵ Игнатьев М. Про безладдя на пляжах Євпаторії // Радянський Крим. 1958. 26 липня.

мер, за один день гость города услышал знаменитую песню «Парней так много холостых» 12 раз⁴⁶. Опять жалобы граждан вряд ли стоит считать капризами: не случайно местные газеты не только публиковали письма людей, но и обзорные статьи, подготовленные на основе материалов журналистских рейдов. Так сотрудники редакции газеты «Советский Крым» обследовали состояние пляжей в Ялте. Соответствующая публикация указывает на очень мозаичную картину. Если в санатории «Ливадия», санатории имени Ленина пляжи вполне подготовлены (есть лежаки и тенты), то в санатории «Красный маяк» отдыхающие вынуждены прятаться от солнца под газетками⁴⁷.

Далеко не всегда отдыхающим в частном секторе предлагались квартиры и комнаты с удобствами, имели ванну или душ. Приезжие жаловались, что помыться в комфортных условиях им нелегко. Отдыхающий Никифоров в своем письме сетовал на грязь в городской бане. «Неудивительно, что многие отдыхающие предпочитают не пользоваться услугами бани», – констатирует он⁴⁸. Проблемы с банями были и в Сочи. Рейд местной газеты «Красное знамя» показывал, что комфортно помыться довольно трудно: в душевых павильонах и банях нет тазиков, полотенец, прохладно⁴⁹. В Хосте своей очереди в душевой павильон можно было ждать 3–4 часа⁵⁰.

Низкий уровень сервиса признавали и руководящие органы. Нелучайно в симферопольской газете «Крымский комсомолец» от 21 марта 1958 г. появилась заметка «Курортные “мелочи”». В ней констатировалось, что далеко не все ответственные за отдых граждан учреждения в полной мере обеспокоены тем, чтобы людям на отдыхе было хорошо. Например, высказывается замечание ялтинской артели бытового обслуживания, что они не позаботились организовать передвижные мастерские, чтобы отдыхающие могли воспользоваться услугами по починке обуви, проявке пленки, починке часов, парикмахерских⁵¹.

На отдыхе люди нуждаются в разных товарах, как связанных с отдыхом (купальники, спортивные костюмы), так и самых обыденных. Однако отдыхающие сталкивались с особенностью советской плановой экономики, которая не учитывала увеличение числа населения курортных городов в сезон многократно. Товарный дефицит тоже давал повод для писем в газеты. Одним из распространенных занятий путешественников является фотографирование местных достопримечательностей и красот природы, но купить фототовары получалось не всегда, в Геленджике, например, они оказались в большом дефиците⁵².

⁴⁶ Пляшевский В. Проездом в Феодосию // Правда. 1959. 29 июля.

⁴⁷ Горбуленко В. Навести зразковий порядок на плажах // Радянський Крим. 1958. 8 червня.

⁴⁸ Никифоров В. Грязно в городской бане // Правда. 1958. 30 июля.

⁴⁹ Б.а. Как вас обслуживают? // Красное знамя. 1958. 23 марта.

⁵⁰ Родина Е. Недоступный душ // Красное знамя. 1958. 15 июля.

⁵¹ Курортные «мелочи» // Крымский комсомолец. 1958. 21 марта.

⁵² Пустовой Е. Плохо торгуют фототоварами // Красное знамя. 1958. 17 января.

Более того, возникали проблемы и с приобретением самых обычных товаров. Отдыхающая Н. Чернякова жаловалась в газету «Советский Крым», что, находясь в Алуште не могла купить свежую булочку. «А попробуйте купить пирожное, в городе нет кондитерского магазина», – восклицает она. Впрочем, женщине еще не хватило и цветочного магазина, его тоже нет в Алуште⁵³! На недостатки работы торговли жаловались и местные жители. Страдали не только сладкоежки. Жители Феодосии жаловались в газету, что проблема купить свежий хлеб. Хлеб продается только черствый или как тогда выражались «ночной»⁵⁴.

Нельзя сказать, что указанные проблемы игнорировались властями полностью. Сам факт публикаций этих писем в газетах и подготовка проблемных статей по материалам рейдов сотрудников редакции говорят об этом, однако ситуация не менялась. В 1970 г. комитет народного контроля подготовил обобщающий документ, в котором были проанализированы результаты проверки учреждений торговли и услуг г. Сочи. Естественно, что многие аспекты касались курортников. В докладе отмечалось, что за последние пять лет в Сочи произошли положительные изменения: на 20 тысяч увеличилось число коек в санаториях и домах отдыха, на 10 тысяч посадочных мест в общепите, объем услуг увеличился в 1,7 раз⁵⁵. Однако содержание документа показывает, что практически все проблемы, которые вызывали недовольство людей в 1958 г., остались нерешенными: ежегодно в Сочи прибывало более миллиона человек, в то время как число коек в гостиницах было всего 130 тысяч. Услуги частного сектора были актуальны, горисполком разрешил гражданам сдавать квартиры отдыхающим, соблюдая определенные требования: на каждого жильца должно выделяться не менее 5 квадратных метров, предоставляться кровать с чистым бельем, графин для воды, кипяток, утюг и посуда для фруктов. Регламентировалась и цена: не выше одного рубля за сутки за койку. Но сдачики квартир не стремились зачастую создавать даже самые элементарные условия. Актуальной остается и проблема со снабжением торговых точек и общепита фруктами и овощами. В народном контроле были вынуждены признать, что из 23 тонн картофеля и овощей, закладываемых на хранение, только 6 тонн хранится в надлежащих условиях, а остальная продукция хранится во временных помещениях. В 1966 году в Адлере начали строительство большого овощехранилища, но его до сих пор не достроили⁵⁶.

Обобщая письма граждан, народные контролеры опять указывают на нехватку товаров, которые нужны отдыхающим: нельзя купить спортивный костюм, купальные принадлежности, шлепки, тапочки, чулки, солнцезащитный зонт. «Нигде не смогла купить купальную шапочку для купания 52–54 размеров», цитирует документ письмо одной

⁵³ Чернякова Н. Хорошо в Алуште, а ле... // Радянский Крым. 1958. 4 жовтня.

⁵⁴ Сухов В. О свежем хлебе и булочках // Правда. 1959. 27 ноября.

⁵⁵ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 2013. Л. 19.

⁵⁶ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 2013. Л. 22.

гражданки⁵⁷. Даже торговля мороженым осуществляется нерегулярно. Также актуальными оставались недостатки в работе общепита: на обед надо затратить более часа, а то и два, в залах тесно, ассортимент блюд и напитков бедный. Например, в буфете одного из ресторанов «не бывает пива, минеральной фруктовой воды, молочнокислых продуктов, в столовой № 6 — сметаны, яиц, кефира, молока, рыбных изделий». В ряде столовых на момент проверки не было даже перловой и пшенной крупы⁵⁸. Остается только гадать из чего готовили в этих столовых, если даже самых распространенных круп не было! Фиксировались многочисленные факты обвеса покупателей, например, порции шашлыка могли «похудеть» на 80 граммов, азу по-татарски — на 40.

Оставалась проблемной и сфера услуг. В пунктах проката дефицитом являлись надувные круги и матрасы, радиоприемники, рыболовные принадлежности, газовые плитки, гитары. Опять возникали проблемы у фотолюбителей: «фото и кинолюбители испытывают затруднения в обработке пленки и печати с них фотоснимков». Ремонт обуви и часов возложен в основном на одиночных мастеров, которые часто не ладили с трудовой дисциплиной, но зато порой хорошо дружили с бутылкой.

Получение путевок также оставалось не таким уж простым делом. Обращение в высшие органы власти или к первым лицам государства по этому поводу фиксируется и в период правления Л.И. Брежнева. Например, учительнице из Краснодарского края очень нужно было обеспечить курортным лечением свою дочь, которая страдала хронической пневмонией: «Сколько раз я пыталась добиться путевки в санаторий для больных хронической пневмонией через профсоюз учителей, через больницу. Ничего не получалось. Отвечали, что таких путевок сюда не присылают»⁵⁹. В данном случае обращение к первому лицу государства имело положительный результат: автор письма получила ответ, что ребенок будет отправлен в санаторий.

Таким образом, становление права на отдых в нашей стране развивалось в контексте понимания идей социалистического государства⁶⁰. Право на отдых декларировалось как одно из важнейших завоеваний социалистического строя и было одной из черт образа развитого социализма. Советский Союз обладал весьма разветвленной системой санаториев: к 1980-м годам в СССР была создана широчайшая в мире сеть санаторно-курортных учреждений, насчитывавшая более 14 тыс. здравниц на 2,5 млн мест⁶¹. Отдых на курорте представлялся как награда за отличный труд и как средство для восстановления сил для новых трудовых подвигов. Времяпровождение на курорте должно быть не тусовкой и развлечением, а работой над собой по улучшению здоровья, расширению кругозора, улучшению физической формы. В этом плане политика

⁵⁷ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 2013. Л. 23.

⁵⁸ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 2013. Л. 25.

⁵⁹ ГАКК. Ф. Р.-687 Оп. 3 Д. 2181. Л. 63.

⁶⁰ Елинский В.И., Саудаханов М.В. 2021: 352.

⁶¹ Ершова И.В. Указ. соч. С. 18.

в сфере курортного отдыха сочеталась с общей идеей досуга в СССР: поддерживался активный отдых, пропагандировались спорт и физкультура. В 1960–80 гг. спортивный досуг молодежи, семей и рабочих набирал обороты⁶². Кроме того, знакомство с достопримечательностями, природными и культурными памятниками рассматривалось как важный способ исторического просвещения и патриотического воспитания⁶³.

Однако реализация права на отдых, в том числе и на курорте отражала все особенности стратификации советского общества. Несмотря на весьма внушительное число санаториев, домов отдыха и туристических баз количество мест не могло полностью удовлетворить потребности самой огромной страны в мире. Как верно замечает А. Попов: «Желанный и престижный отдых в Крыму на протяжении 1960–1980-х годов для подавляющего большинства граждан СССР был доступен лишь в самом простом формате, который не избавлял их от обыденных атрибутов советской повседневности, таких как дефицит, очереди, «блат», формализм, «теневые» экономические практики»⁶⁴. Сам процесс распределения путевок ярко олицетворяет очень условный характер «развитого» социализма. Советские граждане на отдыхе сталкивались с классическими проблемами советской экономики: нехваткой продуктовых и промышленных товаров, плохой работой сферы общепита и сферы услуг. В этом плане ярко проявлялась повседневной жизни в советской провинции: они снабжались хуже крупных городов. Альтернативы практически не было, поэтому приходилось мириться с недостатками и просто радоваться, что хотя бы в таком формате удалось попасть на курорт. Все особенности повседневности жизни курортников показывают, что развитый социализм был скорее идеологемой и красивым мифом, чем реальностью.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Воеводін В. Поліпшите торгівлю овочами в Севастополі // Радянський Крим. 1958. 22 травня.
 Горбуленко В. Навести зразковий порядок на пляжах // Радянський Крим. 1958. 8 червня.
 Джуталенко І. Санаторій чи вокзал // Радянський Крим. 1958. 11 вересня.
 Ігнат'єв М. Про безладдя на пляжах Євпаторії // Радянський Крим. 1958. 26 липня.
 Карпенко Ю. Відпочиваючий прийшов в ідальню // Радянський Крим. 1958. 22 липня.
 Позняков А. Як у Судаку обслужують хворих // Радянський Крим. 1958. 31 липня.
 Чернякова Н. Хороше в Алушті, але... // Радянський Крим. 1958. 4 жовтня.
 Адреев А. Покончить со спекуляцией квартирами // Красное знамя. 1958. 22 июля.
 Б.а. Как вас обслуживают? // Красное знамя. 1958. 23 марта.
 Б.а. Курортные «мелочи» // Крымский комсомолец. 1958. 21 марта.
 Б.а. О свежем огурце и «золотой» рыбе // Крымский комсомолец. 1958. 21. марта.
 Б.а. Обеспечить условия для отдыха // Красное знамя. 1958. 15 июля.
 Б.а. Они выполняют свой долг // Красное знамя. 1958. 25 января.
 Бабкин Г. Недоступное море // Красное знамя. 1958. 24 мая.
 Борисенко А. Право на отдых // Правда. 1958. 28 сентября.
 Волчок В. В санаторной столовой // Красное знамя. 1958. 26 июля.
 Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 2013.
 ГАКК. Ф. Р-687 Оп. 3. Д. 1680.
 ГАКК. Ф. Р.-687 Оп. 3 Д. 2181.

⁶² Селиванова К.Ю. Указ. соч. С. 83.

⁶³ Шадрин С. Указ. соч. С. 49.

⁶⁴ Попова А. Указ. соч. С. 121.

- Дементьев Н. Дано советской властью // Крымский комсомолец. 1958. 5 декабря.
- Захарова Е. Создать условия для отдыхающих без путевок // Победа. 1958. 20 июля.
- Зубкова М., Зубкова Т. Не все предусмотрели // Правда. 1958. 30 июля.
- Комаров А. По чужим путевкам // Красное знамя. 1958. 8 августа.
- Костин А. Радость нашей семьи // Красное знамя. 1958. 19 марта.
- Крестьяшев Г. Мои пожелания // Красное знамя. 1958. 22 августа.
- Крымский государственный архив. Ф. Р-4321 Оп. 2 Д. 55.
- Кустин А. Разве так можно обслуживать отдыхающих? // Правда. 1959. 29 июля.
- Логунов В. «От всей души говорю: спасибо!» // Правда. 1958. 13 августа.
- Мезенцев В. Отдохнул и подлечился хорошо // Красное знамя. 1958. 18 февраля.
- Никифоров В. Грязно в городской бане // Правда. 1958. 30 июля.
- Нилогов В., Кожушко В. и др Надежды не оправдались // Красное знамя. 1958. 28 февраля.
- Пляшевский В. Проездом в Феодосию // Правда. 1959. 29 июля.
- Пустовой Е. Плохо торгуют фототоварами // Красное знамя. 1958. 17 января.
- Родина Е. Недоступный душ // Красное знамя. 1958. 15 июля.
- Суханов А. В доме отдыха // Победа. 1958. 13 июня.
- Сухов В. О свежем хлебе и булочках // Правда. 1959. 27 ноября.
- Толочек Т. Шашлык «по-геленджикски» // Красное знамя. 1958. 28 августа.
- Торопин Н. Почему в столовой нет овощей? // Победа. 1958. 25 июля.
- Тромифов С. Навести порядок в пользовании квартирами // Красное знамя. 19 февраля.
- Тропов А. Как мы пообедали // Красное знамя. 1958. 26 июля.
- Янов А. Поговорим откровенно // Красное знамя. 1958. 12 августа.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Елинский В.И., Саудаханов М.В. Социально- экономические и культурные права в СССР через призму государственного патернализма // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. 352-356 [Elinskij V.I., Soudaxanov M.V. Social'no-e'konomicheskie i kul'turny'e prava v SSSR cherez prizmu gosudarstvennogo paternalizma (Socio-economic and cultural rights in the USSR through the prism of state paternalism) // Vestnik e'konomicheskoy bezopasnosti. 2021. № 3. 352-356].
- Ершова И. В. Санатории: уникальный феномен на туристском рынке // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 10 (155). С. 16-29 [Ershova I. V. Sanatorii: unikal'ny'i fenomen na turistskom ry`nke (Sanatoriums: a unique phenomenon in the tourism market) // Lex Russica (Russkij zakon). 2019. № 10 (155). S. 16-29].
- Колупанова И.А. Основные направления развития иностранного туризма в России и за рубежом в 1950-60-е годы // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 210-213 [Kolupanova I.A. Osnovny'e napravleniya razvitiya inostrannogo turizma v Rossii i za rubezhom v 1950-60-e gody' (The main directions of development of foreign tourism in Russia and abroad in the 1950-60s) // Izvestiya Tomskogo politexnicheskogo universiteta. 2012. T. 321. № 6. S. 210-213].
- Лысикова О.В. Туристические практики жителей Саратовской области в 1930-80-е годы: социальные изменения пространственной мобильности // Актуальные проблемы экономики и менеджмент. 2016. № 3. 82-88 [Ly'sikova O.V. Turisticheskie praktiki zhitel'ej Saratovskoj oblasti v 1930-80-e gody': social'ny'e izmeneniya prostranstvennoj mobil'nosti (Tourist practices of residents of the Saratov region in the 1930s-80s: social changes in spatial mobility) // Aktual'ny'e problemy` e'konomiki i menedzhment. 2016. № 3. 82-88].
- Орлов И.Б. Советский курорт 1930-х годов: на «экспорт» и для внутреннего пользования // Современные проблемы сервиса и туризма. 2009. № 3.С. 25-30 [Orlov I.B. Sovetskij kurort 1930-x godov: na «eksport» i dlya vnutrennego pol'zovaniya (Soviet resort of the 1930s: for “export” and for internal use) // Sovremennyye problemy` servisa i turizma. 2009. № 3.С. 25-30].
- Паликова Т.В. Отпуск как разновидность праздника // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4. С. 135-140. [Palikova T.V. Otpusk kak raznovidnost' prazdnika (Vacation as a type of holiday) // Problemy` social'no-e'konomicheskogo razvitiya Sibiri. 2021. № 4. S. 135-140.]
- Попов А. Блеск и нищета «всесоюзной здравницы» // Родина. 2012. № 5. С. 117-121 [Popov A. Blesk i nishheta «vsesoyuznoj zdravnicy» (The splendor and poverty of the “all-Union health resort”) // Rodina. 2012. № 5. S. 117-121].

- Попова А.Д. Сделано в СССР: мифы советской эпохи как элемент российской ментальности и их историческая трансформация // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2019. № 2. С. 60-73 [Popova A.D. Sdelano v SSSR: mify` sovetskoj e`poxi kak e`lement rossijskoj mental`nosti i iz istoricheskaya transformaciya (Made in the USSR: myths of the Soviet era as an element of the Russian mentality and their historical transformation) // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina. 2019. № 2. S. 60-73].
- Селиванова К.Ю. Основные аспекты досуговой жизнедеятельности в третьей четверти XX века // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 82-1. С. 80-85 [Selivanova K.Yu. Osnovny`e aspekty` dosugovoj zhiznedejatel`nosti v tret`ej chetverti XX veka (Main aspects of leisure activities in the third quarter of the 20th century) // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2022. № 82-1. S. 80-85].
- Семенова О.И. Историки на отдыхе: повседневная жизнь санаториев ЦЕКУБУ и Академии наук в 1920-1960-х гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. № 3. С. 39-50. [Semenova O.I. Istoriki na otdy`xe: povsednevnyaya zhizn` sanatoriev CEKUBU i Akademii nauk v 1920-1960-x gg. (Historians on holiday: everyday life at the TSEKUBU and Academy of Sciences sanatoriums in the 1920s-1960s) // Tul`skij nauchny`j vestnik. Seriya Istoriya. Yazyk`oznanie. 2020. № 3. S. 39-50.]
- Шадрин С. Формирование туристической культуры в Советском государстве (1917–1991 гг.) // Вестник Российской нации. 2022. № 4. С. 42-75 [Shadrin S. Formirovanie turisticheckoj kul`tury` v Sovetskom gosudarstve (1917–1991 gg.) (Formation of tourist culture in the Soviet state (1917–1991)) // Vestnik Rossijskoj nacii. 2022. № 4. S. 42-75].

Попова Анна Дмитриевна, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, профессор, д.и.н., г. Рязань, a.d.popova@mail.ru

The Daily Life of Soviet Resort Residents in the 1950s-70s Insights from Citizens' Appeals

This article analyzes the characteristics of seaside recreation as a facet of daily life for Soviet citizens. The author aimed to investigate various aspects of holidaymakers' lives, including living conditions, meals, and leisure activities. The study utilized letters from citizens sent to authorities, as well as those published in newspapers in Simferopol and other seaside cities such as Sochi, Feodosia, Gelendzhik, and Kerch.

The analysis of the sources revealed that the daily lives of holidaymakers reflected many features of the Soviet economy. Seaside holidays were promoted as a reward for labor and a way to restore health for future work achievements. The study found that citizens' letters offered a mosaic of evaluations about holidays at Soviet resorts. The level of medical assistance was highly appreciated, whereas opinions on living conditions and meals were more mixed. In particular, the living conditions in private apartments caused significant discontent among newcomers. People also cited drawbacks like poor public catering and limited access to fruits, vegetables, and essential recreational products.

The author concludes that these characteristics of holidaymakers' daily life were inevitable due to the lack of competitiveness in the resort sector.

Keywords: *daily life, citizens' letters, provincial periodicals, resort life.*

Popova Anna Dmitrievna, Ryazan State University named after S.A. Esenin, professor, Doctor in Philosophy, Ryazan, a.d.popova@mail.ru

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Персонифицированное изображение Грамматики (1530–1562)
Гравюра немецкого художника Виргилия Солиса (1514–1562). —
<https://volshbenayakofeinya.blogspot.com/2020/10/the-seven-liberal-arts.html?m=1>
<https://i.pinimg.com/736x/e9/c2/e6/e9c2e65a832e923102816ea431611eba.jpg>
Изображение находится в открытом доступе (январь, 2025)

ДОНАТ ГРАММАТИСТ ГОРОДА РИМА

ГРАММАТИЧЕСКАЯ НАУКА

III. 6. О ТРОПАХ (DE TROPIS)*

*Троп*¹ – это речь, смещенная ради украшения или по необходимости от собственного значения к не собственному, [но] сходному². Есть тринадцать

* Публикуется комментированный перевод с латинского языка раздела из «Грамматической науки» (*Ars grammatica* [*Ars maior*]) Доната (IV в.) о тропях (*De tropis*), выполненный М.С. Петровой. **Ключевые слова:** *Донат, грамматическая наука, тропы, риторические фигуры.*

¹ Др.-греч. τρῶπος τῆς λέξεως. Ниже текстуальные соответствия выделены нами **полужирным** шрифтом; порядковые отличия показаны **фоновой заливкой** или указаны арабскими цифрами в круглых скобках (1), вербальные отличия выделены *курсивом*, последовательность слов в предложении показана **подчеркиванием**, фразы, Донатовы заимствования у ранних авторов выделены **полужирным** шрифтом с **рязрядкой**; **полужирный курсив** — смысловое ударение.

² Ср.

Char., *Inst. gram.* IV: (2) *De tropis*
(GL I, p. 272, vv. 1-2)

Tropus est dictio translata a propria significatione ad non propriam similitudinem decoris aut necessitatis aut cultus gratia.

Don., *Ars gram.* [*Ars maior*] III (6): *De tropis* (GL I, p. 399, vv. 13-14)

Tropus est dictio translata a propria significatione ad non propriam similitudinem ornatus necessitatisve causa.

Ср. также: Quint., *Inst. orat.* VIII, 6, 1: “Tropos est uerbi uel sermonis a propria significatione in aliam cum uirtute mutatio” – «Троп есть такое изменение собственного значения слова или словесного оборота в другое, при котором получается обогащение значения» (пер. В.П. Петуховой [см.: *Ант. теоретику...* с. 228]); Cic., *De orat.* III, 167 (PHI 5.3 [0474]): “Sumpta re simili uerba illius rei propria deinceps in rem aliam, ut dixi, transferuntur. Est hoc magnum ornamentum orationis, in quo obscuritas fugienda est; etenim hoc fere genere fiunt ea, quae dicuntur aenigmata; non est autem in uerbo modus hic, sed in oratione, id est, in continuatione uerborum” – «Слова, присущие одному предмету, переносятся здесь на другой, схожий предмет, точь-в-точь как при простом переносе. Это также важное украшение речи. В нем особенно надо избегать темноты: иначе этот прием обернется тем, что мы называем загадками. Но повторяю, что способ этот относится уже не к единичным словам, а ко всей речи, то есть к последовательному ряду слов» (пер. М.Л. Гаспарова [см.: *Три трактата...* с. 238]); Cic. [Sp.], *Rhet. ap. Her.* IV, 42 (PHI 5.3 [0474]): “Restant etiam decem exornationes uerborum, quas idcirco non uage dispersimus, sed a superioribus separauimus, quod omnes in uno genere sunt positae. Nam earum omnium hoc proprium est, ut ab usitata uerborum potestate recedatur atque in aliam rationem cum quadam uenustate oratio conferatur” – «Остается еще десять других словесных украшений, которые не помещены нами среди перечисленных выше, но отделены от них, потому что все они образуют единый, особый род. Характерны для всех них: отказ от обычного значения слов и сопровождаемый некоторой приятностью переход речи к иносказанию» (пер. А.В. Болдырева, с изменениями [см.: *Ант. теоретику...* с. 228]); Isid., *Etym.* I, 37, 1 (PL 82, 112B): “Fiunt autem a propria significatione ad non propriam similitudinem” – «Де-

тропов речи³: [1] *μεταφορά*⁴, [2] *καταχρησά*⁵, [3] *μεταλεψις*⁶, [4] *μετωνυμία*

лаются же они от собственного значения к несобственному сходству» (пер. Л.А. Харитонова).

³ Ср.*

Char., <i>Inst. gram.</i>	Quint., <i>Inst. orat.</i>	Don., <i>Ars gram.</i>	Isid., <i>Etym.</i> I, 37:
IV: (2) <i>De tropis</i>	VIII, 6, 1-76 (PHI	[<i>Ars maior</i>] III (6):	<i>De tropis</i>
(GL I, p. 272, vv.	5.3)	<i>De tropis</i> (GL I,	(PL 82, 112B –
4-6)		p. 399, vv. 15-16)	117B)
metaphora	μεταφορά (1)	metaphora	metaphora
catachresis	catachresis (6)	catachresis	catachresis
metalepsis	metalepsis (7)	metalepsis	metalepsis
metonymia	μετωνυμία (3)	metonymia	metonymia
antonomasia	antonomasia (4)	antonomasia	antonomasia
-	ἐπίθετον (8)	epitheton	epitheton
synecdoche	synecdoche (2)	synecdoche	synecdoche
onomatopoeia	onomatopoeia (5)	onomatopoeia	onomatopoeia
periphrasis	periphrasis (15)	periphrasis	periphrasis
hyperbaton	hyperbaton (16)	hyperbaton *	hyperbaton
-	-	- hystero-logia	hysteron
-	-	(hystero-proteron)	proteron (12)
-	-	- anastrophe	anastrophe (11)
-	-	- parenthesis	parenthesis
-	-	- tnesis	tnesis
-	-	- synchysis	synchysis
hyperbole	hyperbole (17)	hyperbole	hyperbole
allegoria	allegoria (9)	allegoria *	allegoria
-	ironia (10)	- ironia	ironia
-	ἀντίφρασις (13)	- antiphrasis	antiphrasis
-	-	- aenigma	aenigma
-	-	- charientismos	charientismos
-	παροιμία (14)	- paroemia	paroemia
-	σαρκασμός (11)	- sarcasmos	sarcasmos
-	ἀστεϊσμός (12)	- astismos	astysmus
homoeosis	-	homoeosis *	homoeosis
-	-	- icon	icon
-	-	- parabole	parabola
-	-	- paradigma	paradigma

*Донат выделяет пять видов *гипербатона* (hystero-logia [hystero-proteron], anastrophe, parenthesis, tnesis, synchysis), семь видов *аллегории* (ironia, antiphrasis, aenigma, charientismos, paroemia, sarcasmos, astismos), три вида *уподобления* (icon, parabole, paradigma) – см. также *ниже*.

⁴ Др.-греч. μεταφορά. Метафора – употребление слова в переносном значении; словосочетание, характеризующее такое явление посредством перенесения на него признаков, присущих другому явлению (в силу того или иного сходства сближаемых явлений), которое таким образом его замещает.

⁵ Др.-греч. καταχρησис (употребление слова в неправильном или несобственном смысле). Катахреза – термин традиционной стилистики, обозначающий употребление слов в переносном смысле, противоречащем их прямому, буквальному

мия⁷, [5] антономасия⁸, [6] эпитет⁹, [7] синекдоха¹⁰, [8] оноματοпоя¹¹, [9] перифраза¹², [10] гипербатон¹³, [11] гипербола¹⁴, [12] аллегория¹⁵, [13] уподобление¹⁶.

[1] *Метафора* – это перенос [значений] вещей и слов¹⁷. Бывает четыре вида метафор: с одушевленного на одушевленное; с неодушевленного на неодушевленное; с одушевленного на неодушевленное; с неодушевленного на одушевленное¹⁸. [Перенос] с одушевленного на одушевленное, как:

значению, причем противоречие это выступает или благодаря необычному соединению слов в переносном значении или благодаря одновременному употреблению слова в прямом и переносном значении.

⁶ Др.-греч. μετάληψις (замена). Металепсис – фигура замены одного слова другим, которое выступает как эмблема заменяемого; одновременно это и уподобление.

⁷ Др.-греч. μετωνυμία (замена имени). Обычно метонимия определяется как вид тропа, в основе которого лежит ассоциация по смежности. Ее следует отличать от метафоры, поскольку метонимия основана на замене слова «по смежности» (часть вместо целого или наоборот), а метафора — «по сходству». Частным случаем метонимии является синекдоха.

⁸ Др.-греч. ἀντονομασία (переименование). Антономасия — троп, выражающийся в замене названия или имени указанием какой-нибудь существенной особенности предмета или отношения его к чему-либо.

⁹ Др.-греч. ἐπίθετον (прилагательное). Эпитет — слово или целое выражение, которое, благодаря своей структуре и особой функции в тексте, приобретает некоторое новое значение или смысловой оттенок.

¹⁰ Др.-греч. συνεκδοχή. Синекдоха — троп, состоящий в назывании целого через его часть или наоборот. Синекдоха является видом метонимии.

¹¹ Др.-греч. ὀνοματοποιία (словотворчество). Оноματοпоя – образование имен или слов посредством звукоподражания, ассоциирующегося с обозначаемым предметом или действием, а также естественно связанного с таковыми.

¹² Др.-греч. περιφρασις. Перифраза — троп торжества, замена слова описательным выражением.

¹³ Др.-греч. ὑπερβατόν («перестановка»). Гипербатон — фигура речи, при которой тема высказывания выделяется путём постановки в начало или конец фразы; при этом также может разрываться синтаксическая связь. Наряду с анафорой, относится к фигурам перемещения (инверсии).

¹⁴ Др.-греч. ὑπερβολή (преувеличение). Гипербола – стилистическая фигура явного и намеренного преувеличения, с целью усиления выразительности и подчёркивания сказанной мысли. Гипербола часто сочетается с другими стилистическими приемами, придавая им соответствующую окраску, например, с метафорой (см. *выше*).

¹⁵ Др.-греч. ἀλληγορία (иносказание). Аллегория — выражение отвлечённых идей (понятий) посредством конкретных художественных образов.

¹⁶ Др.-греч. ὁμοίωσις (уподобление, подобие, сходство).

¹⁷ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 2 (PL 82, 112B): “Metaphora est verbi alicujus usurpata translatio...” – «Метафора есть намеренное перенесение какого-либо слова...» (пер. Л.А. Харитонов). См. также: *Ант. теорети...* с. 229-233.

¹⁸ Ср.

Char., *Inst. gram.* IV: (2) *De tropis*
(GL I, p. 272, vv. 10-13)

Don., *Ars gram.* [*Ars maior*] III: *De tropis*
(GL I, p. 399, vv. 17-20)

Tiphyn aurigam celeris fecere carinae(Тифиса сделав возницей быстрого судна)¹⁹, –ведь одушевлены и **aurgia** («возница»), и **gubernator** («кормчий»). [А перенос] с неодушевленного на неодушевленное²⁰, как:**ut pelagus tenuere rates**²¹

(«Только лишь вышли суда в открытое море»), –

ибо ни **naves** («корабли»), ни **rates** («плоты», «суда») не одушевлены. [Перенос] с одушевленного на неодушевленное, как:**Atlantis cinctum assidue cui nubibus atris
piniferum caput**²²(«Небо суровый Атлант головой подпирает могучей
Черные тучи ему кедронасное темя венчают...»), –ведь те самые [«кедры», венчающие главу Атланта] одушевлены, а у **mons** [горы], которой приписываются [другие] части тела²³, души нет. [Перенос] с неодушевленного на одушевленное, как:**Haec fit modis quattuor, [1] ab animali
ad animale, [2] ab animali ad inani-
male, [3] ab inanimali ad animale, [4]
ab inanimali ad inanimale: ab animali
ad animale, sicut****Tiphyn aurigam celeris fecere
carinae****Haec fit modis quattuor, [1] ab animali
ad animale, [2] ab inanimali ad inani-
male, [3] ab animali ad inanimale, [4]
ab inanimali ad animale: ab animali ad
animale, ut****Tiphyn aurigam celeris fecere
carinae**Отличие проявляется лишь в последовательности указанных видов метафор: Char. [1] – Don. [1]; Char. [2] – Don. [3]; Char. [3] – Don. [4]; Char. [4] – Don. [2]. Ср. несколько иную последовательность у Исидора (*Этимологии* I, 37, 3-4): «Метафоры же бывают четырех видов: с одушевленного на одушевленное... с неодушевленного на неодушевленное... с неодушевленного на одушевленное... с одушевленного на неодушевленное...» (пер. Л.А. Харитонов).¹⁹ Varro Atacinus, Publius Terentius, *Argonautae* I, 2, 1 (Fr. 2, v. 1 – PHI 5.3). В греческом оригинале, с которого Варрон Атакин (82–35 гг. до н.э.) сделал перевод, такая игра слов отсутствует, ср.: Apollonius Rhodius, *Argonautica* I, 400-401: ...αἰνήσαντες / Τίφυν ἐυστείρης οἴηια ὑπὸς ἔρυσθαι – «...они согласились на то, чтобы Тифис ворочал кормовое весло ладно выстроенного судна» (пер. В.В. Петрова).²⁰ Ср. Char., *Instit. gram.* IV (2): *De tropis*: "...ab inanimali ad inanimale, sicut **pelagus tenuere rates**",²¹ Вергилий, *Энеида* V, 8. Этот пример имеется у Харисия – см. Char., *Instit. gram.* IV (2) *De tropis* (GL I, p. 399, v. 21).²² Вергилий, *Энеида* IV, 248-249.²³ Об этом у Вергилия речь идет ниже (*Энеида* IV, 249-252): "...et vento pulsatur et imbrī; // nix uteros infusa tegit; tum flumina mento // praecipit senis, et glacie riget horrida barba" – «...ветер и дождь его бьют; покрывает широкие плечи // Снег пеленой; с подбородка бегут, бушуют, потоки, // Вечным скована льдом, борода колючая стынёт». То есть под неодушевленными частями тела Донатом подразумеваются и голова, и подбородок с бородой, и плечи.

si tantum pectore robur Concipis²⁴(если ты собираешь в груди великую *силу*), –

ведь **robur** («сила») не одушевлена, но **Turnus** (Турн), о котором здесь говорится, одушевлен. Следует знать, что одни метафоры двусторонние, а другие односторонние²⁵.

[2] *Катахреза* – это использование неуместного именованья²⁶, например, когда мы называем **parricidam** («братоубийцей») того, кто убил иного родственника, и **piscinam** («прудом для рыбы») то, где рыбы нет. У таковых нет своего названия, и они берутся от другого.

[3] *Металепсис* – это фраза, достигающая того, о чем идет речь, через промежуточные ступени²⁷, как:

speluncis abdidit artis²⁸(«заточил их в мрачных *пещерах*»), –

и:

post aliquot mea regna videns mirabor aristas²⁹.

²⁴ Вергилий, *Энеида* XI, 368-369: «Если же слава влечет, и в груди великую славу // Чувствуешь ты... // Будь смелей и грудью ступаю навстречу Энею». Этот пример имеется у Харисия – см. Char., *Instit. gram.* IV (2) *De tropis* (GL I, p. 399, vv. 18-19).

²⁵ Ср. разъяснение Исидора (*Etym.* I, 37, 5 [PL 82, 113A]): “Metaphora autem, aut partis unius est, ut, fluctuare segetes: non potes dicere segetare fluctus; aut antistropha est, id est, reciproca, ut remigium alarum. Nam et alae navium, et alarum remigia dicuntur” – «Метафора же есть или [перенесение] в одну сторону, как “fluctuare segetes” (волнуются хлеба), ведь нельзя сказать “segetare fluctus”. Либо это антистрофа, то есть перенесение в обе стороны, как “remigium alarum” (гребки крыльями), ведь говорится и “крылья кораблей” и “гребки крыльев»» (пер. Л.А. Харитоновна).

²⁶ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 6 (PL 82, 113A): “Catachresis, est alienae rei nomen appositum: haec eo a metaphora differt, quod illa vocabulum habenti largitur; haec quia non habet proprium, alieno utitur” – «Катахрезис – это постановка имени другой вещи; он отличается от метафоры, ибо та дается [вещи], имеющей название, а [при катахрезисе] используется другое [имя], поскольку отсутствует свое» (пер. Л.А. Харитоновна, с изменениями).

²⁷ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 7 (PL 82, 113B): “Metalepsis tropus a praecedente indicans quod sequitur” – «Металепсис – это переход от предшествующего тропа к последующему...» (пер. Л.А. Харитоновна).

²⁸ Вергилий, *Энеида* I, 60: «Но всемогущий отец заточил их в мрачных *пещерах*». Здесь металепсис состоит в том, что в этой фразе неясно, кого именно заточили в пещерах. Об этом сказано в предшествующей фразе: это «борющиеся друг с другом ветры (luctantibus ventos...) и ревущие бури» (...tempestatesque sonoras).

²⁹ Вергилий, *Буколики* I, 70: «Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?» (пер. С.В. Шервинского). Досл.: «..удивительно после стольких *жатв* [снова] увидеть свои владения»; Юлиан Толедский (следуя Донату) поясняет (*Ars* 18 [De tropis]): «Металепсис – это фраза, достигающая того, о чем идет речь, через промежуточные ступени. Например, “в *пещерах* черных сокрыл” или “удивительно после стольких *жатв* [снова] увидеть свои владения”. “Жатвами”, как порой сбора плодов, [Вергилий] исчисляет года, ведь “жатвы” означают “урожай”, а “урожай” – “года”, поскольку посевы собираются раз в год. Металепсис называет последующее именем предшествующего, например: “преступление карает по заслугам” (Вергилий, *Энеида* II, 195), где “преступление” поставлено вместо “наказания”» (пер. В.В. Петрова).

[4] *Метонимия* – это, так сказать, «перенос имени»³⁰. Видов метонимии множество. Она может обозначить содержимое именем содержащего, как **‘nunc pateras libate Iovi’**³¹ («теперь принесите в жертву Юпитеру чаши») или, наоборот, обозначить содержащее именем содержащего, как **‘vina coronant’**³² («увенчивают гирляндами вино»), или же обозначить открытое через открывшего [это людям], как:

sine Cerere et Libero friget Venus³³

(без Цереры и Либеры и в Венере жара нет), –

или, наоборот:

vinum precamur, nam hic deus praesens adest³⁴

(мы молимся вину, ибо в нем присутствует бог [Либер]).

Из этих примеров, предложенных усердным читателям, станут ясны и остальные³⁵.

³⁰ Ср. разъясняющее определение у Исидора: *Isid., Etym.* I, 37, 8 (PL 82, 113B): “Metonymia est transnominatio ab alia significatione ad aliam proximitatem translata” – «Метонимия – это переименование, то есть перенесение смысла одной [вещи] на другую, близкую по расположению» (пер. Л.А. Харитонова).

³¹ Вергилий, *Энеида* VII, 133: «Ныне Юпитеру вы сотворите из *чаш* возлиянье». Здесь вместо слова «вино» стоит «чаши».

³² Вергилий, *Энеида* VII, 147: «Ставят кратёры они, вином их наполнив до края». Вместо слова «чаши» (зд. кратёры) стоит «вино».

³³ Terent. *Afer, Eunuchus* IV, 5 (v. 732; PHI 5.3 [0134]), пер. А.В. Артюшкова, с изменениями. Хлеб и вино здесь метонимически именуется «Церерой» (богиней урожая) и «Либером» (богом вина).

³⁴ Plaut., *Fr.* 39, 1 (Plautus ascribitur a Serv. ad Virg. *Aen.* I, 724); Serv., *Comm. in Verg. Aen.* I, 724 (PHI 5.3. [2349]. Ad loc., vv. 3-8): “et VINA CORONANT ‘vina’ pro poculis posuit, et est tropus synecdoche, ut Cererem dicimus vi frumento. sic **Plautus vinum precemur; nam hic deus praesens adest.** ‘coronant’ autem est aut inplent usque ad marginem, aut quia antiqui coronabant pocula, et sic libabant: unde est **magnum cratera corona induit, inplevitque mero**”. – «“Увенчивают гирляндами вина”. Вергилий поставил “вина” вместо “чаш” – это троп, называемый *синекдоха*, например, вместо “пшеницы” мы говорим “Церера”. Так, у Плавта: “мы молимся вину, ибо в нем присутствует бог [Либер]”. А “увенчивает гирляндами” – это или “наполняет до краев”, или [сказано так] потому, что древние украшали гирляндами чаши и так пили, откуда: “[Анхиз] полагает венок на большую // чашу, [вином] наполняет ее [Вергилий, *Энеида* III, 521, пер. В. Брюсова]”» (пер. В.В. Петрова).

³⁵ Ср. разъясняющее изложение Исидора (*Etym.* I, 37, 8-10): «[Метонимия] бывает многих видов. Или же [именем] того, что содержит, называется то, что [в нем] содержится, как “театр рукоплещет”, “луг ревет”, ведь здесь рукоплещут люди и ревут быки. Или, напротив, [именем] того, что содержится, [называется] то, что содержит [это], как: “Уж близкий пылает // Укалегон”, хотя не сам [человек], а его дом загорелся. Далее, [именем] первооткрывателя – то, что он открыл, как: “Без Вахы и Цереры и в Венере жару нет...” или “До звезд бросает Вулкан смешанные искры”. Ведь решили считать, что Церерою открыл пшеничный хлеб, Либером – виноградное вино, Венерою – похоть, а Вулканом – огонь. И наоборот, когда [именем] того, что открыто, называется открыватель, как “Vinum pracamur” [Мы молим вино], [то есть говорится] о Либере, который у греков открыл вино. Далее, [когда

[5] *Антономасия* возникает, когда описание используется «вместо имени»³⁶. Антономасия бывает трех видов: от духа, от тела и от внешнего. «От духа» – это, например, как [об Энее]: **‘magnanimusque Anchisiades’** («и сын Анхиза, великий душою»)37; «от тела», как [о Циклопе]: **‘ipse arduus altaque pulsat Sidera’** («сам же он, такой исполин, что стучится в высокие звезды»)38; «от внешнего [обстоятельства]», как [о Троице]:

infelix puer atque impar congressus Achilli
(«несчастный юноша, неравный противник Ахилла»)39.

[6] *Эпитет* – это слово, поставленное перед собственным именем⁴⁰. Антономасия ставится вместо имени, тогда как эпитет всегда используется вместе с именем⁴¹, например: **‘dira Celaeno’** («ужасная [гарпия] Келено»)42 и **‘dia Camilla’** («богоподобная Камилла»)43. Эпитет бывает трех видов: от духа, от тела и внешний. Двумя последними тропами мы либо поощаем кого-то, либо обозначаем, либо хвалим⁴⁴.

[7] *Синекдоха* — это обозначение, способное [передать] полноту смысла, хотя сказано больше или меньше⁴⁵. Она демонстрирует целое через часть, как: **‘puppaeque tuae pubesque tuorum’** («твой паруса [т.е. корабли] и силы [т.е. люди] твои»)46, или наоборот, [часть через целое], как: **‘ingens a**

именем] того, кто сделал, [называется] то, что сделано, как “*pigrum frigus*” [оцепенелый холод], ведь он приводит в оцепенение людей, и “*timor pallidus*” [бледный ужас], поскольку он заставляет людей бледнеть. И наоборот, [когда именем] того, что сделано, [называется] тот, кто сделал, как: “Впряг родитель коней в золотую упряжь, взнуздal их // Пенной уздой, и волю им дал”. [Поэт] сказал “пенная узда, хотя, конечно, не она сама делает пену, а конь, которые, если его погонять, брызжет [льющейся] пеною”» (пер. Л.А. Харитонова).

³⁶ Ср. *Isid., Etym.* I, 37, 11 (PL 82, 113D): “Antonomasia est pro nomine, id est vice nominis posita” – «Антономасия – это “вместо имени”, то есть [слово или выражение], поставленное заместо имени [собственного]...» (пер. Л.А. Харитонова).

³⁷ Вергилий, *Энеида* V, 407. Ср.: «Великодушный Анхизид» (т.е. Эней, сын Анхиза).

³⁸ Там же. III, 619. Ср.: «Хозяин – ростом до неба».

³⁹ Там же. I, 475: «Отрок несчастный бежит от неравного боя с Ахиллом...».

⁴⁰ Ср. *Isid., Etym.* I, 37, 12 (PL 82, 114A): “Epitheton, supra nomen, praerponitur enim proprio nomini...” – «Эпитет – [то, что] сверх имени, ведь он предстает собственному имени» (пер. Л.А. Харитонова).

⁴¹ Ср. *Isid., Etym.* I, 37, 12 (PL 82, 114A): “Inter antonomasiam autem et epitheton hoc differt, quod antonomasia, pro vice nominis ponitur; Epitheton autem nunquam sine nomine est” – «Между антономасией и эпитетом то различие, что первый ставится вместо имени, второй же никогда не бывает без имени» (пер. Л.А. Харитонова).

⁴² Вергилий, *Энеида* III, 211. Ср.: «С ужасной Келено...».

⁴³ Вергилий, *Энеида* XI, 657. Ср.: «...[божественную] Камиллу».

⁴⁴ Ср. *Isid., Etym.* I, 37, 12 (PL 82, 114A): “Quibus duobus tropis, vel vituperamus aliquem, vel ostendimus, vel laudamus” – «При помощи этих двух тропов мы или браним кого-нибудь, или указываем [на него], или хвалим» (пер. Л.А. Харитонова).

⁴⁵ Ср. *Isid., Etym.* I, 37, 13 (PL 82, 114A): “Synecdoche est conceptio, cum a parte totum, vel a toto pars intelligitur” – «Синекдоха – это формула, когда мы узнаем по части целое, либо по целому – часть» (пер. Л.А. Харитонова).

⁴⁶ Вергилий, *Энеида* I, 399. Ср.: «Так же твоих друзей корабли иль стоят на причалах, // Или, подняв паруса, вливают в широкие устья».

vertice pontus in puppim ferit’ («вздыбившись до небес, море [т.е. волна] ударяет в корму»⁴⁷ и *‘fontemque ignemque ferebant*’ («подносили источник [т.е. воду] и огонь»)⁴⁸. При этом следует помнить, что, обозначая целое через часть, следует образовывать синекдоху от характерной части⁴⁹.

[8] *Ономатопея* – это слово, произведенное через [подражание] звуку⁵⁰, как *‘tinnitus aeris*’ («тиньканье воздуха [т.е. звон] воздуха»)⁵¹ [и] *‘clangor tubarum*’ («куханье труб»)⁵².

[9] *Перифраза* – это описательное выражение, которое используется для восхваления прекрасного или избегания безобразного⁵³, как:

et iam prima novo spargebat lumine terras⁵⁴
(Вот уже утренняя [Заря, покинув ярко-желтое ложе Тифона⁵⁵.]
разбрасывала по землям новые лучи), –

и еще одно: *‘nimio ne luxu obtusior usus sit genitali arvo*’ (чтобы

⁴⁷ Вергилий, *Энеида* I, 114: «Падает сверху волна и бьет с неслышанной силой...».

⁴⁸ Вергилий, *Энеида* XII, 119. Ср.: «А другие огонь и воду приносят».

⁴⁹ См. у Харисия (*Ars* 4, 16, 2): «Ведь то называется целое, а понимается часть, то именуется часть, а называется целое. Часть посредством целого – это, например, “*ingens a vertice pontus in puppim ferit*” (вздымаясь до небес, море бьет в корму). Ведь не говорится, что по кораблю ударило море как [целое], но только часть моря, т.е. волна. А целое посредством части – это, например, “сходным образом твои паруса и твои мальчики”: здесь “парусами” обозначены “корабли”, а “мальчиками” – “люди»» (пер. В.В. Петрова). Ср. также разъясняющее изложение Исидора (*Etym.* I, 37, 7 [PL 82. 114AB]): “*A toto enim pars intelligitur, ut: ‘Quam multae glomerantur aves, ubi frigidus annus // Trans pontum fugat’. Non enim totus annus est frigidus, sed pars anni, id est, hiems. At contra a parte totum: ut, ‘flammas cum regia puppis extulerat’. Ubi non solum puppis, sed navis; et non navis, sed qui in ea; et non omnes, sed unus flammam extulit.*” – «Часть узнается по целому, например, [так]: “Сбившись в стаи птицы летят, когда холодный год // Гонит их за море”. Ведь не весь год холоден, но только часть года, то есть зима. И наоборот, целое [узнается] по части, как: “И лишь только взметнулось // Пламя на царской корме” – загорелась не только корма, но корабль, и не корабль, но то, что в нем, и не все, а только один фокел» (пер. Л.А. Харитоновой).

⁵⁰ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 14 (PL 82, 114B): “*Onomatopoeia, nomen fictum ad imitandum sonum vocis confusae, ut stridor valvarum, hinnitus eorum, mugitus boum, balatus ovium*” – «Ономатопея – это имя, данное в подражание звукам неясного голоса, как “скрип дверей”, “ржание лошадей”, “мычание быков”, “блеяние овец»» (пер. Л.А. Харитоновой).

⁵¹ Verg., *Georg.* IV, 64 (PHI 5.3 [0690]): “...*tinnitusque cie et Matris quate cymbala circum...*”.

⁵² Вергилий, *Энеида* II, 313. Ср.: «...клики труб».

⁵³ Isid., *Etym.* I, 37, 15 (PL 82, 114B): “*Periphrasis est Circumloquium, dum res una plurimis verbis significatur*” – «Перифразис – это “вокруг-говорение”, [то есть] когда одна вещь обозначается многими словами...» (пер. Л.А. Харитоновой).

⁵⁴ Вергилий, *Энеида* IX, 459. Ср.: «Зарево первых лучей пролила на земные просторы». Ср. также пояснения к этому месту у Исидора (*Etym.* I, 37): «Он хочет сказать: “уже светало” (*iam luciscebat*) или же “начинался день” (*dies ortus erat*)» (пер. Л.А. Харитоновой, с изменениями); у Юлиана Толедского (*Ars* 18): «...то есть “уже светало” или же “начинался день”».

⁵⁵ Verg. *Aen.* IX, 460 (PHI 5): “*Tithoni croceum linquens Aurora cubile*”.

от чрезмерной роскоши [у кобылиц] не притупилась готовность детородной области»⁵⁶ и прочее.

[10] *Гипербатон* – это изменение последовательности слов, нарушающее их порядок. Есть пять видов гипербатона⁵⁷: [10.1] *гистерология*⁵⁸, [10.2] *анастрофа*⁵⁹, [10.3] *парентеза*⁶⁰, [10.4] *тмесис*⁶¹, [10.5] *синтесис*⁶².

[10.1] *Гистерология* или *гистерон-протерон* – это измененный порядок слов в предложении⁶³, как:

torrere parant flammis et frangere saxo

(...[спасенные зерна⁶⁴]

и готовят сушить на огне, и молоть жерновами)⁶⁵.

[10.2] *Анастрофа* – это исключительно обратный порядок слов⁶⁶, как: **‘Italiam contra’** («Италии против»)⁶⁷ вместо **‘contra Italiam’** (против Италии).

[10.3] *Парентеза* – это вставка рассуждения, разделяющего предложение⁶⁸, например:

⁵⁶ Вергилий, *Георгики* III, 135. Здесь речь идет о половых органах. Ср. также: «Так поступают, чтоб жир не закрыл чересчур изобильный // Их детородных полей...».

⁵⁷ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 16 (PL 82, 114C): “Hyperbaton est transcensio, cum verbum aut sententia ordine commutatur. Hujus species quinque sunt: anastrophe, hysteron proteron, parenthesis, tmesis, synchesis” – «Гипербатон – “перестановка”, [то есть] когда слово или предложение изменяет порядок [следования друг за другом]. Его видов пять: анастрофа, гистерон-протерон, парентеза, тмесис, синтесис» (пер. Л.А. Харитонова, с изменениями).

⁵⁸ Др.-греч. ὑστερολογία (наука о «до и после», последующее – предшествующее, т.е. позднейшее сначала). Гистерология или гистерон-протерон – стилистическая фигура или логическая ошибка, состоящая в том, что часть предложения, которая в естественной постройке фразы и по временной связи должна следовать позже, выдвигается вперед, чтобы показать, что для говорящего она имеет первостепенное значение.

⁵⁹ Др.-греч. ἀναστροφή (обратный порядок). Анастрофа – изменение прямого порядка слов в выражении или словосочетании на не прямой без нарушения содержания.

⁶⁰ Др.-греч. παρενθεσις (вставка). Парентеза – фигура речи: включение в предложение грамматически не соединенного с ним слова, словосочетания или другого предложения.

⁶¹ Др.-греч. τμησις (рассечение). Тмесис – рассечение составного, преимущественно приставочного слова.

⁶² Др.-греч. σύνταξις (сочетание).

⁶³ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 17 (PL 82, 114C): “Hysteron proteron, sententia ordine commutata” – «Гистерон-протерон – это изменение порядка выражений...» (пер. Л.А. Харитонова).

⁶⁴ Verg. *Aen.* I, 178: ...frugesque receptas.

⁶⁵ Вергилий, *Энеида* I, 179 (пер. А. Фета). Ср.: «...спасенные зерна // Приготавливаются печь на огне и молоть жерновами» (пер. В. Брюсова); «Чтоб, на огне просушив, меж двух камней размолоть их» (пер. С. Ошерова).

⁶⁶ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 16 (PL 82, 114C): “Anastrophe, verborum ordo praeposterus...” – «Анастрофа – это обратный порядок слов» (пер. Л.А. Харитонова).

⁶⁷ Вергилий, *Энеида* I, 13. Ср.: «Против Италии...».

⁶⁸ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 18 (PL 82, 114C): “Parenthesis, ubi interponimus sententiam, qua ex medio remota, integer sermo perdurat” – «Парентеза – [такое выражение], когда мы вставляем в середину нашего предложения то, что, будучи извлечено оттуда, остается целым предложением...» (пер. Л.А. Харитонова).

**Aeneas, neque enim patrius consistere mentem
passus amor, rapidum ad naves praemittit Achaten**

(«Тотчас Эней – ведь в сердце отца не знает покоя //
К сыну любовь – проворного тут посылает Ахата»)⁶⁹.

[10.4] *Тмесис* – это рассечение одного простого или составного слова посредством вставки в него одного или нескольких слов⁷⁰, например: ‘*septem subiecta trioni*’⁷¹ (помещенный звездами под семью) вместо ‘*septemtrioni*’ (под семизвездием) и ‘*saxo cere comminuit brum*’⁷² (ЧЕ-камнем -ПЕП он ему разможил) и *Massili portabant iuvenes ad litora tanas*⁷³ (МАССИ- юношей перевезли на берег -ЛИЙСКИХ), то есть *cerеbrum* (черепа) и *Massilitanas* (массилийских).

[10.5] *Синтмесис* — это перестановка, смешанная из всех частей⁷⁴, например: **tris notus abreptas in saxa latentia torquet, saxa vocant Itali mediis quae in fluctibus aras**⁷⁵.

(Три корабля отогнав, Нот на скрытые скалы бросает,
италийцы те скалы, что в волнах, зовут Алтарями).

Порядок слов должен быть следующим: **tris abreptas notus in saxa torquet, quae saxa in mediis fluctibus latentia Itali aras vocant** (отогнав три корабля, Нот бросает их на скалы; эти скрытые в волнах скалы италийцы зовут Алтарями).

[11] *Гипербола* – это выражение, в преувеличении или преуменьшении выходящее за пределы правдоподобия⁷⁶. В преувеличении, это, например, *nive candidior* («белее снега»), в преуменьшении, это, к примеру: *tardior testudine* («медленнее черепахи»).

[12] *Аллегория* – это троп, в котором подразумевается не то, что говорится⁷⁷, например, [когда Вергилий завершает вторую книгу «Георгик» словами]: **et iam tempus equum fumantia solvere colla**⁷⁸

⁶⁹ Вергилий, *Энеида* I, 643. В тексте Исидора приводится этот же пример. См. Isid., *Etym.* I, 37, 18 (PL 82, 114D).

⁷⁰ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 19 (PL 82, 115A): “Tmesis est sectio unius nominis per interpositionem verborum” – «Тмесис – это разрывание одного слова посредством вставки в середину [другого] слова» (пер. Л.А. Харитонова).

⁷¹ Вергилий, *Георгики* III, 381.

⁷² То есть: «...**черепа** камнем он ему разможил». См. Ennius, *Annal. Lib. inc.* 132, v. 609 (Vahlen). См.: *Ennianae poesis reliquiae*... p. 113. См. также: Zetzl, J.E.G. *Ennian Experiments*... p. 137-140.

⁷³ То есть так: «...юношей перевезли на берег **массилийских**». См.: Enn., *Annal. Lib. inc.* 133, v. 610 (Vahlen). См.: *Ennianae poesis reliquiae*... p. 113.

⁷⁴ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 20 (PL 82, 115A): “Synchysis est, ubi ex omni parte confusa sunt verba” – «Синтмесис – это когда слова перепутаны повсюду...» (пер. Л.А. Харитонова).

⁷⁵ Вергилий, *Энеида* I, 108. Ср.: «Три корабля отогнав, бросает Нот их на скалы // (Их италийцы зовут Алтарями, те скалы среди моря...)».

⁷⁶ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 21 (PL 82, 115AB): “Hyperbole est excelsitas fidem excedens ultra quam credendum est” – «Гипербола – есть преувеличение, превосходящее правду, более чем можно поверить» (пер. Л.А. Харитонова).

⁷⁷ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 22 (PL 82, 115B): “Allegoria est alieniloquium, aliud enim sonat, aliud intelligitur...” – «Аллегория – это иносказание; ведь одно говорится, а другое понимается...» (пер. Л.А. Харитонова).

⁷⁸ Вергилий, *Георгики* II, 542. Ср.: Idem, *Aen.* XII, 336: “...talis equos alacer media inter proelia Turnus // fumantis sudore quatit” – «неистовый Турн коней, дымящихся потом,

(«Время ремни развязать у коней на дымящихся выях»), –

это значит ‘**carmen finire**’ («пришло время завершать [вторую] песнь»).

Из многих видов аллегории выделяются семь: [12.1] ирония⁷⁹, [12.2] антифраза⁸⁰, [12.3] загадка (энигма)⁸¹, [12.4] хариентизм⁸², [12.5] паремия⁸³, [12.6] сарказм⁸⁴, [12.7] астеизм⁸⁵.

[12.1] Ирония – это троп, [на словах] заявляющий противоположное тому, что подразумевается⁸⁶, например,

**egregiam vero laudem et spolia ampla refertis
tuque puerque tuus**⁸⁷

([Юнона говорит Венере]: «Да, завидную славу, большую добычу стяжали / Ты и твой мальчик [Эней]»)⁸⁸, –

и тому подобное. И если бы не [отсутствие] серьезности в интонации, показалось бы, что здесь утверждают то, что [на самом деле] стараются опровергнуть.

[12.2] Антифраза – это ирония, [выражаемая посредством] одного слова⁸⁹, например: [**bellum lucus et Parcae**]; *bellum* (нечто приятное) – это антифраза, поскольку не является «войной» [*bellum* – война], а *lucus* (роща) – потому, что не светит [*lucio* – светить]; и [слово] *Parcae* (*Парки* – [богини судьбы]) – это антифраза потому, что они ничего не берегут [*parco* – беречь].

[12.3] Загадка – это темное высказывание, основанное на неявном подобии вещей⁹⁰, например:

mater me genuit, eadem mox gignitur ex me

(мать меня родила, и тем же путем вскоре родится из меня);

// Мечет в сраженьи» (пер. В. Брюсова).

⁷⁹ Др.-греч. εἰρωνεία. Ирония (ironia) – выражение, в котором истинный смысл скрыт или противопоставляется смыслу явному. Ирония создаёт ощущение, что предмет обсуждения не таков, каким он кажется.

⁸⁰ Др.-греч. ἀντίφρασις. Антифраза (antiphrasis) – риторическая фигура, означающая употребление слова в значении, прямо противоположном его существу.

⁸¹ Др.-греч. αἰνίγμα. Энигма (aenigma) – загадка, что-то таинственное, невыразимое.

⁸² Др.-греч. χαριεντισμός (шутка, острота). Хариентизм (charientismos) – риторическая фигура, состоящая в том, что в приятных выражениях излагается что-нибудь очень неприятное; тонкая ирония.

⁸³ Др.-греч. παροιμία (paroemia) – поговорка, пословица, притча.

⁸⁴ Др.-греч. σαρκασμός (уязвление). Сарказм (sarcasmos) – вид сатирического изобличения, язвительная насмешка, высшая степень иронии, основанная не только на усиленном контрасте подразумеваемого и выражаемого, но и на немедленном намеренном ображении подразумеваемого.

⁸⁵ Др.-греч. ἀστεϊσμός («шпилька»); лат. astismos.

⁸⁶ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 23 (PL 82, 115C): “Ironia est sententia per pronuntiationem contrarium habens intellectum...” – «Ирония – это изречение, получающее смысл через произнесение противоположного...» (пер. Л.А. Харитоновна).

⁸⁷ Вергилий, *Энеида*, IV, 93-94: «Да, немалую вы и добычу и славу стяжали – // Ты и крылатый твой сын...».

⁸⁸ Пер. В. Брюсова.

⁸⁹ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 24 (PL 82, 115C): “Antiphrasis est sermo e contrario intelligendus...” – «Антифраза – это речь, понимаемая от противного...» (пер. Л.А. Харитоновна).

⁹⁰ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 26 (PL 82, 116A): “Aenigma est quaestio obscura, quae difficile intelligitur, nisi aperiatur...” – «Энигма – это скрытый предмет, который трудно понять, если его не сделать явным...» (пер. Л.А. Харитоновна).

это значит, что застывающая вода [мать] производит лед, а затем снова из него изливается.

[12.4] *Харийентизм* – это троп речи, посредством которого смягчается горечь сказанного⁹¹, например, если при обращенном к нам вопросе о том, не интересовался ли кто-нибудь нами, отвечают: **‘bona fortuna’** (благая Фортуна), отчего станет ясно, что мы никому не интересны⁹².

[12.5] *Паремия* – это присказка, приспособленная к надлежащему обстоятельству и времени⁹³, например: **‘adversum stimulum calces’**⁹⁴ (лезть на рожон) и **‘lupus in fabula’** (легок на помине!)⁹⁵.

[12.6] *Сарказм* – это исполненная ненависти и враждебная насмешка⁹⁶, например:

**en agros et quam bello, Troiane, petisti,
Hesperiam metire iacens**⁹⁷

(а теперь, поля и Гесперию⁹⁸, которой ты домогался войной,
измерь своим телом).

[12.7] *Астеизм* [«шпилька»] – это сложный троп, со множеством значений. «*Шпилькой*» считается любая шутка, лишённая деревенской простоты и в должной мере отшлифованная городским остроумием⁹⁹, например:

**qui Bavium non odit amet tua carmina, Maevi,
atque idem iungat vulpes et mulgeat hircos**¹⁰⁰, –

⁹¹ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 27 (PL 82, 116B): “Charientismos est tropus quo dura dicta gratius proferuntur...” – «Харийентизм – это троп, при помощи которого жестокие слова произносятся приятнее...» (пер. Л.А. Харитонова).

⁹² Этот же пример приводится Исидором. См. Isid., *Etym.* I, 37, 27 (PL 82, 116B).

⁹³ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 28 (PL 82, 116B): “Paroemia est rebus et temporibus accommodatum proverbium” – «Паремия – это поговорка, установленная [силою] вещей и времен» (пер. Л.А. Харитонова).

⁹⁴ Terent. *Afer, Phormio* 1, 2 (РНД 5.3 [0134], v. 78): “Venere in mentem mihi istaec; ‘Namque incitiae est, / Adversum stimulum calces?’” – «Я тоже так подумал: на рожон переть // Какой тут смысл» (пер. А.В. Артюшкова, см.: *Комедии [Формион]...* с. 285).

⁹⁵ Terent. *Afer, Adelphi* 4, 1 (РНД 5.3 [0134], v. 537): “Lupus in fabula” – «Вот легок на помине он!» (пер. А.В. Артюшкова, см.: *Комедии [Братья]...* с. 461); см. также пояснение Юлиана Толедского (*De vitiiis et figuris* III [*De ceteris vitiiis*], ed. Lindsay, p. 39), 97: “...aiunt enim rustici uocem hominem perdere, si eum lupus prior uiderit; unde et cum subito tacenti dicitur istud prouerbiu: lupus in fabula” – «Селяне говорят, что увидевший волка человек теряет голос. Вот почему, когда кто-то внезапно замолкает, приводят поговорку: “волк из сказки»» (пер. В.В. Петрова).

⁹⁶ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 29 (PL 82, 116B): “Sarcasmos est hostilis irrisio, cum amaritudine...” – «Сарказм – это высмеивание врагов с язвительностью» (пер. Л.А. Харитонова).

⁹⁷ Вергилий, *Энеида* XII, 359-360. Ср.: «Сокрушив в поединке троянца Эвмеда (Εὐμήδης), Турн говорит ему: “Лежа, поля измерь и Гесперию, дерзкий Троянец, / Коих искал ты войной”» (пер. В. Брюсова); «Землю хотел захватить ты в краю Гесперийском? Отмерь же // Собственным телом ее!» (пер. С. Ошерова).

⁹⁸ То есть Италию.

⁹⁹ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 30 (PL 82, 116C): “...astysmus, id est, urbanitas sine iracundia...” – «...астизм – изящный юмор без раздражения» (пер. Л.А. Харитонова).

¹⁰⁰ Вергилий, *Буколики* III, 90-91: «Бавия кто не отверг, пусть любит и Мевия песни, – // Пусть козлов он доит и в плуг лисиц запрыгает». Этот же пример приводит Исидор, см. Isid., *Etym.* I, 37, 30 (PL 82, 116C).

(Только тот полюбит стихи твои, Мавий, кто не сгинул от виршей Бавия, кто лисиц запрягает в упряжку и ждет от козла молока).

[13] Уподобление – это объяснение менее известного через уподобление его более известному¹⁰¹. Есть три вида уподобления: [13.1] *икона*¹⁰², [13.2] *парабола*¹⁰³, [13.3] *парадигма*¹⁰⁴.

[13.1] *Икона* – это сравнение между собой субъектов (personarum) или того, что им принадлежит¹⁰⁵, например: ‘**os humerosque deo similis**’ (богу подобный *лицом* и *станом* [Эней])¹⁰⁶.

[13.2] *Парабола* – это сравнение вещей, несходных по роду¹⁰⁷, например:

**qualis mugitus fugit cum saucius aram
taurus**¹⁰⁸

([Лаокоонт] рев такой издает, словно раненый *бык* убегает / от алтаря), –

и так далее.

[13.3] *Парадигма* – это история, предоставляющая пример, которым можно вдохновляться или которого следует избегать¹⁰⁹. Вдохновляющий пример – это [когда Венера ходатайствует за Энея перед Зевсом и ссылается, как на желаемый образец, на судьбу Антенора]:

¹⁰¹ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 31 (PL 82, 116C): “Homoeosis est quae Latine interpretatur similitudo; per quam minus notae rei per similitudinem ejus quae magis nota est panditur demonstratio” – «Гомойосис – что на латынь переводится как подобие, – это то, посредством чего делается указание на менее заметную вещь через сходство с той, которая более заметна» (пер. Л.А. Харитонова).

¹⁰² Др.-греч. εἰκών.

¹⁰³ Др.-греч. παραβολή (сравнение, сопоставление, подобие).

¹⁰⁴ Др.-греч. παράδειγμα (подобие, изображение). В риторике парадигмой называется пример, взятый из истории и приведенный в речи ради сравнения.

¹⁰⁵ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 32 (PL 82, 116D): “Icon est imago, cum figuram rei ex Simili genere conamur exprimere...” – «Икона – есть образ, когда мы пытаемся воспроизвести вид вещи из [вещи] похожего рода...» (пер. Л.А. Харитонова). Ср. объяснение Ч.С. Пирса (Charles Sanders Peirce): «Икона есть знак, отсылающий к объекту, который он обозначает, просто в силу своих свойств, которыми обладает независимо от того, существует ли вообще какой-нибудь объект или нет» – см.: Усманова А.Р. Знак иконический... с. 289. – <https://studylib.ru/doc/6262381/postmodernizm.-enciklopediya-by-a-a-gricanov--m-a-mozhejk...> (январь, 2025).

¹⁰⁶ Вергилий, *Энеида* I, 589: «Встал пред народом Эней: божественным светом сияли // Плечи его и лицо» (пер. С. Ошерова).

¹⁰⁷ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 33 (PL 82, 117A): “Parabola est comparatio ex dissimilibus rebus...” – «Парабола – это сравнение с непохожими [по роду] вещами» (пер. Л.А. Харитонова).

¹⁰⁸ Вергилий, *Энеида* II, 223. Ср.: «...и неверный топор из задривка стремится // Выгрести раненый бык, убегая от места закланья» (пер. С. Ошерова); «Рев такой издает, когда, раненый, бык убегает / От алтаря, топор неверный стряхнув из задривка» (пер. В. Брюсова).

¹⁰⁹ Ср. Isid., *Etym.* I, 37, 34 (PL 82, 117A): “Paradigma est exemplum dicti, vel facti aliquid, aut ex simili, aut ex dissimili genere, conveniens ei quam proponimus rei” – «Парадигма – это образец чего-нибудь сказанного или сделанного, которое соответствует той вещи этого или иного рода» (пер. Л.А. Харитонова).

**Antenor potuit mediid elapsus Achivis
Illyricos penetrare sinus**

(Мог же Антенор, из самой Ахивов уйдя середины,
В гавань прибыть безопасно Иллирии...) ¹¹⁰, –

и тому подобное. Пример, которого следует избегать, это:

**at non sic Phrygius penetrat Lacedaemona pastor
Ledaemque Helenam Troianas vexit ad urbes** ¹¹¹

(Фригийский разве не так пастух проник в Лакедемон,
Гелену чтобы увлечь Ледейскую в город Троянский) ¹¹².

***

При переводе мы стремились сохранить синтаксические конструкции оригинала и передать латинскую терминологию с наименьшими потерями. При составлении примечаний использованы тексты и исследования, указанные в библиографическом перечне. Публикуемый ниже фрагмент является дополнением к нашим исследованиям (1999–2024), посвященным анализу Донатовой грамматической науки и образовательным практикам Поздней Античности и раннего Средневековья. Перевод выполнен по: *Ars Donati Grammatici Urbis Romae // Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe – IXe siècle)* / Éd. par L. Holtz. Paris, 1981. P. 663-674, с учетом раннего издания: *Donati Grammatici Urbis Romae Ars Grammatica // Grammatici Latini / Ex rec. H. Keilii*. Lipsiae, 1864. Vol. IV. P. 397-402. В основу примечаний положены упомянутые критические издания и литература, указанная в библиографическом перечне. Сокращения имен античных и средневековых авторов, названий их сочинений соответствуют общепринятым аббревиатурам. См. также: *Oxford Latin Dictionary*. Oxf.: Clarend. Pr., 1968 – <https://www.oxfordscholarlyeditions.com/page/abbreviations> (январь, 2023); *Liddle H.G., Scott R. et al. A Greek-English Lexicon, with a Revised Supplement*. Oxf.: Clarend. Pr., 1996.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Оригинальные тексты см. по имени издателя в электронных базах данных или открытом доступе сети Интернет: Packard Humanities Institute Latin Library texts [PHI 5, CD-ROM edition]; Thesaurus Linguae Graecae [TLG] – <http://stephanus.tlg.uci.edu>; Patrologia Latina [PL, CD-ROM edition] – <http://patristica.net/latina/#069>. См. также: *Corpus corporum* – <https://mlat.uzh.ch/browser?path=>, раздел *Grammatici Latini* – <https://mlat.uzh.ch/browser?path=/14161>. Переводы источников на русский, английский и др. языки, за исключением случаев? оговоренных особо, см. по имени переводчика и редактора в любых изданиях или открытом доступе сети Интернет. Принятые в отдельных случаях сокращения приведены *курсивом* в библиографическом перечне.

Ars Iuliani Toletani episcopi. Una gramatica latina en la España visigoda / Ed. Maestre Yenes M.A. Toledo, 1973.

Demetriou Chrysanthi. Aelius Donatus and his Commentary on Terence's Comedies // The Oxford Handbook of Greek and Roman Comedy / Ed. by Michael Fontaine and Adele C. Scafuro. Oxford Univ. Press, 2014. P. 782-799.

Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical / L. Holtz, ed. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981.

¹¹⁰ Вергилий, *Энеида* I, 242 (пер. В. Брюсова). Ср.: «Мог ведь герой Антенор, ускользнув из рук у ахейцев, // В бухты Иллирии, в глубь Либуриного царства проникнуть...» (пер. С. Ошерова).

¹¹¹ Вергилий, *Энеида* VII, 363. Ср.: «Разве не так же проник пастух фригийский к спартанцу, // Чтобы Елену с собой увести к троянским твердыням?» (пер. С. Ошерова). Контекст этой фразы таков: Парис, сын царя Трои Приама, воспитанный пастухами на горе Ида во Фригии, приплыл в Лакедемон, где убедил Елену, дочь Зевса и Леды, бросить мужа Менелая, и увез ее из дома.

¹¹² Пер. В.В. Петрова.

- Ennianae poesis reliquiae / Rec. Iohannes Vahlen. Lipsiae: Typis B.G. Teubneri, 1903.
- Julian of Toledo. De Vitiis et figuris / Ed. by Prof. W.M. Lindsay. Oxford Univ. Press, 1922.
- Law V. Grammar and Grammarians in the Early Middle Ages. L.; NY: Longman, 1997.
- Marotta G. Syllable and Prosody in Latin Grammarians / D. Russo, ed. // The Notion of Syllable across History, Theories and Analysis. Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 55-86.
- Monceaux P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. Vol. III. Le IV siècle d'Arnobé à Victorin. Paris: Leroux, 1905.
- Munzi L. Il De partibus orationis di Giulano di Toledo // AION (filol.): Annali dell'Università degli Studi di Napoli "L'Orientale". 1980-1981. 2-3. P. 153-228.
- Petrova M.S. (tr.) The life of Donatus / Trans. from Latin into English and Russian, notes and original text by M.S. Petrova // ΣΧΟΛΗ (Schole). 2016. 10.1. P. 54-59.
- Petrova M.S. The Reception of Latin Grammar Knowledge in the Early Middle Ages: Bede and Donatus / I.Woods, ed. and alii. (org.) // Mirabilia. 2014. 18 [Leeds Congress 2013]. P. 45-66. – <https://asnoc.wordpress.com/2014/03/09/the-reception-of-latin-grammar-knowledge-in-the-early-middle-ages-bede-and-donatus/>.
- Petrova M.S. Taking a New Look at the Ancient Tradition of Suetonius-Donatus' Biographies // ΣΧΟΛΗ (Schole). 2016. 10.1. P. 49-53.
- Rhetores Graeci. De figuris (=ΠΕΡΙ ΣΧΗΜΑΤΩΝ) [Sp.] / Ed. L. Spengel. Vol. 3. Leipzig: Teubner, 1856; repr. Frankfurt am Main: Minerva, 1966 (TLG 0087-035).
- Zetzel J.E.G. Ennian Experiments // The American Journal of Philology. Vol. 95 / 2 (Summer, 1974). P. 137-140.
- Античные теории языка и стиля. СПб.: Алетейя, 1996 [Antichnye teoriiazyky i stilja (Ancient theories of language and style). Saint Petersburg: Aletejja, 1996]. – *Ант. теори...*
- Гаспаров М.Л. [К переводу анонимной дидактической поэмы «Стихи о фигурах красноречия»] // Проблемы литературной теории в Византии и латинском Средневековье / Ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. С. 249 [Gasparov M.L. K perevodu anonimnoj didakticheskoj poemy «Stihi o figurah krasnorechija»] (To the translation of the anonymous didactic poem "Poems on Eloquence") // Problemy literaturnoj teorii v Vizantii i latinskom Srednevekov'e / Ed. by M.L. Gasparov. Moscow: Nauka, 1986. P. 249].
- Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимиттед, 2003, 2 изд. доп. [Gasparov M.L. Oчерk istorii evropejskogo stiha (Essay on the history of European verse). Moscow: Fortuna Limited, 2003, 2nd ed.].
- Горте М.А. Фигуры речи. Терминологический словарь. М.: ЭНАС, 2007 [Gorte M.A. Figury rechi. Terminologicheskij slovar' (Figures of speech. Terminological dictionary). Moscow: JeNAS, 2007].
- Исидор Севильский. Этимологии. Книга I. О грамматике / Пер. А. Гараджи // Античная традиция и патрологические исследования. Т. 5. № 1-2 (2020). С. 269-322 [Isidor Sevil'skij. Jetimologii. Kniga I. O grammatike (Isidore of Seville. Etymologies. Book I. On grammar) / Trans. by A. Garadzha // Antichnaja tradicija i patrologicheskie issledovanija. T. 5. No 1-2 (2020). P. 269-322].
- Исидор Севильский. Этимологии или Начала в XX книгах. Книги I-III Семь свободных искусств / Изд. подг. Л.А Харитонов. СПб.: Евразия, 2006 [Isidor Sevil'skij. Jetimologii ili Nachala v XX knigah. Knigi I-III Sem' svobodnyh iskusstv (Isidore of Seville. Etymology or Beginnings in 20 books. Books I-III The Seven Liberal Arts) / Ed. by L.A Haritonov. Saint Petersburg: Evrazija, 2006].
- Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь Античности / Пер. с нем. / Отв. ред. В.И. Кузищин. М.: Прогресс, 1989 [Irmsher J., Jone R. Slovar' Antichnosti (Dictionary of Antiquity) / Ed. by V.I. Kuzishhin. Moscow: Progress, 1989].
- Литературная энциклопедия. М., 1929-1939, Т. 4. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930 [Literaturnaja jenciklopedija (Literary encyclopedia). Moscow, 1929-1939, T. 4. M.: Izd-vo Kommunisticheskij akademii, 1930].
- Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972 [Mark Tullij Ciceron. Tri traktata ob oratorskom iskusstve (Marcus Tullius Cicero. Three treatises on oratory) / Ed. by M.L. Gasparov. Moscow: Nauka, 1972]. *три трактата...*
- Петрова М.С. (пер. 1999). Донат. «Краткая наука о частях речи» / Пер. с лат., примеч., публ. ориг. текста М.С. Петровой // Диалог со временем. 1999. 1. С. 306-344 [Petrova M.S. (tr. 1999). Donat. "Kratkaja nauka o chastjah rechi" (Donatus. "Ars Minor") / Trans. from Latin, notes by M.S. Petrova // Dialog so vremenem. 1999. 1, p. 306-344].

- Петрова М.С. (пер. 2011). Донат. «Наука грамматики»: О частях речи (II. 1.), Об имени (II. 2) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // Диалог со временем. 2011. 35. С. 312-331 [Petrova M.S. (tr. 2011). Donat. "Nauka grammatiki" II. 1-2 (Donatus. "Ars grammatica: Ars Maior" II. 1-2) // Dialog so vremenem. 2011. 35. P. 312-331].
- Петрова М.С. (пер. 2021). Донат. «Наука грамматики»: О звуке (I. 1.), О букве (I. 2.), О слоге (I. 3.), О стихотворных стопах (I. 4.), Об ударениях (I. 5.), О положениях (I. 6.) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // НУРОТНЕКАИ Журнал по истории античной педагогической культуры. 2021. 5: Учебные тексты в Античности. С. 86-99 [Petrova M.S. (tr. 2021). Donat. "Nauka grammatiki" I. 1-6 (Donatus. "Ars Grammatica": Ars Maior I. 1-6) / Trans. from Latin and notes by M.S. Petrova // НУРОТНЕКАИ. Zhurnal po istorii antichnoi pedagogicheskoj kul'tury. 2021. 5: Uchebnye teksty v Antichnosti. P. 86-99].
- Петрова М.С. (пер. 2023). Донат, грамматист Города Рима. «Грамматическая наука»: О варваризме (III. 1.), О солицизме (III. 2.), О других погрешностях в речи (III. 3.), О метаплазме (III. 4.) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // Диалог со временем. 2023. 82. С. 376-385 [Petrova M.S. (tr. 2023). Donat, grammatist Goroda Rima. «Grammaticheskaja nauka» III. 1-4 (Donatus. "Ars grammatica": Ars Maior III. 1-4), trans. from Latin and notes by M.S. Petrova // Dialog so vremenem. 2023. 82. P. 376-385].
- Петрова М.С. (пер. 2024). Донат, грамматист Города Рима. «Грамматическая наука»: III. 5. О риторических фигурх (De schematibus) / Пер. с лат. и прим. М.С. Петровой // Диалог со временем. 2024. 86. С. 382-393 [Petrova M.S. (tr. 2024). Donat, grammatist Goroda Rima. «Grammaticheskaja nauka» III. 5 (Donatus. "Ars grammatica": Ars Maior III. 5), trans. from Latin and notes by M.S. Petrova // Dialog so vremenem. 2024. 86. P. 382-393].
- Петрова М.С. К переводу *Ars grammatica* (III. 1-4) Элия Доната // Диалог со временем. 2023. 82. С. 372-375 [Petrova M.S. K perevodu *Ars grammatica* (III. 1-4) Jelija Donata (To the translation of Donatus' *Ars grammatica* III. 1-4) // Dialog so vremenem. 2023. 82. P. 372-375].
- Петрова М.С. Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: *Ars minor* Доната // Диалог со временем. 1999. 1. С. 295-305 [Petrova M.S. Grammaticheskaja nauka v Pozdnej Antichnosti i v Srednie veka: *Ars minor* Donata (Grammar in Late Antiquity and the Middle Ages: Donatus' *Ars minor*) // Dialog so vremenem. 1999. 1. P. 295-305].
- Петрова М.С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем. 2008. 22. С. 80-92 [Petrova M.S. Donat: zhizn', jepoha i intellektual'noe okruzhenie (Donatus: life, epoch and intellectual environment) // Dialog so vremenem. 2008. 22: 80-92].
- Петрова М.С. Рецепция Донатовой *Ars grammatica* Кассиодором Сенатором // Диалог со временем. 2009. 28. С. 196-207 [Petrova M.S. Recepcija Donatovoj *Ars grammatica* Kassiodorom Senatorom (Reception of Donatus' *Ars grammatica* by Cassiodorus) // Dialog so vremenem. 2009. 28. P. 196-207].
- Петрова М.С. Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке (на примере Дмитрия Герасимова и других...) // Диалог со временем. 2011. 34. С. 311-364 [Petrova M.S. Vospriyatje latinskogo grammaticheskogo znanija russkoj uchenost'ju v XVI veke (na primere Dmitrija Gerasimova i drugih...) (Perception of Latin grammatical knowledge by Russian scholarship in the 16th century (on Dmitry Gerasimov and others...)) // Dialog so vremenem. 2011. 34. P. 311-364].
- Петрова М.С. Риторико-грамматические работы Беды Досточтимого в контексте лингвистического знания Поздней Античности и раннего Средневековья // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2012. 1. С. 36-63 [Petrova M.S. Ritoriko-grammaticheskie raboty Bedy Dostochtimogo v kontekste lingvisticheskogo znanija Pozdnej Antichnosti i ranнего Srednevekov'ja (Rhetorical and grammatical works of Bede the Venerable in the context of linguistic knowledge of Late Antiquity and the Early Middle Ages) // Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastojashhem. 2012. 1. P. 36-63].
- Петрова М.С. Просопография и реконструкция биографии Элия Доната // Специальные исторические дисциплины. 2014. 1: 5-30 [Petrova M.S. Prosopografija i rekonstrukcija biografii Jelija Donata (Prosopography and reconstruction of the biography of Aelius Donatus) // Special'nye istoricheskie discipliny. 2014. 1. P. 5-30].
- Петрова М.С. Учебные тексты и грамматическая наука на рубеже Античности и Средневековья // Диалог со временем. 2015. 51. С. 110-132 [Petrova M.S. Uchebnye teksty i grammaticheskaja nauka na rubezhe Antichnosti i Srednevekov'ja (Educational texts and grammatical science at the turn of Antiquity and the Middle Ages) // Dialog so vremenem. 2015. 51. P. 110-132].

- Петрова М.С. Ars grammatica Доната и образовательные практики Поздней Античности: Сергей – Кледоний – Помпей // *HYPOTHEKAI. Журнал по истории античной педагогической культуры*. 2019. 3: Образование в Поздней Античности. С. 60-86 [Petrova M.S. Ars grammatica Donata i obrazovatel'nye praktiki Pozdnej Antichnosti: Sergij – Kledonij – Pompej (Donatus' Ars grammatica and educational practices of Late Antiquity: Sergius – Cleidonius – Pompeius) // *HYPOTHEKAI. Zhurnal po istorii antichnoi pedagogicheskoj kul'tury* 2019. 3: Obrazovanie v Pozdnei Antichnosti. P. 60-86].
- Петрова М.С. О Донатовой “Ars Grammatica” и заглавиях ее частей // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020 5: 134-144 [Petrova M.S. O Donatovoj “Ars Grammatica” i zaglavijah ee chastej (On Donatus’ “Ars Grammatica” and the titles of its parts) // *Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastojashem*. 2020. 5. P. 134-144].
- Петрова М.С. Дмитрий Герасимов и его последователи о местоимении // Новая и Новейшая история. 2022. 66 / 2. С. 145-169 [Petrova M.S. Dmitrii Gerasimov i ego posledovateli o mestoimenii (Dmitry Gerasimov and his followers on the pronoun) // *Novaya i Noveishaya istoriya*. 2022. 66 / 2. P. 145-169].
- Петрова М.С. Дмитрий Герасимов и его последователи о глаголе // *RussianStudiesHu* 2024. Вып. 1. С. 185-210 [Petrova M.S. Dmitrii Gerasimov i ego posledovateli o glagole (Dmitry Gerasimov and his followers on the verb) // *RussianStudiesHu* 2024. Issue 1. P. 185-210].
- Скребнев Ю.М. Фигуры речи // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая российская энциклоп., 1997 [Skrebnev Ju.M. Figury rechi (Figures of speech) // *Russkij jazyk. Jenciklopedija* / Ed. by Ju. N. Karaulov. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklop., 1997].
- Теренций. Комедии / Пер. с лат. А.В. Артюшкова. М.: Издат-во Художественная литература, 1985 [Terencij. Komedii (Terence. Comedies) / Per. s lat. A.V. Artjushkova. Moscow: Izdat-vo Hudozhestvennaja literatura, 1985]. – *Комедии...*
- Троцкий И.М. Проблемы языка в античной науке / О.М. Фрейденберг, ред. // Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб.: Алетейя, 1996; перепеч. изд. 1936: 9-32 [Trockij I.M. Problemy jazyka v antichnoj nauke (Problems of language in Ancient science) // *Antichnye teorii jazyka i stilja (Antologija tekstov)* / Ed. by O.M. Frejdenberg. Saint Petersburg: Aletejja, 1996 (reprinted 1936). P. 9-32].
- Усманова А.Р. Знак иконический // Постмодернизм. Энциклопедия / Ред. Грицанова А.А., Можейко М.А. Минск: Интерпрессервис – Книжный дом, 2001. С. 289 [Usmanova A.R. Znak ikonicheskij (Iconic sign) // *Postmodernizm. Jenciklopedija* / Ed. A.A. Gricanov, M.A. Mozhejko. Minsk, 2001. P. 289]. <https://studylib.ru/doc/6262381/postmodernizm.-enciklopediya-by-a.a.-gricanov--m.a.-mozhejk>.
- Энциклопедический и словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 т. СПб.: ПОЛРАДИС – Иван Фёдоров, 1993–2003 (перепеч.) [Jenciklopedicheskij i slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona (Encyclopedic and Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron). In 86 tt. Saint Petersburg: POLRA-DIS – Ivan Fjodorov, 1993–2003 (repr.)].

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, *Институт всеобщей истории РАН*; beionyt@mail.ru

To the translation of Donatus' Ars Grammatica (III. 6)

A commented translation from Latin of section from Donatus' “Ars grammatica” (Ars maior) is published, which relate to tropes (III.6. De tropis).

Keywords: Donatus, grammatical science, tropes, rhetorical figures.

Maya Petrova, Dr. Sc. (in History), Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; beionyt@mail.ru

Н.Н. Гудалов

СНОВА О НАШЕЙ ПРИРОДЕ

В рецензии даётся оценка новой монографии Ю.П. Ивонина и О.И. Ивониной, которая посвящена и актуальной, и «вечной» теме – понятию природы человека в её политико-философской проекции. Методологический «умеренный презентизм» книги стремится к балансу между трактовкой классиков с позиций современных авторов и, одновременно, тщательным изучением специфики источников. Полезная методология, а также привлечение многих, особенно редко обсуждаемых классических текстов, выявление их сложных аспектов доказывают новизну монографии. Так, детально разработаны роль воли у Платона, соотношение созерцательной и деятельной жизни у Аристотеля, скептические элементы у просветителей. Вместе с тем, несколько недооценен интерес Августина к политическим институтам, а также не разобрано языковое конструирование политики у Томаса Гоббса. Также не привлечены к анализу (псевдо-)платоновские письма и «Афинская полития»; не пояснено, чем диктовался отбор одних классиков для изучения и исключение многих других (в т.ч. многих римских и средневековых авторов, представителей Возрождения, Реформации, поздней схоластики, ряда утопистов, немецких классиков). Но даже нерешённые в книге вопросы – ориентир для будущих дискуссий.

Ключевые слова: интеллектуальная история, природа человека, презентизм, Античность, Просвещение.

«...ты подивисься на превращения судьбы
и самых форм человеческих
и на их возвращение вспять...»

Апулей. Метаморфозы, или Золотой осёл I:1

Новая монография Юрия Перфильевича Ивонина и Ольги Ивановны Ивониной¹ – значимый шаг в изучении истории понятия человеческой природы в её политико-философских аспектах. Ю.П. Ивонин – доктор философских наук, О.И. Ивонина – доктор исторических наук; книга продолжает их многочисленные исследования темы².

Эта тематика, стремление «познать самого себя», а то и статья «мерой всех вещей», – конечно, и «вечная», и актуальная. Как минимум с классической Древности в почти необозримой литературе ставятся, в разных формах, смежные вопросы о чертах человека как биосоциального существа и их динамике, соотношении природы и культуры (воспитания), агентов и социальных структур, детерминизма и свободы. Например, реализм (как долгая и неоднородная традиция в международно-политической мысли) во многом ассоциируется с мыслью Фукидида в начале его труда о существенном постоянстве природы человека и, соответственно, «законов» истории.³ Но меньше внимания обращали на Фукидидовы замечания о зависимости этой природы от обстоятельств и

---

¹ Ивонин, Ивонина 2024.

² См. там же: 3.

³ Фукидид 2021: I: 22:4.

даже о «благородной натуре»⁴, а также на то, что для него была важна не только «биология», но и глубоко социальная – языковая – подоплёка конфликтов и сотрудничества⁵. Схожая проблема соотношения «естества» и социального конструирования – одна из главных у Томаса Гоббса (она обсуждается ниже в связи с соответствующей главой монографии). Ганс Моргентау «укоренял» «законы политики» в якобы вечной и издревле известной природе человека⁶ – однако в менее популярной, но не менее интересной книге писал об историчности почти любых идей,⁷ что, конечно, вызывает вопрос: как же тогда возможно устойчивое понятие о человеке? В целой дискуссии об уровнях анализа Кеннет Уолц отказался от детального обсуждения человеческой природы и сдвинул акцент на международную структуру⁸ – но в реализме не прекращаются споры о природе человека в диапазоне от (около-) научных социобиологических обобщений⁹ до нюансированного философского переосмысления важных для реализма классиков¹⁰.

Актуальна тема ещё и из-за роста возможностей человека по влиянию на мир и на свою собственную природу, а также связанных с этим проблем. Это отражается в концепции Антропоцена (и, в сущности, уже в понятии ноосферы); Ю.П. и О.И. Ивонины пишут об антропологизме¹¹. Едва ли можно сомневаться в актуальности обращения авторов именно к классикам: их перечитывание открывает новые грани как их текстов, так и современного мира. Многие проблемы, по сути, поставлены очень давно и, заметим, с классической ясностью, которая выгодно отличается от иногда неудобочитаемого сциентистского дискурса нынешнего социогуманитарного знания.

Отметим особо методологию книги. Она стремится к балансу между «презентистским» и «антикварным» подходами. Исследователь всегда так или иначе устанавливает связь с прошлым, при этом в книге скрупулёзно изучаются явные тексты первоисточников, без «вычитывания» в них каких-либо якобы скрытых идей. В целом авторы называют свой подход «умеренным презентизмом»¹². Так, они не боятся применять термины «мягкая сила» к анализу демократии Платоном или «дилемма безопасности» – к мыслям Августина о войне¹³. Такая методология представляется весьма уместной, по меньшей мере как дополнение к Кембриджской школе¹⁴. Последняя часто склоняется к заслуженно кри-

⁴ Там же: III:82: 2, III:83:1.

⁵ Напр., Kokaz 2001.

⁶ Morgenthau 1961: 4.

⁷ Morgenthau 1947: 15, 24, 77.

⁸ Waltz 1979.

⁹ Johnson, Thayer 2016.

¹⁰ Paipais 2019.

¹¹ Ивонин, Ивонина 2024: 3.

¹² Там же: 4-5.

¹³ Там же: 49, 119.

¹⁴ Напр., Skinner 1978; Pocock 2016.

тикуемому сильному контекстуализму¹⁵; а в Послесловии к своему классическому труду сам Джон Покок признал, что изучал не только отдельные контексты, но и их взаимосвязи¹⁶. Даже если историк делает акцент на специфике отдалённой эпохи, он логически не может не искать с ней «общего языка»¹⁷; «истинные проблемы вне времени», особенно для историка философских идей¹⁸.

Монография включает 14 глав; из них 13 – об отдельных мыслителях от Платона до Иоганна Фихте, и одна – о паре «наследников Руссо», Этьенне Морелли и Клоде Адриане Гельвеции. Почти всюду авторы идут от общего к частному – от антропологии философской к политической. Конечно, в огромном поле проблем, поставленных книгой, мы отметим лишь самые новые и спорные.

Платон прочно ассоциируется с интеллектуализмом, но Ивонины выявляют у него и «волонтаристскую антропологическую модель». В её рамках признавалось могущество воли, а также «интуиции и жизненного опыта»¹⁹. Одним из сложных моментов у Аристотеля является соотношение созерцательной и практической жизни, каждую из которых философ высоко ценил. Авторы демонстрируют, что два этих ориентира Стагирита, оставаясь различными, при этом взаимосвязаны: так, жизнь мудреца возможна только в развитой общественной среде²⁰.

Относительно Августина тезис, что «[ф]илософа не интересуют политические институты»,²¹ явно преувеличен и выводит нас на очень любопытную дискуссию. Конечно, спасение души для Августина важнее любой земной политики, но в том и состоит интерес его как политического мыслителя, что на деле земное всё же даёт простор для детального политического анализа и связано с небесным. Омрачённая грехом природа индивида – всегда неидеальный кирпичик, но всё же из таких кирпичиков строятся разные здания. Серьёзной настрой на обсуждение различных форм политики хорошо виден уже в Предисловии к его политическому *magnum opus*²². Сами Ю.П. и О.И. Ивонины признают, что стремления человека «быть, знать и хотеть» искажаются при переходе от уровня индивида к общественному²³ – а это уже значит, что уровень институтов имеет значение. Но и этот переход не однозначно негативен. Августин следует Цицероновскому определению республики, что само по себе указывает на предпочтение этому институту. Разумеется, полностью справедлива лишь республика Христа (Он называется «гражданином») – но и земные институты обнаруживают разные степени ценно-

¹⁵ Haddock 2011.

¹⁶ Роскок 2016: 553.

¹⁷ См., напр., Кудрявцев 2018: 19.

¹⁸ Неретина 2011: 66.

¹⁹ Ивонин, Ивонина 2024: 18-20.

²⁰ Там же: 61-62.

²¹ Там же: 111.

²² Августин 2000.

²³ Ивонин, Ивонина 2024: 113-117.

сти. Так, Рим был более справедлив как во внутренней, так и во внешней политике, когда его добродетели поддерживались страхом перед Тарквинием, этрусками или Карфагеном²⁴. Авторы монографии сами замечают, что даже у грешников могут быть относительно мирные и упорядоченные государства²⁵ – поэтому и фраза в монографии, что Августин «отрицал возможность справедливости при господстве языческой религии»²⁶, не совсем точна. И даже для христиан ценен земной мир в государстве²⁷.

При анализе Гоббса лишь намечается фундаментальная проблема соотношения естественного и социально конструируемого. Авторы признают, что Гоббсов человек – не только материальный автомат, что важны такие факторы, как слава, «духовное удовольствие», риторика, образование, идеология²⁸. Однако добро и зло (по крайней мере, в естественном состоянии) трактуются «материалистически», общество – естественнонаучно, и Гоббс представляется «индивидуалистом»²⁹. При этом авторы не учли большой массив литературы, которая показывает, что Гоббс, вероятно, первым совершил в Новое время лингвистический поворот³⁰. В отличие от естественных наук, в его любимой математике истина (лат. “*verum*”) создаётся (“*factum*”) самими людьми в языке и потому абсолютно точна; такой она должна быть и в обществе. Поэтому Гоббсов левиафан – во многом языковой конструкт³¹. Среди прочего, он даже определяет, кого считать человеком в «сомнительных» случаях.³² С другой стороны, и беды естественного состояния – не столько в его «естественности», сколько в том, что индивиды вкладывают конфликтные смыслы в ключевые для политики понятия – способность к речи делает людей более конфликтными, чем животные³³.

Трактовка в книге ряда мыслителей Просвещения подтверждает справедливый, но всё ещё нередко забываемый вывод: вопреки стереотипу, просветители вовсе не верили слепо в Разум как культурно-историческую универсалию и панацею. Конечно, у них были, скорее, идеалы того, что «было пафосно названо Просвещением»³⁴. Но разум виделся ограниченным на практике, присутствовали подозрительность к власти и даже «постоянный политический пессимизм».³⁵ Очевидно, что у Дэвида Юма, Шарля-Луи Монтескьё и Поля Гольбаха очень важ-

²⁴ Августин 2000: I:30-31, II:17,21, III:21, IV:4, V:19, XIX:21-23.

²⁵ Ивонин, Ивонина 2024: 117.

²⁶ Там же: 118.

²⁷ Там же: 122.

²⁸ Там же: 142-155.

²⁹ Там же: 144-145, 176.

³⁰ Ball 1985; см. также Krook 1956; Wolin 2004: 214-256; Pettit 2008; Gudalov 2023.

³¹ Hobbes 2003a: 24, 28-29, 35, 239, 246, 255, 386; Hobbes 2003b: 4-5, 237.

³² Hobbes 2003b: 215.

³³ Hobbes 2003a: 73-74, 110-111; Pettit 2008: 99.

³⁴ Ивонин, Ивонина 2024: 352.

³⁵ Там же: 459.

ны аффекты. У Монтескьё политические институты не универсальны, а отвечают или должны отвечать духу и географии того или иного народа. Даже у Канта разум часто действует вне морали и имеются пессимистические Гоббсовы элементы³⁶. Недаром авторы вспомнили о его «народе дьяволов»³⁷; оставалось бы только вспомнить и о «кривой тесине», из которой, по Канту, сделан человек и выпрямлять которую крайне сложно, полностью же – невозможно³⁸.

Наконец, отдельное внимание к себе привлекают использованные Ю.П. и О.И. Ивониными тексты. С одной стороны, у известнейших классиков привлечены источники, которые, однако, редко обсуждаются в политической мысли – например, «О книге бытия», «Энихридион» Августина³⁹. Авторы также ссылаются на многих преимущественно отечественных классиков: Владимира Герье, Бориса Вышеславцева, Николая Коркунова, Бориса Чичерина и др. Такая классическая литература, конечно, не должна быть забыта.

С другой стороны, в книге отсутствуют (псевдо-)платоновские письма. Например, как бы ни решался вопрос авторства письма VII, оно, вероятно, как минимум весьма близко взглядам Платона⁴⁰; и, хотя Ю.П. и О.И. Ивонины сосредоточены на общих идеях, письма дали бы интересные иллюстрации. Нет и «Афинской политики»: даже если она (частично) написана учеником Аристотеля, она представляет такой же интерес, как и письма. Отметим также, что в списке литературы нет иноязычных текстов.

Ещё важнее то, что Ю.П. и О.И. Ивонины не поясняют, как отбирались изучаемые классики. Ясно, что нельзя включить «всех», но некоторые пропуски удивляют. Нет, например, космополитизма стоиков. Нет ни одного древнеримского автора, кроме Августина, хотя могли бы анализироваться, как минимум, Цицерон, Полибий или Тацит, сильно повлиявшие на потомков⁴¹. Не представлено Средневековье, в котором, разумеется, далеко не всё «определял» Августин, – например, уже Чичерин в своей истории останавливался на Аквинате⁴². Нет и раннего Возрождения – Данте Алигьери, Марсилия Падуанского (их опять-таки упоминал уже Чичерин⁴³), Бартоло да Сассоферрато, которые во многом были отправными точками для перехода к ориентиру светского суверенного государства⁴⁴. В целом, авторы монографии могли бы ответить, что учитывали только крупнейшие имена (кроме Морелли) – но тогда не понятно, почему исключён Никколо Макиавелли. Опущены и поли-

³⁶ Там же: 238-281, 324-412.

³⁷ Там же: 410-411.

³⁸ Kant 2019: 9.

³⁹ Ивонин, Ивонина 2024: 100-125.

⁴⁰ Кембриджская история древнего мира 2017: 718.

⁴¹ Напр., Rosock 2016.

⁴² Чичерин 2010.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Skinner 1978: I.

тические идеи Реформации, и поздняя схоластика – Франсиско де Витория, Франсиско Суарес. Кроме «Государства» Платона, нет классических утопий Томаса Мора, Френсиса Бэкона, Томмазо Кампанеллы; они придали бы книге новое измерение – дискуссию о том, как в Новое время предлагали коренным образом менять человека и общество. Хотя книга о европейской мысли, как её ответвление можно было бы рассмотреть американских авторов XVIII в. – хотя бы федералистов и их оппонентов. Не ясно, почему монография заканчивается на Фихте. Традиционно с ним и Кантом обсуждают хотя бы Гердера, много писавшего о политике, и, конечно, Георга Гегеля. Стоило бы пояснить, почему лучше закончить именно на Просвещении, «разорвав» при этом цепочку немецких классиков. Но и Просвещение – едва ли понятный рубеж в книге: так, авторы трактуют Руссо как самого необычного просветителя⁴⁵ – но не стоял ли он одной ногой уже в Романтизме?

Итак, монография Ю.П. и О.И. Ивониных актуальна. В ней развита полезная методология, привлечены многие классические тексты, выявлены их сложные аспекты. Всё это доказывает и новизну книги. Впрочем, и нерешённые вопросы о трактовке упомянутых классиков и о том, какие ещё тексты стоит привлекать, говорят о важности монографии для дальнейших дебатов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Августин Блаженный. О граде Божиим. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. 1296 с. [Augustin Blazhennij. O grade Bozhiem (The City of God). Minsk: Harvest, Moscow: AST, 2000. 1296 p.]
- Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. Homo Politicus и его окружение: концепт природы человека в европейской политической философии. М.: Проспект, 2024. 464 с. [Ivonin Yu.P., Ivonina O.I. Homo Politicus i ego okruzheniye: koncept prirody cheloveka v evropejskoj politicheskoj filosofii (Homo Politicus and their environment: the concept of human nature in European political philosophy). Moscow: Prospekt, 2024. 464 p.]
- Кембриджская история древнего мира. Т. VII. Пер. с англ., подготов. текста, предисл., примеч. А.В. Зайкова. М.: НИЦ «Ладомир», 2017. 1344 с. [Kembriidskaya istoriya drevnego mira (The Cambridge Ancient History). Vol. VII. Trans., ed., preface, notes by A. V. Zajkov. Moscow: NIC "Ladomir", 2017. 1344 p.]
- Кудрявцев О.Ф. Флорентийская платоновская академия (Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии). 2-е изд. М.: ЛУМ, 2018. 544 с. [Kudryavec O.F. Florentijskaya platonovskaya akademiya (Ocherk istorii dukhovnoj zhizni renessansnoj Italii). Moscow: LUM, 2018. 544 p.]
- Неретина С. С. Послесловие // Петр Абеляр. История моих бедствий. Пер., примеч. С.С. Неретиной. М.: ИФРАН, 2011. С. 57-124 [Neretina S.S. Poslesloviye (Afterword) // Petr Abelyar. Istoriya moikh bedstvij. Trans., notes by S.S. Neretina. Moscow: IFRAN, 2011. P. 57-124].
- Фукидид. История. Пер. Г.А. Страгановского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 800 с. [Fukidid. Istorija (The History of the Peloponnesian War). Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021. 800 p.]
- Чичерин Б.Н. Политические мыслители: От Древнего мира до эпохи Возрождения. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 224 с. [Chicherin B.N. Politicheskiye mysliteli: Ot Drevnego mira do epokhi Vozrozhdeniya (Political thinkers: From the Antiquity to the Renaissance). 2nd ed. Moscow: Knizhnyj dom "LIBROKOM", 2010. 224 p.]
- Ball T. Hobbes' Linguistic Turn // Polity. 1985. 17/4. P. 739-760.

⁴⁵ Ивонин, Ивонина 2024: 310.

- Gudalov N. Thomas Hobbes and the Linguistic Construction of the International Political Space // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography / Eds. R. Bolgov et al. Cham: Springer, 2023. P. 171-185.
- Haddock B. Contingency and Judgement in History of Political Philosophy: A Phenomenological Approach // Political Philosophy versus History? Contextualism and Real Politics in Contemporary Political Thought / Eds. J. Floyd, M. Stears. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 65–83.
- Hobbes T. Leviathan. Ed. R. Tuck. Cambridge: Cambridge University Press, 2003a.
- Hobbes T. On the Citizen. Eds. R. Tuck, M. Silverthorne. Cambridge: Cambridge University Press, 2003b.
- Johnson D. D. P., Thayer B. A. The evolution of offensive realism: Survival under anarchy from the Pleistocene to the present // Politics and the Life Sciences. 2016. 35/1. P. 1–26.
- Kant I. Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. Göttingen: LIWI, 2019. 23 S.
- Kokaz N. Moderating Power: a Thucydidean Perspective // Review of International Studies. 2001. 27/1. P. 27-49.
- Krook D. Thomas Hobbes's Doctrine of Meaning and Truth // Philosophy. 1956. 31. P. 3-22.
- Morgenthau H.J. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1961. 600 p.
- Morgenthau H.J. Scientific Man vs. Power Politics. London: Latimer House Limited, 1947. 207 p.
- Paipais, V.: First image revisited: human nature, original sin and international relations // Journal of International Relations and Development. 2019. 22. P. 364–388.
- Pettit P. Made with Words: Hobbes on Language, Mind, and Politics. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2008.
- Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2016. 664 p.
- Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
- Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading: Addison Wesley Publishing Company, 1979. 251 p.
- Wolin S.S. Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought. Princeton: Princeton University Press, 2004. 761 p.

Гудалов Николай Николаевич, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, n.gudalov@spbu.ru.

Thinking About Our Nature Anew

This review assesses the new monograph by Yu.P. Ivonin and O.I. Ivonina, which deals with a topic that is both highly relevant and ‘perennial’ – the notion of human nature in its politico-philosophical dimension. The book’s methodological ‘moderate presentism’ seeks to balance a treatment of the classics from the perspective of current authors and a simultaneous thorough study of the sources’ specificity. The monograph’s novelty is grounded in the useful methodology, in taking into account numerous classical texts, especially those rarely discussed, and in bringing out their complicated aspects. Thus, the role of will in Plato, the relationship between the contemplative and active lives in Aristotle, and sceptical elements in the Enlightenment authors have been analyzed in detail. Nevertheless, Augustine’s interest to political institutions has been underrated, and a linguistic construction of politics in Thomas Hobbes has not been discussed. Also, the (pseudo-)Platonic letters and The Athenian Constitution have been omitted; it is unclear why the authors selected some classics and left out many others (including numerous Roman and medieval authors, representatives of the Renaissance, Reformation, and the late scholastics, a range of utopianists and German classics). Yet, even the unsolved issues are guides for future debates.

Keywords: *intellectual history, human nature, presentism, Antiquity, Enlightenment.*

Gudalov Nikolay, PhD in Political Science, associate professor, Saint-Petersburg State University, n.gudalov@spbu.ru.

М.В. ЛОСКУТОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЧУВСТВА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОЛЬШЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Новая книга Е.М. Болтуновой анализирует не только события варшавской коронации Николая I 1829 г., но и поднимает широкий спектр вопросов, относящихся к истории российской политики по отношению к Польше в первой трети XIX в. Новизна исследования состоит в применении к материалу таких подходов, как история «сценариев власти», история памяти и история эмоций. Автор приходит к выводу о формировании в России в 1813–1825 гг. особого эмоционального режима, определявшего политику страны в отношении к Царству Польскому вплоть до восстания 1830–31 гг. Именно этот эмоциональный режим обусловил неспособность российского правительства заметить признаки нарастающего кризиса в Царстве Польском, равно как и российскую реакцию в первые месяцы восстания. Работа написана с привлечением источников личного происхождения, программных деклараций российских монархов — манифестов и императорских указов, а также различных описаний коронационных торжеств и визуальных источников.

Ключевые слова: *Россия, Польша, Николай I, Александр I, эмоциональный режим, историческая память.*

В 2022 г. вышла работа Е.М. Болтуновой, посвященная на первый взгляд малозначимому эпизоду истории российско-польских отношений¹. Коронация Николая I в Царстве Польском в 1829 г. оказалась забыта не только в польской, но и в российской историографии. Незаметность этого события для многих поколений исследователей как раз и служит главной интригой книги, нацеленной на пересмотр целого ряда устоявшихся трактовок. При этом, как подчеркивает исследовательница, «эта книга не о Польше. Она о России»: автора интересует именно восприятие событий и политика российской, а не польской стороны.

Выход за сложившиеся историографические шаблоны становится возможным за счет обращения к таким подходам, как изучение символических «сценариев власти», история памяти и история эмоций. Коронация 1829 г. становится удобной отправной точкой именно потому, что это событие идеально поддается расшифровке с помощью выбранного инструментария: коронационные торжества по самой сути своей являются демонстрацией образа верховной власти, а историографическое забвение этого эпизода заставляет задуматься о судьбе других «реперных точек» исторической памяти в отношениях России и Польши. Наконец, сила негативных эмоций, переживаемых Николаем I в связи с этими событиями, позволяет поставить вопрос о роли эмоциональной составляющей в политике Российской империи.

Структура монографии определяется выбранным подходом. Первая часть книги посвящена собственно варшавской коронации Николая I

---

¹ Болтунова 2022.

- принятию решения о ее проведении в период с 1826 по 1829 гг., разработке церемониала, собственно коронационным торжествам и восприятию этого события в польской и русской печати того времени. Последняя глава первой части сосредоточена на коротком отрезке времени между коронацией и началом польского восстания в 1830 г. Показав в первой части монографии не только политическую прагматику, но и глубокую эмоциональную составляющую избранной российскими политическими элитами стратегии в отношении Царства Польского, равно как их невосприимчивость к любым сигналам о малой результативности этой стратегии, во второй части Е.М. Болтунова задается вопросом о причинах такого «блока на негатив».

Для ответа автору приходится вернуться назад – к александровскому царствованию, точнее к периоду, начавшемуся с наполеоновского вторжения в Россию в 1812 г. Выбор 1812 г. в качестве нижней хронологической границы принципиально значим для общего тезиса: вторжение польских легионов в Россию в составе наполеоновской *grande armée* не могло не сказаться на восприятии российскими элитами Польши и поляков. Именно в это время, как утверждает исследовательница, сформировались психологические установки Александра I, определившие всю его последующую политику и пережившие его царствование.

Ключевой тезис исследования сформулирован в шестой главе, посвященной преимущественно событиям 1812–1815 гг., точнее — их переживанию Александром I. Фактическое самоустранение императора от участия в Отечественной войне, стена отчуждения, выросшая между ним и российскими элитами, - все это вызвало глубокую психологическую травму, компенсировать которую Александр попытался за счет создания комфортного для себя эмоционального пространства на территории герцогства Варшавского. Вся дальнейшая политика Александра в польском вопросе диктовалась логикой строительства этого эмоционального режима.

Александр I даровал Царству Польскому не только высокую степень политической субъектности, но и позволил забыть участие польских легионов в кампании 1812 г. против России. Российским же подданным был предписан совсем другой эмоциональный режим, реперные точки которого подробно анализируются в последующих главах монографии. Их сюжетами являются прежде всего память о войне 1812 г. и эмоциональная экономика в отношении России и Польши, восприятие русскими элитами жителей Царства Польского, историческая память о событиях Смутного времени, актуализированная наполеоновским вторжением. Наконец, десятая глава монографии возвращает нас к польскому восстанию 1830–1831 гг. Мы видим одновременно и крах всей предшествующей политики, и одновременно поразительную живучесть навязанного Александром I эмоционального режима, фактическим заложником которого оказался Николай I.

Автор подчеркивает высокую степень политической субъектности, которой наделялось Царство Польское вплоть до 1830–1831 гг. Подобная политика была обусловлена как психологическими потребностями Александра I, так и прочно усвоенным российскими элитами ориенталистским взглядом на мир: регионы, лежащие к западу от России, автоматически маркировались как европейские и потому требовали к себе особого, уважительно-восхищенного отношения. Наделение Польши политической субъектностью проявлялось не только в сохранении самостоятельной армии, особого административного устройства и финансовой системы, но и в ряде символических моментов — в частности, в придании землям бывшего герцогства Варшавского статуса царства, занявшего особо значимое место в титуле российских самодержцев.

Другие особенности эмоционального режима в отношении Царства Польского также вытекали из логики ориентализма и травмы, пережитой Александром I в 1812 г. К этим особенностям Е.М. Болтунова относит такие черты российской политики, как стремление не ворошить память об участии в русской кампании Наполеона польских войск, избегание любых отсылок к православию и русской исторической традиции, преклонение перед воинской доблестью поляков, признание за ними особого права на патриотические чувства. Востребованной оказалась и мифология славянского братства по оружию, особенно продвигаемая уже после смерти Александра I.

Политика памяти в отношении как недавнего прошлого, так и давно ушедших эпох составляет один из ключевых сюжетов, особенно подробно раскрытый в седьмой и десятой главах. Как показывает исследовательница, переписывание официальной трактовки Отечественной войны началось уже в 1813–1814 гг. В манифестах, изданных в ходе заграничной кампании, победы русской армии все больше и больше приписывались Провидению, мотив защиты Отечества вытеснялся указаниями на страдания народов Европы, а предписанные русским подданным эмоции сводились к смирению перед волей Всевышнего.

Отдельная глава монографии посвящена памяти о Смутном времени. Образы Смуты оказались актуализированными в русском общественном сознании в связи с войной 1812 г. В то же время топография Варшавы начала XIX в. заключала в себе целый ряд «мест памяти», отсылавших к польской трактовке тех же событий. Все это делало неизбежным столкновение двух конфликтных прочтений прошлого, и реакция российской стороны, подобно лакмусу, должна была показать, насколько Николай Павлович и его свита были готовы следовать эмоциональному режиму Александра I, уклоняясь от конфронтации с оскорбительным для них польским нарративом.

Е.М. Болтунова обращает внимание и на такой сюжет, как культивируемую среди российских элит влюбленность в польских женщин. Интересно, что эмоциональная возгонка этого чувства была связана как

с ориенталистским образом мыслей той эпохи, так и с особыми юридическими реалиями Царства Польского. Возможность расторжения брака появилась в законодательстве герцогства Варшавского вместе с заимствованным Гражданским кодексом Наполеона. Парадоксальным образом, исчезнув после 1815 г. из французского права, эта норма сохранилась в законодательстве Царства Польского. Существование здесь совершенно нехарактерного для России слоя дворянок, официально разошедшихся со своими мужьями и могущих вступить в повторный брак, производило сильное впечатление на русское офицерство, чиновничество и придворных. В глазах русских эти женщины были вызывающе самостоятельными, что работало и на общую идею высокой степени политической субъектности Царства Польского.

Эмоциональный режим полонофилии, продиктованный как личной психологической травмой Александра I, так и ориенталистскими установками элит, предполагал не только наделение Царства Польского высоким символическим статусом и субъектностью в отношениях с Россией, но и отрицание субъектности самой России и русских. Это проявлялось не только в характерном избегании упоминаний о вкладе русской армии и ее командующих в победу над Наполеоном, но и в демонстративном отказе императорской власти признавать за российскими подданными права на какие-либо отличные от нормативных эмоциональные переживания по отношению к Польше и полякам. Память о войне 1812 г. официально поддерживалась в пределах империи, однако с пересечением границы Царства Польского российские чиновники и военные должны были сразу же переключаться в другой эмоциональный регистр и «забыть 1812 год», рискуя иначе заслужить обвинения в «ложном патриотизме».

Насколько этот эмоциональный режим оказался эффективным? На этот вопрос исследовательница не дает однозначного ответа. Очевидно, что восстание 1830–1831 г. уже само по себе стало демонстрацией того, что в Царстве Польском эти психологические механизмы не сработали. Гораздо сложнее оценивать результаты в самой России. С одной стороны, Александр I явно действовал вопреки чувствам и исторической памяти российских элит. О глубоком внутреннем отвращении Николая I к варшавской коронации говорится уже на первых страницах монографии. С другой стороны, российские элиты все же вели себя в соответствии с установками, сформированными Александром. Именно этим автор объясняет их неспособность разглядеть нарастающее недовольство в Царстве Польском. Более того, даже в первые месяцы восстания действия ключевых фигур с российской стороны, включая и самого Николая Павловича, были продиктованы все теми же прочно усвоенными чувствами и стереотипными представлениями о России и Польше.

Как объяснить такую эмоциональную податливость российских элит? В поисках ответа исследовательница указывает на традиционное

для русского общества представление о праве самодержцев карать и миловать своих подданных, на особую этику службы государю и государству. Во многих других местах монографии Е.М. Болтунова прямо указывает на ориентализм как необходимую составляющую эмоционального режима, заданного Александром I. Однако, на наш взгляд, этого не вполне достаточно для объяснения механики явления.

Перспективной отправной точкой может стать мимоходом высказанная Е.М. Болтуновой мысль о том, что российские элиты могли сопротивляться александровской политике чувств, но оказались не в состоянии выработать внятный, артикулированный ответ. Развивая этот тезис, было бы крайне уместно обратиться к работам Уильяма Редди — одного из основоположников истории эмоций. Собственно, именно Редди ввел понятие «эмоционального режима», ставшее ключевым в книге Е.М. Болтуновой. Не вполне понятно, почему, позаимствовав этот термин, исследовательница не воспользовалась другими положениями его работ. Так, Редди настаивает на неразрывной связи между словесными выражениями эмоций («мотивами») и собственно внутренними переживаниями человека: только рассказывая о своих чувствах, люди в полной мере начинают их испытывать². Следуя этой логике, можно предположить, что эффективность александровского эмоционального режима была прямо связана именно с невозможностью публичного выражения собственных чувств. Дальнейшие исследования в области придворного и светского этикета, как нам кажется, могли бы помочь развить эти идеи в нужном направлении.

Помимо анализа собственно эмоционального режима, диктующего российскую политику в польском вопросе в первой трети XIX в., монография Е.М. Болтуновой содержит также важные наблюдения, вытекающие из сравнения этой политики как с предшествующим периодом, так и с политикой Александра I в отношении Финляндии. Контраст с екатерининской политикой по отношению к землям Речи Посполитой, «воссоединенных» с Российской империей в ходе разделов 1772–1795 гг., наглядно показывает последовательное признание Александром I политической субъектности земель бывшего герцогства Варшавского. Тем самым исследовательница опровергает имплицитно присутствующее в историографии убеждение, согласно которому российский самодержец просто не мог поступить иначе: исходно предполагаемая более высокая степень политического и культурного развития этих территорий будто бы сама по себе обуславливала придание им автономного статуса. Интересно, однако, что при всем пересмотре основ екатерининской политики в отношении земель Речи Посполитой, Александр I, как выясняется, так и не смог полностью отказаться от

---

² Reddy 2001.

некоторых ее элементов. Например, он так и не решился передать Царству Польскому западные губернии, ранее включенные Екатериной II в состав Российской империи (Заметим, что это наблюдение, кажется, несколько противоречит общему тезису монографии: Александра остановили опасения негативной реакции российских элит, стало быть, эмоциональное манипулирование ими все же имело свои пределы). Позднее Николай I решительно отказал брату Константину и не позволил комплектовать вверенный последнему Литовский корпус исключительно из польско-литовской шляхты.

Следует отметить, что сравнение с екатерининским правлением, составляющее значимый элемент в аргументации исследовательницы, заставляет задуматься о том, насколько могли отличаться не только политика или сценарии власти второй половины XVIII – первой трети XIX в., но и эмоциональные режимы двух эпох. Этот вопрос не поднимается в монографии Е.М. Болтуновой, но он явственно возникает при сопоставлении этой работы с уже упомянутым исследованием У. Редди. Редди, как известно, настаивал на том, что одним из последствий Французской революции стало вытеснение эмоций из политики в пространство частной жизни и сферу искусства. Е.М. Болтунова, хотя и не вступает с Редди в прямую полемику, явно оспаривает этот тезис, оставляя, однако, открытым вопрос о смене эмоциональных регистров при переходе от раннего Нового к Новому времени.

Весьма поучительно и сравнение политики Александра I в отношении Царства Польского и Финляндии. Здесь Болтунова снова выступает с критикой устоявшихся историографических шаблонов, согласно которым Финляндия выступала в качестве образца для последующего устройства земель герцогства Варшавского. Напротив, как доказывает исследовательница, присоединение Финляндии к империи в 1808–1809 гг. шло в рамках нарратива завоевания, сохранение за этими территориями особых привилегий также следовало сложившейся в XVIII в. модели инкорпорирования прибалтийских провинций. Однако после 1815 г. символическая политика в отношении Великого княжества Финляндского стала меняться: под влиянием чрезвычайно высокого статуса, приданного Царству Польскому, возрос и статус Финляндии, что нашло отражение в титуле российских монархов.

Размышляя о проблемных точках и дальнейших перспективах исследования, следует заметить существенное упрощение, сделанное Е.М. Болтуновой в анализе российских элит. Так, например, невольно возникает вопрос о том насколько восприимчивыми к построенному Александром I эмоциональному режиму были остзейские дворяне, составлявшие значительную прослойку в военных, административных и придворных кругах. По прочтении книги у читателя явственно возникает и вопрос, связанный с проведенными в эпилоге историческими

параллелями между политикой Российской империи и СССР по отношению к Польше после наполеоновских войн и после Второй мировой войны. Риторика дружбы славянских народов, финансовые вливания в ущерб восстановлению своих территорий, готовность предать забвению колоссальные жертвы советско-польской войны 1919-1921 гг. и ретуширование «неудобных» деталей наполеоновских войн и Смутного времени, наконец, страстная полонофилия советской интеллигенции 1960-х-1980-х гг. — все это невольно сближает эмоциональные режимы первой трети XIX и второй половины XX в. Сходным оказался и быстрый и жестокий крах обоих эмоциональных режимов. Однако вопрос о том, каким образом старый эмоциональный режим оказался воспроизведенным в совершенно иных обстоятельствах середины XX в., так и остается не отвеченным.

Очевидно, наконец, что многие сюжеты исследования прямо резонируют с современностью, а сам автор, особенно в эпилоге, не боится обнаружить собственные чувства. Что именно эта книга может дать для осмысления и переживания современности — открытый вопрос, которым, мы уверены, зададутся многие ее читатели.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Болтунова Е.М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 559 с. [Boltunova, E.M. (2022). Posledni pol'skii korol': koronatsiia Nikolaia I v Varshave v 1829 g. i pamiat' o russko-pol'skikh voynakh XVII – nachala XIX v. (The last Polish king: the coronation of Nicholas I in Warsaw in 1829 and the memory of Russian-Polish wars of the 17th – early 19th centuries). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 559 p.]
- Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2001. 380 p.

Лоскутова Марина Викторовна, кандидат исторических наук, Ph.D., доцент, Национальный исследовательский университет, Высшая школа экономики, Санкт-Петербург; *mvlosk@yandex.ru*.

Historical Memory and Feelings in the Russian Policy Towards Poland in the First Three Decades of the 19th century

A new book by Ekaterina Boltunova not only analyzes the events of the Nicolas I's coronation in Warsaw in 1829 but raises a broad range of questions related to the history of Russian policy on its Polish lands in the first three decades of the 19th century. The novelty of this research is in its use of such approaches as the history of “scenarios of power”, the study of historical memory and the history of emotions. The author claims that a very particular emotional regime, which formed in Russia in 1813-1825, defined the Russian policy towards the Kingdom of Poland until the Polish uprising of 1830-31. This emotional regime determined the inability of the Russian government to notice the signs of a looming crisis in the Kingdom, as well as the Russian reaction to it in the early months of the uprising. The research has been based on ego-documents and the programmatic statements made by the Russian monarchs – the manifests and the emperors' orders, as well as on various descriptions of the coronation ceremonies and visual sources.

Keywords: *Russia, Poland, Nicholas I, Alexander I, emotional regime, historical memory.*

Marina Loskutova, Ph.D., Associate Professor, National Research University, Higher School of Economics, St. Petersburg; *mloskutova@hse.ru*

М.М. ГОРЕЛОВ

**ЭПОХА ВИКИНГОВ
В РАКУРСЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА
(Размышления над книгой Р. Буайе «Викинги: история и цивилизация»)**

Изучение исторического прошлого в наше время наиболее продуктивно при применении междисциплинарного подхода, позволяющего построить наиболее многогранную картину исследуемых явлений. Это убедительно демонстрирует книга французского историка об эпохе викингов, в которой освещаются разные стороны жизни древнескандинавского общества – обычаи, право, мораль, быт, религия, военное дело, политика и многое другое.

Ключевые слова: викинги, Скандинавия, Европа, культура, мореплавание, торговля.

Эпоха викингов – период, который вот уже более двух столетий вызывает неослабевающий интерес как в учёном мире, так и среди массовой аудитории, равнодушной к историческому познанию. О нём написано множество книг, представителями разных исторических школ. Тем не менее, этот процесс продолжается и поныне, знаменуясь вкладом многих современных исследователей в изучение данной эпохи. В этой связи, хотелось бы остановиться на одном из интересных образцов современной историографии о викингах – труде французского историка, профессора Сорбонны Р. Буайе (1932–2017) «Викинги: история и цивилизация». Впервые увидев свет в 2004 г., он выдержал ряд переизданий, в т.ч. на русском языке, и пользуется популярностью среди читателей.

Причиной этой популярности является, судя по всему, междисциплинарный подход к изучению темы, позволяющий осветить её с совершенно разных ракурсов. Поскольку Р. Буайе – не только историк, но и филолог, исследователь скандинавских саг, неудивительно, что он отдаёт предпочтение филологическим подходам в своём методологическом арсенале. Он много и массово ссылается также на археологические источники, без которых данную тематику исследовать невозможно. Но, тем не менее, главную скрипку у него играет, конечно, анализ нарративных источников и литературного массива. Это, в свою очередь, создаёт определённые риски для историка, так как особенности подобных источников требуют очень осторожного обращения с их содержанием. Р. Буайе осознаёт эти риски, отмечая, в частности, что саги – источник вообще не очень надёжный, они полны вымысла и пристрастных отношений авторов, преследовавших собственные цели и выгоды¹. Немного выше оцениваются им и хроники разных стран, страдавшие примерно теми же недостатками (с. 31-34), осложняющими работу современного исследователя, но органически присущими данному жанру.

---

¹ Буайе 2012: 29-30. Далее ссылки на страницы книги Р. Буайе указываются в основном тексте статьи.

Характерным маркером филолого-лингвистического подхода является погружение в древнескандинавский язык, сопровождающее нас на всём протяжении книги. Текст буквально пестрит оригинальными словами языка той эпохи, порой даже создавая впечатление перегруженности. Однако, в этом видится глубокий и по-своему очень верный замысел автора: называя предметы и явления на языке того социума, в котором они бытовали, он тем самым уводит нас в сторону от соблазна подгонять феномены этого социума под современные искусственные типологии, носящие, как правило, социологический характер. Это особенно ценно для тех поколений, которые получали образование в СССР и выросли именно на социологических схемах исторического дискурса, зачастую игнорирующих частные особенности каких-либо историко-культурных ареалов и эпох². Между тем, у Р. Буайе мы видим, как язык в значительной степени конструирует и изменяет реальность, так как многие понятия присущи именно тому социуму, который на нём говорит, и не всегда имеют аналоги в других языках. Это даёт ключ к пониманию ментальности и обычаев, устоев исследуемого социума.

Основную мотивацию для долговременной внешней экспансии скандинавов Р. Буайе видит в торговле, потребность в которой, по его мнению, была присуща скандинавскому обществу. Однако остается не проясненным, какие факторы обуславливали эту потребность – чисто экономические, вызванные скудостью ресурсов для выживания и развития хозяйства, или всё-таки коллективно-психологические, порождённые экономическими и опосредованно влияющие на их реализацию. Так, он пишет, что и тяжёлые климатические условия Скандинавии вызвали у её обитателей невольное желание вырваться куда-либо за пределы своей местности с её бескрайними лесами, непроходимыми горами, болотами, холодными зимами (с. 59, 44). Это вызывает особый интерес в связи с наметившимся в исторической науке в последние десятилетия поворотом от социологических к ментальным, культурным мотивам и причинам явлений. В этой связи, было бы наиболее продуктивным учитывать оба фактора и не впадать ни в одну из крайностей, но это удаётся далеко не всем. У Р. Буайе можно заметить хотя и «центристскую» позицию, но всё же с лёгким креном в сторону ментальности.

Среди пространного повествования о разных направлениях экспансии скандинавов, составляющего основную часть книги, немаловажной для отечественного читателя может представляться позиция автора по вопросу о возникновении древнерусского государства. Будучи филологом, автор открыто разделяет позиции «филологического» направления в полемике с «социологическим», или, как нам привычнее их именовать – норманистского с антинорманистским. Буайе исходит из аргументации на основе документальных источников, апеллируя как к западным и византийским, так и к весьма информативным арабским. В результате

² См. напр., Гуревич 1970.

он приходит к выводу о решающей роли выходцев с территории будущей Швеции в формировании государства на Руси, но при этом никак не объясняется то, что скандинавы пришли не на пустое место, а к каким-то племенам с некоторыми властными структурами – факт, о констатации которого «антинорманистами» е автор упоминает, как и о том, что в самой Скандинавии государственность как таковая ещё практически не сформировалась. Таким образом, фактически Буайе предпочитает не углубляться в эту сложную проблематику (с. 116-117, 155-158, 162-164). Несколько экзотической выглядит также попытка возвести корни этнонима «русь» к готам, очень лингвистическая по духу (с. 159-160).

В целом, анализируя причины, ход и последствия набегов северян на Европу, автор приходит к выводам о том, что этот процесс начинался и шёл в значительной мере стихийно, будучи обусловленным внутренним социально-экономическим развитием скандинавского общества и отсутствием серьёзного сопротивления его экспансии вовне. Там, где такое сопротивление было, экспансия быстро заканчивалась, как правило, христианизацией и ассимиляцией немногочисленных северных пришельцев в местные социумы. Р. Буайе на всём протяжении повествования ссылается на известных исследователей эпохи викингов, таких как П. Сойер, Г. Джонс, Л. Мюссе, порой активно полемизируя с ними.

Наибольший интерес вызывает, пожалуй, заключительный раздел книги, посвящённый культуре и ментальности древнескандинавского общества. Погружая читателя в красочную атмосферу описания быта и нравов людей, он выдержан в ключе культурно-антропологического подхода и представляет весьма многогранную картину. Вместе с тем, нельзя не заметить, что Р. Буайе допускает определённые погрешности, обусловленные, возможно, противоречивостью материала источников. Так, например, автор противоречит сам себе, сначала утверждая, что в скандинавском обществе «женщина не имела никакой сексуальной свободы» и адюльтер расценивался как преступление (с. 244), а затем описывая довольно либеральное отношение к внебрачным связям и супружеским изменам (с. 274). Вероятно, здесь можно было бы сказать о присущем традиционным обществам дуализме морали, при котором строгость официально принятых нравственных норм органично сочетается с систематическим неисполнением их в повседневной жизни.

Также очень характерным для современной западной историографии является некорректное употребление термина «викинги» как этнонима. Это свойственно многим историческим и научно-популярным трудам на данную тему, и книга Р. Буайе в этом плане не исключение. Описывая повседневную жизнь скандинавов, он говорит о разных её аспектах как о «быте викингов», «досуге викингов» и т.п., хотя речь в тексте идёт о совершенно обычных крестьянах, составлявших подавляющее большинство населения этих стран, как и в любом другом регионе Европы того времени. При этом, в книге есть глава об этимологии и

значении слова «викинг», в которой автор склоняется к точке зрения, что оно означало морского торговца, совмещающего бизнес с пиратством (с. 140-141). В этой связи, вполне очевидно, что называть «викингами» всех древних скандинавов столь же бессмысленно, как, например, называть всех испанцев XVI в. «конкистадорами», поскольку речь идёт о роде занятий, а не об этнической и социальной принадлежности.

Не менее важно прояснить терминологическое отличие понятия «цивилизация», постоянно употребляемого на протяжении книги, от тех значений, которые обычно принято вкладывать в него в русскоязычном научном сообществе. Этот термин очень многозначен, и ему посвящены фундаментальные исследования³. В западной историографии широко распространено значение слова «цивилизация» в смысле культурно-исторического типа, как это понимали, например, А. Тойнби и Н.Я. Данилевский. Именно эту позицию мы видим и в книге Буайе, что очевидно вытекает из самого контекста повествования. То же самое можно сказать о термине «нация», которым в книге обозначаются разные народы эпохи викингов. Разумеется, речь не идет о нациях в современном понимании, просто в западной литературе этот латинский термин часто используется в значении «народ», «народность».

Особое внимание привлекает глава «Миф о викингах», в которой автор даёт развёрнутую картину эволюции представлений о викингах в европейской культуре на протяжении последних трёх столетий. Для современного читателя и зрителя, окружённого масс-культурной продукцией, романтизирующей деяния древнескандинавских пиратов и мореходов (фильмы, книги, комиксы, музыка, фольклорные праздники, неоязыческие движения и т.д.), может показаться удивительным тот факт, что долгие века эти деяния были фактически забыты, как и многие другие реалии исторического прошлого, оставшись лишь на страницах старинных летописей в позабытых всеми архивных хранилищах. С точки зрения христианских хронистов, они были деструктивным явлением, набегами диких варваров-язычников на цивилизованные страны, поэтому описывались в негативных тонах, как стихийное бедствие и божья кара народам за грехи (с. 372). И лишь в XVIII в., с наступлением эпохи романтизма, начинается постепенное вписывание образа викингов в рамки старинной концепции романтизации варваров, «оздоравливающих» своей первобытной и свежей энергией впавшие в застой цивилизованные социумы – концепции, заложенной ещё Тацитом и Иорданом (с. 373).

На волне растущего буржуазного национализма XIX в., сопровождавшего рост новых государств, в частности – объединённой Германии, этот образ викингов (как разновидности «благородных дикарей») вошёл в арсенал романтической беллетристики, театров, опер, затем постепенно перекочевал и в пропаганду, и в конце концов очутился в руках у разного рода радикальных националистов, в том числе – у нацистов. Что интересно, в самих Скандинавских странах более-менее фундаменталь-

³ См. напр.: Ерасов 2002.

ный интерес к теме викингов проснулся довольно-таки поздно (с. 23). Например, наиболее основательный научный труд на эту тему – “*Nor-mannene*” датского историка Й. Стеенструпа – увидел свет лишь в 1876 г. Гораздо больше в этом процессе преуспевали, пожалуй, теоретики в более крупных европейских государствах, в том числе, например, во Франции. Так, Ж. Гобино называл Север ни много ни мало «колыбелью рыцарства», Ф. Шатобриан писал о «варварстве, оплодотворяющем цивилизацию» (с. 373-375). Скептически относясь к этим наивным по своей сути взглядам XIX в., Р. Буайе в заключении отмечает, что викинги были не более чем просто людьми, жившими и действовавшими в определённых жизненных обстоятельствах и совершавших те или иные поступки, не выходявшие за рамки окружающей их социокультурной реальности (с. 377). Эта оценка особенно актуальна потому, что, в частности, в наше время, начиная ещё с конца 80-х гг. прошлого века, постоянно набирает силу новая волна романтизации викингов, связанная с неязыческими движениями и общей реакцией на процессы глобализации, которые в значительной степени нивелируют национальные культуры и навязывают миру обезличенный масскульт американского образца.

Вообще, нельзя не отметить, что при всей своей разносторонней эрудированности Р. Буайе не был застрахован от ошибок. В особенности это касается разделов по истории древней Руси и Восточной Европы, которую на Западе знают, к сожалению, традиционно не блестяще. Так, например, автор делает ошибки в генеалогии первых Рюриковичей, прародину славян помещает в район Киева (с. 112). Владимир Святой, по его словам, в 982 г. ввёл на Руси католицизм (с. 223; *sic!* – М.Г.) А «... в 1068 г. новое и мощное нашествие печенегов окончательно отрезало славяно-скандинавский мир от Балтики» (с. 225). Во-первых, печенеги перестали представлять собой угрозу для Руси ещё после победы над ними Ярослава Мудрого в 1036 г., о чём, кстати, Р. Буайе вскользь упоминает чуть выше; во-вторых, любому, знакомому с историей древней Руси, конечно, очевидно, что применительно к 1068 г. речь идёт о половцах. А главное – совершенно непонятно, каким образом их приход мог бы отрезать Русь от Балтики, поскольку набеги половцев происходили на совершенно противоположных ей юго-восточных окраинах Руси и не имели столь далеко идущих стратегических намерений. Набеги кочевников на Русь случались на протяжении веков, но вряд ли могли повлиять на её связи с балтийским регионом.

Также автор утверждает, что болгары совершили «великое переселение с Волги на юг» (с. 112), вероятно, путая две ветви болгар – волжскую и дунайскую. На деле, болгары как раз и пришли в конце VII в., на Волгу с юга, из района нынешних Керчи и Тамани. Приход венгров в Европу автор помещает в VIII в. (с. 85), хотя реально они заявили там о себе веком позже. Основание Стокгольма он почему-то относит к Новому времени (с. 59), хотя город был основан в середине XIII в.

Сомнительным выглядит и утверждение о том, что викинги в ходе своих набегов на Западную Европу систематически привозили с собой коней и, будучи хорошими наездниками, получали таким образом преимущество над противниками (с. 82-83). Безусловно, жители Скандинавии умели ездить верхом и обладали лошадьми; более того, в ходе набегов, например, на Англию викинги захватывали лошадей у местного населения и успешно перемещались верхом в целях большей мобильности, о чём неоднократно упоминается в англосаксонских источниках⁴. Однако сам образ действий викингов предполагал тактику морской пехоты, как и у древних греков: быстрые рейды по воде, высадки с моря; поэтому сражались они обычно пешком, тем более что природные условия их родины не благоприятствовали разведению специфически военных пород лошадей и развитию конного боя. Автор ссылается в качестве источника на гобелен из Байё, где есть сцены погрузки коней на корабли; но экспедиция Вильгельма Завоевателя в Англию, которой посвящён гобелен, была крупной военной операцией, имевшей целью захват целой страны, и для неё была подготовлена серьёзная феодальная армия, в том числе многочисленная конница. А большинство походов викингов были мелкими грабительскими набегами, возить в которые коней на лёгких боевых кораблях с неглубокой осадкой было бы скорее обузой, нежели подспорьем. К тому же, сам Буайе неоднократно заостряет внимание читателя на том, что нормандцы Вильгельма – это уже далеко не викинги, а типично французское войско с его характерными атрибутами и рыцарским образом ведения военных действий.

Нелогичным выглядит и сомнение автора в том, что среднестатистические воинские контингенты в 500 человек мало что могли сделать в военных действиях того времени (с. 93). Во-первых, большинство набегов викингов, особенно в IX-X вв., осуществлялось мелкими шайками, состоявшими порой всего из 3-4 кораблей с несколькими десятками воинов на борту. Именно о таких отрядах нередко упоминается в тех же англосаксонских хрониках. Так, одним из первых появлений скандинавских пиратов в Англии был случайный визит трёх кораблей⁵. Даже во время масштабных войн короля Альфреда Великого с данами в последней трети IX в. защитникам Англии нередко приходилось иметь дело с мелкими флотилиями противника из нескольких кораблей⁶. Во-вторых, при знакомстве с демографией рассматриваемой эпохи становится вполне очевидным тот факт, что население Европы, особенно её северных окраин, было тогда значительно меньшим ввиду скудных ресурсов и примитивной экономики. Поэтому и вооружённые силы были значительно меньшими. Типичные небольшие государства того времени, наминавшие скорее племенные княжества, обычно могли выставить армии в несколько сотен человек, редко более пары тысяч. Например,

⁴ Англосаксонская хроника: 72, 74, 75-76, 78.

⁵ Англосаксонская хроника: 62.

⁶ Англосаксонская хроника: 80, 72.

«Великое языческое войско», разорвавшее Англию во времена Альфреда Великого, вряд ли превышало своей численностью тысячу человек⁷.

Подводя итог, можно задаться вопросом: является ли книга Р. Буайе «энциклопедией» мира викингов, как заявлено в аннотации издателя? И да, и нет. Не теряя доступности для массовой аудитории, эта книга, тем не менее, проникнута духом серьёзного научного исследования, а главным её достоинством можно считать широкий охват всех сфер жизни древнескандинавского социума: от политических структур, экономики и внешней экспансии до повседневной жизни, быта, культуры, религии, права, ментальности. Попытка свести всё это в единый комплекс заслуживает внимания, и несмотря на некоторые спорные моменты, она в целом удалась. А сочетание различных методологических подходов придаёт книге выраженный оттенок междисциплинарности, что, безусловно, способствует продуктивности исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Англосаксонская хроника. (Пер. З.Ю. Метлицкой). СПб, «Евразия», 2010. 288 с. [Anglosaksonskaia hronika. (Per. Z.YU. Metlickoj) (The Anglo-Saxon Chronicle. Transl. by Z.Y. Metlitskaya). SPb, «Evraziya», 2010. 288 s.]
- Буайе Р. Викинги: история и цивилизация. СПб.: Евразия, 2012. 416 с. [Buaje R. Vikingi: istoriya i civilizaciya (Vikings: history & civilization). SPb.: Evraziya, 2012. 416 s.]
- Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. 470 с. [Gurevich A.Ya. Izbrannyye trudy. Norvezhskoe obshchestvo (Selected works. Norwegian society). M.: Traditsiya, 2009. 470 s.]
- Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высш. школа, 1970. 224 с. [Gurevich A.Ya. Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoj Evrope (Problems of genesis of feudalism in Western Europe). M.: Vyssh. shkola, 1970. 224 s.]
- Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М.: Центрполиграф, 2022. 445 с. [Dzhons G. Vikingi. Potomki Odina i Tora (Vikings. The descendants of Odin and Thor). M.: Centrpoligraf, 2022. 445 s.]
- Ерасов Б.С. Цивилизации, универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 522 с. [Erasov B.S. Civilizatsii, universalii i samobytnost' (Civilizations, universals and uniqueness). M.: Nauka, 2002. 522 s.]
- Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая. СПб.: Евразия, 2006. 348 с. [Myusse L. Varvarskie nashestviya na Zapadnuyu Evropu: volna vtoraya (Barbaric invasions onto Europe: the second wave). SPb.: Evraziya, 2006. 348 s.]
- Сойер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2002. 353 с. [Sojer P. Epoha vikingov (Age of Vikings). SPb.: Evraziya, 2002. 353 s.]

Горелов Максим Михайлович, кандидат исторических наук; старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; heldenhammer@yandex.ru

The Viking Age from the perspective of an interdisciplinary approach (reflections on R. Boyer's book "Vikings: History and Civilization")

The study of the historical past in our time is most productive when applying an interdisciplinary methodological approach that allows us to build the most multifaceted picture of the phenomena under study. This is convincingly demonstrated by the French historian's book about the Viking age, which highlights various aspects of the life of the Old Norse society – customs, law, morality, way of life, religion, military affairs, politics and much more.

Keywords: Vikings, Scandinavia, Europe, culture, navigation, trade.

Maksim M. Gorelov, PhD, senior researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; heldenhammer@yandex.ru

⁷ Сойер 2002: 180-188.

Д.С. СКУДНЯКОВА

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА АРЗАМАССКОГО УЕЗДА 1646 г.

Рецензия посвящена изданию Центральным архивом Нижегородской области двухтомника «Переписная книга Арзамасского уезда 1646 г.», которое вводит в научный оборот материалы по актовому делопроизводству Арзамасского уезда сер. XVII в. и является продолжением серии публикаций по истории важного региона, прошедшего путь от приграничного к внутренним субъектам Московского государства.

Ключевые слова: Арзамасский уезд, писцовая книга, актовое делопроизводство, Московское государство.

В 2024 г. были подписаны в печать два тома «Переписной книги Арзамасского уезда 1646 г.». Данное издание является частью знакового архивного проекта под условным названием «Нижегородский край в веках»¹. В современных реалиях проникновения цифровизации во все сферы жизни и свободного доступа к публикациям вообще и к научным в частности, новый двухтомник, продолжает эдиционную традицию открытия для широкой общественности значимых исторических документов. Публикация делопроизводственной документации, начатая учеными прошлого века, имеет огромную ценность для погружения в социально-экономические и генеалогические реалии региона середины XVII века. Возможности глобального медиапространства позволяют в значительной степени расширить круг пользователей, не ограничиваясь локальными группами исследователей, а подключая ученых-историков, краеведов-любителей, антропологов, генеалогов и студентов других регионов, в чей круг интересов попадает данный регион или исторический период.

Согласно административно-территориальному делению в XVI в., когда Арзамасский уезд сформировался, эти земли были приграничными и находились вблизи от «дикого поля», что вкупе с малонаселённостью (с преобладанием автохтонного мордовского населения), требовало от правительства применения мер по привлечению в регион военного и аграрного ресурса в лице служилого населения (преимущественно представителей русских и татарских родов) и крестьянских общин.

Возведенный в 1572 г.² пограничный город-крепость Арзамас изначально строился как крупный военный форпост. Уже к 1574 г. он упоми-

¹ Кузнецов. 2022: 114. Вся серия публикаций, выпущенная Комитетом по делам архивов Нижегородской области и Центральным архивом Нижегородской области на считывает сегодня 7 книг (двухтомник «Переписная книга Арзамасского уезда 1646 г.» (2024), двухтомник «Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг.» (2021–2022), «Арзамасский уезд в XVII веке: Источники по истории служилых землевладельцев» (2020) и двухтомник «Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи» (2018–2019) и, безусловно, будет пополняться новыми изданиями. Составителем серии является руководитель Комитета по делам архивов Нижегородской области, кандидат филологических наук Б.М. Пудалов.

² Пудалов. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. 2021: 9; Парадеев. 2020: 55.

нается в документах, как уездный центр региона³, объединивший вокруг себя внушительный массив территорий, разделенных на более мелкие административно-территориальные единицы станы. С момента образования Арзамасский уезд находился в фокусе пристального внимания со стороны централизованного Московского государства: его население состояло из представителей разных национальных и религиозных групп, а территории перманентно подвергались внешним (набеги крымских татар и ногайцев) и внутренним (восстания автохтонного населения) волнениям. Постепенно, с расширением территории государства, уезд из пограничного превратился к XVII в. в центральный, а служилое население перешло к более мирной административно-землевладельческой деятельности. Кроме того, появление в уезде монастырей и церквей дало начало процессам постепенной христианизации языческого населения (зачастую не мирным путем). Таким образом, Арзамасский уезд является своеобразной микромоделью всего государства, и в его рамках возможно проследить тенденции и закономерности XVI–XVII вв., которые применимы как ко всему государству, так и к отдельным его локусам.

В издании впервые были полностью опубликованы материалы переписи, произведенной в «154-ом» (1646) г. В первый том вошли материалы переписи по Арзамасскому посаду, монастырским владениям Арзамасского Спасо-Преображенского монастыря, а также по поместьям и вотчинам Тешского (вдоль р. Теша), Иржинского (вдоль р. Мокрая), Ичаловского (вокруг с. Ичалово) и Подлесного (под Муромским лесом) станов. Во второй том опубликованной переписной книги вошли материалы по обеим частям Залесного стана (за Шатковскими и за Собакинскими воротами т.е. территориями за оборонительной засечной чертой), перепись владений Троице-Сергиевского монастыря, владения отдельных частных лиц, блоки по мордовским деревням (Тешского и Залесного станов), ряд приложений, а также именной и географический указатели – что делает двухтомник особенно ценным для исследователей.

Таким образом, опубликованы во всей полноте материалы второго валового письма по крупному региональному центру Московского государства. В совокупности публикация документальных источников по уезду уже выполнена более чем наполовину. Остается издать документы по переписи мордовских деревень 1627–1628 гг. и переиздать материалы третьего валового письма переписи 1677–1678 гг. по русским поселениям (опубликовано ранее лишь по городу Арзамасу⁴ с некоторыми неточностями) и по мордовским поселениям (в неакадемическом издании⁵).

Переписные книги – сложные исторические документы, их научная переработка, требует понимания не только особенностей грамматики XVII в., но и сути исторических процессов того времени. Составитель издания Б.М. Пудалов проделал большую работу по вычитке и пре-

³ Парадеев. 2020: 42–43.

⁴ Филатов. 2000.

⁵ Парадеев. 2019.

образованию текстов в соответствии с нормативно-методологическими правилами, разработанными и утвержденными еще в СССР⁶. Кроме того, отдельной ценностью книги является Предисловие, вводящее в историческое, политическое, экономическое, антропологическое повседневное и, отчасти, событийное пространство Арзамасского уезда 1646 г., возвращая не только давно забытые имена, но и судьбы некоторых упомянутых в издании персон. Так, раскрываются тонкости биографии и нюансы службы государственных чиновников, расписывается биография и родословная писца Федора Елизарьева Лызлова и подьячего Матвея Андреева. Описываются возможные злоупотребления, а также жесткие санкции, применяемые государством при обнаружении таковых. По косвенным признакам автор вскрывает допущенные административные махинации в интересах крупных землевладельцев.

Предисловие к двухтомнику состоит из двух частей: раздел «от составителя» и «археографическое введение». В археографическом введении представлен подробный научный анализ источника с тщательнейшим и профессиональным разбором особенностей подлинника (начиная от типа бумаги и водяных знаков и заканчивая анализом скреп и почерков писцов). В разделе «от составителя» в первом томе издания проводится глубокий детальный анализ исторической конъюнктуры, погружая исследователей в тонкости событий, происходящих в государстве и нашедших свое отражение в учете населения Арзамасского уезда как более локального административного центра. Б.М. Пудалов проводит масштабную историческую реконструкцию, показывая, что перепись преследовала не только экономико-юридические цели, но и решала вопросы взаимодействия верховной власти и элит (поместных и вотчинных землевладельцев), прослеживая динамику изменений после первой переписи⁷ и в соотношении с данными по служилым землевладельцам⁸ и актовыми документами⁹. Государство, стабилизировавшееся к середине XVII в. после Смуты, последовавшего за ней передела власти и земельных наделов (как показателя власти) требовало от сформировавшейся и утвердившейся на царском престоле династии новой формы и методов урегулирования взаимоотношений с властными элитами. Возникла потребность фиксации не только земель, но и живой силы (рабочей и военной). Новая перепись предопределяла изменение системы налогообложения – от поземельной к подворной. Меняется и сам тип учета: вместо писцовых книг появляются переписные, ставшие, как отмечает Б.М. Пудалов, той самой основой, последовавшего вскоре закрепощения крестьян (Соборное Уложение 1649 г.). Составитель актуализирует антро-

⁶ Правила издания исторических документов в СССР. 1990.

⁷ Пудалов. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. 2021; Пудалов. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. 2022.

⁸ Пудалов. Арзамасский уезд в XVII веке: Источники по истории служилых землевладельцев: Исследование и тексты. 2021.

⁹ Пудалов. 2018; Пудалов. 2019.

пологический фактор, возвращая в историческое пространство людей, проживавших на территории региона практические четыре сотни лет назад. Людей ушедших, с нетипичными для современности именами, но, чьими потомками является значительная часть жителей региона, и чьи голоса явственно доносятся до нас со страниц издания.

Б.М. Пудалов в разделе «От составителя» разграничил и дал четкое определение писцовых и переписных книг, задействовав исследования А.Ц. Мерзона, Я.Е. Водарского, Н.П. Воскобойникова и др. Кроме того, в ходе работы над материалом, составитель привёл дополнительные аргументы в пользу выдвинутой им гипотезы о датировке 1646-м годом комплекса данных по мордовским деревням Арзамасского уезда¹⁰. Удачей издания можно считать и публикацию в приложении ко второму тому материалов «черновых сказок». В совокупности со сравнительным анализом чистовых текстов Переписной книги (проводится автором в сносках) эти четыре небольших включения и их современный разбор проливают свет на процесс делопроизводства XVII в. и позволяют говорить о важном источниковедческом характере материалов.

Факт того, что подлинники изданных документов находятся в фондах хранения РГАДА, свидетельствует о серьезности проведенной работы по изучению локальной истории в связи с общероссийской. Масштабная и, казалось бы, сложно выполнимая задача по научной публикации письменных источников Нижегородского края, начатая учеными прошлого века, в настоящее время выходит на новый уровень. За последние 7(!) лет были опубликованы материалы, на научную обработку которых ранее уходили десятилетия, а их «ориентация на лучшие образцы отечественной эдиционной археографии предопределила высокую планку издания»¹¹. Географический и именной указатели, расположенные в конце второго тома делают его максимально удобным для работы исследователей. Издание поднимает к изучению целый пласт данных, которые дают обширный и многогранный материал для изучения истории как данного локуса, так и всего Российского государства. Более того, при подключении к изучению массива документальных данных по другим уездам, открывается возможность сопоставления и комплексного изучения нескольких регионов, их особенностей и динамики развития. В перспективе, ценным вкладом в постижение истории страны, станет переход от частных к целому, от локальных репрезентативных выборок к целостной государственной структуре.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Арзамасский уезд в XVII веке: Источники по истории служилых землевладельцев: Исследование и тексты / сост. Б.М. Пудалов. Н. Новгород: Центр. архив Нижегородской области, 2021. 248с. [Arzamasskii uезд v XVII veke: Istochniki po istorii sluzhilykh zemlevladel'tsev: Issledovanie i teksty (Arzamas uезд in the 17th century: Sources on the history of military landowners: Research and texts)/ sost. B.M. Pudalov. N. Novgorod: Tsent. arkhiv Nizhegorodskoi oblasti, 2021. 248 p.].

¹⁰ Пудалов. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. 2021: 26.

¹¹ Кузнецов 2021: 105.

- Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи: сборник документов: в 2 ч. / Сост. В.М. Пудалов. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, Центр. Архив Нижегородской области, 2018. Ч. 1. 395с., 2019. Ч. 2. 542с. [Arzamasskii uезд v XVII veke. Akty prikaznogo deloproizvodstva dopetrovskoi epokhi: sbornik dokumentov: v 2 ch. (Arzamas uезд in the 17 th century. Pre-Petrine records management acts: collection of documents: in 2 hours.) / Sost. V.M. Pudalov. N. Novgorod: Komitet po delam arkhivov Nizhegorodskoi oblasti, Tsentr. Arkhiv Nizhegorodskoi oblasti, 2018. Ch.1. 395 p., 2019.Ch. 2. 542 p.]
- Кузнецов А.А. Арзамасский уезд в XVII веке: Источники по истории служивых землевладельцев: Исследование и тексты / сост. В.М. Пудалов. Нижний Новгород: Центр. архив Нижегородской области, 2021. 248 с. // Отечественные архивы № 6. 2021. С. 105–108. [Kuznetsov A. A. Arzamasskii uезд v XVII veke: Istochniki po istorii sluzhilykh zemlevlad'el'tsev: Issledovanie i teksty (Arzamas uезд in the 17th century: Sources on the history of military landowners: Research and texts) / sost. V.M. Pudalov. Nizhnyi Novgorod: Tsentr. arkhiv Nizhegorodskoi oblasti, 2021. 248 p. // Otechestvennye arkhivy № 6. 2021. P. 105–108].
- Кузнецов А.А. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг.: в 2 т. / сост. В.М. Пудалов. Н.Новгород: Центр. архив Нижегородской области, 2021. Т. 1. 340 с.; Т. 2. 356 с. // Отечественные архивы. № 5. 2022. С. 114–117. [Kuznetsov A.A. Pistsovaya kniga Arzamasskogo uezda 1621–1623 gg.: v 2 t. (The Pistsovaya kniga of Arzamas uезд 1621–1623: in 2 vol.)/ sost. V.M. Pudalov. N.Novgorod: Tsentr. arkhiv Nizhegorodskoi oblasti, 2021. T. 1. 340 p.; T. 2. 356 p.// Otechestvennye arkhivy. № 5. 2022. S. 114–117].
- Парадеев Е. И. О становлении Арзамаса. СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2020. 76 с. [Paradeev E. I. O stanovlenii Arzamasa (About the formation of Arzamas). SPb.: Izdatel'sko-Torgovyi Dom «Skifiya», 2020. 76 p.]
- Парадеев Е.И. Писцовая книга В. Киреева и Г. Молчанова 1677–1678 гг. и другие сведения об Арзамасском уезде 16–17 вв. Текстовое электр. изд. с сопровод. Материалами. СПб., 2019. 750 с.: http://paradeev.com/wp-content/uploads/2019/08/EPARADEEV_BOOK.pdf [Paradeev E.I. Pistsovaya kniga V. Kireeva i G. Molchanova 1677–1678 gg. i drugie svedeniya ob Arzamasskom uezde 16–17 vv. (Pistsovaya kniga by V. Kireev and G. Molchanov of 1677–1678 and other information about Arzamas uезд of the 16th–17th cc.) SPb., 2019. 750 p. URL: http://paradeev.com/wp-content/uploads/2019/08/EPARADEEV_BOOK.pdf].
- Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг.: в 2 т. / сост. В.М. Пудалов. Н.Новгород: Центр. архив Нижегородской области, 2021. Т. 1. 340 с.; 2022. Т. 2. 356 с. [Pistsovaya kniga Arzamasskogo uezda 1621–1623 gg. (Pistsovaya kniga of Arzamas uезд 1621–1623: in 2 vol.): v 2 t. / sost. V.M. Pudalov. N.Novgorod: Tsentr. arkhiv Nizhegorodskoi oblasti, 2021. T. 1. 340 p.; 2022. T. 2. 356 p.]
- Правила издания исторических документов в СССР. М.: Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР, 1990. 186 с. [Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR (Rules for publishing historical documents in the USSR). M.: Gl. arkh. upr. pri Sovete Ministrov SSSR, 1990. 186 p.]
- Филатов Н.Ф. Арзамас в XVII веке. Очерк истории. Документы / Н.Ф. Филатов. – Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара, 2000. 206 с. [Filatov N.F. Arzamas v XVII veke. Oчерk istorii. Dokumenty (Arzamas in the 17th century. An outline of history. Documents) / N.F. Filatov. – Arzamas: Arzamas. gos. ped. in-t im. A.P. Gaidara, 2000. 206 p.]
- Skudnyakova Darya Sergeevna**, аспирант Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ); skudnyakova.darja@gmail.com

Perepisnaya kniga of Arzamas uезд in 1646

The review is devoted to the publication by the Central Archive of the Nizhny Novgorod region of the two-volume «Perepisnaya kniga of Arzamas uезд in 1646». This publication introduces into scientific circulation materials on the record keeping of Arzamas uезд in the middle of the XVII century, and it is a continuation of a series of publications on the history of an important state-forming region that has gone from border to internal subjects of the Moscow state.

Keywords: Arzamas uезд, Perepisnaya kniga, record keeping, Moscow state, review.

Darya Skudnyakova, PhD student, Institute of International Relations and World History Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University; skudnyakova.darja@gmail.com

М.А. ВЕДЕШКИН

RELIGIO ARCANА КРИПТОРЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО XX В. (по материалам круглого стола)

В статье анализируются доклады, прочитанные и обсужденные 28 ноября 2024 г. в Институте всеобщей истории РАН на круглом столе «Religio arcana: крипторелигиозные практики от Античности до XX в.»

Ключевые слова: *крипторелигиозность, язычество, христианство, религиозные гонения, социальный конформизм.*

История знает немало примеров утаивания религиозных обрядов. Скрытность могла быть органической частью того или иного культа, в иных случаях группы верующих скрывали свои священнодействия из-за запрета со стороны властей. В числе примеров крипторелигиозности – практики древней Церкви в Римской империи и Сасанидском Иране, язычников ранней Византии, иудеев Испании XVI–XVIII вв., последователей традиционных верований в заморских колониях Габсбургов, английских католиков, японских кириситан, старообрядцев и «сектантов» Российской империи, нелегальных церковных общин в СССР. Этот феномен был обсужден на организованном ИВИ РАН круглом столе «Religio arcana». Участникам предлагалось уделить внимание следующим проблемам, по которым в ходе обсуждения можно было бы предпринять сравнение крипторелигиозных практик разных сообществ и эпох:

- 1) общие стратегии выживания преследуемых общин;
- 2) социальные механизмы взаимоотношений с господствующей религиозной группой;
- 3) мутации нравственных требований и религиозных практик в крипто-условиях;
- 4) тайные паломничества и тайные святыни;
- 5) крипторелигиозность элит и рядовых участников;
- 6) трансляция религиозной традиции;
- 7) роль женщин в социальных и религиозных практиках гонимых общин.

Утреннее заседание круглого стола открыл доклад А.Д. Пантелеева (СПбГУ, С.-Петербург; ИВИ РАН, Москва) «Христиане при дворе римских императоров в конце II в.». Выступление было посвящено существованию при дворе римских императоров, среди членов familia Caesaris, скрытых христиан. Особый акцент был сделан на известиях о деятельности этой группы верующих в правление Коммода. Несмотря на то, что среди «придворных христиан» той эпохи не было статусных фигур, вроде знаменитых военачальников или юристов, эта группа была по-своему весьма влиятельной. Самыми видными ее представителями были Марция, конкубина Коммода с 182 г. (строго говоря, она не являлась крещенной христианкой, но сочувствовала верующим, воз-

можно была оглашенной), вольноотпущенник Марк Аврелий Просена, дослужившийся до звания кубикюлярия (главного камергера) Коммода, Гиацинт – раб или вольноотпущенник императора, евнух, воспитавший Марцию. Эти христиане не образовывали никакого организационного единства, и не исключено, что некоторые из них могли не подозревать о том, что рядом с ними находятся единоверцы. Рим был мегаполисом, где действовали различные группы христиан, как ортодоксов, так и приверженцев иных течений, которые проводили собрания в различных местах. Кроме того, нужно помнить, что интересы верующих не ограничивались только религией, и иногда придворные христиане, соперничая с единоверцами, могли участвовать в интригах, которые велись конкурирующими группами царедворцев. Однако, в этой «конспирации» была не только их слабость, но и сила: никто не знал, с кем имеет дело, но все знали, что при дворе есть христиане.

Вопрос – Как изменились стратегии выживания христиан с началом общегосударственных гонений в сер. III в.?

– Новые условия приводили к необходимости покидать привычные места обитания и скрываться, перенося лишения, или каким-то образом откупаться от преследователей. Кроме того, обеспеченные христиане могли за взятку приобрести сертификаты о совершенном жертвоприношении как для себя, так и для других верующих.

Вопрос – Какова была связь между социально-экономическим статусом христианина и его готовностью отступить от веры?

– Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» обращает особое внимание на богатство и образованность многих мучеников, что вполне соотносится с агиографической традицией, а следовательно, говорить о том, что все богачи были склонны к апостасии, не приходится.

Вопрос – Как христиане I–III вв. идентифицировали друг друга?

– Известно о существовании «особых тайных знаков» (Min. Fel. Oct. 9), по которым верующие узнавали подобных себе, не менее важным знаком было стремление избегать языческих символов и ритуалов.

Доклад М.А. Ведешкина (ИВИ РАН) был посвящен малоизученному феномену криптоязычества в христианской Римской империи IV–VI вв. Было продемонстрировано, что по мере усиления давления на традиционные культы и практики язычников, последователи древних культов все чаще уходили «в подполье», продолжая отправлять запрещенные ритуалы за закрытыми дверями своих домов или в тайных молебельях. Подобные практики доминировали в культовой жизни язычников вплоть до второй трети VI в., когда преступным стал не только факт отправления языческих ритуалов, но сама непричастность к христианскому сообществу. С этого времени все большее распространение обретает известный по меньшей мере с середины IV в. феномен криптоидентичности приверженцев традиционных верований: подданные восточно-римских августов формально принимали крещение и входили в христи-

анскую общину, сохраняя отеческую веру и продолжая отправлять ритуалы древнего культа. Криминализация языческой самоидентификации и принудительное крещение многих тысяч подданных императора не разделявших положений христианского учения привели к тому, что определить, кто является язычником, а кто христианином стало почти невозможным. В результате в обществе возник параноидальный страх перед «тайными язычниками». Отныне в «скрытом эллинизме» могли быть обвинены не только те, кто продолжал в тайне чтить отеческих богов, но и вполне искренние христиане и даже представители клира. В ходе этой «охоты на ведьм» особенно страдали представители элиты – приверженность классической культурной традиции вызывала подозрения у христианской черни и ригористов. Фактически, обвинения в язычестве превратились в удобный инструмент политической борьбы, который охотно использовали и светские, и церковные власти империи.

В ходе обсуждения доклада была поднята проблема тождественности таких понятий как «частный» и «тайный ритуал». Участники заседаний так и не смогли прийти к единому мнению по этому вопросу.

Вопрос – Играли ли язычники какую-либо роль в сношениях Римской империи и Ирана в V–VII вв.? Пытались ли персы использовать оппозиционные настроения последователей традиционных культов?

– Согласно данным Прокопия Кесарийского во время боевых действий на римской территории в 540–545 гг. Хосров I выказывал расположение языческому населению оккупированных персами провинций. Так, шахиншах распорядился принести жертвы нимфам в захваченной персами Антиохии (Procop. BP. II.11.6) и милостиво отказался от преподнесенной ему жителями Харрана-Карр дани, на том основании, что жители города были «не христиане, а придерживались древней веры» (Ibid. II.13.7). Вероятно, гостеприимство, оказанное шахиншахом преподавателям закрытой в 529 г. Афинской академии (Malal. XVIII.47; Agath. II.30) следует рассматривать как часть той же политики. Можно предположить, эти акции имели своей целью подогреть внутреннюю оппозицию в римском государстве и, таким образом осложнить ситуацию в империи. Так или иначе к VI в. язычники составляли сравнительно незначительное меньшинство жителей Востока и едва ли могли оказать персам деятельную поддержку.

Третий доклад «Германцы между язычеством и христианством: основные парадигмы исследования» был представлен В.П. Будановой (ИВИ РАН). В сообщении была рассмотрена трансформация научных представлений о латентных процессах среди германских племен во время их перехода от язычества к христианству. В XVIII–XIX вв. придерживавшиеся позитивистских установок, ученые Германии, Австрии, Швеции, собрали и оформили свидетельства нарративной традиции для воспроизведения картины принятия христианства восточными германцами (смена основных объектов поклонения, проявление отличного от

языческого эмоционального мировосприятия, примеры действий, которые осуществлялись новообращенными). В XX в. французские, британские и итальянские исследователи из числа сторонников антропологической парадигмы, приблизилась к пониманию скрытого и тайного в ходе христианизации германцев (от изучения примеров христианизации и *conversio* к анализу переживаний человека в условиях гонений и притеснений. Важная роль отводилась изучению судьбы сирийских и каппадокийских пленных, проповедников, готских мучеников, германской «последней встрече» язычества с христианством на Каталаунских полях. На рубеже XX–XXI вв. цивилизационный подход акцентирует внимание на особом опыте (несколько веков арианства) христианских общин восточных германцев, на противоречивом, парадоксальном поведении харизматичных лидеров-германцев, принявших христианскую веру и сохранивших языческую мифологизированную систему ценностей. В прагматических обстоятельствах отказа от языческих традиций среди германской элиты уход в поле «тайной» истории утверждения христианства становится личным убежищем от церковных дискуссий и потрясений.

Вопрос – Как долго сохранялись языческие институты (организованное жречество, принесение жертв) в формально христианизированных германских сообществах?

– Свидетельства о сохранении организованного языческого культа в германских государствах запада (королевства франков, ост- и вестготов, вандалов) сравнительно немногочисленны. Тем не менее данные агиографических источников, памятников светского и канонического права, а также нарративной традиции позволяет утверждать, что подобные пережитки сохранялись как минимум до VI в. На периферии (прежде всего в англо-саксонских королевствах Британии) этот феномен прослеживается как минимум до VIII в.

Заключил утреннее заседание доклад И.А. Копылова (Национальный Автономный Университет Мехико, Мексика) «Криптоариане в Визиготском и Свевском королевствах после III Толедского собора: между историографическим мифом и реальностью». В последние десятилетия некоторые исследователи (в частности, Х.К. Бреннеке) стали делать акцент на окказиональном характере германского арианства, учитывая ряд случайных факторов и совпадений, лежащих в основе принятия рядом германских племён христианства в его арианской форме. В первую очередь это касается правления императоров-филоариан от Констанция II до Валента, при которых стала разворачиваться активная миссионерская работа среди готов и подчинённых им племён, на основании чего делается вывод, что если бы евангелизация готов пришлась на более позднее время, то вряд ли им было бы свойственно продолжительное исповедание арианства. На непрочность арианства у германцев якобы указывает факт быстрого его изживания в Визиготском Королевстве, равно как и в других романо-варварских полities. Вместе с тем, упускается из вида

ряд этнокультурных особенностей, сделавших арианство привлекательным для германцев и повлиявших на его устойчивость в последующее время: это и архаический понятийный аппарат, наследующий дособорной богословской традиции, особенно на латинском Западе, и чётко обоснованный посреднический характер сотериологической жертвы Христа, воскрешавший в памяти вчерашних язычников-германцев мифы о богах-посредниках и цементирующий этнокультурную идентичность племён, которые объединялись вокруг евхаристической Чаши и из *gentes* постепенно становились *nationes*. Во многом это обусловило устойчивость арианства среди германцев – в частности, визиготов и свегов – после III Толедского собора. В отдалённых областях Галлеции обращение в никейскую ортодоксию часто носило номинальный характер; тем более, большинство пиренейских соборов было озабочено борьбой с более, на первый взгляд, актуальной ересью – присциллианством, затрагивая арианство по остаточному принципу. Тем не менее, некоторые трактаты Мартина Браккарского, в частности, *De Trina Mersione*, были призваны обратить внимание пасомых на ряд арианских по своему происхождению практик, распространённых среди номинальных католиков.

Вопрос – Сохранились ли свидетельства о влиянии арианской традиции на последующее развитие регионального христианства.

– Вопрос о континуитете данных практик и их влиянии на дальнейшие проявления пиренейской гетеродоксии – от адопционизма до антитринитаризма – до сих пор остаётся открытым, поскольку вопрос об «арианстве после арианства» ещё со времён заявлений иезуитских историков XVII в. о непрерывности арианства от Ария до Мигеля Сервета стал предметом постоянных спекуляций. Тем не менее, отдельные указания в катехетических произведениях Мартина Браккарского, постановления поместных соборов, данные археологии и изобразительного искусства, при всей их скудности и разрозненности, всё же позволяют сделать вывод о существовании различных проявлений «параллельной религиозности» среди христиан, населявших земли бывшего Свевского королевства (особенно это касается Асторги, Луго, Браги и прилегающей к ним сельской округи), что сказалось на дальнейших религиозных процессах, предшествовавших по времени арабскому завоеванию Пиренеев.

Дневное заседание открыл доклад А.Ю. Серединой (ИВИ РАН) «На самом виду: католические религиозные практики в пост-реформационном Лондоне». Начиная с 1559 г. и вплоть до 1829 г. католическая литургия, а также и религиозные практики, связанные с почитанием святых и молитвами за души усопших были в Англии вне закона, а сеть католических приходов отсутствовала. Служить мессе католикам приходилось втайне, за закрытыми дверями частных домов. По крайней мере, так принято считать. Однако сохранившиеся свидетельства о жизни лондонских католиков свидетельствуют о присутствии в столице активной общины, религиозные практики которых не были тайной, а едва ли

не открыто проявлялись при дворе, подчас выплескиваясь в публичное пространство Лондона. В докладе особо акцентировалась роль, которую играли капеллы посольств католических стран (Франции, Испании и др.) в религиозной жизни лондонской католической общины. Католические капеллы при посольствах существовали в неопределенном пространстве между частным и публичным, они были средством, причащавшим жителей столицы к вариативности богослужения и толерантности, пусть официально и непризнанной. Для своей паствы часовни оказывались посредниками между барочным католичеством стран, где католическое богослужение было публичным, и «тайными» церквями в Англии.

Вопрос – Как изменилась жизнь католиков в Лондоне и за его пределами после гражданской войны?

– Между 1660 и 1689 гг. их жизнь и религиозные практики напоминали период до 1642 г. В XVIII в., с одной стороны, католики устранились из общественной жизни и становятся менее заметными, а с другой, у них практически воссоздается параллельная и терпимая властями, хотя и не признанная официально сеть приходов.

Вопрос – Каковы были отношения между католиками и представителями «высокой церкви» в Церкви Англии?

– Католики и арминяне (представители течения, которое позднее назовут «высокой церковью»), испытывали друг к другу интерес: читали книги, присутствовали на проповедях, было много обращений (и в ту, и в другую веру). Арминяне часто обвиняли в том, что они – скрытые католики, поэтому они нередко писали антикатолические памфлеты (с целью подчеркнуть свои расхождения с католиками).

Вопрос – Является ли католическая община в Англии XIX в. наследницей католиков раннего Нового времени?

– До середины XIX в. английские католики – это прямые наследники пост-реформационного католического сообщества, с характерными для него обычаями и религиозными практиками. Однако в 1850-х гг. сообщество радикально изменилось за счет притока в Англию католиков-ирландцев. Современная католическая община Британии состоит, в основном, из потомков иммигрантов – ирландцев и других.

Заседание продолжил доклад А.М. Анаяна (ИВИ РАН, Москва) «“Камень, его же небрегоша зиждущий, сей бысть во главу угла”»: роль старейшин общин и девственников-катехизаторов в сохранении католической веры в провинции Сычуань после начала гонений императора Юнчжэна (1678–1735) в 1724 г.». Акцент был сделан на деятельности христиан-миссионеров в Китае после запрета католической миссии и отъезда большинства иностранных священнослужителей и монахов за пределы страны. Китайское духовенство не имело возможности окормлять всех католиков Поднебесной. В результате в Сычуани особую роль в сохранении католической веры сыграли старейшины церковных общин и т.н. “девственницы”. Старейшины, в отсутствие священнослужителей

выполнявшие роль руководителей приходов, сосредоточили в своих руках определённую административную власть (в т.ч. контроль над финансами общин). В отличие от катехизаторов, которые сопровождали священников в их миссионерских путешествиях, старейшины, постоянно осуществляя свое служение в общине, хорошо знали её проблемы, и своим служением придавали ей устойчивость, не давая разбиться «овцам», оставшимся без «пастырей». При этом огромное влияние старейшин в общинах, вызвало недовольство церковного начальства, которое прямо обвинило их в превышение своих полномочий и попытках захватить власть в приходах. Посвятившие себя Богу женщины, иногда даже проживали не в общинах, а со своими родственниками. Девственницы оглашали катехуменов женского пола, наставляли уже крещённых китайок в католической вере, часто собственноручно крестили катехуменов женского пола. Несмотря на заслуги девственниц в деле сохранения веры, апостольские администраторы Сычуани долгое время продолжали относиться к этому движению с большим недоверием, и видели свою задачу в его стандартизации и получении девственницами своего устава.

В ходе обсуждения доклада были проведены аналогии между институтами сычуаньских девственниц-катехизаторов и посвященных Христу дев христианской общины I–IV вв., «черничек» Российской империи XIX в. Отмечалось, что официальная церковная иерархия всегда с некоторым подозрением относилась к подобным движениям и стремилась подмять их под себя, стандартизировать и дать им устав.

Вопрос – Кто избирался церковными старейшинами в христианских общинах Сычуаня?

– Старейшинами обыкновенно становились зрелые мужчины с хорошей репутацией.

В заключительном докладе «Что такое крипторелигиозность применительно к практикам православных групп советского периода, или насколько тайным было церковное подполье?» А.Л. Беглов (ИВИ РАН) поднял ряд вопросов, связанных со спецификой религиозной жизни христиан в условиях гонений на Церковь в СССР. В документах 1930–1950-х гг. мы находим множество сообщений о ярких проявлениях религиозности со стороны православных групп, тем или иным способом и с разной степенью радикальности противопоставлявших себя окружающему их социально-политическому строю. Казалось бы, их религиозность должна была быть по-настоящему тайной, незаметной. Однако на деле она оказывается в чем-то демонстративной. Действительно тайную религиозность как стратегию поведения мы найдем в среде совсем других групп, гораздо более лояльных по отношению к советской действительности. Так, с 1940-х до конца 1950-х гг. документы дают многочисленные примеры нелегальной, запрещенной властями, но совсем не тайной религиозности. В 1943 г. из Пензенской области поступило сообщение о стихийном молебне – демонстрации; самозатор во время войны;

массовые паломничества с десятками тысяч участников второй половины 40-х, наконец, новое издание демонстративного затвора в конце 50-х и случай вологодских «сектантов», ждавших конца света в 1964 г. Что их объединяет? – все действия демонстративны – они подпольны (нелегальны), но не крипторелигиозны. При этом демонстрация своей религиозности становится инструментом изоляции, размежевания с миром. Другая стратегия обнаруживается в тайных монашеских общинах – особенно ярко Петроградско-Среднеазиатские общины и общины Высоко-Петровского монастыря в Москве. Призыв одного из наставников последних «монашествовать в сердце» и свидетельство члена первых о том, что «церковность свою мы не афишировали». Здесь главное аскетическая практика, пребывание в ней, как следствие – действительно тайная религиозность, и как следствие – инкультурация, вхождение в советский социальный и культурный контекст, а не изоляция.

Вопрос – Почему центром ряда аскетических и харизматических движений являлся центрально-черноземный регион?

– По-видимому, этот феномен был связан с выгодными для ведения сельского хозяйства условиями региона. Урожайность почв, и как следствие возможность ведения экономически выгодного сельского хозяйства, способствовала меньшему развитию отходничества, менее тесным культурным связям с городом, в результате чего в регионе консервировались архаичные формы крестьянской религиозности:

***

Таким образом, в ходе встречи были проанализированы стратегии, которые брали на вооружения последователи запрещенных властями учений, выявлено общее и частное в ритуальных традициях, практиковавшихся в условиях вынужденной секретности, показано типологическое сходство и отличия реакций последователей различных верований на обстоятельства, вынуждавшие их скрывать свои религиозные обряды. Может быть, сделать акцент на многочисленных параллелях, продемонстрированных участниками дискуссии между крипторелигиозными движениями различных эпох и регионов. Похоже, ситуация религиозной дискриминации запускает схожие механизмы адаптации, которые можно проследить на самом разном материале.

Ведешкин Михаил Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; Balatar@mail.ru

Religio Arcana: Cryptoreligious Practices from Antiquity to the 20th Century (the Materials of the Round Table)

The author analyses the reports presented and discussed at the “Religio arcana: Cryptoreligious Practices from Antiquity to the 20th Century” round table, which took place on November 28, 2024, at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: *crypto-religiosity, paganism, Christianity, religious persecution, social conformity.*

Mikhail Vedeshkin, Ph.D. in History senior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Balatar@mail.ru

CONTENTS

History and Theory

Andrei Sokolov

Methodological Vector of the Study of History
(1950s – Beginning of the XXI Century)..... 5

Dmitry Gorin

Grammatical Tropes and the Repetition in History
Socio-Epistemological Perspectives..... 17

Intellectual History Today

German Ragozin

Austrian Conservatism between the late XVIII and the first third of the XIX century
in German-Speaking Historiography after 1945..... 31

Tadeusz Kruczkowski

The Polish Question in Russia in the XIX – early XX century
in the Assessment of N. I. Kareev..... 47

Turygin Alexander

Pan-German League and Proclamations of German Professors in 1914–1915
(in the Memoirs of Dietrich Schäfer)..... 63

Tatiana Skorokhodova

The experience in discovery of Ancient India's history: the works of Rajendralal Mitra
and the historical consciousness of the Bengal Renaissance..... 80

Ekaterina Zharova

Alexander Volkov (1844–1928): How a Painter Didn't Become a Botanist..... 98

Lyubov Sidorova

Reflection of the Personality of the Historian as Provided by Texts
M.V. Nechkina and her work "V.O. Klyuchevsky"..... 114

Tamara Bulygina, Marina Kolesnikova

Historical Science and History Education in Stavropol Krai
as Components of the Local and National Intellectual Space
Formation of the Higher Education System in the Region (Article 1)..... 131

Konstantin Kurylev

Freemasonry in Europe and the USA: History and Modernity..... 148

Images of the Past: History and Memory

Natalia Gorskaya

Historical Memory and Participation of Smolyan People
in the Practice of Commemoration of Military History of the XIX Century
(the Example of the Patriotic War of 1812 and the Russian-Turkish War of 1877–1878) 164

Kirill Zverev

The Holocaust in the Baltics: Modern Assessments in Local Historical Discourse..... 178

Svetlana Bykova, Alina Sergeeva

"Ambiguous Past": Anniversary Discussion on the GDR in «Der Spiegel» 2015..... 189

Ksenya Maretina

On the Issue of Actualization of the Intangible Cultural Heritage
Ancient Indian Epics in Modern India..... 204

In the Space of Cultural History

Kirill Maksimovich

Princeps Super Omnem Terram. The Ideology of the Primacy of the Roman See in the Correspondence of Pope Nicholas I (858–867) with Emperor Michael III..... 215

Maria Filimonova

The Concept of 'Gentility' in American Everyday Life in the second half of the XVIII century..... 231

Alexander Medyakov

From Landscape to Metaphor

The German Image of the "Steppe" in the 17th – 19th Centuries..... 248

Svetlana Klimova

"To Write as Man to Man": Three Letters to One Emperor..... 264

Kseniia Rodionova

The Struggle Against the Crist-Believers

in the Exclusion Zone of the Chinese-Eastern Railway..... 281

Sergey Buranok, Margarita Tuluzakova

Palestine in the Assessment of US Press (1917–1919)..... 296

Olga Bolotova

Tram Pole and Revolutionist's Pants

the Birth of the Formula of the Soviet Historical and Revolutionary Museum..... 311

Yulia Slozhenikina, Inna Penkovskaya

Socratic Dialogue as A Teaching Method: Sergei Eisenstein..... 325

Anna Popova

The Daily Life of Soviet Resort Residents in the 1950s – 1970s

Insights from Citizens' Appeals..... 342

Translations and Publications

Maya Petrova. To the translation of Donatus' *Ars Grammatica* (III, 6) 357

Reading Club

Nikolay Gudalov

Thinking About Our Nature Anew..... 375

Marina Loskutova

Historical Memory and Feelings in the Russian Policy towards Poland

in the first three decades of the 19th century..... 382

Maksim M. Gorelov

The Viking Age from the perspective of an interdisciplinary approach..... 389

Darya Skudnyakova

Perepisnaya kniga of Arzamas uezd in 1646..... 396

Academic Life

Mikhail Vedeshkin

Religio Arcana: Cryptoreligious Practices from Antiquity to the 20th Century

(the materials of the Round Table)..... 401

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

<i>А.Б. СОКОЛОВ</i> Методологический вектор исторического познания (1950-е гг. – начало XXI в.)	5
<i>Д.Г. ГОРИН</i> Грамматические тропы и повторяемость в истории социально-эпистемологические ракурсы.....	17

Интеллектуальная история сегодня

<i>Г.С. РАГОЗИН</i> Австрийский консерватизм конца XVIII – первой трети XIX века в немецкоязычной историографии после 1945 г.....	31
<i>Т.Т. КРУЧКОВСКИЙ</i> Польский вопрос в России XIX– начала XX Века в оценке Н.И. Кареева. Ч. 2...	47
<i>А.А. ТУРЫГИН</i> Пангерманский союз и воззвания немецких профессоров в 1914–1915 гг. (по воспоминаниям Д. Шефера).....	63
<i>Т.Г. СКОРОХОДОВА</i> Опыт открытия истории древней Индии: труды Раджендролала Митро и историческое сознание Бенгальского Возрождения.....	80
<i>Е.Ю. ЖАРОВА</i> А.Н. Волков (1844–1928): как художник не стал ботаником.....	98
<i>Л.А. СИДОРОВА</i> Отражение личности историка в его текстах М.В. Нечкина и ее работа «В.О. Ключевский».....	114
<i>Т.А. БУЛЫГИНА, М.Е. КОЛЕСНИКОВА</i> Историческая наука и историческое образование на Ставрополье как составляющие локального и общенационального интеллектуального пространства: становление системы высшего образования в крае (Статья 1)...	131
<i>К.П. КУРЫЛЕВ</i> Развитие масонства в Европе и США на современном этапе.....	148

Образы прошлого: история и память

<i>Н.И. ГОРСКАЯ</i> Историческая память и участие смолян в практиках коммеморации военной истории XIX века (на примере Отечественной войны 1812 г. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)	164
<i>К.А. ЗВЕРЕВ</i> Холокост в Прибалтике современные оценки в местном историческом дискурсе.....	178
<i>С. И. БЫКОВА, А.А. СЕРГЕЕВА</i> Неоднозначное прошлое» юбилейная дискуссия о ГДР в журнале «Der Spiegel», 2015.....	189
<i>К.А. МАРЕТИНА</i> К вопросу актуализации нематериального культурного наследия древнеиндийские эпосы в современной Индии.....	204

В пространстве культурной истории

<i>К.А. МАКСИМОВИЧ</i> Princeps super omnem terram. Идеология первенства Римской кафедры в переписке папы Николая I (858–867) с императором Михаилом III	215
<i>М.А. ФИЛИМОНОВА</i> Представления о «жантильности» в американской повседневности второй половины XVIII века.....	231
<i>А.С. МЕДЯКОВ</i> От ландшафта к метафоре: немецкий образ «степи» XVII–XIX вв.....	248
<i>С.М. КЛИМОВА</i> «Писать, как человек человеку»: три письма одному императору.....	264
<i>К.И. РОДИОНОВА</i> Борьба с христоверами в полосе отчуждения китайско-восточной железной дороги.....	281
<i>С.О. БУРАНОК, М.И. ТУЛУЗАКОВА</i> Палестина в оценках периодической печати США (1917–1919).....	296
<i>О.В. БОЛОТОВА</i> Трамвайный столб и штаны революционера рождение формулы советского историко-революционного музея.....	311
<i>Ю.В. СЛОЖЕНИКИНА, И.И. ПЕНЬКОВСКАЯ</i> Сократический диалог как учебный метод: Сергей Эйзенштейн.....	325
<i>А.Д. ПОПОВА</i> Из жизни отдыхающих: повседневная жизнь советских курортников эпохи «развитого» социализма по обращениям граждан.....	342

Переводы и публикации

<i>М.С. ПЕТРОВА</i> Донат. Грамматист города Рима. Грамматическая наука. III. б.....	357
---	-----

Читая книги...

<i>Н.Н. ГУДАЛОВ</i> Снова о нашей природе.....	375
<i>М.В. ЛОСКУТОВА</i> Историческая память и чувства в российской политике по отношению к Польше первой трети XIX века	382
<i>М.М. ГОРЕЛОВ</i> Эпоха викингов в ракурсе междисциплинарного подхода.....	389
<i>Д.С. СКУДНЯКОВА</i> Переписная книга Арзамасского уезда 1646 г.....	396

Научная жизнь

<i>М.А. ВЕДЕШКИН</i> Religio asana: крипторелигиозные практики от Античности до XX века (по материалам круглого стола)	401
CONTENTS.....	409